

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Подъ редакціей Д. Н. Королькова.

Фридрихъ Фрѣбель.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Томъ II.

ДѢТСКІЙ САДЪ.

(Дѣтскія игры. Устройство дѣтскаго сада).

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Н. СОКОЛОВА.

Цѣна ~~1 руб.~~ 6. въ переплетѣ.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.

Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

1913.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва,
Чистые пруды, Мильниковъ пер., соб. д.

Содержаніе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе редактора русскаго изданія	I
Предисловіе Фр. Зейделя	1
I. Фридрихъ Фрѣбель. Основныя положенія его педагогиче- ски, его средства и приемы воспитанія, а также его педагогическія тенденціи и цѣли и ихъ отношеніе къ стремленіямъ и требованіямъ вѣка	5
II. Жизнь ребенка. Первоначальная дѣятельность ре- бенка	49
III. Мячъ, первая дѣтская игрушка	59
IV. Пѣсни при игрѣ въ мячъ	92
Вступительныя пѣсни	100
Пѣсенки для игръ	102
Заключительныя пѣсни	132
V. Дальнѣйшее развитіе ребенка и большая сложность игры въ мячъ	134
VI. Игры ребенка въ соотвѣтствіи съ его развитіемъ и со- вокупностью окружающихъ его живенныхъ условій	154
VII. Шаръ и кубикъ, какъ вторая игрушка ребенка	161
Пѣсни для игры съ шаромъ и кубикомъ	192
VIII. Шаръ и кубикъ, какъ средство для изображенія дру- гихъ предметовъ	207
IX. Первый обаоръ игръ, или средствъ для воспитанія стремленія къ занятіямъ у дѣтей	212
X. Третья игра ребенка	216
XI. Четвертая игра ребенка	257
XII. Второй обаоръ игръ, или средствъ для воспитанія стремленія къ занятіямъ у дѣтей	293
XIII. Пятая игра ребенка, или кубикъ, равномѣрно раздѣ- ленный по всѣмъ направленіямъ на малепніе куби- ки, которые въ свою очередь дѣлятся наискось по діагонали пополамъ	298
XIV. Складываніе нивъ бумаги	338

	<i>Стр.</i>
XV. Складываніе изъ палочекъ	363
XVI. Страсть ребенка рисовать	397
XVII. Подвижныя игры, какъ цѣлое, выводимое изъ жизни ребенка и наклонности его къ игрѣ	423
XVIII. Сады дѣтей въ дѣтскихъ садахъ	511
XIX. Дѣтскій, юношескій и народный праздникъ въ Альтен- штейнѣ въ Мейнингенѣ 4-го августа 1850 года . . .	520
XX. Строительныя пѣсни	559

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

«Gar hoher Sinn liegt oft im Kindesspiel». Schiller.

Значеніе Фридриха Фрѣбеля въ исторіи педагогики преимущественно опирается на его «Дѣтскомъ садѣ». Попытки организовать воспитаніе и образованіе дѣтей дошкольнаго возраста неоднократно дѣлались въ различныхъ странахъ, особенно начиная со второй половины XVIII вѣка, но только Фрѣбелю было суждено разрѣшить этотъ огромной важности вопросъ, и его дѣтскіе сады для малолѣтнихъ дѣтей распространились по всѣмъ культурнымъ странамъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ приняты въ систему правительственныхъ школъ. Въ разработкѣ «дѣтскаго сада» нашелъ себѣ всестороннее выраженіе и примѣненіе творческій талантъ Фрѣбеля. Говоря словами нѣмецкаго издателя и редактора сочиненій Фрѣбеля—Зейделя, «по оригинальности, полнотѣ и глубинѣ своихъ педагогическихъ идей Фрѣбель, несомнѣнно, является однимъ изъ величайшихъ педагоговъ всего культурнаго міра». Идея дѣтскаго сада была разработана Фрѣбелемъ весьма широко. Сюда входили, кромѣ учрежденія для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, подготовка дѣтскихъ садовниихъ и садовниковъ, распространеніе

дѣтскихъ игръ и періодическія изданія для поддержанія связи между родителями и воспитателями. Въ настоящее время дѣтскимъ садомъ называется только учрежденіе, предназначенное для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей.

Основнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ Фрѣбеля была идея «всесторонняго единства жизни», какъ духовной, такъ и матеріальной. Вся внутренняя жизнь отдѣльнаго человѣка, цѣлаго народа и всего человѣчества представляетъ собою единство. Высшая задача и цѣль воспитанія—развить изъ этого заложеннаго въ дунѣ ребенка единства—гармоническое разнообразіе. Поэтому всякое первоначальное воспитаніе человѣка должно ставить своей главной цѣлью полное сближеніе ребенка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи съ природой и со всѣмъ міровымъ цѣлымъ.

Одно физическое попеченіе о ребенкѣ, говоритъ Фрѣбель, мало привязываетъ его къ лицу, окружающему его такими заботами. Любовь и уваженіе, которыми проникаются дѣти по отношенію къ родителямъ, взрослымъ и старшимъ, приобрѣтаются тѣмъ, что дѣлается для разумнаго развитія духовной жизни дѣтей. Заботы о воспитаніи въ ребенкѣ внутренняго и духовнаго элемента должны начинаться немедленно послѣ появленія ребенка на свѣтъ. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ человѣкъ показываетъ себя творческой сущностью. Какъ только ребенокъ въ состояніи овладѣть подходящимъ матеріаломъ, онъ стремится проявить свою силу въ творествѣ, въ

разнообразныхъ картинахъ и формахъ. Это изображеніе своего внутренняго міра, это «творчество изъ себя» выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ ребенка, но особенно въ его играхъ съ мячомъ, шаромъ, кубиками, брусочками, камешками и т. п. Игры имѣютъ для ребенка огромное значеніе и величайшую серьезность, такъ какъ въ нихъ онъ объективируетъ свою внутреннюю жизнь. Въ окружающихъ его предметахъ ребенокъ предполагаетъ жизнь и устанавливаетъ съ ними извѣстныя отношенія. Во внѣшнихъ предметахъ ребенокъ видитъ отраженіе своей внутренней жизни и стремится наблюдать ее въ нихъ и освѣщать при помощи ихъ сознаніемъ. «Игра побуждаетъ ребенка къ мысленію, приводитъ въ дѣйствіе его чувства и его волю, вліяетъ на его характеръ, умъ и поступки». Въ игрѣ отражается весь внутренній и внѣшній міръ ребенка, и, при разумномъ веденіи игры, она является путемъ, соединяющимъ внутренній міръ ребенка и внѣшнія явленія жизни. Въ дѣтскомъ саду жизнь для ребенка можетъ получить свое полное содержаніе, которымъ опредѣляется все дальнѣйшее физическое, нравственное и умственное развитіе чело- вѣка. Въ виду огромнаго значенія развитія ребенка въ дошкольномъ возрастѣ, подъ руководствомъ матери и въ дѣтскомъ саду, Фрѣбель предложилъ свои шесть «даровъ», т.-е. рядъ игръ, съ которыми должно знакомить ребенка послѣдовательно. Какъ ни высоко ставилъ Фрѣбель предложенныя имъ «дары» игръ, важнѣе всего въ его глазахъ былъ духъ игръ, руководство ими и

тѣсная связь ихъ со всей индивидуальностью ребенка. Вотъ почему онъ придавалъ огромное значеніе подготовкѣ руководителей и руководительницъ дѣтскихъ садовъ, дѣтскихъ садовниковъ и дѣтскихъ садовницъ. При начальномъ воспитаніи и образованіи должно обращать вниманіе на индивидуальность ребенка и сообразоваться съ нею. При воспитаніи нужно имѣть въ виду всю физическую и нравственную природу ребенка, его разсудокъ, способность воспріятія и чувства. Нужно стараться, какъ можно, глубже проникнуть въ жизнь ребенка, въ тѣ запросы, которые являются у него сообразно съ данной ступеню его развитія, а равно и обращать вниманіе на окружающую ребенка обстановку. «Внутренній міръ ребенка, его жизнь и дѣятельность должны быть постоянно главнымъ предметомъ при наблюденіи и толкованіи фактовъ дѣтской жизни, при уходѣ за ребенкомъ, при его воспитаніи и образованіи». Лишь такимъ образомъ мы можемъ развить въ ребенкѣ самообладаніе, самостоятельность, способность преодолевать внѣшнія препятствія собственными усилиями воли; единственно этимъ обезпечивается человѣку въ жизни, въ его собственномъ сознаніи, миръ, высшая радость и свобода. Но наиболѣе важное значеніе имѣетъ развитіе въ ребенкѣ съ раннихъ лѣтъ свѣтлаго настроенія мысли и чувства и удаленіе мрачнаго, непривѣтливаго настроенія и гибельной угрюмости. Чувство пріятнаго, чувство правды и справедливости должны проникать всѣ дѣйствія ребенка. «Вся жизнь человѣка и человѣчества есть еди-

ная жизнь воспитанія». Сообразно съ этимъ воспитаніе налагаетъ свою неизгладимую печать на мать ребенка, на всю его семью, на воспитателей, на общество и на весь народъ.

Высокое призваніе и назначеніе женщины—воспитывать челоѡчество. Подъ вліяніемъ воспитанія у самой матери становится инымъ весь складъ ея духовной жизни, и измѣняется ея отношеніе по внѣшнему міру. Такое же сильное вліяніе оказываетъ уходъ за дѣтьми и на воспитателей. Воспитатели должны ставить своимъ девизомъ великія слова: «Будемъ жить для нашихъ дѣтей!» Отношеніе къ ребенку должно быть серьезнымъ. Нормальный ребенокъ вовсе не нуждается руководства со стороны взрослыхъ и не желаетъ быть предоставленнымъ самому себѣ. Съ самаго ранняго дѣтства ребенокъ долженъ воспринимать, ощущать и наблюдать жизнь и, по мѣрѣ своихъ развивающихся силъ, понимать ея смыслъ и значеніе. Но при этомъ, подъ непрестаннымъ руководствомъ матери или воспитателя, умственный кругозоръ ребенка долженъ расширяться постепенно и послѣдовательно. Мать и воспитатель сосредоточиваютъ свое вниманіе на томъ же предметѣ, какъ и ребенокъ, анализируютъ свое собственное настроеніе и живутъ съ ребенкомъ общей духовной жизнью. Такимъ образомъ подготавливается «чисто челоѡческая общая жизнь въ области ума и чувства, единство жизни». Игры соединяютъ ребенка и воспитывающаго взрослого въ одно цѣлое, чтобы дать ребенку и челоѡку всестороннее гармоническое духовное развитіе:

нравственное, эстетическое и умственное. Плоды такого воспитанія сказываются не только въ жизни ребенка, но и въ развитіи всей семьи, школы и общественной жизни. Воспитаніе ребенка получаетъ такимъ образомъ огромное общественное и національное значеніе. Будущность народовъ находится въ рукахъ матерей и воспитателей: «In den Kindern liegt das Samenkorn der Zukunft».

Языкъ Фрѣбеля представляетъ иногда затрудненія даже для опытныхъ нѣмецкихъ педагоговъ. Причина этого отчасти заключается въ его устарѣлости, запутанности и высокопарности, которая вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ элементарнымъ понятіямъ, о которыхъ трактуетъ Фрѣбель. Но главной причиной затрудненій при чтеніи и изученіи Фрѣбеля является то, что, описывая простыя дѣтскія игры, онъ не даетъ рисунковъ, которые бы поясняли текстъ.

Въ предложенномъ томѣ сочиненій Фрѣбеля весьма видное мѣсто занимаютъ дѣтскія пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ положены на ноты. Стихотворный переводъ всѣхъ пѣсенъ принадлежитъ А. А. Коринфскому, а музыка была пересмотрѣна и редактирована А. Э. Кенеманомъ.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность преподавателю нѣмецкаго языка Лицея Цесаревича Николая и Московской гимназій имени Григорія Шелапутина Р. Р. Гентцельту, который съ исключительной любезностью взялъ на себя выяснить нѣсколько особенно трудныхъ мѣстъ подлинника. Приношу также благодарность завѣдую-

шему Московскимъ Реформатскимъ Училищемъ М. О. Бергу, предложившему рисунки для поясненія 311 и 318 страницъ перевода, и директору лейпцигскаго реального училища д-ру Р. Шмидту, который съ большой готовностью высказалъ свой взглядъ на нѣкоторые, предложенные Фрѣбелемъ, приемы при занятіяхъ съ дѣтьми.

ПРЕДИСЛОВІЕ ФР. ЗЕЙДЕЛЯ.

Фр. Фрѣбель изложилъ свои мысли о дѣтскомъ садѣ—его сущности и играхъ и занятіяхъ въ немъ—главнымъ образомъ въ *трехъ періодическихкихъ изданіяхъ*, которыя появлялись въ свѣтъ или подъ его личнымъ руководствомъ, или же подъ чужимъ, но по его иниціативѣ и въ *его собственномъ изданіи*. Такой способъ опубликованія былъ, конечно, одной изъ главныхъ причинъ того, что творенія и мысли Фрѣбеля распространились до сихъ иоръ такъ медленно.

Эти періодическія изданія были слѣдующія: 1) «*Давайте жить для нашихъ дѣтей!* Зародыни, почки, цвѣты и плоды совмѣстной работы группы объединенныхъ семей Германні, Швейцарні и Сѣверной Америки въ дѣлѣ выполненія этого взаимнаго призыва. *Воскресный Листокъ* для единомышленниковъ въ педагогикѣ, при дѣятельномъ ихъ сотрудничествѣ, издаваемый Фридрихомъ Фрѣбелемъ и его друзьями по педагогической дѣятельности. 1838 и 1840 г.г.» Два тома въ кварту со многими фигурами и нотами въ текстѣ.

Изъ этого журнала, который друзья Фрѣбеля называли просто «Воскреснымъ Листкомъ» и который служитъ главнымъ источникомъ для ознакомленія съ дѣтскимъ садомъ, здѣсь помѣщены главы II, III и V—XIII.

2) «*Еженедельникъ Фридриха Фрѣбеля*. Объединенный органъ для всѣхъ друзей воспитанія человека. Редакторъ *Вихардъ Ланге*. 1850 г.» Одинъ томъ въ кварту. Съ таблицей фигуръ и со многими образцами нотъ.

Изъ него мы взяли главы I, XIV и XVI—XIX. Въ XVII главѣ «Подвижныя игры» принимали большое участіе въ доставкѣ текстовъ игръ и мелодій друзья Фрѣбеля Вильгельмъ Миддендорфъ и особенно Генрихъ Лангеталь. Выдѣлить ихъ работу изъ общей массы безъ вреда для цѣлаго было бы невозможно. Поэтому, эта глава оставлена безъ измѣненій.

3) «*Журналъ*, содержаній въ себѣ изложеніе *попытокъ Фридриха Фрѣбеля* по проведенію идеи развивающе-воспитывающаго образованія въ цѣляхъ всесторонняго объединенія жизни. Изданіе *Фр. Фрѣбеля* и объединенныхъ съ нимъ друзей. Подъ редакціей д-ра *Бруно Маркварта*, начальника одного образовательнаго учрежденія въ Дрезденѣ. 1851 г.» Одинъ томъ въ октаву съ таблицей фигуръ и со многими образцами нотъ.

Отсюда взята наша XV глава.

Кромѣ трехъ названныхъ журналовъ, *Фрѣбель* выпустилъ, также въ своемъ изданіи, еще такъ называемые «*Дары игръ*» (Spielgaben)—ящички для игръ съ таблицами фигуръ, содержаніе болѣе подробныя разъясненія для игръ и занятій, описанныхъ въ «Воскресномъ Листкѣ».

Далѣе, появились въ изданіи *Фрѣбеля* «*Сто пьсенъ* къ играмъ въ мячъ, практиковавшимся въ дѣтскомъ саду въ Бланкенбургѣ, около Рудоль-

штата. На музыку положилъ для двухъ голосовъ *Робертъ Коль*. 1844 г.». Одинъ томъ въ 16-ю долю листа.

Къ этому изданію Фрѣбель написалъ введенеіе въ 8 страницъ. Эти пѣсни и существенная часть введенія образуютъ у насъ IV главу.

Робертъ Коль былъ законоучителемъ въ Кейлау, а впослѣдствіи священникомъ въ королевствѣ Саксоніи. Его аранжировки фрѣбелевскихъ текстовъ пѣсенъ обнаруживаютъ недюжинный композиторскій талантъ и въ изобиліи перенли въ дѣтскіе сады, но заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя недочеты по части распредѣленія на такты, обозначенія нотъ и голосоведенія. Мы принуждены были устранить ихъ, не измѣняя, однако, оригинала до неузнаваемости. А именно, ббльшую часть этихъ пѣсенъ мы должны были транспонировать на 1—2 тона.

Нѣчто подобное случилось и съ пѣснями *Лангеталя*, которыя иногда оказывались положенными на кварту выше нормальнаго тона.

Глава XX «*Строительныя пѣсни*», дополненіе къ главѣ о «Ящикахъ для построекъ», первоначально появилась еще при самомъ Фрѣбелѣ въ качествѣ отдѣльной брошюры. Она до сихъ поръ мало извѣстна. И въ этихъ пѣсняхъ, именно въ пѣсняхъ, принадлежащихъ Р. Колю, пришлось кое-что исправить по части нотъ.

Такъ какъ *Фрѣбель* изложилъ и обнародовалъ свои мысли о дѣтскомъ садѣ не *заразъ*, а въ нѣсколько отдѣльныхъ приемовъ, то невозможно было избѣжать повторенія нѣкоторыхъ мыслей.

Невозможно было и здѣсь намъ обойтись безъ этого безъ вреда для дѣла. При глубинѣ и полнотѣ его мыслей рѣшительно нельзя считать недостаткомъ повтореніе одной и той же мысли по два и болѣе разъ, особенно, въ виду того, что каждый разъ эта мысль излагается въ иной формѣ и въ иной связи.

Ни одна изъ главъ настоящаго тома не осталась совершенно въ томъ же видѣ, какъ она была первоначально написана. Приходилось устранять кое-какія вставки или измѣнять неправильныя конструкции и пунктуацію, чтобы сдѣлать болѣе ясной мысль Фрѣбеля. Только тотъ, кто самъ знаетъ оригиналъ и познакомился съ его стилемъ, сумѣетъ вполнѣ оцѣнить настоящую работу.

Если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ стилистическихъ недочетовъ Фрѣбеля, которые по сравненію съ содержащемъ являются совершенно незначительными, то, по оригинальности, полнотѣ и глубинѣ своихъ педагогическихъ мыслей, Фрѣбель, несомнѣнно, является однимъ изъ величайшихъ педагоговъ всего культурнаго міра. Пусть же его славный возвышенный духъ благосклонно обратитъ свой милостивый взоръ на этотъ трудъ, предпринятый исключительно въ честь его!

Веймаръ, февраль 1883 г.

ГЛАВА I.

Фридрихъ Фрѣбель.

Основныя положенія его педагогини, его средства и приемы воспитанія, а также его педагогическіи тенденціи и цѣли и ихъ отношеніе къ стремленіямъ и требованіямъ вѣка.

Въ изложеніи *самого Фрѣбеля.*

Въ настоящее время, въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ человекъ, въ какомъ бы званіи и при какомъ бы родѣ дѣятельности онъ ни находился, вездѣ онъ принужденъ, смотря по занимаемому имъ положенію,—внимательно относиться къ различнымъ явленіямъ и разнообразнымъ фактамъ современной окружающей насъ дѣйствительности.

Но если мы отвратимъ взоры отъ этихъ многообразныхъ явленій нашего времени, какъ бы сильно и настойчиво ни было ихъ воздѣйствіе на нашъ духовный складъ, на наше настроеніе, на нашу жизнь, если мы обратимъ свое вниманіе на самый характеръ времени и постараемся окинуть единымъ взоромъ цѣлое, прослѣдить его первопричины и первоосновы, его внутренній духъ и цѣли, то передъ нами окажется слѣдующая картина. То, что повсюду сплошь приводитъ въ движеніе отдѣльныхъ людей и цѣлыя народы, что сообщаетъ эпохѣ ея характеръ, ея общій отпечатокъ, образуешь духъ времени и опредѣляетъ цѣль его стремлений,—есть побужденіе, стремленію къ развитію, къ совершенствованію, къ прогрессу,—однимъ словомъ, „воспитаніе“, стремленіе къ воспитанію.

Если мы станемъ искать внутренней первопричины этого стремленія, то она предстанетъ передъ нами въ видѣ очень близкаго намъ, безпрерывно продолжающагося явле-

ніл, а именно, она окажется— въ круговращеніи, періодичности и цикличности почти всѣхъ явленій въ жизни. То, что мы наблюдаемъ ежедневно въ смѣнѣ дня и ночи, ежегодно въ смѣнѣ временъ года, а на насъ самихъ — въ смѣнѣ возрастовъ жизни, то же самое повторяется и со всѣмъ человѣческимъ родомъ, со всѣмъ человечествомъ, если разсматривать его, подобно отдѣльному человѣку, какъ нѣчто цѣльное. И оно точно такъ же переживаетъ свои „времена года“; въ такой же неизбежной необходимости, въ строгомъ порядкѣ и съ ненарушимой послѣдовательностью проходитъ огромные промежутки, эпохи своей жизни, съ тою только разницею, что здѣсь промежутки измѣряются тысячелѣтіями, а тамъ—мѣсяцами, недѣлями и днями.

Въ началѣ одного изъ такихъ большихъ, рѣзко очерченныхъ промежутковъ времени, одного изъ періодовъ развитія человечества и жизни стоимъ мы теперь; уже нѣкоторое время мы живемъ въ немъ, не удѣляя однако ему особеннаго и серьезнаго вниманія и интереса, которыхъ онъ вполне заслуживаетъ. Это послѣднее было бы трудно объяснить, если бы люди, вообще, не обладали свойствомъ часто съ величайшимъ ущербомъ для самихъ себя, не замѣчать и меньше всего цѣнить то, что вмѣ ближе всего, какъ, напр., воздухъ, свѣтъ, воду, хотя все это въ высшей степени важно для самаго ихъ существованія. Точно такъ же только немногіе замѣчаютъ моментъ и точное время смѣны дня и ночи, временъ года и другихъ періодическихъ и циклическихъ явленій и, благодаря этому, мы не чувствуемъ ни конца одного періода, ни начала другого, хотя они строго опредѣлены часами, минутами и т. д. Большая же часть обыкновенныхъ людей только тогда замѣчаетъ настоящее наступленіе новой эпохи, новаго періода, прогрессивнаго развитія, когда оно давно уже совершилось, давно уже миновало. То же происходитъ теперь и съ переживаемой нами эпохой. Только теперь начинаютъ все болѣе и болѣе распознавать въ ней наступленіе чего-то совершенно новаго, не оцѣнивая и сейчасъ еще въ полной мѣрѣ того, что, къ сожалѣнію, уже жестоко мститъ за себя, подобно тому, какъ

и всякое пренебреженіе законами естественнаго развитія въ жизни влечетъ за собой вполнѣ естественныя и часто при- скорбныя послѣдствія.

Естественно-историческое и особенно астрономическое, космологическое истолкованіе жизни и исторіи человѣческаго рода проясняетъ и потому весьма значительно облегчаетъ намъ жизнь и ея пониманіе, и мы сейчасъ увидимъ, какъ это сказывается въ характерѣ переживаемой нами эпохи, въ ея преимущественно воспитательныхъ тенденціяхъ, особенно у людей вапада, а среди нихъ, преимущественно, у насъ, жителей Германіи.

Вся жизнь человѣка и человѣчества есть единая жизнь воспитанія; если мы примемъ это въ соображеніе, то намъ напрашивается такая мысль: что же это такое, благодаря чему наше время проявляетъ себя преимущественно передъ другими эпохами, какъ время воспитательныхъ тенденцій, прогресса человѣческаго рода, человѣчества?

Въ качествѣ главнаго основнаго положенія для удовлетво- рительнаго рѣшенія этого столь важнаго для насъ вопроса для насъ является прежде всего слѣдующее. Для человѣка истинно только то, что находится въ предѣлахъ его яснаго сознанія, что вполнѣ прошло черезъ это сознаніе, какъ бы снова возродилось въ его душѣ; и притомъ именно было опознано снова такимъ же созна- тельнымъ путемъ и не только, какъ нѣчто единичное, но какъ живой членъ извѣстнаго болѣе крупнаго цѣлаго.

Но чтò имѣетъ значеніе для отдѣльнаго индивидуума и прежде всего для отдѣльнаго человѣка, то сохраняетъ свою силу, какъ уже было сказано выше, и для всего человѣче- скаго рода; и для него собственно, несомнѣнно, существуетъ и истинно только то, что прошло черезъ сознаніе всѣхъ, по возможности, безъ исключенія и благодаря чему и самъ родъ человѣческій познается и оцѣнивается не только, какъ нѣчто цѣлое и единичное, но и какъ составная часть высшаго далеко расчлененнаго цѣлаго.

Во-вторыхъ, основательный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ зависитъ также и отъ другого обстоятельства, а

именно: эпоху обозначает собою исключительно только такой фактъ, который наблюдается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ цѣлой массѣ независимыхъ другъ отъ друга индивидуумовъ. Поэтому то, что до сихъ поръ дѣйствительно проводилось въ жизнь и осуществлялось въ качествѣ воспитательнаго мотива стараніями отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ народовъ, а также достаточно чувствовалось и другими, было предметомъ ихъ стремленій и все больше и больше доводилось до сознанія отдѣльныхъ индивидуумовъ,—это должно (по возможности или въ соответствующихъ размѣрахъ) сознательно проводиться въ жизнь и большинствомъ, какъ нѣкоторымъ духовно объединеннымъ цѣлымъ, должно отразиться на его настроеніи и найти себѣ мѣсто въ его духовномъ мірѣ; хотя и предыдущія эпохи обнаруживали воспитательныя тенденціи, какъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, такъ и въ общей картинѣ жизни, однако у нихъ всегда недоставало или общности, или яснаго сознанія ихъ стремленій. И то, и другое, внутренне соединенное другъ съ другомъ, присуще болѣе новому, теперешнему времени и поэтому преимущественно обозначаетъ наступленіе новаго періода развитія челоуѣчества и указываетъ на воспитательный характеръ этого періода.

Но то же самое сказывается еще съ особенной силой и неопровержимо въ отдѣльныхъ требованіяхъ настоящаго времени. Вотъ эти требованія, выраженные съ полной определенностью.

Во-первыхъ, самоуглубленіе и самопознаніе, какъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ и народовъ, такъ и у всего челоуѣчества.

Во-вторыхъ, какъ слѣдствіе перваго требованія, прежде всего у матерей и у всѣхъ женщинъ должна быть возведена на степень яснаго сознанія та воспитательная роль, которая имъ предназначена высшимъ стремленіемъ къ продолженію жизни и является для челоуѣка инстинктивной.

Въ-третьихъ, мы должны признать со стороны сердца и ума особое назначеніе, а равно и достоинство женщинъ во

всей их совокупности, видя въ нихъ не только дѣйствительную, но и одинаково важную часть человѣческаго рода и такую же его половину, какъ и мужчины; это признаніе должно быть проводимо въ жизни на дѣлѣ.

Въ-четвертыхъ, нужно признать равнымъ образомъ особое достоинство и значеніе уже за ребенкомъ и, въ соотвѣтствующей мѣрѣ, за дѣтской жизнью, рассматривая все это, какъ нѣчто цѣлое; это признаніе должно быть проведено въ жизнь, дѣйствительно пользоваться вниманіемъ и служить руководящимъ началомъ.

Въ-пятыхъ, признаніе жизни семьи въ качествѣ члена въ жизни общины, установленіе и признаніе постоянного взаимодѣйствія между ними.

Въ-шестыхъ, требованіе сознательнаго и живого распорядка внутри общины и совмѣстнаго образа дѣйствій ея членовъ въ общественныхъ и государственныхъ, а слѣдовательно, я въ социальныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Эти отношенія имѣютъ болѣе виѣшній характеръ.

Въ-седьмыхъ, требованіе, того же въ болѣе внутреннихъ отношеніяхъ между школой и семьей и между ними обѣими и церковью.

Въ-восьмыхъ, какъ результатъ, ясное представленіе отношенія силы, массы (матеріи) и формы къ идеѣ, къ мысли, вообще къ управляющему началу.

Въ-девятыхъ, стремленіе къ всестороннему жизненному единенію съ природой, съ человѣчествомъ, съ Богомъ, и это есть главное неопровержимое доказательство истинно воспитательнаго характера, проникающаго переживаемую нами эпоху. Въ виду большой важности требованій этой эпохи, выяснившейся уже изъ простаго ихъ перечня, необходимо подвергнуть ихъ еще разъ внимательному разсмотрѣнію и разбору.

Первое, что характеризуетъ наше время въ его воспитательныхъ стремленіяхъ, самоуглубленіе и самопознаніе, наблюдаемое, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ и, можно сказать, у всего человѣческаго рода,— слѣдовательно, стремленіе огля-

нуться яа себя съ цѣлью истолковать себя, сознать себя, но также и съ цѣлью самому творить, самому дѣйствовать. Отсюда—уже давно появившіеся въ изобиліи автодидакты, стремленіе къ самообученію, и то важное значеніе, которое вообще придается опыту, приобрѣтенію познаній посредствомъ самодѣятельности, самостоятельной жизни, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Но если вѣрно истолковать все это, то вѣдь это только—стремленіе людей по-одиночкѣ, въ сообществѣ съ другими и во всей совокупности довести до яснаго сознанія свое влеченіе къ жизненной дѣятельности, потребностьзанятія въ жизни, природный инстинктъ, стремленіе вникнуть въ него, разсмотрѣть и изучить его стремленіе познать челоуѣка въ тройственности его существа,—въ мысли, чувствѣ и дѣйствіи, познать объединенную силу его ума, чувства и энергіи.

Но этого требуетъ уже первый и основной пунктъ воспитанія челоуѣка и требуетъ, слѣдовательно, уже для ребенка и въ дѣтскомъ возрастѣ и это первое попеченіе о челоуѣкѣ предоставлено Творцомъ преимущественно матерямъ и вообще ихъ женской натурѣ и женскому элементу семьи.

Въ виду вышесказаннаго вторая черта, характеризующая наше время, какъ проникнутое педагогическими стремленіями, требуетъ, чтобы поступки матерей и всѣ проявленія женскаго воздѣйствія на воспитаніе дѣтей, людей взрослыхъ и всего челоуѣчества, имѣющіе своимъ источникомъ вызываемое природою и жизнью высокое стремленіе, были изъяты изъ области инстинкта и доведены до полной сознательности, до полной возможности изучать ихъ и контролировать, и чтобы прежде всего сами женщины сознали свою цѣну и значеніе въ жизни и давали бы себѣ отчетъ въ своемъ стремленіи осуществить его въ жизни.

Третью характерную черту нашего времени, какъ истинно педагогическаго, составляетъ стремленіе, съ одной стороны, заставить женщинъ въ ихъ совокупности понять и признать свое назначеніе и мѣсто въ жизни и исполнять соотвѣтствующія ему требованія, а съ другой — заставить женщинъ отказаться отъ ихъ инстинктивной, пассивной роли,

какъ членовъ человѣческаго общества, и добиться и для нихъ также совершенно такихъ же правъ, какими обладаютъ мужчины, руководясь особымъ характеромъ женщины и ея назначеніемъ воспитывать человѣчество, и такимъ образомъ съ полнымъ правомъ на ряду съ мужчинами дать женщинѣ мѣсто въ настоящей эпохѣ, руководясь свойствами ея характера и ея души, а не только тѣмъ, что женщина вполне и безусловно имѣеть на то право.

А четвертое, что не менѣе характеризуетъ наше время, какъ воспитательное, это оцѣнка ребенка, дѣтскаго возраста, и дѣтской жизни не только, какъ чего-то единичнаго, обособленнаго, но какъ бы замкнутаго въ себѣ цѣлаго, какъ зародыша и зерна для развѣтвляющагося образованія изъ него жизни человѣчества, согласно со словами Иисуса Христа: „сихъ бо есть царствіе Божіе“; и такимъ образомъ, я могъ бы сказать, осуществляется основное, коренное, начальное требованіе Иисуса Христа, предъявляемое имъ къ ученикамъ.

Пятая черта, характеризующая наше время, какъ истинно педагогическое, есть признаніе жизни семьи (отца, матери, дѣтей, братьевъ и сестеръ), какъ замкнутаго въ себѣ цѣлаго и какъ настоящаго корня вполне чистой, истинной жизни человѣчества; это право особенно важно возстановить для семьи, какъ члена общины (развѣтвленія рода или поколѣнія).

Шестая черта нашего времени, благодаря которой оно преимущественно характеризуется, какъ педагогическое, есть установленіе и признаніе взаимныхъ отношеній между жизнью семьи и жизнью общины и возможнаго ихъ развитія. Здѣсь именно снова выступаетъ отношеніе части къ цѣлому, единичнаго обособленнаго къ общему. Если мы сравнимъ значеніе этихъ отдѣльныхъ пунктовъ, то трудно даже рѣшить, какой изъ названныхъ до сихъ поръ является абсолютно наиболѣе важнымъ, но по отношенію какъ разъ непосредственно къ настоящему времени самымъ важнымъ является только что упомянутый пунктъ. Онъ ведетъ насъ къ необходимому для каждаго чувству общности, проясняетъ отношеніе единичнаго ко множественному, къ общинѣ и при-

водить такимъ образомъ къ закономѣрному порядку, къ упорядоченію гражданскихъ, а также общественныхъ, социальныхъ отношеній. Поэтому тенденція нашего времени, которой оно характеризуется, какъ преимущественно воспитательное, есть стремленіе вообще упорядочить отношенія къ общинѣ, какъ гражданскія и государственныя, такъ и социальныя, ибо мы знаемъ, что государство въ совокупности всего того, что оно даетъ или требуетъ и беретъ отъ гражданина, есть собственно воспитательное учрежденіе въ большомъ масштабѣ, а хорошее или плохое, объ этомъ здѣсь нѣтъ рѣчи.

Поэтому, въ-седьмыхъ, наше время, какъ воспитательное, характеризуется стремленіемъ къ прочному установленію отношеній между семьей и школой и отношеній ихъ обѣихъ къ церкви, или, собственно, отношеній между чувствомъ, настроеніемъ, мыслью и умомъ и дѣятельной жизнью,—иначе говоря, дѣло идетъ здѣсь собственно объ отношеніяхъ внутреннихъ началъ чувствующаго и познающаго между собой и объ отношеніяхъ ихъ обоихъ къ началу дѣйствующему, къ тому, что создано, осуществлено, къ тому, что находится внѣ насъ. Итакъ, однимъ словомъ, рѣчь идетъ о ясномъ отношеніи внутренняго къ внѣшнему, мысли къ дѣйствию, идеи къ дѣйствительности.

Въ-восьмыхъ, вслѣдствіе указанной тенденціи для нашего педагогическаго времени характерно то, что потеряли свое значеніе сила, а равно и форма, масса, матерія (деньги) и, наоборотъ, истинная мысль, возвышенная идея, чистое и хорошее настроеніе, вообще духъ приобрѣли силу, или, что то же самое, силу составляетъ уже не мертвое, неподвижное, унаслѣдованное владѣніе, но вѣчно духовно-прогрессирующее образованіе, которое проявляется на дѣлѣ и исполненіи, такъ что матеріи прежде всего придаетъ истинную цѣнность та творческая работа, тотъ духъ и та идея, которая ее одухотворяетъ, цѣнность, часто въ сто и болѣе разъ превышающую первоначальную, какъ это уже давно показало искусство. Или можно также сказать: мысль, идея проявляются также и внѣшнимъ образомъ, какъ нѣчто остающееся самимъ собою и въ то же время вѣчно изъ

себя же подновляющееся, развивающееся, молодѣющее и такимъ образомъ мысль и идея приняли на себя, такъ сказать, функціи настоящаго государства. Они въ настоящемъ своемъ видѣ даютъ жизни и человѣку то, въ чемъ тѣ нуждаются, какъ таковыя, что собственно и составляетъ задачу и обязанность государства и чего человѣкъ то своей сущности долженъ всячески желать и домогаться. — Они даютъ существованіе и дальнѣйшее образованіе и развитіе, какъ отдѣльнаго индивидуума самого по себѣ и какъ члена цѣлаго, а равно и цѣлаго самого по себѣ, съ соблюденіемъ интересовъ и нуждъ отдѣльныхъ лицъ и при условіи трактованія человѣчества въ лицѣ каждаго его представителя сообразно съ его положеніемъ, призваніемъ и образомъ дѣйствій, чтб въ свою очередь достигается, если на человѣка рано начинаютъ смотрѣть, какъ на существо, творящее и въ то же время, какъ на твореніе Божіе, со всѣми послѣдствіями этихъ отношеній.

Отсюда въ качествѣ окончательнаго заключенія и вывода изъ всего предыдущаго вытекаетъ воспитательный по преимуществу, какъ было уже сказано, характеръ нашего времени.

Въ-д-е-в-я-т-ы-хъ, общее стремленіе къ единенію съ жизнью, природой, человѣчествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Богомъ проявляется въ самыхъ различныхъ религіозныхъ и церковныхъ тенденіяхъ нашего времени. Но въ основѣ всѣхъ этихъ стремленій лежитъ предчувствіе единства, единой основы, единаго источника всего сущаго, всего бытія и жизни на землѣ. Это предчувствіе вытекаетъ и имѣетъ свое основаніе, какъ въ Богѣ, въ одномъ только ненарушимомъ единеніи съ этимъ общимъ единствомъ, слѣдовательно, въ постепенномъ приближеніи къ конечной цѣли, къ настоящему единенію съ божествомъ, т. е. въ жизни, согласной съ закономъ существованія, развитія и жизни, объединяющимъ собою всѣ живыя существа (въ законахъ жизни въ ихъ проявленіи). Итакъ, только въ сознаніи истиннаго единенія съ Богомъ, проявляющемся въ дѣяніяхъ людей, заключаются призваніе и назначеніе человѣка. Прожить всѣмъ своимъ су-

ществомъ, пользуясь въ жизни правомъ выбора цѣли и правомъ самоопредѣленія, а слѣдовательно, и свободою — въ этомъ и заключается въ жизни истинный миръ и чистая радость, это и значить достигнуть общей цѣли нашей эпохи, какъ истинно воспитательной.

Таковы наиболѣе существенныя тенденціи, которыя въ жизни современности даютъ о себѣ знать не только ясно, но и громко, а равно и тѣ требованія новой эпохи жизни, которыя настоятельно и неуклонно выступаютъ впередъ.

Однако характеристика этого періода, какъ преимущественно воспитательнаго, никоемъ образомъ не ограничивается тѣмъ, что въ немъ проявляются налицо вышеупомянутыя тенденціи, частью отдѣльно, а частью иногда и въ связи между собою, ибо отдѣльно, а частью и въ связи, они встрѣчались въ разныя и даже во всѣ времена. Замѣчательно и въ высшей степени важно для настоящаго времени (и этимъ оно особенно отличается отъ предыдущихъ періодовъ и въ отношеніи къ нимъ характеризуется, какъ преимущественно воспитательное) то, что всѣ эти тенденціи, чего еще никогда не было въ исторіи, проявляются одновременно и, можно сказать, почти съ одинаковой силой и напряженіемъ. Далѣе, еще, пожалуй, важнѣе, еще больше характеризуетъ это время, какъ исключительно воспитательное, по сравненію съ предыдущими слѣдующее. Нельзя удовлетворить ни одного изъ его требованій въ отдѣльности, а необходимо выполнить ихъ всѣ вмѣстѣ, если нужно осуществить вполнѣ хоть одно изъ нихъ; и какъ разъ это условіе въ отношеніи воспитанія, и именно въ отношеніи воспитанія отдѣльнаго человѣка, семьи и общины, народа и человечества — однимъ словомъ, въ отношеніи воспитанія общества создаетъ въ наше время истинное государство, т.-е. такое, которое постоянно изъ себя самого черпаетъ новыя, юныя силы.

Какъ же выполнить это, повидимому, столь трудное требованіе? Какъ разрѣшить эту важную жизненную задачу? Совсѣмъ просто: подобно тому какъ садовникъ или земле-

дѣлецъ ухаживаетъ за своими растеніями, придерживаясь во всѣхъ отношеніяхъ связи съ природой, и доводитъ ихъ до полпаго развитія, выполняя всѣ ея требованія, точно такъ же и мы должны стараться относиться къ ребенку и вообще къ человѣку примѣнительно къ его природѣ, къ его внутреннимъ законамъ, должны развивать его, воспитывать и образовывать въ ненарушимомъ единеніи съ жизнью и природой, въ постоянной связи съ первоисточникомъ всякой жизни.

Такое пониманіе ребенка и человѣка вообще и отношеніе къ нимъ, во всесторонней связи съ жизнью, вытекаетъ, какъ всегда соотвѣтствующій результатъ, изъ самонаблюденія, изъ наблюденія надъ природой человѣка и ребенка, вообще изъ наблюденія надъ всякимъ его развитіемъ и ростомъ, гдѣ бы они ни обнаруживались, и является такимъ образомъ первымъ и высшимъ основнымъ положеніемъ и главнымъ требованіемъ при воспитаніи человѣка.

Далѣе, изъ этого всесторонняго наблюденія жизни для необходимаго примѣненія его къ воспитанію человѣка и ребенка вытекаетъ еще слѣдующій весьма важный выводъ, который имѣетъ существенное значеніе для рѣшенія поставленной задачи. То, что заложено въ качествѣ основы въ цѣломъ, должно сказываться и въ самой маленькой его части; слѣдовательно, также и то, что заложено въ человѣчествѣ, какъ цѣломъ, сказывается уже въ самомъ маленькомъ, въ самомъ молодомъ изъ его членовъ и далѣе, что заложено въ человѣчествѣ, какъ въ цѣломъ, и проявляется уже въ ребенкѣ, покоится въ немъ въ видѣ субстанціи, зародыша, то же обнаруживается также и въ малѣйшей части его существа, вполне опредѣленно поддается наблюденію въ немъ для духовнаго ока. Таково второе основное положеніе, на которомъ основывается истинное воспитаніе человѣка и ребенка и которое подвигаетъ впередъ разрѣшеніе интересующей насъ задачи.

Изъ такого толкованія природы человѣка и ребенка, природы индивидуума, какъ жизни, находящейся внѣ насъ, какъ и вещей вообще, вытекаетъ далѣе третье

существенное положеніе педагогики. Подобно тому, какъ внутреннее развитіе, развитіе изнутри имѣетъ непосредственную связь съ нѣкоторой причиной, дѣйствующей изнутри, такъ и внѣшнее развитіе зависитъ отъ нѣкотораго побужденія, дѣйствующаго извнѣ, и оба эти равныхъ и противоположныхъ условія (ибо всякая жизнь имѣетъ единое въ себѣ, а слѣдовательно, и равное себѣ основаніе) дають вмѣстѣ съ единой жизнью, объединяющей въ себѣ оба условія, извѣстный результатъ, продуктъ въ настоящемъ случаѣ— воспитаннаго, образованнаго человѣка.

Поэтому мы должны необходимо признать четвёртымъ закономъ развитія, воспитанія и образованія слѣдующее положеніе: только совмѣстнымъ дѣйствіемъ равныхъ и противоположныхъ условій (факторовъ) и путемъ уравненій, связи ихъ въ жизни и посредствомъ жизни ребенокъ и человѣкъ вообще дѣлаются человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Поэтому, сообразно со всѣми изложенными положеніями, первымъ стремленіемъ, первою нашею обязанностью въ настоящее время должно быть слѣдующее. Каждый, кто признаетъ истинными изложенныя основы воспитанія и образованія, долженъ начать примѣненіе и выполненіе ихъ прежде всего на себѣ самомъ, а затѣмъ и на своихъ питомцахъ. Особенно, необходимо стремиться къ жизни, чтобы привлечь къ этому дѣлу всѣхъ воспитателей, въ особенности же женскій полъ—женъ и матерей, а также болѣе или менѣе взрослыхъ ихъ дочерей и помощницъ въ дѣлѣ воспитанія. По отношенію къ нимъ это не представляетъ никакой трудности: нужно только возвысить ихъ, несомнѣнно, природное стремленіе, иногда также усилить его, затѣмъ сдѣлать его сознательнымъ, заставить твердо, неуклонно и послѣдовательно проводить его въ жизнь и снабдить ихъ всѣми необходимыми средствами и способами для правильнаго выполненія своей задачи.

Но было бы опять таки одностороннимъ, если бы воспитаніе осталось только въ рукахъ однѣхъ женщинъ, на томъ

основаніи, что по законамъ природы женщины первыя воспитательницы человѣка. Нѣтъ! По только что выясненному обязательному закону противоположности обученіе, скорѣе внѣшнее, принадлежать также и мужчинамъ, какъ будущимъ учителямъ, защитникамъ дѣтей, ихъ воспитателямъ, отцамъ семействъ, руководителямъ общины и народа, и ихъ содѣйствіе въ образованіи должно начинаться не только въ отроческихъ и юношескихъ, но уже и въ дѣтскихъ годахъ, чтобы съ раннихъ лѣтъ ребенка можно было всесторонне готовить къ его назначенію и чтобы охранять болѣе слабый и болѣе нѣжный полъ въ исполненіи его назначенія и поддерживать его.

Итакъ, сообразно съ этой идеей цѣлаго, человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ уже при своемъ первомъ появленіи на свѣтъ въ видѣ ребенка, какъ существо двойственное, какъ два, хотя и противоположныхъ, но въ то же время и совершенно равныхъ, бокъ о бокъ стоящихъ пола. Такимъ образомъ къ ребенку необходимо относиться, принимая во вниманіе его чувства и внѣшнее строеніе во всей его природѣ, его тѣло и душу, его чувствованіе и существованіе, его пониманіе, его воспріятіе и способность воспріятіи и способность пониманія—его разсудокъ, разумъ, его существо, обнимающее всѣ его качества и всѣ его духовныя силы. Нужно, слѣдовательно, смотрѣть на него, какъ на существо, доходящее въ своемъ развитіи отъ простыхъ ощущеній до полного сознанія, до разуинаго хотѣнія и дѣйствія, слѣдовательно, какъ на существо, обладающее смысломъ, разумное, нравственное и благонравное, и потому носящее въ себѣ идею единенія жизни, божества, природы и человѣчества.

Такъ какъ всякое истинное развитіе и образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніе имѣетъ свою основу и источникъ въ чувствахъ и въ ощущеніи, а также и въ предчувствіи, слѣдовательно, въ сердцѣ, то все это должно находить себѣ соотвѣтствующую пищу уже съ ранняго дѣтства, уже при первомъ развитіи тѣла, его членовъ, чувствъ и ума ребенка; а для этого необходимо, чтобы ребенокъ былъ вводимъ вмѣ-

ствъ съ тѣмъ въ область гармоніи и созвучія, въ область ритмическаго, мелодическаго и динамическаго (ритма и мелодіи), а слѣдовательно, въ область музыки каменныхъ звуковъ (тоновъ) и пѣнія, къ которой дѣти сами, какъ мы знаемъ, имѣютъ большую склонность, мало того, даже требуютъ этого.

Мы наблюдаемъ, какъ матери и вообще тѣ, кто ухаживаетъ за дѣтьми, рано успокаиваютъ ребенка, прибѣгая къ ритмическимъ движеніямъ (къ такъ называемому пестованію, качанію, къ равномерному постукиванію и т. п.), и какъ ребенокъ дѣйствительно чувствуетъ себя при этомъ удовлетвореннымъ.—А это, повидимому, находится, въ связи съ біеніемъ пульса, слѣдовательно, съ дѣятельностью сердца и, какъ, обыкновенно, думаютъ, связано съ мѣстомъ нахожденія нашихъ чувствъ. Такъ, мы рано видимъ, что здоровый и вполне удовлетворенный грудной ребенокъ, какъ только мать положить его въ постельку, погружается въ сонъ, какъ бы убаюкивая самъ себя пѣніемъ. Мы можемъ наблюдать, какъ матери и няньки, подмѣчая такия привычки дѣтей и, начиная ухаживать за ними сами, не только убаюкиваютъ своихъ дѣтей пѣніемъ, но прибѣгаютъ къ нему, какъ къ успокоительному средству и въ другихъ случаяхъ, когда понадобится. И нѣсколько болѣе позднія явленія въ жизни дѣтей подтверждаютъ, что ритмъ и пѣніе тѣсно связаны съ различными проявленіями жизни у дѣтей.

Такимъ образомъ ритмическое движеніе и гармоническое пѣніе неизбѣжно принадлежать уже съ ранняго дѣтства къ средствамъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющаго, а слѣдовательно, и здороваго воспитанія челоуѣка, и мы должны признать, что вышеизложенныя строгія требованія переживаемой нами воспитательной эпохи могутъ быть удовлетворены вполне лишь при условіи примѣненія въ извѣстной мѣрѣ пѣнія уже въ раннемъ дѣтствѣ: оно рано укрѣпляетъ въ ребенкѣ элементъ благороднаго и дѣлаетъ ребенка еще болѣе воспримчивымъ въ этомъ отношеніи. Поэтому-то и первыя игры, служащія для развитія тѣла, отдѣльныхъ его членовъ и чувствъ, маленькія игры, сопровождаемыя такъ называемы-

ми „Материнскими и Ласкательными пѣснями“ (Mutter und Koselieder)¹⁾, которыя въ самомъ раннемъ дѣтскомъ періодѣ и для грудныхъ дѣтей являются какъ бы практическими образцами, по большей частию сопровождаются пѣніемъ. Благодаря этому, въ область столь важнаго первоначальнаго укрѣпляющаго и развивающаго воспитанія ребенка вводится слово, способствующее сравнительному мышленію,—этотъ наиболѣе существенный элементъ въ человѣческомъ воспитаніи, въ воспитаніи человѣка-ребенка,—начала инстинктивно въ видѣ материнской болтовни, а затѣмъ особенно рѣшительно въ видѣ музыкальныхъ звуковъ пѣсни.

Но при такоиъ всесторонне начатомъ, проникающемъ въ душу и чувство и требующемъ ухода только въ своихъ первыхъ зачаткахъ развитіи чувствъ, членовъ, всего тѣла и души ребенокъ нуждается еще въ предметѣ, на которомъ онъ могъ бы самостоятельно и самодѣятельно развиваться далѣе и полнѣе; въ самомъ дѣлѣ, уже очень рано мы наблюдаемъ, какъ ребенокъ для употребленія въ дѣло, для укрѣпленія и упражненія силы своихъ рукъ и пальцевъ старается схватывать окружающіе предметы, даже что-нибудь у себя самого, напр., свои щеки и т. д., при этомъ онъ сжимаетъ свой большой палецъ или крѣпко держитъ схваченный палецъ матери и т. д.

Природа, именно природа человѣка, требуетъ (и это уже рано проявляется въ ребенкѣ) для проявленія находящейся внутри его жизни, для проявленія своего внутренняго существа соотвѣтствующаго образа, т.-е. образа противуположнаго и равнаго ему; это требованіе, это стремленіе есть нѣчто неразрывно соединенное съ человѣкомъ, не отдѣлимое отъ его явленія и существованія на землѣ, нѣчто такое, что повторяется поэтому при наблюденіи перваго появленіи человѣка вездѣ на земномъ шарѣ и при всевозможныхъ условіяхъ.

¹⁾ Fr. Fröbel. Mutter-und Koselieder, Dichtung und Bilder zur edlen Pflege des Kindheitens. Ein Familienbuch. Mit Randzeichnungen und Musikbeilagen. (Эта книга составляетъ 3-й томъ въ настоящемъ нѣмецкомъ изданіи Фрѣбеля).

Если это общечеловѣческое требованіе, стремленіе не выполняется для ребенка при помощи какого-либо, соотвѣтствующаго извнѣ попадающагося ему предмета, то онъ старается удовлетворить этому требованію своей природы посредствомъ своего воображенія, своей фантазіи. Но образы, созданные такимъ путемъ очень легко заводятъ человѣка, и даже уже въ раннемъ дѣтствѣ, въ область безграничнаго, неопредѣленнаго; къ тому же такимъ путемъ они скорѣе ослабляютъ человѣка, чѣмъ укрѣпляютъ, и уже въ раннихъ періодахъ его развитія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ способности внѣшняго представленія, приводятъ его скорѣе къ односторонности, чѣмъ къ всесторонности его развитія, къ которой по существу своему уже въ дѣтствѣ онъ долженъ стремиться. Поэтому ему долженъ быть данъ такой предметъ и притомъ не только для вида, для развитія его внѣшней дѣятельности, дѣятельности тѣла, но еще болѣе для развитія и выработки дѣятельности внутренней, душевной. Однако далеко не безразлично, а, напротивъ, въ высшей степени важно, какой именно предметъ дается человѣку или въ данномъ случаѣ, ребенку, какъ образъ, истинно равный и противоположный его собственной сущности. Изъ вышеизложеннаго мы можемъ также видѣть, что нельзя предоставить это случаю, и не зависить отъ чьего-либо произвола, какой выбирается для этого предметъ, но что это является уже опредѣленно даннымъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и его появленіемъ на свѣтъ въ качествѣ ребенка.— Это должно быть и нѣ что—такъ гласить требованіе — ему точно противоположное и равное. Обратимся къ самому ребенку съ этимъ вопросомъ и посмотримъ, каіе предметы выберетъ онъ въ самый ранній періодъ своего развитія въ качествѣ такого внѣшняго образа своего собственнаго я и своихъ стремлений? Самые простые неодушевленные, какъ мы выражаемся, но въ то же время — и это очень замѣчательно — наиболѣе тяжелые предметы. Дерево и камни ему больше всего нравятся; мальчики любятъ носить что-нибудь побольше и потяжелѣе, и среди такихъ предметовъ прежде всего выискиваютъ себѣ игрушку; точно такъ же и дѣвочки дѣлаютъ

своей любимой игрушкой тяжелую, большую куклу или кусок дерева. Такъ, одна мать изъ высшаго городского круга рано наблюдавшая за своей жизнью сообщила мнѣ, что когда она была дѣвочкой, то любимой ея игрушкой былъ случайно попавшійся ей тяжелый мѣшокъ съ пескомъ, такъ какъ именно онъ вызывалъ въ ней представленіе о вѣсѣ настоящаго ребенка и вводилъ ее въ тотъ обманъ, которому она съ удовольствіемъ предавалась, воображая, что она носить настоящаго ребенка.

Но вызываемая тяжестью попытка что-либо притянуть къ себѣ есть первое проявленіе силы, какъ бы жизнь въ природѣ; въ своемъ высшемъ напряженіи оно выражается въ видѣ чувственнаго стремленія, а въ наиболѣе чистой его формѣ—оно является въ видѣ духовной симпатіи, въ видѣ любви.

Въ изложенномъ ходѣ человѣческаго развитія, какъ онъ сказывается въ каждомъ ребенкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно выражено, какъ на него нужно смотрѣть и какъ къ нему относиться: что, какой предметъ нужно дать ребенку въ началѣ его самодѣятельности, когда, гдѣ и какъ, почему и для чего?

Этотъ предметъ долженъ быть подобіемъ ребенка, т.-е. онъ долженъ быть замкнутъ въ себѣ, носить въ себѣ жизнь, развивать и усваивать ее себѣ, уравнивать противоположности жизни въ своемъ собственномъ существѣ; ребенокъ, также ищетъ такого предмета, который поэтому ему противоположенъ и вмѣстѣ равенъ. Какъ нѣчто равное ему, этотъ предметъ долженъ быть, во-первыхъ, такимъ изъ котораго ребенокъ, какъ существо предназначенное для свободнаго раскрытія своего собственнаго я, могъ бы сдѣлать какъ бы все, т.-е. могъ бы въ немъ и подъ видомъ его представить самого себя и подразумевать, что ему угодно.

Поэтому, во-вторыхъ, это должно быть нѣчто ему прямо—противуположное, это должна быть вещь, средство, тогда какъ ребенокъ самъ по себѣ и для себя самого является только чистою цѣлью.

Изъ этихъ условій ясенъ характеръ первой дѣтской игрушки и въ нихъ съ инстинктивною ясностью сказывается также тотъ глубокий смыслъ, съ которымъ ребенокъ выбираетъ для своихъ игръ палку, камень, дощечку, кусочекъ дерева, огромную куклу, тяжелый мѣшокъ съ несомъ или, съ другой стороны,—глину, кучу земли или песку, земляной курганъ, въ которомъ онъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ можетъ зарыться. Ясно также, почему онъ однако, въ концѣ концовъ—для наиболѣе свободнаго раскрытія своего существа охотнѣе всего выбираетъ мячъ, который, какъ извѣстно, является для всего этого центральнымъ и объединяющимъ пунктомъ, можно сказать, замѣстителемъ всего того, чего ребенокъ ищетъ въ предметѣ, служащемъ ему подобіемъ, для развитія и раскрытія его душевныхъ силъ. Онъ соединяетъ въ себѣ всѣ потребныя для этого качества: замкнутость въ себѣ и въ то же время способность служить замѣстителемъ всѣхъ вещей; покой и движеніе, всеобщность и единство, всесторонность и однообразіе поверхности, элементы видимые и недоступныя для зрѣнія (напр., его середина, ось и т. д.). Посредствомъ мяча ребенокъ можетъ изобразить и вообразить безчисленное множество образовъ, которые онъ носитъ въ себѣ въ видѣ желаній, идей и мыслей. Съ помощью мяча онъ можетъ безконечно подражать всему, что видитъ вокругъ себя. Слѣдовательно, мячъ является для него, какъ средствомъ воспроизведенія его внутренняго міра, такъ и средствомъ для ознакомленія съ виѣшнимъ міромъ и подражанія его явленіямъ.

Такимъ образомъ объясняется появленіе мяча и какъ бы рѣшается вопросъ: почему мячъ, какъ игрушка, такъ дорогъ для дѣтей? А именно игра для человѣка вообще и для ребенка въ особенности есть зеркало его собственнаго внутренняго и окружающаго его виѣшняго міра и при томъ зеркало, необходимое въ дѣтствѣ по самому складу внутреннихъ, а слѣдовательно, свободныхъ побужденій ребенка, требуемое его общимъ стремленіемъ къ жизни и занятіямъ. А игрушка, слѣдовательно, для ребенка есть нѣчто противоположно-равное, какъ средство и цѣль, его собствен-

ному существу и, благодаря этому, она есть нѣчто возбуждающее въ немъ охоту къ игрѣ и игру, нѣчто вызывающее ее.

Слѣдовательно, игра есть собственно продуктъ соединенія противоположно-равныхъ элементовъ, соединенія свободной дѣятельности ребенка съ находящейся въ зависимости (отъ постороннихъ условій) подвижностью и измѣнчивостью вещи, неодушевленнаго предмета; она есть нѣчто нами вызванное.

Поэтому мячъ есть нѣчто такое, что, въ соединеніи съ наклономъ ребенка къ дѣятельности, благодаря своей безконечной подвижности и разнообразію своего примѣненія постоянно и всевозможными способами побуждаетъ ребенка къ игрѣ, къ свободному отраженію своего внутренняго и окружающаго внѣшняго міра, а слѣдовательно, есть его любимая игрушка.

Если мы сопоставимъ это со сказаннымъ раньше, то легко уяснимъ себѣ, почему мячъ служить для ребенка первой и самой любимой игрушкой; почему онъ постоянно также остается любимой игрушкой и въ теченіе всего отроческаго возраста въ видѣ разнообразныхъ игръ въ мячъ, практикуемыхъ въ Германіи, и даже въ юношескомъ возрастѣ въ видѣ великой германской игры въ мячъ, встрѣчающейся преимущественно у германскаго юношества, рано стремящагося къ всестороннему развитію. Что же касается преимущественно игръ въ мячъ, какъ самаго ранняго и перваго средства развитія ребенка, то по этому вопросу можно взять для разсмотрѣнія только мячъ самъ по себѣ въ его простомъ видѣ и въ самыхъ простыхъ отношеніяхъ.

Мячомъ можно пользоваться, или не привязывая его, или привязавъ на шнуркѣ, въ томъ и другомъ случаѣ или въ свободномъ пространствѣ, или на какой-либо плоской поверхности, двигая его въ перпендикулярномъ, горизонтальномъ или наклонномъ направленіи. — Такимъ образомъ онъ является, то въ роли руководителя въ области внѣшняго міра, изображая самые предметы внѣшняго міра, напр., котенка, то въ роли самого ребенка, изображая его тѣло и

отдѣльные члены,— можно сказать, въ роли обучающаго гимнаста.

Подобно тому, какъ до сихъ поръ мы разсматривали мячъ по отношенію къ его формѣ, и лишь настолько, насколько это касается ребенка и внѣшняго міра вообще, такъ точно его можно разсматривать и употреблять въ качествѣ игрушки для ребенка; самъ по себѣ здѣсь мячъ можно разсматривать, во-первыхъ, по отношенію къ его величинѣ, во-вторыхъ, по отношенію къ его внѣшнему покрову или цвѣту, въ третьихъ, по отношенію къ числу, въ четвертыхъ, по отношенію къ матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, и, наконецъ, въ-пятыхъ, по отношенію къ его твердости, или упругости; а благодаря этимъ послѣднимъ качествамъ, при паденіи его на соотвѣтствующую поверхность, его можно, пожалуй, разсматривать и по отношенію къ производимому имъ звуку.

Во всѣхъ этихъ условіяхъ мячъ вступаетъ все въ новыя и новыя отношенія къ ребенку, и здѣсь сказывается его всеобъемлющая примѣнимость въ качествѣ ностояннаго, безусловно безупречнаго средства воспитанія, образованія и истиннаго средства развитія ребенка.

Здѣсь намъ достаточно будетъ сдѣлать небольшое указаніе относительно цвѣта мяча. Сообразно со своей природой, и инстинктивно ребенокъ въ дополненіе къ познанному имъ отдѣльному ищетъ множественности, какъ наиболѣе простой, равной ему противоположности, чтобы во множественности найти подкрѣпленіе для усвоенныхъ имъ качествъ и истинъ, добытыхъ при ознакомленіи съ отдѣльными предметами. Но это несознательное стремленіе ребенка въ его инстинктивныхъ поискахъ множественности необходимо развить уже въ раннемъ періодѣ дѣтства, подобно тому, какъ садовникъ способствуетъ развитію цвѣтовъ въ растеніи, сдѣлать его сознательнымъ, что очень важно въ педагогическомъ отношеніи, ибо иначе поиски множественности могутъ выродиться въ грубое стремленіе къ пріобрѣтенію и въ необузданное требованіе обладанія.

Но ребенка не удовлетворяет простая однообразная множественность, какъ таковая, да и навѣрное не удовлетворить по самому его существу, ибо взрослый человѣкъ, равно какъ и ребенокъ, во множественности уже съ раннихъ поръ долженъ искать объединяющаго ее единства, или оно должно бросаться ему въ глаза при изученіи множественности, какъ видимая связь всѣхъ разнообразныхъ ея элементовъ. Наибольше удовлетворительно достигается это, когда мы ииѣемъ дѣло съ мячами одинаковой внѣшности, величины и матеріала, съ помощью цвѣта, а именно съ помощью расцвѣчиванья ихъ въ шесть наиболѣе чистыхъ цвѣтовъ радуги (съ различеніемъ свѣтло- и темно-голубого цвѣта въ семь)—голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный и фіолетовый, —которые, представляя собою удивительно замкнутое въ себѣ единство, какъ шестеро (семеро) дѣтей одинаго въ себѣ свѣта (въ призмѣ), олицетворяютъ въ радугѣ образъ высшаго мира, мира между небомъ и землей божествомъ и человѣчествомъ. Развѣ не слѣдуетъ открыть дорогу къ этому миру, какъ взрослому человѣку, такъ и ребенку, ребенку—дѣтскимъ способомъ уже на ранней ступени его развитія? На основаніи этого ребенку даются въ качествѣ игрушки постепенно то по-одинокѣ, то въ различныхъ комбинаціяхъ шесть мячей, окрашенныхъ въ шесть упомянутыхъ цвѣтовъ, каковыя ребенокъ всегда и принимаетъ съ удовольствіемъ даже и по-одинокѣ, а еще съ большимъ удовольствіемъ въ соединеніи по два, напр., два мяча противоположныхъ цвѣтовъ—красный и зеленый, голубой и оранжевый и т. д.; еще лучше въ соединеніи по три, напр., трехъ главныхъ цвѣтовъ—красный, голубой и желтый, или трехъ промежуточныхъ или смѣшанныхъ цвѣтовъ—фіолетовый, зеленый и оранжевый. Точно такъ же уже рано возможно, съ помощью простаго и столь естественнаго соединенія двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. мячей въ одну плотно сомкнутую массу, сообщать ребенку, при угадываніи известной формы, и поилтіе о различномъ числѣ; указанное соединеніе какъ бы представляется само собой. Съ возрастаніемъ ребенка сюда присоединяется также понятіе о вели-

чинѣ, твердости и упругости (эластичности), а также о способности мяча при паденіи на что-либо свободное, но прочно стоящее, напр., на поверхность стола, издавать звукъ.

Хотя мы уже давно занимаемся мячемъ, стараясь доказать, что онъ есть необходимая первая игрушка ребенка, однако все сказанное до сихъ поръ о немъ и о его достоинствахъ, съ точки зрѣнія изложенія подробностей, составляетъ лишь совершенно незначительную долю въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть выполнено ребенкомъ посредствомъ мяча и съ его помощью на каждой ступени развитія ребенка и что дѣйствительно оказываетъ на него глубокое воспитательное и образовательное воздѣйствіе и вліяніе.

Какъ ни незначительно сказанное о мячѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ вноситъ въ качества первой дѣтской игрушки въ дѣйствительное, неизмѣнно и постоянно прогрессирующее образованію ребенка, однако, быть можетъ, этого покажется уже слишкомъ много; но мы все-таки оставались и остаемся при нашемъ толкованіи всесторонней пригодности и необходимости избрать мячъ въ качества первой дѣтской игрушки, которая является во всѣхъ отношеніяхъ пригодной. При этомъ мы опираемся на слѣдующее основаніе: мы съ умысломъ останавливаемся такъ долго на доказательствѣ того, что мячъ есть дѣйствительно первая дѣтская игрушка, такъ какъ именно это положеніе весьма часто оспаривалось; по крайней мѣрѣ, находили одностороннимъ и страннымъ стремленіе возстановить старыя права мяча въ роли первой дѣтской игрушки.

Для истиннаго педагога все таки мячъ является необходимой первой игрушкой для ребенка, подобно тому, какъ для основательнаго географа необходима шарообразность земли; хотя многіе воспитатели предпочитали давать дѣтямъ всякую другую игрушку, только не мячъ, но вѣдь при самомъ началѣ знакомства съ географіей также долго высказывалось много разныхъ фантастическихъ мнѣній о формѣ поверхности земли, при чемъ считали ее то дискомъ, плавающимъ на безконечной водяной поверхности, то дискомъ на стол-

бахъ и т. д. Для истиннаго знатока человѣческой природы мячъ является абсолютно даннымъ въ качествѣ первой игрушки для правильно, согласно съ законами человѣческой природы, развивающагося ребенка, подобно тому, какъ и для опытнаго космографа шаровидность мировыхъ тѣлъ, мировыхъ шаровъ,—для удоветворительнаго пониманія строенія міра, хотя небесныя тѣла сначала и считали просто свѣточами и другими отнюдь не подходящими къ ихъ истинному значенію явленіями.

Что мячъ есть необходимая принадлежность первоначальнаго дѣтскаго развитія, доказывается естественнымъ проявленіемъ природнаго здраваго смысла крестьянокъ во многихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ мать часто привозитъ съ ярмарки въ подарокъ дѣтямъ дешевый мячъ, набитый или опилками, или коровьимъ волосомъ, и этотъ мячъ доставляетъ имъ большую радость. То же доказывается еще и тѣмъ, что во многихъ мѣстностяхъ Германіи, какъ уже было упомянуто, игра въ мячъ въ различныхъ видахъ и со всевозможными видоизмѣненіями является сапой любимой забавой, какъ самыхъ маленкихъ дѣтей, такъ и подростковъ-мальчиковъ и дѣвочекъ и служить даже прекраснымъ препровожденіемъ времени и для юношей. Одно персидское сказаніе называетъ игру въ мячъ даже привилегированной игрой царскихъ дѣтей.

Но, какъ для развитія тѣла и мышленія, точно такъ же мячъ въ высшей степени важенъ и для развитія сердца, чувства и характера, важенъ и какъ средство охраненія доброй нравственности, какъ талисманъ, такъ какъ, предоставляя дѣтямъ свободно и всесторонне пользоваться мячомъ, мы избавляемъ ихъ отъ дурнаго расположенія духа и спасаемъ отъ всякихъ нравственныхъ недуговъ, вытекающихъ изъ послѣдняго источника. То же происходитъ и въ отношеніи всякаго рода неумѣренныхъ желаній и страстей, такъ какъ игра въ мячъ ничуть не способствуетъ ихъ проявленію и развитію, а, напротивъ, поддерживаетъ въ ребенкѣ желаніе дѣятельности и ванятій, сообразно съ основными свойствами его природы, развиваетъ въ немъ это желаніе въ согласіи

съ законами его собственной жизни и придаетъ ему опредѣленные формы.

Однако теперь, можно надѣяться, достаточно приведено доводовъ для всесторонняго обоснованія выбора мяча и достаточно оправдано употребленіе его въ качествѣ первой игрушки „на радость“ дѣтямъ.

Вся дѣятельность ребенка показываетъ, да и изъ предыдущаго уже ясно, что ребенокъ по самому существу своему, по условіямъ своей жизни и проявляющимся въ ней законамъ, словомъ, по своей натурѣ, слѣдовательно, съ безусловной необходимостью, а также съ особенной радостью и свободой отъ чего-либо уже даннаго легко переходитъ къ прямой, но въ то же время и равной ему противоположности. Это заключается уже въ обычной нѣмецкой поговоркѣ: „Ein Kind will stets etwas Neues haben“ (Ребенокъ всегда стремится имѣть что-нибудь новое).

А прямой и равной противоположностью мягкому мячу является твердый, плотный шаръ; поэтому онъ и долженъ быть по простому и естественному ходу развитія слѣдующей потребной для ребенка игрушкой.

Поверхность шара болѣе правильная и гладкая, и потому онъ легче приводится въ движеніе, чѣмъ мячъ; съ другой стороны, онъ тяжелѣе мяча и потому болѣе устойчивъ и яснѣе держится тамъ, гдѣ онъ разъ остановился, но вслѣдствіе своей большей тяжести онъ требуетъ отъ ребенка и болѣе развитой силы и ловкости въ обращеніи съ нимъ. А подобно тому, какъ шаръ предполагаетъ большее развитіе силы и ловкости, точно такъ же при употребленіи его слышится, правда, и больше шума и стука, чѣмъ простыхъ звуковъ, что обусловлено, какъ его большимъ вѣсомъ, такъ и большей силой, съ которой приходится имъ дѣйствовать. И то, и другое въ игрѣ съ шаромъ доставляетъ дѣтямъ удовольствіе, какъ выраженіе и доказательство укрѣпленія и увеличенія ихъ силы.

Отсюда ясно, сколь многосторонне, сообразно съ природой, это дальнѣйшее измѣненіе предмета игры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства воспитанія и образованія. И это въ высшей

степени важно. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію—и это выражено уже нами въ словахъ—сообразно съ природой,—что этотъ дальнѣйшій шагъ является не произвольнымъ, но вызваннымъ необходимостью, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, требуемое равенство и прогрессъ, а съ другой—противоположность и постоянство,—условія, необходимыя для полного и сообразнаго съ человѣческой природой развитія ребенка. Эти необходимыя условія въ достаточной степени приведены и высказаны нами уже въ предыдущемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ заключается и еще одно условіе, которое при первомъ появленіи всякой вещи, всякаго существа является необходимымъ для его развитія: въ первомъ, болѣе раннемъ, въ предыдущемъ должно быть намѣчено и должно лежать въ качествѣ зародыша то, что позднѣе, въ слѣдующей стадіи должно быть развито, выдвинуто на первый планъ, должно быть укрѣплено воспитаніемъ. Это одинъ изъ наиболѣе важныхъ, но до сихъ поръ мало обращавшихъ на себѣ вниманіе общихъ законовъ воспитанія человѣка.

Въ высшей степени замѣчательно—и я здѣсь разъ навсегда подчеркиваю важность этого положенія,—что въ томъ убѣжденіи, относительно природы человѣка, которое здѣсь приведено и выражено, и въ основанномъ на этомъ законѣ развитія человѣка, а равно и въ вытекающемъ изъ него способѣ обращенія съ ребенкомъ и воспитанія его, всѣ педагогическія требованія, средства и приемы воспитанія, вполнѣ естественно, внутренне обусловливаютъ, объясняютъ, оправдываютъ и подтверждаютъ другъ друга, слѣдуя другъ за другомъ, рука объ руку, при чемъ ихъ необходимость сама собой подразумѣвается. Въ этомъ заключается для насъ наиболѣе вѣское и внутренне-убѣдительное доказательство истинности цѣлаго, которое только и можетъ быть основано на полномъ истолкованіи сущности всего разсматриваемаго предмета и вытекать изъ него.

На основаніи только—что установленнаго внутренняго условія, слѣдовало и слѣдуетъ, что шаръ именно есть спутникъ мяча въ дѣтскихъ играхъ, но онъ ни въ коемъ слу-

чаѣ не вытѣсняетъ мяча, какъ достаточно уже уже ясно изъ предыдущаго, а, сообща съ нимъ, способствуетъ дальнѣйшему развитію любящаго его ребенка.

Поэтому необходимо здѣсь же разъ навсегда выставить еще одно положеніе, не менѣе важное, чѣмъ предыдущее, а именно, что каждая игрушка, каждое средство забавы, еловомъ, всѣ слѣдующія игры и ихъ примѣненіе никогда не исключаютъ употребленія предыдущихъ игръ, но пользованіе одной изъ нихъ только подчеркивается, выясняется и т. д., благодаря другой. Примѣненія въ игрѣ шара и явленія, происходящія при этомъ, или, иначе говоря, занятія съ шаромъ, естественно, имѣютъ много аналогичнаго съ играми въ мячъ, какъ нѣчто ему противоположно-равное, съ тою только разницею, что движенія при игрѣ съ шаромъ рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ при игрѣ въ мячъ. Чтобы заставить шаръ двигаться, на ниткѣ или на шнуркѣ, нужно только придѣлать къ нему ушко изъ проволоки.

Подобно тому, какъ всякая игрушка въ извѣстномъ отношеніи представляетъ собою нѣчто само по себѣ законченное (какъ, напр., всякое чувство у человѣка, взятое отдѣльно, есть нѣчто самостоятельное, а въ совокупности съ другими оно образуетъ цѣлое высшаго порядка), точно такъ же, совершенно съ этимъ, каждая игрушка имѣетъ и свою задачу, которую она должна разрѣшить и выполнить въ развитія и воспитаніи ребенка. Подобно тому, какъ мячъ среди другихъ игрушекъ имѣетъ между прочимъ назначеніе разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ приводить къ согласованію ихъ и единству, такъ въ особенности и шаръ, при различіи своихъ вращеній и поворотовъ, во время которыхъ онъ все-таки неизмѣнно и ясно остается простымъ шаромъ, долженъ вести къ ясному пониманію, наглядному наблюденію и усвоенію идеи единства.

Но это ясное и опредѣленное уразумѣніе единства въ жизни при всей ея измѣнчивости и прочное усвоеніе его является въ жизни и въ обществѣ такимъ качествомъ, которое всѣмъ намъ такъ необходимо для сохраненія душевнаго спокойствія, поддержанія жизнерадостности и приобрь-

тѣни твердости характера во всѣхъ положеніяхъ и при всевозможныхъ жизненныхъ условіяхъ. А довести до этого ребенка наиболѣе легкимъ и интереснымъ путемъ, рано наставить на этотъ путь большее число дѣтей и укрѣпить ихъ на немъ—это явится благословеннымъ плодомъ настоящаго воспитанія, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ семействахъ, а быть можетъ, распространить это счастье на цѣлую общину, или даже на цѣлый городъ или страну: вѣдь именно тѣмъ и доказывается присутствіе въ жизни божественнаго и существованіе въ ней такой дѣятельности, которая опирается на божественное начало, что благословія божества приводятъ насъ къ самому малому, изъ него исходить и тѣмъ не менѣе распространяются широко и на многихъ.

Но такъ какъ шаръ предназначенъ для того, чтобы во время игры и посредствомъ игры развивать въ ребенкѣ способности наблюденія и представленія и даже къ его благу его характеръ и при томъ незамѣтно для него самого, то, благодаря разнообразному его катанію и вращенію, онъ на подобіе обучающаго гимнаста (это выраженіе мы употребляли уже по отношенію къ мячу) способствуетъ также развитію тѣла и отдѣльныхъ членовъ ребенка. Для избѣжанія повторенія въ будущемъ замѣтимъ разъ навсегда при разсмотрѣніи этой игры, что слова въ рѣчи, разговорѣ и пѣніи, а также въ стихахъ и маленькихъ рифмованныхъ пѣсняхъ, конечно, съ соблюденіемъ подходящей для дѣтскаго развитія формы, соответствуя развитію головы и сердца ребенка, его мышленію и чувствованію, уму и характеру должны, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ прокладывать первый путь къ воспитанію въ человѣкѣ стремленія ко всестороннему развитію его личности, которое приведетъ его къ истинѣ.

Отмѣтимъ еще, какъ нѣчто существенное при игрѣ съ шаромъ, что, подобно тому, какъ при играхъ въ мячъ цвѣта, подобно радостямъ жизни, образуютъ общую связь для множественности, такую же роль при игрѣ съ шаромъ играютъ, подобно свѣтлымъ и темнымъ сторонамъ жизни, смѣни дня и ночи, бѣлые и черные шары, противоположные по-

люсы, крайніе пункты цвѣтнаго круга, которые съ одной стороны, или на одномъ полюсѣ разрѣшаются въ свѣтлый, бѣлый цвѣтъ, а на другомъ какъ бы сгущаются въ темный, черный цвѣтъ.

Это маленькое, почти не имѣющее значенія измѣненіе сообщаетъ играмъ съ шаромъ такую привлекательность для ребенка и даетъ имъ такое богатое примѣненіе въ дѣйствительной жизни при простомъ соединеніи многихъ дѣтей, что польза отъ нихъ въ дѣлѣ развитія и усовершенствованное примѣненіе ихъ при воспитаніи дѣтей всѣхъ положеній и съ самыхъ различныхъ сторонъ для непредубѣжденнаго человѣка совершенно ясны. Отношенія съ точки зрѣнія числа, формы и ритма, благодаря какъ бы вновь присоединившемуся элементу, а именно тѣни получаютъ новое освѣщеніе подобно красивой мѣстности при соотвѣтствующей тѣни деревьевъ.

Посмотримъ теперь, каковъ же долженъ быть безусловно необходимый переходъ къ слѣдующей игрѣ?

Шаръ имѣетъ одну поверхность, и есть, слѣдовательно,— круглый.—Противоположное ему тѣло должно быть ограничено прямыми и имѣетъ нѣсколько плоскостей. Шаръ не имѣетъ ни угловъ, ни реберъ. Въ противоположномъ тѣлѣ должны быть и углы, и ребра. Таковы противоположныя качества слѣдующаго за шаромъ предмета для игры. Теперь перейдемъ къ качествамъ одинаковымъ: шаръ имѣетъ три другъ другу равныхъ и пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ направленія, или оси, а эти оси должны выступать ясно и опредѣленно, если тѣло, какъ шаръ, находится въ состояніи покоя. Онѣ должны заключаться и въ необходимомъ ближайшемъ предметѣ для игры, какъ качества, одинаковыя съ соотвѣтствующими качествами шара, вмѣстѣ съ упомянутыми противоположными качествами. Но такимъ условіямъ можетъ удовлетворять исключительно только кубъ, или шестигранникъ. Слѣдовательно, кубикъ и долженъ безспорно и необходимо быть третьимъ развивающе-воспитывающимъ спутникомъ дѣтскихъ игръ.

Сообразно съ большимъ числомъ его качествъ и примѣненія кубика въ игрѣ въ сравненіи съ простымъ круглымъ

шаромъ также болѣе многочисленны, а самыя различныя явленія, наблюдаемыя при игрѣ съ нимъ, разнообразны, подобно тому, какъ у шара есть способность двигаться во всѣ стороны. Поэтому кубикъ, имѣющій плоскую поверхность и находящійся всегда въ состояніи устойчивости, является для ребенка, какъ нѣчто противоположно-равное круглому и легко приводимому къ движенію шару.

Такимъ образомъ кубикъ, благодаря своимъ плоскостямъ, ребрамъ и угламъ, уже самъ по себѣ впервые даетъ ребенку представленіе посредствомъ своихъ плоскостей о самыхъ полныхъ противоположностяхъ распространенію тѣла во всѣ стороны на ровной поверхности; представленіе о пересѣченіи его граней въ одной точкѣ—посредствомъ угловъ, а о посредствующей, такъ сказать, ступени между плоскостями и углами, а именно о линіи—посредствомъ реберъ: вѣдь линія въ двѣ стороны можетъ тянуться безконечно, а въ остальныхъ направленіяхъ, подобно точкѣ, прерываться. И этимъ путемъ для ребенка подтверждается „законъ посредства“, съ которымъ онъ особенно познакомился уже при игрѣ съ мячемъ, имѣя дѣло съ цвѣтами, и который, проявляясь почти въ каждой игрѣ, становится для него всеобщимъ закономъ видоизмѣненія и жизни. И этотъ въ послѣдствіи столь важный законъ, способствующій наблюденію и познанію вещей, побуждающій къ творчеству и дѣятельности, будящій и воспитывающій нравственность и уясняющій всестороннее, самое чистое и высшее единство жизни, долженъ стать доступнымъ для простаго дѣтскаго наблюденія и изученія уже на раннихъ ступеняхъ развитія ребенка, въ доступной ребенку формѣ.

Необходимость этого требованія и его спокойное выполненіе обнаруживаются очень скоро на благо и къ общему удовольствію воспитанника и воспитателя, ученика и учителя. А удовольствіе для ребенка есть чистый, первый побудительный стимулъ для усвоенія и проявленія всѣхъ нужныхъ для жизни и добрыхъ началъ.

Но также и въ другомъ отношеніи важно усвоеніе и наглядное пониманіе все проникающаго закона жизни и раз-

витія уже въ равнихъ періодахъ воспитанія. Мы не должны забывать (что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ часто случается и именно при первоначальномъ воспитаніи въ школахъ и народныхъ училищахъ и ведетъ къ очевиднымъ печальнымъ послѣдствіямъ), что мы—существа чувственно-духовныя и что особенно наше первоначальное воспитаніе нуждается въ соотвѣтственномъ чувственно-духовномъ наблюденіи, чтобы черезъ посредство его привести къ болѣе чистому, духовному уразумѣнію вещей и, наконецъ, къ возможно болѣе свободному внутреннему духовному наблюденію. Какъ истинные педагоги, благотѣльно воздѣйствующіе на своихъ питомцевъ, понимающіе недостатки теперешняго образованія и призванные устранить ихъ, мы должны прежде всего возвратитъ нашему дѣтскому и юношескому воспитанію и народному образованію, которое еще такъ часто ииѣетъ дѣло и съ первымъ дѣтствомъ и юностью, и истинный и понятный чувственный образъ, символъ. Только онъ можетъ дать народу то, въ чемъ онъ нуждается, такъ какъ именно пустое, мертвое понятіе, которое въ самомъ лучшемъ случаѣ въ извѣстной логической связи было воспринято памятью, сдѣлало также и народъ пустымъ, мертвымъ и неспособнымъ къ твердому усвоенію истины.

Здѣсь именно кроется главная причина печальныхъ явленій и заблужденій въ жизни нашихъ народовъ. Вотъ почему я безусловно чувствовалъ себя вынужденнымъ такъ долго останавливаться на этомъ пунктѣ.

Теперь мы возвратимся къ кубику, какъ къ третьему предмету для игры и развитія ребенка.

Черезъ посредство своей формы онъ приводитъ прежде всего къ усвоенію понятія о формѣ тѣлъ и къ познанію ея условій, сторонъ, граней и угловъ (поверхностей, линій, точекъ) и ихъ различныхъ взаимныхъ отношеній по формѣ, положенію и величинѣ.

Правда, способы такого предварительнаго ознакомленія необходимо наблюдать самому въ кругу дѣтей, чтобы убѣдиться, что эти способы могутъ сообразоваться и дѣйствительно сообразуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ на-

турой и степенью развитія ребенка. Достигнуть этого однимъ только словомъ, по крайней мѣрѣ, со всею наглядностію, трудно, если не совсѣмъ невозможно.

Но вѣдь форма, величина и число такъ важны въ жизни для усвоенія вѣдѣнности предмета, а слѣдовательно, и для пониманія его сущности.

Однако и ясный, прочный взглядъ, который пріобрѣтается только долговременнымъ упражненіемъ, также настолько важенъ, что внимательное отношеніе къ сущности и къ формѣ предмета и пріученіе къ пониманію ихъ можетъ принести только большую пользу для всей жизни, какъ для цѣлаго. Вѣдь при обученія въ дѣтствѣ всегда начинаютъ съ маленькаго, съ усвоенія нагляднаго. Поэтому даже раннее ознакомленіе ребенка съ наблюденіемъ формы, величины и числа вполне согласуется, какъ съ природой человѣческаго существа вообще, такъ и съ натурой ребенка; но отнюдь не пріученіе къ абстрактному наблюденію, не облеченному въ форму тѣлесную или вещественную, а именно къ наблюденію, нераздѣльно связанному съ представленіемъ тѣлесныхъ и вещественныхъ отношеній.

Точно такимъ же образомъ и кубикъ вводитъ, въ первыхъ, въ познаніе формы и величины, а, во-вторыхъ, такимъ же самымъ постояннымъ и самымъ натуральнымъ способомъ въ пониманіе числа и его отношеній, и потому этотъ способъ ребенку наиболѣе пріятенъ и наиболѣе доступенъ для чувственнаго воспріятія. Самъ кубикъ оказывается при этомъ, благодаря всевозможнымъ числовымъ соотношеніямъ, представляемымъ его сторонами, гранями, точками, углами и т. д., похожимъ на интереснаго учителя ариметики. Но въ видахъ соблюденія истины и здѣсь необходимо также указать на собственное наблюденіе дѣтей въ жизни и при ея помощи; однако еще болѣе, даже исключительно это необходимо при слѣдующемъ третьемъ способѣ разсмотрѣнія кубика.

Здѣсь онъ въ своихъ различныхъ положеніяхъ и разнообразными движеніями своими представляетъ намъ цѣлый рядъ самыхъ различ-

ныхъ и своеобразнѣйшихъ явленій; этотъ рядъ игръ, особенно, если ребенокъ играетъ въ одиночку, въ виду разнообразія ихъ, принадлежитъ къ числу игръ, захватывающихъ ребенка. А въ своемъ высшемъ значеніи эти игры также весьма важны для ребенка, для взрослого человека и для жизни вообще; онѣ обнаруживаютъ и доказываютъ, что человекъ созданъ для изслѣдованія, и что въ немъ онъ долженъ упражняться уже съ дѣтскаго возраста; и, наконецъ, что, какъ взрослый человекъ, такъ и ребенокъ уже рано должны умѣть отдѣлять кажущееся отъ дѣйствительно существующаго.

Но все-таки приведено и рассмотрѣно здѣсь не все (кто могъ бы предположить это?), что вытекаетъ изъ занятія столь простымъ на видъ кубикомъ и различныхъ способовъ его рассмотрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вводитъ въ рассмотрѣніе, изученіе и т. д. формы, величины, числа и разнообразныхъ явленій при постоянномъ сохраненіи одного и того же неизмѣннаго вида.

Точно такъ же, въ четвертыхъ, онъ вводитъ ребенка понятнымъ для него способомъ посредствомъ давленія, оказываемаго имъ на руку, посредствомъ подниманія и опусканія его на ниткѣ въ основныя понятія изъ физики и механики, науки о движеніи.

Наконецъ, въ пятыхъ, посредствомъ выдвинутыхъ фантазій ребенка различныхъ пониманій кубика и наглядныхъ его представленій, напр., то въ видѣ квадратнаго камня, то въ видѣ тюка товара, то въ видѣ обрубка дерева, то въ видѣ каменнаго садоваго стола, то въ видѣ деревянной кадки въ оранжереѣ и т. п., онъ знакомитъ ребенка съ самою жизнью и встрѣчающимися въ ней предметами.

Здѣсь напрашивается само собою одно замѣчаніе, касающееся дѣтскихъ игръ вообще; его слѣдовало бы сдѣлать, можетъ быть, и раньше и потому больше нельзя уже обходить молчаніемъ, такъ какъ оно чрезвычайно важно для всей совокупности дѣтскихъ занятій и для сужденія объ отношеніяхъ ребенка, какъ чувственно-мыслящаго существа къ предмету его игры, къ самой игрѣ, къ чувству удовле-

творенія этой игрою. Это замѣчаніе слѣдующее: чувство удовлетворенія у ребенка при игрѣ и чувство удовольствія, вызванное ею, собственно имѣетъ ближайшую связь ни въ коемъ случаѣ не съ самимъ предметомъ игры и его внѣшней формой, точно такъ же отнюдь не съ его собственной цѣнностью и обнаруживающимся уже его примѣненіемъ, но скорѣе съ тѣмъ, что ребенокъ можетъ изобразить посредствомъ даннаго предмета, съ тѣмъ, что онъ можетъ представлять себѣ, духовно созерцать, мыслить, подъ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ образомъ и въ связи съ нимъ, слѣдовательно,—и это крайне важно въ дѣтскихъ играхъ— съ тѣмъ, что во время игры и при игрѣ происходитъ въ душѣ ребенка, что пробуждается игрою внутри его и получаетъ дальнѣйшее развитіе и форму въ теченіе игры. Вотъ что доставляетъ ребенку удовольствіе въ игрѣ, обуславливаетъ его удовлетвореніе ею, а отнюдь не предметъ игры самъ по себѣ. Поэтому изъ всѣхъ предметовъ дѣтскихъ игръ, каковъ бы ни былъ ихъ внѣшній видъ, наибольшее удовольствіе доставитъ ребенку тотъ, посредствомъ и съ помощью котораго онъ сможетъ создать и реализовать наибольшее число образовъ, т.-е. сумѣетъ вызвать въ себѣ наибольшее количество вполне удовлетворяющихъ его представлений, живыхъ образовъ и фантазій, и при томъ настолько живо, какъ будто бы онъ созерцалъ ихъ дѣйствительно внутри и внѣ себя, хотя бы въ самыхъ несовершенныхъ очертаніяхъ и формахъ. Это созерцаніе и дѣйствительное представленіе вещей внѣ себя даже въ очень несовершенномъ видѣ, всегда однако въ видѣ нѣкотораго замкнутаго цѣлага, и есть именно то, что придаетъ игрѣ представленія и вызываемой представленіемъ и связанной съ нимъ игрѣ фантазіи столь высокую, исключительную цѣнность, укрѣпляющее и развивающее значеніе въ сравненіи съ пустой, образовательной только самой по себѣ или даже вовсе пустой областью понятій. (Въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя—безгранична и можетъ поэтому развиваться даже за предѣлы всякой формы и внѣшности, не связана никакими условіями, никакой возможностью прочнаго, яснаго и опредѣленнаго

жизненнаго образа, а первая, т.-е. область воображенія, какъ разъ исходитъ изъ такого образа. Пусть эти представленія сами по себѣ и несовершенны, зато они представляютъ собою замкнутое въ себѣ, вполне опредѣленное, рѣзко ограниченное и уже, несомнѣнно, существующее цѣлое, которое можетъ достигнуть совершенства и законченности въ дальнѣйшемъ образованіи при настойчивости, прилежаніи, ловкости и способности, а этого всего можно достигнуть въ известномъ смыслѣ съ помощью твердой воли.

Въ этомъ заключается неизмѣримое и неисчислимое достоинство изложенныхъ здѣсь въ своихъ основахъ первоначальныхъ практическихъ мѣръ, способа веденія дѣтскихъ игръ и занятій, равно какъ и вообще способа развитія, воспитанія и образованія дѣтей и юношества, который собственно одинаково важенъ для всѣхъ положеній и отношеній въ жизни, но особенно важенъ для всѣхъ положеній и поприщъ жизни дѣятельной, практической. Онъ избавляетъ отъ мучительной для внутренняго состоянія и разрушительной и губительной по внѣшнимъ проявленіямъ или, по крайней мѣрѣ, запутывающей, бессодержательной и безформенной, пустой и безграничной жизни воображенія и фантазіи, предоставляя сверхъ того человѣку въ жизни все то, на что рассчитываетъ и надѣется его умъ, чего жаждетъ его сердце и въ чемъ нуждается его внѣшнее существованіе. Онъ даетъ, съ одной стороны, жизни человѣческой, т.-е. мысли, чувству и дѣйствіямъ человѣка матеріаль и содержаніе, внутреннюю и внѣшнюю форму, придаетъ имъ значеніе и цѣнность, а съ другой,—самому человѣку, какъ въ смыслѣ отдѣльныхъ людей, такъ и въ смыслѣ всего человѣческаго рода, онъ даетъ жизнь, больше того—указываетъ призваніе, назначеніе, цѣль въ жизни, открываетъ ему идею истинной и дѣйствительной жизни, которая должна стать самой истиной и реальностью, которая дѣлаетъ человѣка счастливымъ и удовлетворяетъ его,

„Я живу, и вы должны также жить“. Эти слова великаго Воспитателя человѣчества и есть тотъ миръ, который онъ оставилъ намъ, уходя отъ насъ, и котораго не можетъ дать

міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ заключается и весь завѣтъ, который онъ хотѣлъ оставить намъ своею жизнью и своимъ ученіемъ; т.-е. предрѣшенное и познанное имъ единеніе жизни и природы, человѣчества и Божества должно, наконецъ, оправдаться въ дѣйствительности. Должны оправдаться его слова: „Дѣтямъ принадлежитъ Царство Небесное“. Слова: „Кто принимаетъ дитя, тотъ Меня принимаетъ“ должны сдѣлаться истиной, а не блестящей, тщеславной, но ничтожной фразой, потворствующей корыстолюбію, себязлюбію, личной пользѣ и т. д. и т. д., и даже питающей вражду между партіями.

То, что сказано здѣсь по поводу кубика, могло бы быть сказано также и по поводу разсмотрѣнныхъ уже раньше способовъ воспитанія дѣтей, равно какъ и при обзорѣ всѣхъ слѣдующихъ способовъ веденія игръ и занятій, и при томъ, какъ въ качествѣ вступленія, такъ и въ качествѣ заключенія этихъ обзоровъ; ибо это и составляетъ именно ту душу, которая живетъ въ цѣломъ и которой это цѣлое обязано своимъ существованіемъ, своею жизнью и дальнѣйшимъ развитіемъ. Но такъ какъ это выдвинулось именно здѣсь, какъ бы въ центрѣ нашего разсужденія и при томъ въ качествѣ центрального пункта цѣлаго, то кто могъ бы и хотѣлъ бы умолчать здѣсь объ этомъ! Итакъ, мы должны здѣсь, прежде всего, заявить, что мы сказали это разъ навсегда, но хотя мы разъ это уже сказали, все-таки то же можно и, собственно, даже должно было бы повторять при каждомъ изъ слѣдующихъ дальнѣйшихъ сужденій, ибо въ прогрессивномъ ростѣ и все большемъ и большемъ разнообразіи приѣмовъ при развитіи дѣтскихъ игръ и занятій, вышеприведенное положеніе находить себѣ все болѣе и болѣе прочное и широкое подтвержденіе.

Законъ посредства есть важнѣйшій законъ вселенной и человѣчества и, вообще, законъ жизни; а ребенокъ, какъ членъ человѣческаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ частица общей жизни, долженъ разсматриваться съ раннихъ поръ въ полномъ соотвѣтствіи съ высшими и всепроникающими законами жизни, долженъ сообразно съ ними разви-

ваться и воспитываться. Но ребенокъ къ тому же самъ по себѣ есть сама жизнь, а его игры и занятія—выраженія этой жизни; поэтому и посредство въ его играхъ, въ приѣмахъ и способахъ ихъ веденія должно являться необходимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне естественнымъ. Доказательство—налицо, при ближайшемъ же предметѣ игры.

Шаръ и кубикъ представляютъ собою прямая противоположности; они относятся другъ къ другу, какъ единство и множество, особенно же, какъ движеніе и покой, какъ круглое и прямое. Но законъ посредства требуетъ для обопхъ этихъ противоположно-равныхъ тѣлъ и предметовъ игры чего-нибудь посредствующаго между ними, а такой промежуточной стадіей между ними является катокъ: онъ соединяетъ въ себѣ замкнутое единство, представляемое его круглой поверхностью, и множество, выраженное въ его обихъ плоскостяхъ. Основаніе его—поверхность катка—въ первомъ случаѣ (при единствѣ) выражаетъ движеніе, во второмъ случаѣ (при множественности)—покой, соединяетъ въ себѣ прямое и круглое.

Такимъ образомъ, катокъ есть пятый предметъ для дѣтскихъ игръ, и жизнь ребенка, особенно на лонѣ природы, подтверждаетъ истинность и справедливость этого его назначенія; стоитъ только посмотрѣть, какъ охотно дѣти играютъ съ каткообразными или круглыми деревяшками, съ такъ называемыми „городками“, а особенно съ отпиленными отъ нихъ болѣе короткими и болѣе похожими на дискъ кружками, что въ сущности одно и то же, такъ какъ и послѣдніе катятся къ своей цѣли, болѣе по прямому направленію.

Итакъ, мы видимъ—и это намъ особенно пріятно,—что въ выборѣ этихъ трехъ раннихъ и почти самыхъ первыхъ дѣтскихъ игрушекъ, мы съ одной стороны, строго сообразовались съ требованіями мысли и идеи, а съ другой—приноравливались къ свободной жизни ребенка и ея требованіямъ; и обоими этими путями приходили все-таки къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Такъ какъ уже болѣе, чѣмъ на десятилѣтнемъ опытѣ, въ теченіе котораго эти средства и приемы игръ

примѣнялись, какъ на отдѣльныхъ дѣтяхъ, такъ и въ цѣлыхъ дѣтскихъ кружкахъ, они и въ жизни дѣтей вызвали свободное, чрезвычайно легкое развитіе, то ны можемъ быть увѣрены, что мы правильно и справедливо выбрали орудія развитія на имѣющейся здѣсь въ виду первой ступени дѣтскаго возраста.

Объ особенномъ примѣненіи катка и употребленіи его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ говоритъ больше нечего: это само собой вытекаетъ изъ его ви́шняго вида, а также и изъ примѣненія обоихъ раньше разсмотрѣнныхъ спутниковъ дѣтскихъ игръ.

Однако, необходимо сдѣлать замѣчаніе иного рода, имѣющее существенное значеніе: шаръ, катокъ и кубикъ, какъ противоположности со своимъ посредствующимъ элементомъ, являются въ игрѣ, подобно упомянутымъ выше двумъ тройкамъ мячей, замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ, и въ своей совокупности, напоминающей семью, образуютъ второй даръ игры. Позже мы даемъ руководство для дальнѣйшаго ихъ примѣненія въ играхъ.

Здѣсь же я позволю себѣ сдѣлать только одно небольшое указаніе на отношеніе этихъ первыхъ предметовъ дѣтской игры къ болѣе широкому кругу явленій общественной жизни и сферы искусства. Кубикъ, катокъ и шаръ, какъ нераздѣльная тройца, указываютъ на другую тройцу въ области архитектуры: колонну съ пьедесталомъ (кубикъ), столбъ (катокъ) и капитель (шаръ).

Благодаря такому соединенію противоположностей съ посредствующимъ элементомъ въ одно замкнутое цѣлое, которое и въ архитектурной постройкѣ представляется мнѣ наиболѣе существеннымъ, а также, вообще, благодаря троичности, постоянно объединяющей противоположности, проходящей черезъ все ихъ расчлененіе, я считаю доказаннымъ, обоснованнымъ и какъ бы покоящимся на какомъ-то высшемъ общемъ законѣ творчества, что въ возвышенномъ стилѣ повсюду, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, сохраняются въ чистотѣ колоннады, какъ основное условіе благороднаго архитектурнаго искусства. Вѣдь онѣ не только представляютъ

собою прекрасное, законченное цѣлое, но и выражаютъ собою ясную, простую мысль, полную жизни идею; точно такъ же и готическій стиль получилъ свое значеніе только благодаря тому, что съ соблюденіемъ законовъ числа, формы и величины онъ является выраженіемъ подражанія природѣ, напр., хотя бы въ переплетеніи въ готическихъ или крестообразныхъ аркахъ сучьевъ деревьевъ, расположенныхъ вполнѣ естественно, но въ то же время и въ извѣстномъ порядкѣ.

Здѣсь это подчеркивается такъ опредѣленно затѣмъ, чтобы указать на объединяющій и единый въ себѣ духъ, который обнаруживается во всемъ томъ, что во всѣ времена и на всемъ вѣчномъ шарѣ вытекало изъ ясной мысли, изъ чистой идеи человѣка, какъ внѣшнее ея выраженіе; далѣе, затѣмъ, чтобы указать на тотъ единый въ себѣ духъ, который обнаруживается въ жизни людей и природы и притомъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, хотя бы и на различныхъ ступеняхъ развитія.

Этотъ единый въ себѣ и потому объединяющій духъ человечества и отдѣльныхъ людей, этотъ единый въ себѣ духъ влечетъ за собой въ свою очередь единеніе въ природѣ и человечествѣ; такъ и проявляющійся всюду единый духъ Божій, созидающій всю нашу жизнь и снова объединяющій ее въ высшемъ сознаніи, долженъ, въ виду того, что мы, люди, стремимся объединить истину сначала въ самихъ себѣ, затѣмъ другъ въ другѣ въ отдѣльныхъ личностяхъ, далѣе, въ семьѣ, общинѣ и, наконецъ, въ жизни цѣлаго народа,—долженъ заставить насъ чувствовать себя нераздѣльнымъ цѣлымъ со всѣмъ человечествомъ, познать это и тогда уже жить сознательною жизнью. Этотъ духъ единенія долженъ распространяться на всю жизнь ребенка подобно дуневнію весны, объединять ее; онъ долженъ съ раннихъ поръ освѣщать и согрѣвать жизнь человѣка, подобно ясно восходящему утреннему солнцу, которое, озаряя своими лучами все живущее, хотя и способствуетъ расчлененію жизни и живущихъ другъ отъ друга, но въ то же время снова объединяетъ все своимъ единымъ въ себѣ свѣтомъ. И такъ какъ „только то есть духъ, что даетъ жизнь“, то и истинный духъ

ранняго дѣтскаго воспитанія, который снова будить жизнь въ насъ и вокругъ насъ, возвращаетъ намъ эту жизнь и насъ возвращаетъ въ жизни; только благодаря этому духу, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлыя народы и государства, а равно и все человѣчество достигаютъ своей давно ожидаемой и давно желаемой цѣли— „всесторонняго единства въ жизни“.

Итакъ, теперь въ своемъ разсмотрѣннн игръ, средствъ для занятій и даровъ, относительно употребленія которыхъ, какъ уже часто мы говорили, мы должны сослаться на жизнь, на примѣненіе ихъ въ истинно-духовныхъ дѣтскихъ садахъ и въ семействахъ, поддерживающихъ этотъ духъ, равно какъ и на вышедшія и на выходящія еще по этому вопросу сочиненія, мы пришли къ очень существенному отдѣлу. Его сущность мы должны имѣть въ виду прежде всего, ранѣе, чѣмъ приступить съ увѣренностью къ дальнѣйшимъ построеніямъ на его основѣ и къ дальнѣйшимъ выводамъ по интересующему насъ вопросу, которые соотвѣтствовали бы истинѣ и имѣли бы жизненное значеніе.

Въ чемъ же заключается сущность раасмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ средствъ для игры? Въ томъ, что каждое изъ нихъ, каждый предметъ игры былъ всегда отдѣльнымъ, замкнутымъ въ себѣ, нераздѣльнымъ цѣлымъ, и только, въ концѣ концовъ, въ заключеніе собственно нашихъ разсужденій мы видимъ, что три отдѣльныхъ предмета по ихъ взаимнымъ отношеніямъ другъ къ другу могутъ въ свою очередь образовать нѣчто цѣлое, единое въ себѣ, какъ раньше мячъ, но, въ противоположность ему, цѣлое, состоящее изъ отдѣльныхъ частей, которыя относятся между собою и къ цѣлому такъ же, какъ отдѣльные члены къ единому въ себѣ цѣлому. Но такъ какъ онѣ до сихъ поръ въ предыдущихъ обсужденіяхъ разсматривались сами, какъ цѣлыя, то, слѣдовательно, онѣ являются расчлененными цѣлыми.

И это свойство вещей быть членомъ цѣлаго и въ то же время цѣлымъ, быть расчлененнымъ цѣлымъ, такое пониманіе и толкованіе вещей, а также и человѣка

и даже самаго маленькаго ребенка въ наиболѣе раннихъ стадіяхъ его развитія, настолько важно, что взрослый человѣкъ, а тѣмъ болѣе ребенокъ не можетъ быть достаточно рано введенъ въ наблюденіе и изученіе, въ пониманіе и толкованіе этого явленія. То же самое подтверждается и слѣдующей игрушкой, слѣдующимъ средствомъ для игры, и это вполне ясно вытекаетъ изъ предыдущаго, изъ разсмотрѣнія шара, катка и кубика, являющихся въ совокупности единымъ въ себѣ цѣлымъ и образующимъ такимъ образомъ второй даръ.

Но къ тому же приводитъ насъ и материнскій инстинктъ: мать старается успокоить своего трудно поддающагося успокоенію ребенка, предоставляя въ его распоряженіе массу вещей. Точно такъ же и ребенокъ инстинктивно старается забрать побольше предметовъ, которые можно соединить между собой, при чемъ предметы, поддающіеся разъединенію, онъ охотно дѣлитъ на части и эти части съ удовольствіемъ разсматриваетъ въ одиночку, отдѣльно отъ остальныхъ.

Съ этимъ врожденнымъ влеченіемъ ребенка къ раздѣленному и расчлененному цѣлому и съ требованіемъ, выставленнымъ для слѣдующаго дара игры уже въ концѣ употребленія втораго дара, какъ такого цѣлаго, состоящаго изъ различныхъ членовъ, согласуется также и законъ прогрессивованія средствъ для игры. Имъ обимъ удовлетворяетъ кубикъ, однажды раздѣленный по линіямъ, проведеннымъ посрединѣ каждой изъ его граней, и соединяющій въ себѣ такимъ образомъ противоположности единства и множественности. Такимъ образомъ прежній цѣлый кубикъ оказывается раздѣленнымъ на восемь совершенно равныхъ частичныхъ кубиковъ и этимъ какъ бы говорить: форму куба очень важно наблюдать въ жизни, и вотъ передъ вами восемь совершенно равныхъ между собою частичныхъ кубиковъ.

Такъ оно бываетъ и въ дѣйствительности. Познаніе кубической формы настолько важно для жизни въ цѣломъ ея объемѣ, во всѣхъ отношеніяхъ—по отношенію къ внутренней и внѣшней жизни, по отношенію къ природѣ и жизни человѣка, по отношенію къ жизни искусства и науки и, на-

конецъ, по отношенію къ дѣловой и практической жизни,— что человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ даже невозможно достаточно рано и убѣдительно ввести въ ея пониманіе и толкованіе. Указанія на это въ жизни и доказательства этого изъ жизни неисчислимы. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Винкельманъ говоритъ намъ (это отмѣчено нами и въ другомъ мѣстѣ): „Въ одномъ древнемъ храмѣ въ Греціи, граціи почитались сначала подѣломъ трехъ правильныхъ кубовъ“. Уже изъ этого вытекаетъ важность куба, особенно для искусствъ, ивобразительныхъ въ свободномъ пространствѣ; для скульптуры, для архитектуры, какъ высшей, такъ и житейской, значеніе его вполнѣ ясно и безъ того. Въ области науки знаніе кубической формы при изслѣдованіи тѣлъ есть то же, что и прямая линія при изученіи сущности плоскостной формы.

Даже въ области нравственной жизни и ея запросовъ кубическая форма полна смысла и значенія. Сколь же поучительна она въ столь же древнемъ, какъ и широко распространенномъ обществѣ, преслѣдующимъ цѣли общаго достиженія истинной гуманности, и притомъ не только въ качествѣ многосторонняго символа этого общаго стремленія и условій достиженія его цѣли! Поэтому то и при самомъ первомъ и самомъ простомъ дѣленіи куба, доступномъ даже ребенку, нашему вниманію предлагается опять таки кубикъ, хотя и въ видѣ нѣсколькихъ кубиковъ, а именно восьми. Поэтому также представляется по истинѣ волшебнымъ, какъ это во семь такихъ простыхъ кубиковъ, изъ которыхъ каждый обнаруживаетъ точно то же, что и всякій другой, такъ сильно привлекаютъ вниманіе дѣтей и притомъ уже съ двухлѣтняго возраста; какимъ образомъ эта совсѣмъ простая игрушка съ ея постоянно неизмѣняемой формой и внѣшностью, съ ея постоянно сохраняющимся числомъ оказывается дѣйствительно пріятной, искренно дорогой и цѣнной для дѣтей, обладающихъ свойствомъ постоянно стремиться къ чему-нибудь иному и новому; съ какимъ удовольствіемъ они усваиваютъ это маленькое число постоянно однихъ и тѣхъ же спутниковъ своихъ игръ, подобно тому, какъ сказочный міръ свыкается

со своими маленькими гномами именно потому, что они ко всему приспособляются, все могут сдѣлать, вездѣ готовы помочь. Доказательствъ такого искренняго, нѣжнаго и сердечнаго единенія этихъ восьми постоянныхъ, неизмѣнныхъ кубиковъ съ самыми сердечными, нѣжными и истинно ангелоподобными дѣтьми такъ много въ истинныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ для дѣтей, равно какъ и въ семьяхъ, заботливо стремящихся къ наиболѣе свободному развитію дѣтей, что объ этомъ пишутся цѣлые томики занимательныхъ дѣтскихъ разсказовъ, которые и можно было бы представить противникамъ этого средства воспитанія въ качествѣ ясно говорящаго за себя и при ихъ невѣденія дѣтской природы и тѣхъ закономѣрныхъ формъ, которыя вліяютъ на нее въ развивающемъ смыслѣ, вполне, конечно, убѣдительнаго доказательства того, что они совершенно напрасно возстаютъ противъ примѣненія восьми маленькихъ кубиковъ въ качествѣ спутниковъ игры именно наиболѣе чувствительныхъ и наиболѣе сохраняющихъ свойства своего возраста дѣтей. Хотя бы это удалось и не по отношенію ко всѣмъ противникамъ, но все-таки тѣ изъ нихъ должны примѣнить эти немногочисленные строки къ уразумѣнію истиннаго внутренняго отношенія этой игрушки къ дѣтямъ и къ самымъ глубокимъ запросамъ ихъ развитія и образованія, которые, не поддаваясь вліянію пружинъ, исчислять которыя поименно было бы здѣсь неумѣстно, подъ вліяніемъ только глубокой, святой и достойной уваженія смѣлости чувствуютъ себя обязанными испытать все, что черезъ посредство ихъ чувства, ума и жизни, опыта и излѣдованія открываетъ имъ въ области воспитанія ихъ чистая натура, любящая дѣтей, людей и человѣчество. Этимъ мы вернемъ нашимъ дѣтямъ настоящее дѣтство, т.-е. жизнь, въ которой ихъ духъ, настроеніе и сила воли, чувство, мысль и поступки являются и укрѣпляются, какъ единое въ себѣ цѣлое, прежде, чѣмъ они принуждены будутъ вступить во внѣшнюю жизнь съ ея необходимымъ для высшаго сознанія разобщеніемъ. Это разобщеніе допускается для наблюдающаго, мыслящаго и сравнивающаго духа и для внѣшней жизни, даже требуется

ими, но ему ни въ коемъ случаѣ нѣтъ мѣста въ нашемъ внутреннемъ самосознаніи, которое какъ разъ и предназначено для того, чтобы все, разъединенное по внѣшности мыслительной дѣятельностью нашего духа, нашимъ разсудкомъ, а также и разъединенное въ явленіяхъ внѣшней жизни, постоянно понимать и закрѣплять въ его первоначальномъ внутреннемъ единствѣ.

Въ высшей степени замѣчательно и важно, что человѣка никогда нельзя научить или хотя бы приучить выполнять это труднѣйшее въ жизни требованіе или жить сообразно съ этимъ, какъ говорятся, величайшимъ въ жизни искусствомъ, такъ какъ оно зависитъ какъ разъ отъ пониманія и условія исконнаго, первоначально внутренне-единаго въ себѣ состава явленій жизни; поэтому это искусство можно только воспитывать съ раннихъ поръ въ человѣкѣ, въ ребенкѣ, укрѣплять и развивать рано, поэтому также необходимо рано; даже съ самаго появленія ребенка на свѣтъ наблюдать его въ немъ. Но надо замѣтить, что, какъ то, такъ и другое находятъ себѣ самое надлежащее мѣсто именно при обсужденіи соответствующихъ приемовъ наблюденія и руководства дѣтской жизнью, соответствующихъ способовъ развитія и воспитанія, а также,—что не менѣе важно, чѣмъ само наблюденіе: мячь, катокъ и кубикъ, возбуждающіе наиболѣе недоброжелательства противъ всего нашего способа пониманія и толкованія дѣтскаго возраста, наиболѣе оспариваемое нашими противниками средство для игры, а вмѣстѣ съ ними и наши восемь простыхъ одинаковыхъ кубиковъ—какъ разъ выполняютъ въ совершенствѣ упомянутое труднѣйшее требованіе, ведутъ наиболѣе удовлетворительнымъ путемъ къ упражненію въ упомянутомъ величайшемъ искусствѣ жизни. Въдѣ именно они въ своемъ постоянномъ и рѣзкомъ внѣшнемъ раздѣленіи, о которомъ мы говорили, культивируютъ и развиваютъ искомыя качества и притомъ, какъ показываетъ жизнь многихъ сотенъ дѣтей, посвящающихъ себя этимъ занятіямъ, самымъ нѣжнымъ, осязательнымъ, теплымъ, чистымъ и строго единымъ способомъ. Это самое разительное доказательство приемлемости и глубокой обоснованности от-

ставяемой нами идеи истиннаго воспитанія челоуѣка: именно то, что они должны были бы обнаружить по своей незначительности, поднимаетъ ихъ значеніе на недосягаемую высоту. Такое же значеніе имѣеть и упрекъ въ томъ, будто дѣти во время занятій фрѣбелевскими играми во фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садахъ бываютъ слишкомъ серьезны и не проявляютъ ни веселой развязности, ни улыбки въ выраженія лица. Но жизнь со своей глубокой серьезностью должна быть понята ими, какъ можно, ранѣе, а особенно въ теперешнее время. Развѣ не говоритъ намъ одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ педагоговъ Жанъ Поль: „Игра для ребенка имѣеть величайшую серьезность; онъ занимается ею, точно какимъ-нибудь дѣломъ, какой-нибудь работой; она побуждаетъ его къ мысленію, приводитъ въ дѣйствіе его чувства и волю, затрагиваетъ его характеръ, умъ и поступки“. Слѣдовательно, и здѣсь — и это случается уже вторично — оружіе, направленное противъ нашего дѣла съ цѣлью поразить и уничтожить его, безъ всякаго дѣйствія и результата опускается, какъ побѣдный трофей нашего дѣла, у ногъ тѣхъ, кто направлялъ свое оружіе противъ него, чтобы его уничтожить.

Наслаждайтесь же, дѣти, фрѣбелевскими играми: онѣ обезпечиваютъ вамъ величайшее сокровище въ жизни — единую въ себѣ жизнь; онѣ обезпечиваютъ вамъ разумную жизнь, оправдываютъ чаяніе вашего сердца и укрѣпляютъ такимъ образомъ въ васъ спасительную вѣру въ единое, вѣчное, невидимое и доброе начало — Бога. При всѣхъ проявленіяхъ вашего обобщающаго мышленія, достойнаго единаго духа, при ощущеніи изящной формы вашихъ живыхъ впечатлѣній и ясной мысли въ жизни Богъ будетъ съ вами.

ГЛАВА П.

Жизнь ребенка.

Первоначальная дѣятельность ребенка.

Подобно спѣлому сѣмени, выпавшему изъ породившаго его растенія, новорожденное дитя носить жизнь въ себѣ самомъ и, подобно сѣмени, своею собственною самодѣятельностью развиваетъ жизнь изъ себя въ непрерывной, но становящейся все болѣе и болѣе духовной, связи съ общимъ жизненнымъ цѣлымъ; точно такъ же дѣйствія и поступки, равно какъ и первыя проявленія пробуждающейся жизни у ребенка, и именно дѣйствія и поступки съ своеобразнымъ выраженіемъ ихъ внутренней подкладки и вызвавшихъ ихъ душевныхъ импульсовъ,—являются, въ концѣ концовъ, дѣйствіями и поступками внутренними, имѣющими цѣлью посредствомъ внѣшняго проявленія обнаружить эту внутреннюю дѣятельность. Слѣдовательно, это—дѣйствія внутреннія, направленные на наблюденіе и обработку внѣшняго міра, на преодоленіе внѣшнихъ препятствій, какъ таковыхъ, на проининовеніе въ область внѣшняго міра. Итакъ, дѣйствія и поступки, неразрывно связанные съ ощущеніемъ и воспріятіемъ, указывающіе на дремлющее самоуразумѣніе и самовоспріятіе, равно какъ и на зарождающееся самообладаніе,—вотъ раннее проявленіе жизни у ребенка, проявленіе человѣческаго существованія въ дѣтскомъ возрастѣ.

Въ этомъ совершенно своеобразномъ способѣ дѣятельности, проявляющейся у ребенка уже по истеченіи первой такъ называемой дремотной четверти года, въ совокупности тѣхъ проявленій перваго дѣтства, каковыи удобнѣе всего охва-

тываются словомъ „заниматься“, въ стремленіи ребенка занять себя, пробуждающемся вмѣстѣ съ первыми проявленіями внутренней жизни у ребенка, т.-е. въ стремленіи, на ряду съ ощущеніемъ и воспріятіемъ жизни, дѣятельно относиться къ ея возрастающему развитію: вотъ въ чемъ заключается сущность человѣка, какъ творенія, предназначеннаго къ самопознаванію и впослѣдствіи къ самосознанію, выраженная въ довольно опредѣленно, хотя первоначально слабо и смутно, сказывающемся стремленіи къ наблюденію и уразумѣнію окружающаго. Какъ мы узнали уже съ самого начала, именно въ правильномъ пониманіи дѣтской склонности къ занятіямъ и въ надлежащемъ уходѣ за нею, въ охраненіи и предохраненіи дѣтскихъ занятій получается полное удовлетвореніе для человѣка, уже съ самого ранняго дѣтства, при его тройственномъ и въ то же время единомъ (тріединомъ) отношеніи къ природѣ, человѣчеству и божеству.

Поэтому къ уходу за дѣтскими занятіями, къ охраненію первыхъ занятій ребенка должно направляться и изъ него должно исходить все, что полагается дѣлать для истинно—человѣческаго развитія ребенка, для всесторонне-удовлетворительнаго его воспитанія; ибо склонность въ занятіямъ находится въ соответствіи съ тріединымъ проявленіемъ человѣческой дѣятельности—въ видѣ дѣйствія, ощущенія и мысленія, вполнѣ соответствуетъ его природной способности мочь, понимать, воспринимать, опознавать себя, все болѣе и болѣе сознать и опредѣлять себя; такимъ образомъ, благодаря склонности къ занятіямъ, въ ребенкѣ заключенъ весь человѣкъ, а съ нимъ и все человеческое, сама жизнь.

Несмотря на раннее проявленіе склонности къ занятіямъ человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ, хотя сначала и въ очень слабыхъ очертаніяхъ, съ совершенно неправильной точки зрѣнія говорили все-таки много о томъ, будто человѣкъ рождается на свѣтъ настолько безпомощнымъ, что лишь медленно доходитъ до самостоятельности и потому долго нуждается въ уходѣ и помощи матери; поэтому допускается мнѣніе, будто

человѣкъ въ этомъ отношеніи стоитъ позади животныхъ и ниже ихъ. Но, какъ мы неоднократно еще увидимъ впослѣдствіи, именно то, что ставитъ въ вину человѣческой природѣ, какъ необходимое слѣдствіе появленія человѣческаго существа на землѣ, что приводитъ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ краснорѣчиваго доказательства крупнаго несовершенства человѣческой природы, именно это составляетъ явное преимущество человѣка передъ всѣми земными тварями, является знакомъ его высокаго достоинства, выраженіемъ того, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію для познанія и установленія подобія Божія на землѣ, т.-е. именно того, для чего онъ явился на землѣ среди условій земной жизни. Ибо черезъ это мы познаемъ, что человѣкъ предназначенъ для свободнаго и самодѣтельнаго развитія, признанъ къ усвоенію все болѣе и болѣе высшихъ формъ самосоананія.

Животное, у котораго жизненные средства—силы и способности,—инстинкты, какъ ихъ называютъ, настолько опредѣленны и сильны, что въ свободномъ природномъ состояніи оно не ошибается и не можетъ ошибиться въ ихъ примѣненіи и преодолеваетъ ими всякое препятствіе въ предѣлахъ своего жизненнаго обихода, какъ разъ поэтому не можетъ дойти до познанія своихъ силъ, своихъ способностей, своей сущности, единства своего существа, а слѣдовательно, и до познанія многообразія вещей, главнымъ же образомъ не можетъ предугадывать и познавать единства въ себѣ (самого по себѣ), а потому и рѣшительно не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ этомъ; ибо у него вполнѣ отсутствуютъ всѣ пункты опоры для сравнительной дѣятельности духа—пункты, которые (какъ, у человѣка) именно и вызываются къ жизни тѣмъ, что во время дѣйствія силы, даже при слабомъ ея проявленіи, являются противодѣйствующія ей препятствія, которыя растутъ по мѣрѣ возрастанія самой силы и потому требуютъ, чтобы ихъ преодолевали, и притомъ съ извѣстнымъ уснціемъ, или преодолевали съ начала до конца и уничтожали.

Совершенно иначе, какъ видно изъ предыдущаго, обстоитъ дѣло въ жизни человѣка. Человѣкъ сначала почти

ничего не может сдѣлать безъ помощи извнѣ; слѣдовательно, ничего въ его жизни не дѣлается безъ препятствій, всякое дѣйствіе требуетъ напряженія и перевѣса силъ, прилагаемыхъ изнутри, надъ внѣшними препятствіями (обратное показываетъ намъ, напр., только что вылупившійся изъ яйца утенокъ, который уже плаваетъ на водѣ); поэтому все внѣшнее требуетъ со стороны человѣка преодоленія, какъ известное стѣсненіе его дѣятельности; даже въ періодъ обладанія безпомощности внѣшнее требуетъ преодоленія и притомъ исключительно только внутреннимъ увеличеніемъ и внѣшнимъ усиленіемъ и умноженіемъ силы посредствомъ свободной дѣятельности воли.

Это внутреннее самовозрастаніе силы, вытекающее изъ свободной дѣятельности воли, и обусловленное имъ увеличеніе и умноженіе внѣшнихъ ея проявленій составляетъ такимъ образомъ громадное преимущество человѣка надъ животнымъ, и тѣмъ болѣе еще, что человѣкъ рождается въ состояніи высшей безпомощности.

Безпомощность новорожденнаго человѣка, его не приспособленность по отношенію къ внѣшнему міру является полной противоположностью его будущей, въ періодъ присоединенія его къ общему единству жизни, объединенія съ общимъ жизненнымъ цѣлымъ, — способности къ самопомощи, саморазвивающейся по мѣрѣ возрастанія силы воли, а съ нею и дѣятельности. Несмотря на то, что безпомощность, какъ нѣчто внѣшнее, является противоположностью внутреннему возрастанію силы, это послѣднее именно ею должно приводиться въ дѣйствіе, на ней должно познаваться и развиваться. Подобно тому, какъ всякая вещь лучше всего познается и должна познаваться на вещи, ей противоположной, и посредствомъ нея, такъ и безпомощность должна преодолеваться посредствомъ возрастанія силы; ибо преодоленію или, скорѣе, проникновенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженію внѣшнихъ препятствій въ жизни посредствомъ собственной силы воли, повышенной силы дѣятельности и есть именно то, что обезпечиваетъ человѣку въ его соб-

ственномъ сознаниіи миръ, наслажденіе и свободу и такимъ образомъ возвышаетъ его до воплощенія въ въ себѣ образа Божія, къ чему онъ собственно и призванъ.

Безпомощность и собственная воля (собственный смыслъ) дѣлаются поэтому скоро крайними пунктами, противоположными точками (полюсами) въ жизни ребенка, для которыхъ центральнымъ пунктомъ, пунктомъ объединенія, а слѣдовательно, и уподобленія является самодѣтельность и свободная дѣятельность, занятіе, самозанятіе. Въ этомъ заключается для педагога и воспитателя человѣка ясный и вѣрный ключъ къ пониманію внутренней и внѣшней жизни дѣтей и юношества и ея часто трудно объяснимыхъ и съ трудомъ поддающихся толкованію и устраненію явленій. Этимъ путемъ открывается для воспитателя свободный доступъ для проникновенія въ свѣтлыя и темныя стороны дѣтской и юношеской жизни, для пониманія ея часто противорѣчивыхъ на первый взглядъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, на почвѣ стремленія къ дѣятельности и занятій, основанныхъ на самодѣтельности, или, лучше сказать, изъ трехъ элементовъ—безпомощности, собственной воли и занятій получается скоро постепенное привыканіе къ нимъ, образуется привычка (часто инертность, вялое къ нимъ отношеніе). Это не обходимо замѣтить и подчеркнуть, а такъ же легко и доказать убѣдиться въ этомъ: въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе (въ жизни ребенка, и при сужденіяхъ о ней объ этомъ особенно важно помнить) легко вызываетъ явленіе, ему противоположное, и человѣкъ точно такъ же легко осваивается съ тѣмъ, въ чемъ онъ имѣетъ возможность проявить самостоятельную дѣятельность, и, наоборотъ, проявляетъ самодѣтельность въ томъ, съ тѣмъ вполнѣ освоился.

Поэтому изучать въ ребенкѣ привычки и навыки, приспособленія, въ особенности по отношенію къ ихъ причинамъ и слѣдствіямъ, для воспитателей такъ же важно, какъ и изучать и воспитывать въ нихъ стремленіе къ занятіямъ. Можно было бы показать, что явленіе привыканія, приспособленія въ ребенкѣ, рано наблюдаемое явленіе срастанія, объединенія ребенка съ окружающими его пред-

метами и есть доказательство присутствія и внутренняго дѣйствія въ немъ съ раннихъ поръ склонности къ дѣятельности и занятіямъ, даже и тогда, когда по внѣшности ребенокъ является бездѣтельнымъ и пассивнымъ; ибо ребенокъ приноравливается къ окружающимъ его предметамъ, отношеніямъ и требованіямъ для того, чтобы расширить арену своей внутренней дѣятельности.

Подобно тому, какъ изъ свободной дѣятельности и самодѣятельности ребенка получается привычка, точно такъ же изъ этой послѣдней развивается раздражительная дѣятельность, раздражаніе; и ее также не менѣе важно не оставлять безъ разсмотрѣнія, какъ и явленіе привычки, приспособленія и самодѣятельности, (при уходѣ за дѣтми и дѣтской жизнью); ибо мы видимъ, что внутренняя, духовная жизнь ребенка проявляется въ явленіяхъ трехъ родовъ— свободной дѣятельности, привычекъ и раздражаніи,—образующихъ собою тріединое замкнутое въ себѣ цѣлое. Эти три явленія являются съ ранняго возраста тѣсно соединенными между собою въ жизни ребенка и даютъ намъ въ высшей степени важныя о ней свѣдѣнія по отношенію къ причинамъ и слѣдствіямъ и наиболѣе прочныя указанія для правильнаго ея толкованія въ раннихъ ея проявленіяхъ. Поэтому ни одно изъ этихъ явленій не можетъ быть исключено при надлежащемъ разсмотрѣніи явленій дѣтской жизни, удовлетворяющемъ условіямъ человѣческой натуры; ибо всѣ они имѣютъ одинаково глубокія основанія въ человѣческомъ существѣ по отношенію къ ихъ источнику¹⁾; также въ общности трехъ видовъ дѣятельности обнаруживаются цѣли, находящіяся въ полномъ соотвѣтствіи съ существомъ ребенка, какъ чловѣка, а именно цѣли: 1) сохранять себя въ томъ состояніи, въ которомъ ребенокъ себя чувствуетъ и находится, какъ существо самостоятельное и въ цѣломъ все-таки

¹⁾ Вълѣдствіе важности этого предмета мы еще вернемся къ нему впоследствии и тогда разсмотримъ его подробнѣе я въ болѣе широкой связи; здѣсь же для общаго обоснованія послѣдующихъ разсужденій достаточно приведеннаго краткаго указанія.

находящееся въ состояніи покоя; 2) укрѣплять себя, свои члены, свои чувства, давать имъ упражненіе, развивать ихъ и сообщать имъ свободную дѣятельность, достигая такимъ образомъ въ себѣ и притомъ своими собственными средствами все большей и большей самостоятельности и индивидуализаціи и опредѣляя свою собственную фізіономію; наконецъ, 3) пріобрѣтать свѣдѣнія, убѣждаться въ своей самостоятельности и индивидуальности и въ самостоятельнымъ существованіи того, что его окружаетъ.

Эту цѣль общей жизни, вытекающую изъ нея общую дѣятельность и лежащее въ основѣ ихъ обѣихъ жизненное единство выражаетъ уже первый спокойный взглядъ дѣтскаго глаза; поэтому первый его ясный взоръ такъ внутренне радуется и возвышенно настраиваетъ окружающихъ; вѣдь онъ свидѣтельствуетъ о появленіи самостоятельности и индивидуальности, обнаруживаетъ увѣренность въ сохраненіи ихъ, а также признаніе ихъ вокругъ себя и возвѣщаетъ о будущемъ, хотя пока еще и глубоко дремлющемъ, предчувствіи жизненнаго единства, слѣдовательно, о возвышеніи человѣка надъ бессознательной природой и о полномъ выраженіи своего достоинства, своей принадлежности къ человѣческому роду.

Изученіе окружающаго, самостоятельное воспріятіе внѣшняго міра и игры, самостоятельное дѣйствіе, исходящее изъ внутреннихъ побужденій, проявленіе своей внутренней жизни являются такимъ образомъ первыми самостоятельными занятіями ребенка, если его тѣлесныя потребности удовлетворены и если онъ чувствуетъ себя здоровымъ и сильнымъ. Это двоякое проявленіе жизни, въ видѣ ощущенія внѣшняго міра и проявленія собственной внутренней жизни, съ необходимостью вытекаетъ изъ существа ребенка и человѣка вообще; ибо назначеніе человѣка на землѣ состоитъ именно въ томъ, чтобы посредствомъ испытательнаго внутреннего воспріятія внѣшняго міра, посредствомъ изучающаго преобразования своего существа, представленія своего внутреннего міра виѣ себя и посредствомъ опытнаго сравненія ихъ обоихъ достигнуть позна-

ніа ихъ единства, познанія жизни въ себѣ (самой по себѣ) и точнаго соблюденія ея требованій.

Такимъ образомъ мы видимъ, что человѣкъ, благодаря этимъ тремъ видамъ своей дѣятельности, рано постигаетъ свое назначеніе. Точно такъ же въ нихъ разрѣшаются и всѣ явленія всей его будущей жизни, въ нихъ заключается какъ бы тріединный относительный и центральный пунктъ всей жизни.

Но для достиженія своихъ цѣлей и выполненія своего назначенія на землѣ человѣкъ надѣленъ, съ одной стороны, чувствами, органами для перевода внѣшняго міра внутрь себя, а съ другой—силою тѣлесной и членами для того, чтобы представлять свой внутренній міръ внѣ себя, слѣдовательно, по отношенію въ матеріи и посредствомъ матеріи; наконецъ, для того, чтобы постигать духовное единство, человѣческое существо является въ видѣ способнаго къ предугадыванью и единого чувства, поскольку оно является и воспринимающимъ и объединяющимъ въ себѣ духомъ.

Поэтому отсюда само собою ясно, насколько въ первомъ отношеніи важно для человѣка съ самого его появленія на землѣ, слѣдовательно, и для ребенка воспитаніе его тѣла и чувствъ; но такъ же точно и во второмъ отношеніи, въ отношеніи духовной, сравнивающей и объединяющей его дѣятельности,—насколько важенъ для ребенка способъ ознакомленія съ внѣшнимъ міромъ и его воспріятія внутрь человѣка, равно какъ и способъ самихъ самостоятельныхъ занятій, выражающихся въ играхъ, и особенно насколько все это важно для характера его опытовъ, заключеній и сужденій, для духа его познанія и пониманія, которое онъ извлечетъ изъ него, а также и для выраженія его существа, которое такимъ путемъ обнаруживается.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ жизнь человѣка, при всемъ неизбѣжномъ разнообразіи ея явленій, есть законченное въ себѣ единство, точно такъ же можно познавать и наблюдать всѣ проявленія духовной дѣятельности человѣка, хотя и обнаруживающіяся вполне рельефно только впослед-

ствіи и существующія въ дѣтствѣ лишь въ едва замѣтныхъ слѣдахъ и очень слабыхъ зародышахъ, но все-таки уже съ самыхъ первыхъ шаговъ питомца.

Не говорите мнѣ, возлюбленные родители и воспитатели дѣтей: „Какъ могутъ быть заложены въ жизни, особенно только что упомянутыя духовныя направленія и отношенія въ жизни ребенка, рождающагося такимъ несоанательнымъ и беспомощнымъ?— Конечно, они заложены въ немъ со дня рожденія и, если бы не были заложены, то ихъ нельзя было бы и развить въ немъ; на томъ, что они въ немъ заложены, основана любовь къ дѣтямъ у высшаго Друга дѣтей, его сужденія о нихъ, его сопоставленіе ихъ съ собою, его требованія для нихъ. Если бы они не были въ немъ заложены, то и материнское чувство, обладающее способностью непосредственнаго познания, не стало бы смотрѣть на ребенка съ перваго момента его появленія, его существованія, какъ на существо, надѣленное пониманіемъ, воспріятіемъ и волею, и онъ въ такомъ случаѣ никогда не могъ бы сдѣлаться собственностью и плодомъ жизни матерей; ибо, гдѣ нѣтъ предрасположенія къ чему-либо и зародыша чего-либо, тамъ это что-нибудь никогда не можетъ быть вызвано и явиться.

Итакъ, смутное предчувствіе сознательной жизни внутри себя и жизни вокругъ себя, основанное на этомъ упражненіи собственныхъ силъ, испытаніе этихъ силъ и вытекающее отсюда сравненіе, упражненіе своей самостоятельности, испытаніе ея и вытекающее отсюда сравненіе—вотъ самый крайній пунктъ и наиболѣе глубокое основаніе всѣхъ явленій въ первый и наиболѣе ранній періодъ жизни ребенка, основаніе первыхъ шаговъ его дѣятельности.

Поэтому дадимъ ребенку, какъ только пробудится его самостоятельность и самостоятельная дѣятельность, пробудится въ немъ способность распоряжаться своими членами и чувствами, какъ только онъ станетъ свободно двигать сво-

ими рученками и ножками, воспринимать звуки, различать ихъ и направлять свое вниманіе, свои взоры туда, откуда они идутъ,—дадимъ ему тогда такой предметъ для его пробудившейся самодѣтельности и самостоятельной дѣятельности, который самъ выражаетъ собою самостоятельность и въ то же время подвижность, который можетъ быть охваченъ, понятъ ребенкомъ въ этой его самостоятельности и подвижности, въ которомъ, какъ и въ собственной душѣ ребенка, таится единство всякаго многообразія, которое бросается ему въ глаза въ его новомъ положеніи въ жизни, въ которомъ онъ, хотя бы еще и соисѣмъ безсознательно, можетъ видѣть, какъ въ зеркалѣ, собственную, скрытую въ немъ самомъ, самостоятельную и въ то же время подвижную жизнь, равно какъ можетъ упражнять и испытывать ее. Такимъ предметомъ оказывается шаръ, или, скорѣе, мячъ.

ГЛАВА III.

Мячъ,

первая дѣтская игрушка.

Уже самое слово „мячъ“ (Ball) на нашемъ ясномъ по своему составу и способу выраженія языкѣ полно значенія и выразительности: оно обозначаетъ, что „В—all“, есть какъ бы изображеніе всего (Bild vom All), изображаетъ собою все (Bild des All). Но, кромѣ того, мячъ имѣетъ еще особенную прелесть, такую полную жизненнаго значенія привлекательность для перваго дѣтства, равно какъ и для слѣдующаго за нимъ юношескаго возраста, что безъ всякаго сравненія и выбора является первой и самой важной игрушкой, въ особенности для дѣтскаго возраста. (На какой бы несовершенной и темной ступени ни стояла у ребенка его способность различенія предметовъ, согласно съ законами его человѣческой природы, въ мячѣ онъ съ раннихъ поръ находитъ общее выраженіе всякаго предмета, а равно и самого себя, какъ самодовлѣющаго, цѣлаго и замкнутаго въ себѣ единства.) Это воспріятіе ребенкомъ замкнутаго въ себѣ и къ тому же законченнаго (имѣющаго вполнѣ опредѣленный конецъ) цѣлаго, которое, будучи какъ бы образомъ его самого, является въ то же время чѣмъ-то ему противопоставленнымъ, чрезвычайно важно для ребенка, какъ человѣка, предназначеннаго для самопознаванія, и будущаго носителя самосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ уже въ дѣтствѣ, какъ и вообще все въ природѣ, старается развивать себя на чемъ-либо и посредствомъ чего-либо ему противоположно-равнаго; и вотъ ребенокъ также уже съ раннихъ поръ охотно выбираетъ мячъ предметомъ своихъ занятій, чтобы въ немъ и

посредствомъ него, какъ предмета, ему вполне противоположно - равнаго, найти выходъ и средство для своего стремленія къ развитію, какъ бы это ни было бессознательно на первыхъ порахъ. И дѣйствительно, мячъ со всею совокупностью его качествъ, какъ это еще обнаружится вполне ясно при дальнѣйшемъ его разсмотрѣніи, является для ребенка во многихъ отношеніяхъ столь же поучительнымъ символомъ (прообразомъ), какъ впоследствии вся вселенная съ ея явлениями въ его зрѣломъ возрастѣ.

Есть еще и другое качество, которое придаетъ мячу не только большую привлекательность въ глазахъ ребенка, но и глубокое значеніе, какъ игрушкѣ, а такъ же, и какъ средству воспитанія. А именно, ребенокъ уже съ раннихъ поръ стремится, да и долженъ стремиться по всѣмъ своимъ общечеловѣческимъ укладамъ и назначенію въ жизни, чувствуя себя, какъ нѣчто цѣльное (хотя бы и совершенно бессознательно для самого себя), — стремится всегда въ каждомъ предметѣ или, по крайней мѣрѣ, черезъ посредство каждаго предмета и съ помощью его увидѣть нѣчто цѣлое, охватить это цѣлое, овладѣть имъ и никогда не довольствуется одною только частью его. Это можно подтвердить многочисленными указаніями изъ исторіи развитія, какъ отдѣльнаго чловѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ и всего чловѣчества. Какъ много явленій, свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ дѣтской жизни получаютъ благодаря этому себѣ объясненіе. И этому стремленію ребенка такъ же вполне удовлетворяетъ мячъ.

Далѣе, наблюденія надъ жизнью ребенка показываютъ, что онъ, подобно сказочнымъ героямъ, можетъ во всемъ видѣть все и изъ каждаго предмета все сдѣлать. И къ этому мячъ вполне приспособленъ, такъ какъ онъ, какъ замкнутое въ себѣ цѣлое, вообще носить въ себѣ изображеніе всего и въ то же время можетъ служить особымъ изображеніемъ отдѣльныхъ предметовъ, напр., изображеніемъ яблока и всего того, что является въ шарообразной формѣ и что въ свою очередь обнимаетъ цѣлый рядъ другихъ предметовъ, напр., зерна и т. п. Такимъ же образомъ мячъ или, что одно и то же, шаръ есть дѣйствительно основа, какъ

бы яйцо, носитель всѣхъ другихъ формъ, которыя могутъ такимъ путемъ съ необходимостью развиваться изъ него на основаніи прочныхъ и простыхъ законовъ; это будетъ изложено впослѣдствіи при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣтскихъ игръ и занятій. Къ тому же шаръ, если онъ является въ видѣ зеркала или съ зеркальной поверхностью, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ окружающіе его предметы, такъ какъ онъ, говоря образно, отражаетъ ихъ въ себѣ.

Итакъ, все, въ чемъ нуждается ребенокъ въ своихъ проявленіяхъ жизни и дѣятельности, какъ при самомъ началѣ, такъ и въ продолженіи своего развитія, даетъ и предоставляетъ въ его распоряженіе мячъ; ибо, будучи самъ замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ, онъ является какъ бы замѣстителемъ, общимъ выразителемъ всякаго другого цѣлаго; ребенокъ можетъ видѣть въ немъ всякое цѣлое, въ томъ числѣ и себя самого, равно какъ можетъ изъ него сдѣлать всякое цѣлое, всякій предметъ, надѣлать его своимъ собственнымъ образомъ и такъ противопоставить себѣ себя же самого.

Эти проявленія жизни и дѣятельности у ребенка должны подвергаться особенно тщательному наблюденію при уходѣ за дѣтскимъ развитіемъ, какъ основа и средство для познанія индивидуальнаго существованія, единства въ себѣ и гармоніи всѣхъ вещей, что и составляетъ собственно назначенію человѣка на землѣ. Равнымъ образомъ, нужно обратить вниманіе и на то съ ясностью вытекающее изъ этого положеніе, которое здѣсь же, при самомъ началѣ игръ у ребенка необходимо подчеркнуть, какъ въ высшей степени важное, а именно: свое значеніе, цѣнность и соотвѣтственную съ человѣческой природой дѣятельность игра почерпаетъ въ томъ духѣ, въ которомъ она задумана и получила свое начало, равно какъ и въ томъ духѣ, въ которомъ разсматривается самая игрушка и сообразно съ которымъ исполняется игра; а также духъ, которымъ проникнута природа при ея твореніи, если человѣкъ усваиваетъ его и сообразно съ нимъ изучаетъ и толкуетъ природу, придаетъ ей въ глазахъ человѣка столь же истинное, сколь и глубокое жизненное значеніе, порождающее, поддерживающее и развивающее жизнь.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ разсматривать и примѣнять мячъ прежде всего для первоначальнаго общаго укрѣпленія ребенка, для первоначальнаго упражненія его тѣлесныхъ силъ, для развитія дѣятельности его членовъ и чувствъ, а также для пробужденія и поддержанія вниманія и свободной самодѣятельности ребенка?

Совершенно согласно съ природой самого мяча и потребностями ребенка.

Однако посмотримъ, съ какимъ удовольствіемъ маленькій ребенокъ все обнимаетъ и забираетъ въ свои руки — если нѣтъ подъ рукой ничего другого, то хватаетъ свой собственный большой палець, свою собственную другую руку, кулакъ. Обратимъ также вниманіе и на то, что, навѣрное, заслуживаетъ самага серьезнаго къ себѣ отношенія, а именно на то, какъ каждая рука въ отдѣльности и обѣ вмѣстѣ устроены какъ бы специально для того, чтобы обнять собою, заключить въ себѣ шаръ или мячъ, и какъ въ свою очередь каждая изъ нихъ въ отдѣльности и обѣ вмѣстѣ, какъ выражаются съ особеннымъ значеніемъ на нашемъ богатомъ значеніями языкѣ, поддаются сжиманію (ballen—Ball).

Поэтому давайте съ раннихъ поръ малюткѣ мячикъ въ его маленькую ручку сначала хотя бы просто для того, чтобы онъ его обхватилъ, схватилъ, какъ бы для того, чтобы положить на него свои маленькіе пальчики, какъ обручи съ цѣлью уразумѣть его круглую форму и научиться такимъ образомъ владѣть имъ, держать его, удержать его въ своей рукѣ.

Уже этимъ способомъ съ раннихъ поръ укрѣпляются у ребенка мускулы пальцевъ, кисти руки и всей руки, а также происходитъ надлежащее развитіе и усовершенствованіе руки и пальцевъ, прежде всего въ цѣляхъ самостоятельнаго обращенія съ самимъ мячемъ, а потомъ и въ цѣляхъ правильнаго и надлежащаго обращенія съ другими вещами. А всякому извѣстно, что въ жизни человѣка и уже съ дѣтскаго возраста многое зависитъ отъ надлежащаго пониманія всякой вещи и правильнаго обращенія съ нею, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ, фигуральномъ смыслѣ. Потому

для будущей жизни ребенка въ высшей степени важно, если онъ съ раннихъ поръ научается дѣйствительно всесторонне обращаться, хотя съ однимъ отдѣльнымъ, находящимся внѣ его предметомъ.

Это требуетъ, чтобы, при дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи въ ребенкѣ умѣнья распорядиться своими членами и чувствами, мячъ являлся для него чѣмъ-либо ббльшимъ, чѣмъ всякій отдѣльный отъ него предметъ; ибо сначала мячъ является для ребенка чѣмъ-то единымъ, сросшимся съ его рукой, какъ и самый его кулакъ, и это хорошо; такимъ образомъ все будущее познаніе окружающаго его внѣшняго міра, должно происходить и выходить какъ бы отъ самого ребенка.

Чтобы мячъ представлялся для ребенка, уже достигшаго потребной для этого степени развитія, предметомъ отдѣльнымъ, вторымъ въ сравненіи съ нимъ самимъ, для легкаго достиженія этого необходимо, чтобы ты, любезная мать, и вы, любезные воспитатели ребенка, сначала привязывали на шнурокъ тотъ мячикъ, который вы дали въ руку ребенку, и тянули бы за шнурокъ вверхъ потихоньку, но все-таки такъ, какъ будто бы вы хотѣли взять мячикъ изъ его руки. Ребенокъ будетъ стараться не выпускать мяча, и рука его станетъ подниматься по мѣрѣ подниманія мяча, а когда вы отпустите шнурокъ, кисть руки и самая рука въ силу собственной тяжести и присутствія въ ней мяча станутъ опускаться обратно. Чувство, испытываемое при проявленіи своей силы, а равно и перемѣна движенія скоро станутъ доставлять удовольствіе ребенку, а упражненіе съ рукой сообщить ему и его рукѣ нѣкоторую долю ловкости.

Въ этомъ, любезная мать, заключается самое начало твоей игры съ твоимъ дорогимъ малюткой при помощи мяча. А изъ нея сейчасъ же вытекаетъ другая, совершенно новая игра, и для ребенка имѣющая значеніе чего-то совсѣмъ новаго: стоитъ только мячу при соотвѣтственномъ потягиваньи и подниманіи его на шнуркѣ выскользнуть изъ ручки ребенка. Тогда онъ начнетъ свободно качаться передъ его глазами, какъ самостоятельный предметъ, и въ ребенкѣ зарождается, благодаря этому, новое чувство, новый способъ

воспріятія предмета, какъ чего-то ему вполне уже знакомаго, изученнаго имъ и совершенно самостоятельно ему теперь противостоящаго.

Можно сказать съ полной увѣренностью, что уже это простое явленіе, уже такое проявленіе дѣятельности имѣетъ огромное значеніе для ребенка, и потому его слѣдуетъ повторять, какъ можно, чаще при игрѣ съ ребенкомъ. Чувство единенія и раздѣленія, которое онъ испытывалъ уже не разъ до этого непосредственно на груди матери, теперь воспринимаетъ онъ внѣ себя, на предметѣ, вполне доступномъ его уразумѣнію и уже знакомомъ ему изъ предыдущаго опыта. Посредствомъ повторенія этой игры въ немъ укрѣпляется, усиливается и уясняется чувство, такъ глубоко проникающее всю жизнь человѣка, а потому и столь важное лежащее въ его основѣ воспріятіе нераздѣльнаго, единого и отдѣльнаго, одинокаго существованія, воспріятіе обладанія предметомъ въ настоящемъ и въ прошломъ.

Необыкновенно важно для ребенка, находящагося въ періодѣ развитія, а равно и для развитаго взрослого и, слѣдовательно, прежде всего для матери и отца—не только прослѣдить это пробужденіе силы и самодѣятельности въ ихъ ребенкѣ, пробужденіе духа въ самыхъ первыхъ его признакахъ и проявленіяхъ, въ незамѣтномъ почти его зарожденія, но и приложить соотвѣтственныя старанія по уходу за нимъ, чтобы все это не сдѣлалось жертвой случайныхъ произвольныхъ и разрозненныхъ уираженій; важно соблюсти прогрессивное развитіе силы и дѣятельности на подходящемъ предметѣ, а для этой цѣли игра съ мячомъ является для родителей и ребенка наиболѣе соотвѣтствующимъ средствомъ во многихъ отношеніяхъ.

Изъ представленія присутствія и исчезновенія предмета для ребенка скоро развивается представленіе обратнаго явленія предмета вновь, изъ представленія совмѣстнаго, объединеннаго и отдѣльнаго существованія развивается представленіе обратнаго воссоединенія, изъ представленія обладанія въ настоящемъ и прошломъ—представленіе обратнаго

овладѣванія предметомъ. И такимъ образомъ, представленія бытія, обладанія и новаго бытія, новаго обладанія, (Sein-Haben und Werden) являются, съ одной стороны, самыми важными представленіями для всей человѣческой жизни въ ихъ слѣдствіяхъ, а съ другой—самыми первыми, наиболѣ темными представленіями, которыя возникаютъ въ ребенкѣ вмѣстѣ съ появленіемъ его на свѣтъ.

Изъ нихъ и притомъ одновременно съ ними развиваются у ребенка три крупныхъ вида воспріятій—предмета, пространства и времени, которыя сначала покоились въ душѣ ребенка въ совокупномъ воспріятіи. Точно такъ же, далѣе, изъ воспріятій существованія, обладанія и возникновенія (Sein, Haben, Werden) въ отношенія къ пространству и предмету и въ связи съ ними развиваются новыя воспріятія—настоящаго, прошедшаго и будущаго по отношенію ко времени. И именно всѣ эти девять воспріятій, которыя открываютъ ребенку двери въ новую, предметную (среди предметовъ) жизнь, раскрываются наиболѣ ясно на одномъ, единомъ мячѣ и при помощи постоянной игры съ нимъ.

Подобно тому, какъ мы находимъ, что всѣ процессы развитія имѣютъ свое первое основаніе въ незамѣтныхъ почти возбужденіяхъ и воспріятіяхъ; подобно тому, какъ мы видимъ, что первыя, сначала почти безслѣдно исчезающія воспріятія укрѣпляются, растутъ и проясняются у ребенка посредствомъ безчисленныхъ повтореній, слѣдовательно, посредствомъ чередованія, точно такъ же мы замѣчаемъ, что разъ ребенкомъ сдѣлано два различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга воспріятій, то изъ нихъ съ необходимостью вытекаетъ для него и третье, а также и слѣдующія воспріятія.

Посвятить все свое вниманіе этому наблюденію достаточно рано въ жизни ребенка—въ высшей степени важно для заботливаго и вѣрнаго ухода за нимъ, а для ребенка важно съ раннихъ поръ подчеркнуть и запечатлѣть это расчлененіе предметовъ и явленій жизни и такимъ образомъ связать его съ областью конкретнаго (веществен-

наго). Ибо отъ уразумѣнія сущности — бытія, обладанія и возникновенія—предмета, пространства и времени, а также отъ правильнаго толкованія и изученія настоящаго, прошедшаго и будущаго для человѣка не только зависитъ будущее, предстоящее ему выполненіе его назначенія на землѣ, но и самъ человѣкъ затрогивается такимъ образомъ уже въ дѣтствѣ во всѣхъ проявленіяхъ своего тріединаго существа и въ совокупности всѣхъ его природныхъ укладовъ (способностей), которые получаютъ въ немъ расчлененіе сообразно съ его сущностью. Чѣмъ больше вы выясните себѣ это, родители и воспитатели дѣтей, чѣмъ болѣе опредѣленно будете примѣнять это при вашемъ уходѣ за дѣтьми, тѣмъ продуктивнѣе будетъ ваша воспитательская работа.

Очень часто при этомъ попадаетъ на настоящую дорогу и дѣлаетъ то, что нужно, простое природное и неиспорченное материнское чутье; но такъ какъ это дѣлается слишкомъ разрозненно и черезчуръ несознательно для самихъ матерей, то на это чутье не обращаютъ должнаго вниманія, не наблюдаютъ за нимъ и еще менѣе занимаются его постояннымъ воспитаніемъ, а слѣдовательно, и его дальнѣйшимъ совершенствованіемъ. Сама мать а еще болѣе замѣщающіе ее впоследствии въ ея дѣлѣ воспитатели ребенка слишкомъ легко покидаютъ этотъ совершенно правильно намѣченный простымъ материнскимъ инстинктомъ путь, какъ это легко можно было бы указать, если бы потребовалось, на многихъ мѣстахъ въ предыдущемъ. Мы же желаемъ и стараемся добиться, чтобы образъ дѣйствія, на который вполнѣ правильно нападаетъ природное материнское чутье, былъ вполнѣ выясненъ, подвергнутъ систематическому постоянному совершенствованію и чтобы такимъ образомъ жизнь для родителей и дѣтей, а равно и жизнь вообще обратилась въ непрерывно и всесторонне развивающееся въ усовершенствованное при участіи сознанія цѣлое.

Такимъ образомъ мать, руководимая своимъ человѣческимъ материнскимъ инстинктомъ, если ей приходится что-нибудь дѣлать съ ребенкомъ, — нѣмое само по себѣ дѣйствіе,

возникающіе при этомъ и готовые уже его результаты, а равно и предметъ занятій, дѣйствующій только на чувство и зрѣніе и всегда связанный, какъ и само дѣйствіе, съ опредѣленнымъ мѣстомъ, соединяетъ, почти безъ исключенія, со знакомъ, выражающемся въ звукѣ, невидимомъ и исчезающемъ уже при самомъ его возникновеніи, а именно со словомъ (*W—ort*) ¹⁾.

Изъ соединенія противоположностей и изъ двойственности предметовъ—нѣмого и звучаго, постояннаго и исчезающаго, видимаго и невидимаго, тѣлеснаго и неуловимо воздушнаго, для ребенка, который въ свою очередь заключаетъ въ себѣ, въ своемъ единствѣ элементы этой двойственности, получается въ результатъ духовное познаніе предмета, запечатлѣніе его въ душѣ, сознаніе предмета, и такимъ образомъ въ ребенкѣ развивается сознаніе вообще.

Но самосознаніе принадлежитъ къ элементамъ человѣческаго существа, составляетъ съ нимъ нѣчто единое; достиженіе самосознанія есть первая да и вся вообще задача ребенка, какъ человѣка; для ея разрѣшенія ребенокъ съ самаго появленія его на землѣ окруженъ данными опредѣленнаго мѣста, предметами, а также предметомъ духовнаго порядка, человѣческимъ языкомъ словъ, который разсѣянъ въ окружающей его атмосферѣ подобно воздуху, обвѣвающему всѣ живыя твари на землѣ; и такимъ образомъ одухотворяющее слово, по крайней мѣрѣ, одухотворяющее пѣніе, принадлежатъ къ числу самодѣятельныхъ занятій ребенка, а слѣдовательно, должно входить и въ его игры.

Люди, истинно посвятившіе себя уходу за дѣтьми и среди нихъ, какъ мы видѣли, прежде всего матери знаютъ это хорошо сами по себѣ и потому они не предпринимаютъ съ дѣтьми ни одного занятія, не ожививъ его вдохновляющимъ и одухотворяющимъ словомъ, хотя, конечно, они должны сознаться, что о пониманіи словъ языка со стороны ребенка при этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ для этого у

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду отгнать этимологию слова *W—ort*, заключающего въ себѣ, по мнѣнію автора, элементы корней словъ „das Gewordene“ и „der Ort“. Прим. перев.

него еще недостаточно развито, какъ общее чувство слуха, такъ особенно и необходимое для этого чувство спеціальнаго слуха. Такимъ образомъ мы видимъ, что мать уже вскорѣ послѣ рожденія ребенка болтаетъ и разговариваетъ съ нимъ, такъ какъ то, что можетъ и должно развиваться и возникнуть, возникаетъ повсюду и должно возникнуть уже тогда, когда появляются для этого подходящія условія и возможность, а въ воспитаніи человѣка особенно, когда есть хотя предрасположеніе къ данному явленію; слѣдовательно, этому же закону подчиняется и появленіе сознанія у ребенка и основаннаго на немъ и обусловленнаго имъ чело-вѣческаго языка.

Какимъ же образомъ приобщить къ игрѣ это сопровождающее ее слово, этотъ, можно сказать, языкъ дѣтскихъ игръ?

Это должно сдѣлать, какъ можно, болѣе по-дѣтски, по возможности, такимъ способомъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ обращенію матери съ ребенкомъ и характеру самой игры; настолько подѣтски, чтобы мать создавала слова этого языка въ самый моментъ ихъ употребленія въ игрѣ съ ребенкомъ, каждый разъ, какъ бы даже совершенно безсознательно, черпала ихъ изъ своей души и изъ жизни, чтобы этотъ языкъ исчезалъ вмѣстѣ съ произнесеніемъ каждаго слова; ибо онъ долженъ выражать высшую индивидуальную жизнь матери, испытываемую ею непосредственно въ моментъ общенія съ ребенкомъ; поэтому его невозможно закрѣпить и представить на письмѣ со всей его своеобразностью, со всей его пробуждающей и питающей молодую жизнь полнотою, вызываемой мгновеннымъ душевнымъ возбужденіемъ, единствомъ настроеній, взглядомъ, движеніемъ, звукомъ, въ особенности пѣніемъ и т. д.

Однако, чтобы намъ все-таки, по возможности, всесторонне сговориться съ любезными и дорогими воспитателями, мы позволимъ себѣ, по крайней мѣрѣ, одно замѣчаніе.

Какъ только у ребенка немножко разовьется способность рѣчи, мы начинаемъ замѣчать, какъ онъ въ движеніи и на самомъ процессѣ движенія, которое обращаетъ на себя его

вниманіе, старается различить какой-нибудь звукъ и затѣмъ старается подражать ему звукомъ своего голоса; мы слышимъ, какъ онъ произноситъ: „тикъ, такъ“, (tick, tack), подражая движенію маятника или бою часовъ; „бимъ, бомъ“, (bim, baum), произноситъ или напѣваетъ онъ, когда звукъ движенію можетъ быть понятъ, какъ преимущественно протяжный или какъ совсѣмъ протяжный. При этомъ постоянно бросается въ глаза, что первоначально ребенокъ принимаетъ всякое движеніе, какъ движеніе по направленію в н у т р ь и н а р у ж у (nach Innen und Aussen), и потому въ соотвѣтствующемъ ему подражательномъ словѣ воспроизводитъ звуки i, a, и ай. ¹⁾

Поэтому для чувствительныхъ и внимательныхъ родителей и воспитателей открывается обширное поле наблюденій при всѣхъ первыхъ проявленіяхъ внутренней жизненной дѣятельности у ребенка, особенно же при самомъ началѣ проявленія способности рѣчи, а при уходѣ за развитіемъ ребенка приходится къ тому же наблюдать немало существенно важныхъ сопровождающихъ его явленій. Такъ, мы должны обратить вниманіе на то, что ребенокъ, начиная пользоваться языкомъ въ своихъ обозначеніяхъ, словами „тикъ, такъ“ улавливаетъ, выражаетъ и запечатлѣваетъ преимущественно тѣ л е с н у ю сторону движенія; словами же „бимъ, бомъ“ истолковываетъ у себя въ д у ш ѣ, если можно такъ выразиться, движеніе со стороны возбуждаемаго имъ чувства и, если уже допустимъ такой способъ выраженія, появляющимися позже въ его обиходѣ словами „туда, сюда“, онъ запечатлѣваетъ движеніе преимущественно, какъ объектъ сравненія, познанія, и притомъ въ началѣ своей мыслительной дѣятельности запечатлѣваетъ преимущественно д у х о в н о. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи этой темы намъ придется еще вернуться къ этому. Теперь же замѣтимъ только, что для воспитателей въ

¹⁾ Авторъ полагаетъ, что встрѣчающіеся въ звукоподражательныхъ словахъ ребенка гласные i, a, ай соотвѣтствуютъ гласнымъ въ словахъ innen и aussen. Прим. ред.

высшей степени важно наблюдать въ ребенкѣ даже самыя первые и незначительныя слѣды процесса расчлененія своего существа, какъ существа тѣлеснаго, чувственнаго и духовнаго, наблюдать въ его развитіи переходъ отъ простаго бытія (существованія) къ ощущенію и мышленію, чтобы ни одно изъ этихъ направленій природы ребенка, въ развитіи его и его природы, не было установлено и разработано на счетъ другого, чтобы ни одно изъ нихъ не было отстранено и упущено за счетъ другого. Очень важнымъ это является и здѣсь, и мы думаемъ, что всякій безпристрастный наблюдатель уже сдѣлалъ или еще сдѣлаетъ наблюденіе, что дѣти именно на разсматриваемой здѣсь первой ступени своего развитія запечатлѣвають преимущественно обозначеніе качательнаго движенія словами „бимъ, бомъ“, болѣе близкими къ звукамъ пѣнія, къ пѣнію и, слѣдовательно, болѣе поддающимся чувству, чувственному изображенію и этимъ самымъ рано ясно показываютъ, что центральнымъ пунктомъ, настоящимъ основаніемъ, исходной точкой человѣческаго, а слѣдовательно и дѣтскаго изображенія является чувство, душа (Gemüth), что основнымъ изображеніемъ является душевное изображеніе (въ душѣ), а параллельно и неразрывно съ нимъ можетъ итти преобразование его въ дѣйствіе и мысль (мышленіе), какъ тѣлесное, такъ и духовное и мысль должна видоизмѣняться въ дѣйствіе, а дѣйствіе—растворяться въ мысли и получать въ ней себѣ оправданіе, наконецъ, и то, и другое должны имѣть свой корень въ душѣ.

Послѣ этихъ замѣчаній, необходимыхъ для познанія первоначальнаго хода и законовъ развитія человѣка, для ухода за этимъ развитіемъ и охраны его, мы возвращаемся снова къ нашей игрѣ, предугадывая напередъ глубокое значеніе ея.

Мячъ, привязанный на шнуркѣ, послѣ легкаго, но постояннаго напряженія нити ускользаетъ изъ руки ребенка, и изъ устъ матери раздается: „бимъ, бомъ; бимъ, бомъ!“ — „тикъ, такъ!“ — „туда, сюда; туда, сюда! обозначающее его движеніе.

Уже эта совсѣмъ простая игра, благодаря единенію звука, слова и кое-чего другого, допускаетъ нѣкоторое видоизмѣненіе.

„Смотри, дѣтка, вотъ мячикъ: туда, сюда, туда, сюда!“
Сравни рисунокъ подъ №№ 1 и 2 на стр. 90—91.

Мячъ виситъ покойно: „вотъ виситъ мячикъ!“

Мячъ медленно поднимается и опускается на шнурѣ со словами: „вверхъ, внизъ; вверхъ, внизъ!“ См. №№ 5, 6.

Мячъ заставляють качаться черезъ какой-нибудь предметъ, напр., черезъ подставленную поперекъ другую руку и при этомъ говорятъ: „Тамъ, здѣсь; тамъ, здѣсь!“ „По ту сторону, по эту сторону!“ См. №№ 3, 4.

Или шнурокъ, на которомъ виситъ мячъ, значительно удлиняютъ, такъ что мячъ начинаетъ качаться медленно, то приближаясь къ ребенку, то удаляясь отъ него. При этомъ говорятъ: „Близко, далеко; близко, далеко!“ или: „Вотъ мячикъ подходитъ къ намъ, а вотъ уходитъ отъ насъ!“ или же въ совершенно общихъ выраженіяхъ: „Вотъ подходитъ, а вотъ уходитъ!“

Обозначая медленность движенія, говорятъ по слогамъ: „Ме-длен-но, ме-длен-но!“

Придавая мячу вращательное движеніе въ свободномъ пространствѣ, говорятъ: „Кругомъ, кругомъ!“ „Направо кругомъ, направо кругомъ!“ — „Налѣво кругомъ, налѣво кругомъ!“ Срв. №№ 13, 14, 15.

Или, играя съ мячемъ на глазахъ у ребенка на какой-нибудь неподвижной поверхности, напр., на столѣ, и заставляя его падать постоянно на одно и то же мѣсто, говорятъ: „Тапъ, тапъ, тапъ!“

„Тицъ, тапъ, тапъ“, говорятъ, заставляя мячъ падать на разные мѣста поверхности, въ особенности по прямой линіи. См. № 7.

„Скоекъ, мячикъ, скоекъ!“ „Вотъ теперь мячикъ прыгаетъ!“ „Скоекъ, скоекъ, скоекъ!“ Такъ говорятъ, заставляя мячикъ быстро падать на столъ и въ силу упругости снова отскакивать отъ него. См. № 9. Или, оказываютъ ему при обратномъ движеніи особую помощь, быстро и коротко оттягивая

или отдергивая его за нитку, и при этомъ говорятъ: „Высоко прыгаетъ мячикъ!“ „Мячикъ уже не можетъ больше прыгать; онъ усталъ, ложится спать!“

Подбрасывая быстро мячикъ со стола на какой-нибудь предметъ, напр., на его собственный ящичекъ (футлярчикъ), говорятъ: „Гопъ, наверхъ!“ или, быстро перебрасывая его или заставляя его перепрыгнуть черезъ ящичекъ, говорятъ: „Гопъ, черезъ (мимо)!“ См. №№ 8, 10.

Далѣе, мячъ вращаютъ на столѣ въ горизонтальномъ кругу вокругъ постоянного центра и въ то же время вокругъ его собственной оси и, подражая болѣе вѣшности такого движенія, говорятъ: „рррр“ или просто: „Кругомъ, кругомъ!“ См. № 20.

Затѣмъ, быстро поднимаютъ мячъ вертикально вверхъ и, оставляя его въ висячемъ положеніи, приводятъ его въ быстрое вращательное движеніе вокругъ его собственной оси. При этомъ, подражая больше его внутреннему движенію, говорятъ: „лллл!“ или: „Вертись, вертись!“ „Быстро, быстро!“ или же, подчеркивая возрастающее ускореніе движенія, говорятъ: „Быстрѣй, быстрѣй!“ См. № 21.

Упомянутое катаніе мяча по поверхности стола можетъ совершаться то направо, то налѣво, а потому и это вращаніе его въ висячемъ положеніи можно производить то налѣво, то направо.

Затѣмъ мячъ тянуть по горизонтальной поверхности и приговариваютъ: „Тяни, тяни, тяни!“ См. № 22. При этомъ можно дать шнурокъ въ руку самому ребенку и потомъ уже вмѣстѣ съ нею взять шнурокъ и понемногу оттягивать мячъ назадъ, а когда мячикъ упадетъ, сказать: „Бацъ!“ вотъ мячикъ и упалъ! Это является для ребенка проявленіемъ его собственной дѣятельности и доставляетъ ему особенное удовольствіе.

Далѣе, съ мячомъ можно продѣлывать тѣ же вращательныя движенія въ свободномъ пространствѣ, но только или суживая при этомъ круги по направленію въ центру и приговаривая: „Уже, уже, уже!“ или же расширяя ихъ по мѣрѣ удаленія отъ центра и приговаривая: „шире, шире, шире!“ См. №№ 16, 17.

Подобно тому, какъ раньше ребенокъ наблюдалъ вращательное движеніе по окружности круга, здѣсь онъ видитъ расширяющееся и суживающееся (центробѣжное и центростремительное) движеніе по спирали. Точно такимъ же образомъ можно произвести движеніе мяча по продолговатой округлой (эллиптической) линіи при словахъ: „Длиннѣй, длиннѣй!“ или: „Шире, шире!“

Можно также винтообразно вращать мячъ на шнуркѣ вокругъ вертикально стоящей палочки, восходя снизу вверхъ или наоборотъ, и приговаривая при этомъ: „Выше, выше!“ „Ниже, ниже“. См. №№ 18, 19.

Или просто—подтягивать мячъ понемногу вверхъ и опускать его внизъ, приговаривая: „Вверхъ, внизъ; вверхъ, внизъ!“.

Далѣе, мячъ безъ шнурка можно катать по горизонтальной поверхности, приговаривая: „Катись, катись, катись!“ „Вотъ мячикъ катится“. См. №№ 11, 12.

Или можно заставить мячъ отпрыгивать отъ какой-нибудь поверхности, напр., отъ поверхности его ящичка или книги. При этомъ можно говорить: „Вернись къ намъ, мячикъ!“ — „Вотъ мячикъ возвращается!“ — „Лови мячикъ!“ — „Мячикъ упалъ!“ — „Достань мячикъ!“ — „Ищи мячикъ!“ При этомъ мать поднимаетъ ребенка и подноситъ туда, гдѣ лежитъ мячъ, чтобы онъ самъ могъ поднять его. Вообще, при наличности нѣкотораго развитія, какъ физическаго, такъ и духовнаго, и при наличности у него нѣкоторой силы слѣдуетъ постоянно заставлять его самого поднимать мячъ, если онъ упадетъ на полъ; а если ребенокъ еще слишкомъ малъ и безпомощенъ, чтобы самому передвинуться за мячомъ, то его слѣдуетъ подносить туда, гдѣ упалъ мячъ, а особенно, когда онъ самъ его туда забросилъ, чтобы онъ съ раннихъ поръ понималъ послѣдствія и требованія своихъ поступковъ и могъ убѣдиться на опытѣ, что онъ можетъ и долженъ выполнить эти требованія и вынести послѣдствія своими собственными силами. Уже съ раннихъ поръ нужно добиваться, чтобы ребенокъ не только дѣлалъ извѣстные опыты, но и усваивалъ ихъ результаты, какъ по отношенію къ

связи ихъ между собою, такъ и по отношенію въ ихъ послѣдствіямъ.

„Гдѣ мячикъ?“ — „Онъ снова здѣсь!“ — „Мячикъ, оставайся теперь у малютки (у насъ)!“

Или взять мячъ въ руки и спросить: „Гдѣ мячикъ?“ Потомъ снова раскрыть руку и сказать: „Вотъ онъ!“ См. №№ 25, 26.

Вотъ прекрасный опытъ, доставляющій особенное удовольствие ребенку. Мячъ кладутъ на нѣсколько вогнутую внутрь ладонь и съ помощью постоянного перемѣщенія его центра тяжести или, скорѣе, точки опоры, заставляютъ его быстро двигаться, вращаясь вокругъ собственнаго центра. Эту игру можно обставить особенно хорошо, благодаря тому, что мячъ можно привести въ такое движеніе на блюдечкѣ, при чемъ можно добиться, чтобы онъ, не падая, бѣгалъ почти по верху его краевъ. Эту демонстрацію можно сопровождать словами: „Танцуй хорошенько!“ или: „Смотри, мячикъ танцуетъ!“ и т. п.

Или же мячъ на шнуркѣ заносятъ за поставленную поперекъ другую руку и говорятъ: — „Ушелъ мячикъ!“ — „Гдѣ мячикъ?“ Потомъ, вынося его снова наружу, говорятъ: „Вотъ онъ!“ См. №№ 25, 26.

Каждое изъ этихъ упражненій само по себѣ можно повторять, сколько угодно, пока это доставляетъ удовольствіе ребенку. Благодаря повтореніямъ, эти упражненія приобретаютъ важность, какъ въ смыслѣ расширенія круга опытовъ у ребенка, такъ особенно для уясненія ихъ и для достиженія въ нихъ опредѣленности и раздѣльности. Впрочемъ, для разумныхъ и внимательныхъ матерей и воспитателей все это само собой вытекаетъ изъ самой игры и упражненій.

Затѣмъ мячъ опускаютъ во что-нибудь со всѣхъ сторонъ замкнутое, напр., въ футлярчикъ для мяча и говорятъ: „Мячикъ спрятался!“ См. № 29.

Снова запираютъ въ футлярчикъ и говорятъ: — „Мячикъ ушелъ!“ „Онъ хочетъ спать!“ — „Малютка усталъ; да, онъ усталъ; онъ тоже хочетъ спать!“

Уже эти и многія другія наблюденія и упражненія въ ихъ соединеніяхъ могутъ дать безконечное множество разно-

видностей для дѣтскихъ занятій, для пробужденія и поддержки въ нихъ тѣлесной и духовной дѣятельности, въ особенности, когда члены ребенка укрѣпятся и разовьются настолько, что ему уже можно будетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти давать въ распоряженіе мячъ, и когда онъ, благодаря достаточному развитію способности рѣчи, въ состояніи будетъ вступить въ разговоръ со своими воспитателями. Однако здѣсь, въ примѣненіи къ мячу, мы должны вспомнить еще объ одной чертѣ дѣтской природы, составляющей цѣлую область въ дѣтскихъ играхъ и занятіяхъ, а именно о томъ свойствѣ ребенка, благодаря которому онъ такъ охотно видитъ все въ каждомъ предметѣ и дѣлаетъ все изъ каждаго предмета.

Нельзя упускать изъ вида, что вблизи ребенка, кругомъ на глазахъ у него находятся всевозможные предметы, какъ неодушевленные, такъ и одушевленные; на послѣдніе, благодаря ихъ естественному появленію и исчезновенію, особенно направляется вниманіе ребенка, частью произвольно, само собой частью же намѣренно его воспитателями: жизнь вообще привлекаетъ и будитъ жизнь. Его вниманіе привлекается появленіемъ собаки или кошки: тамъ онъ замѣтилъ пуделя или шпица, здѣсь кошку или котенка. Ребенокъ замѣчаетъ птицу, птичку въ клѣткѣ, воробья въ окнѣ, голубя, пѣтуха и насѣдву, курочку и цыпленка на дворѣ, онъ видитъ экипажъ и лошадь и т. д. и т. д.

Сообразно съ упомянутымъ свойствомъ и потребностью ребенка качающийся мячъ можетъ превратиться для него въ птичку. Стоитъ только сказать ему: „Смотри, какъ летаетъ птичка: то туда, то сюда!“

Прыгающій мячъ можетъ напомнить ему кошку, если сказать: „Вотъ кошечка прыгаетъ на скамейку!“

Или собаку, если сказать: „Гопъ, вотъ собака прыгаетъ черезъ заборъ!“

Или же мячъ обращается въ цыпленка при словахъ: „Типъ, типъ, типъ, къ намъ бѣжить цыпленочекъ!“

Или въ пѣтушка при словахъ: „Типъ, типъ, типъ, пѣтушокъ зернышки клюетъ!“

Или въ бѣлочку, которая, будто бы, карабкается на дерево или сползаетъ съ него.

Или въ рудокopa при словахъ: „Вотъ онъ глубоко спускается въ шахту!“

Мячъ безъ шнурка можетъ обратиться то въ овцу, которую нужно стеречь; то въ лошадку или прыгающаго жеребенка; то въ собаку, которая бѣжитъ къ нему, если сказать: „Гавъ, гавъ, гавъ!“ Мячъ на шнуркѣ можетъ изображать запряженный экипажъ—телѣжку или, если вима, санки и сотни другихъ еще предметовъ.

Два замѣчанія напрашиваются сами собой, какъ важныя въ данномъ случаѣ. Во-первыхъ, какимъ образомъ на одномъ и томъ же и въ одномъ и томъ же да еще неодушевленномъ предметѣ, въ данномъ случаѣ въ мячѣ, можно видѣть и какъ бы дѣлать изъ него множество разнообразныхъ и притомъ одушевленныхъ предметовъ? А затѣмъ, мы замѣчаемъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ жизни ребенка, посредствомъ слова ему можно изображать предметы, которыхъ онъ еще никогда не видалъ и которыхъ по близости отъ него даже вовсе нѣтъ.

Однако и то, и другое могло бы показаться для кого нибудь несообразностью, если онъ самъ не достаточно глубоко и всесторонне вникалъ въ ходъ развитія дѣтской жизни и его условія, хотя мы и показали уже, что и то, и другое заложено въ природѣ и жизни ребенка. Поэтому мы желали бы здѣсь, оправдать это явленіе, хотя бы въ кратцѣ, не глядявая глубоко въ человѣческую природу, такъ какъ здѣсь не мѣсто заниматься этимъ, хотя именно изъ нея, какъ легко было бы показать, это явленіе вытекаетъ съ необходимостью, какъ обязательное ея требованіе. Съ извѣстныхъ поръ въ ребенкѣ появляется желаніе и потребность расширять свои наблюденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее познаніе особенностей и общихъ свойствъ предметовъ до самыхъ частныхъ и наиболѣе общихъ ихъ свойствъ включительно. А для этого, какъ уже было замѣчено, необходимо сравненіе даннаго предмета съ предметомъ, ему прямо-противуположнымъ и въ то же время имѣющимъ съ

пимъ нѣкоторое сходство, хотя бы оно касалось только предмета самого по себѣ. А затѣмъ еще: чѣмъ меньше специальныхъ чертъ сходства и качествъ имѣеть предметъ, служащій средствомъ для наблюденія или заступающій его мѣсто, съ представляемымъ предметомъ—что, конечно, должно быть выполнено посредствующими членами изъ предыдущаго опыта,—тѣмъ больше ребенокъ склоненъ, когда ему придется разсматривать дѣйствительный предметъ подвергнуть, его тщательному изслѣдованію со всѣми его специальными качествами, равно какъ и впоследствии ребенокъ имѣеть тогда больше шансовъ перейти отъ наблюденія самого предмета въ изученію его родовыхъ признаковъ и далѣе къ его видовымъ признакамъ.

Второе замѣчаніе состоитъ въ томъ, что ребенку въ игрѣ можно изображать даже такіе предметы, которые видѣлъ только взрослый участникъ игры, но не самъ ребенокъ. Насколько излишне предусмотрительно было бы взбѣгать этого, настолько же необдуманно и излишнее расширеніе этихъ опытовъ; они найдутъ себѣ оправданіе въ умѣренномъ примѣненіи, ограниченномъ простымъ здравымъ смысломъ. Жизнь съ ея законами и естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія точно такъ же поступаетъ и со взрослыми, развитыми людьми; вѣдь если человѣкъ предназначенъ для постояннаго роста въ немъ элементовъ сознанія, то онъ долженъ также запасаться и обладать способностью къ умозаключенію и сужденію. Точно такъ же взрослый человѣкъ обладаетъ совершенно своеобразной способностью предчувствующаго представленія, и новорожденный ребенокъ—(этого никогда не слѣдуетъ забывать, а, наоборотъ, необходимо постоянно имѣть въ виду въ качествѣ важнаго руководящаго положенія)—не впоследствии только становится человѣкомъ, но человѣкъ со всѣми его основными свойствами и единствомъ его существа уже заключается и находится на лицо въ ребенкѣ.

При такомъ введеніи въ жизнь ребенка невиданныхъ еще имъ предметовъ посредствомъ одного только слова, опирающагося однако на наблюденіе, (конкретное наблюде-

не), необходимо замѣтить, что вводить новый предметъ какъ, напр., бѣлку въ предыдущемъ опытѣ, нельзя прежде, чѣмъ ребенокъ не научится на частомъ повтореніи опытовъ съ предметами, ему вполне извѣстными, близкими ему, часто имъ видѣнными и доступными для постоянного повторнаго наблюденія, напр., съ вотенкомъ, не научится заключать отъ свойствъ предмета изображающаго, въ данномъ случаѣ мяча, къ предмету изображаемому, въ данномъ случаѣ, напр., къ котенку, и какъ бы видѣть послѣдній, т.-е. котенка, въ первомъ и при посредствѣ его т.-е. при посредствѣ мяча, на основаніи, напр., его свойства прыгать подобно котенку.—Но вотъ ребенокъ подмѣтилъ въ кошкѣ также способность ползать, и если послѣ этого ему говорятъ вышеприведенныя слова: „Бѣлочка ползеть и т. д.“, то у него или, по крайней мѣрѣ, въ его дунѣ зарождается представленіе: „Значить, бѣлочка есть живое существо, обладающее способностью ползать.“ Этого уже достаточно для такого направленія его вниманія, чтобы, когда онъ увидитъ бѣлку и ему назовутъ ее по имени, это свойство ея рѣзко бросилось ему въ глаза, а можетъ быть, даже и безъ упоминанія ея имени онъ самъ узнаетъ ее по этому свойству и связи его съ другими ея качествами. Этого указанія будетъ достаточно для оправданія затронутого нами явленія въ обращеніи матери съ ребенкомъ и обычно повторяющагося въ дѣтскихъ.

Возвращаясь въ разсмотрѣнію мяча, какъ первой дѣтской игрушки, мы отмѣчаемъ еще одно его существенное качество, состоящее въ томъ, что онъ, какъ замѣститель и какъ средство для демонстраціи всякаго замкнутаго въ себѣ и самостоятельнаго въ своей внутренней организаціи предмета, даетъ только основную форму и общій планъ для наблюденія, демонстраціи и примѣненія на практикѣ всего того, что можно себѣ представить, какъ цѣлое, и какъ таковое, самостоятельно примѣнять на практикѣ, такъ что и на нѣкоторыхъ другихъ предметахъ можно демонстрировать, какъ и на мячѣ, много операцій, напр., присутствіе предмета, его исчезновеніе, возвращеніе; исканіе, нахожденіе, добываніе

схватываніе, обхватываніе, держаніе въ рукѣ; катаніе, ѣзду, вращеніе и т. д., хотя и не все: такъ, напр., на другихъ предметахъ нельзя демонстрировать всевозможные виды движенія, какіе возможно показать на мячѣ, благодаря чему онъ и оказывается столь предпочтительной и привлекательной игрушкой для ребенка. Поэтому, въ видахъ повышенія прочности усвоенія приобретаемыхъ познаній и расширенія круга развитія ребенка, необходимо стараться, поскольку это бываетъ возможно и необходимо, то, что уже показано съ помощью мяча, демонстрировать и на другихъ предметахъ, напр., на яблокѣ, платкѣ, клубкѣ, влукѣ, орѣхѣ, цвѣтѣ и т. п. и такимъ образомъ, съ одной стороны, знакомить ребенка съ самими этими предметами во всевозможныхъ ихъ прииѣненіяхъ, а съ другой— демонстрировать съ помощью ихъ другіе предметы. Но мячъ долженъ при этомъ постоянно оставаться объединяющимъ, а также разъясняющимъ и объясняющимъ, слѣдовательно, истиннымъ средствомъ для представленія и уразумѣнія другихъ предметовъ и главной игрушкой, связывающей ребенка, какъ съ его воспитателями, такъ и вообще съ овружающимъ его міромъ.

Когда ребенокъ подростъ уже настолько, что въ состояніи сидѣть и находить въ этомъ для себя удовольствіе, а также можетъ переползать и перекатываться съ одного мѣста на другое, тогда игра съ мячомъ получаетъ, благодаря этому, существенное и дѣйствительное расширеніе: въ комнатѣ разстилаютъ коверъ, сажаютъ на него ребенка и даютъ ему мячъ на шнурѣ или безъ шнурка—въ его полное распоряженіе. Можно даже, если это легко устроить, прикрѣпить мячъ надлежащей величины на достаточно крѣпкомъ шнурѣ къ потолку комнаты. Тогда ребенку будетъ дана возможность самостоятельно заниматься имъ, раскачивая его въ разныя стороны, а, кромѣ того, поднимаясь къ мячу, онъ будетъ имѣть возможность стоять на ногахъ. Такимъ образомъ онъ лучше научится сохранять равновѣсіе и стоять, чѣмъ опираясь о какое нибудь прочно укрѣпленное тѣло—стулъ или скамейку, такъ какъ тамъ у него нѣтъ такой нужды елѣ-

дить за своиѣ центромъ тяжести, какъ здѣсь. И если онъ упадетъ, то здѣсь, на хорошемъ коврѣ онъ менѣе ушибется, чѣмъ тамъ. Но гораздо цѣлесообразнѣе, въ особенности для того, чтобы научить ребенка стоять, взять мячъ побольше, привязать его на прочномъ и достаточно длинномъ шнуркѣ, чтобы ребенокъ, сидя на довольно плотномъ коврѣ, могъ взять его въ руки. Затѣмъ, заставивши его крѣпко держаться за мячъ, попробовать поднимать за шнурокъ мячъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Подниманіе и опусканіе доставитъ удовольствіе ребенку, а въ то же время будутъ укрѣпляться всѣ мускулы его тѣла, мускулы его бедеръ и ляшекъ. Ребенокъ поднимается такимъ образомъ за нѣчто и шнуркомъ въ стоячее положеніе, а затѣмъ скоро и легко онъ научится стоять и самостоятельно.

Это очень интересный и въ то же время очень важный моментъ, такъ какъ здѣсь въ воспитаніе ребенка можетъ вмѣшаться благотѣльное воспитывающее вліяніе отца, насколько это позволяетъ ему его профессія; и мячъ является здѣсь снова посредствующимъ элементомъ между ребенкомъ и отцомъ точно такъ же, какъ раньше онъ былъ посредникомъ между ребенкомъ и матерью. Ребенокъ долженъ подростать въ непрерывной связи съ отцомъ и при постоянномъ его воздѣйствіи долженъ какъ бы тянуться вслѣдъ за нимъ, крѣпнуть подъ его постояннымъ руководствомъ. Все это при надлежащемъ расширеніи даетъ только что описанная игра съ мячомъ, благодаря которой, еще разъ повторяю, отецъ становится по отношенію къ ребенку въ подобающее ему положеніе, требующее силы и т. д. (разсудительности, соображенія), но такъ же и обнаруживающее силу и т. д. и такимъ образомъ развивающее силу и т. д. въ другомъ. Въ предыдущей игрѣ, въ особенности черезъ посредство языка, мать шла навстрѣчу ребенку со своей нѣжностью.

Такова первая дѣтская игра съ мячомъ въ ея сущности, въ ея примѣненіи на практикѣ и въ ея общихъ воздѣйствіяхъ на ребенка. Посредствомъ нея вамъ, дорогіе родители, дается средство для непрерывнаго прогрессивнаго развитія вашего питомца, что настолько же здорово, насколько

ко и важно, для развитія начальной дѣятельности его членовъ и чувствъ до степени умѣнья самостоятельно сидѣть и самостоятельно заниматься, а также дается средство не прерывно слѣдить и ухаживать за этимъ развитіемъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ широко удовлетворяются ею жизненные потребности ребенка.

Мы видимъ, что, поскольку изображенныя нами первыя дѣтскія игры, повидимому, незначительны и преходящи, моментомъ рождаются и моментомъ исчезаютъ и вытѣсняются другими, поскольку въ началѣ ребенокъ бываетъ совершенно неспособенъ къ членораздѣльному ихъ воспріятію, постольку важны онѣ для развитія и для общаго роста ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы глубоко убѣждены, что возбужденія молодой и нѣжной дѣтской души, хотя еще и незначительныя и даже почти незамѣтныя, связаны съ существеннѣйшими послѣдствіями для всей будущей жизни ребенка и взрослого человѣка, то, несомнѣнно, для ребенка и его будущей жизни и дѣятельности ни одно воспріятіе не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ воспріятіе единства въ многообразіи вещей и жизненнаго отношенія ихъ между собою. Матеріаль для обоихъ этихъ воспріятій въ изобиліи и вполне опредѣленномъ видѣ доставляется ребенку мячомъ: всѣ разнообразныя игры, очевидно, для ребенка представляются исходящими изъ единого мяча и, съ другой стороны, въ своемъ явленіи всѣ онѣ обнаруживаютъ отношеніе къ объединяющему ихъ мячу, — онѣ проявляютъ многообразіе, которое покоится въ единомъ въ себѣ мячѣ и такимъ образомъ онѣ оказываются исходящими изъ единства и снова къ нему возвращающимися; или, наоборотъ, если разсматривать игры съ точки зрѣнія ребенка, то всѣ проявленія дѣятельности оказываются вполне опредѣленно исходящими отъ единого въ себѣ ребенка, хотя они и происходятъ черезъ посредство мяча, и обнаруживаютъ обратное отношеніе къ единому въ себѣ ребенку, хотя предварительно опять таки проходить черезъ мячъ. Ребенокъ является единствомъ и многообразіемъ въ себѣ и имѣетъ своимъ назначеніемъ развить ихъ на окружающихъ его предметахъ. И этому требо-

ванію удовлетворяетъ мячъ, какъ посредствомъ игры съ нимъ, такъ особенно и самъ по себѣ со всѣми его качествами. Въ самомъ дѣлѣ, мячъ самъ по себѣ, какъ замѣститель всѣхъ предметовъ, есть единство и средство объединенія всѣхъ существенныхъ качествъ всѣхъ предметовъ. Такъ, съ помощью его можно демонстрировать: содержаніе, массу, матерію, пространство, форму, величину и внѣшній видъ; онъ обладаетъ собственной внутренней силой (силой упругости) и, благодаря ей, способностью находиться въ состояніи покоя и движенія и такимъ образомъ обнаруживаетъ въ себѣ самостоятельность и самодѣятельность; онъ имѣетъ цвѣтъ и вызываетъ, по крайней мѣрѣ, (внѣ себя) звукъ; наконецъ, онъ обладаетъ свойствомъ тяжести, т.-е. тяготѣетъ къ землѣ и такимъ образомъ раздѣляетъ одно изъ общихъ свойствъ всѣхъ тѣлъ. Итакъ, мячъ своимъ паденіемъ — при болѣе быстромъ движеніи на короткомъ шнуркѣ и при болѣе медленномъ движеніи на длинномъ шнуркѣ—вводитъ въ наблюденіе важнѣйшихъ явленій и законовъ жизни земли и природы, въ наблюденіе тяготѣнія вообще, а также земного тяготѣнія съ его законами и условіями въ особенности, среди вторыхъ и благодаря которымъ только и можетъ жить и существовать онъ самъ, какъ человѣкъ и обитатель земли, точно такъ же, какъ онъ живетъ и существуетъ только, благодаря вдыханію воздуха. Поэтому мячъ, какъ посредникъ въ играхъ между родителями и ребенкомъ, ставитъ человѣка тотчасъ при его появленіи на свѣтъ со всѣми проявленіями дѣятельности его членовъ и чувствъ прямо въ самую средину жизни вселенной, въ средину всевозможныхъ явленій и наблюденій природы, равно какъ и всѣхъ условій жизни природы и всей жизни вообще, ибо что можетъ быть притягательнѣе, чѣмъ сама жизнь?—Но поддерживать въ человѣкѣ внутреннее единеніе, равно какъ и привести его къ единенію, взаимному пониманію и согласію съ природой и жизнью, нужно, какъ можно, ранѣе; точно такъ же, возможно, ранѣе нужно удержать его въ этомъ состояніи съ полными сознаниемъ и разсудительностью.

И вотъ, подобно тому, какъ мячъ является посредствующимъ звеномъ между матерью и ребенкомъ, между родителями и ребенкомъ, что мы уже неоднократно видѣли, подобно тому, какъ онъ является посредникомъ между ребенкомъ и ближайшей къ нему окружающей средой, точно такъ же онъ является посредствующимъ звеномъ вообще между ребенкомъ и природой и притомъ мячъ является посредникомъ между ребенкомъ и природой въ томъ же смыслѣ, какъ вселенная служитъ посредницей между человѣкомъ и Богомъ.

А подобно тому, какъ мячъ самъ по себѣ и при помощи игры съ нимъ ставитъ человѣка и притомъ уже съ ранняго дѣтства въ самую средину жизни природы и всей жизни вообще и заставляетъ его почувствовать себя и найти себѣ мѣсто въ этой жизни, подобнымъ же образомъ онъ заставляетъ и ребенка съ раннихъ поръ почувствовать и ощутить себя въ срединѣ своей собственной жизни, въ срединѣ своей воспринимающей дѣятельности, среди своей дѣйствующей и творческой, сравнивающей дѣятельности. Такимъ образомъ мячъ охватываетъ игру съ нимъ, уже съ дѣтства затрагиваетъ всего человѣка со всѣмъ запасомъ его духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, въ предѣлахъ доступной ему умственной и физической дѣятельности. Такимъ образомъ, если ограничиться даже однимъ опредѣленно поставленнымъ и неоднократно затрагиваемымъ нами опытомъ съ мячомъ, который является въ то же время самымъ первымъ и въ данномъ случаѣ для насъ наиболѣе близкимъ, то мы приходимъ въ заключенію, что даже въ этомъ первомъ своемъ колебательномъ движеніи, если его повторять часто и притомъ въ каждомъ случаѣ по нѣскольку разъ, и если ребенокъ будетъ наблюдать и запечатлѣвать его въ своей душѣ подъ звуки „тикъ, такъ“ преимущественно по отношенію къ пространству, къ ритму, мячъ дѣйствуетъ на тѣло ребенка возбуждающимъ образомъ, что въ свою очередь отражается на немъ въ видѣ сказки вѣянья, известнаго рода ритмическаго движенія. Развѣ не заключаетъ въ себѣ огромной важности для всей жизни человѣка уже одно это явле-

ніе, развивающееся въ немъ въ полномъ согласіи со всѣмъ его организмомъ? Развѣ оно не представляетъ собою смутнаго, а вполнѣ развитого чувства правильнаго такта (ритма), какъ его называютъ при такомъ обозначеніи, т.-е. чувства, вызывающаго способность какъ разъ во время переходить отъ одного рода дѣятельности къ другому, что избавляетъ человѣка вполнѣ часто отъ столькихъ неприятностей? Развѣ это не стоитъ въ связи съ первоначальнымъ развитіемъ человѣка, которое позволяетъ усваивать постоянно только то, что въ данный моментъ—своевременно, или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаетъ препятствій къ усвоенію при встрѣчѣ съ подходящимъ по времени матеріаломъ?

Движеніе же, представляемое при звукахъ „б и мъ, б о мъ“ и воспринимаемое, какъ живое и издающее звукъ, наоборотъ, дѣйствуетъ главнымъ образомъ на душу; что и отражается на ребенкѣ въ теченіе его развитія въ видѣ улыбки, являющейся знакомъ душевнаго возбужденія, выражающагося въ дѣятельности мускуловъ лица. Развѣ мы не видимъ, уже отсюда сколь благотѣльно для человѣка уже съ раннихъ поръ развитіе въ немъ чувства мелодіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гармоніи? Движеніе, представляемое при звукахъ „туда, сюда“ и требующее при воспріятіи болѣе сравнительной дѣятельности, дѣйствуетъ преимущественно на умъ ребенка и отражается на ребенкѣ въ теченіе его развитія въ видѣ сопровождающаго его лепета, который служить преобладающимъ выраженіемъ пробуждающейся въ немъ мыслительной способности. Развѣ мы не находимъ уже въ этомъ выраженіи проявленія способности и потребности человѣческаго духа дать понять себя, объясниться съ помощью того или другого залвленія о себѣ?

Поэтому, разъ уже каждая отдѣльная игра, будучи воспринята различными способами, затрогиваетъ въ ребенкѣ всѣ три основные элемента его существа — творчество, чувство и мысль, то еще больше это достигается всѣми занятіями, связанными съ игрой, взятыми въ ихъ совокупности. Внимательному наблюдателю легко можетъ броситься въ глаза, что цѣлый рядъ игръ принадлежитъ преимущественно внѣш-

нему проявленію жизни, области дѣйствіи, творчеству или, но крайней мѣрѣ, имѣють къ ней ближайшее отношеніе. Въ извѣстныхъ отношеніи ихъ можно обозначить, какъ полезныя игры.

Въ другомъ рядѣ игръ каждая игра можетъ дать удовлетвореніе уже сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ чему-либо внѣ ея тѣмъ, что въ ней при внѣшнемъ многообразіи явленій, связанныхъ, однако, между собою, проявляется внутреннее единство, единая въ себѣ жизнь. Эти игры, которыя внутри и при помощи гармоническаго многообразія обнаруживаютъ внутреннее единство и какъ бы проявляютъ его, выразительнѣе всего можно назвать изящными играми ¹⁾. Точно такъ же въ третьемъ ряду игръ каждая игра въ отдѣльности, тоже только сама по себѣ, можетъ привлечь ребенка только тѣмъ, что въ ней и благодаря ей выступаютъ такія разнообразныя отношенія, качества и связи, изъ которыхъ каждое было обусловлено, намѣчено уже во внутреннемъ смыслѣ самой игры, даже до его внѣшняго проявленія и ознакомленія съ нимъ. Прозги игры необходимо сказать, что онѣ рано привлекають ребенка; хотя и безъ участія въ то время сознанія со стороны ребенка и незамѣтно для него на всю, можетъ быть, жизнь онѣ привлекають его все-таки своей внутренней правдой.

Итакъ, не приводя изъ разсмотрѣнныхъ уже игръ доказательства для каждаго изъ установленныхъ нами рядовъ ихъ, такъ какъ это окажется доступнымъ для каждаго при осмысленномъ изученіи ихъ, мы имѣемъ въ виду подчеркнуть здѣсь только то, что тотъ путь веденія дѣтскихъ занятій, на который стала уже первая дѣтская игра и который, начиная съ мяча, развиваясь далѣе по внутреннимъ законамъ, безпрепятственно будетъ преслѣдоваться нами при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи средствъ, употребляемыхъ для дѣтскихъ занятій,—уже съ раннихъ поръ направляетъ ребенка къ со-

¹⁾ Здѣсь игра словъ: *schöne Spiele—Spiele, durch welche Einhe aus Mannigfaltigkeit gleichsam hervorscheint*. Прим. пер.

гласному развитію въ немъ началъ полезности, красоты и правды; что у родителей такимъ образомъ рано является необходимое для достиженія гармоническаго развитія ихъ ребенка средство распознавать, къ какой сторонѣ развитія онъ имѣетъ преимущественно наклонность; ибо, какъ жизнь, искусство и наука не исключаютъ другъ друга, такъ и человѣкъ, а тѣмъ болѣе ребенокъ не долженъ воспитываться и развиваться односторонне, исключительно въ сторону одного какого-либо направленія жизни.

Точно такъ же посредствомъ мяча, какъ первой игрушки достигается выработка различныхъ направленій умственныхъ силъ ребенка. Посредствомъ мяча онъ научается фиксировать зрительныя впечатлѣнія не только отъ предмета, находящагося въ покоѣ, но и отъ смѣны происходящихъ съ нимъ явленій. Приведенныя игры съ мячомъ пробуждаютъ и упражняютъ способность ума снова представлять передъ собою предметъ, бывшій передъ глазами, созерцать его въ душѣ даже по окончаніи внѣшняго его наблюденія. Эти игры пробуждаютъ и упражняютъ способность представленія воспоминанія, способность удерживать въ памяти предметъ, раньше бывшій передъ глазами, снова вспоминать о немъ. Онѣ развиваютъ память.

О пробужденіи и развитіи способностей ума сравнивать, заключать, судить, думать упомянуто уже раньше. А какимъ образомъ эти игры пробуждаютъ и упражняютъ способности ребенка, даютъ имъ дальнѣйшее развитіе и какимъ образомъ эти способности подлежатъ дальнѣйшей формировкѣ въ душѣ,—все это легко доступно для наблюденія всякому наблюдателю. Но мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній,—и это поддается учету—какимъ образомъ въ жизни ребенка, съ которой мать сообщается посредствомъ мяча и игры съ нимъ, эти нѣжившіе зародыши душевной жизни тихо и медленно, хотя бы даже сначала и вовсе скрыто, произрастаютъ и подвергаются уходу, развиваются подъ вліяніемъ дѣйствій, чувствъ и мышленія матери, подъ вліяніемъ ея любви, вѣры и надежды въ отношеніи къ ребенку.

Достаточно того, что мы видимъ, какъ человѣкъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ, даже на положеніи грудного ребенка посредствомъ мяча и игры съ нимъ оказывается поставленнымъ въ центрѣ своей жизни, равно какъ и всей жизни вообще. Въ самомъ дѣлѣ, его собственная жизнь, жизнь его матери, отца и всего окружающаго міра становится для него, благодаря мячу, внутренно живой и конкретно объединенной, равно какъ и жизнь и любовь матери становятся для него чѣмъ-то конкретно единымъ, благодаря полнотѣ доставляющей ему питаніе материнской груди, которая сама является для него своего рода мячомъ и составляетъ для него все.

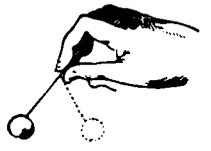
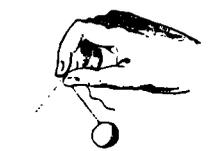
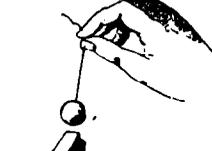
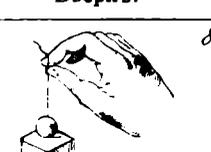
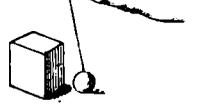
Еще разъ повторяю вамъ, любезныя матери, дорогіе отцы и всѣ вообще воспитатели дѣтей, не думайте и не вѣрьте, будто ребенокъ въ этой преимущественно физической стадіи своего развитія, когда онъ еще не можетъ во все обходиться безъ посторонней помощи, является невоспримчивымъ ко всему вышеприведенному въ цѣломъ, или хотя бы къ отдѣльнымъ проведеннымъ нами явленіямъ или, наконецъ, хотя бы къ одному изъ нихъ. Вы глубоко заблуждаетесь и заблуждаетесь къ великому ущербу для всей будущей жизни вашего ребенка и для результатовъ вашего столь напряженнаго при другихъ условіяхъ ухода за нимъ. Ребенокъ такъ же мало невоспримчивъ къ этому, какъ и сокрытое въ глубинѣ земли, въ темнотѣ зерно, какъ и покрытая твердой корой, и похожая скорѣе на камень почка на деревѣ невоспримчива къ возвращенію теплоты весенняго солнца или даже въ теплomu, но скоро исчезающему дуновенію вѣтра. Кто не чувствуетъ слѣдовъ будущаго развитія, будущей жизни ребенка и не ухаживаетъ за ними съ полнымъ сознаниемъ и осторожностью уже тогда, когда они сокрыты еще въ глубинѣ и темнотѣ, тотъ не сумѣетъ ясно различать ихъ и ухаживать за ними вполне цѣлесообразно или, по крайней мѣрѣ, въ надлежащей степени даже и тогда, когда они будутъ явно налицо. Только съ помощью уразумѣнія внутренней, жизненной связи, или, лучше, вѣчной тройственности—невидимаго, невидимо-видимаго и видимаго—можно постигнуть и самую жизнь.

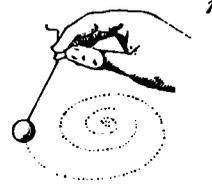
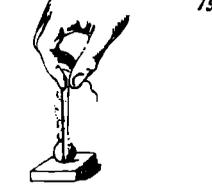
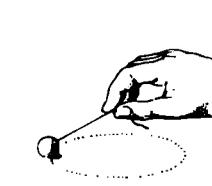
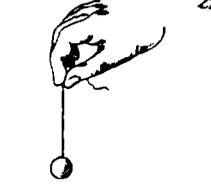
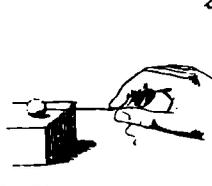
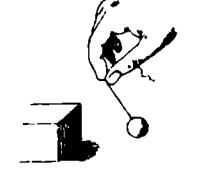
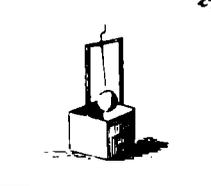
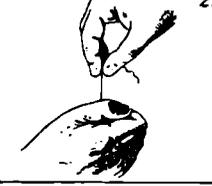
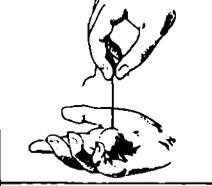
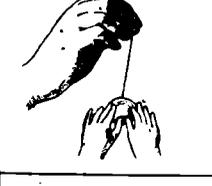
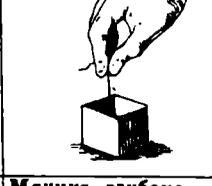
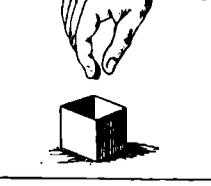
Однако, наибъ остается отмѣтить еще одинъ пунктъ въ нашемъ разсмотрѣнн и изученн игры съ мячомъ: это столь же определенное, сколь и ясное и законмѣрное развите с п о с о б н о с т и р ѣ ч и у ребенка въ теченіе этой игры. Подобно тому, какъ ребенокъ посредствомъ этой игры, какъ уже указано, становится или, скорѣе, чувствуетъ себя въ центрѣ природы и жизни, точно такъ же черезъ посредство мяча онъ становится въ самый центръ способности рѣчи, законмѣрнаго ея развитія или, скорѣе, находится въ этомъ центрѣ и спокойно развивается въ немъ.

Изъ многаго, что можно было бы сказать по этому поводу и что ясно само по себѣ, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ достаточно будетъ немногихъ указаній, но впоследствии этотъ вопросъ будетъ снова поднять и самостоятельно обсужденъ детально. А теперь, ограничиваясь общими только намеками, скажемъ слѣдующее.

Языкъ словъ, сопровождающій первую дѣтскую игру, является яснымъ, определеннымъ, полнымъ, совершенно точнымъ, простымъ и тѣмъ не менѣе совершенно удовлетворяющимъ своему назначенію. Уже первые слова его, которыя изображены ребенкомъ, языкомъ и самой игрой и постоянно продолжаютъ заново изобрѣтаться, составляютъ весь его словарный запасъ; именно ими обозначены т о н ы, з в у к и, з а к л ю ч е н і я. Ясно и раздѣльно выступаетъ каждое изъ нихъ; въ чистомъ видѣ по своей сущности являются они въ дѣтскихъ словахъ: „бимъ, бомъ“ (bim, baum). Такимъ образомъ, далѣе, въ аи, (аои) обозначены три основныхъ тона *a*, *o*, *и*, равно какъ въ *i*—ихъ относительная середина или конецъ и такимъ образомъ ими вполне определѣна и обозначена вся область тоновъ языка. Точно такъ же находящійся въ обращенн при игрѣ запасъ словъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, охватываетъ всю область языка, служащаго для наблюденн и изученн предмета въ пространствѣ. Слова дѣтскаго языка представляютъ собою по большей части основы или корни словъ и изъ нихъ уже далѣе вполне жизненно, законмѣрно и всесторонне развивается настоящій языкъ словъ, какъ отпечатокъ обоихъ міровъ—внутренняго и внѣшняго.

Все это и еще многое другое, чего нельзя запечатлѣть въ словѣ, какъ внѣшнее явленіе съ его подробностями, дается ребенку мячомъ и примыкаетъ къ нему, какъ къ первой его игрушкѣ; съ помощью мяча онъ развивается, на немъ укрѣпляется онъ въ единствѣ своего существа и жизни, равномерно относя его къ тѣлу и духу; въ первыхъ играхъ съ мячомъ проявляется жизнь ребенка, а для ребенка обнаруживается внѣшній міръ въ его единствѣ.

<p>1.</p> 	<p>2.</p> 	<p>3.</p>
<p>Туда, сюда!</p>	<p>Туда, сюда!</p>	<p>По ту сторону!</p>
<p>4.</p> 	<p>5.</p> 	<p>6.</p>
<p>По эту сторону!</p>	<p>Вверхъ!</p>	<p>Внизъ!</p>
<p>7.</p> 	<p>8.</p> 	<p>9.</p>
<p>Топъ, топъ, топъ!</p>	<p>Гопъ, вверхъ!</p>	<p>Скокъ, скокъ, скокъ!</p>
<p>10.</p> 	<p>11.</p> 	<p>12.</p>
<p>Гопъ, черезъ!</p>	<p>Катись, катись, катись!</p>	<p>Назадъ!</p>
<p>13.</p> 	<p>14.</p> 	<p>15.</p>
<p>Кругомъ, кругомъ!</p>	<p>Наъво кругомъ!</p>	<p>Направо кругомъ.</p>

		
<p>Ўже, ўже!</p>	<p>Шире, шире!</p>	<p>Выше, выше!</p>
		
<p>Ниже, ниже!</p>	<p>Кругомъ, кругомъ!</p>	<p>Быстрѣй, быстрѣй!</p>
		
<p>Тяни, тяни, тяни!</p>	<p>Бадъ! Вотъ мячикъ и упалъ!</p>	<p>Бимъ, бомъ!</p>
		
<p>Мячикъ пропалъ!</p>	<p>Вотъ онъ!</p>	<p>Лови мячикъ!</p>
		
<p>Держи мячикъ!</p>	<p>Мячикъ глубоко опустился!</p>	<p>Ищи мячикъ!</p>

ГЛАВА IV.

Пѣсни при игрѣ въ мячъ.

Весьма кратко мы желаемъ намѣтить здѣсь, какимъ образомъ мячъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ перваго и ранняго ухода за дѣтьми.

Какъ предметъ, который всесторонне укрѣпляетъ и развиваетъ дѣтей, мячъ, кромѣ тѣхъ трехъ главныхъ качествъ, которыхъ мы потребовали выше ¹⁾, долженъ заключать въ нихъ еще всѣ качества чувственныхъ предметовъ. Мало того, отъ видимаго онъ долженъ заставлять переходить къ невидимому, отъ чувственнаго—къ сверхчувственному.

Дѣло въ слѣдующемъ: у мяча есть масса, занимающая извѣстное пространство, видъ, величина, матерія, цвѣтъ; мячъ можетъ издавать извѣстные звуки; онъ представляетъ собою замкнутое цѣлое и различныя части другихъ цѣлыхъ; слѣдовательно, онъ есть цѣлое и части въ одно и то же время; онъ заключаетъ въ себѣ единство и множество вмѣстѣ; его можно дѣлить; онъ подвиженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ покоиться. Но главнымъ образомъ мячъ обладаетъ внутренней силой или прыгаетъ; онъ тяжелъ, имѣетъ невидимый, но

¹⁾ Дѣти требуютъ: 1) соответствующаго достигнутой ступени развитія свободно движущагося предмета, который дѣти могли бы такъ же мало по существу испортить или даже уничтожить, какъ принести такимъ путемъ вредъ самому себѣ пли другому какому-нибудь предмету; 2) такого предмета, который бы прежде всего никогда не возбуждалъ въ ребенкѣ одного чувственнаго элемента въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ ребенокъ можетъ позволить себѣ отдаться ему, мало того, дѣйствительно уже въ состояніи владѣть имъ; 3) такого предмета, который, сверхъ того, еще въ ребенкѣ пробуждаетъ, укрѣпляетъ, развиваетъ и упражняетъ нравственный элементъ.

ощутимый центр тяжести, невидимую, но постигаемую средину; при этомъ онъ всему поддается и уступаетъ, какъ бы во все превращается и, сообразно съ этимъ, по требованію ребенка онъ становится всѣмъ, что, далѣе, и составляетъ самое существенное его свойство. Въ мячѣ для всякой потребности и для всякаго возраста все сильнѣе и многостороннѣе развиваются новыя качества. Преимущественно благодаря послѣднему свойству мячъ становится „навсегда самымъ дорогимъ товарищемъ игръ ребенка“ не только въ теченіе всего его дѣтства, но и даже за предѣлы этого возраста, до самаго зрѣлаго юношескаго возраста. Кто при этомъ не припомнитъ самыхъ разнообразныхъ нѣмецкихъ игръ въ мячъ, особенно же той игры, которая носитъ исключительное названіе нѣмецкой и игры?

Благодаря только что намѣченному обзорѣнію сущности и примѣнимости мяча, оказывается, что онъ принадлежитъ первымъ тремъ основнымъ ступенямъ развитія дѣтства и притомъ каждой ступени—съ расширенными, какъ бы иными, качествами и функціями. Говоря это, мы остаемся въ предѣлахъ дѣтства дошкольнаго возраста. Мячъ принадлежитъ: I) собственно возрасту кормленія ребенка грудью; ступени укрѣпляющей и развивающей силы; II) ступени, достигнутой самодѣятельности и свободной дѣятельности, самостоятельности ребенка; ступени приобрѣтенной имъ способности проявлять свое я и свою личность, и III) ступени развивающей потребности въ обществѣ, въ общественной совмѣстной жизни, въ общности.

На каждой изъ этихъ ступеней есть свой совершенно оригинальный способъ пользованія мячомъ, благодаря чему на каждой ступени онъ, повидимому, дѣлается какъ бы другимъ предметомъ.

Въ предшествующей главѣ мы дали подробное изложеніе основныхъ ступеней развитія ребенка и тѣхъ своеобразныхъ способовъ примѣненія мяча, которые требуются этими ступенями.

Здѣсь, для цѣлесообразнаго пользованія пѣснями мяча, мы выдвигали впередъ то, что въ большей или меньшей

степени сообща принадлежит этимъ тремъ ступенямъ, будучи убѣждены, что естественный, неиспорченный смыслъ ребенка, матери и воспитателей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ найдетъ правильный способъ примѣненія. Подобнымъ же образомъ будетъ найдено, какъ и какимъ способомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ руководящее воспитаніемъ ребенка лицо должно итти навстрѣчу еще слабой, неразвитой силѣ ребенка, спускаться до ея уровня и какъ бы снова самому становиться ребенкомъ съ тѣмъ, чтобы поднимать силу ребенка, давать ей свободу. Я сказалъ, что руководящее воспитаніемъ лицо должно становиться ребенкомъ въ смыслѣ наивности, единенія съ предметомъ, полной жизни вмѣстѣ съ ребенкомъ, но оно не должно дѣйствовать по дѣтски, такъ какъ ребенокъ ищетъ серьезности и стремится къ ней. Если поэтому нашъ ребенокъ будетъ разсѣяннымъ, шаловливымъ и слишкомъ изнѣженнымъ, то причину этого мы должны будемъ искать въ предшествующемъ обращеніи съ нимъ. Въ виду важности этого обстоятельства, мы повторимъ еще разъ: ребенокъ ищетъ серьезности, важнаго, но при веселости и радостномъ настроеніи. Если въ этомъ мы пойдемъ навстрѣчу инстинктивному пониманію и стремленію ребенка, то этимъ мы наполовину облегчимъ дѣло воспитанія и наполовину уже достигнемъ своей цѣли. Поэтому лица съ дѣтскимъ настроеніемъ, наивнымъ и веселымъ, а также и дѣти, которыя только на нѣсколько лѣтъ старше, нежели наши дѣти, являются самими любезными товарищами по играмъ, какъ на первой, такъ на третьей ступени ихъ развитія и при нашемъ мячѣ.

При самомъ первомъ примѣненіи пѣсенъ, какъ и при всякомъ первомъ лепетѣ, дѣтскомъ разговорѣ и болтовнѣ съ милыми малютками, рѣчь можетъ итти только о впечатлѣніи тона и всей мимики, которая примыкаетъ къ цѣлому, по отнюдь не о пониманіи словъ; это разумѣется само собою, но, чтобы избѣжать слишкомъ поспѣшнаго ложнаго толкованія, мы должны все-таки обратить на это вниманіе.

Позже, когда явится способность рѣчи и навыкъ въ ней, усвоеніе этихъ маленькихъ пѣсенъ явится само собою безъ

всякихъ стороннихъ требованій, пожалуй, даже тѣмъ скорѣе, что этого усвоенія не будутъ требовать прямо.

Теперь мы перейдемъ къ выполнению игръ мячомъ и пѣсенъ и къ тому отношенію, которое существуетъ между этими играми и пѣснями, съ одной стороны, в ребенкомъ него обстановкей—съ другой стороны.

Ребенокъ стремится, благодаря естественному импульсу, прежде всего ознакомиться съ тѣмъ, что существуетъ вокругъ него и съ самостоятельностью окружающихъ его вещей; поэтому ему дается также мячъ, прежде всего, какъ представитель всѣхъ окружающихъ ребенка предметовъ, который такимъ образомъ какъ бы знакомитъ ребенка съ ихъ сущностью.

1. Появленіе предметовъ, въ данномъ случаѣ мяча. Пѣсни №№ 1—5.

Такъ такъ, согласно съ вышесказаннымъ, при развивающемъ и воспитывающемъ занятіи ребенка все должно быть направлено къ тому, чтобы привести предметъ во внутреннее жизненное отношеніе съ ребенкомъ, а послѣднее достигается при помощи чувства и ощущеній, то въ пѣсняхъ №№ 1—4 исходнымъ пунктомъ дѣлаются чувственное впечатлѣніе предмета, въ данномъ случаѣ—мяча, на ребенка и та реакція, которою ребенокъ на это отвѣчаетъ.

Поэтому стремленію и какъ бы желанію ребенка овладѣть предметомъ придаются слова; это—первый шагъ, чтобы поднять ребенка къ сознанію самого себя и того, что въ немъ происходитъ. Но здѣсь тотчасъ является опредѣленный вопросъ о томъ, одобрительно ли относится внѣшній міръ, окружающіе, къ этому стремленію, къ желанію ребенка. Отвѣтъ на этотъ вопросъ важенъ для дальнѣйшаго нравственнаго и, наконецъ, религіознаго развитія ребенка, поэтому онъ дается тотчасъ во второй строкѣ пѣсни № 5.

2. Мячъ занимаетъ извѣстное пространство. Пѣсня № 6.

3. Спокойное состояніе предмета и притомъ:
а) самого по себѣ; пѣсни №№ 7 и 8; при № 8, въ противопо-

ложность приведенному выше № 5, высказывается согласіе ребенка; развивающій элементъ этихъ взаимныхъ отношеній выступаетъ предъ нами ясно; б) покой другого способнаго къ движенію предмета, пѣсни №№ 9 и 10.

4. Движеніе предмета: а) въ замкнутомъ пространствѣ, здѣсь—на рукѣ; пѣсни №№ 11 и 12; б) на отдѣльныхъ рукахъ; пѣсня № 13.

5. Во всѣхъ этихъ маленькихъ играхъ мячъ былъ еще съ ребенкомъ, какъ бы одно цѣлое, но съ послѣдней игрой мячъ отдѣляется отъ него все болѣе и болѣе, дѣлается совершенно свободнымъ и является въ своей самостоятельности; пѣсня № 14.

Теперь скажемъ объ употребленіи мяча на совершенно свободномъ пространствѣ и какъ бы объ опредѣленіи и измѣреніи этого пространства; здѣсь особенно обращается вниманіе на направленіе въ пространствѣ.

1. Болѣе горизонтальное движеніе. Пѣсни №№ 18, 19, 20.

2. Болѣе вертикальное движеніе. Пѣсни №№ 21—27.

3. Оба направленія соединяются. Пѣсни №№ 28—31.

4. Оба направленія по кривой соединяются, при чемъ постоянно какъ бы измѣняется косое направленіе. Пѣсня № 32.

Здѣсь эти игры являются или: а) только играми для отдѣльныхъ дѣтей; пѣсни №№ 21—27; б) такими играми, которыми, пожалуй, ребенокъ можетъ заниматься одинъ, но въ которыя также могутъ играть каждый разъ по два ребенка; пѣсни №№ 28—32 и 34; или, наконецъ, с) настоящи товарищескія игры; пѣсни №№ 14—17, также 33 и 34.

Во всѣхъ этихъ играхъ выдвигалась роль мяча, характеръ его движеній, и такимъ образомъ онъ ведетъ къ пониманію пространства и т. д.

Но мячъ можетъ также служить для ознакомленія ребенка съ царствомъ красокъ при помощи своего цвѣта. При этомъ нужно замѣтить, что для достиженія этой цѣли нужна серія, по крайней мѣрѣ, изъ шести мячей; именно три главныхъ, изъ цвѣтовъ—краснаго, желтаго и голубого

и три—промежуточныхъ цвѣтовъ — зеленого, фіолетоваго и золотисто-желтаго. Ср. пѣсни №№ 35—40.

До сихъ поръ двигался мячъ свободно во всѣ стороны въ свободномъ пространствѣ; но его движенія могутъ быть также болѣе связаны съ одной плоскостію и быть поставлены въ зависимость отъ нея, а именно, снова слѣдующимъ образомъ: 1) отъ горизонтальной площади, а) на столѣ, пѣсни 48; б) на полу, пѣсни №№ 45—47; 2) отъ вертикальной плоскости, напр., отъ стѣны, пѣсни №№ 49—52; 3) отъ кривой плоскости, напр., отъ руки, №№ 53—55.

При этомъ всѣ эти маленькія игры снова дѣлятся: а) на игры для отдѣльныхъ дѣтей, пѣсни №№ 48—51 п б) на игры въ компаніи; сюда особенно относится игра соревнованія, пѣсня № 52.

Снова длинный рядъ игръ возникаетъ при помощи совершенно несвободнаго, привязаннаго мяча или мяча на шнуркѣ, и притомъ снова мы здѣсь имѣемъ: 1) въ свободномъ пространствѣ, а) только движеніе, похожее на маятникъ, пѣсни №№ 56—59 и 64; б) движенія подъема и опусканія, пѣсни №№ 60, 61; с) движенія, когда мячъ подпрыгиваетъ, пѣсни №№ 62, 63, 73; д) круговыя движенія и размахиванія, пѣсни №№ 65, 66, 67; е) движенія спиральныя, иѣсни №№ 68, 69; 2) на горизонтальной поверхности а) круговыя движенія, пѣсни №№ 70, 71; б) движеніе молотьбы, пѣсня № 72; с) подпрыгиваніе, пѣсни №№ 73—75.

Изъ предшествующаго нужно выдѣлить еще другой рядъ игръ; это—тѣ игры, когда мячъ является съ опредѣленнымъ назначеніемъ замѣнять другіе предметы: 1) на открытомъ мѣстѣ—въ качествѣ росы, пѣсня № 53,

воды, пѣсни, №№ 54, 55; цвѣтовъ, пѣсня № 39; жука, пѣсня № 38; бабочки, пѣсня № 37; 2) на ровной площади—въ качествѣ ключа № 45; 3) на шнуркѣ, пѣсня № 56; въ качествѣ колокольчика, пѣсня № 57; въ качествѣ вѣточки, пѣсня № 58; собачки, пѣсни №№ 76, 81, 83; лошадки, пѣсни, №№ 77, 78, 79, 80; овечки, пѣсня № 82; кошечки, пѣсня № 85; голубка, пѣсня № 86; жеребеночка, пѣсня № 84.

Такимъ образомъ легко выясняется, какъ мячъ становится и является для ребенка всестороннимъ средствомъ, развитія его личности и, сверхъ того, средствомъ ознакомленія съ міромъ явленій и съ внѣшнимъ міромъ и особенно съ природою. Но мячъ является также для ребенка образцомъ собственной силы, способности къ работѣ и жизни, особенно образцомъ собственной подвижности. Такимъ образомъ изъ мяча вытекають самыя различныя—подвижныя и особенно совмѣстныя игры.

Въ послѣднемъ смыслѣ сюда относятся пѣсни №№ 15, 16, 61, 66, 67, 87, 89, 91, 93, 95.

Къ подвижнымъ играмъ относятся: плаваніе, пѣсня № 88; летаніе, пѣсня № 90; пилка, пѣсня № 92; качели, пѣсня № 94.

Однако изъ этихъ игръ во многихъ отношеніяхъ ясно вытекаетъ, что онѣ не только ведутъ, исходя отъ единства, какимъ является здѣсь мячъ, къ многообразію предметовъ къ ихъ познанію и взаимнымъ отношеніямъ; но именно благодаря этому также ведутъ обратно къ единству, къ основѣ всякаго многообразія и т. п. Это бываетъ даже тамъ, гдѣ единство въ своей незримости познается только по его проявленію. Благодаря этому эти игры не только укрѣпляютъ и развиваютъ, но и дѣйствительно воспитываютъ и образуютъ, облагораживаютъ и развиваютъ нравственно; такимъ образомъ онѣ ведутъ, при всестороннемъ согласіи природы и жизни, къ ближайшей двойной цѣли и назначенію

всякаго истиннаго ухода за дѣтьми: здоровому духу въ здоровомъ тѣлѣ.

Вотъ, дорогая мать, любезная воспитательница, та всеобъемлющая цѣль, для которой мы передали вамъ эти маленькія пѣсни. Но эта цѣль будетъ достигнута лишь тогда, если вы въ смыслѣ и въ языкѣ пѣсень, которыя вашу собственную дѣятельность должны лишь отражать въ зеркалѣ, въ чистотѣ вашего проникнутаго любовью къ дѣтямъ стремленія воспитывать ихъ, сами выполните то, что они изображаютъ. — „Посмотри, малютка, какъ прекрасенъ мячикъ!“ — Въ этомъ такъ произнесенномъ словѣ „прекрасенъ“ для ребенка заключается совершенно особенная прелесть; это — предчувствіе, что изъ-за внѣшности показаннаго предмета дѣйствительно обнаруживается то, что находится внутри, нѣчто высшее. — И это предчувствіе твоего мѣлаго малютки такъ справедливо, если только ты, дорогая воспитательница, сознаніе этой истины носишь въ самой себѣ, дѣлаешь его также выраженіемъ своей дѣятельности. „Возьми прекрасный мячикъ, милое дитя!“ „Вотъ онъ — у тебя!“ — Но какая радость имѣть прекрасное, владѣть прекраснымъ, именно вслѣдствіе указаннаго предчувствія!

И эту чистую радость можешь ты, мать, можешь ты, воспитательница, пробудить въ твоёмъ ребенкѣ, если ты указаннымъ способомъ передашь ему то, что ты ему вручаешь, — „Сожми ручку! мячикъ хочетъ спать!“ — Это прекрасное навсегда и охотно останется у ребенка; какая тихая радость проникаетъ все его существо! — И эту радость души, это тихое наслажденіе ты оставишь у ребенка надолго, если ты при одинаковомъ настроеніи твоего сердца, при одинаковомъ настроеніи твоей души, будешь вести съ твоимъ любимымъ малюткой всѣ игры, для которыхъ нижеслѣдующія пѣсни даютъ тебѣ матеріалъ, какъ содержаніе, такъ и форму. Радость, чистая радость, особенно въ груди ребенка, является основою, какъ бы источникомъ и исходнымъ пунктомъ всего добраго; вѣдь даже небожители съ радостью привѣтствовали

появленіе въ земной жизни божественнаго начала, которое всѣмъ даетъ счастье.

Но радость пробуждаетъ довѣріе. — Итакъ, веди же и ты съ радостію твое дитя въ жизнь, въ которой оно должно созерцать божественное и любить его, жить въ единеніи съ Богомъ и уповать на Бога.

Вступительныя пѣсни.

№ 1.

Ми - ну - ла ночь, и сонъ нашъ прочь; свѣтъ ут - ра намъ от -
Давъ намъ по - кой, сво - сій ру - кой ты у - крѣ - пилъ насъ

ра - да. Гос - подь, ты Самъ, да - ру - ешь намъ все, что для сча - стья
сно - ва. Намъ си - лы пуж - ны для тру - да; мы вновь ужъ бод - ры

на - до То - бѣ мы шле пѣ - по - пѣнь - я.
мъ
пос - лѣ сна. Ты, Бо - же, на ша по мошь.

№ 2.

Какъ воль - по ды - шить на - ша грудь! Гос - подь, Ты

даль намъ от -дох - путь. Ты о чи такъ же намъ от -

крыль, какъ соли - це въ не - бо вы - во - диль. Ли - ку - я,
смо - гримъ мы на Твой пре - крас - ный мѣръ и свѣтъ жи -
вой. Намъ по - мо ги весь мѣръ лю - бить; въ не - го намъ
дай доб - ро вно - ентъ.

№ 3.

Намъ встрѣ - ча здѣсь — мигъ на - слаж - день - и; свя - за - ло къ жи - з - ни
ншь вле - чень - с; вс - сель - е на - шо — весь нашъ трудъ, съ нимъ
ра - достъ тутъ какъ тутъ. Трудъ не - ссть намъ лучъ на - у - ки,
под - ни - ма - етъ къ дѣ - лу ру - ки, льетъ онъ въ серд - це
но - вый свѣтъ — свѣтъ.

Пѣсенки для игръ.

Игра въ мячъ на воздухѣ.

№ 1.

Вотъ мя-чикъ, мя-чикъ здѣсь!

№ 2.

Ахъ, какъ хо-рошъ, какъ миліонъ вѣсь! нашъ ми-лый мя-чикъ здѣсь!

№ 3.

Здѣсь мя-чикъ, мя-чикъ—вотъ; смо-трѣть со-бя зо-вѣтъ.

№ 4.

Пу что за прс-лесъ онъ на взгля хотъ вѣ-лый часъ смо-трѣ я радъ.
ядъ; ть

№ 5.

Я раз-смо-трѣть хо-чу по-бли-жо, по-лю-бо-вать-ся
Ты мо-жешь раз-смот-рѣть по-бли же, ну, по-лю-буй-ся

бы имъ вдо-воль. Ахъ, какъ онъ чистъ, ахъ какъ онъ бѣлъ, я
пмъ же вдо-воль! Ахъ, какъ онъ чистъ! ахъ, какъ онъ бѣлъ! Такъ

по - нг - рать бы имъ хо - тѣлъ!
по - нг - рай же, какъ хо - тѣлъ!

№ 6.

От - крой ты руч - ку: мячъ возъ - нп!

№ 7.

За - крой те - перь: мячъ, от -дох - нп!

№ 8.

Ра - зож - ми же руч - ку ты! мя-чикъ ми - лень-
Руч - ку я сво - ю раз - жалъ, мя-чикъ ми - лень-

кйй ло - ни! Ахъ, какъ онъ бѣлъ! ахъ, какъ онъ мпль! такъ
кйй пой малъ! Ахъ, какъ онъ бѣлъ! ахъ, какъ онъ малъ! вотъ

по - лю - буй-ся жъ, коль пой - малъ.
лю - бо - вать - сл я имъ сталь.

№ 9.

Какъ онъ ле жить спо - кой-но те - перь въ ру-кѣ мо - ей; ка-

№ 10.

№ 11.

№ 12.

№ 13.

Свой мяч о-пять пу - шу я, съ од - ной ру-ки въ дру - гу - ю!

№ 14.

Хо - тѣ - лось бы п - но - му, отъ од - но - го къ дру -

го - му ле - тать и мол-вить: „доб-рый день, доб-рый день!“

Прыгъ! и къ намъ вер - нул-ся сно - ва; пѣть мы пѣ-сен-ки го - то - вы!

Мя-чикъ нашъ че - му - то радъ. Мы - же боль-ше во сто кратъ!

Примѣненіе игры въ мячикъ въ отдѣльнымъ дѣтямъ.

№ 15

а) Къ мальпкамъ.

Кар - лу - ша нашъ же - лалъ бы, чтобъ онъ, какъ мячъ, ле -

талъ - бы и поз-драв-лялъ всѣхъ: „доб-рый день, доб-рый день!“

№ 16 б) Къ дѣвочкамъ.

И Ри - та бы же - ла - ла, чтобъ мя - чи-комъ ле-

та - ла, всёмъ го - во - ри - ла бы: „доб-рый день, доб-рый день!“

№ 17.

Хо - тѣ - ли - бы гурь - бо - ю мы съ мѣ - та на дру-

го - е гу - лять, смо-трѣть на Бо жій свѣтъ. За - нять - я въ мі-рѣ

луч ше нѣтъ! Какъ все тамъ ми - ло! Тамъ птич-ки рас - пѣ-

ва-ютъ; де - рень-я на - дѣ - ва-ютъ ве - ле-ный свой на-

рядъ. Тамъ пчѣ-локъ рой хло по - четъ; ку - зне - чи - ки стре-

ко - чуть; тамъ об - лач-ка сколь-зять. Тамъ бы все

бы - ло лю - бо намъ, ми - ло. Бро - дить бы тамъ лу-

№ 18.

№ 19.

№ 20.

Ту - да и сю - да мой ма - лют - ка ле - титъ; на-

пѣвъ мой всег - да на - встрѣчу зве - пить.

№ 21.

Ту - да, сю - да, ту - да, сю - да!

№ 22.

Вы - ше, ни - же! ! пп - же, вы - ше! ту - да, сю - да! ту -

да, сю - да! ту - да, сю - да! ту - да, сю - да!

№ 23.

Мо-жетъ мячъ нашъ п вверхъ, и внизъ летѣть. Мо-жетъ нашъ мл-ый

мячъ о - пус - кать - ся, вновь под - ни - мать - ся.

№ 21.

Пры-гай, пры-гай, мя-чикъ, въ воз-духъ вы - со - ко!

Ра - дост - ну - ю пѣ - ню пѣть намъ такъ лег - ко!

Ра - дост - ну - ю пѣ - ню пѣть намъ такъ лег - ко!

№ 25.

Пой - мать хо - чу я мя - чикъ. Разъ и два, и

три, че - ты - ре, пять разъ, шесть разъ!

№ 26.

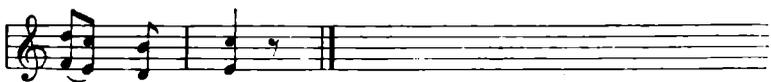

Под-ни - ма-ль, въ воз-ду вска вокруг се - бя вер - тит - ся мячъ.
хъ чь,

№ 27.

По - смот - ри - те на не - го, какъ вор - тит - ся

онъ, о го!

№ 28.

Вверхъ, внизъ, мячъ жи - во, ле тай кра - си - во!

№ 29.

То ввысь, то внизъ, то ны - ше, то ни - же!

№ 30.

Ту - да, сю - да, ле - ти мячъ, то вы-ше, то ни-же!

№ 31.

Вале - тай, изъ глазъ ис - че - зай, о-пять при - лс - тай!

№ 32.

Бы - стро - то - ю со стрѣ - ло - ю сиоръ, нашъ мячъ!

вы - ше, вы - ше, внизъ не ти - ше, такъ вотъ вскачь!

вверхъ взви - вай - ся, внизъ спус-кай - ся, мп - лый мячъ!

№ 33.

Ну, ско - рѣ - е въ рядъ тѣс - нѣ - е! ну, ле - ти - те

же бы - стрѣ - е! Мы веѣ мя - чи - ки встрѣ - ча - емъ,

какъ цвѣ - ты, въ вѣ - ноцъ вѣлс - та - емъ.

№ 34.

1. Мя-чикъ, я люб - лю те - бя; си-лы сво - и раз - ви-
2. Что - бы мнѣ пой-мать те - бя, дол - женъ ча - сто
3. За - хо - чу ль то - бя пой-мать, я ужъ ни-какъ не мо-
4. Ру - ки прос - ти - ра - ю я къ те-бѣ, мой мя-чикъ, и
5. Мя-чикъ, я люб - лю те - бя; си - лы сво - и раз-ви-
6. Ахъ, какъ я люб - лю те - бя, ма - ма, ты всѣ мнѣ мя-
7. Ты лю-бовь мо - ю при-ми, ма - ма, доб-ру ме - ня
8. Какъ насъ ра - ду - етъ иг - ра! По въ сво-ей жиз-ни ужъ

1. ва-ю я на те-бѣ од - помъ, мя-чи-кѣ мо - емъ.
2. пры-гать я, чтобъ вла-дѣть то - бой, мя-чикъ ми-лѣй мой.
3. гу зѣ-вать: рѣз-вый твой по - деть съ тол-ку всѣхъ со-бѣть.
4. зна-ю я, что съ вы-сотъ твоихъ у - па - дешь ты въ нихъ.
5. ва-ю я, на те - бѣ од-номъ, мя-чи - кѣ мо - емъ.
6. чи да-ла, съ ни-ми чтобъ иг-рать, си-лы раз - ви - вать.
7. на - у - чи, что-бы ни - ко-гда не лѣ - нил - ся я.
8. ни-ко-гда, не за - бу - ду я про-слав-лять Твор-па.

1. Ра-ду-ешь, мячъ, ты мо - ня, ра-ду-ешь, мячъ, ты ме - ня.
2. Счаст-ливъ я и самъ не свой, счаст-ливъ я и самъ не свой.
3. Дол-женъ слѣ-дить за то-бой, мя - чикъ ми-лень-кѣй мой.
4. Силь не жа - лѣ-ю сво-ихъ, силь не жа - лѣ - ю сво - ихъ.
5. Не по-ки-дай же ме - ня, будь со мной день о - то - дня.
6. Пры-гай, мячъ, мп-лень-кѣй мой, ва-му лю - блю всей ду - шой.
7. Зна-ю я въ мо-емъ тру-дѣ, Бо-же, по - мо-жешь Ты мнѣ.
8. Вѣдъ сс-лп Бо - га за-быть, счастье-я не мо-жетъ ужъ быть.

Цвѣтной мячъ.

№ 35.

По - жа - луй - те сю - да всѣ къ намъ, семья цвѣт-ныхъ мя-

чей! Вы такъ кра-си-вы, такъ пе-стры. Сю - да, сю - да ско-

рѣй! Вы насъ не за - бу - де - те, го - стя-ми вы бу - де - те. Къ намъ

ми - ло - сти про-симъ васъ по - жа - ло - нать сей-же часъ.

№ 36.

Мя-чикъ мой кра-сивъ на видѣ: онъ, какъ мо - ты - лекъ, ле - тить.

№ 37.

Онъ въ пе-стромъ и лать - н - пѣ цвѣт-номъ; онъ ра-дость

всѣмъ не - сетъ кру - гомъ.

Странствованіе цвѣтныхъ млчиновъ.

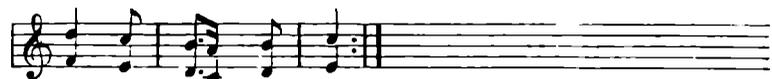
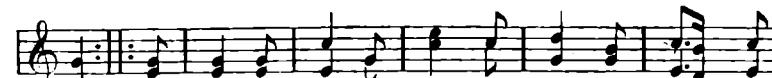
№ 38.

Жел-тый, крас-ный, си - ній тожь, на цвѣт-ныхъ жуч-
ковъ по - хожь. Яр - ко - крас-ный, го - лу - бой, схо-жій
съ ут - рен - ней ро - сой. Да-же мя-чикъ есть та-
кой - въ цвѣтъ фи - а - доч - ки лѣс - ной. Есть мя - чи, что
кра - со - то - ю, рав - ны съ ра - ду - гой - ду - го - ю.
Вотъ другъ друж - ку об - го - ня - я, весь цвѣт-никъ ле-
титъ свер - ка - л. Я то мя-чккъ я ви - жу, то
ви - жу цвѣ - ты; ро - со-ю бли - ста-югъ всё пхъ ле-пест-
ки; ве - сель - е и ра-дость мой мячъ от - ра - зилъ, вотъ
Фридрихъ Фрѣбель.

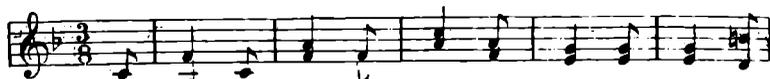

Разговоры о краскахъ и цвѣтахъ.

№ 39.

№ 40

ровь - е намъ иг - ра! Кто быстръ и ло - вокъ самъ со -
бой, тотъ ло - вить мячъ од - ной ру - кой.

Мячъ на горизонтальной поверхности.

№ 41.

Ми - лый мячъ, ка - тись сю - да, — жду те - бя я здѣсь все - гда.

№ 42.

Мячъ ка - тит - ся къ те - бѣ, а отъ те - бя вновь ко
мнѣ! Къ те - бѣ, ко ниѣ, къ те - бѣ; с - го меч - та все -
гда од - на. мѣ - нять мѣ - ста.

№ 43.

Бро - са - ю мя - чикъ я на столъ, а онъ о - пять ко
мнѣ при - шлъ.

№ 44

Скожь! на полъ прыгъ! Пой - ма - ю въ мигъ.

№ 45.

До не - ба вплоть е - го пры-жокъ, гля-дишь къ зем-лѣ онъ

вновь при-лежъ; то вверхъ, то внизъ, ле - таль, у - сталь, ахъ,

ка-бъ онъ, дѣт - ки, не у - пальъ.

№ 46.

Мя-чикъ вверхъ бро - са - ю, вмѣ-стѣ съ пинъ ле - та - ю;

бро-шу ввысь, вновь ояъ — внизъ; мячъ ле-та-еть, за - ба - вля - етъ

такъ все - гда онъ ме - ня.

№ 47.

Сно - ва бро - шу мячъ я кни - зу, по - ле - тить онъ

сно - ва квер - ху. Какъ мо - гу ру - кой до - стать я,

такъ сей-часъ мо - гу пой - мать я. За - хо - чу я,

такъ мо - гу я, мячъ, те - бя о - пять вновь пой - мать.

№ 48.

Зигъ, загъ, зигъ, загъ — слѣдъ мя - ча го - товъ.

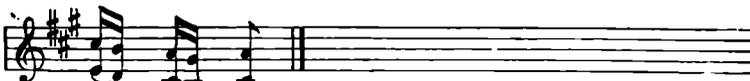
Тикъ, такъ, тикъ, такъ — э - то ходъ ча - совъ.

Мячъ на вертикальной поверхности.

№ 49.

Бро - са - ю мя-чикъ въ стѣ-ну я, — онъ въ ру-ки мнѣ о -

пять дру - зья.

№ 50.

Пры-нѣтъ опъ отъ стѣ - ны; до - вить е - го долж - ны.

То—стѣ - на, то—ру - ка; иг - ра лег - ка.

№ 51.

Вновь чтобъ от - ско - чилъ онъ, въ стѣ-ну мячъ пус - ти!

Не да - ва - я па - дать, въ ру - ки под - хва - ти!

Гопъ, мой мячъ! въ стѣ-ну—вскачъ; гопъ, мой мячъ! въ стѣ-ну—вскачъ.

№ 52.

Типъ, тапъ, тапъ! мячъ, пры - гать ты не слабъ.

Я лов - лю те - бя ру - кой! у - че - никъ я не пло - хой.

Типъ, тапъ тапъ! мячъ, пры - гать ты яе слабъ. Что - бы под - ма -

стеръ-емъ стать, на - до мнѣ те - бя пой - мать; вотъ - разъ, вотъ -

два, че - ты - ре, пять, под - ма стеръ-емъ чтобъ стать. Типъ, тапъ,

тап! мяч пры - гать ты не слабъ. Что - бы мае - та -
ромъ миѣ стать, на - хо миѣ те - бя пой - мать, не разъ, не
два, не три, не пять, не шесть, не семь, а во - семь,
де - вять, де - сять, Стой! Сталь я мае - за - пис - ной.
теръ

Мяч на кривой поверхности.

№ 53.

Какъ ро - са бѣ - жить съ лис - товъ, мяч мой съ рукъ сбѣ -
жать го - товъ.

№ 54.

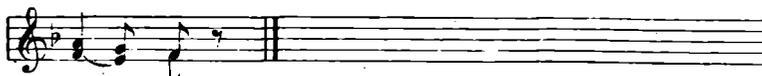

Какъ зыбь вол - ны по - то - ка, мой мяч бѣ - жить да
ле - ко.

№ 55.

Какъ съ горь во - да сбѣ - га - етъ, такъ мя-чвкъ внизъ сле-

та - етъ.

Мячи на тесъмѣ.

№ 56.

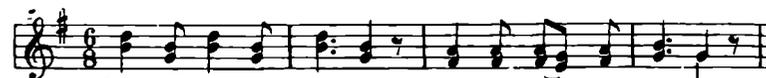

Изъ рукъ у - шель мой мя-чикъ вонъ, ле - титъ на воль-ный

воз - духъ онъ. Ту - да - бимъ, бомъ, сю - да - бимъ, бомъ.

№ 57.

Зво - ня ве - се - лѣ - е, ко-ло-коль-чикъ ско - рѣ - е.

№ 58.

Мой лег - кий мячъ вер - тит-ся вскачь; вверхъ, внизъ, внизъ, ве-
рхъ—

бимъ, бомъ, бимъ. бомъ, внизъ и вверхъ—бимъ, бомъ.

№ 59.

Вверхъ, внизъ, вверхъ, внизъ, такъ ка - ча - етъ вѣ - теръ вѣт - ки;

э - то лю - бить на - ши дѣт - кв, вверхъ, внизъ, вверхъ, внизъ, все и вниз
рхъ, эъ.

№ 60.

Вверхъ и внизъ, вверхъ, и внизъ, и вверхъ и внизъ, ту - да, сю - да.

№ 61.

Мой мя - чикъ внизъ еле - та - етъ, вверхъ о - пять пор -
*) Какъ мячъ я о - пус - ка - юсь, вверхъ вновь под - ни -

ха - етъ; то онъ внизъ, то онъ ввысь по - бѣ - жить, по ле - тить.
*) ма - юсь; то я ввысь, то я внизъ о - пу - шусь, под - ни - мусь.

Какъ мячъ ле - тать мо - жетъ и пор - хать?
Мо - гу, какъ мячъ, я ле - тать и ска - кать.

№ 62

Мячъ мо - жетъ ска - кать и рѣз - вить - ся, я
*) Какъ мячъ я ска - кать и рѣз - вить - ся мо -
*) И всё мы ска - кать и рѣз - вить - ся, всё

*) При употребленіи мяча при подвижныхъ играхъ.

и́с - ню пѣть, ве - се - лить - ся!
гу и́с - ню пѣть, ве - се лить - ся!
мо-жемъ мы пѣть, ве - се - лить - ся!

№ 63.

Мячъ лю-бить ска-кать и рѣз - вать - са и но-вымъ вѣсь съ на-ми дѣ-
мъ

лить - ся; намъ жизнь ве - се - лѣй отъ не - го: вотъ

мы и по - емъ от - то го.

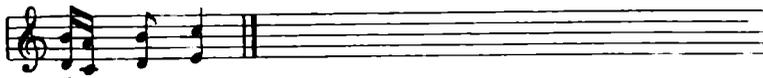
№ 64.

Ти - хо такъ я дни - га - юсь, друзь - я; вѣдь нит - ка

э - та такъ длин - на; не такъ ле - таль - бы я, будь ко-

ро-че о - на.

№ 65.

Мячъ дви-жет-ся лег - ко всег-да — ту - да, сю - да, ле-

титъ во-кругъ се - бя.

№ 66.

Коль во-кругъ се - бя вер - тит - ся, мя - чикъ
Чтобъ и мы въ кру - гу вра - ща-лись, знать долж-

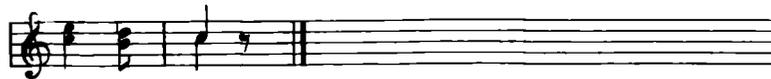

зна - етъ, гдѣ срс - дп - на.
ны е с п вп - дѣтъ.

№ 67.

Вверхъ ле - тя, спус - ка - ясь къ намъ, мячъ пай - деть сре-
Такъ и мы, кру-жась всег - да, льнемъ къ срс - ди - нѣ

ди - ну самъ.
безъ тру - да.

№ 68.

То бли-зюкъ я. то я да - лекъ: тс - бѣ иг-

руш - ка я, хру - жюкъ.

№ 69.

Дол-женъ мячъ мой под - ни - нать - ся; дол - женъ онъ о -

пять спус - кать - ся, по , спи - ра - ли, ну, же, ну, же,

ши - ре, ши - ре, а не у - же!

№ 70.

Что за ум-никъ, мя - чикъ ной! Онъ вер - тит - ся

пре - до мной. Онъ по ка - язъ ва - етъ мнѣ

по - во - ротъ двой - пой впол - нѣ.

№ 71.

На сто - лѣ дво - я - кимъ ро - домъ, хо - дить мя - чикъ

ти - химъ хо - домъ, вдругъ се - бя разъ о - бой - деть;

но - кругъ цен - тра самъ пой - деть; ее - ли вверхъ вале-

тить стрѣ - лой, ти-хо вокругъ се-бя прой-дет-ся мя - чикъ мой.

№ 72.

Мы хлѣбъ мо - ло-тимъ друж-но, тру - ду ве-сель - е нвж - но.

При - но-сить хлѣбъ ра - дость, при - но - сить хлѣбъ ра - дость.

№ 73.

То влѣ - во, то впра - во.

№ 74.

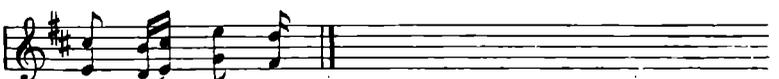

Чрезъ ка-мень мя-чикъ—вскачь; скак-ни и ты, какъ мячъ.

№ 75.

Чреазъ я - мы пры-гать—всѣ на евѣ - тѣ спо - соб-ны: и мя-

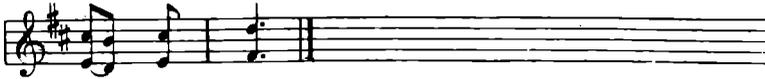

чи, и хѣ - ти.

№ 76.

Гопъ, гопъ, гопъ, гопъ! прыгъ чрезъ су - гробъ; { ска четь
ну, за

мой ще - нокъ. }
нимъ, мой дру - жокъ. }

№ 77.

Гопъ, гопъ! и за за - боромъ { ло - шадь въ бѣ - гѣ ско - ромъ. }
маль мой въ бѣ - гѣ ско - ромъ. }
чикъ

№ 78.

Гопъ, гопъ, гопъ, гопъ! чрезъ за - боръ { ло - шадь, гопъ! }
маль - чикъ, гопъ! }

№ 79.

Гопъ, че - ревь ровъ, гопъ! прыг - нуть { конь го - товъ, гопъ! }
маль - го - товъ, гопъ! }
чикъ

№ 80.

Гопъ! ко - ню то что за дѣ - ло: чрезъ ка - на - ву
Гопъ! маль - чкъ - кѣ что за дѣ - ло: чрезъ ка - на - ву

ска - четъ емъ - ло. } Пе - ре - прыг - нуть нѣтъ тру - да:
ска - четъ смѣ - ло. }

при-смот-рѣть - ся лишь спер - ва!

№ 81.

Че-резъ кам - ни маль-чикъ—прыгъ, прыгъ!—разъ, два, три; под-
Че-резъ кам-ни со - бач - ка—прыгъ, прыгъ!—разъ, два, три; под-

нять онъ дол-женъ нож - ки; кто хо - четь, тотъ смо - три.
нять ей на - до нож - ки; кто хо - четь, тотъ смо - три.

№ 82.

Возь - му о - веч - ку въ по-во-ду, на дли-ной лен - тѣ

по - ве - ду, въ лу - га, гдѣ къ намъ о - бо - инъ, льнѣтъ

ра - достъ цѣ-лымъ ро - емъ.

№ 83.

Ве - ду со - бач - ку на шнур - къ,—бѣ - жить ва

мно - ю на - лег - кѣ; и - дѣмъ гу - лять мы въ даль по -
лей, гдѣ миѣ такъ ве - се - ло и ей.

№ 84.

Я же - ре - бѣ - ноч - ка ве - ду, вслѣдъ за - со -
бой на по - во - ду; и - дѣтъ онъ смир - но и лг -
ко; пус - ти, ус - ка - четъ да - лс - ко.

№ 85.

За - лѣзъ ко - тѣ - нокъ на ду - бокъ и го - во - ритъ: „О -
го! дру жокъ, вотъ, какъ ты ло вокъ! по гля - ди, съ вер - хуш - ки
внизъ не у - па - ди! Не труд - но съ де - ре - ва у
пасть, и у - ши - бить - ся мож - но всласть“.

№ 86.

Ког - да го - луб - камъ зёр - на на - сип - лю я про -
вор - но, о - нѣ сле - тят - ся — тутъ какъ тутъ и до - зер - на всё
пол - бе - ругъ: пикъ, пвкъ, ликъ, пвгъ, пвгъ, ликъ, пвкъ; ела - си - бо вамъ, мы ле -
пнкъ,
тмъ къ до - мамъ, мы дѣт - камъ сво - имъ э - тотъ кормъ сне - сѣмъ и
вмѣ - стѣ мы въ глѣз - дыш - кахъ ус немъ.

**Примѣненіе мяча къ ребенну и нѣсколько игръ. Движеніе
маятника.**

№ 87.

1. Вотъ мя - чикъ мой ка - ча - ет - ся — тикъ, такъ, тикъ, такъ
2. Ка - ча - юсь такъ же мѣр - но - я — тикъ, такъ, тикъ, такъ.
3. Ру - ка дви - жень - я дѣ - ла - етъ — тикъ, такъ, тикъ, такъ.
4. За пра - во - ю и лѣ - во - ю — тикъ, такъ, тикъ, такъ.
5. И о - бѣ руч - ки дви - жут - ся — тикъ, такъ, тикъ, такъ.

Плавательныя движенія.

№ 88.

Ес-ль рыб-кой я пла-вать бы могъ, я пу-стих-ся бы

въ бы-стрый по-токъ; лов-ко-бъ я ны-рялъ до са-ма-го

дна; не страш-на бы-ль-бъ глу-би-па.

Качательныя движенія.

№ 89.

Ка-ча-ет-ся вотъ мя-чикъ мой—тикъ, такъ, тикъ, такъ. Ка-

чаю-ют-ся ру-ка съ ру-кой--ти-ки, та-ки, ти-ки, такъ.

Летательныя движенія.

№ 90.

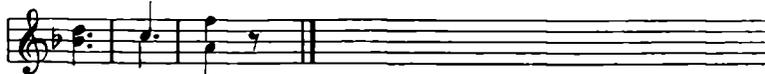
Ес-ли-бъ птич-кой я бы-ла, я бы за мо-ремъ жи-

ла, чтобъ от-ту-да вамъ при-несть про-ди-ко-вин-

ки всё вѣсть—вить, вить, вить, вить вить, вить, вить, вить.

Птич - ка — я.

№ 91.

То вверхъ, то внизъ ле - теть мой мячъ—вверхъ, внизъ, вверхъ, внизъ. и

ру - ки такъ же — какъ и мячъ, вверхъ и внизъ и вверхъ и внизъ.

Пилообразныя движенія.

№ 92.

Пи - ла то вверхъ, то внизъ и-деть в до-еми пи-дуть въ своё че - редъ.

№ 93.

Такъ плав-но вверхъ и внизъ хо-дить дол-женъ и; какъ пи - ла.

Качательныя движенія.

№ 94.

Кто ка - чать-ся за - хо - тѣлъ, пусть иг - ру бы

по - смот - рѣль!

Кругообразныя движенья.

№ 95.

1. Дви - жень - я мя - чи - ка лег - кь, ту - да,
2. Лег - ко я дви - га - юсь за нимъ, ту - да,
3. Всѣ такъ же дви - га - ем ся мы, ту - да,
4. Я дви - ну { пра - во ю } ру - кой, ту - да,
 { лѣ - во ю }
6. И о - бѣ ру - ки вразъ — вотъ такъ: ту - да,
6. Я дви - ну { пра - во - ю } но - гой, ту - да,
 { лѣ - во - ю }
7. Мы дво - е такъ же дви - нем - ся, ту - да,

1. сю - да, — и вер - тит - ся кру - гомъ.
2. сю - да, — и я вер - чусь кру - гомъ.
3. сю - да, — и вер - тим - ся кру - гомъ.
4. сю - да, пой - деть о - на кру - гомъ.
5. сю - да, — п вер - тят - ся кру - гомъ.
6. сю - да, — и вер - тит - ся кру - гомъ.
7. сю - да, кругъ об - во - дя вдво - емъ.

Заключительныя пѣсни.

№ 1.

По - ра иг - рѣ кон - чать - ся и - гра-внимъ от-дох-

нуть! Лу - ча - ми бла - го - да - ти сі - я - етъ весь нашъ
путь. Вы, да - вші - е намъ э - то, лю - бовь вамъ серд - це
шлеть! „Спа - си - бо вамъ спа - си - бо вамъ“, — весь хоръ дѣ - тей по -
ётъ, весь хоръ дѣ - той по - ётъ.

№ 2.

За ве - се - ло ю иг - ро - ю вре - мя лег - кой
шло сто - по - ю, Мно - го зна - ній вое - при - ня - лъ,
мно - го но - ва - го уз - на - ли, вотъ въ игрѣ и
день ужъ прочь: нас - ту - пи - ла быс - тро ночь. Про - щай - те
всѣ, про - щай - те всѣ, про - щай - те всѣ.

ГЛАВА V.

V. Дальнѣйшее развитіе ребенка и бѣольшая сложность игры въ мячъ.

Во всемъ нашемъ изложеніи неоднократно и при томъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ высказывалось слѣдующее. Введеніе новой игры отнюдь не прекращаетъ дальнѣйшаго пользованія предыдущей и вообще предшествующими играми; напротивъ, продолжающееся нѣкоторое время пользованіе ими параллельно и въ чередованіи съ новой игрой дѣлаетъ примѣненіе этой послѣдней болѣе легкимъ, болѣе осмотрительнымъ и дальновиднымъ, а практика новой игры, въ свою очередь, оказываетъ обратное вліяніе на предшествующія игры, дѣлая пользованіе ими болѣе жизненнымъ и осмысленнымъ, болѣе глубокомысленнымъ и свободнымъ. Наконецъ, всѣ игры въ совокупности составляютъ нѣчто цѣлое и при томъ такое, въ чемъ онѣ взаимно способствуютъ развитію другъ друга, и благодаря этому обнаруживается и познается ихъ общій духъ, какъ духъ единства и единенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ развитія самого ребенка ощущается для него и для его зоркаго руководителя, какъ непрерывно само-воздвигающееся цѣлое, и сообразно съ этимъ получаетъ дальнѣйшее свое направленіе.

Однако эти игры обнаруживаютъ еще одно качество совершенно иного рода, или, скорѣе, совершенно иное толкованіе дѣтскихъ игръ вообще, какъ великаго жизненнаго цѣлаго, во всѣхъ отношеніяхъ устанавливающаго связь съ природой и общею жизнью. На протяженіи всего процесса развитія и формированія ребенка

и человекъ вообще, онъ развиваются сами по себѣ и своими собственными средствами и тѣмъ не менѣе развиваются какъ бы вмѣстѣ съ ребенкомъ, эволюціонизируютъ въ ихъ употребленіи и примѣненіи на практикѣ, въ то же время вполне согласуясь съ ходомъ развитія ребенка, при-
мѣняясь каждый разъ къ степени его развитія.

Въ этомъ отношеніи мы остановимся здѣсь на самой первой и простѣйшей игрѣ, на мячѣ.

По мѣрѣ развитія силы у ребенка и пользованіе мячомъ становится разнообразнѣе, по крайней мѣрѣ, свободнѣе, а скавалъ бы, самостоятельнѣе. Такъ, напр., сначала ребенокъ выкатываетъ только мячикъ изъ футляра на столъ и бросаетъ его снова въ футляръ, а затѣмъ уже бросаетъ его въ футляръ съ блюдечка, а изъ футляра снова на блюдечко и катаетъ его кругомъ въ блюдечкѣ (и то, и другое—часто повторяющіяся проявленія начальной жизни и игры у ребенка). Точно такъ же ребенокъ очень быстро научается перебрасывать маленькій мячикъ изъ одной руки въ другую, разъ онъ подмѣтитъ, что онъ можетъ изъ своей собственной руки сдѣлать блюдечко, углубивъ ее и, какъ бы, выдолбивъ на подобіе блюда. Ребенокъ и особенно маленькая дѣвочка впоследствии подолгу только тѣмъ и занимаются, что все время переливаютъ воду или пересыпаютъ песокъ изъ одного какого-нибудь вмѣстилища въ другое. Далѣе, рекомендуется подражать этой дѣятельности ребенка, расширяя ее и обставляя ее болѣе опредѣленно, а именно рекомендуется также перебрасывать мячъ изъ одной руки въ другую, но при этомъ попеременно задерживать и прятать его то тамъ, то здѣсь, чтобы яснѣе подчеркнуть находженіе его въ той или другой рукѣ, а затѣмъ снова быстро перебрасывать его, когда онъ лежитъ открыто то на той, то на другой рукѣ.

Но ребенокъ, равно какъ и взрослый человекъ, съ удовольствіемъ получаетъ разъясненія того, что его окружаетъ, что съ нимъ происходитъ,—и со стороны. Въ этомъ заключается основаніе для греческаго хора, въ особенности въ трагедіи. На этомъ основаны очень многія изображенія въ сказаніяхъ (сагахъ) и скаакахъ и даже многія явленія въ

мірѣ дѣйствительной исторіи. Это—порожденіе покоящагося глубоко внутри человѣка сознанія или, по крайней мѣрѣ, дремлющаго глубоко внутри человѣка предчувствія, что онъ всюду сопровождается болѣе погруженнымъ въ свое я, болѣе сознательнымъ, высшимъ существомъ. Благодаря этому бессознательному предчувствію, ребенокъ требуетъ объясненій отъ всего, что его окружаетъ, отъ окружающихъ его сознательныхъ существъ, надѣленныхъ способностью рѣчи, требуетъ, по крайней мѣрѣ, какихъ-нибудь данныхъ и указаній относительно того или другого интересующаго его отношенія. Ребенокъ обращается даже къ нѣмымъ существамъ съ требованіемъ дать ему потребное объясненіе, помочь ему уразумѣть интересующія его отношенія. Навстрѣчу этому предчувствію и требованію, исходящему изъ самой внутренней части дѣтскаго существа, должны пойти окружающіе его воспитатели и прежде всего его родители. Только этимъ достигается въ ребенкѣ то, о чемъ мы уже говорили въ одной изъ предшествующихъ главъ этого сочиненія: любовь и уваженіе по отношенію къ родителямъ, почтительная признательность къ ихъ возрасту и опытности. Поэтому воспитатель, подражая игрѣ ребенка и давая такимъ образомъ возможность отчетливѣе наблюдать ее, можетъ при этомъ пѣть приблизительно слѣдующую пѣсенку:

„И здѣсь онъ,
И тамъ онъ,—
То здѣсь, то тамъ,
Вблизи, вдали
Онъ виденъ намъ,—
То вдругъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ—
Вотъ здѣсь, сейчасъ“.

Или:

„Туда, сюда сновагъ въ свой срокъ,
Какъ ткацкій онъ челнокъ;
Ткагъ безъ усталы съ утра,
Выткагъ лишь аршинъ сукна“.

Врядъ ли, конечно, необходимо упоминать о томъ, что этимъ мы символически обозначаемъ протекшій во время

игры промежутокъ времени. Точно такъ же отнюдь не нужно и тѣмъ болѣе не составляетъ обязательнаго требованія, чтобы ребенокъ указывалъ на это, или чтобы объ этомъ напоминали ему другіе. Объясненіе въ данномъ случаѣ тѣсно связано съ чувствомъ, ощущеніемъ, воспріятіемъ (выносимымъ изъ игры), если ребенокъ обращается къ матери съ жалобой или съ просьбой: „Мама, время тянется слишкомъ долго (мнѣ скучно). Что мнѣ дѣлать?“—На это можно только коротко отвѣтить: „Займись самъ“. Иными словами это обозначаетъ: „Займись самъ, своими собственными средствами, съ окружающими тебя предметами“. Я думаю, что для вдумчивыхъ осмысленныхъ родителей, матерей и воспитателей больше ничего не требуется, чтобы почувствовать внутреннюю, постоянную связь уже первыхъ и самыхъ маленькихъ дѣтскихъ игръ съ позднѣйшей жизнью въ зрѣломъ возрастѣ, наполненной занятіями по должности, или вообще съ будущей дѣловой жизнью нашего питомца, который сейчасъ пока является передъ нами еще ребенкомъ.

Или простую игру можно сопровождать также слѣдующими словами пѣсни:

И туда
И сюда
Прыгать скоро
Я могу,—
Даже пѣсню
Заведу“.

Этимъ обозначается согласованіе, созвучіе между внутренней жизнью ощущеній и внѣшней жизнью дѣйствій, а также указывается и на оживляющее благотворное вліяніе этой связи.

Однако, прежде чѣмъ пойти дальше въ изложеніи развитія совершенно свободныхъ игръ съ мячомъ, мы желаемъ отгнать еще одну сторону этихъ игръ, которая въ извѣстномъ отношеніи является посредствующимъ звеномъ для связи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ.

А именно, отъ вниманія читателей этого прозведенія, навѣрно, не ускользнуло, что дѣти, какъ только имъ пред-

ставляется какъ-нибудь возможность, охотно катаютъ мячъ по наклонной плоскости или забрасываютъ мячъ вверхъ на наклонную плоскость, напр., на крышу, чтобы онъ скатился оттуда внизъ и они могли бы снова поймать его рукой.

Видя это, можно, якобы изъ устъ ребенка и вызывая въ немъ соответствующее ощущение, припѣвать:

„Гони тебя,—
Меня любя,
Тебѣ пріятно
Спѣшать обратно,
Ко мнѣ назадъ,—
Всегда впадать“.

Наблюденіе и объясненіе, выводимое отсюда,—привязанность, единеніе; прямая дорога при извѣстныхъ обстоятельствахъ—ближайшая, по крайней мѣрѣ, прямая линия всегда бываетъ кратчайшей.

Или дальше:

„Чѣмъ поднимаешься быстрѣ,
Тѣмъ опустишься скорѣ
И спѣшишь быстрѣ вдвойнѣ
Прямо подъ ноги ко мнѣ“.

Воспріятіе и объясненіе, выводимое отсюда: чѣмъ больше пространство паденія, чѣмъ длиннѣе линия свободнаго движенія, тѣмъ быстрѣ движеніе, но въ то же время тѣмъ сильнѣе дѣйствіе и сила падающаго тѣла. А если угодно болѣе подробно разяснить это послѣднее отношеніе для дѣтей нѣсколько болѣе взрослыхъ, то къ предыдущей пѣснѣ, якобы изъ устъ ребенка, въ видѣ обращенія къ мячу можно прибавить еще слѣдующія слова:

„Да! И разстоянье
Силь не ослабляетъ
У тебя, мой мячикъ,—
Даже удвоеть!
Кто того не видѣлъ—
Тотъ едва ль повѣрять“.

Но и не только на наклонной плоскости, а также и на отвѣсной стѣнѣ ребенокъ съ удовольствіемъ играетъ съ

мячомъ, заставляя его отскакивать отъ нея и прыгать къ нему опять въ руки, какъ это наблюдается вездѣ, гдѣ только есть дѣти.

При этомъ можно поддѣлывать ребенку, какъ бы изъ его собственныхъ устъ, приблизительно слѣдующее.

„Мячъ я въ стѣну сталъ бросать,
Въ руки онъ ко мнѣ опять.
Отъ себя какъ ни гоню я—
Вновь сейчасъ его ловлю я.
И за что онъ,—кто пойметъ?—
Радость эту мнѣ даетъ!..“

Намекъ на упругость мяча.

Или:

„Поймать поскорѣе
Хочу я, быстрѣе
Лети, мячикъ мой,
Какъ вѣтеръ степной!
Быстрѣе орла—
Лети какъ стрѣла!
Вернешься назадъ—
Такъ буду я радъ“.

Или:

„Отъ стѣны ты
Отпрыгнешь—
Радость въ руки принесешь!“

Или совсѣмъ коротко:

„Стѣна—
Рука,
Прыгнешь—
Несешь!“

А теперь, въ виду того, что ребенокъ такимъ образомъ уже достаточно научился ловить мячъ, мы вернемся къ свободному обращенію съ мячомъ, или, лучше сказать,

къ обращенію съ мячомъ въ совершенно свободномъ пространствѣ.

Выше мы остановились на томъ, что ребенокъ перебрасывалъ у насъ мячъ изъ одной руки въ другую; теперь мы введемъ въ игру также подбрасываніе мяча, бросаніе его по прямой вертикальной линіи вверхъ. Итакъ, ребенокъ сначала подбрасываетъ мячъ вверхъ, затѣмъ той же рукой ловить его, перебрасываетъ его въ другую руку, изъ нея—опять въ первую, которою онъ снова, какъ и при началѣ игры, подбрасываетъ его вверхъ и снова ловить, а затѣмъ опять перебрасываетъ въ другую руку и такъ далѣе сначала. При этомъ можно называть ребенка, а впоследствии, можетъ быть, и пѣть вмѣстѣ съ нимъ слѣдующую пѣсенку:

„Вверхъ, вверхъ!
Взлетай же!
Внизъ, внизъ!
Слетай же!“

До сихъ поръ мы описывали только такіи игры, въ которыхъ ребенокъ игралъ одинъ, самъ съ собой; но необходимость веселаго и подвижнаго или, какъ говорятъ сами дѣти, „забавнаго“ элемента въ игрѣ снова присоединяетъ къ одному участнику игры еще другого, товарища по игрѣ.

Они могутъ начать и, обыкновенно, начинаютъ опять съ простаго взаимнаго перебрасыванья мяча, при чемъ могутъ или сами себѣ подпѣвать, или воспитатель подпѣваетъ имъ одинъ, или вмѣстѣ съ ними по предыдущему:

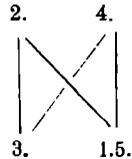
„И туда,
И сюда
Прыгать скоро
Я могу,—
Даже пѣсню
Заведу!“

Но эта игра въ рукахъ особенно ловкихъ дѣтей можетъ получить уже вскорѣ, хотя и простое, но значительно осложняющее ее измѣненіе: вмѣсто того, чтобы бросать мячъ, какъ въ предыдущей игрѣ, постоянно изъ одной руки и по-

стоянно въ одну и ту же руку товарища или изъ обѣихъ рукъ въ обѣ руки товарища, начинаютъ бросать его попеременно различными руками, напр., хотя бы такимъ образомъ: изъ правой руки перваго мячъ попадаетъ по косой линіи въ правую же руку втораго; изъ нея по прямой линіи въ лѣвую руку перваго, затѣмъ по косой линіи въ лѣвую руку втораго; тотъ бросаетъ мячъ лѣвой рукой въ правую руку перваго, который затѣмъ начинаетъ игру опять сначала.

При этомъ можно пѣть:

„И туда,
И сюда,
Вдоль и поперокъ
Нашъ сновадъ станокъ.
Ткали, ткали
Мы въ охоту,
Нашъ хвалили за работу...
А теперь у насъ
Все пропало въ разъ!“

Наглядное изображеніе дѣятельности безъ внѣшняго, зрѣніемъ оцутимаго результата.

Но и первая игра, простое перебрасыванье мяча, можетъ получить слѣдующее прекрасное расширеніе: бросая другъ другу мячъ, играющіе удаляются понемногу другъ отъ друга, причеъ или одинъ изъ нихъ отходить отъ другаго, или оба вмѣстѣ расходятся маленькими шагами, и, по мѣрѣ возрастанія разстояніи между ними, они описываютъ мячомъ все большую и большую дугу и при этомъ поютъ:

„Мчись стрѣлою
Каленою,
Мячикъ, съ глазъ!
Все быстрѣ,
Все смѣлѣ
Что ни разъ!“

Въ эту игру можно ввести еще одно измѣненіе и осложненіе, если взять два мяча, дать по мячу каждому изъ

играющихъ и затѣмъ уже заставить ихъ расходиться. Подъ эту игру можно нѣтъ или говорить слѣдующія слова:

„Два мяча насъ передъ вами;
Чудо будетъ прехъ главами:
Станемъ взапуски взвиваться,
Будемъ сразу опускаться,
Каждый—ва руки къ другому!“

Но эту игру можетъ вести и нѣтъ и одинъ ребенокъ, еели онъ уже достаточно силенъ въ подобныхъ упражненіяхъ, при чемъ тогда конецъ предыдущей пѣсенки будетъ иной, а именно:

„Каждый—на другую руку“.

Отсюда видно, какъ эти игры и подобнаго рода игра вообще находятся въ точномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ физической силы и прибрѣтенной ловкостью у ребенка, насколько она способствуетъ тому и другому и служить даже масштабомъ для измѣренія этихъ качествъ въ ребенкѣ.

Но въ этой игрѣ могутъ принимать участіе не только двое, а трое и даже нѣсколько дѣтей, причемъ они располагаются треугольникомъ или четырехугольникомъ, и каждый разъ мячъ перебрасывается отъ предыдущаго къ слѣдующему за нимъ стоящему. Но такъ какъ при этомъ получается значительный прожежутокъ времени, въ теченіе котораго каждому приходится дожидаться своей очереди ловить мячъ, то у дѣтей возрастаетъ желаніе, чтобы мячъ поскорѣй попалъ къ нимъ въ руки. Ихъ можно заставлятъ подпѣвать объ этомъ слѣдующей пѣсеней:

„Ахъ, поймать бы
Мнѣ мой мячикъ!
Подходи же
Ближе, ближе
Ты ко мнѣ!“

Если въ игрѣ больше четырехъ, пяти или шести участниковъ, то можно имъ напѣвать и они могутъ напѣвать, обращаясь къ самимъ себѣ или скорѣе къ мячу, слѣдующее:

„Отъ одного—къ другому
Такъ весело катиться.
Лети же, какъ изъ лука
Стрѣла за птицей мчится!
Поймать тебя хочу я,
Сумѣю научиться!“

Обѣ эти пѣсенки выражаютъ желаніе подчиняться высшему, общему жизненному закону, требованію жизни.

Если число играющихъ дѣтей доходить до шести или даже до восьми и если ихъ умѣнье играть мвчомъ доходить до извѣстной степени ловкости, и даже извѣстной увѣренности при игрѣ, то можно ввести въ игру два и больше мячей сообразно съ числомъ играющихъ и при томъ мячей разноцвѣтныхъ, напр., одинъ—зеленый, другой—красный, третій—желтый, такъ что, перешлетаясь во время игры, они будутъ давать подобіе вѣнка. При этомъ можно пѣть слѣдующую пѣсенку:

„Разлетайтесь
По мѣстамъ всѣ,
Заплетайтесь
Въ вихрь-вальсъ!
Каждый будетъ вновь готовымъ
Силестъ вѣнкомъ васъ
Ровъ махровымъ!“

Здѣсь особенно ярко выступаетъ подчиненіе закону движенія, что именно и дѣлаетъ всѣ игры, требующія упорядоченныхъ, общихъ и особенно перекрещивающихся движеній и поступковъ, не только живыми, но и планомѣрными, придаетъ имъ единство. Эти игры, находясь въ полномъ согласіи не только съ высшею жизнью природы, но и съ высшими принципами человѣческой жизни и, какъ игры, вводящія въ эту высшую жизнь и дающія обильный матеріалъ для примѣненія ея законовъ, должны подлежать самому тщательному уходу за ними, самой точной и ясной, а, слѣдовательно, и сообразной съ законами жизни регламентировкѣ.

Теперь мы снова возвращаемся къ играмъ, въ которыхъ фигурируетъ какой-нибудь вѣшний, посторонній предметъ, напр., стѣна. И эти игры, въ особенности при существенно повысившемся общемъ развитіи ребенка, допускаютъ обобщеніе при двухъ и болѣе участвующихъ. Извѣстная игра въ ученика и мастера не только находитъ себѣ при этихъ условіяхъ совершенно подходящее упорядоченіе, но и является совершенно обновленной изъ общаго источника жизни для игръ и какъ бы совершенно новой игрой.

Возьмемъ, хотя бы четырехъ, приблизительно, одинаковыхъ по своему возрасту и развитію дѣтей. Первый изъ нихъ **А** (напр., Августъ) начинаетъ бросать мячикъ въ стѣну съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ, отскочивши отъ нея, попалъ въ подставленную имъ открытую руку. При этомъ онъ поетъ, а остальные хоромъ ему подпѣваютъ:

„Разъ, разъ, разъ!
И—отъ стѣнки прочь сейчасъ!
Я тебя поймаю вмятъ,
Хоть еще я ученикъ“.

То же продѣлываютъ по очереди всѣ четверо играющихъ. Тотъ изъ нихъ, кому за пѣніемъ не удастся поймать мяча, и онъ упадетъ на землю, отходить на положеніе простого кандидата въ ученики и въ слѣдующую очередь должны начать снова. Допустимъ, что это случилось съ **Б** (напр. съ Бернардомъ).

Тогда начинается новая очередь или какъ бы новое состязаніе. Первый изъ играющихъ **А** поетъ, а другіе вслѣдъ за нимъ хоромъ поютъ или просто говорятъ:

„Разъ, разъ, разъ!
И вазадъ ко мнѣ сейчасъ!
Я могу тебя поймать—
Разъ, два, три, четыре, пять
Подмастерье меня звать“.

Допустимъ, что и здѣсь **А** счастливо добился степени подмастерья. А **Б**, который раньше не получалъ степени

ученика и долженъ былъ отойти на степень кандидата, теперь долженъ начинать съ самого начала. Положимъ, что теперь онъ добился искомой степени.

Тогда выходитъ *К.* Повторяется то же, что и съ *А.*, такъ какъ онъ уже въ первую очередь получилъ степень ученика. Допустимъ, что, подобно *А.*, онъ и теперь добивается искомой степени подмастерья. Но *Д.* не можетъ выполнить требованія на степень подмастерья: не можетъ ловить мяча въ теченіе веей пѣсни своихъ товарищей, и онъ падаетъ на землю раньше окончанія пѣсни. Тогда онъ долженъ отойти на степень ученика, и на степени подмастерья оказываются только *А.* и *К.*

Тогда начинается третья очередь.

Опять сначала выходитъ *А.*, а другіе въ это время хоромъ ему подпѣваютъ или приговариваютъ:

„Разъ, разъ, разъ!
Дальше отъ стѣны сейчасъ!
Легче будетъ мнѣ поймать—
Разъ, два, десять за игрой
Буду мастеръ не плохой!“

И *А.* дѣйствительно долженъ стать мастеромъ. *Б.* долженъ повторить пѣсенку подмастерья и исполнить требованія этого званія. Точно такъ же послѣ него—*Д.* Допустимъ, что *К.* поднялся на степень мастера. Тогда, стало быть, *А.* и *К.* будутъ мастера, *Б.* и *Д.*—подмастерья.

Начинается четвертый конь.

А. снова начинаетъ игру. Онъ говоритъ или поетъ, а другіе хоромъ ему вторятъ:

„Разъ, разъ, разъ!
Выше, выше—чѣмъ сейчасъ!
Какъ поймать сумѣю я..
Разъ, два... двадцать разъ, друзья!
Ну, не мастеръ развѣ жъ я!..“

Но *А.* не исполняетъ требованія пѣсенки и долженъ остаться на степени мастера.

Б. поеть пѣсенку на званіе мастера и добивается этого званія.

К. получает званіе главнаго мастера. Но *Д.* не можетъ исполнить требованія на званіе мастера и остается на степени подмастерья.

Какая картина жизни открывается для ребенка въ этой совѣмъ простой игрѣ, выведенной нами лишь въ самыхъ ничтожныхъ сочетаніяхъ! сколь истинное воспитаніе для жизни и какое воспитаніе для истинной жизни! Какое богатое, захватывающее всего человѣка поученіе для жизни, для дѣйствительной жизни! Какое упражненіе для предстоящей жизни, указывающее, какую она должна быть и стать впослѣдствіи! Нужны ли здѣсь еще дальнѣйшія болѣе подробныя указанія?—Не только развитая, но гармонично развитая сила, не только господство надъ внѣшнимъ міромъ, но полное согласіе и соединеніе міра внѣшняго и внутренняго приводитъ къ прекрасной цѣли жизни.

Но чтобы игры приводили къ этой цѣли, отнюдь не достаточно предоставить только дѣтямъ эти игры; необходимо прежде всего, чтобы духъ этихъ игръ, равно какъ и истинный духъ игръ вообще и каждой игры въ отдѣльности, жилъ въ душѣ самого воспитателя, въ душѣ того взрослого человѣка, который приставленъ для воспитанія дѣтей и прежде всего въ душѣ собственно-воспитателя, т.-е. перваго воспитателя ребенка; ибо только при томъ условіи, исключительно только при томъ условіи, если въ немъ будетъ жить истинный духъ игры, т.-е. истинный духъ жизни, этотъ духъ можетъ быть вызванъ къ жизни и въ душахъ дѣтей. При этомъ условіи даже простая близость подобнаго воспитанія дѣйствуетъ воспитательно, т.-е.: подобно магниту она вызываетъ въ душѣ ребенка сообразно съ его укладомъ, съ его основнымъ положеніемъ, элементы благороднаго, возвышеннаго, чисто-человѣческаго. Поэтому всѣ наши мысли и стремленія, какъ говорятъ въ обыденной жизни: всѣ наши помыслы и вожделнія должны быть направлены къ тому, чтобы воспитывать, формировать дѣтей, человѣчество именно въ такой обстановкѣ. Мнѣ придется еще въ концѣ этого от-

дѣла вернуться къ этому. А сейчасъ я долженъ завершить изложеніе интересующей насъ совокупности игръ въ ея цѣломъ.

Въ томъ, что къ непрерывному развитію жизненнаго цѣлаго ведетъ не только простое возбужденіе къ дѣятельности силъ человѣка, но приведеніе въ полное согласіе съ остальными проявленіями жизни,—въ этомъ ребенка можетъ убѣдить самая простая игра, состоящая въ томъ, что мячикъ бросается на плоскую вертикальную или горизонтальную поверхность и по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ отъ нея отскакивать, его снова прибаваютъ къ ней выпрямленной ладонью руки.

Эту игру можно сопровождать слѣдующими словами, которыя поются или говорятся самимъ ребенкомъ или же его взрослымъ руководителемъ:

„Прыгъ, прыгъ, прыгъ!
Прыгать ты прввыкъ.
Не останешься лежать ты,
Упадешь-прыгнешь опять ты:
Въ свой чередъ
Всегда влечетъ
Тебя впередъ“.

Подтвержденіе того, что Примѣненіе силъ увеличиваетъ, повышаетъ ее, что систематическое упражненіе силы удлиняетъ пользованіе ею, увеличиваетъ продолжительность ея примѣненія, ребенокъ находить въ игрѣ не только внѣ себя, на своей игрунѣ, мячѣ, на такъ называемомъ неодушевленномъ предметѣ, но еще болѣе ощущаетъ на себѣ и въ себѣ самомъ. Поэтому, играя съ мячомъ, онъ при всякомъ подходящемъ случаѣ и побужденіи охотно обращается къ мячу со слѣдующей пѣсенкой:

„Какъ люблю тебя я,
Силы развивая
На тебѣ одномъ,
Мячикъ моемъ!
За тобой гоняться

Долженъ изощряться
Завладѣть тобой..
Счастливъ—самъ не свой!
Захочу ль схватить я—
Долженъ сторожить я:
Рѣзвый твой полетъ
Съ толку вѣхъ собьешь.
Руки простираю
Я къ тебѣ и знаю,
Что съ высотъ твоихъ
Упадешь ты въ нихъ.
Какъ люблю тебя я,
Сплы развивая
День п ото дня!
Будь же у меня!“

Идея игры: при помощи ея изобразить и разрѣшить высшую жизненную задачу: сосредоточеніе воли на одной, возвышенной цѣли при всякомъ измѣненіи явленія.

Какъ ни мало удалось намъ до сихъ поръ выяснитъ всеобъемлющую полноту и крайнее разнообразіе игръ и средствъ для занятій, взятыхъ нами въ разработанномъ уже видѣ и многократно испытанныхъ на практикѣ; какъ ни мало удалось намъ показать ихъ вліяніе, охватывающее все человѣческое существо, и развивающее и воспитывающее воздѣйствіе ихъ на человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ,—тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что и благодаря этому незначительному, но взятому непосредственно изъ жизни матеріалу, въ качествѣ чистаго результата нашего проникновенія въ смыслъ разсматриваемаго предмета, можно считать яснымъ и вполне установленнымъ нижеслѣдующее. Здѣсь полно охватывается, развивается и воспитывается ребенокъ и человѣкъ вообще во всей совокупности его природныхъ качествъ и во всѣхъ проявленіяхъ его существа и жизни при такой постановкѣ ухода за нимъ въ дѣтскомъ возрастѣ, какова намѣченная, установленная и отчасти даже завершенная здѣсь нами. Вмѣстѣ съ тѣмъ для единой и истинной, хотя на практикѣ и часто развѣтвляемой и видоизмѣняемой, цѣли воспитанія дѣтей и человѣка вообще, въ особенности при установленіи его наиболее раннихъ и первыхъ основъ, вполне достаточно, чтобы

ребенку через введеніе въ его жизнь этихъ игръ и средствъ для занятій, т.-е. через предоставленіе полной свободы дѣйствій въ его жизни чистому и единому духу этихъ игръ, была предоставлена и дана возможность получить именно все то, чего только мы могли бы пожелать ему въ качествѣ основного капитала на весь его долгій жизненный путь.

Поэтому мы не можемъ болѣе удерживать въ себѣ помысла и пожеланія, чтобы эти игры стали полной общей собственностью всего дѣтскаго міра, для того, чтобы настоящій, первоначальный духъ жизни дѣтей, свойственный дѣтскому возрасту, духъ чловѣка вообще и чловѣчества могъ, наконецъ, сдѣлаться свободнымъ и проявляться повсюду въ жизни, а въ разбираемомъ нами положеніи — къ тому же и въ духѣ этихъ игръ.

Но какимъ же образомъ дѣйствительнѣе и легче всего можно было бы этого достигнуть, а вмѣстѣ съ тѣмъ добиться и того, чтобы эти игры сдѣлались также собственностью и отдѣльныхъ семействъ, а ихъ духъ сталъ бы прежде всего духомъ жизни отдѣльныхъ семействъ, духомъ семейной комнаты, какъ дѣтской комнаты?— Существенныхъ результатовъ можно было бы добиться уже введеніемъ этихъ игръ и средствъ для занятій въ существующія уже во многихъ мѣстахъ, а въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже въ изобиліи, дѣтскіи школы, въ которыхъ до сихъ поръ дѣти часто бываютъ заняты частью слишкомъ мало вообще, а частью слишкомъ мало бываютъ заняты цѣлесообразно, и занятія ихъ недостаточно самостоятельны и самодѣтельны. Тогда дѣти могли бы воспользоваться этими основными и всесторонне развивающими средствами для занятій, частью для своихъ собственныхъ цѣлесообразныхъ и полезныхъ самостоятельныхъ занятій и для дальнѣйшаго своего воспитанія; частью они могли бы подѣлаться имп со своими братьями и сестрами, частью со своими ближайшими товарищами и сверстниками, частью даже могли бы переносить ихъ изъ школы въ домъ для руководства своимъ родителями, а, слѣдовательно, и въ свою дѣтскую комнату и семейную жизнь. Однако въ виду того, что мы должны смотрѣть

на эти игры по ихъ отношенію къ общему человѣческому развитію и сообразно съ ихъ чистымъ общечеловѣческимъ духомъ, какъ на всеобщее достояніе всего дѣтскаго міра, насъ, какъ бы ни было желательно и необходимо ихъ распространеніе, никоимъ образомъ не можетъ удовлетворить простое введеніе ихъ въ существующіе уже дѣтскіе пріюты и такъ называемыя дѣтскія школы во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ особенности же по только что приведенной, очень основательной причинѣ. Эти игры сверхъ того должны стать достояніемъ и такихъ семей, для дѣтей которыхъ, хотя и сильно нуждающихся въ удовлетворительномъ уходѣ и руководствѣ, такія учрежденія все-таки еще непригодны, такъ какъ они до сихъ поръ еще не въ состояніи удовлетворить ихъ требованіямъ. Поэтому прежде всего въ мѣстностяхъ, какъ бы выдающихся по самимъ требованіямъ жизни и въ силу особенно благоприятныхъ обстоятельствъ, какъ бы выдвинутыхъ на первый планъ и предназначенныхъ для этого, нужно проводить въ жизни и устраивать соединенными силами болѣе вдумчивыхъ семей, обладающихъ дѣтьми соответствующаго возраста, танія общественныя учрежденія для удовлетворительнаго и основательнаго физическаго и духовнаго воспитанія всего дѣтскаго поколѣнія, въ которыхъ бы дѣятельность дѣтей, хотя бы только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ день, подъ руководствомъ спеціально для этого приготовленныхъ воспитателей получала хорошій и систематическій уходъ и здоровую духовную пищу.

Такимъ образомъ дѣти скоро сумѣли бы тихо, хотя и на глазахъ у своихъ родителей, воспроизвести и примѣнить въ своей дамашней обстановкѣ то, что они усвоятъ въ такомъ учрежденіи. Тогда не только проникли бы въ семьи совершенно цѣлесообразныя дѣтскія занятія, охватывающія всю жизнь ребенка, какъ нѣчто цѣльное; но благодаря внесенію въ семью новаго, объединяющаго, поучительнаго и занимательнаго матеріала, приносимаго дѣтьми домой изъ подобнаго воспитательнаго учрежденія, благодаря участію, которое они встрѣтили бы въ виду изложенныхъ обстоятельствъ въ родительскомъ и семейномъ кругу,—въ самой семьѣ, какъ

цѣломъ, зародилась бы истинная единая столь же возвышающая, сколь и молодящая общая семейная жизнь; такимъ образомъ, семьи дѣйствительно сдѣлались бы снова святыней и храмомъ для культа и охраненія чистой жизни человечества, и это—тѣмъ болѣе, чѣмъ большее количество семей стали бы сами соединяться для такого общаго ухода за жизнью своихъ дѣтей, какъ на настоящій семейный праздникъ.

Итакъ, мы дѣлаемъ опредѣленное, всѣстороннее, ясно продуманное и глубоко обоснованное въ себѣ предложеніе и по строгомъ обсужденіи всѣхъ подлежащихъ обстоятельствъ и послѣ яснаго разсмотрѣнія и изслѣдованія нуждъ дѣтей, родителей и семей, равно какъ и всѣхъ жизненныхъ условій для выполненія его требуемъ слѣдующаго. Пусть хотя бы въ наиболѣе пригодныхъ для этого городахъ среди семействъ, которыя чувствуютъ себя связанными человѣческими интересами, по-человѣчески взаимно уважаютъ другъ друга и объединяются уже сами по себѣ и по существу дѣла на почвѣ общей истинной любви и заботы о своихъ дѣтяхъ, устраивались и съ внѣшней стороны посредствомъ соединенія ихъ въ одно цѣлое союзы (общества) для осуществленія такихъ учрежденій, которыя бы имѣли своею цѣлью общее заботливое попеченіе и всестороннее развитіе ихъ дѣтей, находящихся еще въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, въ особенности путемъ гуманнаго воспитанія ихъ природнаго стремленія къ занятіямъ, въ качествѣ объединяющаго пункта ихъ совмѣстной жизни. Благодѣтельные послѣдствія, успѣхъ подобныхъ учрежденій для домашней и общественной жизни, для жизни гражданской и общечеловѣческой были бы неисчислимы, простирались бы до безконечности. Въ самомъ дѣлѣ, все, что дѣлалось до сихъ поръ обществами и частными кружками и семьями для ухода за дѣтьми, для наблюденія, развитія и руководительства ими въ самые первые годы ихъ жизни и вплоть до дѣйствительнаго школьнаго возраста, такъ мало отвѣчаетъ теперешнему состоянію развитія человечества, общественной и гражданской жизни, равно какъ и современному состоянію нашихъ познаній человѣческаго рода, успѣхамъ наукъ, искусствъ и промышленности и такъ ограничено въ отношеніи къ истин-

ному толкованію потребностей общей человѣческой жизни, по отношенію къ находящимся въ распоряженіи для этихъ цѣлей средствамъ развитія и воспитанія, образованія, что необходимо изыскать средства, болѣе отвѣчающія потребностямъ руководства дѣтьми на протяженіи отъ самаго ранняго дѣтства до начала школьнаго періода ихъ жизни. Единственнымъ же средствомъ для этой цѣли служить добровольное соединеніе единомысленныхъ семействъ въ союзныя учрежденія (Vereinsanstalten) ¹⁾ съ цѣлью дать ихъ дѣтямъ, недостигшимъ еще школьнаго возраста путемъ общаго надлежащаго ухода за ними, руководства и занятій ихъ все то, чего только могутъ добиваться они сами сообразно съ ихъ природой и чего должны требовать для нихъ ихъ родители, не порывая связи со всей совокупностью современныхъ жизненныхъ условій.

Итакъ, если, съ одной стороны, современное состояніе всѣхъ жизненныхъ условій съ полнѣйшей серьезностью требуетъ отъ семействъ образованія подобныхъ союзныхъ учреждений для совмѣстнаго присмотра и ухода за ихъ еще слишкомъ малолѣтними дѣтьми, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ сутки, то съ другой — мы въ свою очередь признаемъ своею обязанностью всѣми силами содѣйствовать и подавать руку помощи осуществленію этихъ учреждений путемъ выработки и предоставленія во всеобщее распоряженіе цѣлесообразныхъ средствъ для этого дѣла, а равно и путемъ подготовки требуемыхъ и пригодныхъ для этой цѣли руководителей и воспитателей. Поэтому, въ виду высокой важности предмета, не только въ цѣляхъ рекомендуемаго нами здѣсь предпріятія въ его совокупности, но въ качествѣ существенной его составной части — необходимо вмѣстѣ съ нимъ вызвать къ жизни здѣсь ²⁾ и учрежденіе для подготовки

¹⁾ До термина „Дѣтскій садъ“ (Kindergarten) Фребель еще не дошелъ въ то время, когда писалъ эти строки (1838).

²⁾ Въ Бланкенбургѣ, въ Тюрингіи, гдѣ и существовало нѣкоторое время подобное учрежденіе. Впослѣдствіи оно было перенесено въ Ксильгауп-Линбейштейн-Маріенталь.

воспитателей дѣтей путемъ наблюденія за дѣтской жизнью а въ особенности путемъ наблюденія за развитіемъ въ нихъ творческой дѣятельности и потребности въ игрѣ, т.-е. потребности постоянно быть чѣмъ-нибудь занятыми. Это сообразовалось бы съ неоднократно и съ разныхъ сторонъ заявляемыми намъ потребностями и желаніями, а также и съ ярко намѣченной цѣлью ихъ. Необходимо, слѣдовательно, вызвать къ жизни учрежденіе для подготовки непосредственно занимающихся въ немъ руководителей и воспитателей, въ особенности съ извѣстнымъ количествомъ дѣтей дошкольнаго возраста, и сообразно съ требованіями первоначальнаго основнаго нагляднаго обученія.

Пусть же эта мысль встрѣтитъ глубокое сочувствіе и вызоветъ горячее участіе къ этому дѣлу на благо дѣтей и семействъ, къ благополучію всѣхъ общинъ и всего человѣческаго рода и къ счастью для отдѣльныхъ лицъ и всего дѣла.

ГЛАВА VI.

Игры ребенка

въ соотвѣтствіи съ его развитіемъ и совокупностью окружающихъ его жизненныхъ условій.

Подобно тому, какъ первоначальное физическое питаніе ребенка для поддержанія, укрѣпленія и развитія его физической жизни должно находиться и дѣйствительно находится въ соотвѣтствіи съ развитіемъ его органовъ пищеваренія, точно такъ же и первоначальный уходъ и питаніе въ области душевной жизни ребенка должны стоять въ непосредственной связи съ развитіемъ его членовъ и особенно органовъ его душевной жизни.

Подобно тому, какъ состояніе покоя является главнымъ образомъ, выраженіемъ и требованіемъ физической жизни, такъ же точно движеніе является у ребенка выраженіемъ и требованіемъ его душевной жизни.

Подобно тому, какъ физическая природа ребенка требуетъ прежде всего мягкаго, теплаго и чистаго ложа и особенно теплой температуры въ окружающей обстановкѣ, точно такъ же по завершеніи первой стадіи развитія зрѣнія, глаза, ребенокъ ищетъ въ качествѣ объекта для своего зрѣнія яснаго, простаго и болѣе нѣжнаго движенія, въ особенности въ соединеніи со свѣтовыми явленіями, и запечатлѣваетъ такое движеніе въ своемъ взорѣ, въ своемъ глазу. Такое проявленіе душевной жизни у ребенка начинается уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія его на свѣтъ.

Подобно тому, какъ ротъ у грудного ребенка больше всего приспособленъ для сосанія, для воспринятія пищи для тѣла, точно такъ же глазъ преимущественно передъ другими орга-

нами оказывается у него приспособленнымъ для воспринятія, такъ сказать, пищи для души, доставляемой ему впечатлѣніями отъ движенія и отъ отдѣльныхъ предметовъ. Подобно тому, какъ ротъ первоначально принимаетъ только жидкую пищу, а твердую можетъ принять только растворенной въ чемъ-нибудь жидкомъ, такъ же и глазъ воспринимаетъ на первыхъ порахъ только движеніе, въ особенности движеніе свѣтящихся предметовъ, а въ немъ и черезъ его посредство воспринимаетъ уже самые предметы. Поэтому мать уже съ раннихъ поръ, предоставляя ребенку молча теплое молоко своей груди, посредствомъ слова и взгляда обращаетъ его вниманіе на свѣтящіеся предметы, на движеніе, соединенное со свѣтомъ, и на подвижные предметы вообще. Поэтому она называетъ даже слабые проблески свѣта „свѣчкой“, а если хочетъ подчеркнуть именно подвижность предмета, то—„птичкой“.

Кто не знаетъ, какъ рано у любящихъ матерей начинаются уже такіе разговоры съ дѣтьми, въ которыхъ фигурируютъ слова въ родѣ „свѣчка“, „птичка“ или „мышка“, хотя ребенокъ въ это время воспринимаетъ въ видимыхъ предметахъ только одно свѣтовое явленіе, одни элементы свѣта, движенія и пространственныя отношенія. Такъ дѣти уже въ очень раннемъ возрастѣ могутъ почти цѣлый часъ глядѣть на свѣтящую луну или на звѣздное небо. Больше того, если имъ разъ или нѣсколько разъ уже пришлось испытать это удовольствіе, то они вполне опредѣленно требуютъ его повторенія, какъ только снова настанетъ время появленія луны на небѣ.

Безъ сомнѣнія, важно наблюдать, съ какимъ удовольствіемъ дѣти и въ особенности маленькія любятъ звѣздами, луной и солнцемъ, такъ какъ это и есть первое настоящее созерцаніе природы и міра, составляющее какъ бы признаніе ребенка, равно какъ и взрослого человѣка, по самому его рожденію на свѣтѣ.

Вообще вниманіе ребенка очень рано привлекается всѣми тѣми предметами, которые имѣютъ форму звѣзды, блестящій видъ и которые онъ поэтому такъ часто называетъ „звѣ-

збочкой“. Поэтому слово „звѣздочка“ вполсѣдствіи произво- дить на ребенка такое же возбуждающее и пріятное впечатлѣніе, какъ раньше слово „свѣчка“, особенно цвѣты, по- хожіе по своей формѣ на звѣзду, привлекають его вниманіе. Даже небесныя звѣзды ребенокъ ставить къ себѣ въ чисто человѣческія отношенія. Такъ, напр., уже въ предыдущемъ сочиненіи „Воспитаніе человѣка“ ¹⁾ было упомянуто, какъ одинъ маленькій ребенокъ, только что научившійся про- износить слова, когда мать въ одинъ ясный вечеръ обра- тила его вниманіе на находившіяся тогда на востокѣ двѣ яркія планеты, расположенныя очень близко другъ къ другу, тотчасъ въ порывѣ радостнаго удивленія воскликнулъ: „звѣз- ды—папа и мама!“

Чего только не разовѣется въ жизни ребенка при подоб- ныхъ дѣтскихъ толкованіяхъ окружающей дѣйствительности, если только при воспитаніи заставлятъ его запечатлѣвать ихъ!

Однако послѣ этого кажущагося отступленія мы снова возвращаемся къ состоянію дѣтскаго развитія, которое насъ теперь особенно интересуетъ.

Параллельно и въ соотвѣтствіи съ развитіемъ органовъ душевной жизни, именно съ развитіемъ зрѣнія и слуха, развиваются и органы движенія и среди нихъ прежде всего руки и кисти рукъ. Потому для первой игры съ ребенкомъ, какъ выраженіе доступнаго ему съ раннихъ поръ движенія тѣла въ пространствѣ, соединяющее къ тому же въ себѣ единство и разнообразіе, мы дали матери окрашенный въ блестящіе цвѣта — красный, зеленый или желтый — мячъ, служащій для ребенка, такъ сказать, нормаль- нымъ тѣломъ, совмѣщающимъ въ себѣ и замѣщающимъ собою все другія тѣла и способствующимъ усвоенію пред- ставленія, какъ о предметѣ самомъ по себѣ, такъ и о пред- метѣ въ состояніи покоя и движенія, чтобы способствовать единству чувства, чувственнаго воспріятія и воспріятія по- средствомъ зрѣнія и не нарушать въ то же время ихъ раз-

¹⁾ „Воспитаніе человѣка“ Фр. Фребеля. 1 т.

дѣльности, основанной на раздѣльности ощущеній теплоты и свѣта; мячь, обладающій сверхъ того еще упругостью, снабженъ, съ одной стороны, блестящимъ цвѣтомъ, а съ другой — возбуждающимъ теплоту покровомъ: благодаря издаваемому имъ свѣту, онъ воспринимается зрѣнiемъ, а благодаря теплотѣ,—чувствомъ и все-таки онъ воспринимается въ цѣломъ, какъ единое въ себѣ явленiе предметнаго порядка.

Итакъ, уже въ первой осмысленной игрѣ, благодаря воспрiятiю и наблюденiю, благодаря процессамъ появленiя, пребыванiя на мѣстѣ и исчезновенiя, измѣненiя, а въ извѣстномъ отношенiи и ранняго неяснаго еще толкованiя взаимнаго положенiя предметовъ, основанiя и слѣдствiя, причины и дѣйствiя, вмѣстѣ съ тѣмъ и неяснаго еще процесса сравненiя, у ребенка появляются первыя душевныя впечатлѣнiя, какъ бы первыя знанiя, зарождающiяся вслѣдствiе его самодѣятельности, равно какъ и благодаря материнской любви, носящей въ себѣ его жизнь и ея требованiя.

Итакъ, изъ наблюденiя надъ отношенiемъ между матерью и ребенкомъ, какъ въ физической, такъ и въ духовной жизни съ очевидностью вытекаетъ необходимость отмѣтить столь важные въ человѣческой и общечеловѣческой жизни факты, а именно, что любовь и познанiе, чувство любви и познавательная способность находятся во взаимной внутренней связи между собою, и что жизненное общее воспитанiе является объединенiемъ и общимъ источникомъ ихъ обоихъ.

Итакъ, уже по первымъ явленiямъ, наблюдаемымъ въ жизни ребенка мы видимъ и узнаемъ, какъ необходимо, начиная съ первыхъ проявленiй жизни у ребенка, какъ бы ни были они произвольны и лишены определенной цѣли, правильно понять, наблюсти и истолковать душевную жизнь ребенка, какъ по отношенiю къ ходу ея развитiя, такъ и по существу и по отношенiю его къ матери и ближайшей окружающей его обстановкѣ и даже по отношенiю къ вселенной и первоосновамъ ея, а слѣдовательно, и къ его собственной первоосновѣ и, наконецъ, по отношенiю къ Богу.

Заботливые и наблюдательные родители и осмысленные, добросовѣстные воспитатели, оглядываясь на свою собственную жизнь, могут замѣтить, какое сильное вліяніе оказала подобный внимательный уходъ за дѣтьми на развитіе ихъ собственной жизни, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы оказать, если бы онъ дѣйствительно осуществлялся. Поэтому очень важно для родителей и воспитателей, для ихъ питомцевъ и для счастливаго завершенія ихъ педагогическихъ стремленій, чтобы они сами, насколько это будетъ возможно, возобновляли въ своей памяти первоначальныя явленія, общій ходъ и условія своего собственнаго развитія, сравнивали бы его съ явленіями, ходомъ и условіями развитія міра и вообще жизни въ природѣ и исторіи и такимъ образомъ старались бы поднять на высоту познанія и наблюденія, какъ общихъ, такъ и особенныхъ законовъ развитія жизни вообще, чтобы такимъ образомъ ихъ руководство и уходъ за развитіемъ ребенка получили въ этихъ зановахъ болѣе возвышенное и прочное, истинное обоснованіе, а равно и свои твердыя руководящія правила.

Тому же ходу развитія всѣхъ вещей, неоднократно символически наблюдаемому повсюду въ природѣ и жизни, ходу общаго развитія міра и жизни должно соответствовать, какъ руководство жизнью ребенка, самостоятельныя занятія его, вообще обращеніе съ нимъ, такъ въ особенности и пробуждающія и поддерживающія въ немъ жизнь игры, чтобы взрослый человѣкъ въ теченіе своего развитія могъ наблюдать жизнь въ себѣ самомъ и внѣ себя, а въ дѣтствѣ могъ бы наблюдать свою жизнь и жизнь вообще черезъ посредство и игры, какъ черезъ зеркало, и чтобы человѣкъ впоследствии въ природѣ, а въ дѣтствѣ въ игрѣ и посредствомъ игры, когда ему понадобится разобраться въ себѣ самомъ или въ окружающихъ его явленіяхъ, умѣлъ бы читать раскрытую передъ нимъ книгу воспитанія, говорящую ему своими образами и черезъ посредство этихъ образовъ.

Къ концу правильнаго уразумѣнія и истолкованія природы ребенка во всѣхъ его жизненныхъ отношеніяхъ и въ

отношеніяхъ къ окружающей дѣйствительности и у матери становится инымъ весь ея духовный и душевный складъ. Измѣняется у нея и ея отношеніе къ внѣшнему міру, равно какъ и впечатлѣнія, производимыя на нее внѣшнимъ міромъ, подобно тому, какъ становится инымъ ея физическое состояніе. Это повышенное духовное состояніе матери, болѣе возвышенный и серьезный складъ мыслей, направленный преимущественно на познаніе и наблюденіе, на воспріятіе частнаго и особеннаго въ единомъ и общемъ и, наоборотъ, одинаго и общаго въ особенномъ и частномъ, и въ особенности въ отношеніи къ ребенку, должны съ особенной тщательностью ею самою изучаться и сознательно воспитываться, точно такъ же, какъ и жизнь самого ребенка, и притомъ въ извѣстномъ согласіи съ нею.

Когда у ребенка зарождается стремленіе къ пріобрѣтенію познаній, появляются первые проблески способности замѣчать окружающіе его предметы, обращать и сосредоточивать на нихъ вниманіе, то и у матери въ свою очередь появляется способность сосредоточивать свое вниманіе на предметахъ, непосредственно ея касающихся, анализировать свое собственное настроеніе и поступки и видѣть все, касающееся ближайшимъ образомъ ея ребенка, и уже сообразно съ этимъ дѣйствовать.

Хотя многіе и притомъ съ различныхъ сторонъ обращали уже вниманіе на взаимодействіе между матерью и ребенкомъ въ области физической жизни, на изученіе этой жизни и уходъ за нею, но еще слишкомъ мало обращалось вниманія на изученіе и уходъ за взаимной и общей у матери съ ребенкомъ жизнью духовной и особенно мало въ сравненіи съ тѣмъ, какъ она того заслуживаетъ.

При такомъ изученіи и уходъ за этой взаимной духовной жизнью матери и ребенка и за ихъ общей жизнью съ природой и вселенной и описанная въ предыдущихъ главахъ этой книги первая игра съ упругимъ, двѣтнымъ и теплымъ мячомъ находятъ себѣ настоящее мѣсто и получаютъ глубокое, истинное значеніе и соотвѣтствующее примѣненіе. Она придется на третій мѣсяцъ жизни ребенка, но

можетъ начинаться также и во второмъ мѣсяцѣ, а съ четвертаго мѣсяца она играетъ роль уже определенной игры и затѣмъ въ теченіе долгаго времени, подвергаясь дальнѣйшему развитію и всевозможнымъ видоизмѣненіямъ и призмѣненіямъ, проходить красной нитью черезъ всю жизнь ребенка, какъ уже было указано выше.

Однако скоро простое и равное себѣ во всѣхъ своихъ частяхъ тѣло со своимъ постояннымъ и сравнительно тихимъ движеніемъ перестаетъ удовлетворять ребенка. Тогда больше привлечетъ его вниманіе предметъ прямо противоположнаго характера, который обладаетъ способностью не только быстро и неожиданно переходить изъ состоянія покоя въ противоположное состояніе движенія, но и заявлять о себѣ при этомъ посредствомъ шума, гула и звука, какъ бы посредствомъ языка.

Это пунктъ, съ котораго игра съ ребенкомъ, а также и сама игрушка получаетъ совершенно иную внѣшность: въ качествѣ игрушки у ребенка вмѣсто нѣжнаго, мягкаго, тихо движущагося мяча выступаетъ на сцену твердый катакщійся шаръ и соединяющій въ себѣ больше внѣшняго разнообразія и потому способный произвести больше шума при движеніи — к б и к ѣ.

ГЛАВА VII.

Шаръ и кубикъ,

какъ вторая игрушка ребенка.

Со второй половины перваго года и въ теченіе ея, когда ребенокъ начинаетъ уже замѣтно заниматься самъ съ собой, шаръ и кубикъ, въ силу упомянутыхъ ихъ качествъ, часто доставить ему больше удовольствія, чѣмъ мячъ, но все-таки онъ не будетъ порывать связи и съ мячомъ, какъ со своей любимой игрушкой.

Шаръ и кубикъ, по отношенію къ формѣ,—полныя противоположности, насколько они одинаковы по своей сущности, настолько же противоположны другъ другу по внѣшности. Слѣдовательно, они являются тѣлами противоположно-равными. Именно на шаръ можно смотрѣть, какъ на тѣлесное выраженіе чистаго движенія, тогда какъ кубикъ можно разсматривать, какъ тѣлесное выраженіе чистаго покоя. Мячъ, какъ тѣло къ тому же болѣе подвижное, является какъ бы посредствующимъ звеномъ между ними, объединяющимъ въ себѣ ихъ обоихъ. На мало упругомъ мячѣ легко можно показать форму куба и, обратно, его легко снова сдѣлать шаромъ.

Поэтому шаръ и кубикъ съ ихъ противоположнымъ равенствомъ, какъ игра, неразрывно связаны другъ съ другомъ. Шаръ и кубикъ относятся другъ къ другу, какъ единство въ единствѣ къ единству въ разнообразіи, или же, можно также сказать, какъ разнообразіе въ единствѣ къ единству въ разнообразіи, или же, наконецъ, какъ характеръ къ уму. А такъ какъ оба эти направленія душевнаго раз-

витія, объ эти душевныя силы рано обнаруживаются въ ребенкѣ, то поэтому и шаръ съ кубикомъ надо давать ему для игры вмѣстѣ, надо знакомить его съ ними въ игрѣ и посредствомъ игры, хотя бы и попеременно, но не забывая связи между ними. Если ребенку, подлежащему одновременно и нравственному и умственному развитію, давать ихъ въ качествѣ игрушки и вводить въ игру по одиночкѣ, то это будетъ обозначать, или, по крайней мѣрѣ, будетъ казаться, что хотятъ отдѣлить чувство отъ мысли, ощущеніе отъ познаванія, характеръ отъ ума, будто хотятъ развить одно на счетъ другого и, слѣдовательно, одно подчинить другому. Развитіе ихъ должно быть одновременно; они неразрывно связаны другъ съ другомъ, подобно тому, какъ вмѣстѣ они образуютъ единое или, скорѣе, тріединое цѣлое вмѣстѣ съ самою жизнью, съ воспроизведеніемъ и дѣйствіемъ, вмѣстѣ съ поступками.

Мы узнали и упоминали уже выше, насколько важно, чтобы ребенокъ былъ правильно понятъ съ самаго появленія его на свѣтъ на протяженіи всего его развитія, какъ въ его сущности, такъ и въ его отношеніяхъ къ окружающему, вообще въ его отношеніяхъ къ міру и Богу. Точно такъ же для родителей и ребенка, ближайшимъ образомъ для ребенка и матери, очень важно, въ какомъ отношеніи находится игрушка и самая игра ребенка къ нему самому, къ ближайшей окружающей его обстановкѣ, къ природѣ, даже къ Божеству, вообще къ жизни вселенной.

Миръ и удовольствіе, здоровье и полнота жизни только тогда находятъ себѣ мѣсто въ жизни ребенка, когда его игра, какъ и вообще все его развитіе, находится въ согласіи съ общей жизнью вселенной.

Поэтому именно въ стремленіи достигнуть этого согласія и удовлетворить всѣмъ намѣченнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи заключается основаніе всѣхъ описанныхъ нами и выведенныхъ подъ общимъ названіемъ „второго дара“ игръ и занятій ребенка съ шаромъ и кубикомъ (какъ раньше съ мячомъ). Здѣсь мы приведемъ только нѣсколько образцовъ такого обоснованія этихъ игръ.

Указанія для употребленія шара и кубика, какъ второй дѣтской игрушки.

Употребленіе шара и кубика связывается съ двоякимъ явленіемъ, являющимся въ дѣтской комнатѣ или вообще въ первое время дѣтской жизни: матерямъ и заботливымъ воспитателямъ приходится успокаивать беспокойнаго ребенка, когда его безпокойство выражается въ неопредѣленномъ, связанномъ съ чувствомъ неудовлетворенности стремленіи къ опредѣленной и удовлетворяющей его внѣшней дѣятельности, слѣдовательно, въ стремленіи къ успокоенію, — то посредствомъ движенія подвижнаго предмета, то посредствомъ неоднократно повторяющейся установки предмета, который можетъ стоять.

По причинамъ, глубоко заложеннымъ въ душѣ и жизни человѣческой, свободное и постоянно кругообразное движеніе уже рано доставляетъ большое удовольствіе дѣтямъ. На шарѣ оно демонстрируется съ особенной ясностью; стоитъ только положить его, какъ это мы дѣлали уже съ мячомъ, на вогнутую внутрь ладонь, или на обѣ руки, плотно приставленныя другъ къ другу и вогнутыя внутрь на подобіе тарелки, или же, еще лучше, на блюдечко и затѣмъ, съ помощью медленнаго, но постояннаго измѣненія центра тяжести непрерывно двигать его кругомъ по углубленію.

Но такъ какъ звукъ для ребенка составляетъ еще болѣе высшій признакъ жизни, благодаря чему впоследствии онъ самъ по себѣ снабжаетъ способностью рѣчи даже всякій неодушевленный предметъ, то поэтому именно онъ желаетъ отъ всякаго предмета слышать звукъ и даже понятную ему рѣчь или, по крайней мѣрѣ, извлекать звукъ черезъ посредство и съ помощью всякаго предмета. Ребенокъ совершенно безсознательно желаетъ и надѣется черезъ посредство одновременнаго съ ознакомленіемъ съ предметомъ звука, какъ бы черезъ посредство сопровождающаго это ознакомленіе слова, получить свѣдѣнія и объясненія, касающіяся каждаго предмета его жизни и значенія, въ особенности же его отношенія къ нему, ребенку.

Поэтому мы сдѣлали попытку при обзорѣ этой второй серіи средствъ для дѣтскихъ игръ и занятій съ помощью движенія и слова указать на жизненную и вещественную связь, на взаимодействіе въ жизни между ребенкомъ и игрушкой — и тѣмъ болѣе потому, что при употребленіи этой игрушки способность слуха у ребенка въ общемъ уже развита, а способность рѣчи начинаетъ развиваться, — но этими своими указаніями мы отнюдь не желаемъ доказать, что подобранныя нами слова — самыя лучшія, а тѣмъ болѣе единственныя, которыя можно употреблять за перемѣною движенія игрушки. Нѣтъ! Наоборотъ, мы вѣримъ и желаемъ, чтобы нашлись еще болѣе подходящія для этой цѣли слова пѣсенъ, еще болѣе соединяющія ребенка и игру, еще болѣе охватывающія жизнь ребенка и предметъ игры.

Итакъ, шаръ двигается, какъ уже сказано, по ладони или по блюду. При этомъ всеоживляющій материнскій умъ, съ помощью вдыхающихъ во все высшую жизнь материнскихъ устъ поетъ своему дорогому малюткѣ отъ лица шара слѣдующую пѣсенку, какъ бы надѣляя самый шаръ звукомъ, способностью говорить и пѣть, т.-е. полнымъ выраженіемъ жизни, заставляя его самого говорить:

„Крутомъ, кругомъ!..

Это—не бездѣлье.

Кругомъ, кругомъ!

Это ль не веселье?!

Ну, вертись, веселись!..“

Подобно тому, какъ наша цѣль достигается съ помощью постояннаго движенія шара вокругъ точки, лежащей внѣ его, при одновременномъ движеніи его вокругъ его собственнаго центра, т.-е. съ помощью двойного движенія, то же самое можно изобразить также и съ помощью постоянно перемѣняющаго свое направленіе движенія шара вокругъ его собственной центральной линіи, или оси. Именно, если подвѣсить шарикъ на двойномъ шнуркѣ и, держа его за концы шнурка въ лѣвой рукѣ, пальцами правой руки придать ему вращательное движеніе вокругъ его собственной оси, то нити шнурка плотно сплетутся между собою. Тогда, взявши

каждую нить указательнымъ и большимъ пальцемъ каждой руки, медленно разъединяють и соединяють ихъ между собой, и мячъ получаетъ постоянное вращательное движеніе вокругъ оси попеременно то вправо, то влѣво.

Снова шаръ говоритъ, какъ бы отъ своего лица, ребенку т.-е. своимъ движеніемъ онъ говоритъ для зрѣнія, а черезъ посредство устъ матери, для большаго возбужденія мысли и жизни также и для слуха ребенка слѣдующія слова:

„Какъ я кружусь, какъ шаръ катаю,
Всѣхъ любоваться приглашаю“.

Уже эти два простыхъ вида движенія производитъ на дѣтей во второй половинѣ перваго года ихъ жизни, въ особенности же къ концу этого періода, когда они сами также еще бываютъ просты и непривычны къ такого рода явленіямъ, поразительное впечатлѣніе, приковываютъ ихъ вниманіе, а равно и возбуждаютъ жизнедѣятельность, вызывая въ нихъ чувство удовольствія.

Такимъ образомъ, судя по внѣшнимъ проявленіямъ у ребенка уже въ этомъ возрастѣ, можно, повидимому, притти къ заключенію, насколько важно для его внутренняго развитія, а также и для всей его жизни, чтобы впечатлѣніе отъ замкнутаго и покоящагося въ себѣ самомъ предмета посредствомъ наблюденія шара въ различныхъ положеніяхъ, т. е. даже во время и въ продолженіе процесса движенія, дѣйствительно глубоко и прочно западало въ душу ребенка. Это важно также и въ тѣхъ видахъ, чтобы ребенокъ, вполне опредѣленно понялъ разницу между шаромъ и кубикомъ, такъ какъ между ними есть, именно, существенное различіе: состоящее въ томъ, что первый во всѣхъ положеніяхъ и при всевозможныхъ видахъ движенія всегда является въ видѣ шара, между тѣмъ, какъ второй въ различныхъ положеніяхъ и еще болѣе при разныхъ видахъ движенія, всякій разъ производитъ совершенно различное, рѣзко измѣняющееся впечатлѣніе.

Здѣсь можно только указать, что съ шаромъ возможны почти всѣ тѣ же упражненія, игры и наблюденія, что и съ

мячомъ, но только многія изъ нихъ, въ силу большей тяжести и твердости шара, производятся съ гораздо большей опредѣленностью и ясностью. Такъ же точно игра съ шаромъ, въ силу большаго шума и другихъ свойствъ, обнаруживаемыхъ особенно при играхъ, требующихъ катанія его, должна еще болѣе происходить на полу комнаты, на которомъ и ребенокъ къ этому времени можетъ сидѣть на своей подстилкѣ и заниматься уже болѣе самостоятельно и самодѣятельно. Съ этой стороны выходитъ, что шаръ, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ ребенка, естественно становится и его слѣдующей игрушкой.

Такъ какъ мы уже приняли и выставили положеніе, что ко времени появленія игры съ шаромъ, слухъ ребенка въ общемъ оказывается уже развитымъ и начинаетъ уже развиваться и способность рѣчи, то разумныя матери и воспитательницы могутъ уже въ это время, съ помощью опредѣленныхъ вопросовъ, вступать съ ребенкомъ въ нѣкоторый разговоръ. Напримѣръ:

— „Что дѣлаетъ шаръ?“ — „Онъ танцуетъ“. — „А что теперь дѣлаетъ шаръ?“ — „Онъ летаетъ“. — „Кто танцуетъ?“ — „Кто летаетъ?“ — „Нужно ли шару показаться?“.

Радостное выраженіе согласія замѣняетъ на первыхъ порахъ слова, тогда какъ радостное ожиданіе и опредѣленное желаніе, наоборотъ, вызываютъ и развиваютъ въ свою очередь способность рѣчи. Такимъ образомъ въ высшей степени важно, чтобы вмѣстѣ съ игрой все больше и больше опредѣленно и сознательно соединялось воспитаніе и развитіе способности рѣчи, и въ особенности, чтобы ребенокъ рано привыкалъ правильно и опредѣленно обозначать все словами параллельно съ яснымъ наблюденіемъ и пониманіемъ. Благодаря всему этому, жизнь ребенка будетъ получать болѣе цѣлесообразное и всестороннее развитіе.

Кубикъ, какъ прямая противоположность шару, возмѣщаетъ разнообразіе его примѣненій въ игрѣ, основанныхъ на его чрезвычайной подвижности своею формою, разнообразіемъ своихъ частей, качествъ, въ особенности же способъ его наблюденія.

Благодаря всему этому и игра съ нимъ принимаетъ иной характеръ, и впечатлѣніе, производимое ею, иное.

Такъ какъ кубикъ является какъ бы многостороннимъ осуществленіемъ плоской поверхности, то для него требуется плоскость, на которой онъ могъ бы стоять. Чтобы крѣпко и прочно стоять, для шара нужна только одна основная точка, тогда какъ для кубика требуется цѣлая поверхность, служащая ему основаніемъ, или, что одно и то же, нѣсколько точекъ, лежащихъ на одной плоскости. Шаръ однимъ легчайшимъ прикосновеніемъ можно привести въ движеніе, тогда какъ кубикъ стоитъ прочно и чтобы его сдвинуть съ мѣста, его нужно поднять или столкнуть, или стянуть, или сбросить съ занимаемаго имъ мѣста.

Чтобы съ самого начала игры съ кубикомъ сдѣлать осязательной указанную противоположность между нимъ и шаромъ для ребенка, который въ это время стремится сосредоточить свои наблюденія на чемъ-либо твердомъ, неподвижномъ, мать сильнымъ движеніемъ ставитъ кубикъ передъ ребенкомъ и говоритъ кубику съ отгвѣнкомъ побужденія, приказанія въ голосъ:

„Стои, твердо стой!
Стои, кубикъ мой!..“

См. рисунокъ № 3 на прилагаемой таблицѣ.

Или:

„Ну, стой здѣсь спокойно, дай всѣмъ любоваться!
Намъ можешь всегда ты вполне довѣряться!“

Какъ уже было сказано выше, мы считаемъ въ высшей степени важнымъ, чтобы это, содѣйствующее пониманію, исключительно внутреннее согласіе между ребенкомъ и вѣншимъ міромъ съ раннихъ поръ подчеркивалось въ тонѣ голоса и взглядѣ, такъ какъ противоположеніе и раздѣленіе уже и безъ этого доходить до его сознанія раньше, чѣмъ обобщеніе и объединеніе. А всякое противоположеніе и

раздѣленіе для человѣка въ видахъ прочнаго достиженія примиренія въ жизни и поднятія его жизненной дѣятельности должно исходить непременно изъ положенія первоначальнаго единства, какъ его дальнѣйшее развитіе и расчлененіе. Это объединяющая увѣренность должна быть воспитываема, какъ можно, раньше, чтобы впоследствии изъ нея выросла настоящая самоувѣренность. Вообще всякое первоначальное воспитаніе человѣка должно задаваться цѣлью воспитать его съ самаго ранняго дѣтства, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи въ полномъ единеніи съ природой и со всѣмъ міровымъ цѣлымъ.

Далѣе, пусть мать возьметъ одинъ изъ пальцевъ или одну изъ ручекъ ребенка и попробуетъ совсѣмъ тихимъ, слабымъ прикосновеніемъ къ кубику подвинуть его, но такъ, чтобы кубикъ не тронулся съ мѣста. Тогда мать старается обратить на это вниманіе ребенка и говорить ему слѣдующее:

„Что захотѣли,—кубикъ сейчасъ,
Стоя на мѣстѣ, сдвѣлалъ для насъ“.

Или:

„Да, онъ желаетъ спокойно стоять,
Съ мѣста себя не даетъ онъ сдвигать!“

Однако, мать, наконецъ, преодолагаетъ тяжесть кубика и съ помощью ручки или пальца ребенка сдвигаетъ его съ мѣста, напѣвая или приговаривая при этомъ ребенку слѣдующія слова:

„Долго ты стоялъ на мѣстѣ.
Мы катать всѣ станемъ вмѣстѣ“.

Или:

„Ты отдохнулъ... Ну, вотъ же вотъ
Спѣши теперь опять впередъ!“

Здѣсь мы какъ разъ сталкиваемся съ однимъ положеніемъ, выставленнымъ въ этомъ сочиненіи скорѣе въ видѣ требованія, а именно: гдѣ и насколько это возможно, необходимо привлекать къ участию въ игрѣ, хотя бы и очень слабую собственную силу и незначительную дѣятельность

самого ребенка, чтобы дать нѣкоторое развитіе его членамъ для предстоящаго ихъ примѣненія, повысить его силы и дать имъ утѣшеніе, и чтобы онъ получалъ особенно много опытовъ и впечатлѣній непосредственно съ помощью и во время своей собственной дѣятельности.

Какое богатство, какое разнообразіе отдѣльныхъ процессовъ развитія можно возбудить въ ребенкѣ уже этими немногими опытами, произведенными разумной матерью или заботливымъ воспитателемъ! — Спокойное, крѣпкое и прочное стояніе (кубика) на сравнительно большой основной поверхности, заполненіе пространства, каждымъ предметомъ, тяжесть предмета, ощущаемая посредствомъ давленія, преодоленіе, въ концѣ концовъ, этой тяжести и возможное при этомъ передвиженіе предмета на другое мѣсто съ помощью сравнительно большей силы—воспріятіе всего этого и многого другого, просто какъ перемѣнныя явленія, при частомъ повтореніи доставятъ полугодовому или, по крайней мѣрѣ, не достигшему еще года ребенку большое удовольствіе, въ особенности если самую игру сумѣть поставить во внутреннюю связь съ его жизнью, съ его стремленіемъ къ дѣятельности. Такъ, напр., можно положить кубикъ на горизонтально вытянутую ладонь ребенка и при этомъ пѣть:

.Твою внизъ руку кубикъ тянетъ,—
Сожми и падать онъ не станетъ!“

Или, наоборотъ, заставляютъ ребенка обхватить рукой шаръ или кубикъ и держать его крѣпко. Тогда мать поднимаетъ ручку ребенка вверхъ, такъ чтобы сжатая и имѣющая впоследствии раскрыться ладонь была обращена своимъ отверстіемъ внизъ, и, стараясь какимъ-нибудь дѣтскимъ способомъ обратить его вниманіе на необходимость крѣпко зажать ладонью и пальцами шаръ или кубикъ, напѣвая, приговариваетъ:

„Рука не дастъ ему упасть,—
Твоя надъ кубикомъ вся власть“.

Затѣмъ его заставляютъ раскрыть руку, такъ чтобы шаръ (кубикъ) выпалъ изъ нея:

„Ну, вотъ онъ на землю упалъ,—
Рукой его ты не держалъ!“

Эти игры или, если угодно ихъ такъ называть, забавы могутъ быть умножены самыми разнообразными способами ихъ видоизмѣненія, въ особенности же посредствомъ соединенія нѣсколькихъ въ одну. Не нужно только при этомъ въ томъ или другомъ пунктѣ итти въ разрѣзъ съ желаніями самого ребенка. Наоборотъ, всегда слѣдуетъ итти навстрѣчу обстоятельствамъ, требованіямъ и нуждамъ, заявляемымъ самимъ ребенкомъ, а также и его собственныиъ проявленіямъ жизни и дѣятельности.

Какъ разъ здѣсь можно упомянуть объ одномъ явленіи изъ дѣтской жизни. Наблюдателю этой жизни придется неоднократно столкнуться съ тѣмъ фактомъ, что еще у очень маленькихъ дѣтей есть стремленіе захватить своими маленькими рученками побольше разнообразныхъ предметовъ, при чемъ рука оказывается слишкомъ еще малой, чтобы вмѣстить въ себя все желаемое количество предметовъ.

Въ такомъ случаѣ мать можетъ, если имѣть въ виду, напр., шаръ или кубикъ, подпѣвать ему слѣдующія слова:

„Гдѣ шаръ пространство аваялъ, да,
Не могъ быть кубикъ никогда!“

Или то же самое о кубикѣ:

„Гдѣ кубикъ мѣсто нашъ займетъ,
Тамъ шаръ не будетъ въ свой чередъ!“

Или совсѣмъ въ общемъ видѣ:

„Для всѣхъ свое пространство есть;
Не могутъ двое разомъ сѣсть!“

Можно также брать шаръ и кубикъ одновременно въ обѣ руки, но попеременно, каждый изъ нихъ брать то въ ту, то въ другую руку. При этомъ можно подпѣвать ребенку уже приведенныя только-что слова.

Теперь мы снова возвращаемся къ наблюденію спокойнаго стоянія кубика на плоскости, начиная съ момента его установки.

Совершенно иное впечатлѣніе произведетъ на ребенка, хотя и маленькаго, но уже нѣсколько развившагося для того, чтобы наблюдать предметъ внѣ себя и задерживать въ себѣ впечатлѣнія отъ наблюдений, если попытаться поставить кубикъ на одно изъ его реберъ, и если онъ, какъ только его оставить въ покоѣ, тотчасъ опрокинется на другую сторону въ виду невозможности для него поддерживать свою ось или, скорѣе, верхнюю плоскость.

Слова и тонъ рѣчи усиливаютъ и закрѣпляютъ впечатлѣніе, если этотъ опытъ и наблюденіе сопровождать, напр., такими словами пѣсни:

„Сюда качнется онъ, туда,—
Стоять не любить никогда“.

(См. изображеніе на таблицѣ, рис. № 4).

Трудно будетъ стоять кубикъ, хотя и не совсѣмъ невозможно, если онъ встрѣтитъ нѣкоторую поддержку, опору въ чемъ-либо со стороны, если, напр., какъ изображено на рис. № 5, онъ опирается одной изъ своихъ граней на другую поверхность и такимъ образомъ удерживается въ равновѣсїи, благодаря третию.

Ребенокъ съ помощью еще не совсѣмъ развитой способности рѣчи отмѣтитъ причину этого. По крайней мѣрѣ, у насъ есть налицо опыты, когда дѣти этого возраста сами отнимали у кубика поддерживавшую его опору и, когда онъ падалъ, лицомъ и тѣломъ обращались къ матери, выражая свое торжество по этому поводу.

Поэтому мать может при этомъ обращаться къ ребенку въ пѣснѣ съ такимъ вопросомъ:

„На ножкѣ онъ стоитъ,—
Кто жъ дѣлать такъ велитъ?“

Или можно поставить кубикъ на одно ребро, а однимъ изъ остальныхъ горизонтальныхъ реберъ прислонить его къ стѣнкѣ ящика отъ кубиковъ или къ какому другому предмету, чтобы онъ стоялъ совершенно покойно, и при этомъ подпѣвать, приближительно, слѣдующее:

„Кубикъ къ стѣнкѣ прислони,—
Тамъ мѣстечко есть,—вгляни!“

Но изображенное на рис. №№ 4 и 5 можно такъ же, какъ и другіе опыты, соединить въ одно цѣлое.

„Поди сюда, кубикъ! Поди ставь передъ малюткой на одной ногѣ.—Смотри-ка, онъ не хочетъ стоять“. А затѣмъ пропѣть уже приведенную пѣсенку: „Сюда качнется онъ, туда...“—„Ну, кубикъ, держись крѣпче, чтобы не упасть!“

Мать при этомъ помогаетъ, и кубикъ, съ помощью привлеченія къ участию въ установкѣ дѣятельности самого ребенка, прислоненный къ стѣнѣ, какъ бы опираясь на нее, становится, наконецъ, прочно. Тогда мать поетъ:

„У стѣнки кубикъ ставъ опять,
Тамъ хорошо ему стоять“.

Если матери попытаются вплетать въ игру, хотя бы въ незначительныхъ размѣрахъ, самостоятельность ребенка, то онъ скоро увидятъ, какъ забавляетъ ребенка на нѣкоторое время его собственная работа. Впослѣдствіи онъ способенъ будетъ забавляться ею болѣе продолжительное время и въ концѣ-концовъ такіе опыты приведутъ его къ тихимъ (молчаливымъ) самостоятельнымъ построеніямъ, къ осмысленному самостоятельному наблюденію.

Но вотъ ребенокъ снова быстро хватаетъ кубикъ и ударяетъ имъ по столу. Мать видитъ поступокъ своего ребенка

и его дѣйствіе и потому, облакая то и другое въ форму слова и звука, поеть ему слѣдующее:

„Ай, ай, ай!
Столъ — съ дыркой... Ай, ай, ай!
Самъ онъ этого не знаетъ
Всѣхъ къ себѣ играть съываетъ!“

Среди всевозможныхъ установокъ кубика, которыми мать можетъ воспользоваться въ игрѣ со своимъ ребенкомъ, есть одна, состоящая въ томъ, что мать пытается на глазахъ у ребенка поставить кубикъ на одинъ изъ его угловъ (вершинъ). Но это ей удастся еще менѣе, чѣмъ установка на ребро, и она поеть ему слѣдующія слова:

„На одной ногѣ,
На одной ногѣ,
Кубикъ нашъ, тебѣ
Не стоять нигдѣ!“

Тогда она тихо накладываетъ кончикъ указательнаго пальца лѣвой руки на обращенную кверху вершину кубика. Кубикъ получаетъ устойчивость, и она продолжаетъ пѣть:

„Не упадетъ онъ никогда,
Коль поддержать его слегка!“

Затѣмъ мать старается кончикомъ пальца правой руки такъ ударить по одной изъ свободныхъ вершинъ кубика, чтобы онъ завертѣлся вокругъ собственной оси, и тогда обратившись къ ребенку поеть:

„Ну вотъ, ну вотъ—
Опять вертѣтся онъ начнетъ:
Направо—кругъ,
Налѣво—кругъ,
Вокругъ себя помчится вдругъ!“

Или же она, какъ бы заставляя кубикъ пѣть отъ своего лица, говорить:

„На одной ногѣ стою—
И верчусь—не устаю.“

См. изображеніе на таблицѣ, рис. № 6.

Не слѣдуетъ думать, будто впечатлѣнія отъ непонятныхъ еще для ребенка словъ и разнообразныхъ положеній и движеній кубика пропадутъ для ребенка безслѣдно, безъ осозательныхъ результатовъ. Если часто повторять эти построенія и наблюденія, то можно замѣтить, что ребенокъ будетъ требовать отъ своей воспитательницы, то одной, то другой постановки кубика, то одного, то другого вида движенія его, а впоследствии самъ будетъ пытаться воспроизводить тотъ видъ движенія, который особенно останавливалъ на себѣ его вниманіе.

Мы уже выше отмѣтили, что ребенокъ скоро замѣчаетъ, чтб составляетъ условіе прочнаго стоянія кубика. Точно такъ же онъ скоро замѣтитъ, чтб является условіемъ его легкой подвижности. Если онъ еще не въ состояніи словами выразить этихъ условій, то все-таки мать можетъ замѣтить, что ребенокъ сначала старается выполнить требуемое условіе, придать кубику необходимое положеніе, а затѣмъ уже воспроизводитъ соотвѣтствующее явленіе и дѣйствіе. Это наблюденіе основано на фактахъ изъ дѣтской жизни.

Во всѣхъ описанныхъ до сихъ поръ случаяхъ вниманіе ребенка сосредоточивалось преимущественно на самомъ присутствіи предмета, на заполненіи имъ извѣстнаго пространства, на его дѣйствіи и положеніи, также на способѣ заполнения имъ пространства и способѣ его дѣйствія, и только попутно обращалось вниманіе на самый предметъ; не замѣчалась еще его внѣшность и форма, его члены и части, которыя при всевозможныхъ его положеніяхъ обнаруживались въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ.

Но можно использовать также и форму и внѣшность предмета при игрѣ съ ребенкомъ.

О важности наблюденія надъ присутствіемъ и исчезновеніемъ предмета и примѣненіи его въ игрѣ и въ цѣляхъ самой игры съ ребенкомъ говорилось уже раньше (въ отдѣлѣ о мячѣ. См. главу III). Въ цѣляхъ расширенія этихъ наблюденій мы остановимся на нихъ и здѣсь, ибо именно въ разнообразіи повторенія одного и того же заключается вообще залогъ развитія ребенка, подобно тому, какъ въ упражненіи заключается главное условіе прочности усвоенія.

Мать прячетъ кубикъ въ свою руку и въ это время поетъ:

„Я руку вижу здѣсь одну,—
Гдѣ жъ кубикъ нашъ—я не пойму!“

Тогда мать направляетъ взоры и вниманіе ребенка на руку, и она рѣзко бросается ему въ глаза. Взоръ и ручки ребенка обнаружатъ стремленіе искать кубикъ. Тогда подъ вліяніемъ этого желанія рука, скрывающая его, открывается, и мать поетъ или говоритъ ребенку слѣдующее:

„Ай! Ой, ну!
Будь кубикъ сжатъ совсѣмъ рукою,—
Искали вмѣстѣ мы съ тобою,—
Но руку ты разжалъ одну,
Нашелъ сейчасъ его... Ну, ну!“

Здѣсь вниманіе ребенка обращается не только на заполненіе кубикомъ пзвѣстнаго пространства, но—исходя изъ общаго пространства, также и на его опредѣленную форму, которая сейчасъ же бросится ему въ глаза по сравненію съ рукой или въ противоположность видѣнной имъ сначала рукѣ. Однако форма кубика представлялась ему до сихъ поръ еще слишкомъ большимъ, слишкомъ многообразнымъ по своему составу цѣлымъ. Поэтому этотъ образъ необходимо прояснить, расчленивъ въ представленіи ребенка посредствомъ отдѣльныхъ, частичныхъ наблюдений.

Поэтому мать или какая другая воспитательница должна снова взять кубикъ въ руку, но такъ, чтобы одна его грань была видна изъ руки, и затѣмъ пѣтъ слѣдующія слова:

„Ты съумѣдъ одну открыть,—
Гдѣ жъ другія могутъ быть?“

(См. таблицу, рис. № 7).

Или же, еще болѣе сближая свойства кубика съ жизнью самого ребенка:

„Опъ на тебя глазкомъ глядитъ,
Самъ „Съ добрымъ утромъ“, говоритъ!“

Тогда ребенокъ взглядомъ или какими-нибудь внѣшними движеніями заставляетъ мать открыть руку, и она поетъ ему:

„Плоскость видѣлъ ты одну,
Пять другихъ рукой я жму!“

Или, имѣя въ виду приведенное выше второе наблюденіе:

„Рвался къ тебѣ онъ самъ собою,
Себя и выдѣлъ головою!“

Затѣмъ мать снова зажимаетъ кубикъ въ рукѣ, но оставляетъ наружи двѣ его грани. Она поетъ:

„Только двѣ теперь открылись...
Всѣ куда жъ другія скрылись?!..“

(См. изображеніе на таблицѣ № 8).

Или же мать беретъ руку ребенка и тихо поводитъ ея по обѣимъ наружнымъ сторонамъ кубика, напѣвая:

„Приласкай ему ты обѣ щечки нѣжно,—
Слишкомъ жмешь ты кубикъ нашъ прилежно“.

И затѣмъ, отрывая руку:

„Охватилъ рукой четыре стороны,
Только двѣ теперь тебѣ видны!“

Или, имѣя въ виду вышеупомянутое (второе) наблюденіе:

„Подойти къ малюткѣ кубикъ хочеть ближе,—
Снята цѣль съ него, на кубикъ посмотри же!“

Затѣмъ рука снова сжимается и кубикъ въ ней поворачивается такимъ образомъ, чтобы было видно, какъ можно, большее число его граней, которое, однако, обыкновенно, не превышаетъ трехъ. Во время самаго процесса поворачиванія кубика мать обращается какъ бы отъ лица самого кубика къ ребенку съ такими словами:

„Какъ я ни подниму, какъ кубикъ ни верчу я,—
Три стороны его лишь сразу покажу я!“

(См. изобр. на рис. № 9).

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо замѣтить, что встрѣчающіяся въ описанныхъ играхъ числовыя выраженія служатъ здѣсь только цѣлямъ звукового разнообразія по отношенію къ различнымъ вещественнымъ явленіямъ.

Упомянутая игра, въ которой кубикъ то прячется, то показывается и притомъ то весь, то по частямъ, сообщаетъ ребенку дальнѣйшее развитіе, доводя его въ послѣдствіи и притомъ въ теченіе точно опредѣленнаго періода времени при помощи взгляда и слова до яснаго наблюденія, до полного пониманія кубика, какъ нормальной формы большой части всѣхъ тѣлесныхъ и пространственныхъ отношеній.

Конечно, игра и побочныя обстоятельства въ дѣтской комнатѣ и на игральномъ столѣ будутъ переплетать въ пеструю смѣсь и причудливо нагромождать другъ на друга, то что нами до сихъ поръ было изложено здѣсь въ извѣстной послѣдовательности. Это такъ и должно быть. Но мать и воспитатель должны обладать внутри себя ясной наблюдательностью и полнымъ сознаниемъ не только того, что за спиной этой пестрой и полной случайностей игрой стоитъ опредѣленный, простой законъ, но и того, какой именно законъ кроется во всемъ этомъ и какъ онъ проявляется. При такихъ условіяхъ человѣчество, вѣряющее имъ своихъ дѣтей для рациональнаго ухода за ними, въ силу сохраняющагося въ скрытомъ состояніи наблюденія, черезъ посредство силы, дѣйствія и внутренней связи между духовными явленіями вообще, само по себѣ и своими собственными средствами дойдетъ въ свое время, но безусловно къ надлежащему сроку до молчаливаго предчувствія, признанія, что за причудливо и на видъ случайно нагроможденными другъ на друга явленіями жизни незамѣтно кроется великій и столь же простой, сколь и ясный законъ жизни.

Взрослый человѣкъ въ послѣдствіи тѣмъ болѣе будетъ въ состояніи предчувствовать, открывать и распознавать этотъ законъ жизни, что уже въ эпоху дѣтскихъ игръ и, конечно, попутно съ этими играми станетъ возможно познакомить его съ нѣкоторыми наблюденіями въ ихъ внутренней связи

и довести его такимъ образомъ до прозрѣнія скрывающагося за ними общаго закона, а также пробудить въ немъ предчувствіе этого закона уже въ дѣтствѣ и тѣмъ способствовать развитію въ немъ впоследствии предчувствія закона жизни въ зрѣломъ возрастѣ.

Предыдущія игры знакомили ребенка съ кубикомъ въ состояніи покоя, при чемъ сюда входили и простые, болѣе преходящіе, несущественные виды движенія, и притомъ по отношенію именно (какъ уже упомянуто) къ занимаемому имъ пространству и его формѣ. Но еще больше удовольствія доставитъ ребенку наблюденіе кубика во время его болѣе свободнаго, перемѣннаго движенія.

Простѣйшій видъ движенія—это качаніе и притомъ сначала опять въ первомъ положеніи, при которомъ выдѣляются при наблюденіи нижняя, основная и верхняя грани кубика, т.-е. когда шнурокъ, на которомъ качается кубикъ, прикрепленъ къ серединѣ одной изъ его граней.

Мать медленно качаетъ кубикъ и, стараясь привлечь сюда жизнь, вниманіе, ощущеніе ребенка, чтобы сблизить его съ этимъ движеніемъ, заставитъ, такъ сказать, его самого переживать то же самое, нараспѣвъ приговариваетъ:

„И влѣво и вправо
Качаться, качаться!
Тебя веселитъ я
Хочу и качаться!..“

(См. изобр. на рис. № 10 и сравни по отношенію къ положенію кубика съ рис. № 3).

Затѣмъ качаютъ кубикъ въ другомъ положеніи, именно въ такомъ, при которомъ одно изъ реберъ служитъ ему основаніемъ, а другое—верхушкой.

(См. изобр. на рис. № 11 и по отношенію къ положенію срв. съ рис. № 4 и № 5).

Въ цѣляхъ присоединенія такого же жизненнаго элемента, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, мать можетъ при этомъ напѣвать отъ лица кубика таянія слова:

„На длинной на веревкѣ
При всей своей сноровкѣ—

Качаться миѣ легко
То вблизи, то далеко“.

Точно такъ же качаютъ кубикъ въ третьемъ положеніи, при которомъ одна изъ вершинъ является его основаніемъ, а противоположная—верхушкой и такимъ образомъ выдвигается для наблюденія самая длинная его діагональ, самая длинная его ось. (См. рис. № 12 и срв. съ изобр. на рис. № 6). Устами матери кубикъ говоритъ ребенку:

„На одномъ висю углу,
Весь я вытянусь въ длину“.

Внимательные наблюдатели легко могутъ замѣтить при этомъ, какъ уже самый маленькій ребенокъ, для котораго и предназначены эти игры, даже не угадывая значенія словъ, схватываетъ, т.-е. не пропускаетъ незамѣченнымъ разнообразія формъ явленія и различныхъ впечатлѣній отъ внѣшности кубика въ разныхъ положеніяхъ.

Для взрослога человѣка, а особенно для ребенка важно, чтобы существенныя наблюденія вещей для него повторялись, какъ можно, чаще въ различныхъ формахъ и, если можно, въ опредѣленной послѣдовательности, чтобы ребенокъ съ раннихъ поръ научился различать существенное отъ несущественнаго и случайнаго и постоянное отъ переменнаго. Хотя и кажется, будто ребенокъ пропускаетъ переходящія явленія, не успѣвая ихъ замѣчать и познавать, однако впечатлѣнія отъ нихъ оказываются у него вѣрными и прочными и тѣмъ болѣе, чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе было ихъ повтореніе.

Итакъ, за эту игру уже дважды кубикъ былъ представленъ ребенку въ трехъ своихъ различныхъ существенныхъ положеніяхъ, при чемъ основаніемъ для него служили или грань (срв. № 3 и № 10) или ребро (срв. №№ 4, 5 и 11), или вершина (срв. № 6 и № 12) и при чемъ на первый планъ передъ другими выдвигалась въ первомъ случаѣ поперечная линія между поверхностями, или поверхностная ось, во второмъ — діагональ между крайними ребрами, или ось реберъ и въ третьемъ — діагональ между противоположными вершинами, или угловая ось кубика. Большое укрь-

пление и проясненіе этихъ наблюденій и составляетъ цѣль слѣдующихъ упражненій въ играхъ.

Для этой конечной цѣли въ игральномъ ящичкѣ въ особомъ футлярчикѣ находится вмѣстѣ съ двумя болѣе толстыми палочками, — употребленіе которыхъ будетъ объяснено впоследствии, — еще третья болѣе тонкая, которую можно было бы вставить въ каждое изъ трехъ отверстій, пробурованныхъ въ кубикѣ по тремъ указаннымъ главнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ, въ первомъ изъ упомянутыхъ случаевъ получается какъ бы удлинненная поперечная ось кубика, выдающаяся на равныя разстоянія надъ каждой изъ его параллельныхъ граней. Одинъ конецъ ея ставится на поверхность стола, а другой поддерживается (въ вертикальномъ положеніи) большимъ и нѣсколько согнутымъ указательнымъ пальцемъ лѣвой руки. Тогда кончиками пальцевъ правой руки двигаютъ и поворачиваютъ за верхній конецъ палочки кубикъ вокругъ самого себя. При этомъ кубикъ какъ бы говоритъ отъ своего лица въ повелительномъ тонѣ ребенку, заставляя его обратить вниманіе на перемѣну явленія подѣ влияніемъ вращательнаго движенія:

„Вкругъ оси поверти-ка,
Мой валикъ разглядн-ка!“

(См. рис. № 13 на таблицѣ).

Взоры и вниманіе ребенка сильно приковываются какъ самимъ движеніемъ, такъ особенно наблюденіемъ получающейся при этомъ совершенно новой формы и внѣшности, въ которой является кубикъ вслѣдствіе движенія, а также и тѣмъ, что именно это вращательное движеніе кубика вокругъ самого себя какъ бы сливаетъ его вершины въ одну сплошную круговую линію, а ребра — въ сферическую поверхность. Кубикъ какъ бы отъ себя говоритъ:

„Когда меня пальцы вращаютъ
Всѣ ребра, углы исчезаютъ“.

Точно такимъ же образомъ можно выдвинуть на первый планъ одну изъ діагоналей между ребрами, или одну изъ

осей реберъ и какъ бы удлинить ее, проткнувши ту же самую палочку сквозь кубикъ отъ одного ребра до противоположнаго ему параллельнаго другого и, вращая кубикъ вокругъ этой оси, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ. (См. рис. № 14). Устами матери кубикъ поетъ ребенку:

„Поворачивай вокругъ оси,—
Кругъ увидишь ты прекрасный!
Если это такъ забавно—
Уступлю тебѣ охотно“.

Наконецъ, можно выдвинуть угловую діагональ или угловую ось и вращать вокругъ нея кубикъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ.

Тогда поютъ ребенку какъ бы отъ лица кубика:

„Вкругъ двухъ угловъ вращая—вдуть,
Увидишь много новыхъ штукъ.
Если радую собою—
Оба рады мы съ тобою!“

(См. изобр. на рис. № 15).

Въ предыдущей игрѣ кубикъ приводился въ движеніе рукой при посредствѣ шнура или палочки, но можно также двигать его непосредственно самой рукой, подвѣсивши его предварительно на шнуркѣ, какъ выше мы уже поступали съ шаромъ. (См. рис. № 16).

Тому явленію, которое въ данномъ случаѣ наблюдаетъ ребенокъ, уста матери даютъ слѣдующее словесное выраженіе:

„Пальцы кубикъ обнимаютъ;
Онъ вертѣтся начинать“.

Или же кубикъ самъ отъ себя говорить:

„Крѣпко ихъ сожми вдвойнѣ,
Такъ вертѣтся лучше мнѣ!“

Далѣе, если подвѣсить кубикъ на двойномъ шнуркѣ (см. рис. № 2) и, сплетши довольно плотно оба шнура въ одинъ, поставить его на столъ, то можно, поднимая его обѣими руками за оба конца шнура, заставить его раскручиваться въ направленіи, обратномъ закручиванью шнура. При этомъ

процессъ раскручивающаго можно нѣсколько ускорить, медленно удаляя концы шнура въ горизонтальномъ направленіи другъ отъ друга, однако такъ, чтобы обѣ части его оставались натянутыми. Когда шнурокъ раскрученъ, кубикъ еще долго продолжаетъ вертѣться и шнуръ снова будетъ закручиваться въ противоположномъ направленіи. Чтобы ускорить это движеніе, надо опять постепенно плотно приблизить другъ къ другу концы шнура, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кончики пальцевъ обѣихъ рукъ, пока шнуръ снова не сплетется па всемъ протяженіи. Когда это достигнуто, и кубикъ снова начнетъ вертѣться въ противоположную сторону, то снова должно начаться медленное разведеніе и сведеніе концовъ шнура, благодаря чему достигается постоянное его сплетеніе и расплетеніе и постоянное вращательное движеніе кубика попеременно то въ правую, то въ лѣвую сторону, которое затѣмъ уже и продолжается до тѣхъ поръ, пока оно доставляетъ удовольствіе ребенку и его товарищамъ по игрѣ. Поэтому мать выражаетъ словесно наблюдаемое ребенкомъ явленіе такимъ образомъ:

„Безъ конда моя забава,
И качаюсь влѣво, вправо!“

(Срв. изобр. на рис. № 2).

Но все то, что продѣлывалось съ кубикомъ, подвѣшеннымъ за средину одной изъ его граней, или въ плоскостномъ его положеніи, можно продѣлать съ нимъ и тогда, когда онъ подвѣшенъ за одно изъ своихъ реберъ, а также и за одну изъ его вершинъ. Такимъ образомъ и здѣсь кубикъ является передъ ребенкомъ, при постоянно измѣняющемся вращательномъ движеніи, во всѣхъ трехъ своихъ главныхъ положеніяхъ, какъ показываетъ наставленіе для игръ съ мячомъ (см. выше стр. 70—71). Точно такъ же съ нимъ воспроизводятся движенія катанія и качанія, которыя указаны по отношенію къ мячу на стр. 70—74.

Хотя теперь въ общихъ чертахъ закончено изложеніе всевозможныхъ видовъ, отношеній и дѣятельности, въ которыхъ шаръ и кубикъ, каждый въ отдѣльности, фигурируютъ

передъ вашимъ ребенкомъ въ игрѣ и въ качествѣ игрушки; но этимъ отнюдь не исчерпывается еще все множество возможныхъ комбинацій (разновидностей), какъ и вообще оно не должно исчерпываться въ наставленіяхъ для игры, чтобы оставалось изобрѣсти и дать отъ себя кое-что для самой жизни.

Подобно тому, какъ до сихъ поръ шаръ и кубикъ были использованы для игры съ ребенкомъ поодинокѣ, точно такъ же ихъ можно употреблять для той же цѣли во всевозможныхъ сочетаніяхъ между собою. Мы упоминали здѣсь только объ одномъ самомъ важномъ изъ этихъ сочетаній, а именно о томъ, что кубикъ трудно и даже вовсе невозможно поставить на шаръ, тогда какъ шаръ, наоборотъ, легко поставить на кубикъ.

Это сочетаніе, какъ постоянное и прочно установленное, даетъ кое-что существенное: именно, шаръ одинъ по своему внѣшнему виду является какъ бы тѣлеснымъ выраженіемъ легко подвижнаго, тогда какъ кубикъ самъ по себѣ является тѣлеснымъ выраженіемъ постояннаго, неподвижнаго. А въ упомянутомъ соединеніи они являются оба тѣлеснымъ выраженіемъ одушевленнаго, живого и именно живого, способнаго къ самостоятельной свободной дѣятельности, отдаленно напоминающаго даже тѣлесное выраженіе самого человѣка.

Извѣстно, что ребенокъ съ раннихъ поръ интересуется круглыми и пестрыми камешками, отыскиваетъ и собираетъ ихъ. Конечно, онъ интересуется тѣлами прямолинейными и прямолинейными, въ особенности же имѣющими форму кубика или бруска. Онъ старается складывать первыя другъ съ другомъ и другъ на друга, а послѣднія носить и обращается съ ними уже, какъ съ куклами. И вотъ, если соединить съ продолговатымъ тѣломъ шарообразное, то оно тотчасъ пріобрѣтаетъ для ребенка значеніе и становится странственнымъ выраженіемъ живого и именно живого человѣка.

При этомъ можетъ казаться, я смѣло утверждаю это, будто ребенокъ уже рано носить въ себѣ задатки, хотя и неяснаго,

представленія о существѣ человѣка и его назначеніи, состоящемъ въ томъ, что онъ самъ по себѣ и своими собственными средствами разрѣшаетъ и уподобляетъ въ жизни противоположность постояннаго и неподвижнаго съ одной стороны и двигающагося и подвижнаго съ другой и, обыкновенно, представляетъ ихъ въ жизни, уподобляя другъ другу.

Соединеніе шаровой и прямолинейной формы тѣмъ болѣе является для ребенка выраженіемъ человѣческаго существа, что тѣло, имѣющее форму бруска, отличающагося отъ кубическаго и прямолинейнаго, приближается къ плоскогранному продолговатому тѣлу и именно со скошенными книзу гранями. Но когда ребенокъ забавляется съ куклой, то значительно большую роль при этомъ играетъ смутное и переносное (метафорическое) внутреннее воспріятіе жизни или, скорѣе, непосредственное собственное чувство жизни, чѣмъ внѣшнее наблюденіе, сравнивающее настоящаго младенца (въ пеленкахъ) съ повитой куклой; ибо, хотя бы ребенка самого никогда не пеленали и хотя бы онъ никогда не видѣлъ повитаго младенца, онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ заниматься со своей повитой куклой. Такимъ образомъ, удовольствіе, испытываемое ребенкомъ при игрѣ съ куклой, имѣетъ гораздо болѣе глубокую внутреннюю причину и болѣе связанное съ существомъ человѣка духовное основаніе, чѣмъ, обыкновенно, предполагаютъ, и ни въ коемъ случаѣ не основано только на внѣшнемъ сравненіи и сходствѣ формы. Поэтому эту забаву съ куклой необходимо осторожно поддерживать и разумно развивать въ ребенкѣ. На этой забавѣ въ ребенкѣ развивается много человѣческихъ качествъ, такъ какъ, благодаря ей, для него самого и его разумно-наблюдательныхъ родителей и воспитателей становится доступно и понятно его собственное существо. Такимъ путемъ, на игрѣ въ куклы и черезъ посредство этой игры обнаруживается духовная разница въ опредѣленіи и жизни между мальчикомъ и дѣвочкой. Мальчика будетъ долѣе занимать игра съ шаромъ и кубикомъ, какъ съ отдѣльными и противоположными другъ другу предметами, тогда какъ дѣвочка, напротивъ, рано заинтересуется внутреннею объединяющею

въ себѣ противоположности шара и кубика куклой. Внутреннее значеніе этого факта заключается въ томъ, что мальчикъ рано предвидитъ и чувствуетъ свое назначеніе — властвовать надъ внѣшней природой и проникать въ ея тайны, а дѣвочка—свое—уходъ за природой и жизнью. Впослѣдствіи это различіе выступаетъ еще яснѣе;—а именно: объединеніе шарообразной и прямолинейной формы въ глазахъ дѣвочки становится куклой, ребенкомъ въ игрѣ, тогда какъ въ глазахъ мальчика соединеніе того и другого въ локтѣ матери или въ палкѣ отца становится лошадкой, конькомъ; при чемъ это послѣднее выражаетъ назначеніе мальчика, какъ мужчины—господствовать въ жизни и проникать въ ея тайны, а первое выражаетъ назначеніе дѣвочки, какъ женщины—уходъ за жизнью.

Мы сознаемъ необходимость рекомендовать родителямъ и воспитателямъ съ раннихъ поръ наблюдать всѣ явленія, въ жизни ребенка, всѣ проявленія жизни у него наблюдать именно съ этой точки зрѣнія, сообразуясь съ наиболее внутренними и духовными процессами въ немъ. Счастье дѣтямъ, пользующимся такимъ воспитаніемъ! да живутъ въ мирѣ и радости родители, способствующие этому! Пусть намъ не возражаютъ: какъ это могутъ проявляться противоположности и отношенія въ родѣ указанныхъ нами, которыя при-сущи скорѣе вполне зрѣлому, мыслящему и способному къ сравнительному наблюденію уму, уже въ дѣтскомъ возрастѣ похожемъ на состояніе дремоты? На это мы возразимъ снова тѣмъ же, что уже высказывалось нами въ другихъ мѣстахъ. Если бы уже въ ребенкѣ не было задатковъ этихъ способностей, если бы эти данныя не жили, не дѣйствовали и не опредѣляли жизни человѣка уже въ дѣтскомъ возрастѣ, то онѣ не могли бы появиться въ немъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Развѣ не проявляется уже въ каждомъ зернѣ дерева, прозябающемъ въ землѣ, полная жизнь дерева, полная жизнь растенія? Точно такъ же и въ каждомъ ребенкѣ, способномъ уже къ проявленіямъ кое-какой дѣятельности, въ каждомъ ея проявленіи дѣйствуетъ уже вся совокупность жизненныхъ условій человѣка и даже человѣчества.

На этомъ мы должны пока покончить съ нашимъ разсужденіемъ о значеніи соединенія шара и кубика, шарообразной и продолговато-прямолинейной формы и остальное, что еще можно сказать по этому поводу, именно по отношенію къ собственному изобразительному искусству представленія въ тѣлесной формѣ, отложить до того мѣста, гдѣ мы собираемся говорить о куклѣ и лошадкѣ, какъ первыхъ игрушкахъ пробуждающейся жизни мальчика и дѣвочки.

Послѣ этого все-таки только кажущагося отступленія мы снова возвращаемся къ интересующей насъ ближайшимъ образомъ игрѣ съ шаромъ и кубикомъ. Но намъ было бы желательно, чтобы высказанныя здѣсь соображенія достигли своей цѣли, столь важной для всей жизни и правильного развитія человѣка, заставили бы разсматривать жизнь ребенка и ея явленія, какъ въ ихъ собственномъ, истинномъ и глубокомъ внутреннемъ значеніи, такъ и въ ихъ отношеніи къ общей жизни, смотрѣть на дѣтскій возрастъ, какъ на важнейшую ступень во всемъ развитіи человѣка и человѣчества, даже болѣе, какъ на ступень развитія духовнаго начала самого по себѣ, божественнаго начала въ земныхъ и человѣческихъ формахъ.

Въ предыдущихъ играхъ кубикъ изображался по большей части не только вообще надѣленнымъ способностью рѣчи, но даже говорящимъ ребенку отъ своего лица. Это основано на дѣтски вѣрномъ слѣдованіи законамъ природы, міра вещественнаго и жизни, по которымъ каждый предметъ уже однимъ своимъ явленіемъ говорить, хотя и нѣмымъ языкомъ, человѣку, а тѣмъ болѣе ребенку самъ по себѣ или отъ своего лица (метафорически), чтобы соединить, такъ сказать, свою жизнь съ жизнью ребенка. Поэтому очень важно, какъ для внѣшняго, такъ особенно для внутренняго развитія ума и характера человѣка, чтобы не только окружающіе его предметы своимъ явленіемъ говорили ему яснымъ языкомъ, но такъ же, чтобы человѣкъ уже съ ранняго дѣтства былъ доведенъ до воспріятія этого нѣмого языка, и даже умѣлъ толковать его, какъ себѣ, такъ и другимъ. Поэтому ближайшимъ образомъ заботливая мать, оставаясь

вѣрной своему человѣческому чутью, въ своемъ участливомъ отношеніи къ ребенку рано должна подыскать и настоящую форму для этого нѣмого, доступнаго только зрѣнію языка, дать ему подходящее выраженіе въ звукѣ, словахъ и пѣніи, чтобы посредствомъ звука и словъ сдѣлать доступною для ребенка нѣмую, неподвижную, беззвучную жизнь (неодушевленныхъ предметовъ), чтобы онъ все больше и больше научался находить, чувствовать и распознавать въ ней свою собственную жизнь, и чтобы такимъ образомъ его игра, а черезъ нее и окружающіе его предметы, наконецъ, природа и вселенная становилась зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ его самого и его жизнь. Вступать на этотъ путь никогда не рано, чтобы ребенокъ съ самаго перваго проявленія развивающагося въ немъ чувства жизни росъ въ этомъ непрерывномъ взаимоотношеніи и взаимномъ сравненіи съ природой, жизнью и со всей вселенной, и чтобы онъ, изображая свою собственную жизнь въ видѣ и въ качествѣ образа, находящагося внѣ его, умѣлъ бы и обратно наблюдать этотъ образъ въ внѣшнемъ мірѣ.

Далѣе, очень существенно обратить вниманіе заботливыхъ и разумныхъ воспитателей еще и на то (мы уже подчеркивали этотъ фактъ въ главѣ о мячѣ), что шаръ и кубикъ, а также и все, что съ помощью ихъ изображается, даютъ и должны давать только норму, только нормальныя, основныя, символическія наблюденія и изображенія, которыя могутъ быть получены и съ помощью другихъ предметовъ, могутъ быть отысканы и на другихъ предметахъ, и насколько представляется къ тому возможность въ обстоятельствахъ и жизненныхъ условіяхъ, должны быть найдены и изображены съ помощью ихъ.

Но дать человѣку съ раннихъ поръ и уже въ дѣтскомъ возрастѣ нѣчто нормальное по отношенію къ нему самому и жизни и по отношенію къ взаимодействию ихъ между собою какъ бы въ видѣ масштаба для соединенія и сравненія ихъ въ высшей степени для него важно, во-первыхъ, чтобы онъ умѣлъ отличать во всемъ особенное и частное отъ общаго и цѣлаго, а во-вторыхъ, чтобы онъ научился

дѣлать заключенія отъ одного къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь для человѣка невозможно познать каждый отдѣльный предметъ во всѣхъ его отношеніяхъ, невозможно все съ одинаковой основательностью и всесторонностью подвергнуть своему наблюденію, познанію и изученію. Но если онъ проштудируетъ и постигнетъ, хотя одинъ только предметъ, но совершенно, то тѣмъ самымъ онъ научится основательно понимать и все остальное. Если, напр., человѣкъ основательно постигнетъ во всѣхъ отношеніяхъ мячъ, шаръ и кубикъ (которые, въ свою очередь, составляютъ нѣчто единое въ трехъ видахъ), какъ замѣстителей, какъ норму и притомъ какъ основную форму всѣхъ пространственныхъ отношеній, а также данныхъ и требуемыхъ ими предметовъ, то тѣмъ самымъ онъ станетъ способенъ легко постигать, наблюдать и толковать и все остальное, даже отдѣльные единичные предметы съ такою же основательностью и во всѣхъ ихъ отношеніяхъ и подробностяхъ, такъ какъ онъ научился уже наблюдать многообразіе въ простыхъ формахъ, множественность въ единствѣ и наоборотъ, и т. д.

Но дать въ руки ребенку какую-нибудь простую и въ то же время вполне исчерпывающую его потребности и всестороннюю норму, въ которой онъ могъ бы легко узнавать всякій другой предметъ, и научить его владѣть и распоряжаться ею—это и значитъ восполнить недостатокъ, такъ сильно .ощущаемый еще и теперь человѣкомъ съ ранняго возраста, какъ въ средствѣ для наблюденія и обученія, такъ и въ средствѣ для всесторонняго саморазвитія и самовоспитанія.

Для разъясненія того, какимъ образомъ шаръ и кубикъ могутъ служить нормой и какъ при помощи ихъ можно опредѣлять различные предметы въ окружающей ребенка обстановкѣ, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Передъ ребенкомъ на столѣ находится книга. Ее можно или положить на одну изъ ея широкихъ сторонъ, или поставить на одну изъ самыхъ маленькихъ граней, или на ея продольный разрѣзъ. Въ каждомъ изъ этихъ положеній возможны въ свою очередь три комбинаціи. Такъ, напр., въ

первомъ положеніи книга можетъ быть обращена къ ребенку или корешкомъ, или своимъ продольнымъ, или же поперечнымъ разрѣзомъ. Также, если она стоитъ на одной изъ своихъ самыхъ маленькихъ граней, она можетъ быть обращена къ ребенку или корешкомъ, или продольнымъ разрѣзомъ, или одной изъ своихъ широкихъ граней, или крышекъ.

Каждому изъ этихъ положеній, равно какъ и всякому другому, мать или вообще взрослый человѣкъ, играющій съ ребенкомъ, можетъ сейчасъ же дать и соответствующее словесное выраженіе, напр., для книги, обращенной къ ребенку корешкомъ и заголовкомъ:

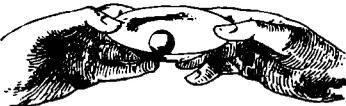
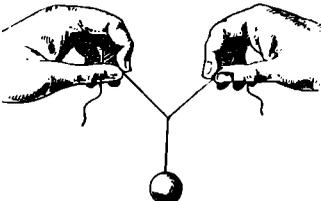
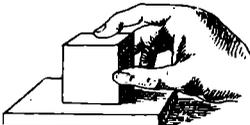
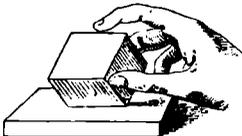
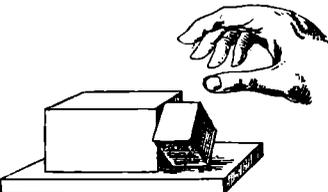
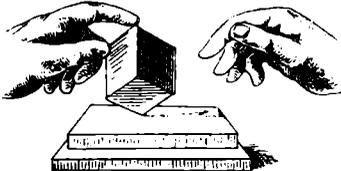
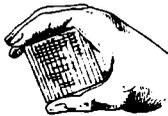
„Что есть во миѣ,—къ чему скрывать,—
Все можно по япцу узнать“.

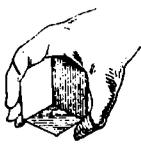
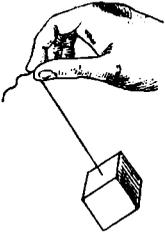
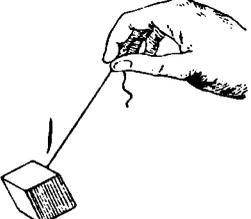
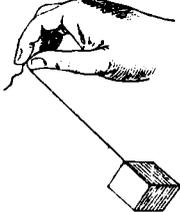
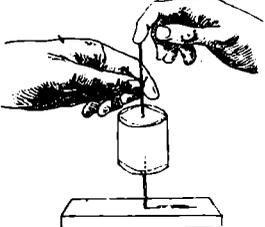
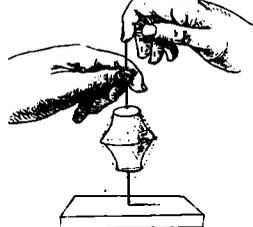
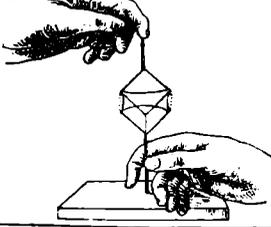
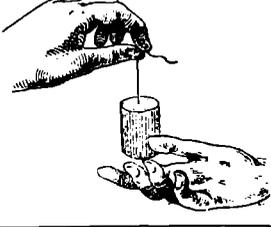
Прямоугольный ящикъ, если его поставить на одну изъ вершинъ, можно заставить вращаться вокругъ вершинной діагонали:

„На полу ты отдохнулъ ужъ,—слава Богу,—
Снова можешь приподняться понемногу!“

Такъ разумная мать поступаетъ со всякимъ предметомъ, который она преподноситъ ребенку. И такимъ образомъ, на различныхъ предметахъ, окружающихъ ребенка, можно въ раздѣльномъ видѣ и поодиночкѣ наблюдать все то, что является въ кубикѣ въ составномъ и объединенномъ наблюденіи (видѣ).

Такимъ образомъ, могутъ чередоваться единичныя наблюденія надъ различными предметами съ наблюденіемъ нормы на шарѣ и кубикѣ, какъ это бываетъ и въ жизни и требуется условіями даннаго момента, и какъ чередуются въ свою очередь причудливо нагроможденные другъ на друга единичныя изображенія, если это допускаетъ покойное состояніе ребенка, съ воспроизведеніемъ систематически расположенныхъ маленькихъ рядовъ, напр., №№ 7, 8, 9; №№ 3, 4, 5, 6. Во всякомъ случаѣ, ребенокъ мало-по-малу, прогрессируя въ своемъ собственномъ развитіи, въ теченіе игры и съ помощью ея, доходитъ сначала до предполо-

<p>1.</p> 	<p>2.</p>
<p>Кругомъ, кругомъ Это—не бездѣлье! Кругомъ, кругомъ! Это ль не веселье?! Ну вертись, веселись!</p>	<p>Какъ я кружусь, какъ шаръ катаю, Всѣхъ любоваться приглашаю.</p>
<p>3.</p> 	<p>4.</p>
<p>Стой, твердо стой! Стой, кубикъ мой!..</p>	<p>Сюда начнется онъ, туда,— Стоять не любить никогда.</p>
<p>5.</p> 	<p>6.</p>
<p>На ножкѣ онъ стоитъ,— Кто жь дѣлать такъ велитъ?</p>	<p>На одной ногѣ стою.— И верчусь—не устаю.</p>
<p>7.</p> 	<p>8.</p>
<p>Ты сумѣлъ одну открыть, Гдѣ жь другія могутъ быть?</p>	<p>Только двѣ теперь открылись... Всѣ куда жь другія скрылись?</p>

<p>9.</p> 	<p>10.</p>
<p>Какъ я ни подниму, какъ кубикъ ни оерчу я, Три стороны его лишь сразу покажу я!</p>	<p>Влѣво и вправо Качаться, качаться! Тебя веселитъ я Хочу и качаться!</p>
<p>11.</p> 	<p>12.</p>
<p>На длинной на веревкѣ При всей своей споривѣ— Качаться мнѣ легко То влѣва, то вправо.</p>	<p>На одномъ виса углу, Весь я вытянусь въ длину.</p>
<p>13.</p> 	<p>14.</p>
<p>Вкругъ оси поверни-ка, Мой валикъ разгляди-ка!</p>	<p>Поворачивай вкругъ оси— Кругъ увидишь ты прекрасный!</p>
<p>15.</p> 	<p>16.</p>
<p>Вкругъ двухъ угловъ вращай—и вдругъ Увидишь много новыхъ штукъ.</p>	<p>Крѣпче ты сожми вдвойнѣ, Такъ вертѣтся лучше мнѣ!</p>

женія, потомъ до наблюденія и, наконецъ, до познанія единства, постоянства и законмѣрности и даже до познанія тождества законовъ всякаго развитія. А эти познанія и примѣненія ихъ въ собственной жизни существенно необходимы для человѣка, въ особенности впоследствии, въ зрѣломъ возрастѣ для постиженія смысла и цѣли въ жизни. Для него важно также, чтобы уже въ дѣтствѣ, съ раннихъ поръ ему удалось самому пережить игры и постигнуть при посредствѣ игры по отношенію какъ къ своему внутреннему, такъ и внѣшнему міру слѣдующее: какъ изъ единства получается многообразіе, множественность, все, и какимъ образомъ множественность и многообразіе въ концѣ концовъ снова открывается и разрѣшается въ единствѣ.

Пѣсни для игры съ шаромъ и кубикомъ.

№ 1.

Кру-гомъ, кру-гомъ! вер-чусь я, кру-жусь; вмѣ-стѣ ты со мно-ю

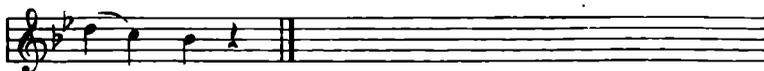

по-кру-жись, по - ве - се - лись! по-кру-жись по - ве - се - лись!

№ 2.

Сколь-ко ни кру - жу - ся я, фор-му ша-ра всё-же со-хра-

ню все - гда.

№ 3.

Те - перь уй - мись, ос - та - но - вись!

Поперемѣнно можно пѣть и:

Ахъ ку - бикъ мой, ско - рѣ - е стой!

Для продолженія движенія при помощи двиганія, можно затѣмъ пѣть:

Дви-нешь ты ру - кой ме-ня, какъ рань-ше за - кру - жу - ся я!

№ 4.

Ужъ ста-ло ша-рикъ мой ка-чать, не мо-жетъ боль-ше у-сто-ять.

№ 5.

На од - ной но-гѣ сто - ить шаръ, кто ъ-то объ-яс - нить?

№ 6.

Какъ кру-жить-ся лег-ко мнѣ, сто - я на од-ной но - гѣ!

№ 10.

Что - бы бы - ло ве - се - лѣ - е по-кру-жусь я

по-вер-чусь ско - рѣ - е.

№ 11.

На длин - ной на ве - рев - кѣ, при всей сво - ей сно-

ров - кѣ, ка - чать-ся мнѣ лег - ко, то вблизь, то да - ле - ко, ка-

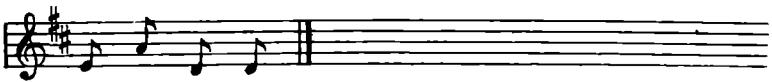

чать - ся мнѣ лег - ко, лег - ко.

№ 12.

На од - номъ ви - шу уг - лу я, вы - тя-нись во

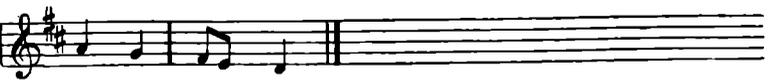

всю дли - ну я!

№ 17.

То я вира-во, то я влѣ-во, по-кру - жу-ся,

ве - се - лю - ся.

№ 18.

Я кру-жу - ся въ кру-гу, вря-мо что кри-вымъ ка - жу

№ 19.

Го - ры и до - лы мо-жешь у-ви - дать, —, дол-женъ ме-

ня лишь по - вра - щать.

№ 20.

Я ве - се - ло такъ тан - цу - ю, дру - зья, что

ве - се - лѣй ни - какъ нель - зя!

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько пѣсень Генриха Лангеталя.

Первая изъ нихъ сопровождаетъ игру, состоящую въ томъ, что шарикъ или даже кубикъ попеременно то бросается вверхъ, то опускается внизъ.

Эта игра не только напоминаетъ ребенку много наблюдений изъ природы, которыя всплываютъ въ его памяти сейчасъ же при легкомъ о нихъ напоминаніи, но и заставляютъ его вглядываться въ его собственную жизнь, въ исполняемыя уже имъ игры. Онъ даетъ поводъ ребенку, когда онъ, какъ это часто бываетъ, занимается подобной же игрой, напр., когда онъ попеременно спрыгиваетъ со скамейки, или

со ступеньки, п съ камня и т. п. и снова влѣзаетъ на нее сопровождать эту игру такой же пѣсней. Тогда онъ вспоминаетъ о шарѣ или кубикѣ и о своихъ играхъ съ ними, можетъ вспомнить также о птицахъ, какъ и онѣ дѣлають то же самое, и въ его душѣ переплетаются такимъ образомъ различныя представленія, мысли и чувства, и это дѣлаетъ его жизнь осмысленной. Эту пѣсню можно примѣнять также и при свободныхъ движеніяхъ съ пѣніемъ; дѣти наглядно изображаютъ обѣими руками движеніе вверхъ и внизъ при горизонтальномъ положеніи рукъ и при этомъ сами немного наклоняются всѣмъ своимъ тѣломъ.

Вторая пѣсня относится къ игрѣ, состоящей въ раскачиваніи шара или кубика въ разныя стороны, въ особенности по направленію къ ребенку п вдаль отъ него.

И эта пѣсенка помогаетъ ребенку связать и объединить своей жизнью представленія о многихъ видахъ движенія, попадающихся ему въ жизни. И она можетъ примѣняться также при свободныхъ движеніяхъ: дѣтей заставляютъ отвести въ горизонтальномъ положеніи отъ груди сначала правую руку и опустить ее затѣмъ на свое мѣсто, потомъ то же продѣлывается съ лѣвой рукой. Вообще очень важно для дѣтей, чтобы каждое движеніе, какъ, напр., вверхъ и внизъ какъ въ предыдущей игрѣ, или впередъ и назадъ, какъ въ этой игрѣ, воспроизводилось и наблюдалось ими въ нѣсколькихъ разновидностяхъ. Такимъ путемъ очень цѣлесообразно обосновывается и пробуждается въ ребенкѣ представленіе объ общемъ и частностяхъ, въ которыхъ проявляется и осуществляется общее. Легко замѣтить, насколько это согласно со всей природой, въ которой повсюду общее проявляется при посредствѣ частныхъ.

Третья пѣсня сопровождаетъ кругообразное размахиванье шаромъ или кубикомъ.

То, что сказано о предыдущихъ пѣсняхъ, имѣетъ свое назначеніе и здѣсь.

Ее прекрасно можно употреблять при свободныхъ движеніяхъ, заставляя дѣтей кругообразно махать или правой, или лѣвой рукой и притомъ или впередъ или назадъ.

Четвертая пѣсня относится къ игрѣ, которую я уже описывалъ раньше въ примѣненіи къ мячу, и которая одинаково примѣнима и къ шару и даже къ кубику. Берется шнурокъ. На одномъ его концѣ завязывается узелъ, чтобы онъ не могъ проскочить къ ушко (шарика). Затѣмъ, вращательнымъ движеніемъ заставляютъ шнурокъ вмѣстѣ съ шарикомъ наматываться на вытянутый палецъ. При этомъ длина шнурка и быстрота движенія рассчитываются такъ, чтобы шарикъ подошелъ къ пальцу вмѣстѣ съ концомъ пѣсни.

Эту пѣсню можно примѣнять также въ шутовскомъ тонѣ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣтямъ. Для это нужно стать совершенно спокойно поближе къ ребенку, и, глядя на него въ упоръ, спѣть эту пѣсенку. При послѣднихъ словахъ пѣсенки нужно внезапно наклониться совсѣмъ близко къ ребенку. Внезапность доставитъ удовольствіе ребенку и вообще познакомитъ его съ мыслью о томъ, что въ жизни часто съ человѣкомъ случается что-нибудь совершенно неожиданно и внезапно.

Одинъ ребенокъ, услышавши эту пѣсенку и увидѣвши сопровождавшую ее игру, сказалъ: „Это говоритъ шарикъ пальцу, такъ какъ это онъ подошелъ къ пальцу“.

Учитель отвѣтилъ ему на это: „Конечно. Такъ пусть шарикъ навсегда останется привязаннымъ къ пальцу?“ Тогда всѣ сказали: „Нѣтъ“.— „Ну, такъ слушайте же, что будетъ дальѣе говорить шарикъ пальцу“: „Позволь мнѣ свободно“ и т. д. Это 5-я пѣсня. Пока она поется, шарикъ снова раскручивается съ пальца и затѣмъ раскачивается въ свободномъ пространствѣ.

Это пѣсня даетъ возможность ребенку предвкушать радость, которую испытываетъ человѣкъ при свободномъ движеніи, основанномъ на опредѣленномъ законѣ, такъ какъ такое движеніе всегда прекрасно.

Шестая пѣсня относится къ игрѣ, состоящей въ кругообразномъ катаніи шарика на довольно длинномъ шнуркѣ по самому полу.

Какъ только закончены слова пѣсни, эта игра подготавливаетъ насъ къ слѣдующей: шарикъ поднимаютъ на шнур-

кѣ вверхъ, и тотчасъ онъ начинаетъ быстро вращаться вокругъ самого себя въ противоположномъ направленіи. Ребенку даютъ нѣкоторое время наблюдать это движеніе и затѣмъ начинаютъ седьмую пѣсенку.

Эту пѣсню можно примѣнять и при свободныхъ движеніяхъ, заставляя дѣтей вертѣться вокругъ самихъ себя. Здѣсь привходитъ нѣчто новое, а именно необходимо ходить (ступать) тихо и безшумно, а для этого нужно, чтобы движеніе совершалось на кончикахъ пальцевъ (на цыпочкахъ). Кроме того, оно продолжается долѣе, чѣмъ при предыдущихъ нѣсеняхъ. Такимъ образомъ, этотъ видъ движенія въ сравненіи съ предыдущимъ является шагомъ впередъ въ двухъ отношеніяхъ. При обѣихъ играхъ въ особенности важно требовать и заставлять въ точности выполнять каждый видъ движенія то вправо, то влѣво. Для этого нужно потребовать, чтобы сначала всѣ подняли вверхъ правую руку, затѣмъ объяснить, что каждый долженъ кружиться по направленію къ этой рукѣ, и что такимъ образомъ онъ будетъ вертѣться на право кругомъ. Если это пройдетъ хорошо, то потребовать продѣлать то же съ лѣвой рукой. Определенность выполнения этого упражненія съ различеніемъ правой и лѣвой стороны важна и въ другомъ отношеніи, такъ какъ вниманіе ребенка, какъ въ области чувства, такъ и въ области мысли сосредоточивается при этомъ на себѣ самомъ: онъ долженъ все время чувствовать, гдѣ у него правая сторона, и воспринимать это своимъ сознаніемъ. Но въ обоихъ упражненіяхъ ребенокъ долженъ чувствовать такъ же, какъ каждое соприкосновеніе съ сосѣдомъ стѣсняетъ его въ его круженіи, въ особенности если дѣти расположены нѣсколько близко другъ къ другу. Легкій намекъ на это сейчасъ же можетъ обнаружить это неудобство. Поэтому вслѣдъ за этимъ упражненіемъ можно устроить другое, въ которомъ при круженіи одного участника игры вправо другой, именно его ближайшій сосѣдъ будетъ кружиться влѣво. Тогда всякое прикосновеніе сосѣда окажется способствующимъ движенію, и такимъ путемъ для ребенка получаетъ обоснованіе пониманіе того воззрѣнія, съ которымъ ему при-

дется неоднократно столкнуться впоследствии въ области механическихъ работъ.

Вполнѣ согласно съ характеромъ игры вообще, что, поигравши нѣкоторое время съ шаромъ и желая перейти къ кубику или наоборотъ, оставляемый шаръ или кубикъ не просто откладываютъ въ сторону, не удѣливши ему никакого вниманія и не произнеши при этомъ ни одного звука, а провожаютъ его, какъ бы на покой, какъ и самого ребенка. При этомъ поется восьмая пѣсенка.

Эту пѣсню можно также чередовать съ другой, девятой пѣсенкой.

Подобныя пѣсни даютъ поводъ ребенку наблюдать, какъ бы въ зеркалѣ, свою собственную жизнь при концѣ дня, а также наблюдать у шара или кубика требованіе и желаніе предаться покою, чтобъ онъ и самъ испытываетъ по поводу того, что его требованіе удовлетворяется, и, наконецъ, ощущать въ себѣ самое расположеніе къ шару, такое же расположеніе, какое и онъ самъ испытываетъ на себѣ отъ своихъ родителей, въ особенности при отходѣ ко сну. Но точно такъ же, когда онъ и самъ отправляется на покой, его можно заставить подумать въ свою очередь о шарѣ и кубикѣ, возобновить въ его памяти тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ игры съ ними и вообще пережилъ за день, съ любовью подумать о своей прекрасной жизни и такимъ образомъ предаться отдыху въ мирномъ и радостномъ настроеніи. Тамъ, гдѣ ребенокъ, предаваясь сну, опускается на руки въ настроеніи любви и мира, силы небесныя находятъ широко раскрытыя двери, чтобы щедро излить свое благословеніе въ сердце малютки. Такимъ образомъ, небо или, что одно и то же, природа, ея жизнь и законъ, идутъ рука объ руку съ истинной любовью родителей и учителей.

Но точно такъ же существенно и вполнѣ соответствуетъ общему характеру дѣтскихъ игръ, если мы будемъ переходить къ стоящему теперь на очереди кубику съ такимъ же вниманіемъ и какъ бы выводить его на сцену игры тоже подъ звуки пѣсни. Для этого предназначается десятая пѣсенка.

Вполнѣ естественно, что разумная мать можетъ примѣнять ту же пѣсенку и къ самому ребенку по утрамъ у его кровати при его пробужденіи и именно тогда, если ребенокъ уже самъ по себѣ не пробудился къ жизни, а особенно, если онъ обнаруживаетъ нѣсколько вялое настроеніе. Настроеніе его тотчасъ дѣлается радостнымъ, когда онъ подѣ влияніемъ пѣсни, которую поетъ ему мать, сразу попадаетъ въ самый центръ своей прекрасной жизни; сразу восстанавливается связь съ его предыдущими занятіями; его умъ весело разбирается въ нихъ,—и если какая печаль затемняла его жизнь, если что-либо повергало его въ вялое состояніе бездѣйствія, все разомъ пропадаетъ, какъ темное облачко подѣ влияніемъ силы солнечнаго свѣта. И ребенокъ незамѣтно привыкаетъ бодрымъ и разумнымъ возбужденіемъ силъ удалять отъ себя тѣ ночные часы, въ которые человекъ не знаетъ, чего и гдѣ ему не хватаетъ.

Мы не имѣемъ еще никакого представленія о томъ, какія собственно основы закладываются въ первыхъ годахъ жизни ребенка на всю его жизнь настоящимъ материнскимъ чутьемъ и правильнымъ руководствомъ отца. Обыкновенно, мы принимаемъ сложившіяся паправленія, которыя мы находимъ впоследствии въ нашемъ возрастѣ такъ, какъ они есть, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какія бы радости и горести они намъ ни доставляли, нисколько не задумываясь объ ихъ источникахъ, а тѣмъ болѣе объ ихъ первоисточникахъ. Поэтому мы такъ мало двигаемся впередъ и въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей. Насущнѣйшей заботой каждаго отца, каждой матери и, естественно, каждаго воспитателя должно быть вполнѣ сознательное ориентированіе въ своемъ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, изученіе всѣхъ фактовъ предшествующей жизни по отношенію къ ихъ причинамъ и слѣдствіямъ. Что, кромѣ этого, могло бы послужить болѣе прекраснымъ и достойнымъ предметомъ взаимныхъ и общихъ бесѣдъ для супружеской четы, для родственныхъ по духу родителей? Какое продолжительное одушевленіе могли бы внести въ это дѣло ихъ собственныя дѣти, жизнь которыхъ могла бы служить постоянно предметомъ

для сравненія въ нашихъ разсужденіяхъ и даже вызывала бы насъ на это! Какія измѣненія получили бы тогда наши взгляды на дѣтей! Многое, что мы до сихъ поръ считали важнымъ, оказалось бы пустякомъ и, наоборотъ, много незначительнаго оказалось бы важнымъ и полнымъ значенія. Только правильное пониманіе нашего соб-
етвеннаго дѣтства и юности можетъ породить и правильное воспитаніе для нашихъ дѣтей. Все, что подлежитъ правильному изученію, должно быть постигнуто, начиная съ самой основы, и прежде всего такому изученію подлежитъ сама жизнь.

Далѣе слѣдуютъ еще двѣ пѣсенки для игры съ шарикомъ, при чемъ онъ виситъ на маленькомъ сооруженіи. Уже самая постройка этого сооруженія на глазахъ дѣтей должна будить въ нихъ мысль. У нихъ нужно спрашивать названія палочекъ, также поперечнаго древка для этого сооружения, а также спрашивать объ ихъ качествахъ, зачѣмъ продѣланы дырочки въ этомъ древкѣ, зачѣмъ такія же дырочки въ самомъ ящикѣ; что дѣлаетъ палочка, когда ее воткнуть въ отверстія ящика и т. д. и т. д. Вообще нѣтъ болѣе внимательныхъ учениковъ, чѣмъ дѣти, когда ихъ вниманіе направлено на кого-либо изъ взрослыхъ. Стоитъ только немного пойти навстрѣчу дѣтской любознательности, которая приводитъ ихъ къ намъ, и они часто будутъ сопровождать насъ при нашей работѣ. А если толкомъ разсудить, то кого, какъ не дѣтей, намъ пріятнѣй всего имѣть при себѣ во время нашихъ занятій! Своими непривычными глазами они во всемъ видятъ новое и часто представляютъ намъ то предметы то человѣческую жизнь въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ мы ихъ еще никогда не видали, будятъ въ насъ часто весьма плодотворныя мысли, заставляютъ насъ вернуться къ свѣтлымъ эпхамъ нашей собственной жизни. Сколь возвышенное освѣжающее вліяніе мы могли бы испытывать при этомъ въ нашихъ работахъ! Я вовсе умолчу о сознаніи того, сколь благотворно наше воздѣйствіе на дѣтей, когда мы идемъ имъ навстрѣчу въ подобныхъ желаніяхъ, какъ наша жизнь съ ея стремленіями вырастаетъ въ дѣтяхъ въ обно-

вленномъ и болѣе молодомъ видѣ. Наше счастье со всѣхъ сторонъ находится отъ насъ гораздо ближе, чѣмъ мы думаемъ.

Одиннадцатая пѣсня предназначается для раскачивания въ разные стороны шарика, подвѣшеннаго къ поперечному древку.

И этой игрой можно отлично заниматься съ отдѣльными дѣтьми, при чемъ ихъ берутъ подъ руки и на подобіе колокольнаго языка двигаютъ туда и сюда подъ звуки этой пѣсни.

Двѣнадцатая пѣсня предназначается для игры, которую я сообщалъ дальше о мячѣ. Шарикъ наматываютъ нѣсколько разъ на палочку, затѣмъ распускаютъ, при чемъ онъ уже самъ собой наматывается на другую палочку, потомъ точно такимъ же образомъ опять на первую. Если при этомъ держать въ рукѣ ящикъ, то очень легко незамѣтно продлить каждый изъ этихъ видовъ движенія, такъ что игра можетъ продолжаться, сколько угодно. „А ну-те-ка, почему шарикъ обнимаетъ палочку?“ Если дѣти не сумѣютъ отвѣтить на это, то дальше спрашиваютъ: „А почему мать такъ прелестно обнимаетъ своего малютку?“ Потому что она его любить. „Теперь, почему же шарикъ такъ прелестно обнимаетъ обѣ палочки?“ Потому что онъ ихъ любить. „А вы знаете, какъ при этомъ шарикъ поетъ: „Люблю тебя, тебя люблю и т. д.“ (12-я пѣсня).

Достаточно только упомянуть о томъ, что при этой пѣснѣ въ душѣ ребенка незамѣтно получается символъ той любви, которую онъ носитъ въ себѣ къ отцу и матери, или къ двумъ изъ своихъ братьевъ (и сестеръ). И если ребенокъ самъ до этого не доходитъ, то достаточно для этого воспользоваться однимъ только поводомъ, который часто представляется въ жизни, гдѣ къ дѣйствіямъ ребенка отлично подойдетъ эта пѣсня, и такимъ образомъ связываются разнородные элементы жизни ребенка и обнаруживается ея единство.

Какой свѣтъ проливается посредствомъ такихъ игръ изъ міра тѣлеснаго въ жизнеобильное сердце ребенка и обра-

но—изъ него въ мѣръ тѣлесный! Какія чаянiя зарождаются такимъ путемъ въ ребенкѣ черезъ соприкосновенiе съ тѣмъ духомъ, который управляетъ мiромъ тѣлеснымъ! Какъ онъ будетъ стараться все ближе и ближе во всемъ распознавать этотъ духъ! Какъ это согласно со всей жизнью ребенка, слагающейся изъ элементовъ, которые часто кажутся намъ немѣющимъ никакого значенiя! Къ чему же мы приходимъ, благодаря такому послѣдовательно проведенному руководству въ жизни нашихъ дѣтей? Благодаря ему, мы доходимъ до цѣли, намѣченной духомъ нашего времени, къ которой съ неослабѣвающей силой стремятся всѣ наши заботы и помыслы а именно: ясно уразумѣть слово духа, обитающаго во всѣхъ мѣстахъ, и послѣдовательно провести его въ жизнь, чтобы добиться исполненiя и осуществленiя самыхъ сокровенныхъ вождельпiй челоуѣка.

№ 1.

Ту - да, сю - да такъ ле - тить птич - ка; такъ же бѣ -

жать всег - да мой ма - лют - ка.

№ 2.

Ту - да, сю - да, вѣт - ромъ вѣт - ку такъ ка - ча - етъ,

такъ ли - та мо - ё иг - ра - етъ ту - да, сю - да, ту - да!

№ 3.

Кру - гомъ, кру-гомъ вер - чусь, кру - жусь, все кру - жусь,

вес кру-жусь, какъ мель-ни-ца без - прес-тан - но вер-тит-ся

шу - мить безъ кон - на.

№ 4.

Ско-рѣй, ско - рѣй п мыс-ли быс-трѣй. И воз-лѣ те - бя.

№ 5.

Поз - воль мнѣ сво - бод - но вер - тѣть-ся, ка - чать-ся, такъ

хо - ро - шо, такъ хо - ро - шо!

№ 6.

Въ кру - гу я за-кру - жу-ся, при - ду - мать у - хи-

трю - ся е ще иг - ру, за - пом - ни все.

№ 7.

Кру - гомъ, кру - гомъ, нее мѣр - но и плав - но; какъ
э - то за бав - но! вер - чусь я кру - гомъ, все
вре - мя кру гомъ.

№ 8.

У - сталь ты не на шуг - ку, ку-бнкъ, лягъ ма-
лют-ка! Спи, ус-ни, взоръ сом-кни! Спи, ус-ни, взоръ-сом-кни!

№ 9.

Лягъ въ кро-ват-ку! Сна ми лѣй, ни - че - го яѣтъ для дѣ - тей!
Спи, ус - ни! Взоръ сом-кни. Спи, ус - ни, взоръ сом - кип.

№ 10.

Ты домъ оставь. выдь, по - за-бавь, къ намъ, ку-бнкъ, къ намъ,

ми-лый, рас-правь ты сво-и си-лы, ждешь столь-ко дѣ - тей ско-

рѣй - же, ско - рѣй!

№ 11.

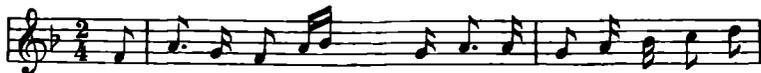

Бимъ, бомъ, прыгъ съ пос те ли, звон-ко хо-ромъ мы за - пѣ - ли.

Кру - жись, ве - се - лись!

№ 12.

Люб - лю те - бя, те - бя люб-лю. Я пос-то - ян - ства

не тер-плю. О - бо-нхъ васъ люб - лю я, въ васъ рад-остна-хожу я!

ГЛАВА VIII.

Шаръ и кубикъ,

какъ средство для изображенія другихъ предметовъ.

Объ изображеніи другихъ предметовъ съ помощью шара и кубика уже неоднократно упоминалось въ связи съ тѣмъ, что о нихъ говорилось до сихъ поръ. Однако есть и еще много наблюденій, говорить о которыхъ до сихъ поръ еще не было повода. Такъ, напр., кубикъ можетъ быть то столомъ, на которомъ ставится что-нибудь для ребенка, то скамеечкой, на которую мать ставитъ свои ноги, то стуломъ, на которомъ она сидитъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, то очагомъ, на которомъ нужно сварить что-нибудь для ребенка, то ящикомъ (шкатулкой), въ которомъ спрятано что-нибудь, то комодомъ, который закрыть, то домомъ, который заперть, то колодцемъ, который покрыть, то, наконецъ, печкой, которая закрыта, то тюкомъ товара, который сваленъ въ кучу. Затѣмъ, въ другой разъ онъ можетъ быть молоткомъ, которымъ нужно прибить что-нибудь для ребенка, иногда, если заткнуть палочку въ ребро кубика, онъ можетъ служить киркой, а если заткнуть палочку въ его уголь, — то мотыкой, которой окапывается грядка. Наконецъ, иногда онъ можетъ изображать собою ребенка, который вертится, дѣвочку, которая танцуетъ, котенка, который хочетъ поймать свой собственный хвостъ; затѣмъ комокъ снѣга, снѣжный обвалъ, который падаетъ съ крыши или съ горы, скалу, которая отрывается и устремляется въ долину; а если его поставить на плоскую поверхность и вертикально воткнуть въ него

сверху палочку, то цвѣточный горшокъ, въ которомъ только что посажено стройное деревцо, и безчисленное множество другихъ предметовъ.

Благодаря этому, ребенокъ рано приучается наблюдать и познавать одну вещь со многихъ точекъ зрѣнія, и различныя вещи въ одномъ какомъ-либо отношеніи, и кромѣ того въ различныхъ отдѣльныхъ предметахъ замѣчать ихъ общіе признаки и изучать ихъ въ отвлеченной совокупности. И такимъ образомъ, предметъ, изученный ребенкомъ со всевозможныхъ сторонъ, связывающихъ его съ жизнью, чувствомъ и умомъ самого ребенка, становится дѣйствительно ему дорогъ.

Здѣсь напрашивается намъ, да, навѣрно, и всякому, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ такихъ игръ, а еще больше тому, кто самъ пытался практиковать эти игры съ дѣтьми соотвѣтствующаго возраста, одно существенное замѣчаніе, которое поэтому мы не можемъ обойти молчаніемъ, а именно: только внутреннее единеніе въ настроеніи и жизни, существующее между матерью и ребенкомъ, между имъ и его воспитательницей, сообщаетъ этой, а равно и всякой другой игрѣ съ ребенкомъ истинную жизнь, придаетъ ей настоящее, присущее ей глубокое значеніе и настоящее, свойственное ей дѣйствіе, порождаетъ въ жизни ребенка сначала почки, затѣмъ цвѣты и, наконецъ, плоды. Отъ взрослага чловѣка, принимающаго разумное участіе въ игрѣ, неможеть ускользнуть замѣчаніе, что дѣйствительно внутренне объединяетъ обоихъ играющихъ собственно тройкая любовь со стороны взрослага: любовь къ ребенку, любовь къ средству для игры, единство жизни у насъ со средствомъ для игры или предметомъ нашихъ занятій, и любовь къ великому жизненному цѣлому, по отношенію къ которому они оба являются подчиненными цѣлыми. По отношенію къ разностороннему проявленію любви нѣчто подобное можно утверждать также и относительно ребенка и даже относительно самого предмета, средства для игры, при чемъ относительно послѣдняго это можно выразить такъ: средство для

игры (орудіе игры) пробуждаетъ, воспитываетъ и развиваетъ жизнь въ ребенкѣ и потому своимъ, хотя и нѣмымъ, участіемъ въ игрѣ какъ бы обнаруживаетъ любовь къ ребенку; далѣе, оно дѣлаетъ видимыми для ребенка жизнь и любовь къ нему у играющаго съ нимъ взрослого человѣка; наконецъ, предметъ, употребляемый при игрѣ, даетъ возможность ребенку во время процесса игры и съ помощью самой игры, дѣлающей его веселымъ, радостнымъ и довольнымъ, ощутить непосредственно свою собственную жизнь, а отчасти и жизнь всего окружающаго внѣшняго міра, по отношенію къ которому онъ является подчиненнымъ цѣлымъ, подобно тому какъ ощущается теплота сердца, теплота жизни.

Такимъ образомъ, по поводу разсмотрѣнія настоящей игры и всѣхъ, особенно наиболѣе раннихъ дѣтскихъ игръ, мы приходимъ къ слѣдующему существенному замѣчанію: степень, или ступень достигаемаго всесторонняго внутренняго жизненнаго, чувственнаго и умственнаго удовлетворенія является, собственно, опредѣляющимъ началомъ для всей будущей жизни человѣка, дающимъ ей основной тонъ, выраженіе и характеръ.

Внутренняя удовлетворенность вообще, въ особенности же удовлетворенность въ области чувствъ рано и даже очень рано должна быть доставлена ребенку, должна быть предметомъ постояннаго ухода, должна быть вполне ему обеспечена. Отъ этого зависитъ все будущее внутреннее благополучіе и неблагополучіе, все будущее внутреннее и, слѣдовательно, истинное счастье въ жизни человѣка. Но удовлетворенность, безъ сомнѣнія, достигается въ высокой степени для ребенка при условіи, если его самого понимаютъ согласно съ его внутренней сущностью, если онъ видитъ подобнымъ же образомъ истолкованными окружающіе его предметы, и въ особенности, если окружающіе его люди также чувствуютъ себя удовлетворенными, являются таковыми въ глазахъ ребенка. При такихъ условіяхъ ребенокъ предчувствуетъ и ощущаетъ, по крайней мѣрѣ, непосредственно троичность, или взаимную обусловленность необходимости, закона и любви, а впоследствии

ствіи находить одно въ другомъ и съ помощью другого, какъ истинное условіе всякой настоящей и дѣйствительно обоснованной удовлетворенности. Надѣленный этимъ истиннымъ сокровищемъ въ сердцѣ, человѣкъ можетъ, если того потребуетъ судьба, увѣренно вступить въ міръ уже въ отроческомъ возрастѣ, а еще болѣе въ началѣ юношескаго возраста, такъ какъ, благодаря столь глубоко заложенной въ немъ удовлетворенности въ немъ развиваются и сами собой появляются и остальные благотворные спутники жизни—вѣра, любовь и надежда, уваженіе къ себѣ и другимъ, а также и попеченіе о другихъ, любовь къ жизни и своему призванію, а также вѣрность своей жизни и призванію, любовь къ Богу, природѣ и человѣчеству, а также и къ каждому отдѣльному человѣку.

Воспитывать уже съ раннихъ поръ эту удовлетворенность въ ребенкѣ и взрослому человѣкѣ, укрѣплять ее въ немъ и превращать въ твердость чувствъ, ума и постоянство жизни, надѣлять его этой удовлетворенностью, какъ высшимъ даромъ при выходѣ въ жизнь и на весь жизненный путь—вотъ одна изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ цѣлей описанныхъ нами игръ. Но для достиженія ея необходимо и здѣсь, какъ и при занятіяхъ съ ребенкомъ, при всякомъ воспитаніи въ ребенкѣ стремленія къ жизни и дѣятельности, соблюдать три условія: чтобы воспитаніе было сопряжено съ укрѣпленіемъ и проясненіемъ жизни у ребенка и, слѣдовательно, съ внутреннимъ единеніемъ его съ самимъ собою; чтобы оно находилось въ согласіи и единеніи съ средствомъ для его занятій и, наконецъ, чтобы оно сопровождалось высшимъ единеніемъ со всѣмъ жизненнымъ цѣлымъ, съ общею жизнью и жизнью вселенной и носило бы въ себѣ опредѣленное, не подлежащее никакому сомнѣнію, выраженіе всего этого. То, что мы выше называли любовью, фигурируетъ здѣсь подъ названіемъ „единеніе“.

Для этой цѣли затѣяны и преобразованы въ угоду чувству эти и слѣдующія игры, которыя, доставляя удовольствіе ребенку, удовлетворяютъ также и потребностямъ мысли взрослого человѣка и соединяютъ ребенка съ жизнью и природой, имѣя въ виду воспитать въ ребенкѣ съ раннихъ поръ свѣт-

лое настроеніе мысли и чувства и, наоборотъ, удалить отъ него мрачное непривѣтливое настроеніе и губительную угрюмость—фурій нашей жизни со всею ихъ свитою, которыя особенно легко приходятся къ мѣсту тамъ, гдѣ ребенокъ своими собственными еще слабыми силами не можетъ или не умѣетъ разобраться въ окружающихъ предметахъ, когда ребенокъ какъ бы самъ себя угнетаетъ неудовлетворенностью своего стремленія къ жизни и въ состояніи своей смертельной скуки становится самъ себѣ въ тягость, когда онъ, настаивая на своемъ чувствѣ стремленія къ жизни, оказывается заносчивымъ и упрямымъ. Отъ этихъ ненормальныхъ явленій въ жизни ребенка можно и, притомъ никогда не рано, предохранять его съ помощью правильнаго толкованія и ухода за его природнымъ стремленіемъ къ занятіямъ.

Хотя игра съ шаромъ и мячомъ предназначена для занятій съ ребенкомъ въ возрастѣ отъ начала второго и до конца третьяго года, но онъ и послѣ будетъ заниматься ими вполне цѣлесообразно и соотвѣтственно съ процессомъ своего развитія. Поэтому здѣсь мы отмѣтимъ только, что примѣненіе этой игры въ такихъ годахъ вполне соотвѣтствуетъ способности рѣчи и ходу ея развитія у ребенка. Въ ней встрѣчаются простѣйшія слова, въ родѣ: тамъ, гдѣ, куда, какъ, туда, сюда и т. д., да и другіе, рядъ простыхъ словъ, отличающихся другъ отъ друга однимъ начальнымъ звукомъ, которыя всѣ лежатъ въ области доступной для ребенка артикуляціи и потому, если ихъ явственно произнести, то онъ можетъ ихъ въ точности воспроизвести самъ. Запасъ словъ обнимаетъ, какъ предметы, такъ равно и дѣйствія и качества. Воспроизведеніе и примѣненіе этой игры на практикѣ даетъ въ связи съ игрой перваго дара, съ игрой въ мячъ, безъ сомнѣнія, прекрасную точку опоры и начальный пунктъ для столь важнаго означенія съ ходомъ развитія способности рѣчи у ребенка.

Наконецъ, въ отношеніи того, что даетъ игра съ шаромъ и мячомъ для играющаго съ ребенкомъ взрослому человѣку, мы должны всецѣло сослаться на сказанное уже въ предыдущихъ главахъ.

ГЛАВА IX.

Первый обзоръ игръ,

или средствъ для воспитанія стремленія къ занятіямъ у дѣтей.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшаго развитія средствъ для дѣтскихъ игръ и занятій и, чтобы избѣжать излишней разбросанности и разсѣянности, обусловливаемой ихъ разнообразіемъ, мы считаемъ необходимымъ предварительно еще разъ окинуть взоромъ все, что до сихъ поръ было сказано и установлено нами въ этомъ отношеніи, ибо во всемъ томъ, что затрогиваетъ дѣятельность человѣка, въ особенности въ людскихъ и общеловѣческихъ отношеніяхъ, важнѣе всего ясное пониманіе единства, такъ сказать, самаго зерна и зародыша жизни, а затѣмъ уразумѣніе всего разнообразія, множественности и сложности явленій, вытекающихъ изъ этого единства, и ихъ развитіи, основанномъ на законахъ жизни. Поэтому уже при первомъ изложеніи плана всего этого отдѣла игръ и занятій мы говорили, что на всемъ протяженіи изложенія этихъ игръ необходимо постоянно ссылаться на внутреннюю жизненную связь ихъ, какъ между собой, такъ и съ жизнью и ходомъ развитія ребенка, съ окружающими его предметами и съ окружающимъ его внѣшнимъ міромъ вообще. Хотя уже въ предыдущемъ это дѣлалось при каждомъ удобномъ случаѣ, однако въ виду крайней важности этого положенія для здороваго развитія ребенка вообще, а особенно для его духовнаго развитія и для яснаго и увѣреннаго общаго ухода за его жизнью со стороны родителей, мы хотимъ здѣсь еще разъ подвергнуть все это обзору въ самыхъ общихъ чертахъ.

Первое, чѣмъ мы старались съ помощью внѣшняго воздѣйствія развить общую дѣятельность ребенка и въ чемъ мы стремились съ внѣшности объединить ее, было: мячъ и противоположные ему, какъ бы вытекающіе изъ него въ качествѣ прочно установленныхъ его разновидностей: шаръ и кубинъ.

На игрѣ съ мячомъ и посредствомъ его, какъ замкнутаго въ себѣ самомъ, подвижнаго, упругаго, свѣтящагося и издающаго теплоту предмета ребенокъ воспринимаетъ свою жизнь, свою силу, свою дѣятельность и дѣятельность своихъ чувствъ на первой ступени своего сознанія и притомъ въ единеніи ихъ между собою и такимъ образомъ упражняетъ ихъ.

На игрѣ съ шаромъ и кубикомъ и посредствомъ ихъ, напротивъ, ребенокъ сознательно знакомится, какъ съ нѣкоторыми еще изъ своихъ чувствъ, такъ въ особенности съ примѣненіемъ къ дѣлу своихъ членовъ, упражняя ихъ въ то же время въ игрѣ и посредствомъ игры.

Поэтому, мячъ является для ребенка средствомъ для наблюденія и замѣстителемъ важнаго въ себѣ дѣйствія, единой въ себѣ силы.

Шаръ является для ребенка замѣстителемъ каждаго замкнутаго въ себѣ простого предмета въ отдѣльности. Въ немъ ребенокъ предугадываетъ множественность предметовъ, покоящуюся пока въ состояніи единства.

Кубикъ является для ребенка замѣстителемъ всякаго болѣе многообразнаго предмета, находящагося на дальнѣйшей ступени развитія. Въ немъ ребенокъ предугадываетъ единство, лежащее въ основѣ всякаго многообразія, изъ котораго это многообразіе и исходить.

Въ шарѣ и кубикѣ, если ихъ разсматривать въ сравненіи между собой, при внѣшнемъ ихъ наблюденіи ребенку представляется то, что особенно важно для всей его послѣдующей жизни, а именно ихъ противоположное равенство, которое онъ имѣетъ возможность наблюдать повсюду вокругъ себя и нерѣдко даже въ себѣ самомъ.

Но подобно тому какъ человекъ объединяетъ въ себѣ то

и другое, замкнутый въ себѣ простой предметъ и разнообразные болѣе сложные предметы, и разлагаетъ ихъ въ себѣ, какъ противоположности, точно такъ же изъ нихъ обоихъ, именно при внѣшнемъ соединеніи шара и кубика, получается для ребенка выраженіе чего-то одушевленнаго, живого, въ частности получается кукла.

Итакъ, ребенокъ требуетъ, съ одной стороны сложенія отдѣльныхъ частей, воссоединенія разрозненныхъ элементовъ, а съ другой — также и раздѣленія на части связнаго, единаго цѣлаго. Поэтому-то ребенокъ стремится все открыть или раздѣлить (разнять). Итакъ, шаръ и кубикъ, раздѣленные на части сообразно съ внутренними условіями каждаго изъ нихъ, и будутъ необходимой слѣдующей стадіей развитія дѣтскихъ игръ и средствъ для занятій.

Однако и здѣсь творчески-дѣятельная жизнь ребенка требуетъ, чтобы были приложены старанія вновь связать и соединить и при томъ по возможности различными способами то, что было только что раздѣлено при участіи само-дѣятельности самого ребенка: главнѣйшая его забава состоятъ въ быстромъ чередованіи построенія и разрушенія, соединенія и раздѣленія, къ чему мы вскорѣ еще вернемся.

Если бросить испытующій взглядъ на формы дѣтскихъ построеній и составленій, не обращая вниманія на то, что онѣ сейчасъ же будутъ разрушены и разрознены, то на большемъ числѣ ихъ можно распознать, что:

1) это будутъ или жизненныя формы, подражающія окружающей жизни, и такихъ будетъ большинство;

2) или чистыя соединенія, приводящія къ какому-либо единому нъ себѣ образу — и, слѣдовательно, преимущественно формы красоты (эстетичеснія);

3) или, наконецъ, соединенія и изображенія, какъ результатъ сравненія по формѣ, величинѣ, положенію и т. д. — слѣдовательно, преимущественно формы познанія.

Такимъ образомъ у насъ получается слѣдующее первое обозрѣніе игръ и средствъ для воспитанія стремленія къ занятіямъ въ ребенкѣ:

(вообще выраженіе чего-либо живого).

Шаръ и кубикъ раздѣлены по внутреннимъ основапіямъ, вытекающимъ изъ свойствъ каждаго изъ нихъ. Затѣмъ каждый изъ нихъ снова самостоятельно соединяется ребенкомъ въ формы жизни, красоты и познанія, соответствующія преимущественно:

ГЛАВА X.

Третья игра ребенка.

Предисловіе.

Внѣшнее занятіе, игра ребенка и его внутренній міръ.

Хотя уже въ самомъ началѣ въ качествѣ основной истины было высказано въ общихъ чертахъ положеніе, что при дѣтскихъ играхъ и занятіяхъ суть дѣла отнюдь не заключается да и не должна заключаться только въ предоставленіи ребенку средствъ для забавы или, какъ мы сказали бы, для прѣпровожденія времени и, слѣдовательно, только для внѣшней дѣятельности, но что ими скорѣе должны удовлетворяться потребности внутренняго существа ребенка; однако въ виду глубокой важности этого положенія для всей жизни ребенка и человѣка вообще представляется далеко не лишнимъ почаще его подчеркивать, внося, какъ можно, больше убѣдительности въ его изложеніе и развивая его, какъ можно, болѣе всесторонне.

Родители и воспитатели! Мы должны неуклонно сосредоточивать свое вниманіе на слѣдующемъ. Въ занятіяхъ и играхъ ребенка съ самимъ собой, въ особенности въ первые годы его жизни формируется въ согласіи съ окружающимъ его міромъ и подъ его незамѣтнымъ вліяніемъ не только зародышъ, но и сердцевина всей его будущей жизни по отношенію ко всему тому, что мы должны признать уже даннымъ въ этомъ зародышѣ и сердцевинѣ, а именно по отношенію къ инди-

видуальной окраскѣ жизни, самостоятельности, будущей личности (и индивидуальности вообще). Поэтому уже первые занятія съ самимъ собой способствуютъ не только упражненію и укрѣпленію тѣла, его членовъ и органовъ внѣшнихъ чувствъ, но даже прежде всего развитію чувствъ и образованію ума, а также пробужденію внутренняго смысла и настоящей разсудительности. Мы останавливаемся здѣсь на развитіи сердца и души, на зародышевомъ состояніи предчувствованія, чувствъ и развивающагося изъ нихъ образа мыслей.

Друзья дѣтей и человѣчества! Глубокомысленные наблюдатели жизни! Неужели намъ, если оглянуться вокругъ, не приходится притомъ даже слишкомъ часто сожалѣть объ отсутствіи въ жизни дѣтей истинной, глубоко заложенной и прочно коренящейся въ нихъ любви и уваженія къ родителямъ и особенно къ старшему возрасту? Развѣ мы, бросая взоры кругомъ, не жалѣемъ часто объ отсутствіи среди дѣтей и юношества вообще истиннаго уваженія къ взрослымъ и настоящей любви къ людямъ, исключительно только какъ людямъ, (независимо особенно отъ ихъ внѣшняго положенія)? Развѣ мы не сожалѣемъ съ болью въ сердцѣ объ отсутствіи въ настроеніи ребенка и юноши религіознаго уваженія, любви и попеченія по отношенію къ тому внутреннему началу, къ тому присущему всѣмъ существамъ и дѣйствующему въ нихъ единству, которое такъ охотно заявляетъ о себѣ ребенку даже при насильномъ настроеніи его мысли? Это начало называютъ обыкновенно „высшимъ“, но по отношенію къ ребенку и взрослому человѣку его слѣдовало бы скорѣе назвать глубочайшимъ, такъ какъ оно воспринимается ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ въ глубинѣ, въ самомъ потаенномъ углу его.

Развѣ мы не сожалѣемъ съ тоской и, при томъ очень часто, объ отсутствіи въ жизни дѣтей и юношества разумно предчувствующаго и соединеннаго съ вѣрой уваженія и любви ко всему тому, что мы называемъ священнымъ, что и въ дѣйствительности священно? Священно потому, что мы глубоко чувствуемъ и ясно себѣ представляемъ, что по-

читительное признаніе его можетъ породить благо (das Heil) ¹⁾, т.-е. истинно здоровое и невредимое состояніе всего единого въ себѣ человѣческаго существа, равно какъ и соответствующую нормальность всѣхъ жизненныхъ отношеній.

Однако, какъ люди искренніе и любящіе правду и какъ существа, призванныя къ попеченію объ искренности и правдѣ, мы должны прямо и откровенно сознаться, что этими замѣчаніями, которыя только что были высказаны нами, мы затронули дѣйствительную жизнь и ея явленія въ самомъ ихъ внутреннемъ корнѣ.

Но поэтому самому эти замѣчанія, можетъ быть, уже неоднократно высказывались и другими лицами. Это вполне возможно и ничуть намъ не мѣшаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы тотчасъ же пойдемъ дальше и спросимъ: что же, слѣдовательно, намъ нужно дѣлать, чтобы дѣло обстояло иначе, совсѣмъ не такъ, какъ до сихъ поръ?

Естественно, мы должны вповѣ развивать въ дѣтяхъ и юношествахъ, какъ настоящую любовь къ родителямъ, такъ и истинное уваженіе къ взрослымъ и старшимъ, глубоко заложенное первоначально (со дня рожденія) въ дѣтяхъ и юношествахъ уваженіе къ опыту и сужденію и, наконецъ, любовь и даже стремленіе къ ихъ указаніямъ въ жизни. Мы должны дать дѣтямъ почувствовать и уразумѣть умомъ и сердцемъ ихъ собственную внутреннюю жизнь и ея потребности, мы должны заставить ихъ одновременно съ творческой дѣятельностью, проявляемой ими снаружи, заглядывать къ себѣ въ душу и зорко слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается, и, наоборотъ, мы обязаны оберегать себя, какъ бы пустымъ разсѣяніемъ ихъ вниманія снаружи не сдѣлать ихъ безсодержательными изнутри. Но какъ же это дѣлается? Чѣмъ можно способствовать этому, чѣмъ можно этого достигнуть?

Прежде всего, для самаго начальнаго пункта этого дѣла необходимо, чтобы ребенокъ изъ совокупности окружающихъ его внѣшнихъ явленій воспринялъ, какъ извѣстный нераздѣльный жизненный фактъ, въ особенности же чтобы онъ

1) Здѣсь сопоставляются слова das Heil и heilig. *Прим. пер.*

превратилъ его внутри себя въ живое ощущеніе, въ извѣстнаго рода чувство, а въ послѣдствіи воспринялъ бы такъ же и мышленіемъ, не умѣя даже еще выразить его на словахъ, слѣдующее разсужденіе: „Родители и окружающіе меня опытные взрослые не только взяли на себя трудъ удовлетворить мнѣ внѣшнія жизненныя потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и даже въ средствахъ для упражненія и занятія и игрѣ, но, позаботились также и о томъ, чтобы развить мои силы и способности, воспитать мою внутреннюю жизнь, удовлетворить запросамъ моего сердца и духа; и это попеченіе о моемъ внутреннемъ мірѣ, о моемъ существѣ является собственно крайнимъ основаніемъ и цѣлью всей ихъ внѣшней заботливости обо мнѣ, составляетъ для нихъ собственно единственное стремленіе и крайнюю цѣль ихъ дѣятельности“. Это общее воспріятіе, какъ извѣстное ощущеніе, безъ сомнѣнія, столь же рано, сколь и глубоко, заложено въ душѣ всякаго неиспорченнаго ребенка, ибо ребенокъ воспринимаетъ свою жизнь сначала, какъ нѣчто внутреннее и при томъ самое внутреннее, подобно тому, какъ онъ воспринимаетъ ее, какъ нѣчто единое и самостоятельное. Родители и матери, воспитатели и люди вообще! Доказательства этого факта у васъ передъ глазами и краснорѣчиво говорятъ за себя; обратитѣ только на нихъ вниманіе, изолируйте только ихъ, сумѣйте только прочесть ихъ и прочесть, что заключается въ нихъ.

Матери и отцы! Воспитатели дѣтей! Развѣ не кажется почти невѣроятнымъ, развѣ не возбуждаетъ глубокаго удивленія, что намъ приходится наблюдать, какъ это ребенокъ столь рано, мы сказали бы, уже въ эпоху слабыхъ проявленій человѣческой жизни различаетъ, повидимому, внутреннія, душевныя и духовныя воспріятія отъ внѣшнихъ и физическихъ или, скорѣе, въ состояніи почувствовать настроенію сердца и души человѣка, преподносящаго ему эти воспріятія, ощутить его духъ? Кто не замѣчаетъ этого въ дѣйствіи привѣтливаго взгляда, слова, произнесеннаго съ участіемъ, того ухода за ребенкомъ, который часто даетъ, быть можетъ, больше, чѣмъ простое сочувствіе и сожитіе?

Безъ сомнѣнія, мы объясняемъ слишкомъ много явленій въ наиболѣе ранней жизни дѣтей однимъ только стремленіемъ ихъ къ физическому благополучію, тогда какъ истинная причина ихъ — духовнаго свойства. Конечно, физическій и духовный элементы въ ребенкѣ находятся еще въ неразрывной связи, однако, относительно здороваго, хотя бы и маленькаго ребенка не можетъ быть вопроса, какой изъ двухъ концовъ, или полюсовъ въ немъ чаще господствуетъ и какой изъ нихъ производитъ въ немъ наиболѣе глубокое возбужденіе, т.-е. духовныи или только физическія воздѣйствія. Если, напр., ребенокъ, которому не исполнилось еще и двухъ мѣсяцевъ, тянется къ одѣялу, въ которое его закутываютъ, проявляетъ уже возбужденіе, связанное съ чувствомъ удовольствія, когда увидитъ его, а еще больше, когда увидитъ, что его няня направляется вмѣстѣ съ нимъ къ одѣялу, беретъ его и, наконецъ, укутываетъ его, то это объясняется не однимъ только тѣмъ соображеніемъ, что ребенку удобнѣе, когда его носятъ укутаннымъ, такъ какъ онъ рвется на свободу и знаетъ уже дверь, которая туда ведетъ; но онъ желаетъ совершить образовательное путешествіе въ міръ, въ область свободной природы, дающей ему много новаго; подобно тому, какъ кругосвѣтный плаватель ѣдетъ на кораблѣ не затѣмъ, чтобы только ѣхать, но чтобы расширить область своихъ общечеловѣческихъ знаній, повысить степень развитія своего и общечеловѣческаго духа. Поэтому и дѣтей уже съ самыхъ раннихъ поръ не слѣдуетъ проносить мимо окружающихъ ихъ предметовъ безъ словъ, безучастно, не обращая на нихъ никакого вниманія, а, наоборотъ, нужно показывать имъ эти предметы и притомъ по возможности съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ отношеніяхъ. Точно такъ же замѣчательнъ фактъ, который вполне доступенъ для наблюденія каждому, что одна только любовь къ внѣшней личности ребенка, какъ бы къ внѣшнему его пониманію, исключительно физическое попеченіе о немъ мало привязываетъ его къ лицу, окружающему его такими заботами, и тѣмъ меньше, чѣмъ благороднѣй ребенокъ по своей натурѣ, чѣмъ сильнѣе онъ чувствуетъ себя въ духовномъ отношеніи, даже

болѣе того, ребенокъ вовсе ускользаетъ отъ того, кто сосредоточиваетъ свое милостивое вниманіе исключительно на его внѣшней личности. Это явленіе заслуживаетъ всесторонняго изученія и дальнѣйшаго изслѣдованія со стороны родителей и воспитателей.

Впослѣдствіи мы еще вернемся къ этому, такъ какъ важно и въ цѣляхъ продуктивнаго воспитанія неотложно наследовать явленія дѣтской жизни въ самыхъ внутреннихъ ихъ основахъ, въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ ихъ зарожденія. И такимъ образомъ, съ помощью подобнаго изученія мы отыскали и постигли теперь то, чего добивались, а именно: что постоянное и даже возрастающее уваженіе, любовь и даже благоговѣніе дѣтей создается и гарантируется для родителей, взрослыхъ и вообще старшихъ по возрасту тѣмъ, что дѣлается ими вообще для воспитанія духовной жизни дѣтей, а въ особенности тѣмъ, что они даютъ ребенку возможность и способность развиваться съ раннихъ поръ сообразно съ его, хотя и слабыми еще, физическими и духовными силами и соразмѣрно съ его, хотя и незначительными еще способностями и въ то же время свободно, самодѣятельно и самостоятельно, постоянно чувствуя въ себѣ присутствіе неустаннаго и зоркаго высшаго руководства и въ то же время не замѣчая надъ собой внѣшней руководящей руки. Въ самомъ дѣлѣ, простой и отъ природы благонравный ребенокъ новсе не желаетъ быть вполнѣ предоставленнымъ самому себѣ и отданнымъ своему собственному попеченію, но онъ желаетъ какъ бы постоянно чувствовать вокругъ себя и надъ собой глазъ и взоръ своихъ вѣрныхъ руководителей въ жизни, дѣйствительно ощущаетъ постоянно ихъ близость. О пусть вамъ всѣмъ, возлюбленные родители, удастся воспитать это чувство и потребность въ вашихъ дѣтяхъ, укрѣпить и вырастить его въ нихъ! ибо дойти посредствомъ единой жизни съ родителями до единства и источника всякой жизни, до Бога—это и есть, я сказалъ бы, естественная задача неиспорченныхъ дѣтей, т. е. это съ необходимостью обусловливается ихъ сущностью, равно какъ и развитіемъ всей ихъ жизни.

Поэтому забота о воспитанія въ ребенкѣ внутренняго и

духовнаго начала должна начинаться сейчас же послѣ появленіи его на свѣтъ, присоединиться непосредственно къ заботѣ о его физической жизни, сообщить ей болѣе возвышенное значеніе и освятить ее, чтобы ребенокъ могъ почувствовать и познать эту заботу въ своемъ воспитателѣ, чтобы съ раннихъ поръ, какъ уже было сказано, въ ребенкѣ зародилось предчувствіе того, что физическое попеченіе и воспитаніе имѣетъ къ нему, кромѣ чисто внѣшняго, еще и болѣе глубокое внутреннее отношеніе.

Поэтому мы должны съ глубочайшей серьезностью и съ полнымъ сознаниемъ оправданной на практикѣ важности предмета высказать слѣдующее соображеніе и потребовать его выполненія на благо всѣхъ жизненныхъ отношеній: заботливый уходъ за духовной, внутренней жизнью въ ребенкѣ долженъ начаться гораздо раньше, чѣмъ проявятся обусловленные имъ дѣйствія въ жизни ребенка, и прежде чѣмъ въ немъ будетъ затемнено и какъ бы заглушено воздѣйствіями извнѣ внутреннее нѣжное чутье къ нему, къ процессамъ его внутренней жизни. Въ самомъ дѣлѣ, внутренніе, духовные процессы, происходящіе въ ребенкѣ и очень часто ускользающіе отъ нашего вниманія, далеко опережаютъ внѣшнее явленіе и его дѣйствіе.

Поэтому при духовномъ влияніи на ребенка и на взрослого человѣка часто бываетъ слишкомъ поздно, когда мы думаемъ, что можемъ требовать результата этого влиянія тотчасъ же. Конечно, родители могли бы впослѣдствіи, какъ мы это часто и слышимъ въ жизни, пробудить въ ребенкѣ посредствомъ слова это возвышенное человѣческое чувство, чувство любви и уваженія къ высшему началу. Однако, какой помощи или пользы можно ожидать отъ дѣйствующаго извнѣ слова, когда отсутствуетъ внутреннее не только живое, но и общее чувство, какъ извѣстный жизненный фактъ, воспринятый въ душѣ ребенкомъ и взрослымъ, Доказательствомъ всего этого служить, какъ можно болѣе ранняя привычка къ чистотѣ сердца, равно какъ и чистоплотности тѣлесной,—обнаруживающаяся тамъ въ ощущеніи и словѣ, а здѣсь—въ явленіи и дѣйствіи.

Итакъ, раньше всего и притомъ раньше, чѣмъ у ребенка появится какое-либо навѣянное ему извнѣ замѣчаніе, ему должна свѣтить, какъ солнце, и согрѣвать его слѣдующая мысль: „Уходъ, развитіе и образованіе моего внутренняго существа, какъ цѣлаго въ себѣ, а также и какъ члена высшаго жизненнаго цѣлаго, составляетъ цѣль всего того, что дѣлается для меня извнѣ, что дѣлаютъ для меня взрослые люди и прежде всего мои родители“. Если душу ребенка будетъ наполнять живое чувство ухода за его внутреннимъ міромъ со стороны родителей и взрослыхъ, при чемъ, благодаря этому, онъ будетъ чувствовать и и сознавать себя цѣлымъ, подчиненнымъ высшему жизненному единству, то въ его душѣ будетъ зарождаться также и истинная любовь и признательность къ родителямъ, уваженіе и благоговеніе передъ старшими, въ его умѣ будетъ распускаться возвышающее его предчувствіе сказывающагося въ любви единства и источника всей жизни, будетъ приносить неувядаемые плоды для его будущаго міросозерцанія и становиться постоянною принадлежностью его поступковъ. Если бы дѣло обстояло иначе, то это было бы признакомъ неестественности развитія ребенка.

Доставлять эти высокіе и высшіе дары жизни и блага родителямъ и ребенку—составляетъ насущную и наиболѣе внутреннюю цѣль этихъ игръ, этихъ средствъ для занятій. Доказывать, что они могутъ это сдѣлать, и показывать, какъ именно могутъ, мы предоставляемъ по праву подробному ихъ примѣненію на практикѣ и подходящему пользованію ими. Только одинъ еще фактъ мы подчеркиваемъ здѣсь, какъ существенный: если мы взглянемъ на жизнь, какъ она есть, то мы увидимъ, что настроеніе и внутренняя жизнь людей вообще, а въ особенности жизнь взрослыхъ людей является теперь болѣе далекой и чуждой по отношенію къ жизни дѣтей, чѣмъ прежде, и главнымъ образомъ потому, что жизнь семьи и въ частности жизнь съ дѣтьми, отношеніе къ дѣтямъ и юношеству уже не находятся въ согласіи съ достигнутой степенью пониманія природы и жизни, съ

его требованіями развитія человѣчества. Но если настроеніе и внутренняя жизнь людей, въ особенности же жизнь взрослыхъ людей почувствуетъ снова свою близость и единеніе съ жизнью дѣтей и юношества, то жизненное и духовное единеніе снова должно вырасти изъ самаго внутренняго зерна жизни. Этого мы надѣемся достигнуть посредствомъ предпринятаго нами здѣсь воспитанія дѣтей и дѣтства, такъ какъ духъ нашихъ игръ, на которомъ онѣ основаны и которыми онѣ проникнуты, и есть духъ объединенія все й ж и з н и .

Можетъ быть, при первой изъ этихъ игръ окажется затрудненіе и усмотрятъ несовершенство самой игры въ томъ, что ребенокъ въ ней является по внѣшности и съ физической стороны недостаточно самостоятельнымъ. Однако, въ первыхъ, многое при этомъ можетъ зависѣть отъ того, что игра извѣстна пока еще въ самомъ ея началѣ, а не въ дальнѣйшемъ ея примѣненіи и развитіи, а затѣмъ главнымъ образомъ и въ виду только что изложеннаго широкаго угаженія къ связующей и объединяющей все жизни, эту игру отнюдь не слѣдуетъ разсматривать, какъ не соответствующую цѣли этихъ игръ, въ особенности если при первыхъ изъ нихъ и все таки только въ самый ранній періодъ ихъ примѣненія ребенокъ не является занятымъ вполне самостоятельно и притомъ въ одиночку со стороны физической и внѣшней, а, напротивъ, съ внѣшней стороны взрослый человѣкъ чаще является при этомъ болѣе занятымъ, чѣмъ ребенокъ. Вѣдь именно этой связующей взрослога и ребенка внѣшней общей дѣятельности принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ пробужденія и воспитанія первоначальной, но пока еще дремлющей въ ребенкѣ общей имъ обоемъ внутренней жизни, подобно тому какъ первоначально главная суть дѣла прежде всего заключается въ подобающемъ, соответствующемъ внутреннему и внѣшнему міру ребенка и сущности человѣка вообще возбужденіи и воспитаніи внутренняго, духовнаго свободнаго самозанятія ребенка, въ освобожденіи его духа, а не только во внѣшней дѣятельности его тѣла и членовъ. Этому насъ учитъ ходъ развитія ребенка,

показывающей, что примѣненіе чувствъ получаетъ у него свободу раньше, чѣмъ употребленіе членовъ. Но когда уже проложена въ душѣ ребенка дорога къ этому внутреннему духовному занятію, когда оно вѣ немъ, такъ сказать, зародилось, разъ онъ открылъ въ себѣ высокое, но вполне доступное уже ребенку искусство заниматься сообразно съ требованіями своего духовнаго міра, хотя бы только въ зародышевомъ состояніи, и уразумѣлъ примѣненію его на себѣ и внутри себя; то непосредственно вслѣдъ за нимъ появляется у ребенка и искусство занять себя съ виѣшной, физической стороны, искусство изобразительное и производительное, которое, вполне согласно съ только что высказаннымъ требованіемъ, исходитъ изъ духовнаго начала и обратно относится къ нему же. И такимъ образомъ достигается цѣль, которая единственно только и имѣется въ виду при воспитаніи дѣтей, а именно: развитіе и установленіе собственнаго внутренняго міра у каждаго человѣка, чисто человѣческая общая жизнь въ области ума и чувства, внутреннее единеніе со всѣмъ, что называется жизнью, э, слѣдовательно, прежде всего съ источникомъ жизни, съ самымъ жизненнымъ единствомъ.

Хотя такимъ образомъ уже оба предшествующіе дара игры, изъ которыхъ второй въ его дальнѣйшихъ подробностяхъ былъ только отчасти затронутъ въ этой книгѣ, существенно способствуютъ достиженію всѣхъ названныхъ высокихъ благъ и даровъ жизни и даже установленію основныхъ положеній жизни; однако съ совершенно особеннымъ отѣнкомъ значенія и многосторонностью это касается только третьяго дара, который мы и предлагаемъ здѣсь родителямъ и друзьямъ дѣтей для пользованія и опыта, такъ какъ этотъ послѣдній при внутреннемъ своемъ разнообразіи заключаетъ къ тому же въ себѣ гораздо больше и разнообразіи виѣшняго и благодаря этому дѣлаетъ внутреннее разнообразіе съ виѣшности болѣе доказуемымъ и нагляднымъ.

Поэтому сначала давайте вмѣстѣ поживѣ переселимся въ тотъ уголокъ семейной комнаты, въ которомъ ребенокъ

занимается своими играми, или къ игральному столу въ дѣтской комнатѣ и попробуемъ подмѣтить тамъ, чѣмъ занимается здѣсь ребенокъ при началѣ своихъ самостоятельныхъ занятій, какія побужденія владѣютъ при этомъ его духовнымъ міромъ и куда направляются его мысли, чтб въ связи съ этимъ онъ стремится изображать внѣ себя и чтб ему для этого нужно. По возможности тихо и незамѣтно займемъ себѣ тамъ мѣсто и будемъ наблюдать, какъ ребенокъ въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ послѣ того, какъ онъ уже изучалъ какое-нибудь замкнутое въ себѣ вполнѣ доступное для его пониманія тѣло со стороны его внѣшности и цвѣта, послѣ того, какъ онъ повертѣлъ его на разные лады въ рукѣ и испыталъ его прочность, какъ онъ вслѣдъ за тѣмъ будетъ пытаться раздѣлить это тѣло на части, по крайней мѣрѣ, измѣнить его форму съ цѣлью открыть въ немъ новыя качества, избрѣсти новыя способы его употребленія. Когда удастся ребенку сдѣлать первое, то мы увидимъ, какъ затѣмъ онъ будетъ стараться или соединить это частью снова въ первоначальную цѣльную фигуру, или же построить изъ нихъ какое-нибудь новое цѣлое. Мы замѣчаемъ, какъ онъ насколько не устаетъ, хотя повторяетъ эту операцію непрерывно и притомъ въ полномъ молчаніи довольно долгое время. Итакъ: послѣ ознакомленія съ внѣшностью предмета ребенокъ выражаетъ желаніе изслѣдовать также и его внутренность. Послѣ обозрѣніа его въ цѣломъ онъ желаетъ видѣть его также и разложеннымъ на его части. А бросивши взглядъ на первое и достигши второго, онъ стремится изъ частей вновь создать цѣлое.

Остановимся на этомъ краснорѣчивомъ явленіи и постараемся съ помощью его распознать, что же теперь, послѣ замкнутаго въ себѣ мяча, послѣ однороднаго со всѣхъ сторонъ, твердаго шара и послѣ одинаго, устойчиваго кубика, мы должны дать ребенку въ качествѣ игрушки для слѣдующей игры на основаніи исключительно внутреннихъ соображеній и безъ всякаго произвола.

Это должно быть что-нибудь прочное, устойчивое, что легко разлагалось бы на части силою самого ребенка и точно так же поддавалось бы обратному соединенію частей въ прежнюю или новую фигуру, но поэтому оно должно быть къ тому же столь же простымъ, какъ и многообразнымъ. Но на основаніи уже приведенныхъ соображеній и, если принять во вниманіе то, что даетъ намъ окружающій міръ, что другое можетъ лучше удовлетворить этимъ требованіямъ, какъ не кубикъ, раздѣленный на части по одному разу во всѣхъ направленіяхъ линіями, проведенными черезъ его центръ параллельно его сторонамъ?

Кубикъ, раздѣленный черезъ центръ на части по всѣмъ сторонамъ и параллельно съ ними, канъ третій даръ дѣтской игры.

Его сущность.

Этой игрушкой начинается у насъ цѣлый рядъ игрушекъ въ родѣ прежнихъ съ необходимостью установленныхъ нами рядовъ, а именно выведенный нами въ краткомъ обзорѣ одной изъ предыдущихъ главъ рядъ тѣлъ кубической формы, прямоугольныхъ и тѣлъ, съ необходимостью изъ нихъ выводимыхъ. Главный кубикъ является въ этой игрѣ раздѣленнымъ вышеупомянутымъ способомъ на восемь совершенно равныхъ между собою кубиковъ. Такимъ образомъ ребенокъ ясно различаетъ здѣсь, какъ уже данный фактъ, безъ всякихъ словъ (въ числѣ предметовъ вещественнаго наблюденья), цѣлое и часть, ибо каждый изъ частичныхъ кубиковъ составляетъ часть главнаго кубика. Кубики-части имѣютъ точно такую же форму, какъ и главный кубикъ; следовательно, то, что даетъ намъ по отношенію къ своей формѣ главный кубикъ, то же дадутъ намъ и кубики-части въ ихъ совокупности, поскольку они являются частями большого цѣлаго. Это наблюденіе необыкновенно важно, какъ укрѣпляющее упражненіе и разъясняющее повтореніе. Такимъ образомъ оно способствуетъ наглядному различенію величины отъ формы. Въ самомъ дѣлѣ, кубичной формой, подобной главному кубику, обладаетъ каждый изъ кубиковъ-частей, но не

обладаетъ его величиной. Можно наблюдать и одну и ту же форму, если брать для наблюденія одни частичные кубики, и притомъ столько разъ, сколько этихъ кубиковъ. Такимъ образомъ, при этой простой игрѣ, съ одной стороны, выясняются посредствомъ сравненія и противуположенія, а съ другой — заучиваются посредствомъ повторенія основныя наблюденія: цѣлое и часть, форма и величина. Далѣе, здѣсь дается ребенку въ качествѣ объекта непосредственнаго наблюденія относительное положеніе и, что еще важнѣе, — расположеніе (срв. фиг. № 1 на таблицѣ); ибо онъ можетъ наблюдать здѣсь верхъ и низъ, передъ и задъ и т. и, и, слѣдовательно, положеніе, смежное съ чѣмъ-нибудь, положеніе сзади чего-нибудь, положеніе надъ чѣмъ-нибудь, положеніе подъ чѣмъ-нибудь и т. д.

Ребенокъ различаетъ въ качествѣ объектовъ вещественнаго (конкретнаго) наблюденія внѣшнее отъ внутренняго; онъ можетъ даже сдѣлать внѣшнее внутреннимъ и внутреннее внѣшнимъ. Передъ ребенкомъ открывается важная область фактическихъ наблюденій, и онъ можетъ повторять ихъ до тѣхъ поръ, пока будетъ охота.

Внутреннее, какъ только оно становится доступнымъ для органовъ чувствъ, дѣлается тотчасъ же внѣшнимъ; внутреннее же, какъ таковое, никогда собственно не можетъ восприниматься внѣшними чувствами.

Итакъ, уже изъ этихъ очень немногихъ поясненій мы видимъ, что эта наиболѣе простая изъ тѣхъ игрушекъ, которыя къ тому же включаютъ въ себѣ извѣстную истину, по мѣрѣ своего возрастающаго внутренняго развитія, обнаруживаетъ для ребенка, взрослого и чело́вѣка, также, кромѣ того, непрерывно прогрессирующій рядъ наблюденій. Въ теченіе своего обзора мы еще будемъ имѣть случай подчеркнуть многія изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ долше и глубже мы вникаемъ въ обращеніе съ этой первой игрушкой, расчлененной на части примѣнительно къ дѣтской жизни,

тѣмъ разнообразіе и всестороннѣе развертываются предъ нами ихъ качества и сущность и притомъ въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ его способностями, со степенями его внутренняго и внѣшняго развитія и съ тою постепенностью, въ которой развертывается передъ нимъ внѣшній міръ. И благодаря такой игрушкѣ ребенокъ получаетъ собственно и ключъ къ уразумѣнію внѣшняго міра, а также приобретаетъ въ ней стимулъ къ проявленію своего собственнаго внутренняго міра. Остановимся нѣкоторое время повнимательнѣе на этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ важенъ, какъ для пониманія хода развитія ребенка и человѣка вообще, такъ и для познанія и истолкованія внѣшняго міра.

Какимъ же образомъ и съ помощью какихъ средствъ достигается это послѣднее?

Это достигается постепеннымъ распознаваніемъ, истолкованіемъ и изложеніемъ элементовъ общаго въ отдѣльномъ (напр., въ опредѣленной срединѣ каждой отдѣльной кубической поверхности—средина каждой квадратной поверхности вообще), наиболѣе общаго въ наиболѣе отдѣльномъ (напр., въ конечномъ пунктѣ опредѣленнаго угла, въ опредѣленной вершинѣ угла кубика—точка сама по себѣ), единства среди частныхъ и крайнихъ обособленностей (напр., качество и сущности заполнения пространства и тѣлесно-пространственныхъ элементовъ вообще въ какомъ-нибудь опредѣленномъ кубикѣ и посредствомъ него), простаго и единого среди различнаго и многообразнаго (напр., сущности линій, ихъ направленій и ихъ крайнихъ точекъ въ разныхъ ребрахъ кубика). Но откуда же берется пробужденіе и развитіе внутренняго міра? А вотъ откуда: общее становится доступнымъ для воспріятія и наблюденія въ видѣ отдѣльнаго (напр., прямая линія въ видѣ опредѣленнаго ребра кубика), единое — въ видѣ частиаго его воплощенія (напр., точка, какъ таковая, въ видѣ опредѣленной вершины угла), внутреннее въ видѣ внѣшняго (напр., главные внутреннія направленія-діагонали куба въ видѣ извнѣ расположенныхъ реберъ

его), доступное только чувству или мысли — въ видѣ предмета опредѣленной формы (напр., понятіе цѣлаго въ видѣ кубика), единство, простота—въ видѣ множественности, многообразія (напр., каждая пзъ трехъ внутреннихъ діагоналей куба въ видѣ четырёхъ параллельныхъ между собою реберъ его)—однимъ словомъ невидимое становится доступнымъ въ видимость. Вотъ какому высокому требованію развитія чловѣка и, въ крайнемъ своемъ пунктѣ развитія, всего чловѣчества, требованію познанія природы, а, слѣдовательно, если объяснить то и другое, то и требованію истиннаго познанія божества удовлетворяетъ эта на видѣ столь незначительная, первая изъ игръ, сопряженныхъ съ расчлененіемъ дѣлимыхъ предметовъ на части. Въ своей не только прямолинейной, но и прямосторонней основной формѣ предметъ этой игры обнаруживаетъ также крайнее единство большей части того, что окружаетъ ребенка въ видѣ предметовъ, находящихся въ покоѣ, стоящихъ, устойчивыхъ, въ особенности же тѣхъ изъ окружающихъ его предметовъ, находящихся въ покоѣ, которые сдѣланы руками чловѣка. Такимъ образомъ эта игра становится для ребенка ключемъ къ уразумѣнію вѣшняго міра. Но, благодаря большой всеобщности формы и вытекающей изъ нея легкости складыванія и присоединенія такихъ формъ другъ къ другу, кубикъ становится также отличнымъ средствомъ для пробужденія къ дѣятельности внутренняго міра ребенка, ибо именно эти его качества дѣлаютъ возможнымъ для ребенка не только то, что невидимая мысль его получаетъ опредѣленную форму, но и то, что простая внутренняя мысль можетъ получить вѣшнее, наглядное изображеніе въ нѣкоторомъ количествѣ предметовъ вѣшняго міра.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ очень крупнымъ несовершенствомъ, съ крупной несуразностью въ этой игрѣ, которая служатъ, съ одной стороны, стѣсняющимъ началомъ по отношенію къ внутреннему развитію ребенка, а съ другой—препятствіемъ въ его вѣшной познавательной дѣятельности, и въ обоихъ случаяхъ—началомъ разрушительнымъ,

незамѣтно покоящимся, какъ змѣя среди розъ, среди всего того, что такъ часто теперь преподносится дѣтямъ въ качествѣ игрушки—однимъ словомъ это черезчуръ уже крайняя оформленность, крайняя выдѣланность кубика. При такихъ условіяхъ ребенокъ не можетъ ничего отъ себя предпринять, не можетъ воспроизвести самъ ничего достаточно многообразно; сила его творческаго воображенія, способность изобразить что-нибудь внутреннее въ формахъ внѣшняго міра дѣйствительно этимъ убивается. Точно такъ же, преподнося дѣтямъ слишкомъ уже выдѣланные предметы, нарушаютъ требованіе, по которому надлежитъ на общемъ паблюдать частное, и отнимаютъ у дѣтей средство найти это частное (напр., на совершенно общей кубической формѣ и ея сложеніяхъ различать то различные предметы домашней или комнатной обстановки, то животное и т. д.).

Тѣ игры, въ ряду которыхъ находится изложенная нами игра, избѣгаютъ только что осужденнаго недостатка и пополняютъ только что раскрытое несовершенство, но, сверхъ того, онѣ содержатъ еще гораздо болѣе, какъ показываетъ уже первая игра этой ступени.

О томъ, что человѣческое существо съ раннихъ поръ сказывается въ ребенкѣ, какъ существо чувствующее и ощущающее, дѣйствующее и изображающее, мыслящее и познающее, и что въ этой единой въ себѣ прочности его проявленіе заключается вся совокупность его проявленій и дѣйствій, мы говорили уже неоднократно, и это должно быть ясно каждому наблюдателю.

Этому тройкому проявленію единаго въ себѣ человѣческаго существа и дѣтской жизни вполне соотвѣтствуетъ также и данная игрушка, такъ какъ она, какъ уже было намѣчено и пояснено въ предыдущемъ обзорѣ, дѣлаетъ возможнымъ изображеніе и воспроизведеніе формъ красоты, жизни и познанія.

Но благодаря этому раннему расчлененію и вещественному наблюденію, хотя бы и безъ всякаго словеснаго обозначенія, различныхъ изображе-

пій дѣтской дѣятельности и внутренней жизни ребенка, у ребенка и впоследствии у взрослого человека является возможность раннего и постепенного познанія природы и внѣшняго міра, въ особенности же яснаго самопознанія. Уже первая игрушка этого рода приводитъ къ яснымъ и отчетливымъ, какъ общимъ, такъ и самымъ простымъ понятіямъ; она приводитъ къ ясному упорядоченію чувствъ, къ критическому отношенію, къ ощущенію и обладанію имъ, она приводитъ къ воспитывающему, цѣлесообразному пользованію своею дѣятельностью, и приводитъ притомъ ко всѣмъ этимъ результатамъ уже въ ту пору, когда жизнь въ ребенкѣ находится еще въ ненарушномъ единствѣ. Такъ оно и должно быть на самомъ дѣлѣ. Съ этимъ должно вполне сообразоваться и употребленіе этой игрушки.

Черезъ посредство этой игры, равно какъ и всѣхъ слѣдующихъ игръ этого рода, ребенку должны быть даны, и именно въ возрастѣ 1—3 лѣтъ, какъ побужденіе, такъ и матеріаль для того, чтобы свободно развивать и упражнять своими собственными средствами всю совокупность его силъ и способностей сообразно съ соответствующей ступеню жизни и образованія.

Чтобы сразу создать для ребенка совсѣмъ ясно и опредѣленно впечатлѣніе цѣлаго, впечатлѣніе замкнутаго въ себѣ тѣла (изъ наблюденія котораго, какъ изъ перваго основнаго наблюденія, все исходитъ и должно исходить), надо взять ящикъ съ кубиками и, прежде чѣмъ дать его ребенку для самостоятельнаго, свободнаго пользованія, надо отодвинуть приблизительно на четверть его крышку, обернуть его и поставить немного пріоткрытой крышкой на столъ передъ ребенкомъ, а затѣмъ совсѣмъ вытащить изъ-подъ него крышку: тогда находящіеся въ немъ кубики сами опустятся на поверхность стола. Потомъ нужно осторожно поднять ящикъ вверхъ въ совершенно вертикальномъ направленіи; тогда все содержимое ящика предстанетъ передъ ребенкомъ, внимательно наблюдающимъ все происходящее въ видѣ замкнутаго въ себѣ, но въ то же время легко дѣлимаго на части и снова

возстаналипаемаго кубика. Эта первая тщательная демонстрація этой игрушки по своей цѣли и по своему отношенію къ ребенку и къ его внутреннему міру имѣетъ отнюдь не второстепенное, а, напротивъ, крайне существенное значеніе: ибо, благодаря ей, ребенокъ получаетъ ясное, опредѣленное впечатлѣніе замкнутаго въ себѣ и, какъ онъ вскорѣ убѣдится, легко расчленяемаго на части цѣлаго. Такъ какъ вниманіе ребенка напряженно сосредоточено на демонстраціи новой игры, то первое впечатлѣніе отъ нея будетъ вполне жизненно и прочно. Вѣдь для ребенка нѣтъ ничего важнѣе того условія, чтобы первое впечатлѣніе отъ всякой вещи было для него впечатлѣніемъ покоящагося въ самомъ себѣ нераздѣльнаго цѣлаго.

Поэтому-то такъ особенно важно для ребенка первое и наиболѣе раннее впечатлѣніе ясности и порядка въ семейной и особенно въ дѣтской комнатѣ.

При этомъ мы не можемъ обойти молчаніемъ одного замѣчанія, имѣющаго существенное значеніе для всей жизни ребенка п хода его развитія, а именно: явленія и впечатлѣнія въ теченіе развитія ребенка, которыя мы, взрослые, большею частью не замѣчаемъ и считаемъ незначительными, имѣютъ очень значительныя послѣдствія для ребенка и особенно для его внутренняго міра, и даже ребенокъ п его жизнь развиваются гораздо болѣе подъ вліяніемъ того, что намъ кажется незначительнымъ и невиднымъ, чѣмъ подъ вліяніемъ того, что намъ представляется крупнымъ и бросающимся въ глаза.

Давайте же живо воспроизведемъ въ своей памяти и никогда не будемъ забывать на благо нашихъ дѣтей слѣдующаго положенія: изъ самаго незначительнаго и невиднаго сначала въ природѣ, а также и въ жизни и въ процессѣ развитія ребенка и человѣка вообще, какъ части цѣлаго, затѣмъ часто вырастаютъ крупным и всеобъемлющія послѣдствія. Поэтому — въ противоположность господствующему теперь взгляду — нигдѣ изученіе незначительнаго, невиднаго

не имѣть столь важнаго значенія, какъ въ дѣтской и семейной комнатѣ.

Ни въ коемъ случаѣ мы не можемъ позволить себѣ здѣсь забыть и еще о двухъ не менѣ важныхъ для насъ по своей обоснованности тезисовъ. Первый изъ нихъ гласитъ, что въпѣшній мѣръ развивается передъ глазами ребенка, слѣдовательно, и расширяется и формируется совершенно по тѣмъ же самымъ законамъ и въ подобной же послѣдовательности, какъ повѣствуется намъ въ нашемъ Священномъ Писаніи о сотвореніи и украшеніи міра вообще и прежде всего земли. Второе положеніе состоитъ въ томъ, что райскимъ садомъ ребенка, его эдемомъ является дѣтская и семейная комната, отцовскій домъ и окружающій его дворъ.

Однако мы не можемъ здѣсь входить въ дальнѣйшее обсужденіе этихъ попутныхъ замѣчаній: впослѣдствіи на нихъ будетъ обращено особенное вниманіе, а пока, хотя они только намѣчены нами, важность ихъ, несомнѣнно, будетъ опредѣленно признана каждымъ воспитателемъ. Затѣмъ мы должны вернуться къ самому употребленію разсматриваемой нами игрушки.

Передъ ребенкомъ стоитъ расчлененный на части, по имѣющій видъ цѣльнаго, единаго, кубикъ. То, что ребенокъ видитъ глазами, онъ желаетъ ощущать, нзслѣдовать осязаніемъ. Одинъ изъ частичныхъ кубиковъ трогается съ мѣста и, наконецъ, онъ или какой другой кубикъ подъ вліяніемъ этой операциіи выпадаетъ. Но кубикъ, являющійся цѣльнымъ, долженъ еще подвергнуться испытанію со стороны прочности его состава, со стороны дѣлимости на части. И такимъ образомъ начинается разложеніе и сложеніе его частей на тысячу ладовъ сообразно съ требованіями самостоятельности и индивидуальныхъ качествъ ребенка, проявляющееся въ свою очередь то въ видѣ приложенія кубиковъ другъ къ другу, то въ видѣ расположенія ихъ другъ за другомъ, то въ видѣ нагроможденія ихъ другъ на друга. Опытъ показываетъ, что здоровыя, сильныя и живыя дѣти занимаютъ этимъ

довольно долго и притомъ молча, размышляя совѣмъ про себя, и постройки ихъ, хотя и различаются своими направленіями у разныхъ лицъ, у каждаго въ отдѣльности происходитъ всегда въ одномъ и томъ же разъ избранномъ направленіи.

Что же при этомъ долженъ дѣлать вѣрный, заботливый воспитатель? Онъ долженъ предоставить ребенку играть, молча и разсуждая только съ самимъ собой, до тѣхъ поръ, пока это ему будетъ угодно. Если же ребенокъ взглядомъ или голосомъ пригласить его къ участію въ игрѣ, то онъ долженъ обозначить словомъ то, что дѣлаетъ въ данный моментъ ребенокъ. Напр., если ребенокъ въ это время ставитъ кубики другъ на друга, то надо сказать: „Вверхъ, вверхъ, вверхъ“. Если онъ приставляетъ ихъ другъ къ другу, то надо сказать точно такимъ же образомъ: „Рядомъ, рядомъ, рядомъ“. То же самое,—если онъ ставитъ ихъ другъ за другомъ, другъ передъ другомъ, разставляетъ ихъ другъ отъ друга, составляетъ ихъ сверху внизъ и т. п. Но можно также напѣвать эти слова: „Рядомъ, рядомъ, рядомъ“ или „Вверхъ, вверхъ, вверхъ“ и др., измѣняя при этомъ тонъ, повышая его, напр., при пѣніи словъ „вверхъ, вверхъ, вверхъ“ и понижая при пѣніи словъ „внизъ, внизъ, внизъ“.

Вскорѣ ребенокъ станетъ находить удовольствіе въ чередованіи разложенія кубиковъ со складываніемъ ихъ, постройки съ разрушеніемъ ея. И это можно сопровождать словами и пѣніемъ въ тактъ словъ: „вверхъ, внизъ; вверхъ, внизъ“ или: „врозь, рядомъ; врозь, рядомъ“ и т. д. Ребенку скоро станетъ нравиться этотъ видъ игры, благодаря чередованію тоновъ, не только внѣшнимъ образомъ сопровождающей ее, но и вносящей въ нее порядокъ и оживленіе, благодаря вносимой въ нее игрѣ словъ и звуковъ. Онъ будетъ не только желать и требовать повторенія этой игры, нѣтъ! онъ будетъ также подражать ей, будетъ стараться воспроизвести ее самостоятельно.

Если то, что дѣлаетъ въ данный моментъ ребенокъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній на

чисто-пространственный соотношеніи, и если все-таки желательно сопровождать его занятіе пѣсней съ чередованіемъ тоновъ, то можно съ измѣненіемъ высоты тона подпѣвать ему слѣдующее:

1 2 3
„Разъ, разъ, разъ“.

Или:

„Разъ и разъ и снова разъ“.

Или:

1 2 3
„Разъ, два, три“
и т. д., и т. д. ¹⁾.

Положимъ, что иной разъ приходится носить ребенка на рукахъ и требуется чѣмъ-нибудь успокоить его. Тогда логично спѣть ему цѣлую пѣсню, составленную такимъ образомъ:

2] 5 5 3 3 | 2 2 5 | 5 5
„Вверхъ и внизъ и | внизъ и вверхъ, | вверхъ и
3 3 | 2 2 1
внизъ и | внизъ и вверхъ“.

или:

2] 1 3 3 | 5 | 5 1 3 2 | 1
„Разъ, два и | три, | три и два и | разъ“.

Или:

2] 8 8 7 7 | 6 6 5 | 6 6 5 5 | 4
Разъ п два и | три и четыре, | разъ и два и | три
4 3 | 2 5 1
и четыре, | разъ и два“.

Отъ этой пѣсни и ребенокъ не только приходитъ въ неопредѣленное возбужденіе, но она будить въ немъ воспо-

¹⁾ Цифрами обозначены ноты, въ которыхъ поются отдѣльные слова, при чемъ 1 обозначаетъ какой-нибудь основной тонъ, 2—естественно слѣдующій за нимъ и т. д. Цифра въ началѣ строки обозначаетъ число главныхъ частей въ каждомъ тактѣ (темпѣ).

минанія и пренія наблюденія. Такимъ образомъ въ немъ возбуждается мышленіе, связанное съ чувствомъ, осмысленность (разумность), т. е. его возбужденіе всесторонне согласуется съ жизнью. Такимъ путемъ дѣло доходить постепенно до того, что ребенокъ не только воспринимаетъ тонъ духовно также и внутри себя, но, я сказалъ бы, онъ слышитъ звуки и въ беззвучныхъ тѣлахъ, точно звуки исходятъ изъ нихъ.

Кто уже изъ этого не видитъ, какое богатое разнообразіе развивается изъ самаго простаго примѣненія перваго занятія съ этой игрушкой! Кто смогъ бы и сумѣлъ бы достаточно исчерпать хотя бы только этотъ запасъ! Довольно! мы видимъ, что ребенокъ уже при этихъ данныхъ будетъ воспитанъ самъ собою и своими собственными силами въ полнѣйшемъ, тѣснѣйшемъ согласіи съ жизнью, исходящей отъ единаго существа Божія, чтобы умѣть оцѣнить эту жизнь, округать ее достаточнымъ уходомъ, охранять и поддерживать ее, что и составляетъ собственно послѣднюю и высшую цѣль всякаго воспитанія, всей жизни. И мы видимъ, что, благодаря этимъ играмъ, такая цѣль дѣйствительно ясно имѣется въ виду и хранится въ сердцѣ, какъ цѣль, уже при первомъ появленіи ребенка на свѣтъ, а также и удовлетворяетъ его запросамъ и въ теченіе дальнѣйшей жизни.

Долго будетъ ребенокъ заниматься простымъ складываніемъ и раскладываніемъ кубиковъ и сравнительно часто будетъ возвращаться къ этому занятію частью въ одиночку, частью совмѣстно со своей воспитательницей. Однако вскорѣ уже имъ овладѣетъ нѣкоторое предчувствіе, и онъ попытается сложить что-нибудь изъ кубиковъ. придать ихъ расположенію форму чего-нибудь (напр., форму звѣзды). Предусмотрительный воспитатель долженъ подмѣтить это смутное предчувствіе въ ребенкѣ и посмотреть, нельзя ли увидѣть чего-нибудь (сходства съ чѣмъ-нибудь) въ сложенныхъ ребенкомъ фигурахъ, напр., стола, скамьи, стула и т. д. Или заразъ нѣсколькихъ предметовъ, напр., двухъ стульевъ, двухъ скамеекъ, стула и скамьи, или стола

и скамеекъ и т. д. (см. рис. №№ 1—12 на таблицѣ). Тотъ предметъ, который создается такимъ образомъ подъ вліяніемъ настроенія момента и силы воображенія или чего другого, что можетъ при этомъ оказать свое вліяніе, подчеркивается посредствомъ слова и звука, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

5 8 5 3 5 1
„Столикъ, столикъ, столикъ“.

Или:

5 8 5 3 5 1.
„Стульце, стульце, стульце“.

Однако это уже перестаетъ удовлетворять ребенка. Съ изображаемымъ предметомъ онъ связываетъ, хотя бы и очень смутно, также и его толкованіе, опредѣленіе цѣли (назначенія) этого предмета, напр., со стуломъ, со скамьей онъ связываетъ представленіе, что на нихъ можно сидѣть. Но онъ идетъ и еще дальше: подобно тому какъ его не удовлетворяло простое пріобрѣтеніе предмета, такъ же его перестаетъ удовлетворять и простое опредѣленіе его назначенія. Онъ требуетъ, сверхъ этого, чтобы изображаемый предметъ стоялъ въ связи съ нимъ самымъ или, крайней мѣрѣ, съ его жпзнью, или съ кѣмъ-нибудь или съ чѣмъ-нибудь въ его жизни, напр., стулъ (см. рис. № 5 на таблицѣ).

„Это стулъ бабушки, на который она садится. Она беретъ ребенка, если онъ ведетъ себя тихо, къ себѣ на колѣни и рассказываетъ ему что-нибудь. Поди сюда, бабушка, ноги сюда! Вотъ стулъ. Ты можешь сѣсть на него. Поди сюда, расскажи что-нибудь малюткѣ“. Такъ говоритъ мать какъ бы устами ребенка и затѣмъ продолжаетъ: „Бабушки здѣсь нѣтъ: она въ кухнѣ, варить папѣ супъ; или она въ саду, сажаетъ цвѣточки, цвѣточки для сестрицы“.

„Поди сюда, бабушка, принеси супцу. Вотъ столикъ и скамеечки уже стоятъ около него“ (см. рис. № 7). Такъ продолжаетъ мать какъ бы устами ребенка и ведетъ съ нимъ такимъ образомъ діалогъ или взаимную бесѣду.

Другой разъ все складывается въ фигуру, напоминающую колодець (рис. № 11).

„Изъ чистаго источника, который сюда втекаетъ, дѣдушка достаетъ себѣ воду, когда ему хочется пить. Мама достаетъ отсюда воду, чтобы поливать свои цвѣты, или чтобы купать въ ней своего дорогого малютку“.

Небольшое измѣненіе, и въ слѣдующій разъ фигура принимаетъ видъ водопоя (рис. № 12).

„Водопойный желобъ такъ длиненъ затѣмъ, чтобы изъ него могли заразъ утолить свою жажду и корова со своимъ теленкомъ, и лошадь со своимъ жеребенкомъ“.

Сюда приходитъ пастухъ и стадо.

„Пастухъ гонить передъ собой корову и лошадь, теленка и жеребенка. Жеребенокъ бѣжитъ вскачь за лошадью, теленокъ, припрыгивая, не отстаетъ отъ коровы“.

Въ нѣсколько болѣе зрѣломъ возрастѣ ребенку можно рассказывать даже цѣлые маленькіе рассказы, которые къ тому же возможно всячески варіировать, напр., всѣ кубики располагаются, какъ указано на рис. 9 и 10. Эти фигуры можно разсматривать, какъ изображенія лѣстницы. И вотъ мать начинаетъ рассказывать:

„Сосѣдскому сыну Фридриху отецъ позволилъ нарвать въ саду вишень съ дерева. Онъ пошелъ туда и вздумалъ достать большую, тяжелую лѣстницу, которую приставляютъ къ дому или крышѣ. Но какъ только онъ попробовалъ поставить, она упала и разбилась. Смотри, вотъ она падаетъ! Это увидалъ садовникъ Францъ и сказалъ: „Къ дереву и въ саду вообще приставляютъ не тяжелую домовую лѣстницу, а легкую, двойную лѣстницу, специально предназначенную для деревьевъ въ и сада“. Фридрихъ увидалъ, что Францъ правъ, и пошелъ за такой лѣстницей. Смотри, вотъ она стоитъ (рис. № 10). И вотъ по ней онъ забрался высоко вверхъ и нарвалъ превосходныхъ вишень. Изъ нихъ онъ далъ нѣсколько штукъ и Францу, а также принесъ мамѣ и папѣ“.

Такимъ образомъ при каждомъ изображеніи оказывается

множество различныхъ наблюдений и всевозможныхъ примѣненій и соотношеній, полезныхъ въ жизни, ребенка.

Мы должны ограничиться этими немногими указаніями. Достаточно. Нужно предоставить ребенку возможно болѣе полную свободу изображенія. Опыгъ будетъ давать свои указанія только попутно съ изображеніемъ. Впрочемъ, руководящей игрой воспитатель можетъ время отъ времени брать на себя роль побуждающаго начала, говоря, напр., „А сдѣлай-ка стулъ“.

Все это имѣло пока отношеніе къ формамъ жизни, которыя изображаютъ съ помощью этой игрушки. Этимъ изображеніемъ можно было бы дать болѣе подходящее для дѣтскаго пониманія названіе формъ вещественныхъ, предметныхъ. Напр., „Поди сюда, мы сдѣлаемъ съ тобой одну вещь, нѣкоторый предметъ!“— „Что за предметъ, что за вещь ты сдѣлалъ?“ При этомъ необходимо сдѣлать весьма существенное замѣчаніе, а именно: при каждомъ построеніи идутъ въ дѣло всѣ 8 кубиковъ, т.-е. всѣ они должны имѣть какое-нибудь отношеніе къ цѣлому. Напр., ребенокъ при постройкѣ садовой лѣстницы (рис. № 10) могъ бы распорядиться такъ, чтобы сверху вмѣсто двухъ положилъ бы только одинъ кубикъ, т.-е. обошелся бы при этомъ семью кубиками. Въ такомъ случаѣ восьмой кубикъ долженъ изображать изъ себя ручную коробочку, въ которую клались сорванные вишни и которая теперь настолько полна, что туда ничто уже больше не входитъ.

Такимъ образомъ при этой игрѣ не должно быть ничего безотносительнаго и также никогда ничто не можетъ явиться безъ отношенія ко всему остальному, подобно тому, какъ и въ дѣйствительной жизни также никогда и нигдѣ не встрѣчается ничего вполне изолированнаго и не имѣющаго ни къ чему отношенія. Дѣло только въ томъ, что нашъ взоръ слишкомъ слабъ, а нашъ глазъ слишкомъ близорукъ или дальнорукъ, чтобы постоянно обращать на это вниманіе, распознавать это въ жизни. Но это должно такъ оставаться навсегда. Развивать съ раннихъ поръ въ человѣкѣ,

какъ внѣшній, такъ и внутренній взоръ, приравливать его къ познанію (различенію) близкихъ и далекихъ жизненныхъ отношеній, къ настоящему наблюденію и прозрѣнію ихъ внутренней связи — въ этомъ именно и состоитъ одна изъ самыхъ крайнихъ и высшихъ цѣлей этихъ игръ, направленная къ благу и счастью, миру и радости, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и всего человѣчества.

Теперь мы пойдемъ дальше въ своемъ изложеніи и изображеніи способовъ и примѣненія этой игрушки, а также и въ параллельно идущемъ введеніи читателей въ самый духъ игры.

Иногда ребенокъ съ помощью всѣхъ восьми кубиковъ составляетъ такую форму, при которой ни одинъ изъ нихъ не бываетъ лишнимъ и не въ одномъ не чувствуется недостатка; каждый занимаетъ подобающее ему мѣсто и ни одинъ не занимаетъ мѣста, принадлежащаго другому; но обо всемъ изображеніи мы не можемъ сказать, чтобы это былъ какой-нибудь опредѣленный предметъ, не можемъ сказать, чтобы это была какая-нибудь опредѣленная вещь. Однако это во всякомъ случаѣ — нѣ что, ибо при этомъ пошли въ дѣло всѣ восемь кубиковъ, равно какъ и всѣ восемь кубиковъ, повидимому, необходимы для этого построенія. И все изображеніе, оставаясь нѣмымъ, какъ бы говорить и все время снова повторяетъ тѣмъ, кто его соорудилъ и созерцаетъ теперь построенную фигуру: „Hab'acht! hab'acht!“¹⁾ И при этомъ мы, наблюдатели, не знаемъ, какъ намъ истолковать эти слова; мы не знаемъ, хочетъ ли изображеніе этимъ сказать, что оно имѣетъ восемь членовъ, частей, или же оно имѣетъ въ виду сказать намъ, наблюдателямъ, чтобы мы сосредоточили на немъ побольше вниманія. Повидимому, это изображеніе проходить мимо насъ, какъ какой-то призракъ, а внутри насъ, какъ нѣкоторое предположеніе: оно добивается, чтобы намъ что-нибудь показалось (пришло въ голову) по этому поводу,

¹⁾ Эти слова не переводятся по-русски потому, что они допускаютъ двойное толкованіе въ нѣм. яз. и двойкій русскій переводъ: или „обрати вниманіе!“ или „я имѣю восемь (частей)“. На этой игрѣ словъ построено и дальнѣйшее разсужденіе.

и мы, не думавши, говоримъ: „Это красиво!“ Передъ нами является нѣчто, но мы не знаемъ, что имъ изображается. И мы называемъ это „нѣчто“ образомъ (картиной). Тогда это „нѣчто“ можетъ принять для насъ видъ цвѣтка, который какъ бы выставляетъ на видъ свою внутреннюю жизнь во внѣшнемъ явленіи, свое внутреннее единство во внѣшнемъ многообразіи; иной разъ оно принимаетъ для насъ видъ звѣзды, которая обнаруживаетъ свою внутреннюю единую сущность въ многообразіи своихъ лучей. Мы не можемъ назвать эти формы иначе, какъ красивыми, или, лучше, въ виду того, что онѣ сами въ себѣ представляютъ нѣчто единое (назвать ихъ) однимъ словомъ „Schönheitsformen“ (формами красоты), или говоря устами ребенка — образными (картинными) формами, очень часто, хотя и не всегда, — формами цвѣтовъ и менѣе часто — формами звѣзды. Довольно! единство постоянно пробивается изъ нихъ наружу, подобно тому, какъ изъ звѣзды постоянно свѣтитъ одинъ свѣтъ. Для нашего внутренняго міра, для нашего настроенія и чувства онѣ не просто „нѣчто“, но нѣчто очень отрадное, не составляя въ то же время ничего для внѣшняго употребленія въ жизни, никакого предмета, никакой вещи.

Но какимъ образомъ мы можемъ способствовать воспріятію ребенкомъ этого внутренняго единства, дающаго о себѣ знать въ формѣ и черезъ посредство формы, этого одинаго начала, движущагося въ этой формѣ подобно свѣту? Сказать: „это красиво?“ Да, конечно, это дѣйствительно красиво. Но что изъ этой области уже извѣстно ребенку? Сказать: „Это прелестно (привлекательно?)“ Вполнѣ справедливо, потому что здѣсь дѣйствительно одна форма выставляется передъ другой, выдвигается изъ другой ¹⁾. Но какъ сдѣлать это доступнымъ для наблюденія малютки? — Вотъ именно посредствомъ подчеркиванья формъ (heben), посредствомъ движенія ихъ, подобно тому какъ свѣтъ и блескъ свѣтатъ и освѣщаютъ свой путь ¹⁾.

¹⁾ Въ обоихъ случаяхъ все построено на игрѣ словъ; въ первомъ случаѣ сближаются hübsch и heben (Das ist. hübsch, denn es hebt

Вступимъ же на этотъ путь, будемъ подчеркивать, приводить въ движеніе то, что само по себѣ имѣетъ стремленіе выдаваться, двигаться, хотя бы для внѣшняго глаза оно оставалось въ покоѣ: подобно тому, какъ камень постоянно обнаруживаетъ стремленіе двигаться въ глубину, хотя онъ лежитъ передъ нами неподвижно; подобно тому, какъ почка, цвѣтовъ у растенія постоянно стремится вверхъ и дѣйствительно постоянно поднимается. вверхъ, а между тѣмъ при каждомъ отдѣльномъ кратко-временномъ наблюденіи они постоянно остаются на одномъ мѣстѣ.

Хотя ребенокъ и не понимаетъ нѣмого языка, словъ неодушевленнаго предмета: „Нав’acht!“, но мы все-таки сосредоточимъ на нихъ свое вниманіе, постараемся воспринять этотъ внутренній языкъ вещей, языкъ природы и дѣйствительной жизни.

Упражненіе и опытъ впоследствии покажутъ намъ, что въ данномъ случаѣ безразлично, въ какой формѣ мы исходимъ, а также, идемъ ли мы отъ данной формѣ впередъ или назадъ.

Поэтому при своихъ объясненіяхъ мы исходимъ прямо отъ фигуры, изображенной на таблицѣ подъ № 1. Что же мы на ней замѣчаемъ?—Четыре кубика плотно и какъ бы прочно сложены другъ съ другомъ въ срединѣ фигуры. Четыре другихъ кубика расположены вокругъ нихъ какъ бы болѣе изолировано, свободно и, мы сказали бы, подвижно (съ наклономъ къ движенію). Что же показываетъ намъ это положеніе четырехъ внѣшнихъ, какъ бы подвижныхъ кубиковъ по отношенію къ четыремъ внутреннимъ, какъ бы неподвижнымъ, прочно укрѣпленнымъ кубикамъ? А вотъ что поверхность или сторона приставлена къ поверхности или сторонѣ. Но у кубика есть также ребра или линіи. И вотъ, подобно тому, какъ поверх-

sich eine Form vor der anderen hervor), во второмъ случаѣ: bewegen, wo und seinen Weg strahlen.

ность приставлена къ поверхности, одна другой касается, точно такъ же поэтому и ребро можетъ и должно быть приставлено къ ребру, должно касаться одно другого.

Но если могутъ приходиться въ соединеніе поверхности съ поверхностями, ребра съ ребрами — однимъ словомъ, если могутъ стоять бокъ о бокъ одинаковые элементы, то можно также и даже должно съ теченіемъ и совершенствованіемъ развитія и движенія соединять и противоположные элементы, слѣдовательно, ребра съ поверхностями и поверхности съ ребрами. Какимъ же наиболѣе простымъ путемъ дѣтъ усвоить все это ребенку? Какъ уже сказано раньше, посредствомъ подчеркиванія и движенія. Исходя изъ фигуры, изображенной на рис. № 1, продвинемъ одинъ изъ четырехъ внѣшнихъ кубиковъ по сторонѣ другого, съ которымъ онъ лежитъ бокъ о бокъ, повертывая его налѣво или направо кругомъ (пріемъ предыдущей игры въ мячъ) такъ, чтобы они пришли въ соприкосновеніе своими ребрами (см. рис. № 2); затѣмъ дальше, чтобы ребро одного соприкасалось съ гранью другого (срав. рис. № 3), и, наконецъ, чтобы поверхность (грань) одного соприкасалась съ ребромъ другого (см. рис. № 4). Такимъ образомъ мы на глазахъ у ребенка достигли того и изобразили то, чего хотѣли: мы добились того, что внутреннее единство внѣшней формы стало проявляться и проглядывать ¹⁾ среди многообразія движеній, среди видоизмѣненій внѣшности и посредствомъ этихъ видоизмѣненій, и ребенокъ скоро обнаружитъ всей совокупностью выраженной жизни, что онъ находитъ этотъ танецъ (внѣшнихъ) формъ прекраснымъ (schön), вскорѣ онъ обрѣтаетъ и самое слово „прекрасно“, служащее для выраженія его впечатлѣнія и при повтореніи этого опыта самъ обозначить свое впечатлѣніе словомъ „прекрасно“. Какимъ же образомъ побудить ребенка къ изображенію и изученію этихъ измѣненій внѣшности фигуры? А посредствомъ самого

¹⁾ По нѣм. *er-scheinen und durch-scheinen*, при чемъ *schei-nen* сопоставляется со стоящимъ дальше *schön*.

этого дѣла: „Поди-ка сюда, малютка! Давай заставишь кубики танцевать, то налево, то направо, но только, чтобы они не утомлялись, надо каждому изъ нихъ дать немножко отдохнуть“. (Ср. рис. №№ 1, 2, 3, 4).

Ну, мой милый, при этихъ танцахъ мы должны также и поддѣвать:

Плоскость къ плоскости—вотъ такъ!
Съ краенъ—край здѣсь навѣрняка.
Край на плоскости, другъ съ другомъ
Все сомкнулось тѣснымъ кругомъ.

Тѣ же самыя перемѣны, которыя до сихъ поръ производились съ четырьмя внѣшними кубиками, или имъ подобныя можно произвести и съ внутренними кубиками. Четыре кубика, лежавшіе до сихъ поръ неподвижно въ срединѣ могутъ также проявить дѣятельность (сравн., напр., фигуру № 1 съ фиг. № 5 и № 8; № 3 съ № 6 и № 7; № 2 съ 10; № 4 съ № 12).

Эти дѣйствія можно также сопровождать, напр., слѣдующими словами пѣсни:

Быль снаружи
Видь движенья,
А внутри—все
Неподвижно;
Такъ казалось, а на дѣлѣ,
Что внутри—то управляло:
Изнутри спокойной силой
Проявлялось все наружи.

Такъ, напр., съ помощью только что указаннаго приведенія въ дѣйствіе четырехъ внутреннихъ кубиковъ отъ фиг. № 4 можно дойти до фиг. № 12. Можно также и обратно отъ фиг. 12 черезъ посредство фиг. 11-й и 10-й вернуться къ фиг. № 9, такъ что четыре внутреннихъ кубика будутъ опять оставаться все время безъ измѣненій, а четыре внѣшнихъ будутъ двигаться вокругъ нихъ, какъ бы въ пляскѣ, или направо, или налево, или же поочередно, то направо, то налево; ср. данныя фигуры №№ 12—9.

Мы умышленно подчеркиваемъ этотъ примѣръ, это измѣненіе формы, чтобы показать, что, при такомъ толкованіи дѣтскихъ игръ, къ ходу развитія ребенка, къ проявленію жизни его внутренняго міра посредствомъ видоизмѣненія внѣшности не примѣняется никакого насилія, а, наоборотъ, какъ и въ природѣ, цѣлое можно постигать, начиная со всякаго пункта и со всякаго же пункта можно продолжать его развитіе дальше, не нарушая жизненной связи съ предыдущимъ.

Во время самаго процесса построенія этихъ и подобныхъ имъ рядовъ фигуръ можно поддѣвать ребенку приблизительно слѣдующее:

Въ радостной смѣхъ,
Въ танцѣ веселонъ
Все проявляется
Цѣлымъ, единымъ.

Или:

Мы въ танцѣ кружимся,
Въ кругу мы рѣвемся,
Во всѣхъ, безъ сомнѣнья,
Царитъ единенье,—
Вся наша игра
Легка и быстра.

Этихъ указаній будетъ достаточно для введенія въ жизнь ребенка изображенія формъ красоты.

Эти формы можно было бы назвать формами танца (пляски) въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ о пляскѣ міровъ, о пляскѣ временъ года, о пляскѣ природы вообще, при чемъ формы пляски все равно, что формы цѣлаго (Tanzformen-Ganzformen). Формами цѣлаго ихъ можно назвать потому, что каждый отдѣльный элементъ ихъ имѣетъ стремленіе къ цѣлому; а формами пляски потому, что каждый отдѣльный элементъ въ нихъ присутствуетъ въ угоду цѣлому, а цѣлое—въ угоду отдѣльныхъ элементовъ.

Однако при продолженіи творческой дѣятельности предъ нами предстанутъ сами собой такія формы, которыя нельзя причислить ни къ формамъ первой, ни къ формамъ второй

категоріи, которыя нельзя будетъ обозначить ни какъ формы жизни, или вещественныя формы, ни какъ формы красоты, или образныя формы. Срав., напр., фиг. № 2 на таблицѣ. Заразъ, какъ бы съ одного взмаха или съ одного приема, получается на мѣстѣ одного построенія два, на мѣстѣ цѣлаго являются части, двѣ части. Я чувствую, что эти части совершенно одинаковы, что эти двѣ половины, двѣ половины одного цѣлаго. Что же говорить мнѣ это явленіе? Оно говоритъ мнѣ и внушаетъ мнѣ слѣдующее: единое цѣлое я могу раздѣлить, могу раздѣлить пополамъ, на двѣ части, на два полупцѣлыхъ, на двѣ половины.

Слѣдовательно, тѣла могутъ имѣть различную величину, тѣла могутъ имѣть одинаковую величину. Но обѣ половины, хотя между собой онѣ совершенно равны, по сравненію съ цѣлымъ кубомъ имѣютъ отличную отъ него форму.

Въ другомъ случаѣ въ теченіе творческой, или созидательной, дѣятельности цѣлое снова дѣлится на двѣ половины (см. фиг. № 3). По отношенію къ кубу все обстоитъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ: опять двѣ части и притомъ двѣ равныя части, двѣ половины, а по отношенію къ самому строящему, изображающему и наблюдающему—ничто совсѣмъ иное: тамъ обѣ фигуры были обращены къ намъ своими узкими сторонами, здѣсь—широкими, и, слѣдовательно, части иначе расположены здѣсь, какъ по отношенію къ самому кубику, такъ и по отношенію къ наблюдателю, т.-е. здѣсь передъ нами является различное ихъ положеніе. Поэтому кубикъ, кубики, расположенные и разсматриваемые такимъ образомъ, поучаютъ, что одинаковыя части могутъ занимать разныя положенія (подвергаться различнымъ расположеніямъ). И такимъ образомъ эти различныя построенія научили и привели въ результатъ къ познанію; сопоставленія или тѣла можно наблюдать и разсматривать въ отношеніи ихъ формы, величины, положенія, но также и въ отношеніи ихъ соединенія, ибо обѣ половины куба, или оба полукуба, въ отношеніи ихъ величины, формы и положенія останутся тѣми же двумя по-

ловинами и тогда, если ихъ снова соединить широкими сторонами въ цѣлый кубъ. То, чему научилъ такимъ образомъ кубъ ребенка, чему ребенокъ научился и что узналъ при посредствѣ его, есть истина. Поэтому эти формы можно назвать формами истины, познанія, формами обученія, по болѣе всего подходило бы для ребенка назвать ихъ формами усвоенія (Lernformen).

Но могутъ ли формы познанія, истины, обученія и усвоенія для ребенка въ возрастѣ 1—3 лѣтъ сдѣлаться также формами игры и такимъ путемъ формами самостоятельной творческой дѣятельности?

О, конечно! Почему же нѣтъ?

Надо сложить вмѣстѣ всѣ восемь кубиковъ, какъ показано на фиг. № 1, и сказать: „Вотъ цѣлое!“ А затѣмъ ментально раздѣлить его пополамъ, какъ на фиг. № 2, и сказать: „Два полукуба!“ Затѣмъ эти соединенія и раздѣленія повторяются нѣсколько разъ другъ за другомъ и при этомъ напѣваютъ:

Гдѣ цѣлое—есть тамъ
И двѣ половины.

А въ слѣдующій разъ:

Одно—пополамъ,
И двѣ части вамъ.

Снова другой разъ:

Взять дважды пополамъ,
Четыре части вамъ.

Какое разнообразіе измѣненій вносится уже этими видоизмѣненіями словъ и тоновъ! Но съ этимъ можно соединить также и перемѣну положенія. Напр., такимъ образомъ:

Гдѣ цѣлое (ф. 1)—есть тамъ
И двѣ половины (ф. 2, 3/4).

Кромѣ того, можно видоизмѣнить варианты самой пѣсни, какъ въ предыдущемъ случаѣ.

Еще больше измѣненій можно внести, если измѣнять слова и положеніе вмѣстѣ.

Или, соединяя кубики въ различныхъ пропорціяхъ, можно одновременно изображать пѣты:

Одна половина,
Двѣ четверти—вотъ,
Вотъ—двѣ половины,
Четыре—свой счетъ,
Четыре четвертыхъ
И восемь восьмыхъ...
Игры нѣтъ забавнѣй
Средь игръ всѣхъ другихъ!

Или:

То здѣсь много, то здѣсь мало,
Велико то, то—мало...
Что жъ причивой быть могло?

Или совѣмъ въ общемъ видѣ:

То малъ, то великъ,
То великъ, то малъ,—
Кубикъ нашъ, и тотъ,
Превращаться сталъ.

Или:

То много, то мало,
То мало, то много.
Мнѣ нравится эта.
Игры перемѣна.

Или, внося въ игру также языкъ и обозначаемаи имъ отношенія:

Половины—здѣсь и тамъ,
Впереди и позади же;
Половины—выше, ниже...
Ту, или эту—видно вамъ!

Или въ обратномъ порядкѣ:

Половины—выше, ниже
Впереди и позади же;
Половины—здѣсь и тамъ...
Вотъ театръ прекрасный вамъ!

Или:

Половины—здѣсь и тамъ,
Половины—выше, ниже,
Впереди и позади же—
Слово съ дѣломъ здѣсь сплелся,
Веселясь за васъ—сплелися.

Въ другой разъ можно изобразить нѣчто подобное, но все же отличное отъ этого съ четвертями куба (см. фиг. №№ 5, 6, 7).

Наблюденіе отношеній по положенію, какъ формъ познанія, допускаетъ еще одну прекрасную игру, при которой, напр., въ фиг. № 2 обѣ внутреннія плоскости обращаютъ въ наружныя стороны или поверхности и, наоборотъ, обѣ наружныя поверхности или стороны поворачиваютъ внутрь и при этомъ напѣваютъ ребенку слѣдующее:

Сяутри—все наружу, наружное ввуть;
Выиграть кто отъ замѣны подобной?
Должно подумать—объ этомъ серьезно!

Этихъ указаній относительно пользованія „формами усвоенія“, какъ игрой, будетъ достаточно.

Всѣ эти пѣсни и наблюденія можно еще и другимъ способомъ вводить въ жизнь ребенка, а также примѣнять въ совсѣмъ общемъ видѣ для успокоенія ребенка. Напр., качая ребенка на рукахъ то направо, то налево, пѣть:

Показаться, вновъ уйти,—
Такъ въ игрѣ должно ити.

Или можно еще то сжимать обѣ руки, то открывать и при этомъ на каждой изъ нихъ разставлять пальцы; затѣмъ сжать пальцы на обѣихъ рукахъ на каждой отдѣльно, затѣмъ снова открыть. И при этомъ пѣть:

Мало, много и—опять...'
То прибавить, то отнять,
Такъ пресесело играть!

Наконецъ, заставляють кончики пальцевъ какъ бы бѣгать другъ по другу, начиная съ маленькаго пальца, какъ будто желаютъ ихъ пересчитать, и при этомъ продолжаютъ пѣть:

Развѣ это не прекрасная игра!

Такимъ образомъ рачительному и любвеобильному воспитателю повсюду, почти на каждомъ мѣстѣ дается возмож-

ность, представляется такой опорный пунктъ, начиная съ котораго игра, сбросивши свою видимую мертвую форму, совершенно непосредственно врывается въ самую жизнь ребенка. Вотъ, напр., еще одинъ такой случай. Ребенка попеременно то подбрасываютъ на рукѣ вверхъ, то быстро опускаютъ внизъ и при этомъ напѣваютъ:

Внизъ и вверхъ, то вверхъ,—то внизъ
Бѣгать дѣтки принялись...
Въ горку, верху разбѣгись
И опять подъ горку—внизъ!

—Однако, что же за цѣль всего этого?—А цѣль всего этого та, чтобы вокругъ ребенка никогда не было ничего мертваго, но чтобы его постоянно окружала только одна жизнь, только одно главное, какъ оно и есть въ дѣйствительности, чтобы ребенокъ никогда не видѣлъ и не слышалъ ничего пустого, лишеннаго смысла и значенія, но чтобы онъ во всемъ наблюдалъ, воспринималъ и ощущалъ смыслъ, значеніе и полноту жизни, жизненное согласіе и жизненную связь. Итакъ, ни въ коемъ случаѣ, особенно при такъ называемыхъ „формахъ усвоенія“, не можетъ быть принято мнѣніе, будто ребенокъ уже опредѣленно усваиваетъ отношенія величинъ и чиселъ, а скорѣе то, что съ опредѣленнымъ наблюденіемъ связывается постоянно и опредѣленный тонъ, а тонъ, при его повтореніи, обратно вызываетъ и связанное съ нимъ опредѣленное наблюденіе и такимъ образомъ до ребенка никогда не доходить ничего неопредѣленнаго или совершенно пустого.

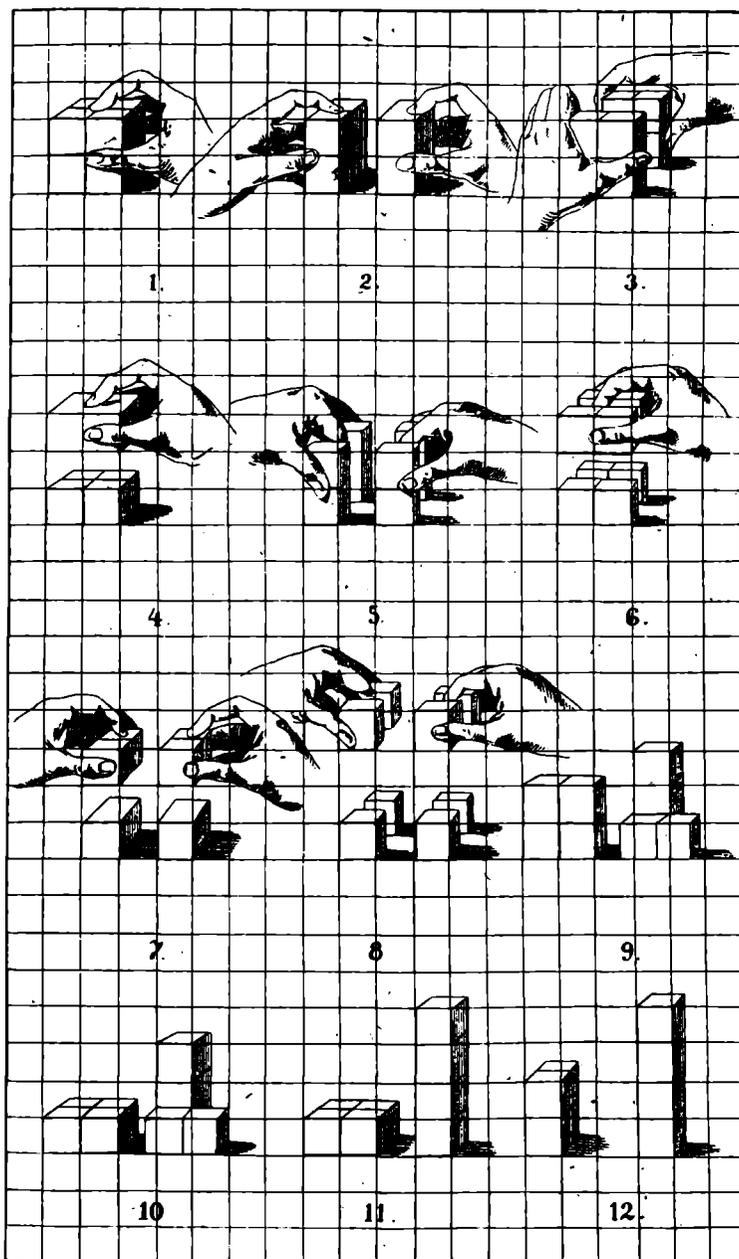
Въ одной изъ слѣдующихъ главъ этой книги мы еще вернемся къ этому вопросу. Тамъ передъ нами будетъ ребенокъ въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ и четырехъ лѣтъ съ совершенно развитой уже тѣлесной силой, умѣющей уже вполне свободно распоряжаться своими членами, умѣющей уже ходить, поднимать предметы, прыгать, размахивать руками и т. д., и игра съ мячомъ при такихъ условіяхъ будетъ представлять для насъ средство для воспитанія, образованія, обученія и усвоенія и вообще, какъ и все истин-

ное, средство для самой жизни, вполне согласуясь при этомъ съ прогрессирующимъ развитіемъ тѣла и дѣха. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какой даръ у ребенка и человѣка вообще нужно признать наивысшимъ?—Жизнь. А пользованіе какимъ даромъ наиболѣе важно для ребенка и человѣка вообще?— Пользованіе жизнью.

Какіе подарки наиболѣе дороги для ребенка, а равно и для человѣка вообще?—Тѣ, которые служатъ ему средствомъ наиболѣе чисто развертывать его внутреннюю жизнь, наиболѣе многообразно ее преобразовывать, наиболѣе свободно двигать и наиболѣе ясно проявлять ее. Поэтому, мнѣ кажется, для насъ скоро должно оказаться превосходнымъ званіе: „Давайте жить для нашихъ дѣтей!“ Не будемъ только бояться тѣхъ небольшихъ трудовъ, которые потребны, чтобы заложить основу для жизни въ маломъ, глубокомъ и единомъ. Дерево жизни расцвѣтетъ тогда для насъ, вѣтви его заплетутся въ вѣнки; его верхушка освѣтитъ насъ своею тѣнью, а вѣтви въ изобиліи дадутъ намъ плоды. Давайте только будемъ вѣрными стражами нашихъ дѣтей, и вокругъ насъ скоро возрастетъ Божій садъ. Давайте воспитывать дѣтей, не измѣняя здравому смыслу: ничто ни на небѣ, ни на землѣ не обѣщаетъ столь высокой награды, столь прочнаго блаженства. Вѣдь Богъ любитъ свои творенія, своихъ людей, любитъ своихъ дѣтей, поэтому и мы дѣти, мы люди должны не менѣе любить нашихъ дѣтей! Давайте проявлять въ жизни только единое начало, согласіе и единство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало божественное, тогда и на насъ и на нашихъ дѣтей снизойдетъ единеніе, миръ и радость и вселится въ насъ божественное начало! Если вы не можете уже въ единичномъ видѣть всеобщности и единства, уже въ зернѣ видѣть цвѣтъ, плодъ, цѣлое растеніе, то вы должны довѣрять зерну, почвѣ, небу, садовнику, всему—единенію въ жизни.

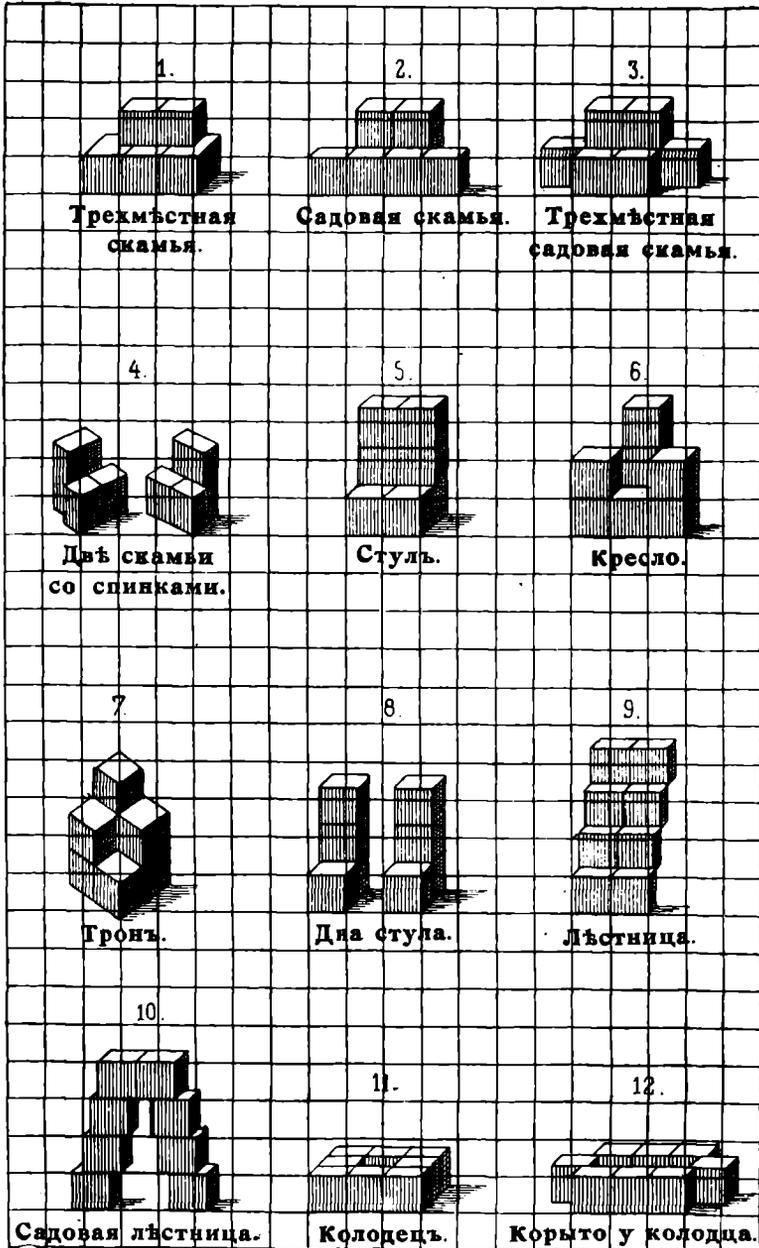
Пусть же этотъ слегка только намѣченный очеркъ покажетъ, въ какомъ всестороннемъ отношеніи къ жизни понимаемъ мы выставленные и предложенныя нами дѣтскія игры и средства для занятій, какимъ образомъ они должны

Третья игра ребенка.

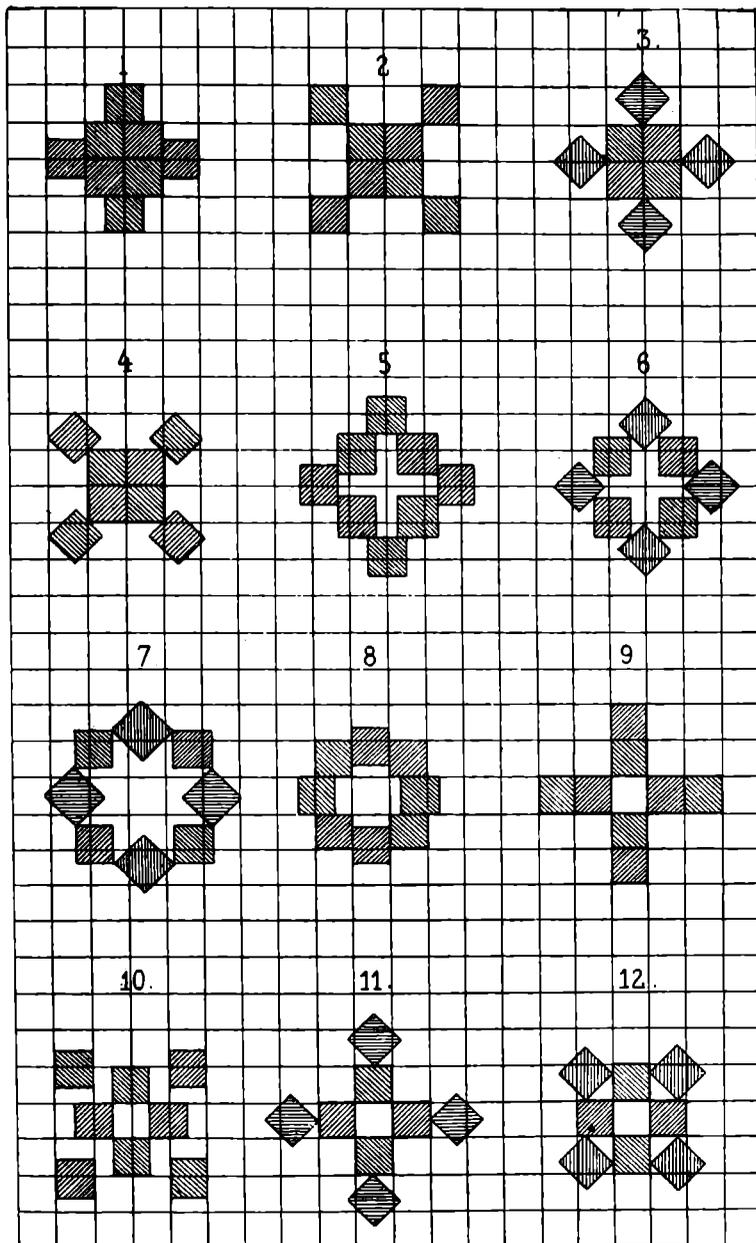
Объяснительныя фигуры.

Третья игра ребенка.

Фигуры предметовъ.

Третья игра ребенка.

Изящныя фигуры.

служить и дѣйствительно служить намъ внѣшнимъ центромъ и исходнымъ пунктомъ всѣхъ явленій въ жизни ребенка, чтобы ватѣмъ ребенокъ и впоследствии взрослый чело- вѣкъ рано умѣлъ найти въ себѣ самомъ внутренній центръ, внутренній исходный пунктъ и пунктъ объединенія, согласіе и единство жизни, своей жизни, всей жизни.

Что же касается дальнѣйшаго обзрѣнія дѣла, особенно же стороны наблюденія—взрослаго чловѣка, принимающаго участіе въ игрѣ, и самой игры,— то этимъ мы займемся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XI.

Четвертая игра ребенка.

Ребенокъ и игра.

Прежде чѣмъ дать ребенку новую игру, новое средство для воспитанія его стремленія къ завятіямъ, попытаемся предварительно поточнѣе опредѣлить степень образованія, которой достигъ ребенокъ съ помощью предоставленныхъ уже ему средствъ для развитія, а также и дальнѣйшіе его запросы, чтобы не только то, что мы имѣемъ въ виду предложить ему дальше, вошло въ его жизнь, какъ нѣчто дѣйствительно полезное, но чтобы также и мы, какъ сознательные руководители, знали, какое дальнѣйшее развитіе въ связи со всей совокупностью его жизненнаго развитія обуславливается нашимъ даромъ, чтобы такимъ образомъ въ ребенкѣ росло довѣріе къ намъ, и чтобы онъ тѣмъ основательнѣе усвоилъ нашъ даръ и тѣмъ ревностнѣе провелъ его въ свою жизнь. Вѣдь въ томъ то и заключается столь же возвышенная, сколь и бессознательная основа его ангельской чистоты и ангельской довѣрчивости, его ангельскаго мира и ангельской радости, съ которой онъ во время своего ничѣмъ еще не омрачаемаго дѣтства принимаетъ отъ своихъ родителей, отъ дорогихъ для него людей, отъ насъ дары, довѣрчиво чувствуя, что мы даемъ ему именно то, что полезно, какъ для его внутренней, такъ и внѣшней жизни; что мы даемъ ему не твердый камень вмѣсто питательнаго хлѣба, не хитрую змѣю вмѣсто жизнерадостной, весело на солнцѣ играющей въ водѣ рыбы. Это довѣріе,

эту довѣренность и увѣренность должны мы, родители и воспитатели, съ величайшей заботливостью стараться поддерживать въ ребенкѣ и тѣмъ болѣе, что онъ вѣдь представляетъ собою существо еще несознательное, не окрѣпшее и неустановившееся. Вѣдь это и есть та основа, та почва, изъ которой и на которой зарождаются и вырастаютъ, какъ для него, такъ и для насъ всѣ прекраснѣйшіе цвѣты и растенія жизни, богатые великолѣпнѣйшими плодами.

Но чѣмъ же достигается это?—Конечно тѣмъ, что ребенокъ часто ощущаетъ въ себѣ, что какъ разъ то, что предлагаетъ ему въ данный моментъ родительское попеченіе и материнская любовь, именно въ это время и потребно также и для его развитія, для воспитанія въ немъ жизни; онъ чувствуетъ даже, что и то, съ чѣмъ онъ встрѣчается случайно, родительское чутье и материнская любовь умѣютъ примѣнить къ данной ступени его развитія и къ его потребностямъ въ данное время, если только онъ самъ сохранить себѣ свою любовь и довѣріе къ отцу, къ матери и къ вѣрной системѣ воспитанія. — Однако это можетъ быть и нарушено въ ребенкѣ, и даже вовсе уничтожено. Отчего это случается?—А оттого, что ребенку или предлагается нѣчто такое, въ чемъ онъ какъ разъ на данной ступени развитія, въ данный моментъ своей жизни не чувствуетъ потребности, хотя бы при другихъ условіяхъ этотъ даръ былъ наилучшій и наиболѣе полезный, или же ему предлагаютъ нѣчто въ такой формѣ, въ которой онъ не въ состояніи распознать и понять пользы отъ этого для своей жизни. Вѣдь, благодаря этому, не только ослабляется и подрывается въ ребенкѣ, бессознательно для него самого, вѣра въ то, что родители неотступно слѣдятъ за его жизнью, сообразуясь при этомъ не столько со своими внѣшними взглядами и мнѣніями, сколько преимущественно съ его собственнымъ существомъ и его насущными потребностями, но черезъ это получаютъ и еще гораздо болѣе невыгодныя послѣдствія: является извѣстнаго рода двойственность, носящая въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Во-первыхъ,

вслѣдствіе стремленія ребенка удалить отъ себя то, что при такихъ условіяхъ стремится проникнуть въ него противъ его воли, стремится приблизиться къ нему, въ немъ пробуждается чувство негодованія, неудовлетворенности во всѣхъ стадіяхъ его развитія. А затѣмъ, съ другой стороны, какъ нѣчто противоположное этому, въ немъ зарождается страсть, неудержимое, повышенное стремленіе овладѣть тѣмъ, что именно въ силу подавленнаго тяготѣнія къ нему, въ силу недостигнутаго обладанія имъ тѣмъ болѣе представляется желаннымъ и великимъ благомъ, на чемъ вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе сосредоточиваются чувства и помышленія.

Какимъ же путемъ родители, матери и воспитатели находятъ средства итти навстрѣчу этимъ явленіямъ?—Наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ они добиваются этого съ помощью троякаго, судя по явленію, но одинаго въ себѣ наблюденія жизни: во-первыхъ, они присматриваются къ самимъ себѣ, къ своему ходу развитія, по возможности въ наиболѣе ранней, а также и въ позднѣйшей и даже въ настоящей жизни съ тѣмъ, чтобы опредѣлить настроеніе ребенка; во-вторыхъ, они стараются, возможно, глубже проникнуть въ жизнь ребенка и въ тѣ запросы, которые необходимо должны быть у него сообразно съ настоящей ступенью его развитія; наконецъ, въ-третьихъ, они обращаютъ свой испытующій взоръ на внѣшній міръ, на обстановку, окружающую ребенка, стараясь распознать при этомъ, во-первыхъ, что можетъ и чего не можетъ дать эта обстановка для исполненія данныхъ запросовъ (при чемъ въ первомъ случаѣ они соотвѣтственно удовлетворяютъ запросамъ ребенка, а во второмъ, хотя и ограничиваются простымъ констатированіемъ факта со стороны ребенка, однако, стараются также дать понять ребенку невозможность удовлетворенія его требованій), а затѣмъ стараясь также опредѣлить, чѣмъ именно изъ окружающей обстановки произвольно пробуждается и усиливается въ ребенкѣ чувство негодованія, отвращенія, неудовлетворенности и чѣмъ въ особенности обусловливается неукротимость его стремленій.

Очень часто ребенок добивается чего-нибудь, однако даже и самъ не знаетъ, чего онъ ищетъ. А иной разъ точно такъ же чуждается чего-нибудь и опять-таки самъ не знаетъ, почему, такъ какъ раньше оно было для него пріятно и до сихъ поръ еще продолжаетъ интересоваться его при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Однако отсюда нельзя вывести, что ребенокъ чуждается чего-нибудь случайно точно такъ же, какъ и ищетъ чего-нибудь случайнаго. Онъ ищетъ, правда, чего-нибудь ему еще неизвѣстнаго, но все-таки сообразнаго съ современной ступеню его развитія и потому то, чего онъ ищетъ, является новымъ въ совершенно общемъ смыслѣ, но вовсе не бываетъ абсолютно новымъ, не имѣющимъ связи съ тѣмъ, что было ему извѣстно до тѣхъ поръ, такимъ неизвѣстнымъ, чтобы при первомъ появленіи произвести задержку въ его развитіи. Оно ново только по сравненію со старымъ, уже извѣстнымъ, и представляетъ собою дальнѣйшее развитіе предыдущаго опыта, подобно тому, какъ почка является въ результатъ развитія вѣтки: какого-нибудь новаго неожиданнаго оборота, новаго неожиданнаго примѣненія уже извѣстной вещи, новыхъ неожиданныхъ качествъ ея, новыхъ, но бессознательно уже предполагаемыхъ направленій въ развитіи, новой неожиданной связи съ жизнью и прежде всего новой связи его жизни съ жизнью родителей, взрослыхъ, благодаря которой, онъ надѣется получить для себя и дѣйствительно получаетъ соответствующую пищу для жизни— вотъ чего ищетъ ребенокъ. Часто ребенокъ ищетъ новое внѣ себя, но не ради самого предмета изъ внѣшняго міра, при чемъ цѣлью его стремленій является не само внѣшнее, но онъ ищетъ собственно предполагаемое новое и то, что заставляетъ его предполагать это новое, въ себѣ самомъ, въ своемъ собственномъ развитіи. Но такъ какъ онъ еще не знаетъ и, слѣдовательно, не можетъ еще дать въ немъ себѣ отчета, то онъ ищетъ вообще перемѣны, чтобы, какъ уже было указано въ другомъ мѣстѣ, съ помощью ея и опираясь на нее, какъ на средство для роста, дать толчекъ своему внутреннему росту и найти въ себѣ для него опору.

Прежде всего, слѣдовательно, въ самомъ ребенкѣ укрьпляется, проясняется, расширяется и преобразуется старое и въ то же время безпрестанно развивается новое и все это происходитъ по опредѣленному закону, имѣющему основаніе въ немъ самомъ, въ его жизни, въ жизни вообще. Поэтому ребенокъ желаетъ, требуетъ, хотя совершенно самъ того не сознавая (замѣчательно, что часто тѣмъ болѣе опредѣленны его требованія), чтобы не только вокругъ него раскрывалось постоянно новое и притомъ по опредѣленнымъ законамъ, но чтобы эти внѣшнія явленія давали ему самому почувствовать этотъ законъ, а вмѣстѣ съ нимъ и законъ его собственной жизни, единство или противоположность ихъ между собою, а слѣдовательно, понять высшія жизненныя соотношенія.

Но для достиженія всего этого, какъ уже было сказано, существенно необходимо, чтобы воспитатели постоянно представляли себѣ ходъ развитія, ходъ образованія ребенка, какъ нѣчто цѣльное.

Какимъ же образомъ развивался ребенокъ до сихъ поръ? Какъ развертывался передъ нимъ окружающій его міръ съ его предметами и явленіями? Въ особенности, какъ развивался ребенокъ подъ влияніемъ тѣхъ средствъ для игры и занятій, которыя были предоставлены ему до сихъ поръ?

Свѣтъ, зарождающійся внутри ребенка, уясняетъ ему и предметы внѣшняго міра. По мѣрѣ того, какъ свѣтъ разгорается внутри ребенка, развертываются передъ нимъ и предметы внѣшняго міра. По мѣрѣ того, какъ онъ знакомится съ опредѣленнымъ ходомъ развитія въ себѣ самомъ, въ своей собственной жизни, постигаетъ уже его въ извѣстномъ отношеніи, какъ законы развитія; на ряду съ этимъ онъ знакомится съ ходомъ развитія окружающихъ его предметовъ, а по мѣрѣ того, какъ онъ научается дѣлать заключенія отъ дѣйствія къ его причинѣ обратно, онъ постигаетъ и законы развитія этихъ предметовъ. Этотъ ходъ и этотъ законъ въ общемъ представляютъ собою не что иное, какъ переходъ отъ безграничнаго къ заключенному въ опредѣленныхъ предѣлахъ, отъ общаго къ частному, отъ единства къ дробности (раздѣльности), отъ жизни вообще къ

опредѣленному ея виду, формѣ, отъ формы въ цѣломъ къ ея расчлененію, отъ цѣлаго къ части и т. д.

Въ полномъ согласіи съ этимъ и происходило наблюденіе и толкованіе дѣтскаго развитія въ предлагавшихся до свхъ поръ средствахъ для дѣтскихъ игръ. Въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе ребенка и человѣка вообще только тогда приноситъ съ собою миръ и счастье, когда оно уже съ раннихъ поръ помогаетъ человѣку, и даже уже въ дѣтскомъ возрастѣ, воспринять слѣдующее положеніе: жизнь внѣшняго міра не только не противустоитъ въ качествѣ прямой противоположности непосредственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе чистымъ требованіямъ ненарушимой собственной жизни человѣка, но даже настоятельно вплетается въ жизнь его внутренняго міра, способствуя ея развитію, если только обѣ эти области правильно изучены и подлежащимъ образомъ приспособлены истолкованы по отношенію къ ихъ сущности и опредѣленію, въ особенности же по отношенію къ ихъ противоположнымъ качествамъ. Наконецъ, внѣшній міръ не только вполне соответствуетъ требованіямъ внутренняго міра, но даже идетъ имъ навстрѣчу, самъ собою и своими собственными средствами изображаетъ внутренній міръ.

Обо всемъ этомъ взрослый человѣкъ, обладающій проницательностью, долженъ уже имѣть по возможности ясное представленіе, прежде чѣмъ вводитъ своего младшаго брата, своего питомца, своего ребенка въ область внѣшняго міра, прежде чѣмъ давать ему игрушку, служащую посредникомъ между нимъ и внѣшнимъ міромъ; онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть понятіе объ игрѣ и занятіяхъ, объ игрушкѣ и средствѣ для занятій, чтобы они служили ребенку средствомъ для воспроизведенія его внутренняго міра, для приближенія къ себѣ внѣшняго міра съ его явленіями и для облегченія

познанія обоихъ этихъ міровъ. При такомъ посредническомъ положеніи игры и игрушекъ въ жизни ребенка, при такомъ истинномъ взглядѣ на нихъ для насъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть безразличенъ не только подборъ ихъ, но и послѣдовательность и связь ихъ между собою, а равно и ихъ воздѣйствіе на жизнь ребенка. Предоставляя ребенку тѣ или другія средства для игръ и занятій, мы желали бы, по крайней мѣрѣ, строго соблюдать, чтобы ребенокъ развивался, благодаря имъ, самодѣтельно и въ то же время закономѣрно, согласно со своею сущностью, чтобы черезъ нихъ онъ научился правильно познавать и факты внѣшняго міра и сообразно съ этимъ правильно и увѣренно поступать въ жизни.

Какъ только ребенокъ въ силу противоположности и благодаря связи своего существа съ внѣшнимъ міромъ ощутилъ, хотя бы только однимъ своимъ тѣломъ, себя самого и свою собственную жизнь, тотчасъ для него даже съ помощью мяча, съ помощью предоставленія ему мяча выступаетъ изъ неопредѣленной среды внѣ его и вокругъ него нѣчто опредѣленное, изъ общаго выдѣляется частное, нѣчто замкнутое въ себѣ пространственнаго характера. Въ лицѣ мяча, въ особенности благодаря движенію, благодаря противоположенію покоя и движенія, исчезновенія и появленія, для ребенка изъ общей массы пространства выдѣляется предметъ, какъ нѣчто, занимающее свое особенное пространство, какъ физическое тѣло, равно какъ ребенокъ и самого себя, свое собственное тѣло начинаетъ, благодаря своей жизни, ощущать, какъ нѣчто заполняющее пространство, какъ физическое тѣло. Благодаря этому, у ребенка получается два объекта сразненія важныхъ для его начинающагося духовнаго развитія: тѣло и тѣло, предметъ и предметъ. Поэтому отнюдь не безразлично, какой предметъ, какое тѣло дано ребенку для сравненія съ его собственнымъ тѣломъ, т. е. для игры съ нимъ. Себя онъ ощущаетъ и воспринимаетъ, какъ жизнь; мячъ, въ соответствіи съ этимъ, онъ долженъ воспринимать и дѣйствительно воспринимаетъ, и въ процессѣ движенія, какъ движеніе.

Къ тому же, въ лицѣ самого себя, какъ въ зернѣ растенія, ребенокъ получаетъ эмблему уходящаго въ безпредѣльное разнообразіе развитія и въ такомъ видѣ онъ себя и воспринимаетъ. Точно такъ же и въ томъ, что выдѣляется для него прежде всего изъ окружающей среды въ качествѣ физическаго тѣла, онъ долженъ получить какъ бы такое зерно съ неизбѣжно заключающимся въ немъ безпредѣльнымъ разнообразіемъ закономернаго развитія. А таковымъ именно является для него, это и даетъ ему мячъ (сравни главу о мячѣ).

Въ лицѣ и черезъ посредство шара и кубика (слѣдующаго средства для игры), какъ прямыхъ и равныхъ другъ другу противоположностей, для ребенка выдѣляется и выступаетъ различіе внѣшняго вида тѣлесныхъ предметовъ въ простѣйшихъ, противоположныхъ другъ другу тѣлесныхъ формахъ. Въ частности, въ шарѣ обнаруживается для ребенка единство внѣшняго вида съ неоднократно уже заложеннымъ въ немъ (находящимся въ потенциальномъ состояніи) и проявляющимся въ кубикѣ тріединымъ расчлененіемъ; въ кубикѣ обнаруживается расчлененіе внѣшности въ качествѣ внѣшняго явленія, а не только, какъ въ шарѣ, въ качествѣ внутренней его возможности. Еще отъ игры съ мячомъ ребенокъ сохранилъ и продолжаетъ сохранять и при этой второй игрѣ понятіе о движеніи. Но, кромѣ того, онъ развилъ и продолжаетъ развивать это понятіе особенно на игрѣ съ кубикомъ, слѣдовательно, съ тѣмъ изъ этихъ двухъ тѣлъ, которому по его формѣ скорѣе подходило бы состояніе покоя, хотя его названіе ¹⁾, сверхъ ожиданія, требуетъ для него почти исключительно движенія (Срв. обо всемъ этомъ главу, посвященную шару и кубiku).

Въ кубикѣ, раздѣленномъ на 8 частей плоскостями, проведенными черезъ средину во всѣхъ трехъ направленіяхъ параллельно его сторонамъ, обнаруживается каждое изъ качествъ цѣлаго, или главнаго куба восемь разъ, какъ бы

¹⁾ Слово „Würfel“ (кубикъ) авгоръ сближаетъ съ глаголомъ „werfen“ (бросать).

заставляя этимъ (мы уже раньше объясняли значеніе этого числительнаго ¹⁾) обратить вниманіе, сосредоточиться на каждомъ изъ этихъ качествъ. Такимъ образомъ, напр., очень явственно выступаютъ три различныхъ вида внутреннихъ направленій: направленіе плоскостное, линейное и угловое; но главнымъ образомъ—три главныхъ направленія, три пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ (перпендикулярныхъ) плоскостныхъ направленія. Но эти три направленія являются еще совершенно одинаковыми между собою, какъ бы еще не раздѣленными между собою, и на нихъ и посредствомъ ихъ не наблюдается еще никакого внутренняго различія, такъ что каждое изъ нихъ можно принимать равнымъ другому. Только временно при постройкѣ и складываніи этихъ всѣми частичныхъ кубиковъ являлось различіе между этими тремя главными, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ направленіями, какъ между *длиной*, *шириной* и *высотой*, или длиной, шириной и толщиной; а постоянными, прочно опредѣляющими форму и внѣшность качествами они и до сихъ поръ еще не являлись (обо всемъ этомъ срв. главу о первомъ строительномъ ящикѣ).

Этимъ обуславливается и вызывается и дальнѣйшее развитіе средствъ для игры и занятій, къ тому же и какъ средствъ для познанія, наблюденія и ориентировки среди многообразія формъ и видовъ внѣшняго міра, а именно обуславливается та стадія ихъ развитія, въ которой, благодаря появленію разницы въ величинѣ, постоянно разнятся между собою три главныхъ, перпендикулярныхъ между собою направленія, какъ длина, ширина и толщина, или какъ длина, ширина и высота и т. д., и такимъ образомъ появляется раздѣленіе основнаго кубика на восемь равныхъ между собою продолговатыхъ плитокъ. Это и есть слѣдующій теперь по порядку четвертый даръ средствъ для игры и занятій. Благодаря ему ребенокъ получаетъ вмѣсто исчезающихъ и находящихся на лицо эле-

Оближеніе словъ *achtmal* (8 разъ) и *achten* (обращать вним.).

Пр. пер.

ментовъ формы и вида постоянный матеріаль для наблюденія, прочную мѣрку и такимъ образомъ передъ нимъ раскрывается, сообразно съ потребностями и пониманіемъ той ступени развитія, на которой онъ находится, новый богатый запасъ формъ для построенія, какъ въ области внѣшняго и окружающаго его міра, такъ и въ области его внутренняго міра, взаимно вызывающихъ и облегчающихъ другъ друга.

Здѣсь мы попросимъ тѣхъ родителей, друзей и воспитателей дѣтей, до сихъ поръ критически слѣдившихъ за нашимъ изложеніемъ средствъ для дѣтскихъ занятій, равно какъ и вообще образовательныхъ и воспитательныхъ средствъ и ихъ обоснованій, на моментъ остановиться въ этомъ мѣстѣ, чтобы обратить вниманіе на ту простоту, на ту увѣренность, съ которой мы слѣдуемъ по пути развитія и образованія, разъ уже признанному за истинный и съ которой мы выполняемъ условія удовлетворяющей насъ системы воспитанія человѣка.

Вотъ одно изъ первыхъ ея основныхъ положеній: въ каждомъ предыдущемъ данномъ и посредствомъ этого даннаго должно уже быть дано и обусловлено и послѣдующее; дальнѣйшее же только больше подчеркнетъ его и придастъ ему болѣе опредѣленную форму. Поэтому также никогда не слѣдуетъ указывать ребенку слишкомъ широкаго средства для развитія и образованія; нельзя также и отъ него требовать ничего такого, что еще не обосновано, не выяснено въ предыдущемъ или настоящемъ опытѣ. И то, и другое требованіе, какъ уже было неоднократно и опредѣленно указывается въ предыдущемъ, оказываются точно выполненными нами во всѣхъ выведенныхъ до сихъ поръ средствахъ для игры и развитія ребенка.

Другое требованіе удовлетворяющаго насъ воспитанія человѣка гласитъ: каждый предметъ долженъ являться для ребенка, съ одной стороны, какъ замкнутое въ себѣ цѣлое, а съ другой—въ разнообразныхъ соединеніяхъ также и какъ членъ болѣе крупнаго цѣлаго. Это также ясно выступаетъ въ каждомъ изъ предложенныхъ нами до сихъ поръ средствъ

для игры: каждый предмет, дѣйствительно, является замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ, а также находится въ жизненной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, носить въ себѣ отчасти зародыши предыдущаго и послѣдующаго и можетъ развить и образовать ихъ изъ себя.

Точно такъ же у насъ осуществляется и то основное положеніе, по которому всякое познаніе и толкованіе жизни должно быть тѣсно связано съ представленіемъ фактовъ внутренней жизни во внѣшнемъ мірѣ, а фактовъ окружающей дѣйствительности—въ мірѣ внутреннемъ и съ воспріятіемъ полного едивенія, согласованія этихъ обоихъ міровъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, шаръ и особенно кубикъ все болѣе и болѣе дѣлаютъ доступной для внѣшняго наблюденія свою внутренность (напр., средину и направленія діагоналей и т. д.), а съ другой — ребенокъ, въ свою очередь, съ ихъ помощью усваиваетъ своимъ внутреннимъ міромъ, какъ ихъ сущность, такъ и вообще сущность предметовъ внѣшняго міра и такимъ образомъ подходит къ истинному познанію жизни и настоящему изученію своего собственнаго внутренняго міра.

Какой спокойный прогрессъ развитія человѣка, ребенка, равно какъ и постепеннаго ознакомленія съ внѣшнимъ міромъ обезпечивается такимъ путемъ! какъ возможно было бы всесторонне, хотя бы только въ общихъ чертахъ, отмѣтить здѣсь подробности этого!

Кубинъ, раздѣленный на восемь брусковъ.

Четвертый даръ ящиковъ для игръ и занятій. Его сущность.

Съ помощью приведеннаго выше, не только единственнаго, но и почти незамѣтнаго измѣненія, благодаря которому внутреннее различіе, заложенное уже въ трехъ главныхъ перпендикулярныхъ между собою направленихъ кубика и шара, становится нагляднымъ и постояннымъ и внѣшнимъ образомъ выступаетъ въ каждомъ изъ брусковъ, какъ различіе въ величинѣ, игрушка и сама игра получаетъ совершенно новое значеніе.

Подобно тому, какъ изображенія предыдущей игры были преимущественно изображеніями массы и изображеніями тѣлъ, такъ изображенія этой игры становятся главнымъ образомъ изображеніями плоскостного и линейнаго протяженія, изображеніями на горизонтальной плоскости въ вертикальномъ направленіи. Подобно тому, какъ тѣ изображенія были преимущественно заполняющими пространство, такъ эти становятся преимущественно ограничивающими пространство, включающими въ себѣ пространство, болѣе полными.

И здѣсь также изображенія различаются въ свою очередь на жизненныя или вещественныя формы, на формы красоты, или образныя и на формы познанія, или усвоенія (обученія). Эти послѣднія въ сравненіи съ соотвѣтствующими формами предыдущей игры имѣютъ ту особенность, что онѣ проявляютъ болѣе плоскостное и линейное протяженіе; однако всѣ формы, включая сюда и нѣкоторыя немногія квадратныя поверхности, ограничиваются формой прямогоугольнаго четырехугольника. Слѣдовательно, здѣсь особенно поддаются изученію отношенія по формѣ и величинѣ (см. таблицу, которая содержитъ приблизительно половину этихъ формъ). Кромѣ того, въ этой игрѣ появляются еще два новыхъ явленія: это—равновѣсіе и распространяющееся движеніе.

Практика игры.

Потребность, случай,—короче, свободная игра, какъ таковая, и здѣсь прежде всего вступаютъ въ свои права, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы всему, что возникаетъ какъ бы изъ подъ руки строителя, тотчасъ дапо было имя, которое, какъ было у насъ, напоминало бы ему, какъ и раньше, что-нибудь извѣстное и близкое. Такими именами, во первыхъ, бываютъ: домикъ, комната, столъ, стулья, скамьи и т. д. Однако и сама постройка, поскольку она поддерживается въ равновѣсіи, благодаря соблюденію центра тяжести, доставляетъ уже удовольствіе ребенку, а затѣмъ уже она доставляетъ ему удовольствіе, какъ изображеніе

высокой башни или хотя бы только лѣстницы. Равнымъ образомъ доставляетъ удовольствіе и то, что она снова легко распадается на свои составныя части. Не слѣдуетъ думать, что, разъ черезъ это не достигается никакого постоянного результата для внѣшняго изображенія, то будто бы также мало дается этимъ и для внутренняго развитія ребенка: ребенокъ знакомится при этомъ съ отдѣльнымъ предметомъ, съ частью по отношенію къ ея формѣ и употребленію и въ то же время получаетъ для своего внутренняго міра богатый запасъ разнообразныхъ наблюденій и представлений. Не надо только никогда забывать разговаривать при этомъ съ ребенкомъ или, по крайней мѣрѣ, ясно и опредѣленно обозначать соответствующимъ словомъ результатъ его построенія, чтобы въ ребенкѣ такимъ образомъ возбуждалось мышленіе, и чтобы онъ, если бы даже ему случилось играть и въ одиночку, никогда не игралъ безъ участія мысли, или иначе, чтобы ребенокъ никогда, не игралъ безъ того, чтобы его душа опредѣленно осязала и понимала то, что онъ изобразить внѣ себя.

Подобно тому, какъ всякое изображеніе, всякое явленіе постоянно связаво съ опредѣленнымъ внутреннимъ условіемъ; точно такъ же—и здѣсь. Здѣсь этимъ условіемъ является то единственное требованіе, которое было высказано уже раньше, а именно, чтобы въ каждомъ построеніи, будь оно простое или сложное, связанное или расчлененное цѣлое (напр., памятникъ, садовая стѣна или деревня), использованы были постоянно всѣ плитки или, по крайней мѣрѣ, чтобы всѣ онѣ были поставлены въ связь съ основнымъ изображеніемъ. Цѣли выполненія этого условія и здѣсь, какъ было указано и раньше, многообразны: во-первыхъ, чтобы ребенокъ занимался не безъ участія мысли, но чтобы онъ постоянно имѣлъ въ своемъ дѣлѣ опредѣленную цѣль или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ принужденъ никогда не выпускать ее изъ вида; затѣмъ, чтобы ребенокъ могъ наблюдать стройный имъ предметъ въ многостороннихъ отношеніяхъ и соединеніяхъ, что необходимо, напр., въ томъ случаѣ, когда у него остается одна плитка и ее приходится, во что бы то ни стало

привести въ соединеніе съ построенный уже предметомъ; наконецъ, самое послѣднее, чтобы ребенокъ умѣлъ использовать весь предоставленный въ его распоряженіе и пользование материалъ и ничего не оставилъ бы безъ вниманія и безъ употребленія. Благодаря всему этому въ ребенкѣ развивается сила яснаго внѣшняго толкованія предметовъ, а также и внутренняго наблюденія и формированія своихъ наблюденій, силъ представленія и воображенія (фантазій).

Мы высказали выше, что начало игры опредѣляется потребностью, случаемъ, свободной игрой. Теперь мы хотимъ выдвинуть и принять дальнѣйшее, второе и притомъ непосредственно примыкающее къ нему условіе. Мать должна взять игральный ящичекъ, поставить его крышкой на столъ, вытащить изъ подъ него крышку и затѣмъ поднять вверхъ и самый ящикъ. Тогда передъ ребенкомъ на столѣ окажется кубикъ (см. рис. № 1 на таблицѣ). (Лучше всего производить построенія на деревянной или бумажной площадкѣ, снабженной квадратной сѣткой, при чемъ каждая сторона квадрата по величинѣ или длинѣ равняется большой сторонѣ плитки кубика). Тогда мать посредствомъ слова тотчасъ превращаетъ кубикъ въ кухонный очагъ, вообще въ очагъ для варки и разведенія огня, на которомъ готовится супъ для проголодавшагося ребенка и варится пища для папы, когда онъ вернется съ работы; огонь горитъ въ серединѣ очага на плитѣ. Можно обойти кругомъ очага, чтобы лучше раздуть огонь и старательнѣе заняться приготовленіемъ кушаній.

Супъ приготовленъ; кушанья сварены. Мать, ребенокъ толкаютъ очагъ, и онъ разваливается, распадается на отдѣльные кирпичики. Очагъ состоитъ изъ равномерныхъ кирпичиковъ.

Ребенку хочется супу. Является папа; онъ хочетъ ѣсть. Но нѣтъ стола. Тотчасъ материалъ перестраивается: изъ кирпичиковъ получаютъ строительныя балки, дощечки, и вотъ передъ нами стоитъ столъ (см. рис. № 11 стр. 290). Но теперь не хватаетъ скамьи, нѣтъ стульевъ, скамеекъ, на которыхъ бы могли сѣсть за обѣдь мама съ ре-

бенкомъ и папа. Столъ вообще слишкомъ великъ. И вотъ тогда одна половина его или, лучше, половина его матеріала быстро превращается въ сканью (на рис. № 14, стр. 291 такихъ скамей изображено двѣ) или въ двѣ скамья или два стула. И тогда все въ порядкѣ, какъ показано на рис. № 13. На одномъ стулѣ или на одной скамьѣ сидитъ папа и ѣсть свое блюдо, а на другой или на другомъ сидитъ мама съ ребенкомъ и кормитъ его супомъ.

Очагъ равваленъ. Матеріалъ не подвергается дальнѣйшему превращенію. Лѣто. Прекрасный, теплый вечеръ. Ребенокъ играетъ на дворѣ у каменнаго стола, на каменныхъ лавкахъ (см. рис. № 13). Приходитъ папа и садится къ нему. Мама приноситъ ему туда его кушанья, приноситъ супу и для ребенка. На этой скамьѣ, что направо, садится папа, а на той, что влѣво, садится мама съ ребенкомъ. Мама рассказываетъ папѣ, какъ хорошо ребенокъ игралъ и тихо занимался постройкой и далъ ей время приготовить обѣдъ. Папа приноситъ ребенку превосходный голубой цвѣтокъ съ поля. „Смотри-ка, мой дорогой, вотъ тебѣ цвѣточекъ“.

Въ другой разъ тотъ же каменный столъ, тѣ же каменные скамейки изображаютъ собою дерновый столъ и дерновыя скамейки и стоятъ они уже не на дворѣ, а въ саду. Такъ какъ папа слышитъ, что ребенокъ доставилъ удовольствіе матери своимъ поведеніемъ, то онъ идетъ туда и срываетъ для него превосходный красный цвѣтокъ, который такъ привѣтливо киваетъ ему головой.

Подобно тому, какъ изъ одной половины большого стола (см. рис. № 11) были уже сдѣланы двѣ скамейки (см. рис. № 13), точно такъ же дѣлаются еще двѣ скамейки и изъ другой его половины. Въ срединѣ сада находится круглая площадка. Вокругъ нея стоятъ четыре скамейки, обращенныя внутрь своими сидѣньями (см. рис. № 20, стр. 291). Смотри-ка! Тамъ играютъ пятеро дѣтей въ „наемъ комнатки“. Одинъ изъ нихъ обращается то туда, то сюда съ вопросами: „Нѣтъ ли у васъ комнатки?“ — „Не отдается ли у васъ помѣщеніе?“ — „Нѣтъ ли свободнаго мѣстечка?“

Все оказывается занятымъ. Но вотъ тамъ два сосѣда мѣняють свои мѣста, и онъ быстро занимаетъ одно изъ нихъ.

Иной разъ дѣти играютъ въ „хождение въ гости“. Тогда каждая изъ скамеекъ или сидѣній обращается въ домикъ.

Иногда строится домикъ или открытая садовая сторожевая бесѣдка, какъ на рис. № 23, стр. 291. Туда ходятъ въ гости или тамъ принимаютъ гостей, или же въ одномъ изъ угловъ бесѣдки сидитъ мама со своимъ малюткой, при чемъ или она рассказываетъ ему что-нибудь про плотника или столяра, который такъ хорошо соорудилъ бесѣдку изъ досокъ и балоковъ (брусковъ), что въ ней такъ покойно сидѣть, или же усталый ребенокъ спитъ на рукахъ или на колѣняхъ у матери, а она напѣваетъ ему колыбельную пѣсенку:

Играть устали... Тутъ-какъ-тутъ
И глазки жмурится начнутъ!
Пора малюткамъ отдохнуть,
На ручкахъ мамы прикурнуть,—
Что лучше можетъ быть для нихъ,
Для дѣтокъ маленькихъ моихъ!..

Иной разъ мама съ ребенкомъ идетъ гулять въ садъ, но дуетъ сильный вѣтеръ и идетъ дождь. Тогда она прячется съ ребенкомъ въ ту же „открытую садовую бесѣдку“. Но въ ней дверь. Мама можетъ закрыть ее и закрываетъ. Теперь они оба скрыты, такъ какъ у бесѣдки есть крыша, чтобы дождь не попадалъ туда сверху, и дверные затворы, чтобы вѣтеръ не засѣкалъ туда дождя сбоку (см. рис. № 24, стр. 291).

Точно такъ же, если только позволяютъ жизненные интересы ребенка, можно указать ему на то, что у деревянныхъ скамеекъ и стульевъ бываютъ спинки, а у каменныхъ сидѣній и дерновыхъ скамеекъ—нѣтъ.

Въ высшей степени важно также для ребенка и имѣть для него совершенно особенную прелесть—наблюдать, какъ изъ одного предмета выходитъ другой, какъ изъ него можно сдѣлать другой предметъ, превратить его въ другой предметъ, напр., столъ (рис. № 11) превратить въ столъ п

двѣ скамьи (рис. № 14 стр. 291), а ихъ превратить въ четыре скамьи (рис. № 20) и т. д. Такимъ образомъ далѣе, какъ изображено на нашей таблицѣ, изъ „трона“ (рис. № 22) легко можно сдѣлать „скамью съ высокой спинкой“ (рис. № 18), изъ нея—„скамью со спинкой и подножкой“ (рис. № 21), а изъ этой послѣдней—„открытую садовую бесѣдку“ и т. д. Возможность видѣть одно въ другомъ—вотъ что особенно доставляетъ удовольствіе дѣтямъ и вносить жизнь въ ихъ занятія и игры. Вѣдь предугадыванье въ вещи извѣстной необходимой внутренней связи, заключающейся въ ея формѣ или назначеніи и т. п., это многократное воспріятіе извѣстнаго рода внутренней жизни, проникающей вещь, и есть главная причина, которая не только пробуждаетъ жизнь въ самомъ ребенкѣ, но и устраиваетъ, формируетъ эту жизнь и уничтожаетъ все одиноко стоящее, а еще болѣе убиваетъ всякую разрозненность. Единство—вотъ творецъ жизни.

Однако съ помощью нашихъ брусочковъ можно наблюдать также и дѣйствительную жизнь. „Шесть брусочковъ образуютъ собою аллею; папа и мама, братъ или сестра идутъ въ нее гулять“. Или: „Два брусочка, наложенные другъ на друга своими широкими сторонами, изображаютъ корову, третій отдѣльно стоящій брусокъ—теленка. Также другая тройка изображаетъ лошадь и жеребенка, а два послѣднихъ бруска, сложенные на подобіе креста, изображаютъ пастуха“. Такимъ образомъ у ребенка является стадо и пастухъ. Но вотъ стадо загнано въ хлѣвъ. „Шесть брусочковъ изображаютъ хлѣвъ съ двумя стойлами, два остальныхъ—двухъ коровъ“ и т. д.

Хотя этихъ изображеній и нѣтъ на нашихъ таблицахъ рисунковъ, однако мы затронули также и ихъ, чтобы показать родителямъ и друзьямъ дѣтей, какимъ образомъ и съ мертвыми брусками для ребенка связывается самая настоящая жизнь.

Этимъ мы и удовольствуемся въ нашемъ воспроизведеніи формъ жизни въ этой игрѣ и связи ихъ съ жизнью ребенка. Практика игры и дальнѣйшее ея примѣненіе на дѣлѣ

создает неизмѣримо большее число подобныхъ формъ жизни: доказательства этого встрѣчаются намъ на каждомъ шагу.

Какимъ образомъ далѣе различныя качества и части, члены формъ жизни можно и нужно облекать въ форму цѣлыхъ исторій или рассказовъ и тѣмъ болѣе еще подчеркивать ихъ, объ этомъ уже съ избыткомъ говорено, какъ здѣсь, такъ и при играхъ 3-го дара (первый строительный ящикъ). Въ особенности на это нужно налегать тамъ, гдѣ движущая сила выступаетъ въ наружныхъ проявленіяхъ, какъ въ видѣ силы равновѣсія, такъ и въ видѣ дѣйствительно непрерывно-дѣйствующей силы и въ этомъ послѣднемъ случаѣ частью въ видѣ простой силы, частью въ видѣ составной, частью въ видѣ равномерной, частью же въ видѣ силы ускоренной и усиленной.

Теперь мы обратимся къ новому рассмотрѣнію, къ изученію формъ познанія или усвоенія.

Всѣ восемь строительныхъ брусочковъ въ совокупности ихъ величинъ равны основному, т. е. цѣлому кубику 3-го дара игръ. Поэтому уже при первомъ взглядѣ бросается въ глаза дѣленіе ихъ на равныя и пропорціональныя части, а еще болѣе—при употребленіи ихъ въ игръ. Такъ, одну скамейку (см. рис. № 12 на предыд. табл., стр. 290) можно раздѣлить на двѣ совершенно равныхъ скамейки (рис. № 14, стр. 291), скамейку съ подножкой (рис. № 15) раздѣлить на двѣ совершенно равныхъ скамейки съ подножками (рис. № 17), также и столъ—на двѣ равныхъ половины (рис. № 11), изъ которыхъ одна является, въ свою очередь, въ видѣ стола, а другая въ видѣ двухъ стульевъ или скамеекъ оказывается раздѣленной на двѣ равныхъ половины (рис. № 13). Такимъ образомъ, слѣдовательно, въ этомъ четвертомъ дарѣ мы встрѣчаемся почти съ тѣми же самыми соотношеніями величинъ, какъ и въ кубикѣ, раздѣленномъ по разѹ во всѣхъ направленіяхъ посрединѣ каждой изъ его сторонъ, т. е. при играхъ третьяго дара. Однако, если взять эти соотношенія величинъ самостоятельно и независимо отъ формъ жизни и разсматривать только, какъ соотношенія величинъ, то здѣсь

они предстануть передъ нами скорѣе, какъ отношеніе поверхностей и въ плоскостномъ протяженіи, тогда какъ тамъ они являлись въ качествѣ отношеній тѣлъ и въ тѣлесномъ протяженіи (срв. соотвѣтствующія таблицы рисунковъ).

Построеніе „высокой стѣны“ (см. рис. № 8, стр. 290), которую можно представить себѣ стоящей на горизонтальной поверхности, какъ бы въ видѣ пола и дѣйствительно расположить такимъ образомъ передъ ребенкомъ, является наиболѣе легкимъ переходомъ къ изображенію и разсмотрѣнію формъ познанія, или, какъ ихъ называютъ дѣти, „учебныхъ формъ“. Толкованіе ихъ въ общихъ чертахъ уже было приведено при воспроизведеніи игръ третьяго дара, однако занятіе ими еще больше выясняетъ наблюденія надъ поверхностями, наблюденія и пониманіе соотношеній по величинѣ и тѣмъ еще очевиднѣе, что наблюденіе надъ поверхностями и изображеніе ихъ легко превращается въ изображеніе тѣлъ и наблюденіе надъ ними, т. е., напр., цѣлое въ своемъ единствѣ можетъ быть изображено и наблюдаемо одинъ разъ въ видѣ „кубика“ (см. рис. № 1), а другой—скорѣе въ видѣ „доски“ или даже чистой „поверхности“ (см. рис. № 1 стр. 288). И это чередованіе изображеній тѣлъ съ изображеніемъ поверхностей вносить въ цѣлую картину для ребенка свою особенную новую предель:

Какъ кубикъ, здѣсь я—предъ тобой,
А здѣсь—явлюсь къ тебѣ доской,—
Но ровень я себѣ всегда...
Ну, не занятная-ль игра?!
Можешь безъ утраты
Раздѣлить меня ты,—
— Вотъ такъ, одною
Прямой чертою,—
На двѣ равныхъ половины.

Въ тѣ время, какъ мать или воспитательница нараспѣвъ произноситъ эти слова ребенку, она съ помощью одного движенія раздѣляетъ цѣлую фигуру на двѣ равныя части.

Это дѣленіе можно произвести двояко: или сверху книзу, или же отъ одного бока къ другому. Продѣлывая это, мать отъ лица квадратики напѣваетъ.

Раздѣляя сверху внизъ,
Ты раздѣлишь вертикально;
Вновь раздѣлишь—сблизитъ ты
Части двѣ горизонтально.
Хоть дѣлечка не одна,—
Но и такъ, и такъ—равна
Половина—половинѣ.

Если желательно еще нагляднѣе изобразить для ребенка постоянное сохраненіе одинаковой формы и величины при различномъ положеніи, то можно поставить обѣ половинки ихъ широкими сторонами, то наставляя ихъ вверхъ другъ на друга, то приставляя ихъ вдоль другъ къ другу. При этомъ ребенку поется:

Вертикально раздѣляя,
Съ высотой имѣшь дѣло;
Раздѣливъ горизонтально, (фиг. 8, стр. 288)
Ты длину находишь смѣло;
Съ виду словно непохоже,
А сложи—одно и то же.

Можно также постепенно поворачивать на глазахъ у ребенка вертикальный прямоугольникъ какъ бы вокругъ его центра или какъ часовую стрѣлку, какъ бы вокругъ одного изъ ея концовъ, до тѣхъ поръ, пока онъ по своему положенію не сдѣлается продолговатымъ прямоугольникомъ:

Поднимаюсь, опускаюсь,
Въ ростѣ все же не измѣняюсь.

Или:

Какъ меня ни направлять,—
Столь же и великъ опять!

Затѣмъ, при одинаковой величинѣ различная форма:

Половину къ половинѣ
Вертикально приставляя, (фиг. 3 и 5, стр. 288)

Полный ты квадрат получишь;
А приставь горизонтально
Половину къ половинѣ—(фиг. 9 и 8, стр. 288)
Выйдетъ четырехугольникъ.
Различаясь только формой?
Оба равны по объему.

Можно также демонстрировать для ребенка въ качествѣ наблюденія въ игрѣ различные способы воспроизведенія фигуры съ сохраненіемъ одной и той же ея формы и величины, при чемъ среди окружающихъ ребенка явленій не будетъ ничего такого, что бы не возбуждало его вниманія и что не можетъ быть охвачено его пониманіемъ:

Вновь приставивъ вертикально
Половину къ половинѣ,
Полный вновь квадратъ получишь
и т. д.

Квадратъ, въ свою очередь, можно разбить на два равныхъ между собою полуквadrата. Одному изъ нихъ придаетъ горизонтальное положеніе, тогда какъ другой занимаетъ вертикальное положеніе. Оба полуквadrата сравниваются между собой:

Посмотри на насъ,—покажемъ
Мы себя, новинку скажемъ:
Вдвое больше—вдвое ниже, (фиг. 3, 2, 8 и 6, стр. 288)
Тотъ—короче, этотъ—выше,—
Тотъ и этотъ—мы равны!

Уже изъ этого построенія дѣлаго въ видѣ квадрата, изъ дѣленія его на половины двумя различными способами и изъ возможности разнообразнаго соединенія и рассмотрѣнія ихъ ясно видно, какой богатый запасъ забавныхъ и поучительныхъ занятій, даже въ болѣе узкомъ отношеніи къ формамъ познанія и усвоенія, даетъ намъ также и 4-й даръ средствъ для игръ и занятій. Еще больше, чѣмъ воспроизведено здѣсь, заключается ихъ на прилагаемой таблицѣ. Однако мы должны ограничиваться здѣсь этими немногими указаніями, касающимися примѣненія формъ познанія въ

качествъ игры, ибо уже и они достаточно ясно показываютъ, насколько наблюденіе и пониманіе этихъ формъ соотнобразуетъ ся съ жизнью, настроеніемъ и умомъ дѣтей 3—4-лѣтняго возраста и потому вполне подходитъ для дѣйствительно свободной, но образовательной для ума и сердца игры. Уразумѣніе и истолкованіе этихъ игръ умомъ матери и любящимъ и проникательнымъ чувствомъ воспитателя, а равно и самая практика ихъ придаетъ, сверхъ того, гораздо больше жизни цѣлой картинѣ, чѣмъ это могли сдѣлать мы, пользуясь однимъ только мертвымъ словомъ. Если къ тому же начало можетъ при этомъ найти себѣ примѣненіе, то это чрезвычайно освѣжаетъ, поднимаетъ и оживляетъ все дѣло и рано приводитъ ребенка къ внутреннему согласію природы и жизни, что собственно и составляетъ, съ извѣстной точки зрѣнія, истинную цѣль воспитанія и обученія.

Послѣ этихъ предварительныхъ приготовленій мы обращаемся къ разсмотрѣнію формъ красоты, или образныхъ формъ. Въ несобственномъ, переносномъ смыслѣ ихъ можно было бы назвать формами согласованія, и это названіе, можетъ быть, имѣло бы также свое преимущество и развивающее значеніе, если только при этомъ признать, что это истинное пониманіе вещи особенно вытекаетъ изъ соединенія ея съ ея противоположностью, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, изъ соединенія элементовъ видимаго и слышимаго, покоя и движенія.

Переходъ къ формамъ красоты и обратнымъ формамъ, или, какъ мы только-что назвали ихъ, къ формамъ согласованія наиболѣе ясно совершается постоянно черезъ посредство формъ познанія и усвоенія. Я считаю очень важнымъ установить это вообще, а особенно по отношенію къ жизни в игрѣ съ маленькими еще дѣтьми.

Если, напр., разъединить четыре четверки въ фигурѣ, изображенной на рис. № 1 или № 5 (стр. 288), другъ отъ друга, какъ мы это видимъ на рис. № 4, то онѣ стануть въ извѣстномъ отношеніи уже формами красоты, при чемъ, съ одной стороны, части стануть скорѣе членами нѣкотораго цѣлаго, а съ другой—съ большею яркостью выступять центръ и единство,

къ которому онъ всё сообща обнаруживаютъ тяготѣніе, Если повертывать каждый изъ этихъ членовъ, приводя его въ противоположное, обратное, положеніе, такъ чтобы уголъ каждаго квадратика, или члена оказался тамъ, гдѣ теперь лежитъ его сторона, и чтобы такимъ образомъ получился обратный квадратъ, и если къ тому же углы квадратиковъ будутъ соприкасаться между собою, то цѣлое еще больше будетъ представлять собою форму красоты.

Далѣе, если раздѣлить каждый изъ этихъ четырехъ членовъ на два, слѣдовательно, всё четыре члена на восемь частей, и если всё они вступятъ въ аналогичныя отношенія къ невидимому, но все-таки опредѣляющему центру, то наступаетъ единство и при посредствѣ большаго разнообразія въ построеніи еще больше, слѣдовательно, подчеркивается внутренняя красота цѣлой фигуры. Срв. фигуры на рис. №№ 1—7 (стр. 289). Цѣлая фигура, въ свою очередь, допускаетъ двойное ея составленіе: то боковыя стороны ея половинъ обращены внутрь, какъ на рис. №№ 1, 3, 5, то продольныя, какъ на рис. №№ 2, 4, 7. Въ первомъ случаѣ форма оказывается кругообразной, или окружающей, во второмъ—лучистой, или испускающей лучи, но объ формы постоянно противоположно-равны другъ другу.

Но противоположно-равное въ явленіяхъ постоянно требуетъ уподобленія, объединенія и посредничества (посредствующихъ построеній). Точно такъ же—и здѣсь, гдѣ элементы лучистыхъ фигуръ могутъ соединяться съ элементами фигуръ кругообразныхъ (см. рис. №№ 8—10, стр. 289). Но и здѣсь допускается двойное ихъ составленіе: лучистые элементы являются или внутри ограничивающихъ ихъ элементовъ кругообразной фигуры, или же снаружи ихъ (рис. №№ 8, 9). Но оба эти построенія, какъ противоположно-равныя другъ другу, требуютъ посредствующаго построенія, въ которомъ лучистые элементы находились бы и внутри и снаружи. (См. рис. № 10 и ср. его съ рис. №№ 8 и 9).

Но то, что мы наблюдали при построеніяхъ, въ которыхъ брусочки ставились своими широкими сторонами, какъ въ только что приведенныхъ случаяхъ (рис. №№ 8, 9, 10), впол-

нѣ допустимо также и тогда, когда они ставятся своими узкими, или продольными сторонами (см. рис. №№ 3, 4), и также тогда, когда они ставятся стоймя на узкія поперечныя грани (см. рис. №№ 5, 7, гдѣ формы, какъ на этой, такъ и на предыдущей таблицѣ изображены въ планѣ, слѣдовательно, какъ онѣ представляются при наблюдении и разсмотрѣніи сверху, въ вертикальномъ направленіи). Положеніе или примѣненіе каждой грани допускаетъ, въ свою очередь, пять видоизмѣненій. Благодаря этому, всего получается 15 новыхъ формъ. Эти три различныхъ положенія, или установки, въ соединеніяхъ между собою, даютъ кромѣ того свыше ста или даже болѣе новыхъ и постоянно различныхъ формъ, которыя всѣ на протяженіи воспитанія въ ребенкѣ стремленія къ занятіямъ могутъ подвергаться постепенному развитію и всѣ могутъ постепенно производиться самимъ ребенкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣтская жизнь даетъ для этого достаточно времени и случаевъ, чтобы заниматься этимъ, и такимъ образомъ удачно заполняется въ жизни ребенка очень много часовъ, которые до сихъ поръ оставались неиспользованными или, но крайней мѣрѣ, заполнялись дѣятельностью, не имѣющею никакого значенія и цѣнности, при чемъ въ каждой отдѣльной формѣ и еще болѣе въ каждомъ особомъ ряду этихъ построеній заключены законы жизни, законы природы и вообще законы образованія, которые вступаютъ въ область сознанія ребенка на протяженіи развитія человѣка въ сравненіи съ природой и жизнью

Однако мы перенесемъ свои взоры на другое разсмотрѣніе, не менѣе плодотворное, какъ для ребенка и игры, такъ и для принимающаго участіе въ игрѣ взрослого человѣка.

Именно, если обозрѣть выведенныя и развитыя здѣсь формы красоты и образныя формы четвертаго дара по ихъ совокупности и въ отношеніи къ тому крайнему единству, изъ котораго онѣ вышли и развились; если мы сравнимъ ихъ, чтобы добиться еще большаго единства, съ формами красоты и образными формами третьяго дара, то намъ сейчасъ бросится въ глаза слѣдующій многозначительный выводъ: что всѣ эти формы и образы уже заключены

какъ въ почкѣ, и какъ бы скрыты въ простой формѣ красоты третьяго дара. Для доказательства высказаннаго положенія мы помѣстили эту простую форму красоты на нашей таблицѣ подь № 6. Сравненіе этой фигуры съ остальными фигурами таблицы обнаруживаетъ, какимъ образомъ всѣ формы, и ближайшимъ образомъ формы на рис. №№ 1 и 2, на рис. №№ 3 и 4 и на рис. №№ 5 и 7, какъ въ зародышѣ, какъ въ почкѣ, заложены и, можно сказать, заключается въ фигурѣ № 6. Но также и формы на рис. №№ 8, 9 и 10 и соответствующія имъ, вытекающія изъ основныхъ формъ, изображенныхъ на рис. №№ 3 и 4, 5 и 7, равно какъ и всѣ остальные формы, могущія получиться въ дальнѣйшей развитіи, какъ уже было указано, черезъ соединеніе этихъ двухъ различныхъ основныхъ формъ, — всѣ онѣ какъ бы въ скрытомъ состояніи заключаются въ той формѣ объединенія и единства, которая изображена на рис. № 6.

Чѣмъ же обусловливается и на чемъ основывается почти необходимое множество различныхъ между собою формъ, которыя вытекаютъ изъ единственной формы, изображенной на рис. 6 и разсматриваемой въ качествѣ объединительной формы? Единственное обоснованіе этого заключается въ томъ, что разница, обнаруживающаяся въ кубикѣ въ различіи положеній трехъ главныхъ направлений (диагоналей) его, обнаруживается и выступаетъ сверхъ того и какъ разница въ величинѣ, ибо эти три соотношенія по величинѣ, въ свою очередь, точно такъ же постоянны и неизмѣнны, какъ неизмѣнно было раньше и теперь еще положеніе главныхъ диагоналей.

Если мы примемъ, что, подобно фигурѣ № 6, и всякую другую изъ формъ красоты четвертаго дара можно разсматривать и выставлять въ качествѣ основной формы, то ясно увидимъ отсюда, какое едва исчислимое и еще болѣе необозримое на первый взглядъ множество формъ красоты заключается въ области построеній четвертаго дара и, тѣмъ не менѣе, какъ легко установить самыя точныя, самыя опредѣленные условія построенія для большихъ или мень-

шихъ вполне законченныхъ рядовъ формъ, напр., или для исключительно равностороннихъ, или же неравностороннихъ формъ и т. д., и т. д. Мы остановимся ближайшимъ образомъ только на первыхъ изъ нихъ; здѣсь опять-таки могутъ быть или только объемлющія (кругообразныя) формы, или лучистыя, или же смѣшанныя изъ тѣхъ и другихъ. Изъ нихъ мы удержимъ только послѣднія, при чемъ основаніемъ для брусковъ можетъ служить или ихъ ширина, или длина, или же толщина (лобная грань ихъ). Если мы возьмемъ первый изъ этихъ случаевъ, то у насъ получатся формы и образы, изображенные на рис. №№ 8, 9 и 10 нашей таблицы, (стр. 289). Каждая изъ этихъ формъ, въ свою очередь, можетъ подвергнуться многократнымъ измѣненіямъ въ себѣ самой, въ предѣлахъ ея границъ. И вотъ, такимъ образомъ, въ этихъ средствахъ для игры и занятій на ряду съ узкимъ ограниченіемъ и стѣсненіемъ мы имѣемъ высшую неограниченность, всеобщность и свободу; даже болѣе того, несмотря на кажущуюся произвольность в видимую случайность построенія, въ результатѣ получается законъ, устанавливающий извѣстнаго рода связь между ними: слѣдуя по избранному нами пути, мы признаемъ каждое отдѣльное построеніе членомъ сравнительно высшаго и болѣе общаго единства до тѣхъ поръ, напр., пока, наконецъ, все не объединится въ одной объединяющей формѣ фигуры № 6. Именно въ этомъ доступномъ и наглядномъ объединеніи указанныхъ чистыхъ противоположностей заключается для ребенка, равно какъ и для самаго взрослого человѣка, широкообразовательное и глубоко-поучительное значеніе этихъ игръ. Ребенокъ съ раннихъ поръ чувствуетъ, даже наблюдаетъ и познаетъ, какъ близко связаны другъ съ другомъ конечное и безконечное, необходимость и свобода, законъ и произволь, какъ въ основѣ случайнаго явленія оказываются внутренніе условія и законы, если только мы въ состояніи бываемъ раскрыть и изучить всѣ данныя въ этомъ явленіи и саминъ этимъ явленіемъ условія, промежуточные члены и сочетанія.

Раннее фактическое наблюденіе при постоянномъ нагляд-

номъ повтореніи его и усвоеніи этихъ явленій мы считаемъ для воспитанія духа и чувства ребенка и взрослого чело-
вѣка, для его жизненнаго образованія столь же важнымъ,
какъ всосываніе свѣта и цвѣтовъ днемъ и воспріятіе жиз-
неннаго воздуха, окружающей насъ атмосферой.

Какимъ же образомъ эти игры, изображеніе этихъ формъ
красоты должны производиться самими дѣтьми?—Какъ уже
было сказано въ самомъ началѣ разсмотрѣнія этихъ игръ,
совершенно тѣмъ же самымъ способомъ, какъ матери сами
отъ себя играютъ со своими дѣтьми, руководствуясь только
своей материнской любовью и своимъ материнскимъ чутьемъ.
Онѣ замѣчаютъ что нибудь, что, по ихъ мнѣнію, способно,
хотя бы на моментъ, привлечь вниманіе ребенка, и стара-
ются тотчасъ остановить ребенка на этомъ явленіи для
изученія его. Точно такъ же—и здѣсь.

То, что по производимому имъ впечатлѣнію представляется
формою красоты, запечатлѣно или матерью, или ребенкомъ,
или же обоими заразъ въ изображеніи и на моментъ овла-
дѣваетъ ребенкомъ, благодаря своей законченной (замкну-
той въ себѣ) внѣшности. Положимъ, что это—одна изъ
формъ, изображенныхъ на нашей таблицѣ подъ № 1, или
подъ № 3, или подъ № 5, (стр. 289), внимательный взоръ
и чутье матери тотчасъ останавливаетъ вниманіе ребенка
на этой фигурѣ съ помощью слова. Для этого она произ-
носитъ или напѣваетъ ребенку, напр., слѣдующее:

Какъ красиво вѣдь на взглядъ,
Если всѣ въ кругу стоять!

Если случайно возникшая форма будетъ одна изъ тѣхъ,
которыя изображены на таблицѣ подъ №№ 2, 4 или 7, то
мать можетъ подчеркнуть ее, напр., такими словами:

Всѣ—къ срединѣ, всѣ—къ одной,—
Вотъ и встали мы звѣздой.

Если же образовались формы въ родѣ тѣхъ, что изобра-
жены на рис. №№ 8, 9 и 10, то ихъ можно пояснить для
ребенка слѣдующими словами:

Кругъ съ лучами вы сомкнете,
Въ насъ пѣты тогда найдете.

Но какъ быть, если бы получились формы, только равномѣрныя съ нашими, но не совсѣмъ съ ними сходныя?— мы представимъ себѣ здѣсь одну изъ такихъ формъ, какovýchъ много было приведено при играхъ третьяго дара,— въ которыхъ постоянно находится въ соотвѣтствіи двѣ и двѣ стороны или же по своему положенію онѣ являются противоположно-равными другъ другу, Тогда расположеніе ихъ можно отмѣнить указаніемъ на число. Напр., такъ:

Вмѣстѣ всѣ соединятся,
Трое—слѣва, справа—трое,
Двое ихъ связуютъ цѣпью.

Эти слова примѣнимы къ очень многимъ соединеніямъ подобнаго рода.

Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ упражненіи и особенно при вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу со стороны ребенка, при вниманіи къ дѣтскому пониманію, все можетъ быть отмѣчено для ребенка посредствомъ слова, приспособлено для его разсмотрѣнія и использовано для свободнаго и самостоятельнаго воспроизведенія имъ самимъ. Но слово, какъ уже часто упоминалось, какъ нѣчто противоположное внѣшности, должно постоянно наподобіе тѣни слѣдовать за внѣшнимъ обликомъ, чтобы способствовать прочному усвоенію этого облика внутреннимъ міромъ, а равно и органами внѣшнихъ чувствъ ребенка.

Иногда, вмѣсто формы вѣнка, звѣзды или двѣтца, можетъ быть отмѣнена форма колеса и т. п. Эти формы, въ свою очередь, являются какъ бы объединительными, посредствующими между формами красоты и жизненными формами, и мы подчеркиваемъ здѣсь это для того, чтобы вторично обратить вниманіе и дать понять или, по крайней мѣрѣ, почувствовать ребенку, какъ между двумя противоположными явленіями въ жизни постоянно оказывается третье, посредствующее явленіе. Вѣдь въ дѣлѣ уразумѣнія и проник-

новенія въ смыслъ жизни мы должны считать въ высшей степени важнымъ для человѣка ознакомленію съ явленіями этого рода, такъ какъ, именно благодаря этому, ничто въ жизни, въ процессѣ познанія жизни не можетъ представляться одиночнымъ, лишеннымъ значенія и результата, а скорѣе, наоборотъ, все будетъ являться объединеннымъ и полнымъ жизни, какъ оно и есть въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, необходимыя указанія относительно употребленія игръ и занятій четвертаго дара въ ихъ главныхъ чертахъ можно было бы считать исчерпанными, а духъ ихъ въ общемъ — достаточно выясненнымъ. Однако намъ кажется необходимымъ остановиться еще на двухъ темахъ, а именно: во-первыхъ, на темѣ объ игрѣ и принимающемъ въ ней участіе взросломъ человѣкѣ, а затѣмъ на темѣ объ отношеніи и связи игръ между собою.

Игра и принимающій въ ней участіе взрослый человѣкъ.

Насколько богатый матеріалъ для развитія ума и чувствъ, для правильнаго изученія жизни дѣтей и дѣтства вообще и ея развитія дается приведеннымъ нами способомъ веденія этой игры для принимающаго участіе въ игрѣ взрослому человѣку,—это настолько уже ясно изъ всего нашего изложенія, что не нуждается въ особомъ подтвержденіи. При этомъ не осталось незатронутымъ ничего, что можетъ имѣть для взрослому человѣку постоянное значеніе: жизнь и природа, ощущеніе и мышленіе, воспроизведеніе и дѣйствительность, законы и условія, пути и средства, послѣдовательность и ступени, внутренній духъ и внѣшнія проявленія развитія человѣка—ничто не оставлено безъ вниманія. И такимъ образомъ все приводитъ къ достиженію мира въ жизни и къ обладанію жизненными радостями и дѣлаетъ семью и семейную жизнь мѣстопробываніемъ и колыбелью того и другого: направленіемъ и стимуломъ ихъ жизненныхъ стремленій становится привлеченіе въ кругъ семьи всего достойнаго жизни, сосредоточеніе на немъ всего ихъ воспитательнаго вниманія. Въ самомъ дѣ-

лѣ, вѣдь игра для осмысленнаго участника ея становится зеркаломъ, пунктомъ опоры для сравненія и ознакомленія со всѣмъ, что проявляетъ жизнь, а потому и посредствующимъ путемъ или связующимъ мѣстомъ между внутреннимъ міромъ ребенка и внѣшними явленіями жизни и обратно— путемъ для перехода отъ внѣшняго міра и явленій жизни ребенка. Слѣдовательно, внимательный уходъ обладаетъ наиболѣе подходящимъ средствомъ воспитанія, ибо чувства и наблюденіе представляютъ собою прямой путь къ сердцу и душѣ, къ разсудку и уму и, при правильномъ пониманіи, также и къ волѣ и поступкамъ.

Отношеніе и связь игръ между собой.

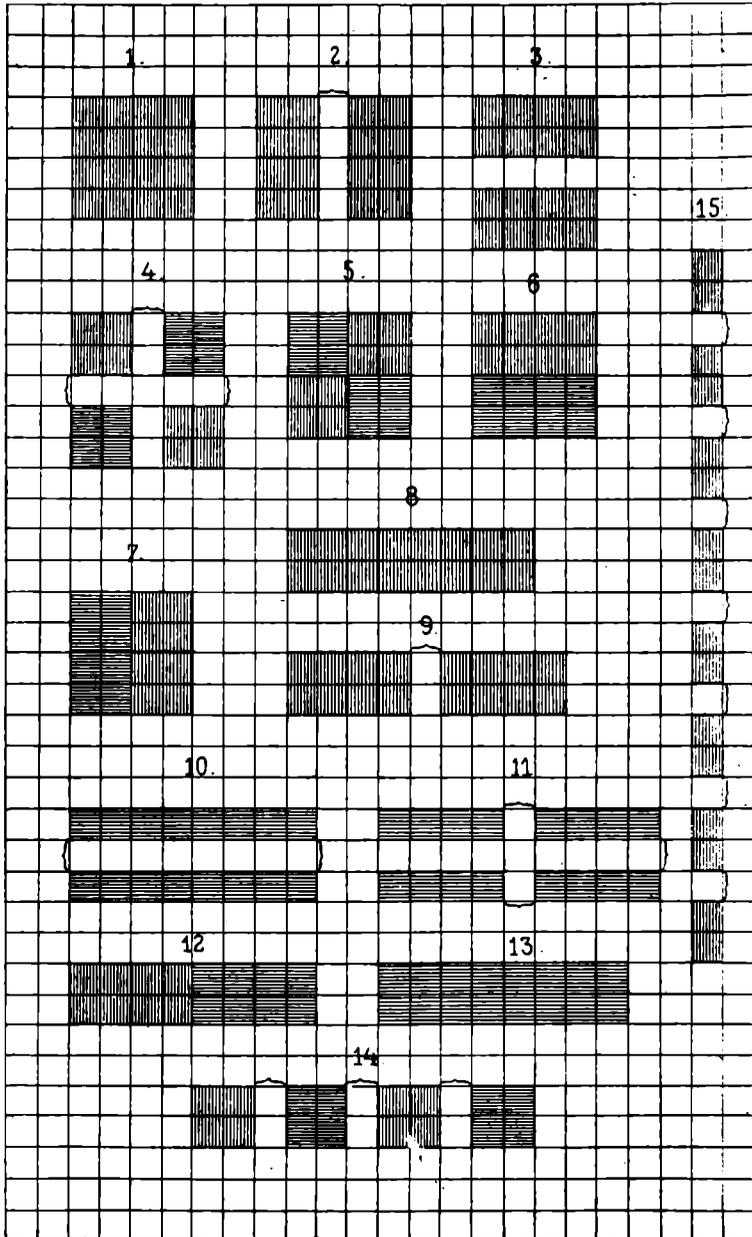
Уже при играхъ второго дара мы высказали положеніе, что выступленіе на сцену этихъ игръ отнюдь не прекращаетъ совмѣстнаго съ ними пользованія играми перваго дара, но что тѣ и другія игры не только могутъ, но и должны идти параллельно другъ съ другомъ, чередуясь въ зависимости отъ потребностей ребенка и способствуя выясненію и болѣе всестороннему и жизненному примѣненію другъ друга. То же самое говорили мы и при изображеніи игръ третьяго дара, въ особенности по отношенію къ непосредственно предшествовавшимъ имъ играмъ второго дара. Но еще болѣе необходимо подчеркнуть это положеніе здѣсь, при играхъ четвертаго дара по отношенію къ играмъ третьяго дара, такъ какъ игры того и другаго дара особенно взаимно выясняютъ и оживляютъ другъ друга, освѣжая и укрѣпляя постоянно заново духъ и жизнь ребенка. Поэтому, если есть на лицо двое или болѣе дѣтей приблизительно одинаковаго возраста, т. е. въ возрастѣ 2—4 лѣтъ, то они могутъ по прошествіи нѣкотораго времени мѣняться своими игральными ящиками. Но желательно при этомъ, чтобы каждый изъ нихъ предварительно привелъ свой ящичекъ въ полный порядокъ, запаковалъ его и въ такомъ видѣ передалъ другому, а не просто уступилъ бы ему въ безпорядкѣ одинъ матеріалъ для игры, т. е. 8 кубиковъ или 8 брусочковъ. Это суще-

ственно необходимо въ виду того, что дѣтямъ нужно внушать постоянное уваженіе и даже любовь къ ихъ игрушкамъ, пробуждать и поддерживать въ нихъ чувство порядка. То же самое нужно соблюдать и тогда, когда играть только одинъ ребенокъ и когда для освѣженія и разнообразія захочетъ перейти отъ обычной игры къ другой. И здѣсь также необходимо, чтобы онъ предварительно привелъ въ полный порядокъ свой первый ящичекъ, упаковалъ и закрылъ его и въ такомъ уже видѣ возвратилъ его воспитателю, а затѣмъ уже получилъ бы для игры второй ящичекъ. Раздѣльное и замкнутое въ себѣ разсмотрѣніе и примѣненіе каждой игры въ особенности важно для того, чтобы тѣмъ лучше изучить общіе и объединяющіе элементы той и другой игры. Точно такъ же необходимо, чтобы въ случаѣ, если нѣсколько дѣтей заразъ играютъ въ одинаковыя игры, т. е. въ 8 кубиковъ, или въ 8 брусочковъ, каждые 8 кубиковъ или каждые 8 брусочковъ имѣли свой особый ящичекъ, изъ котораго бы при началѣ игры ихъ нужно было доставать, а при окончаніи снова класть туда, и чтобы никоимъ образомъ не приходилось доставать ихъ поодиночкѣ изъ одного общаго ящика и помѣщенія. Хотя многія подобныя мелочныя указанія при игрѣ могутъ казаться неважными для цѣлей самой игры, однако они очень существенны для яснаго и опредѣленнаго развитія ребенка, для урегулированнаго ознакомленія съ окружающими его предметами, а равно и для опредѣленнаго образованія въ душѣ ребенка различныхъ понятій и сужденій.

Словомъ, игральный ящичекъ постоянно долженъ быть для ребенка дорогимъ, достойнымъ уваженія и любви товарищемъ. Все находится во внутренней связи другъ съ другомъ.

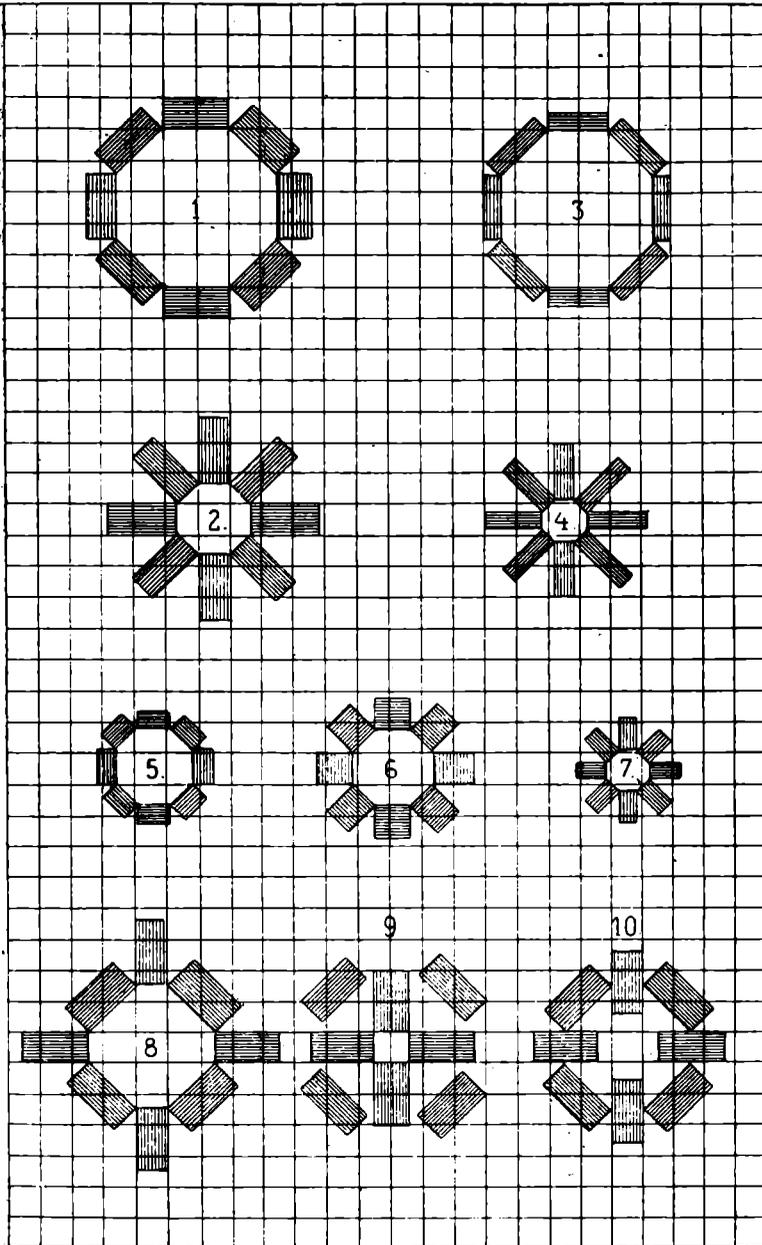
Когда, такимъ образомъ, каждая игра и каждый игральный ящичекъ въ отдѣльности, въ особенности же ящички третьяго и четвертаго дара¹ будутъ ясно усвоены ребенкомъ въ ихъ сущности, тогда они могутъ быть вручены ребенку и оба заразъ для совмѣстнаго и объединеннаго пользованія ими въ играхъ.

Четвертая игра ребенка.

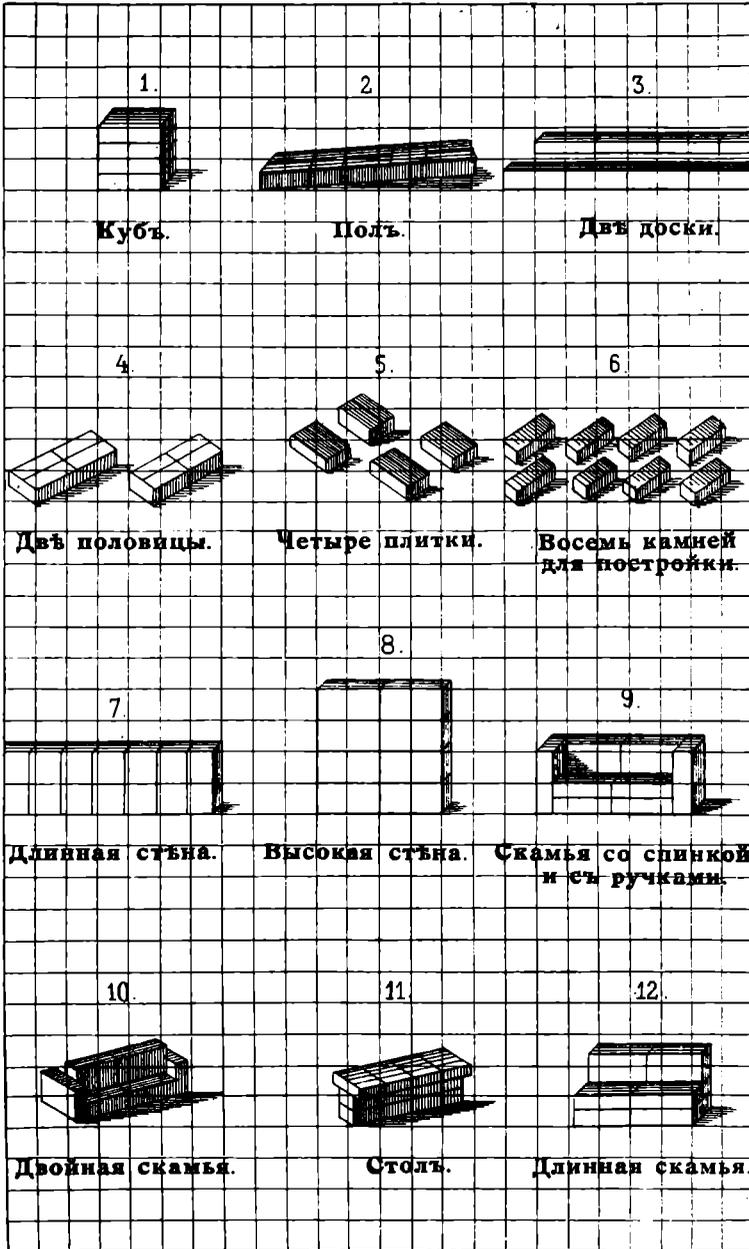
Объяснительныя фигуры.

Четвертая игра ребенка.

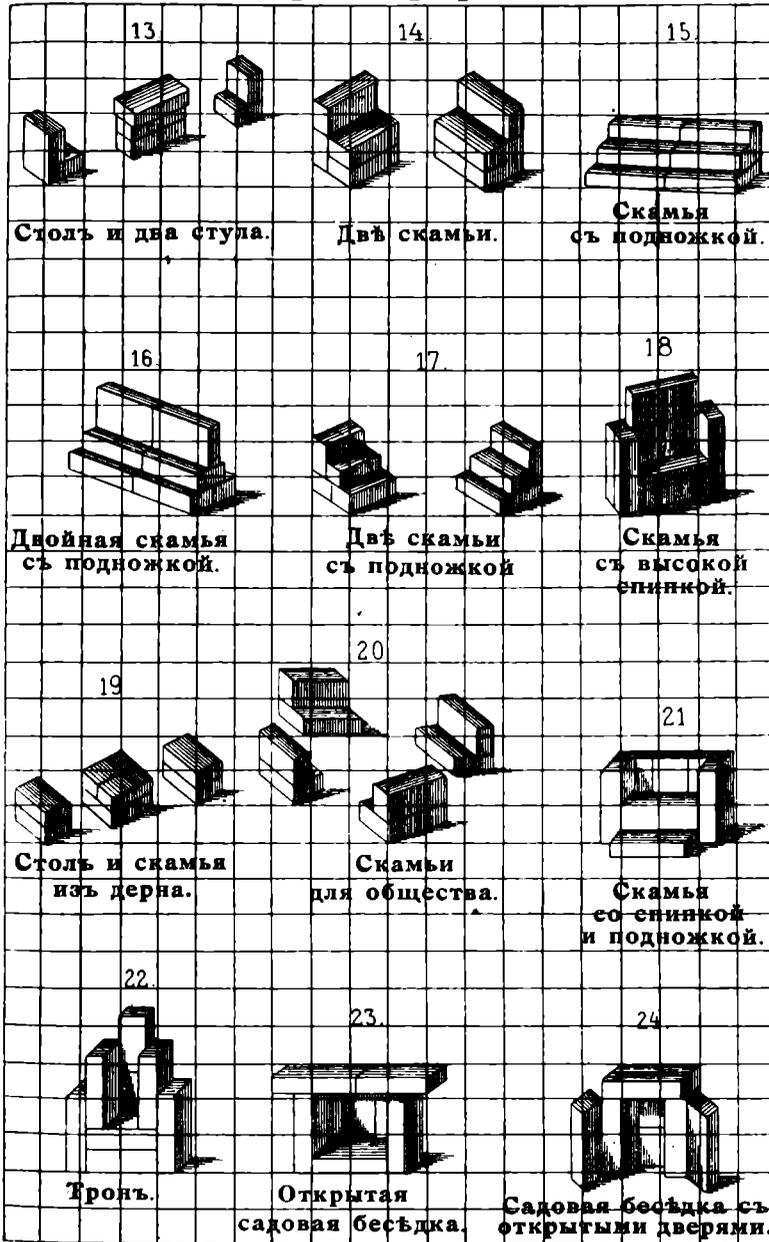
Изящныя фигуры.

Четвертая игра ребенка.

Фигуры предметовъ.

Четвертая игра ребенка.

Фигуры предметовъ.

Но такъ какъ черезъ это выступаетъ на сцену совершенно новая, расширенная (въ своихъ предѣлахъ) игра, которая требуетъ уже значительной духовной силы и осмотрительности, то оба ящичка заразъ должны передаваться въ руки ребенка не раньше, чѣмъ будетъ въ значительной степени исчерпана игра съ каждыиъ изъ нихъ въ отдѣльности.

ГЛАВА XII.

Второй обзоръ игръ,

или средствъ для воспитанія въ дѣтяхъ стремленія къ занятіямъ.

Такъ какъ къ намъ съ различныхъ сторонъ постоянно обращаются съ предложеніями наглядно изложить дальнѣйшій ходъ нашихъ игръ и образовательныхъ средствъ и ихъ внѣшнюю и внутреннюю связь, и такъ какъ существенная часть ихъ въ одномъ направленіи во многихъ рядахъ не только изложена, но и давно уже примѣнена въ жизни дѣтей и плоды ея лежатъ уже передъ нами, то мы охотно идемъ навстрѣчу этимъ побудительнымъ и участливымъ пожеланіямъ. Мы придерживаемся здѣсь сдѣланнаго уже нами въ этой книгѣ перваго обзора, но стараемся при этомъ, въ виду того, что критически-проницательный читатель располагаетъ уже большимъ запасомъ опытовъ и наблюденій, захватить предметъ еще глубже и всестороннѣе.

Природа въ непрерывномъ развитіи жизни, т.-е. въ дѣлѣ раскрытія сущности каждой вещи и въ изысканіи условій совершеннаго проявленія каждой вещи самой въ себѣ, можетъ и должна служить намъ прообразомъ и руководителемъ подобно тому, какъ неиспорченный, сильный характеръ человѣка служить ему въ этомъ побудительнымъ стимуломъ.—Вѣдь мы видимъ, что въ природѣ всякая вещь въ своемъ развитіи и формировкѣ доходитъ въ своемъ родѣ до совершенства. Если мы наследуемъ причину этого явленія, то мы найдемъ тройкое обоснованіе его.

Во-первыхъ, всякая вещь и всякій предметъ, обнаруживающій признаки существованія и жизни, развивается сообразно съ общими, высшими и очень простыми зако-

нами жизни, слѣдовательно, въ единеніи и согласіи съ ними и ихъ первоосновой, проявляя ихъ дѣйствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствіе ихъ первоосновы, какъ въ отдѣльныхъ и на отдѣльныхъ ихъ явленіяхъ, такъ и въ ихъ совокупности.

Во-вторыхъ, всякая вещь и всякій предметъ въ природѣ формируется въ полномъ соотвѣтствіи съ его сущностью и ея индивидуальными законами.

Въ-третьихъ, всякая вещь въ природѣ развивается и формируется подъ непреодолимымъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ вещей. И если какой-нибудь предметъ, повидимому, уклонился отъ какого-либо воздѣйствія изъ общей суммы различныхъ вліяній, то всегда это бываетъ только посредственно: напр., если его спасаютъ отъ дѣйствія жаркихъ солнечныхъ лучей посредствомъ защищающей его крыши, то такое уклоненіе само основано на существованіи вліянія и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ изъ него.

Если мы сопоставимъ всѣ эти три обоснованія между собою, то найдемъ и въ нихъ нѣчто связывающее, объединяющее ихъ, это нѣчто въ зависимости отъ различія въ ступени развитія, называется: дѣйствіемъ, побужденіемъ, жизнью, жизненнымъ стремленіемъ, дѣятельностью, что и проявляется въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ въ видѣ: 1) процессовъ произрастанія (развитія, наружнаго проявленія), 2) процессовъ воспріятія и 3) процессовъ переработки, формировки. Слѣдовательно, жизнь (дѣйствіе), и именно въ единеніи съ жизнью въ самой себѣ, съ источникомъ всякой жизни, заключающимся въ Богѣ, есть объединительный и центральный пунктъ всего сущаго. Сохраненіе этого жизненнаго единства и составляетъ основное условіе для появленія совершенства, для явленія совершеннаго въ природѣ. Мы должны прежде всего ясно познать условія совершенства въ природѣ и примѣнить ихъ къ человѣческой жизни, если только мы хотимъ возвысить человѣка сообразно съ занимаемымъ имъ положеніемъ человѣка и духовной жизни человѣчества, по крайней мѣрѣ, на ту ступень совершен-

ства, которую проявляет природа въ ея твореніяхъ и на ея ступени развитія. Мудрѣйшій изъ мудрецовъ требуетъ того же самаго.

Въ природѣ и во вселенной всё вещи развиваются, какъ члены мірового цѣлаго и жизни вселенной, какъ подчиненныя цѣлыя, достигая каждая соотвѣтствующаго ей совершенства, такъ какъ каждая вещь, находясь въ центрѣ безпрепятственно проявляющагося и разлитаго въ мірѣ общаго взаимнаго вліянія, поддается ему въ извѣстной мѣрѣ въ силу присущаго ей процесса воспріятія, съ другой стороны (въ силу присущихъ ей процессовъ переработки и формировки), сама дѣйствуетъ и развивается также безпрепятственно, подчиняясь лишь покоящимся въ ней, какъ наиболѣе общимъ, такъ и своимъ индивидуальнымъ законамъ.

Человѣкъ—существо, все обзрѣвающее—долженъ развиваться съ возрастающимъ самосознаніемъ и подниматься, въ концѣ концовъ, до яснаго сознанія своей жизни по отношенію къ ея причинѣ, условіямъ и цѣли.

Теперь мы видимъ, что каждая слѣдующая ступень развитія не исключаетъ сама по себѣ предыдущей ступени, но воспринимаетъ ее въ себя въ болѣе облагороженномъ и совершенномъ видѣ. Слѣдовательно, и человѣкъ прежде всего долженъ развиваться въ соотвѣтствіи, въ единеніи съ природой и въ ненарушимомъ согласіи съ общей жизнью, равно какъ и съ жизненнымъ единствомъ и источникомъ жизни. Но онъ долженъ также, сосредоточивая постоянно вниманіе на своей собственной внутренней жизни и уходѣ за нею (слѣдовательно, это его обязанность), сообразоваться съ проявляющимися въ немъ и для него самого неизмѣнными законами существованія и жизни, исходящими изъ божественнаго начала, оставаясь въ то же время самостоятельнымъ въ выборѣ и дѣйствіяхъ въ области чувства и сознанія жизни, объединенной божественнымъ началомъ.

Поэтому, какъ на письмѣ, такъ и въ самой жизни мы должны сдѣлать доступнымъ нашимъ дѣтямъ для воспріятія и наблюденія, даже для воспроизведенія въ собственной

жизни единство всей жизни и единение ея съ божествомъ, чтобы прояснить и подкрѣпить одно съ помощью другого.

Но никакое проявленіе силы и жизни не обходится безъ образовъ и внѣшнихъ формъ. Таковы явленія свѣта, теплоты, явленія въ области звука и т. д. Наоборотъ, всякая жизнь и ея закономерность проявляются въ явленіяхъ только въ извѣстной внѣшности, нѣкоторая жизнь (такая-то)—въ нѣкоторой внѣшности, сопряженной обязательно съ извѣстной формой и величиной. Форма, въ свою очередь, проявляется въ расчлененіи, величина—въ раздѣленіи ея на части, а объ вмѣстѣ—въ извѣстныхъ количественныхъ отношеніяхъ и съ помощью ихъ, съ помощью раздробленной на части всеобщности, или числа.

Чтобы понять человѣка, ребенка уже въ раннихъ стадіяхъ его развитія, какъ извѣстнаго рода существо въ опредѣленный моментъ его существованія и въ совокупности всѣхъ его отношеній къ собранію, уже въ первыхъ проявленіяхъ его дѣятельности и вполне правильно и согласно съ пониманіемъ окружающаго его міра, мы дали ребенку мячъ въ качествѣ первой во всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ игрушки и какъ бы въ качествѣ единаго образа и замѣстителя всего сущаго.

Въ приведенныхъ, рекомендуемыхъ нами упражненіяхъ съ мячомъ указаны всѣ общія свойства тѣлъ и вещей, и такимъ образомъ съ употребленіемъ его связано и вытекаетъ изъ него наблюденіе, познаніе и усвоеніе всѣхъ общихъ свойствъ предметовъ окружающаго ребенка внѣшняго міра: матерія, тяжести, силы, плотности, упругости, а въ области внѣшности—формы, величины и числа, какъ единой въ себѣ трюичности и т. д. Такимъ образомъ, мячъ (какъ это ясно вытекаетъ изъ многообразныхъ наблюденій и изображеній, приводимыхъ въ этой книгѣ) является путеводителемъ въ область природы и средствомъ къ пониманію внѣшняго міра, какъ по отношенію къ его внѣшнимъ явленіямъ и условіямъ, такъ и по отношенію къ условіямъ

его существованія и его жизни. Онъ, при своемъ единствѣ и свойствѣ объединенія, сопровождаетъ и вводитъ ребенка, подъ руководствомъ осмысленнаго воспитателя, какъ въ истинное пониманіе, такъ и въ правильное примѣненіе на практикѣ предметовъ внѣшняго міра, въ особенности черезъ посредство противоположностей, обнаруживаемыхъ въ этомъ мірѣ съ его помощью для ребенка. Сущность и взаимоотношеніе этихъ противоположностей, благодаря мячу, выступаютъ еще ярче, создавая попутно изъ мяча образы шара и кубика.

Продолжая далѣе наше второе обозрѣніе игръ, мы будемъ опять-таки сообразоваться съ даннымъ уже нами ихъ первымъ обзоромъ.

Шаръ и кубикъ могутъ быть вручаемы ребенку для яснаго ознакомленія съ ними или въ соединеніи другъ съ другомъ и оба заразъ, или же поодиночкѣ. Первое дѣлается, какъ только-что было указано, въ особенности въ дѣлахъ яснаго познанія встрѣчающихся ребенку въ окружающемъ мірѣ и въ жизни противоположностей и совместнаго ихъ разрѣшенія: вѣдь шаръ преимущественно и прежде всего является выраженіемъ и образомъ такого внутренняго содержанія, которое изображается имъ открыто и съ внѣшности ясно, но все-таки сокрыто въ его внутренности (въ немъ), а кубикъ, наоборотъ, преимущественно является выраженіемъ и образомъ такого внутренняго содержанія, которое представляется имъ, хотя только и отчасти, въ наружномъ видѣ, но зато отчетливо и не въ скрытомъ состояніи. Такимъ образомъ они оба взаимно поясняютъ и дополняютъ другъ друга. Игра съ мячомъ, подъ руководствомъ преданнаго дѣлу и опытнаго въ жизни воспитателя, незамѣтно, съ помощью общихъ свойствъ мяча, вводитъ ребенка въ общее ознакомленіе съ тѣлами, природой и жизнью. Игра же съ шаромъ и кубикомъ, въ особенности игра, сопряженная со сравненіемъ ихъ между собою, напротивъ, ведетъ ребенка скорѣе и преимущественно къ частному познанію тѣлъ, природы и жизни.

ГЛАВА XIII.

Пятая игра ребенка,

или кубикъ, дважды равномѣрно раздѣленный по всѣмъ направлениямъ на маленькіе кубики, которые въ свою очередь дѣлятся наискось по діагонали пополамъ.

Происхожденіе игръ этого дара изъ предыдущего, изъ сущности ребенка и окружающаго его внѣшняго міра.

По простому, обусловленному въ самомъ себѣ, неизбѣжному закону жизни ребенокъ, молодой человѣкъ,—исходя изъ постояннаго, неизмѣннаго, но вѣчно остающагося незамѣченнымъ единства самого по себѣ, равно какъ въ согласіи съ также вѣчно невидимымъ единствомъ въ окружающемъ его мірѣ, въ великомъ міровомъ и жизненномъ цѣломъ,—шагаетъ по направленію къ цѣли своего развитія: сознательно проявить единство въ единичномъ, а также и въ многообразіи.

Но средствами для введенія ребенка въ его собственную жизнь, равно какъ и въ жизнь природы и жизнь цѣлаго міра, остаются для него попрежнему его игры, средства для игръ.

Совершенно подобнымъ же образомъ поэтому мы руководили до сихъ поръ ребенкомъ въ его дѣятельности, сообразуясь съ требованіями его внутренней жизни, посредствомъ игръ и средствъ для занятій простыхъ, исходящихъ изъ необходимаго единства и мало-по-малу доходящихъ до

внутреннихъ, прочныхъ законовъ. Они шли отъ простого, равномернаго со всѣхъ сторонъ покоящагося въ самомъ себѣ, упругаго и мягкаго мяча къ не менѣе простому, обусловленному не менѣе непроницаемой, но и не менѣе воспримчивой средой, твердому, устойчивому и тѣмъ не менѣе легко подвижному шару. Затѣмъ они шли въ кубикъ, какъ заключающему въ себѣ существеннѣйшія изъ качествъ мяча и въ то же время легко сохраняющему состояніе покоя, къ кубикъ, расчлененному, но еще не раздѣленному на части, совершенно простому; далѣе отъ кубика, опредѣляемаго съ внѣшней стороны, какъ шаръ, и еще не раздѣленнаго на части, мы переходили къ кубикъ, раздѣленному однажды, но по всѣмъ сторонамъ равномерно на 8 частичныхъ кубиковъ; затѣмъ, въ силу уже раньше въ своемъ мѣстѣ указанныхъ требованій,—къ кубикъ, раздѣленному на 8 равновеликихъ брусковъ.

Если мы бросимъ испытующій взоръ на рядъ этихъ средствъ для игры, то въ немъ обнаружится слѣдующій законъ послѣдовательности.

Мячъ: круглое тѣло, замкнутое въ себѣ, но еще легко подвижное, съ измѣнчивой поверхностью.

Шаръ: также круглое тѣло, твердое, устойчивое, только съ мало измѣнчивой поверхностью, которое благодаря уже этому позволяетъ различать въ себѣ извѣстныя прямыя линіи, однако, еще невидимыя и легко мѣняющіяся.

Кубикъ: намѣчаемыя въ шарѣ невидимыя и какъ бы измѣняющія свое направленіе прямыя линіи въ кубикѣ выступаютъ уже ясно съ внѣшней стороны и притомъ, какъ линіи постоянныя, но всегда равныя между собой.

Однажды раздѣленный кубикъ: прямыя линіи, а также поверхности, которыя въ нераздѣленномъ кубикѣ могутъ быть показаны только снаружы, въ кубикѣ, однажды раздѣленномъ, могутъ быть показаны также и изнутри, и то, что простой кубикъ показываетъ одинъ разъ, расчлененный кубикъ для подтвержденія показываетъ много разъ. Прямыя линіи и ребра въ нераздѣленномъ кубикѣ всегда

равны между собою; здѣсь же посредствомъ составленія становится яснымъ, что онѣ могутъ быть уже и неравными, хотя только на нѣкоторое время.

Бруски: прямыя линіи, которыя въ кубикѣ, раздѣленномъ однажды по всѣмъ направленіямъ, являлись, хотя уже и неравными между собой, но обнаруживались постоянно и часто мѣнялись, здѣсь уже постоянно различны и неравны между собой.

При этомъ мы замѣчаемъ, что развитіе каждаго средства для игры не только необходимо дано въ предыдущемъ, но съ необходимостью требуется имъ, такъ что каждое слѣдующее средство для игры должно только подчеркнуть его. Поэтому и слѣдующее наше средство для игры, пятый даръ, уже намѣченъ, данъ въ предыдущихъ дарахъ и даже настоятельно требуется ими, такъ что мы должны только слѣдовать этому необходимому внутреннему ходу развитія, чтобы дѣйствительно отыскать и представить слѣдующее средство для игры.

Последнимъ средствомъ для игры въ ряду игръ съ кубикомъ былъ кубикъ, однажды раздѣленный по всѣмъ сторонамъ. Но естественный прогрессъ бываетъ отъ одного къ двумъ. Слѣдовательно, и слѣдующимъ средствомъ для игры будетъ кубикъ, раздѣленный дважды по каждой сторонѣ, т.-е. раздѣленный по всѣмъ направленіямъ на 3 равныя части, а всего на 27 равныхъ кубиковъ. Но такъ какъ такимъ образомъ достигается только увеличеніе числа кубиковъ, а не развивающее расширеніе игры, то необходимо еще новое, но уже данное въ предыдущемъ, хотя бы только мимоходомъ намѣченное, развитіе. Это мы и находимъ въ наклонномъ дѣленіи кубика.

Требуется наклонность по слѣдующему соображенію: вертикальное и горизонтальное направленія подходить, правда, подъ общее понятіе прямого направленія, но въ то же время они противоположны другъ другу. Но противоположности по общимъ законамъ развитія требуютъ чего-нибудь посредствующаго между ними. Посредствующимъ между прямыми направленіями будетъ наклонное. Слѣдовательно, наклонность и будетъ требуемое прямизной направленіе.

Наклонность дана и намѣчена въ предыдущихъ играхъ, коренится и имѣетъ зародыши въ нихъ, хотя бы только и между прочимъ упоминалась въ нихъ, особенно въ формахъ, взятыхъ изъ жизни, и въ формахъ красоты, гдѣ соединяется поверхность съ ребромъ или ребро съ поверхностью, и такимъ образомъ въ противоположность прямому направленію является наклонно. Срв. предыдущую главу.

Итакъ требованіе слѣдующаго средства для игры состоитъ въ томъ, чтобы наклонность, которая въ предыдущей игрѣ являлась только мимоходомъ, теперь была бы постоянной принадлежностью игры. Но какъ же наклонность можетъ являться постоянной принадлежностью игры? Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: кубикъ раздѣляется посредствомъ двухъ своихъ параллельныхъ между собою боковыхъ діагоналей или въ одной изъ своихъ боковыхъ плоскостей на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая является двухсторонней и односторонней прямолинейной призмой.

Это дѣленіе кубика требуется, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, со многихъ точекъ зрѣнія. Спрашивается теперь, сколько разъ должно быть произведено дѣленіе? Во-первыхъ, оно должно быть не только одностороннимъ, т.-е. должно давать въ результатѣ не только половинки, но оно должно быть въ кубикѣ двухстороннимъ, т.-е. давать въ результатѣ четверти кубиковъ. Далѣе спрашивается, на сколькихъ кубикахъ должно быть выполнено каждое изъ этихъ дѣленій? Такъ какъ основное число всей суммы есть три, то отвѣтъ лежитъ въ самой сущности дѣла: три кубика дѣлятся каждымъ изъ указанныхъ способовъ; такъ что, слѣдовательно, въ третьей части кубика остаются цѣлыми три частичныхъ кубика; три частичныхъ кубика являются раздѣленными пополамъ и три—раздѣленными на четыре части. Поэтому пятый даръ игръ состоитъ изъ 21 цѣлаго, или нераздѣленнаго кубика, изъ 3 раздѣленныхъ пополамъ и изъ 3 раздѣленныхъ на 4 части по своимъ косымъ или боковымъ поверхностямъ кубиковъ,

которые всё вмѣстѣ опять образуютъ одинъ цѣлый главный кубикъ, равный $3 \times 3 \times 3 = 27$ частичнымъ кубикамъ.

Это—о внутренней сущности, о законахъ образованія, а также о внѣшнихъ качествахъ и составѣ пятого дара игръ.

Объ употребленіи этой игры.

Она начинается всегда съ яснаго обозрѣнія всего кубика, какъ одинаго и со всѣхъ сторонъ равномерно замкнутаго въ себѣ цѣлаго, слѣдовательно, съ яснаго представленія плотно сложеннаго кубика. Это достигается очень легко тѣмъ, что при укладываніи кубика въ ящикъ, кубики, раздѣленные на части, кладутъ въ ящикъ прежде всего, или на самый нпзъ и именно такъ, что кубики въ дѣленіяхъ какого-нибудь одного рода кладутъ въ одинъ и тотъ же рядъ. Поэтому, слѣдовательно, дно ящика займетъ рядъ нераздѣленныхъ кубиковъ, рядъ раздѣленныхъ пополамъ и рядъ раздѣленныхъ на четыре части. Остальные 18 цѣлыхъ кубиковъ заполняютъ остальное пространство въ ящикѣ.

Когда кубики такимъ образомъ уложены въ ящикѣ и онъ закрытъ крышкой, то стоитъ поставить его крышкой на столъ и вытащить ее изъ-подъ него, а затѣмъ постепенно поднимать ящикъ, передъ играющимъ ребенкомъ явится и цѣлый кубикъ, расположенный въ отличномъ порядкѣ.

И это не только внѣшнее облегченіе для ребенка, но приноситъ также неоднократно внутреннюю выгоду для него. Во-первыхъ, хорошо, если игрушка дается ребенку постоянно приведенной въ порядокъ, а не въ беспорядкѣ, какъ выдается кормъ животнымъ. Во-вторыхъ, хорошо, если ребенокъ начинаетъ игру съ обзора цѣлаго, замкнутаго въ себѣ простаго единства, и уже какъ бы изъ него развиваетъ свои духовные образы, свои смутныя представленія. Въ-третьихъ, существенно важно, чтобы играющій ребенокъ постоянно ясно могъ обозрѣть матеріалъ для игры, расположенной по содержанію, чтобы благодаря этому въ немъ непріизвольно создавался и планъ его употребленія.

Ребенокъ, который такъ начинаетъ игру, будетъ играть во всякое время съ большимъ удовольствіемъ и съ болѣе постоянной для себя пользой, чѣмъ тотъ, передъ которымъ его матеріалъ для игры лежитъ въ беспорядкѣ, какъ куча камней съ мостовой.

Такъ какъ всякое примѣненіе, каково бы оно ни было и съ какимъ бы предметомъ ни имѣло дѣло, начинается съ дѣленія на части и къ тому же съ обратнаго складыванія сообразно съ определенной цѣлью, то первое примѣненіе, которое мы дадимъ этому 5-му дару, также должно быть изложеніемъ формъ познанія.

Итакъ, прежде всего дѣленіе на части. Первый самый безыскусственный и самый простой видъ дѣленія—это дѣленіе на равныя части, которыя имѣютъ наибольшее сходство съ цѣлымъ по формѣ и незначительны по количеству. Здѣсь это будутъ три прямолинейныя, равныя между собою квадратныя площадки.

При этомъ замѣчательно то, что тройное дѣленіе, употреблявшееся уже въ 3 дарѣ (см. соответствующую главу этого тома), но тамъ различное только по положенію [(площадь дѣленія вертикальна: принимая во вниманіе или ребра кубика (рис. № 2, стр. 253), или его поверхность (рис. № 3), и площадь дѣленія горизонтальна (рис. № 4)], здѣсь различно и по самому матеріалу, такъ что послѣднее, горизонтальное дѣленіе, содержитъ всѣ раздѣленные кубики въ одной трети; второе дѣленіе содержитъ раздѣленные кубики одного сорта въ особенной трети, а первое дѣленіе заключаетъ раздѣленный кубикъ каждаго сорта въ каждой трети.

Наблюденіе, познаніе и разсмотрѣніе, которыхъ трудно достигнуть съ помощью слова, легко и ясно получаютъ съ помощью самого дѣла въ демонстраціи. Въ этомъ-то и заключается великое, рѣдкое и дѣйствующее живо и животворящее свойство, этого средства и способа игры и занятій, что наблюденіе, познаніе и разсмотрѣніе всегда пріобрѣтается изъ единичнаго, замкнутаго въ себѣ изображенія вещи и изъ обзора въ одинъ моментъ, какъ единственное

и единое въ себѣ, тогда какъ слово и понятіе даетъ все это раздѣльно и постепенно. Но для большей полноты и совершенства здѣсь можетъ принимать участіе и слово, именно опять-таки членораздѣльно объединенное, ритмическое слово, такъ какъ въ человѣкѣ, надѣленномъ способностью рѣчи, всякое наблюденіе, связанное съ нею, является болѣе сознательнымъ и ведетъ къ болѣе возвышенному сознанию.

Такимъ образомъ можно, слѣдовательно, и это дѣленіе и новое соединеніе сопровождать постоянно словами:

Есть въ цѣломъ три трети,
Три трети есть въ цѣломъ.

Если же къ слову и движенію (тактъ, ритмъ) присоединяется еще и тонъ, какой-нибудь способъ пѣнія (мелодія), то наблюденіе съ помощью внѣшнихъ чувствъ, духовное воспріятіе обращается въ настроеніе, напр.

Есть въ цѣломъ три трети,
Три трети есть въ цѣломъ.

Изъ этого совершенно простаго перваго дѣленія получается множество различныхъ изображеній. Три части въ формѣ площадки горизонтальнаго дѣленія можно соединить въ цѣлое также въ плоскостномъ положеніи, такъ что получится прямоугольная площадка, и именно въ формѣ или продольнаго прямоугольника (фиг. № 1 и 2, стр. 331) или поперечнаго прямоугольника. Въ обоихъ случаяхъ прямоугольная площадка можетъ быть снова раздѣлена на три равныя части, и именно на три части въ формѣ бруска: на три брусковидныя части въ горизонтальномъ положеніи (фиг. № 4, стр. 330) и на такія же части въ вертикальномъ положеніи (фиг. № 5, стр. 330), что для ребенка имѣетъ такое же различіе, какъ и продольная и поперечная прямоугольная площадка. И здѣсь также раздѣленіе и соединеніе можно связывать со словомъ и звукомъ, съ словами и пѣніемъ.

Одна доска, три бруска,
Три бруска и доска.

Подобно тому, какъ при этихъ занятіяхъ неограничена свобода ребенка въ дальнѣйшемъ движеніи впередъ отъ даннаго исходнаго пункта, такъ бываетъ и здѣсь: ребенокъ можетъ или остановиться на построеніи различныхъ формъ въ видѣ площадки, или же отъ прямоугольника перейти къ косоугольному четырехугольнику съ параллельными сторонами, къ сдвинутому четырехугольнику или даже къ четырехугольнику со сторонами, параллельными попарно (фиг. № 3 и № 4, стр. 331), а отъ него пойти дальше къ четырехугольнику съ двумя сторонами, параллельными между собой, и съ двумя, одинаково наклоненными къ нимъ (трапеція) съ косыми углами, попарно равными между собой (фиг. № 5 и № 6); отсюда къ пятиугольнику съ 3 и 2 равными углами въ двоякомъ изображеніи, также къ шестиугольнику съ 4 и 2 равными углами.

Всегда бываетъ хорошо и дѣйствуетъ укрѣпляющимъ и оживляющимъ образомъ на умъ и характеръ ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поучаетъ его, давая ему удовлетвореніе, если наблюденіе фактовъ связано съ простымъ словомъ, а гдѣ можно, и съ пѣніемъ: все становится воодушевленнѣе и дѣйствительнѣе вліяетъ на умъ и чувство, и даже врывается въ самую жизнь. Напр.

Легко мнѣ съ кубикомъ играть,
Изъ формы въ форму превращать!

При этихъ наблюденіяхъ для ребенка бываетъ пріятно и не менѣе поучительно, если его заставить изобрѣсти и потомъ сложить, какъ одна форма можетъ получаться изъ другой на основаніи постояннаго закона и съ извѣстной внутренней необходимостью, и такимъ образомъ является постоянный рядъ образованій отъ прямоугольника до шестиугольника или скорѣе до четырех- и двухугольника. Существенно важно для ребенка обозначить словомъ каждую форму не только въ общемъ видѣ, какъ только. что было дано, но по возможности точно и ясно. Напр.

Въ прямоугольникѣ прямыхъ угла—четыре,
Косоугольникъ взять — и въ немъ косыхъ четыре.

Это дѣлается безъ всякой демонстраціи на основаніи только того, что даетъ самое наблюденіе фактовъ вмѣстѣ съ опредѣленно и ритмически произносимыми словами, а также иногда и съ пѣніемъ и къ тому же съ указаніемъ четырьмя пальцами. Такъ, при наблюденіи: два острыхъ и два тупыхъ угла, попеременно слѣдуетъ обозначать двумя пальцами, благодаря чему наблюденіе становится живымъ, единымъ и общимъ.

Можно къ этому еще прибавить объяснительныя слова и даже со звуками пѣнія:

Видны всегда здѣсь четыре угла—
Четыре прямыхъ и четыре косыхъ;
Вровнь клонятся стороны ихъ;
Хоть даже равны всё четыре угла.
Но ихъ положеніе различно.

(Именно 2 одинаковыхъ угла на разныхъ или на равныхъ сторонахъ).

Далѣ для объясненія можно прибавить:

Наибольшіе здѣсь два угла тупые,
Наименьшіе—два острые другіе.

И далѣ:

Тупые—на меньшей лежатъ сторонѣ,
А острые—къ большей прижались вполне.

Однако, во всемъ этомъ слѣдуетъ только совершенно просто, спокойно и благоразумно идти навстрѣчу требованіямъ, хотя и смутно, но опредѣленно намѣченнымъ внутри ребенка, что какъ разъ эти игры всесторонне дѣлаютъ столь возможнымъ, а затѣмъ слѣдуетъ сообщить тому, что изображаетъ ребенокъ, предполагаемую и желанную ясность и опредѣленность, равно какъ и дать правильное обозначеніе съ помощью слова.

Послѣ этого сторонняго разсужденія, къ которому мы были приведены самимъ ребенкомъ, какъ бы во время самой игры, мы возвращаемся къ дѣленію кубика.

Подобно тому какъ три части были выведены различнымъ образомъ, такимъ же образомъ можно вывести и имѣющее

свою основу въ дѣленіи кубика прямолинейное 9-ти и 27-ми-частное дѣленіе.

При помощи сдвинутыхъ четырехугольныхъ, пяти- и шестиугольныхъ площадовъ можно раздѣлить кубикъ и еще многими другими способами на 2, 3, 4, 6 и болѣе равныхъ частей, такъ что части его будутъ 4, 5, 6 и 8-сторонними, но постоянно прямосторонними (прямыми) площадками, т.-е. такими, боковыя плоскости которыхъ будутъ стоять на площади основанія и на площади верхней покрывки подъ прямымъ угломъ. Самостоятельныя занятія съ кубикомъ такъ легко и скоро обнаруживаютъ это, что объ этомъ слѣдуетъ только упомянуть, чтобы самому изобрѣсти способъ, какъ это сдѣлать, и навести на него ребенка.

Можно побудить ребенка къ этому съ помощію подходящихъ рифмъ, напр.

Кто можетъ съ кубикомъ умѣло такъ играть,
Въ шестиугольникъ чтобы тотъ кубикъ превращать?

Или:

Случай, дѣти, такіе нерѣдки:
Въ кубикѣ равныхъ четыре есть клѣтки.
Откройте, дѣти, ваши глазки шире:
Пятиугольника есть въ глубинѣ четыре.
Кто можетъ съ ними умѣло обращаться,—
Въ шестиугольники они могутъ раздѣляться.
Шестиугольники вотъ такъ соедините—
Въ восьмиугольники вы въ два ихъ превратите
А подъ конецъ, для собственной забавы,
Ихъ оба ты въ одинъ свести имѣешь право,
Сходятся здѣсь сторона съ стороною,
Равныхъ четыре и дважды двѣ равныхъ—всегда предъ тобою.

Или:

Кубики наши сдвигать такъ забавно:
Такъ вотъ и эдакъ... Неправда ли, славно?
Такъ и эдакъ ты ихъ сблизяшь—
Формы всякія увидишь.

Здѣсь я еще разъ подчеркиваю обращеніе одной формы въ другую и притомъ простой формы въ сложную и обратно сложной формы въ простую вслѣдствіе образовательной важности этого обращенія.

Дѣленію и разъединенію на каждой ступени всегда соотвѣтствуетъ соединеніе и сочетаніе, сложеніе, такимъ образомъ изъ кубиковъ посредствомъ нагроможденія другъ на друга тѣхъ частей возникаютъ 4-хъ, 5-ти, 6-ти и 8-мистороннія тѣла или скорѣе четырежды—одностороннее тѣло, дважды—двух- и одностороннее, дважды и трижды—одностороннее, однажды — трехстороннее, однажды—двухъ—и однажды—одностороннее, трижды — двухстороннее, дважды — двухстороннее и дважды—одностороннее, четырежды двухстороннее тѣло (стр. 330, рис. № 6—13). Когда тѣла построены, то съ помощью отнятія легко можно снова разложить ихъ на ихъ разнообразныя составныя части, какъ показываетъ наблюденіе при первомъ же взглядѣ.

Очень интересная и въ высшей степени увлекательная задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, напр., сколько квадратныхъ площадокъ, или всѣхъ равновеликихъ, или всѣхъ неравновеликихъ, или же равновеликихъ и неравновеликихъ можно изобразить за разъ посредствомъ всего содержанія кубика? Тоже при 5-ти и 6-тистороннихъ, подразумѣвается, разностороннихъ площадкахъ, равно какъ и при другихъ тѣлахъ. Особенно образовательное значеніе имѣетъ игра здѣсь, какъ и вездѣ, если постоянно вывести одно изъ другого.

Примѣромъ могутъ послужить здѣсь только прямоугольныя площадки, которыя могутъ быть сдѣланы изъ этого кубика, т. е. могутъ быть за разъ построены изъ него.

Во-первыхъ: всѣ прямоугольники равны.

3 площадки, каждая по 9 кубиковъ.

Во-вторыхъ: всѣ прямоугольники неравны.

Два прямоугольника: одинъ изъ 25 и одинъ изъ 2 кубиковъ:

одинъ изъ 18 и одинъ изъ 9 кубиковъ.

Три прямоугольника: одинъ изъ 16, одинъ изъ 9 и одинъ изъ 2 кубиковъ.

Четыре прямоугольника: одинъ изъ 16, одинъ изъ 8, одинъ изъ 2 и одинъ изъ 1 кубика.

Пять прямоугольниковъ: одинъ изъ 16, одинъ изъ $4\frac{1}{2}$, одинъ изъ 4, одинъ изъ 2 и одинъ изъ $\frac{1}{2}$ кубика.

Въ-третьихъ: прямоугольники равные и неравные.

Три прямоугольника: одинъ изъ 25 и два по 1 кубикъ.

Четыре прямоугольника: два по 9 каждый, два по $4\frac{1}{2}$ кубика.

два по 9 каждый, одинъ изъ 8 и одинъ изъ 1 кубика,

одинъ изъ 16, два по $4\frac{1}{2}$, одинъ изъ 2 кубиковъ.

Пять прямоугольниковъ: одинъ изъ 16, два по $4\frac{1}{2}$ и два по 1 кубикъ:

одинъ изъ 16, одинъ изъ 8, одинъ изъ 2 и два по одному полукубикъ каждый,

два квадрата по 9 каждый, одинъ изъ $4\frac{1}{2}$, одинъ изъ 4 и одинъ изъ $\frac{1}{2}$ кубика.

Шесть прямоугольниковъ: два прямоугольника по 9 каждый, одинъ— $4\frac{1}{2}$, два по 2 и одинъ въ $\frac{1}{2}$ кубика.

Семь прямоугольниковъ: одинъ изъ 9, одинъ изъ 8, одинъ изъ 4, два по 2 каждый и два изъ 1 кубика каждый,

два по $4\frac{1}{2}$ каждый, четыре по 4, и одинъ въ 2 кубика.

Восемь прямоугольниковъ: одинъ въ 9, одинъ въ 8, одинъ въ 4, одинъ въ 2 и четыре по 1 кубикъ.

одинъ въ $4\frac{1}{2}$, пять въ 4, одинъ въ 2 и одинъ въ $\frac{1}{2}$ кубика.

шесть по 4 каждый, одинъ въ 2 и одинъ въ 1 кубикъ.

Девять прямоугольниковъ: одинъ въ 9, одинъ въ 8, одинъ въ 4, одинъ въ 2, три по 1 и два по $\frac{1}{2}$ кубика.

Десять прямоугольниковъ: пять по 4 каждый, три по 2 и два по $\frac{1}{2}$ кубика каждый.

Одиннадцать прямоугольниковъ: четыре по 4 каждый, четыре по 2 и три по 1 кубикъ.

Двѣнадцать прямоугольниковъ: пять по 4 каждый и семь по 1 кубикъ каждый и т. д.

Прямоугольники, которые можно изобразить въ одно и

то же время изъ этого кубика, приведены такъ подробно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы хотя на одномъ примѣрѣ показать, какое большое количество образовательныхъ изображеній возможно получить изъ этого ящика для игры; а затѣмъ также, во-вторыхъ, чтобы показать, какія дальнѣйшія прекрасныя сочетанія выходятъ изъ этого. Здѣсь нужно еще упомянуть о двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, при двухъ или больше слѣдующихъ другъ за другомъ прямоугольничкахъ слѣдующій всегда составляетъ половину предыдущаго, напр., одинъ прямоугольникъ состоятъ изъ 18, а другой изъ 9 кубиковъ.

Одинъ прямоугольникъ изъ 16, другой изъ 8 кубиковъ.

Одинъ прямоугольникъ изъ 8, одинъ изъ 4, одинъ изъ 2, одинъ изъ 1 и одинъ изъ $\frac{1}{2}$ кубика.

Если такія прямоугольныя площадки положить другъ на друга такъ, чтобы попеременно углы слѣдующаго прямоугольника приходили въ соприкосновеніе со сторонами предыдущаго, то углы слѣдующаго прямоугольника или поперечныя ребра слѣдующей площадки будутъ касаться сторонъ предыдущаго прямоугольника или продольныхъ реберъ предыдущей площадки; если нѣсколько такихъ прямоугольниковъ положены другъ на друга, какъ, напр., въ послѣднемъ примѣрѣ, то получается очень красивое и поучительное построеніе.

Если слѣдующій прямоугольникъ, принимая въ расчетъ его противоположное положеніе, назвать противоположнымъ прямоугольникомъ, то напрашивается одно замѣчаніе или истина: противоположный прямоугольникъ постоянно бываетъ вполонину меньше лежащаго къ нему главнаго прямоугольника. Это замѣчаніе можно вывести различными способами подобно тому, какъ эта истина позже въ наукѣ о пространственныхъ измѣреніяхъ выражается различными способами. Но здѣсь только игра, и дѣло идетъ только о чувственномъ воспріятіи постоянно и просто расчлененнаго цѣлаго и о пріятномъ впечатлѣніи его на глазъ, а черезъ него и на чувство и волю.

Это можно при противоположномъ наблюденіи дѣлаго легко сдѣлать понятнымъ для ребенка слѣдующими словами:

Вверхъ пойду—наполовину я буду,
Внизъ—я вдвое ростомъ буду.

Или при каждой отдѣльной площадкѣ:

Къ ближайшей верхней части—я двойной,
Къ ближайшей нижней—ростъ мой вполонину.
Двоикимъ я кажусь вамъ, по одной
Велачиной бытъ всегда а не времениу.

Выше упомянутое второе не менѣе привлекательное соединеніе состоитъ въ слѣдующемъ; если соединить по ребру два одинаковыхъ прямоугольника подъ прямымъ угломъ, то третій прямоугольникъ, который будетъ соединять эти оба прямоугольника въ ихъ свободныхъ ребрахъ, или соединительный прямоугольникъ, всегда будетъ такой же величины, какъ тѣ оба, взятые вмѣстѣ, напр.: если ты соединишь два частичныхъ кубика ребромъ подъ прямымъ угломъ, то такой кубикъ, который будетъ соединять оба другихъ, сложный кубикъ или объединяющій прямоугольникъ, равенъ двумъ частичнымъ кубикамъ, или онъ имѣетъ въ каждой изъ своихъ сторонъ косую плоскость реберъ.

Если каждый изъ обоихъ равныхъ соединяемыхъ прямоугольниковъ равенъ 4, то соединительный прямоугольникъ будетъ равенъ 8.

Если каждый изъ обоихъ равныхъ соединенныхъ прямоугольниковъ равенъ $4\frac{1}{2}$, то соединительный прямоугольникъ будетъ равенъ 9.

Если каждый изъ обоихъ равныхъ соединенныхъ прямоугольниковъ равенъ 8, то соединительный прямоугольникъ будетъ равенъ 16.

Если каждый изъ обоихъ равныхъ соединенныхъ прямоугольниковъ равенъ 9, то соединительный прямоугольникъ будетъ равенъ 18, и т. д.

Если угодно, это можно обозначить и словами:

Двѣ равныхъ части взять связать—
Двойное третье отыскать.

Дальнѣйшимъ изложеніемъ этого сложенія мы не можемъ заниматься здѣсь, такъ какъ здѣсь вовсе не требуется давать полнаго руководства къ употребленію этого ящика игръ.

Мы только подчеркиваемъ, что изысканіе и сложеніе другихъ формъ, именно шестиугольника, имѣеть не менѣе привлекательности, а также качества сложныхъ или объединяющихъ поверхностей проявляются такимъ же красивымъ, какъ и поучительнымъ способомъ.

До сихъ поръ мы заставляли ребенка отыскивать постоянно формы одинаковой внѣшности, но различнаго содержанія; дальше можно заставить его изобрѣтать также поверхности одинаковаго содержанія и различной формы. Напр.

Первый рядъ:

1. Площадь, имѣющая въ каждой сторонѣ по 2 кубика, слѣдовательно, въ общемъ 4 частичныхъ кубика.
2. Четырехсторонняя сдвинутая площадка съ параллельными сторонами, имѣющая въ меньшей сторонѣ 2 поверхности кубика.
3. Равнобедренная прямоугольная треугольная площадка, имѣющая 4 поверхности кубика въ большей сторонѣ.

Второй рядъ:

4. Прямоугольная площадка, имѣющая 2 кубика въ длину, 1 кубикъ въ ширину.
5. Четырехсторонняя сдвинутая площадка съ параллельными сторонами такой же величины и положенія.
6. Равнобедренная прямоугольная треугольная площадка, имѣющая въ каждой изъ равныхъ сторонъ по 2 кубика и одну изъ этихъ сторонъ за основаніе треугольника.

Третій рядъ.

7. Одинъ кубикъ частичный.
8. Площадь изъ кубиковъ, равная приведенной выше, см. № 1.

9. Пряная четырехсторонняя колонна (призма), имѣющая 1 частичный кубикъ въ основаніи и 4 частичныхъ кубика въ вышину.

Простое разсмотрѣніе сейчасъ же приводитъ къ слѣдующимъ истинамъ.

1. Два четырехугольника съ параллельными сторонами, имѣющіе одинаковое основаніе, равны между собою.

Р и ф м о в а н н а я п ѣ с е н к а :

Какъ бы мы ни опускали,
Какъ бы мы ни поднимали,
Дно и ростъ равны... Смотри:
Одинаково—внутри!

2. Любой четырехугольникъ съ параллельными сторонами и равнобедренный прямоугольный треугольникъ будутъ равны между собою, если, при одинаковой высотѣ, основаніе послѣдняго вдвое больше, чѣмъ основаніе четырехугольника.

Р и ф м о в а н н а я п ѣ с е н к а :

Если ты, четырехугольникъ,
Во мнѣ видишь треугольникъ,—
Во мнѣ—та же высота,
Что въ тебѣ я вертикально
Вижу самъ!—на основанья
На двойномъ покоюся смѣло.
У меня одно съ тобою—
Величина и содержанье!

Если сравнить фигуры второго ряда между собою, то въ обоихъ первыхъ четырехугольникахъ обнаружится истина вышеупомянутая подъ № 1. А если сравнить эти оба четырехугольника съ четырехугольниками 1-го ряда, то обнаружится, что при одинаковомъ основаніи и половинной высотѣ четырехугольники съ параллельными сторонами имѣютъ только половинный объемъ. Рифмованную пѣсенку къ этому легко изобрѣсти.

Но равенство треугольника этого ряда съ его четырехугольниками выражается иначе:

Если ты, четырехугольникъ,
Во мнѣ видишь треугольникъ

Во мнѣ—двойная высота,
Что въ тебѣ я вертикально
Вижу самъ,—на основаньи
Ты на томъ же покойся смѣло:
У меня одни съ тобою
Величина и содержанье.

Если сравнить треугольникъ второго ряда съ треугольникомъ 1-го ряда, то обнаружится слѣдующее.

Треугольникъ составляетъ половину другого, если при одной и той же высотѣ онъ имѣетъ половинное основаніе.

Въ третьемъ ряду объ поверхности обоихъ тѣлъ показываютъ слѣдующее.

1. Если идти отъ меньшаго къ большому: если основаніе и высота одной составляютъ половину основанія и высоты другой, то объемъ составитъ четверть первой.

2. Напротивъ, отъ большаго къ меньшему: если основаніе и высота одной вдвое больше основанія и высоты другой, то содержаніе первой равняется четыремъ содержаніямъ второй.

Однако на это и послѣдующее наблюденіе было указано уже при 3-мъ дарѣ (см. предшествующую главу). Но повторенія, особенно танія, которыя оказываются умѣстными, приносятъ ребенку существенную пользу.

Отъ этихъ формъ познанаія и обученія, какъ бы онѣ ни назывались, очень легко перейти къ формамъ образности и красоты, равно какъ и къ формамъ вещей, къ строительнымъ или жизненнымъ формамъ, но дѣти съ трудомъ будутъ идти по первому пути, а начнутъ лучше сейчасъ же съ послѣднихъ.

Ф о р м ы п р е д м е т о в ъ и ж и з н е н н ы я ф о р м ы .

Главное, настоятельное условіе здѣсь, какъ и вездѣ,—чтобы при всякомъ изображеніи всей сути всегда употреблялся весь матеріалъ, т.-е. чтобы даже кажущаяся лишней и остающаяся въ одиночку часть стояла бы въ живомъ отношеніи къ цѣлому и такимъ образомъ являлась бы существенною частью всего изображенія. И теперь мы, слѣдуя совершенно дѣтской жизни, обратимся прежде всего къ формамъ вещей и жизненнымъ формамъ и тѣмъ болѣе, что изъ того явле-

нія въ дѣятельности ребенка вытекаетъ слѣдующее замѣчаніе: ребенокъ своею жизнью, дѣятельностью, а какъ человекъ, опытомъ приводится къ особенному наблюденію, толкованію и самостоятельному изображенію истиннаго и прекраснаго, и здѣсь опять-таки толкованіе прекраснаго приводитъ къ наблюденію и изображенію, къ познанію истиннаго.

Здѣсь мы сначала привели формы познанія съ добрымъ намѣреніемъ, чтобы больше ознакомить посредствомъ обзора руководителей дѣтей съ сущностью и связью игръ этого дара для дальнѣйшаго ихъ употребленія, такъ какъ, по мѣрѣ того какъ руководитель игры осваивается съ матеріаломъ въ этомъ отношенія, и игра становится пріятной, какъ для него, такъ и для ребенка.

При выведеніи формъ предметовъ и жизненныхъ формъ опять имѣетъ мѣсто то же самое правило, которое было намѣчено уже выше при формахъ познаванія, а именно, что хорошо и даже существенно важно, если мы будемъ исходить отъ вполне представленнаго кубика, чтобы ребенку понятіе о цѣломъ, о единствѣ побольше запечатлѣлось въ памяти, и чтобы развитіе изъ него частнаго, частей и множественности сдѣлалось, какъ можно, нагляднѣй и яснѣе.

Итакъ, когда ящикъ такъ запаковать, какъ было указано выше, чтобы кубики, раздѣленные на части, лежали въ самомъ низу, на полу его, то нужно только передъ началомъ игры перевернуть ящикъ передъ ребенкомъ крышкою внизъ и затѣмъ поднимать ящикъ вертикально вверхъ и снять ее, и тогда кубикъ будетъ стоять передъ ребенкомъ вполне приведенный въ порядокъ. Можно сейчасъ же пояснить это явленіе ребенку изъ жизни словами: столъ, столъ или печь, печь или, съ чѣмъ еще онъ захочетъ сравнить это въ своемъ воображеніи и что захочетъ онъ въ немъ видѣть.

Изъ него сейчасъ же можно сдѣлать кресло или стулъ; стоять только рядъ кубиковъ, раздѣленныхъ пополамъ, поставить на рядъ нераздѣленныхъ кубиковъ, и получится спинка; кубики, раздѣленные на четыре части, распредѣ-

ляются тогда легко по обвѣмъ стбонамъ, какъ ручки кресла, при чемъ двѣ и двѣ четверти составляютъ маленькую, четырех-стороннюю колонну. Это сѣдалище затѣмъ легко обратить въ диванъ (мѣсто для отдыха), а диванъ—въ софу. Изъ софы затѣмъ скоро можно построить другое кресло съ полна-клонной спинкой и скамеечкой для ногъ; изъ него легко сдѣлать кровать, дѣтскую кроватку и т. д.

Опять-таки, исходя отъ кубика, можно изобразить большой рабочей столъ, изъ него сдѣлать два буфета, конторку со стуломъ и корзиной для бумажныхъ обрѣзковъ.

Ребенокъ можетъ, хотя бы и не за одинъ разъ, видѣть передъ собою свои изображенія, сопоставить ихъ между собою въ рифмованной пѣсенкѣ, провести ихъ передъ собой въ представленіи и воспоминаніи и такимъ образомъ обо-зрѣть, какъ одно цѣлое. Напр.

Сколько здѣсь вещицъ прелестныхъ,
Всѣ—изъ кубиковъ извѣстныхъ:
Столъ и стулья и кроватка,
Кресла, печь, сундукъ-укладка,
Вещи дѣльные—бездѣлки
Все—до дѣтской колыбельки;
Предъ диваномъ—столъ стоящій,
Шкафъ, буфетъ есть настоящій...
Кромъ этого,—немало
Кубикъ даетъ намъ матеріала:
Въ немъ запасъ всего большой,
Потому-то кубикъ мой
Заннимаетъ насъ собой!

Опять, исходя изъ кубика, можно изобразить большой и маленькій дорожный чемоданъ съ согнутыми крышками; въ первомъ—пустое пространство въ одинъ кубикъ.

Отъ нихъ совсѣмъ простъ и легко переходъ къ зда-ніямъ, домамъ и домикамъ. Вотъ это-то дѣти дѣлаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Домикъ и комнатка, столъ и скамья бываетъ почти всегда первымъ, что они изобра-жаютъ; домикъ и комнатку они охотнѣе всего изобража-ютъ открытыми, съ окнами и дверями. Это и вполне есте-

ствепно: ибо въ домѣ и комнатѣ, на столѣ и на скамьяхъ, а такъ же на постелькѣ и вертится первоначальный міръ дѣтей, а здѣсь при воспоинаніи—ихъ воображеніе и представленіе. Каѳъ жизнь движется изъ комнаты и дома черезъ кухню и погребъ (и ихъ дѣти строятъ съ удовольствіемъ, такъ какъ они, повидимому, любятъ сокровенное), черезъ дворъ и садъ наружу, на улицу и на базарную площадь и т. д.; такъ расширяются представленія ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ изображенія. Являются домовыя лѣстницы и крыльца, колодець, церковь, домъ для общественныхъ собраній, вся деревня съ ея главными зданіями, затѣмъ опять общественная хлѣбная печь; базарная площадь и на ней ратуша и гауптвахта, городскія ворота и черезъ нихъ мостъ. Поэтому снова видно, какъ плотно прилегаютъ это средство для игры къ внутреннему и внѣшнему ходу развитія дѣтей, способствуетъ ему и выясняетъ его, какъ ребенокъ подъ его руководствомъ укрѣпляется и какъ бы вырастаетъ изъ себя. Поэтому его изображенія будутъ исходить постоянно прежде всего изъ его ближайшихъ наблюденій и приравливаются къ нимъ. Ребенка нельзя насильно вызвать изъ окружающаго міра, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Но руководитель ребенка со многихъ сторонъ получаетъ возможность исправлять эти наблюденія изъ изображеній, и ребенокъ съ удовольствіемъ приметъ эти исправленія, разъ только они лежатъ въ кругу его представленій и наблюденій. Подобно тому, какъ воспитателю ребенка даны въ руки средства прояснять наблюденія и представленія ребенка, такъ точно ему указаны пути къ ихъ расширенію и къ изображенію въ ихъ существенныхъ частяхъ предметовъ, о которыхъ онъ только слышалъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ предыдущемъ для деревенскаго мальчика съ гауптвахтой, а для городского— съ общественной хлѣбной печью; такой же далѣе смыслъ можетъ имѣть памятникъ, почетныйobeliskъ, маякъ, хижина и т. д. Къ этимъ изображеніямъ дѣтей могутъ присоединяться объясненія и рассказы,

какъ поучающіе и возвышающіе, образовывающіе духъ и сердце, и опытъ показалъ, что дѣти тогда слушаютъ съ удвоеннымъ и еще бблыпимъ вниманіемъ; повидимому, этимъ содержаніе разсказа приближается къ ребенку, такъ какъ онъ соединяетъ его съ его же собственнымъ твореніемъ.

Но эти строительныя игры могутъ производиться сообща, въ особенности съ дѣтьми, которые дошли уже до 5-го дара и съ которыми уже при предыдущихъ дарахъ производились подобныя же упражненія, и именно такъ, что руководитель игры постоянно показываетъ, что нужно дѣлать, и всѣ собравшіяся дѣти подражаютъ продѣланному имъ.

Положите, напр., передъ собой 4 раза по 2 цѣлыхъ кубика въ продольный четырехугольникъ; поставьте вертикально на нихъ еще 4×2 цѣлыхъ кубика. Надъ каждымъ 2 кубиками положите по 2 полукубика ихъ скошенной плоскостью, такъ чтобы они прикасались въ срединѣ своихъ острыхъ реберъ. При послѣднихъ двухъ кубикахъ замѣните каждый изъ двухъ необходимыхъ еще полукубиковъ 2 четвертями кубиковъ; въ образовавшееся такимъ образомъ продолговатое углубленіе опустите 4 цѣлыхъ кубика. Что вы получили такимъ образомъ и что стоитъ теперь передъ каждымъ изъ васъ? „Домъ съ выступающей крышей, имѣющій 4 кубика въ вышину и 2 кубика въ ширину“.

Что еще осталось у каждого изъ васъ?— „По одному цѣлому кубику и по 2 кубика, раздѣленныхъ на четверти кубика“.

Поставьте цѣлый полукубикъ на правую фронтонную сторону прямо по срединѣ стѣны.

Поставьте раздѣленный на четверти кубикъ также въ средину лѣвой стѣны.

Раздѣлите кубикъ, раздѣленный на четверти, пополамъ и поставьте каждую изъ двухъ половинокъ скошенной плоскостью въ формѣ крыши на каждый изъ обоихъ кубиковъ, такъ чтобы обѣ второстепенныя крыши шли такъ же, какъ и главная крыша. Что вы опять получили?— „Два маленькихъ второстепенныхъ зданія, налѣво и направо отъ главнаго дома“.— „Одинъ большей главный домъ съ двумя маленькими второ-

ступенными зданіями съ обѣихъ сторонъ, каждое въ одинъ кубикъ съ выступающей крышей изъ полुकубика“.—Можете ли вы, каждый изъ васъ, построить теперь то же самое самостоятельно?—„Да, да!“ Ну, такъ сдѣлайте это.

И эта игра доставляетъ большое удовольствіе.

Эту свою радость и главныя свойства своей постройки ребенокъ можетъ выразить въ рифмованной пѣснѣ:

Вотъ—домъ, вотъ—домъ, вотъ—домъ!
Построилъ домикъ я.
Вотъ—домъ! Что-жъ худо въ немъ?—
Смотрите-ка, друзья!
Четыре въ немъ въ длину,
Легли два—въ ширину,
Шесть кубиковъ, а въ немъ,
Удобно жить... Вотъ—домъ.
Просторъ и вышина
И крыша—все сполна...
А кстати—съ домою въ рядъ
Два флигеля стоятъ,
Премилые на взглядъ...

Далѣе, чтобы на этомъ дать упражненіе силѣ воспитанія и представленія ребенка, можно всю внутренность этого дома разбить на помѣщенія извѣстнаго дома, напр.,—здѣсь жилая комната, тамъ кухня и т. д.

Совершенно особый родъ построекъ, которыя дѣти строить съ удовольствіемъ, представляютъ собою тѣ, которыя носятъ названіе художественныхъ построекъ; построение ихъ совершенно особенное и основано на опредѣленномъ распредѣленіи и составленіи частей въ зависимости отъ ихъ равновѣсія и равномерности, по большей части въ вертикальномъ протяженіи въ видѣ стѣны, а также и въ постройкахъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ протяженіи, которыя затѣмъ получаютъ характеръ и даютъ впечатлѣніе чего-то въ родѣ колоннъ и памятниковъ.

Къ этимъ художественнымъ постройкамъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ протяженіи затѣмъ легко примыкаютъ или даже скорѣе вытекаютъ непосредственно изъ нихъ формы образности и красоты.

Однако къ нимъ можно легко притти и выводить ихъ, отправляясь отъ извѣстныхъ жизненныхъ и строительныхъ формъ, напр., отъ четырехсторонняго колодца и отъ квадратнаго стола съ орнаментомъ и 4 диванами.

При этихъ формахъ красоты нужно обратить вниманіе на то, что уже подчеркивалось также при введеніи въ жизненные формы и еще раньше при изложеніи игръ 3 и 4 дара, а именно, что слѣдующія формы должны вытекать изъ предыдущихъ, не разрушая собственно совсѣмъ ни одной изъ нихъ, и именно такъ, чтобы дальнѣйшія измѣненія были или развитіемъ большого разнообразія, большой разницы, или поворотомъ къ большей простотѣ, къ большей замкнутости въ себѣ.

Можно или самого ребенка заставить самостоятельно исходить отъ каждой случайной строительной или жизненной формы, или же съ самаго начала игры дать ей совершенно прочную и простую исходную точку. Однако, при введеніи игръ послѣднимъ способомъ существенно важно обратить здѣсь вниманіе еще на слѣдующее:

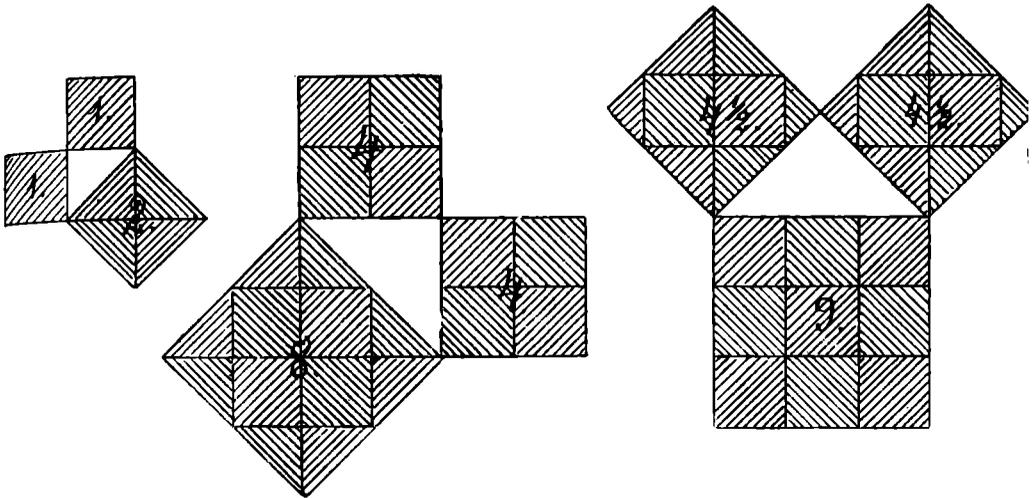
Кубикъ 5-го дара состоятъ изъ $3 \times 3 \times 3$ кубиковъ и содержать въ себѣ 27 кубиковъ. Поэтому изъ него можно построить, какъ треугольную фигуру съ равными сторонами или правильный треугольникъ, такъ и четырехстороннюю фигуру съ равными сторонами или квадратъ. Всѣ формы красоты пятаго дара по сравненію съ предыдущими имѣютъ, слѣдовательно, то существенно отличающееся отъ нихъ качество, что они распределяются на два различныхъ ряда: на рядъ квадратовъ и на рядъ треугольниковъ.

Оба они, какъ ряды, предназначенные для образованія и развитія, будутъ имѣть прочтѣйшимъ образомъ свое основаніе въ формахъ познанія и именно первый рядъ въ формѣ познанія, въ которомъ кубикъ является раздѣльнымъ на 1×4 равныхъ части въ формѣ площадокъ, и именно на четыре равныхъ равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника (величиной въ $4\frac{1}{2}$ кубика), и одинъ квадратъ изъ 9 кубиковъ; затѣмъ очень легко эти 4 треугольника

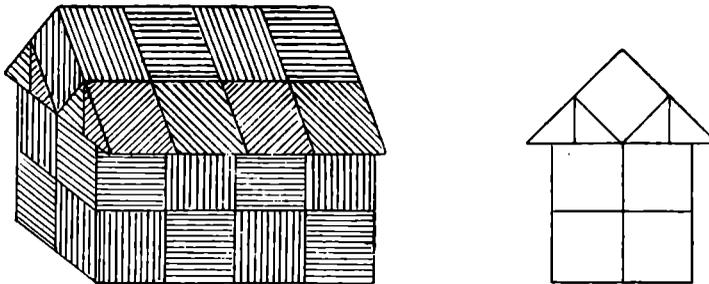
ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рисунки М. Ө. Берга для болѣ яснаго пониманія стр. 311 (I)
и 318 (II).

I.

II.

По поводу словъ подлинника „Домъ съ выступающей крышей, вмѣщающей 4 кубика въ высоту и 2 кубика въ ширину“ (стр. 318), М. Ө. Бергъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Высота собственно $2 + \sqrt{2} = 3,41$, а не 4; ширина указана для самаго дома, не считая выступовъ“.

Ред.

и 1 квадрат обратить снова въ форму квадрата. См. рис. № 1, стр. 332.

Второй рядъ формъ красоты, рядъ треугольниковъ, напротивъ, превосходно находятъ свое основаніе въ формѣ познанія, гдѣ кубикъ раздѣленъ на 3 равныхъ части въ формѣ бруска, которыя въ свою очередь легко складываются въ равносторонній треугольникъ или правильный треугольникъ, каждая сторона котораго вмѣстѣ въ длину 9 кубиковъ. См. рис. № 4, стр. 330.

Мы разсматривали здѣсь послѣдовательный рядъ формъ красоты, которыя можно развить изъ основной формы квадрата или вообще изъ основной формы. (См. рис. № 1, стр. 332).

Существенно прекрасное и способствующее образованію и развитію свойство этихъ игръ, этого способа веденія игры выражается особенно ясно въ томъ, что въ выборѣ исходной точки обыкновенно дается величайшая и полная свобода, но разъ уже выбрана дорога, разъ вступили на извѣстный путь образованія и развитія, путь изображенія и желаютъ притти къ опредѣленной цѣли опредѣленнымъ и яснымъ способомъ, то нужно постоянно слѣдовать по избранному пути, пока не придутъ къ послѣдней цѣли развитія, къ тому развивающему свойству этихъ игръ, которое проявляется именно на каждомъ шагѣ въ нихъ. Точно такъ же важно замѣтить и второе, а именно, что можно дать, какъ можно болѣе ясное и точное и, наконецъ, не подлежащее совершенно никакому сомнѣнію опредѣленіе, какъ въ отношеніи къ наблюденію и дѣйствію, такъ и въ отношеніи къ словесной формѣ, разъ уже выбранъ путь, по которому слѣдуютъ, какъ для себя, такъ и для занимающагося, играющаго ребенка. Это свойство этихъ игръ имѣетъ несказанно благотѣльную и благодатную выгоду не только въ дѣлѣ образованія ума и сердца ребенка и не только для его жизни, состоящей изъ упражненій, но и особенно для взаимныхъ отношеній между наставникомъ и его ученикомъ, между воспитателемъ и питомцемъ, между руководителемъ и руководимымъ, для отношеній, основанныхъ на вѣрѣ, на взаимномъ довѣрїи и ува-

женіи, на мирѣ и взаимномъ пониманіи, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, когда они могутъ ясно понять другъ друга.

Такъ—въ настоящемъ случаѣ, въ особенности при изложеніи въ перваго рядъ формъ красоты, исходя отъ четырехугольника.

Сравни уже названную таблицу. Рис. №№ 1—6, стр. 332.

Внутреннее и внѣшнее—прямая противоположности. Несмотря на это, играющему ребенку предоставляется полная свобода выбирать, желаетъ ли онъ начать свое превращеніе съ внутренняго квадрата, съ квадрата въ срединѣ фигуры, или съ окружающихъ его четырехъ треугольниковъ.

Внутреннее и внѣшнее и въ каждомъ изъ этихъ обоихъ случаевъ являются опять-таки противоположностями и поэтому играющій ребенокъ можетъ начинать свою игру или со средины, съ квадрата, или же съ внѣшнихъ кубиковъ. Точно такъ же и при треугольникахъ, ребенокъ можетъ начинать свои измѣненія въ каждомъ треугольникѣ или съ одной изъ сторонъ, обращенныхъ наружу, или со стороны, обращенной внутрь, къ квадрату.

Еще дальше нужно опредѣлить, будетъ ли движеніе всестороннимъ, т. е. четырехстороннимъ, или оно будетъ только 2-хъ-и 2-хъ стороннимъ. Каждое опредѣленное начало обуславливаетъ совершенно своеобразное продолженіе, каково бы ни было то измѣненіе и та свобода, которая предоставляется въ извѣстныхъ границахъ. Можно, конечно, каждый рядъ развитія прервать на любой ступени и начать съ новаго. Но играющій ребенокъ можетъ дать себѣ отчетъ даннымъ способомъ, если не на словахъ, то на самомъ дѣлѣ и въ наблюденіи, какими тѣсно связанными путями образованіи возникла построенная форма.

Теперь мы будемъ исходить изъ простой основной формы, изображенной на рис. № 1, стр. 332, даваемой формы и познанія, носящей однако уже въ себѣ большое разнообразіе и дѣлающее возможнымъ еще большее разнообразіе. Путь образованія будетъ всесторонне раскрывающимъ, начиная со средины.

Итакъ, здѣсь двигаются сначала четыре кубика (а) къ угламъ квадрата въ прямомъ направленіи наружу—до тѣхъ

поръ, пока они такъ какъ бы останавливаются. Затѣмъ также четыре кубика, расположенные по сторонамъ квадрата. Все это вмѣстѣ образуетъ форму, данную на рис. № 2, стр. 332.

Продолжая это движеніе тѣхъ и другихъ кубиковъ до тѣхъ поръ, пока первые четыре кубика (а) не размѣстятся по угламъ главнаго квадрата, а вторые (b) не займутъ мѣсто первыхъ, мы получимъ форму, изображенную на рис. № 3, стр. 332.

Если эти 8 кубиковъ равномерно продолжать свой путь (направо или налѣво кругомъ), то получится фиг. № 4, стр. 332.

Продолжая дальше это движеніе, мы получимъ по внѣшнему виду снова фиг. № 3, но изображенною съ помощью совершенно другихъ кубиковъ, или членовъ; именно, гдѣ прежде стоялъ кубикъ, или членъ а, тамъ теперь стоитъ кубикъ, или членъ b, и гдѣ стоялъ b, теперь стоитъ а. Разстановка кубиковъ, слѣдовательно, измѣнилась прямо-противуположнымъ образомъ, а внѣшній видъ остался тотъ же.

И на этотъ пунктъ, въ высшей степени важный въ дѣлѣ наблюденія за природой и жизнью, человѣкъ и ребенокъ долженъ рано обратить вниманіе, и въ дальнѣйшемъ развитіи этого вида игры и занятій, именно въ виду того, что это составляетъ важный законъ жизни и природы. Даже при малѣйшемъ соприкосновеніи на это будетъ обращено многостороннее вниманіе, какъ и на многіе другіе законы образованія и развитія въ жизни и природѣ, напр., на законъ, что, хотя исходъ развитія можетъ быть разнообразенъ, но всегда онъ имѣетъ свою исходную точку или въ чемъ-либо внутреннемъ, или во внѣшнемъ, или въ чемъ-либо посредствующемъ.

Затѣмъ четыре кубика а возвращаются обратно на свои мѣста, четыре кубика b остаются какъ бы задержанные углами; это даетъ первую часть фиг. № 5, стр. 332.

Теперь начинается развитіе въ четырехъ треугольникахъ и именно со середины большихъ ихъ сторонъ, обращенныхъ внутрь, съ полукубиковъ, изъ которыхъ каждый дѣлится на двѣ равныя части, или четверти кубика.

Сначала они могутъ еще нераздѣленными пополамъ

явиться изъ простаго соединенія съ цѣлымъ. Это даетъ форму, изображенную на рис. № 5, стр. 332.

Затѣмъ ихъ можно раздѣлить и половину какъ бы привлечь въ центрѣ, а половину къ окружности. Но въ то же время можетъ происходить развитіе и въ прямыхъ углахъ треугольниковъ, именно такъ, чтобы угольный кубикъ вмѣстѣ съ уже стоящимъ у угла кубикомъ *b* соприкасались, какъ между собой, такъ и съ остальными цѣлыми кубиками, составляющими треугольникъ, посредствомъ реберъ. Это даетъ форму, изображенную на рис. № 6, стр. 332.

При этихъ путяхъ образованія опять-таки можно имѣть въ виду опредѣленные цѣли и конечныя формы, къ которымъ какъ бы стремится общій ходъ развитія, а именно, чтобы цѣлое въ концѣ концовъ изобразилось или въ формѣ чистой окружности, или въ формѣ лучей, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ, или какъ бы въ формѣ колеса, которая соединяетъ въ себѣ обѣ предыдущія формы.

Но каждую изъ этихъ фигуръ можно построить двояко: периметръ ихъ можетъ являться или въ видѣ окружности, или въ видѣ квадрата, и перекрещивающіеся лучи могутъ быть расположены или въ прямомъ, или наклонномъ положеніи. То же самое имѣетъ силу и для соединенія ихъ обоихъ.

Здѣсь нужно замѣтить для всѣхъ формъ красоты, образованныхъ, какъ изъ формы четырехугольника, такъ и изъ формы квадрата, что существенно важно, чтобы они предлагались играющему ребенку для спокойнаго, яснаго и разумнаго толкованія, какъ возможныя, хотя бы въ дѣйствительности это происходило съ помощью только числовыхъ отношеній. Напр., если бы ребенку, начиная отъ одного угла, показывали пальцами и пѣли.

Два, четыре, одинъ, три...

Или при кругообразномъ разсмотрѣніи:

Два и два, и два, и два,

Четыре и четыре, и четыре, и четыре,

Одинъ, одинъ, одинъ, одинъ,

Три, три, три, три.

Или:

Дважды четыре,
Четырежды четыре,
Четырежды одинъ,
Четырежды три.

Также слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что между формами красоты изъ квадрата и жизненными и строительными формами обнаруживаются прекрасныя посредствующія формы. Это формы въ родѣ укрѣпленія. Само собой понятно, что здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе всѣхъ этихъ формъ. Человѣкъ, понимающій въ искусствѣ, выразился объ этомъ, что опредѣленная форма дѣйствительно есть простая основная форма искусства укрѣпленія.

Мы переходимъ теперь къ формамъ красоты треугольника.

Исходной точкой является здѣсь лучше и проще всего, если исходить отъ треугольника, имѣющаго въ каждой сторонѣ по девяти кубиковъ и затѣмъ устлавливаютъ эту форму, какъ постоянную и какъ опредѣленіе для дальнѣйшаго хода впередъ, но постепенно при этомъ для того, чтобы получать все большее число перемѣнъ и большее разнообразіе, освобождаютъ все время по одному кубику для произвольнаго движенія, такъ что первый основной треугольникъ содержитъ въ каждой сторонѣ девять, второй—восемь, третій—семь и т. д. кубиковъ и во второмъ случаѣ для перемежающагося движенія предназначенъ одинъ кубикъ, въ третьемъ—два кубика или его части и т. д. Въ фиг. № 1, стр. 333, изображенъ исходный треугольникъ; въ каждой изъ его сторонъ по девяти кубиковъ.

Такъ какъ каждая сторона по принятому условію должна содержать въ себѣ это число кубиковъ, то дальше уже нельзя предпринимать никакихъ перемѣнъ, кромѣ перестановокъ кубиковъ внутри того же ряда, внутрь или наружу, но такъ, чтобы этимъ не устранилась непосредственная связь внутри сторонъ и между кубиками; слѣдовательно, чтобы переставленный кубикъ подвигался на ка-

кую-нибудь определенную часть, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ и т. д., по направлению къ одной сторонѣ, и притою всегда такъ, чтобы сторона съ стороною оставались связанными. Каждая сторона треугольника можетъ такимъ способомъ являться то прямой, но въ то же время какъ бы ломаной внутри себя линіей; то снова извилистой линіей, съ одной стороны вогнутой внутрь, съ другою—выгнутой наружу; далѣе, она можетъ являться совершенно дугообразной линіей и опять-таки или совершенно вогнутой внутрь, или совершенно выгнутой наружу.

Какъ ни просто это измѣненіе, однако очень много разнообразныхъ формъ доставляетъ ребенку удовольствіе именно легкостью ихъ построения.

Возьмемъ для игры, т.-е. для свободнаго движенія одинъ кубикъ. (Фиг. № 2, стр. 333). Но сколько разнообразныхъ положеній можетъ получить этотъ кубикъ?

Это можетъ быть или внутри, или внѣ треугольника.

Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ опять таки—или на углѣ, или на сторонѣ; и здѣсь снова онъ можетъ быть обращенъ къ главному пункту (къ сторонѣ или къ углу треугольника) или стороною, или ребромъ.

Это даетъ, такимъ образомъ, 6 различныхъ формъ, которыя въ силу ихъ изображенія образуютъ одно мысленное цѣлое, такъ что ребенокъ, благодаря этому, упражняется къ тому же и въ установленія членовъ, основанныхъ на законахъ мышленія.

Далѣе, эти 3 свободныхъ кубика могутъ быть соединены въ срединѣ треугольника и здѣсь опять-таки троякимъ способомъ: или все время будучи обращены другъ къ другу ребрами, или сторонами; или, наконецъ,—посредствующее третье,—гдѣ ребро одного кубика обращено къ сторонѣ другого и касается ея.

Въ первомъ случаѣ соприкасаются три ребра въ срединѣ, во-второмъ случаѣ по два ребра и, слѣдовательно, такъ 3 раза.

И здѣсь также является столь высоковажное для жизни, а поэтому и въ природѣ и даже въ этомъ способѣ занятій

ребенка столь всесторонне выражающееся положеніе: что въ природѣ и въ жизни всегда между двумя прямо противоположными явленіями обнаруживается третье, посредствующее. На это явленіе было указано, какъ на существенно важное, уже при формахъ красоты третьяго дара въ предыдущихъ главахъ, и мы еще часто будемъ возвращаться къ нему въ продолженіе изложенія этого способа занятій вслѣдствіе глубокой важности этого положенія.

Однако приведеннымъ до сихъ поръ еще далеко не ограничиваются измѣненія формы треугольника, одна сторона котораго равна 8 кубикамъ, и при которой, слѣдовательно, одинъ кубикъ остается для свободнаго употребленія въ игрѣ. Этотъ цѣлый кубикъ можно раздѣлить косою плоскостью, проходящею черезъ ребра, на 2 равныя частц, или иначе выражаясь: вмѣсто того, чтобы играть съ цѣлымъ кубикомъ, можно позволить ребенку играть съ 2 половинными кубиками, раздѣленными упомянутымъ способомъ.

Нельзя было бы провести здѣсь всѣ возможныя измѣненія, какъ они ни легко расчленяются въ построеніи.

Главныя измѣненія могутъ происходить: во-первыхъ, посредствомъ раздѣленія обѣихъ половинокъ (рис. № 3, стр. 333), и затѣмъ, посредствомъ соединенія ихъ въ одинъ прямоугольный треугольникъ.

Въ первомъ случаѣ могутъ быть построены не только всѣ соединенія, уже данныя выше при одномъ кубикѣ, напр., оба могутъ быть прикрѣплены или къ сторонѣ, или къ углу треугольника, и здѣсь могутъ быть опять-таки поставлены или внутри, или внѣ треугольника; но всѣ эти построенія могутъ быть соединены различнымъ способомъ между собою, какъ, напр., одно—наружи, одно—внутри, одно—на сторонѣ и одно на внутреннемъ или на внѣшнемъ углѣ треугольника.

Во второмъ случаѣ, когда обѣ половинки являются соединенными въ одинъ прямоугольный треугольникъ, имѣютъ мѣсто, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ соединенія, которыя были даны уже выше при измѣненіяхъ съ однимъ кубикомъ, такъ что легко можно принять и приблизительно найти,

посредствомъ вычисленія, какимъ образомъ возможно съ помощью кубика, раздѣленнаго на 2 половинки, изобразить около 100 соединеній или, скорѣе, различныхъ построеній. И мы еще далеко, далеко не кончили. Каждая изъ половинокъ кубика можетъ быть раздѣлена на 2 четверти, такъ что всѣхъ членовъ, подлежащихъ измѣненіямъ, станетъ три для каждой стороны: одна половинка и двѣ четверти!

Какое множество соединеній и измѣненій даютъ эти три члена на одной только сторонѣ и въ одномъ только направленіи! — Число всѣхъ изображеній съ помощью этихъ трехъ членовъ по общему расчету можетъ составить до 300 изображеній. И все-таки мы еще не кончили съ изображениями съ помощью одного кубика. Въ самомъ дѣлѣ, на мѣсто второй половинки кубика можно еще поставить также двѣ четверти, такъ что, слѣдовательно, свободно двигаться будутъ четыре четверти кубика. Если мы примемъ здѣсь только 500 возможныхъ новыхъ измѣненій, что по предыдущимъ вычисленіямъ, конечно, немного, то въ треугольникъ № 2, гдѣ въ каждой сторонѣ по 8 кубиковъ и свобода въ перестановкѣ одинъ кубикъ или нераздѣленный, или раздѣленный на двѣ половинки, или раздѣленный на одну половинку и двѣ четверти, или раздѣленный на четыре четверти, будутъ возможны приблизительно до 1000 различныхъ построеній.

Отсюда видно, какъ необходимо раздѣлить, расчленивъ число этихъ изображеній, чтобы ребенокъ не былъ подавленъ ихъ численностью, но крайней мѣрѣ, не былъ бы утомленъ. Но такъ бываетъ въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ соединенія или комбинаціи игръ для дѣтей, и они теряютъ поэтому для ума и сердца свой образовательный элементъ, равно какъ и примѣнимость для жизни. Но здѣсь каждое сдѣланное условіе совершенно исключаетъ безчисленное множество остальныхъ, и ребенокъ и руководитель могутъ легко ориентироваться и обозначить то мѣсто, гдѣ они стоятъ при большомъ многообразіи; по крайней мѣрѣ, за ребенка можетъ это сдѣлать руководитель, который именно поэтому и становится истиннымъ руководителемъ. Поэтому-то эти игры

становятся не только не обременительными и не утомительными, не ведущими къ безплоднымъ результатамъ, но истиннѣ укрѣпляющими и развивающими; ибо, по крайней мѣрѣ, воспитатель, руководитель дѣтей, обыкновенно—гдѣ онъ въ своей сферѣ—знаетъ, откуда нужно исходить ребенку, и знаетъ, куда клонится его направленіе, въ какую сторону онъ повернетъ.

Подобно тому, какъ въ предыдущемъ въ каждой сторонѣ треугольника оставалось 8 кубиковъ, такъ теперь въ слѣдующемъ 7 кубиковъ будутъ постоянными и, слѣдовательно, два кубика будутъ свободны для игры. Эти два могутъ быть: или оба нераздѣленными (фиг. № 4, стр. 333) или 1 кубикъ нераздѣленнымъ, а другой раздѣленнымъ и притомъ именно: или на 2 половинки, или на 1 половинку и 2 четверти, или на 4 четверти (фиг. 5), или оба кубика могутъ быть раздѣленными или на 4 половинки, или на 3 половинки и 2 четверти, или на 2 половинки и 4 четверти, или на 1 половинку и 6 четвертей, или на 8 четвертей.

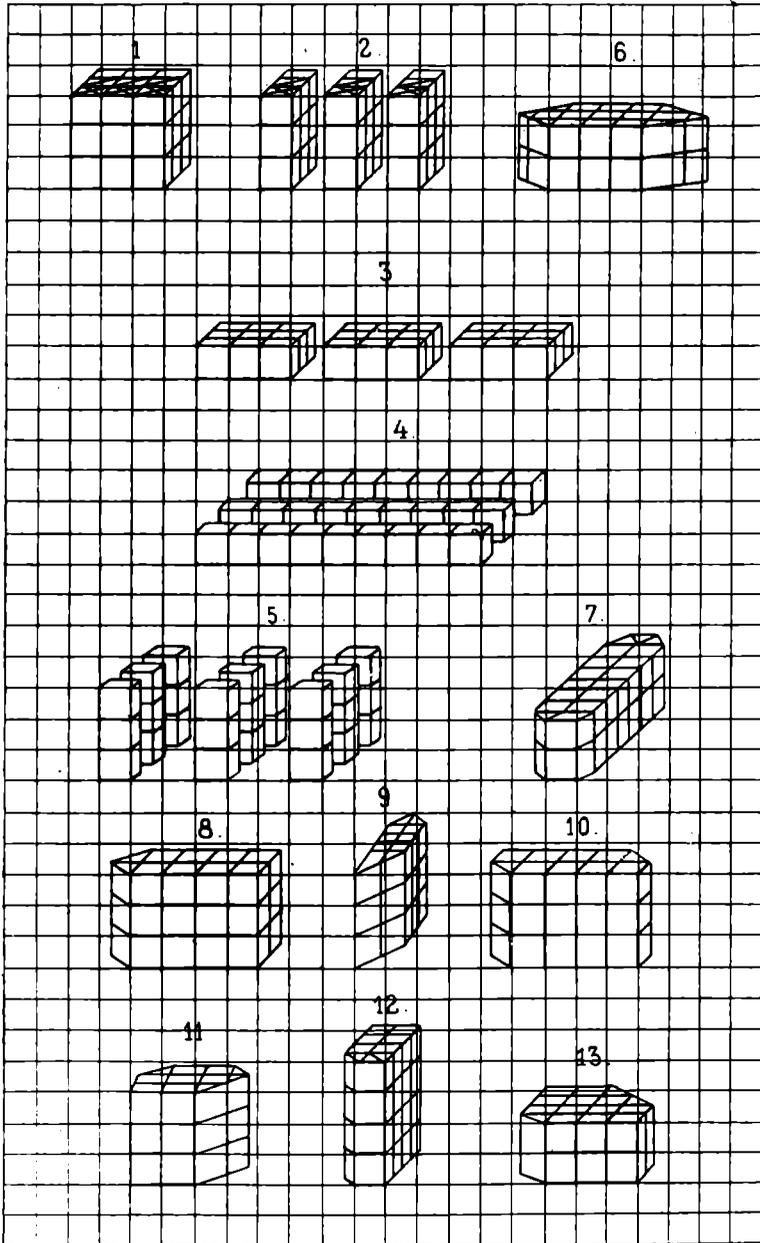
Каждый, кто слѣдилъ до сихъ поръ за игрой внимательно и настойчиво, убѣдится, какое множество постоянно различныхъ изображеній здѣсь возможно, и какъ хорошо ограничивать свободу движенія на благо самого ребенка частями и извѣстными требованіями.

Для того, чтобы сразу не вызывать въ представленіи слишкомъ большого разнообразія фигуръ, до сихъ поръ намѣренно не было подчеркнуто, что со всѣми этими изображеніями можетъ соединяться еще передвиженіе внутри сторонъ треугольника. Однако и эти передвиженія въ свое время могутъ быть приняты въ число изображеній, что снова придаетъ игрѣ совершенно новую прелесть.

Чѣмъ меньше число кубиковъ, которые должны оставаться на сторонѣ основной формы треугольника, тѣмъ расчлененнѣе и богаче формами будутъ изображенія. Также больше округляются отдѣльные члены, а равно иногда и цѣлое. Я долженъ здѣсь еще разъ сослаться на таблицы къ этому дару игръ, стр. 333.

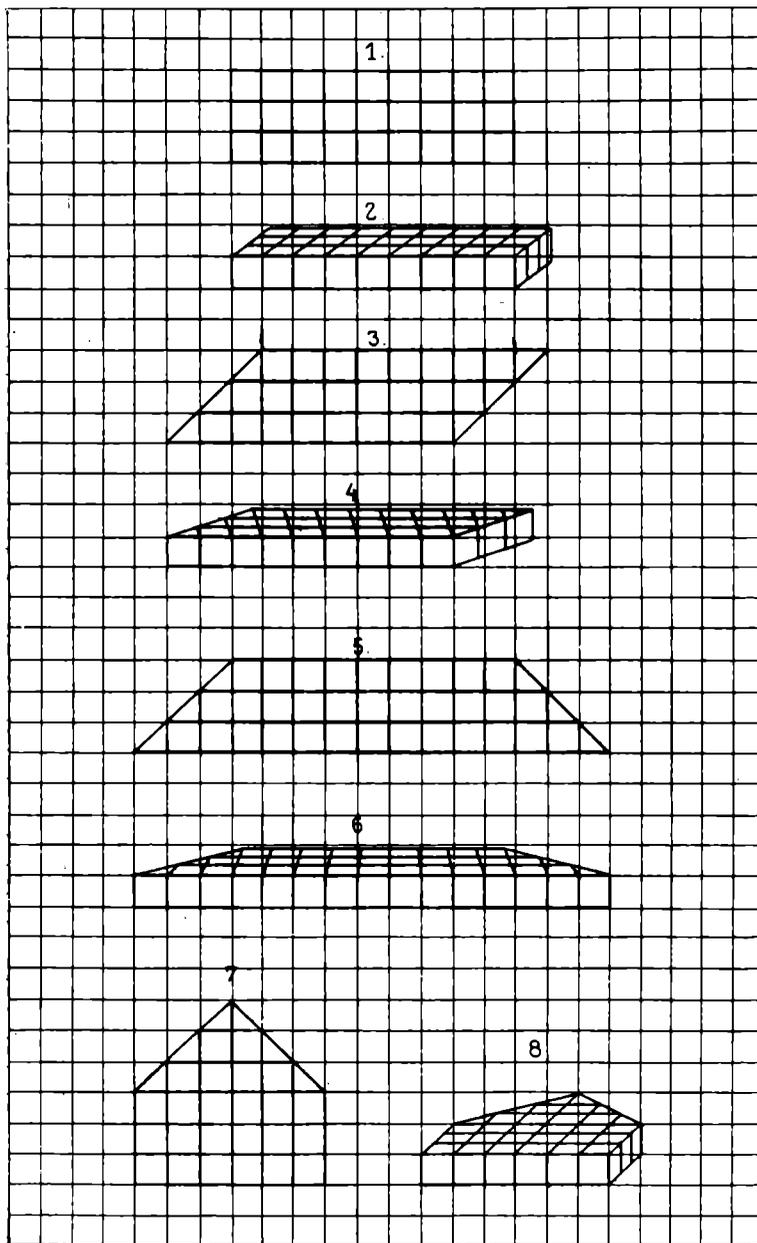
А отсюда не труденъ переходъ къ 2 и 2-стороннимъ фор-

Пятая игра ребенка.

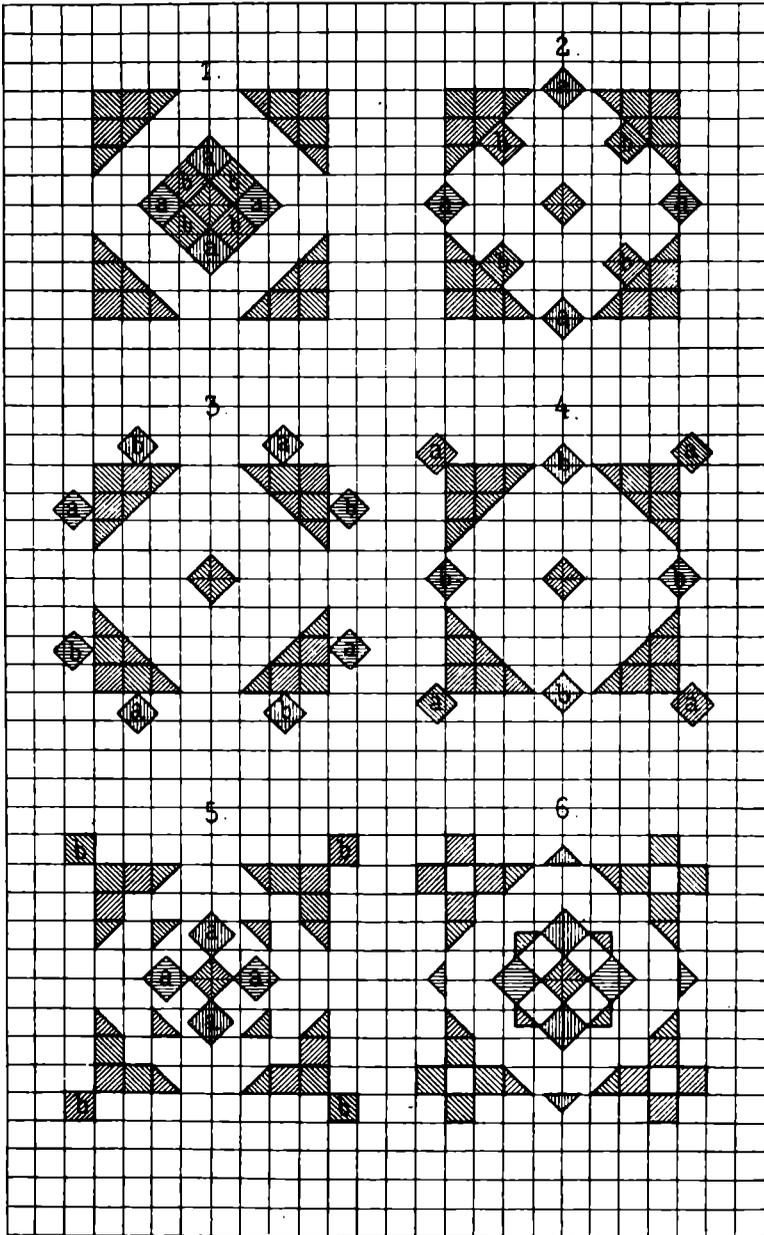
Объяснительные фигуры.

Пятая игра ребенка.

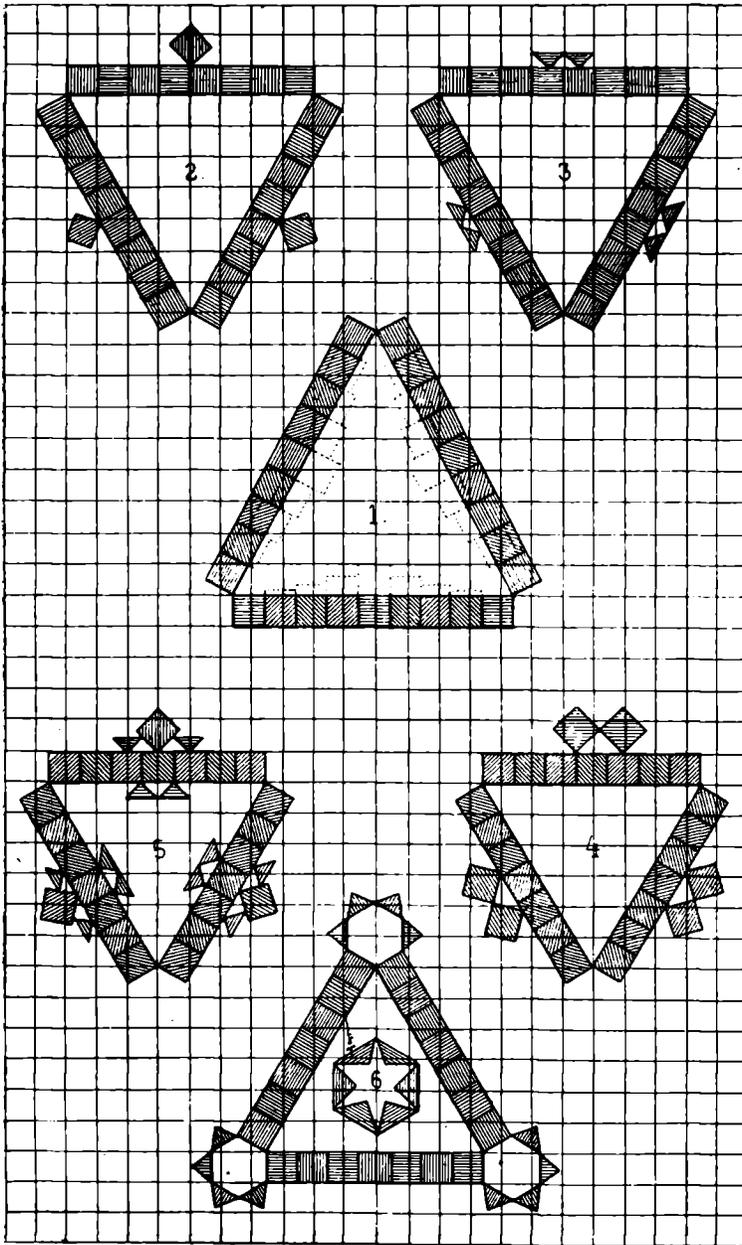
Объяснительные фигуры.

Пятая игра ребенка.

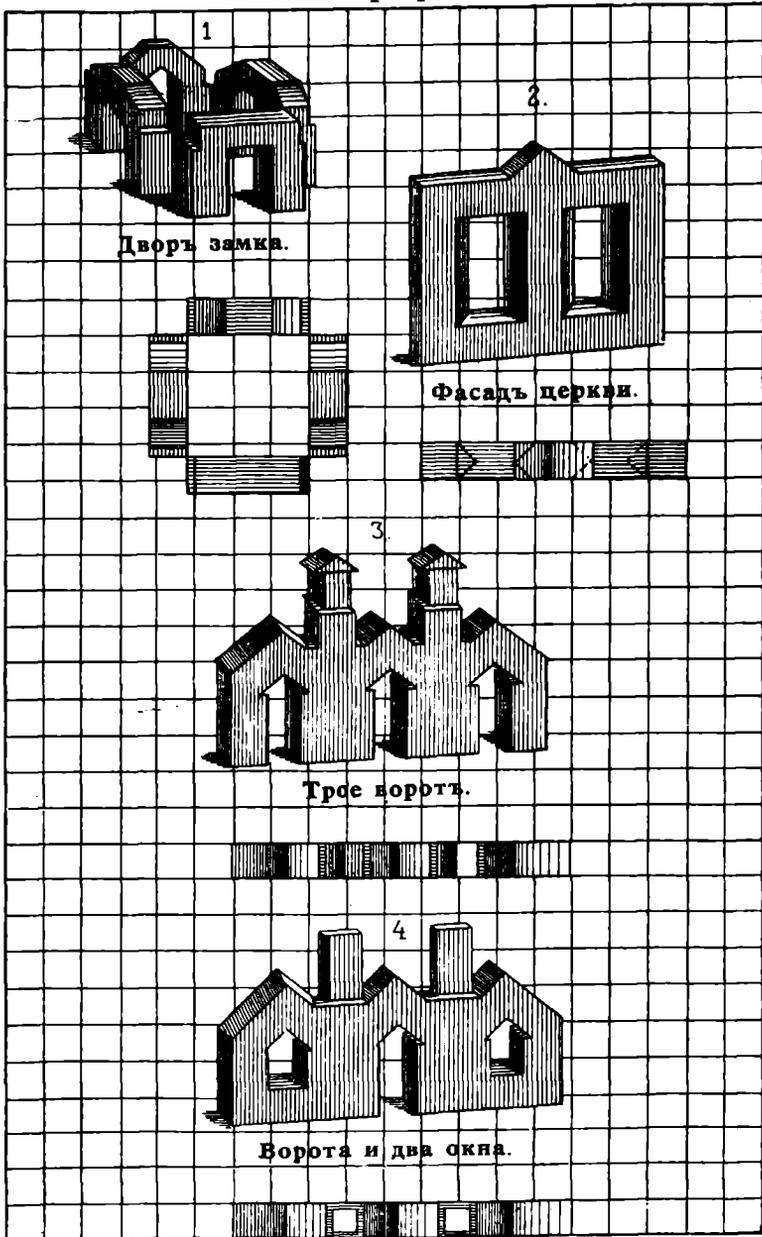
Изящные фигуры.

Пятая игра ребенка.

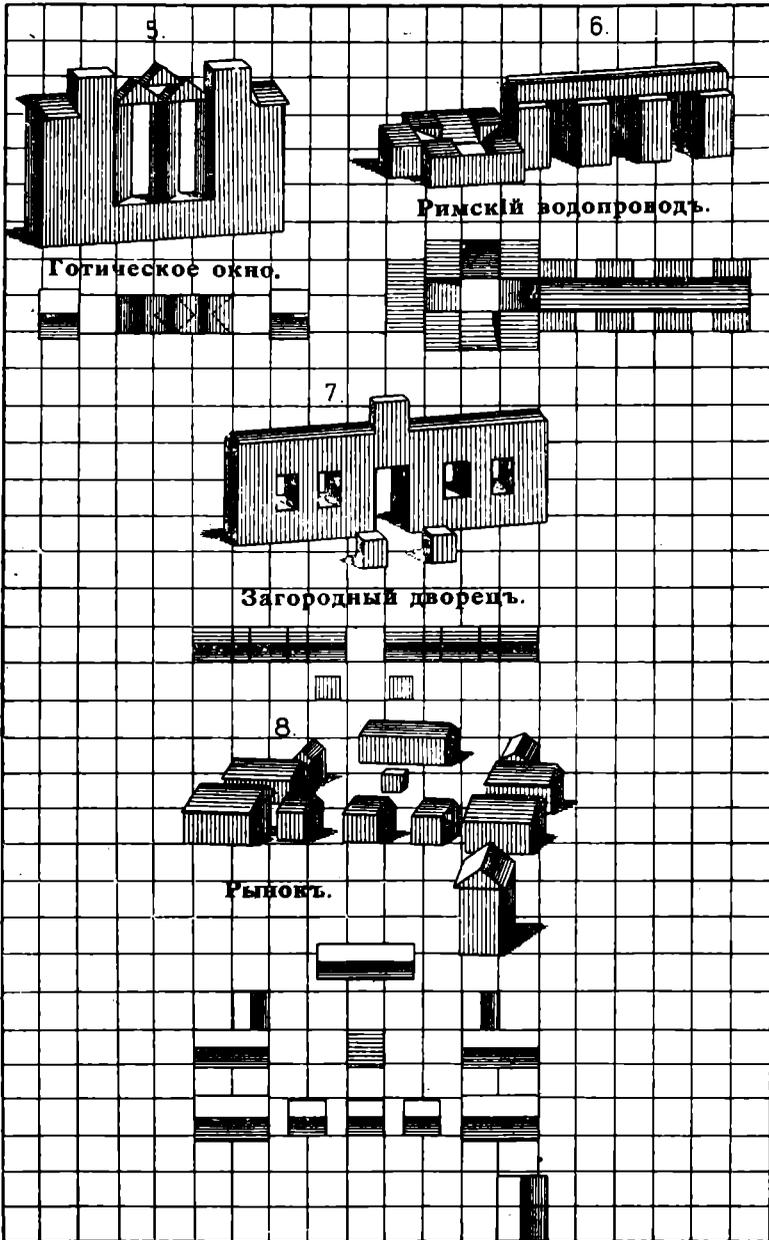
Изящныя фигуры.

Пятая игра ребенка.

Фигуры предметовъ.

Пятая игра ребенка.

Фигуры предметовъ.

мамъ, какъ прямоугольнымъ, такъ и круглымъ, а отъ этихъ послѣднихъ даже къ кругамъ, какъ завершенію всякаго изображенія.

Здѣсь можетъ быть сдѣлано указаніе на механику или построеніе мельницъ, въ то время какъ различные виды гребневыхъ колесъ, хотя бы приблизительно, изображены.

Изъ формъ красоты въ формѣ треугольника есть также въ свою очередь—какъ это было выражено по отношенію къ формамъ красоты въ формѣ квадрата—посредствующія формы укрѣпленій или шанцевидныя посредствующія формы между формами красоты и жизненными формами или строительными формами. Жизненные формы къ пятому дару игръ также даны („Фигуры предметовъ“ Стр. 334—335).

Такимъ образомъ здѣсь, въ концѣ этого схематическаго изображенія игръ пятаго дара, ясно снова выражается, что въ немъ господствуетъ на всемъ протяженіи полное жизни единеніе, и что даже являющіяся раздѣленными звенья и направленія снова соединяются выразительными посредствующими членами, и такимъ образомъ цѣлое во всѣхъ своихъ частяхъ является единымъ, живымъ и пробуждающимъ жизнь, равно какъ и руководящимъ жизнью и образовательнымъ цѣлымъ.

Въ заключеніе еще одно только слово объ употребленіи данныхъ на стр. 330—335 таблицъ.

Прежде всего и преимущественно они предназначены для руководителей дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для родителей, чтобы имъ стало возможнымъ достигнуть извѣстнаго господства надъ предметомъ, по крайней мѣрѣ, приобрести себѣ нѣсколько болѣе обширный обзоръ цѣлаго и нѣсколько послѣдовать за направленіями различныхъ изображаемыхъ дѣтскими фигуръ и изъ ихъ формъ помочь имъ объяснить свою собственную жизнь, ея требованія и то, что ее двпгаетъ. Но если дѣти сами изобрѣтутъ и изобразить уже многое и даже очень многое изъ того, что содержатъ таблицы, или, по крайней мѣрѣ, хотя что-нибудь подобное, тогда таблицы могутъ быть даны имъ для подражанія тому, что изображено на нихъ въ очень большомъ числѣ. И это опять-таки

важно во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, чтобы изображенное ими наблюдать въ изображеніи на бумагѣ и по рисунку снова изобразить то же самое; затѣмъ для того, чтобы именно этимъ все болѣе прояснять себѣ ихъ взглядъ на цѣлое и такимъ образомъ расширять ихъ кругозоръ; наконецъ, затѣмъ, чтобы развить ихъ силу воображенія, сдѣлать ихъ представленія богаче и опредѣленнѣе, а ихъ изображенія—увѣреннѣе и прочнѣе, и такимъ образомъ пробудить въ нихъ силу и охоту увеличивать эти представленія посредствомъ наблюденій, собранія иллюстрацій и изображеній, гдѣ только имъ представится къ тому удобный случай.

Складываніе изъ бумаги.

Это—развивающее, воспитывающее, интересное и поучительное занятіе для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ и больше, при внимательномъ содѣйствіи со стороны взрослыхъ руководителей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выставленные здѣсь всесторонне развивающія средства образованія ребенка имѣютъ именно то уже признанное благодатное свойство, что они въ своемъ послѣдовательномъ примѣненіи, исходя отъ простаго и постоянно переходя къ болѣе сложному и многообразному, какъ для дѣтей, такъ не меньше и для силъ духа и сердца, а равно и для тѣлесной дѣятельности ухаживающаго за дѣтьми взрослога доставляютъ пріятно освѣжающее и укрѣпляющее отдохновеніе. Это свойство эгихъ игръ, удовлетворяющее какъ играющаго ребенка, такъ и съ любовью руководящаго имъ взрослога—мать, отца, старшихъ братьевъ и сестеръ, воспитателя,—привлекающее его самого къ внимательному товарищу по игрѣ, и есть именно то, что собираетъ ихъ въ настоящей семейной комнатѣ, соединяетъ ихъ во внутренно единую семейную жизнь и побуждаетъ къ ея развитію; это свойство и есть именно то, благодаря чему эти дѣтскія занятія такъ благотельно дѣйствуютъ, какъ на воспитываемаго ребенка, такъ и на воспитывающаго взрослога, соединяютъ обоихъ въ одно полное жизни цѣлое, чтобы привести въ исполніе и изобразить истину, добро и красоту, а равно и развить и усовершенствовать въ гармоніи и единствѣ съ жизнью умъ,

сердце, силу дѣятельности, мышленіе, чувствованіи и поступки, что и составляетъ столь большую и настоятельно о себѣ заявляющую нужду во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ и всестороннихъ жизненныхъ требованіяхъ, въ дѣлѣ интеллектуальнаго, эстетическаго и вообще практическаго воспитанія.

А.

Руководящая нить въ средствахъ для занятій вообще, равно какъ и краткое введеніе въ спеціальную часть.

1. Средства развитія, изложенныя особенно въ отдѣлѣ о материнскихъ и ласкательныхъ пѣсняхъ и въ другихъ мѣстахъ, обусловленныя глубоко сущностью и ходомъ развитія ребенка исходятъ непосредственно изъ физической дѣятельности и духовнаго вліянія человѣка, какъ единаго въ себѣ цѣлаго, и дѣйствуютъ непосредственно на человѣка и его духъ. Такъ же точно средства для занятій, изложенныя до сихъ поръ, имено, въ трактованныхъ до сихъ поръ дарахъ игръ, основанныя, какъ то указано, глубоко на природѣ ребенка, равно какъ и на свойствахъ вещей, исходятъ, какъ уже здѣсь повторяется не одинъ разъ, изъ посредствующаго, тѣлеснаго, матеріальнаго, какъ такового, въ его простѣйшихъ замѣстителяхъ, какъ мячъ, шаръ, кубикъ и катокъ, какъ нѣчто нераздѣльное, въ то время, какъ дѣти разсматриваютъ ихъ въ ихъ различныхъ и противоположныхъ, а также и въ посредствующихъ свойствахъ и отношеніяхъ, въ покоѣ и движеніи и сообразно съ этимъ обращаются съ ними. Образовательный элементъ для чувствъ и членовъ здѣсь заключается въ томъ посредствующемъ, которое существуетъ между развитіемъ и занятіемъ, единымъ и недѣлимымъ, духовнымъ и тѣлеснымъ.

2. Прогрессъ въ данномъ случаѣ идетъ по господствующему закону противоположности отъ недѣлимаго къ дѣлимому, и имено, сначала отъ однажды раздѣленнаго къ многократно, но всесторонне раздѣленному, отъ кубической формы къ образованію брусковъ и отъ прямого

дѣленія къ косому. Это извѣстные дары игръ отъ третьяго до шестого включительно.

3. Отъ брусковъ средства для игры поднимаются къ площадкамъ, и именно сначала къ прямоугольнымъ или четырехугольнымъ и затѣмъ къ косымъ или къ трехугольнымъ. Пониманіе ихъ различныхъ положеній и отношеній другъ къ другу обуславливаетъ ихъ различный видъ, ихъ примѣненіе и ихъ различное дѣйствіе на ребенка.

Они образуютъ своеобразный и внутренне сплоченный рядъ допускающихъ многостороннія образованія и потому совершенно особенно развивающе-воспитательныхъ равно какъ и пріятно-поучительныхъ игръ со складываніемъ.

4. Черезъ посредство образованій брусковъ и площадокъ физическое дѣленіе спускается къ палочкамъ и именно, сначала къ палочкамъ длиною въ удвоенный кубикъ или въ простой брусокъ. Употребленіе этихъ палочекъ состоитъ: а) въ разнообразномъ складываніи ихъ между собою въ извѣстныя уже формы жизни, красоты и познанія, среди которыхъ можно, если угодно, различать формы числа и формы счисленія, равно какъ и формы письма и чтенія и т. д., и б) въ прочномъ соединеніи палочекъ въ замкнутыя фигуры или поверхности посредствомъ соединяющаго тѣла, горошины или пробки.

Для подвижнаго соединенія отдѣльных палочекъ пдуть вмѣсто нихъ:

5. Лучинки или драги длиною въ восьмерной кубикъ, или въ четырехкратный брусокъ и шириною самое большее въ половину кубика. Занятіе съ ними и есть такъ называемое устройство границъ, подобно тому, какъ предшествующее занятіе называется работами съ горохомъ.

6. Соединеніе палочекъ, получаемое при устройствѣ границъ, какъ недѣлимое, но подвижное цѣлое, приводитъ къ занятіямъ съ расчлененной палочкой, при занятіи съ которою одна форма развивается изъ другой, при чемъ болѣе сложная форма становится болѣе простой.

7. Устройство границъ и примѣненіе расчлененной па-

лочки приводятъ въ занятіямъ съ недѣлимыми, сложенными въ длину лоскутками бумаги, или къ напизыванію, исходящему въ своемъ сложеніи и сплетеніи ихъ изъ простыхъ формъ и условій или также въ соединеніе простыхъ цвѣтныхъ лоскутовъ бумаги въ форму ткани; это приводитъ къ плетенію, а плетеніе образуетъ переходъ къ слѣдующему.

8. Посредствомъ всего вышеизложеннаго дѣленіе и расчлененіе цѣлаго приводитъ къ цѣлому въ наблюденіяхъ тѣлъ и поверхностей, но и то и другое бываетъ наглядно и такимъ образомъ направляетъ взглядъ на внутренность тѣла.

9. Отъ этого дѣленія и обратнаго соединенія раздѣленнаго матеріала дѣло идетъ дальше: къ превращенію этого матеріала въ различные формы, но при неизмѣнной массѣ или дѣйствительно постоянно равномъ себѣ цѣломъ.

а) Если цѣлое, когда ему приходится быть такимъ образомъ преобразованнымъ, является болѣе массивнымъ, болѣе вещественнымъ, то матеріалъ долженъ быть мягкимъ, долженъ поддаваться давленію и перемѣщенію его частей, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ долженъ поддаваться отдѣлкѣ и потому легко измѣнять форму, но въ массѣ оставаться постояннымъ. Это образуетъ лѣпку и моделированіе въ первѣйшихъ и простѣйшихъ его видахъ, исходящихъ отъ шара или даже отъ кубика.

б) Если исходить, напротивъ, отъ опредѣленной и постоянно неизмѣнной поверхности, то получается складываніе, которое и должно быть особенно обработано и воспроизведено нами въ послѣдующемъ изложеніи.

с) Если исходить отъ нитки, то получается игра для мальчиковъ и особенно для дѣвочекъ, такъ называемая сѣмка. Здѣсь посредствомъ нитки, остающейся одинаковой въ своей длинѣ, оба конца которой соединены, съ помощью обѣихъ рукъ помогающаго второго лица и съ примѣненіемъ своихъ собственныхъ рукъ, у играющаго получаютъ формы различнаго сорта, вмѣщающія тѣла и поверхности.

10. Слѣдующее теперь въ постоянномъ рядѣ развитія занятіе дѣтей состоитъ естественнымъ образомъ въ соединеніи обоихъ предыдущихъ, т.-е. въ соединенія отдѣльнаго и постояннаго, или при постоянной массѣ тѣла это будетъ отрѣзываніемъ, или изрѣзываніемъ на куски, а при постоянной поверхности (бумаги)—вырѣзываніемъ.

Вырѣзываніе, слѣдовательно, будетъ посредствующимъ элементомъ, складываніемъ постояннаго съ дѣленіемъ и формированіемъ его, такъ что, хотя постоянное и остается, но въ отношеніяхъ своего дѣленія развиваетъ и обнаруживаетъ опредѣленные формы и виды; однако здѣсь, съ другой стороны, возникаютъ вновь раздѣленные части, которыя, въ свою очередь, по общимъ и необходимымъ законамъ соединенія, снова могутъ приходить въ соединеніе.

При толкованіи этой основной дѣятельности вытекають, однако, снова два слѣдствія: здѣсь можно, во-первыхъ, обращать вниманіе на формы, производимыя посредствомъ вырѣзыванія, и, именно, на видъ ихъ: они будутъ тогда или только изображеніями прекраснаго, какой-нибудь идеи, или изображеніемъ истинъ и мыслей, или картинъ и предметовъ окружающей дѣйствительности, — природы, человѣческой жизни и даже самого человѣка. Напримѣръ, здѣсь—домашними принадлежностями хозяйства и ремесла, куколками и разными видами людей, тамъ—предметами изъ природы: животными, растеніями и т. д.

Или, во-вторыхъ, вырѣзанное и отрѣванное и такимъ образомъ отдѣленное сохраняетъ свою связь съ цѣлымъ, и само складывается въ цѣлое, обнимающее извѣстное пространство. Это будетъ уже тѣлеснымъ, пустымъ (полымъ), и въ своемъ примѣненіи къ человѣческой жизни можетъ изображать комнату, домъ, зданіе, и такимъ образомъ снова дѣлается переходъ и введеніе въ область чисто, человѣческаго: къ дому, къ семейной жизни къ семейной комнатѣ, отъ которой и исходитъ цѣлое, и именно, въ предметномъ образѣ, и поэтому понятно для ребенка на основаніи его собственной жизни.—Такъ обзоръ всѣхъ дѣтскихъ занятій и работъ показываетъ, что они

должны быть отраженіемъ въ зеркалѣ всей жизни—природы и человѣка — для ребенка, и на его ступени дѣтскаго развитія истинной оцѣнкой и пониманіемъ этой жизни; даже на ступени дѣтскаго развитія и каждаго отдѣльнаго шага впередъ оно становится пониманіемъ его сущности и его внутренняго значенія.

Изъ всѣхъ, намѣченныхъ здѣсь, постоянно находящихся въ связи занятій и работъ дѣтей и юношества мы подчеркиваемъ только одно.

Складываніе изъ бумаги.

Оно исходитъ отъ опредѣленной и данной формы.

Простѣйшая форма, если исходитъ изъ самаго внутренняго ея основанія и закона, есть квадратъ, или форма, опредѣляемая четырьмя равными сторонами и четырьмя равными углами — внутренними и внѣшними. Хотя треугольникъ или даже правильный треугольникъ, состоящій изъ трехъ равныхъ сторонъ, трехъ равныхъ угловъ — внутреннихъ и внѣшнихъ—по числу является болѣе простой и первоначальной формой, однако, по существу, какъ обнаружится впоследствии, будетъ позднѣйшей, производной формой.

В.

Складываніе изъ бумаги какъ средство для занятій, исходящее отъ поверхности квадрата или отъ формы квадрата.

Квадратъ можно образовать изъ всякой сплошной поверхности бумаги; очертанія ея могутъ быть какими угодно. Данную сплошную поверхность складываніемъ въ какомъ угодно мѣстѣ дѣлятъ на двѣ равныя, по возможности, части; складываютъ поверхности опять вдвое, дѣля пополамъ линію, образовавшуюся складкой, чтобы вышелъ прямой уголъ, и именно съ одной стороны закрытой, ограниченный, а съ дру-

гой стороны раздѣленный. Затѣмъ берутъ половину раздѣленной стороны, складываютъ ее такъ, чтобы пограничная линия ея совпадала съ пограничной линіей закрытой стороны, и именно такъ, чтобы она образовала съ новой складкой половину прямого угла, затѣмъ дѣлаютъ надрѣзъ въ какой-нибудь точкѣ сложенной глухой стороны, слѣдовательно, на той сторонѣ, гдѣ половина раздѣленной стороны совпадаетъ съ закрытой стороной; затѣмъ даютъ половинкѣ упасть въ прежнее положеніе, соединяютъ оба надрѣза прямой линіей, въ направленіи которой и отрѣзываютъ лишнюю бумагу. Если развернуть полученный посредствомъ этого разрѣза треугольникъ, то и получится желаемый квадратъ. Замѣчательно при этомъ то, что изъ сплошного безформеннаго, или изъ безформеннаго сплошного съ помощью трехъ складокъ и трехъ разрѣзовъ получается самая законмѣрная и самая простая норма — квадратъ. Это явленіе требуетъ самаго строгаго, многосторонняго вниманія.

Посредствомъ предыдущаго разсужденія, вытекающихъ отсюда дѣйствій и ихъ результатовъ должно было только доказать, что изъ безформеннаго посредствомъ законмѣрнаго дѣленія получается имѣющая форму фигура, а здѣсь, въ этомъ особенномъ случаѣ, квадратъ.

Было бы однако не только непозволительно, но и смѣшно постоянно для того, чтобы получить квадратъ, исходить изъ этой операціи. При дѣйствительно прогрессирующемъ образованіи постоянно принимается въ расчетъ уже добытое, уже существующее. Если и не формы квадрата, то во всякомъ случаѣ формы прямоугольныя мы находимъ среди окружающаго насъ.

Уже наши теперешніе сорта машинной бумаги съ большою точностью многократно и часто имѣютъ эту форму. Это — прекрасная и радостная связь уже добытаго съ тѣмъ, чего мы хотимъ. Мы должны съ благодарностью не упускать изъ виду эту связь и, опираясь на нее, стремиться къ достиженію цѣлаго. Итакъ, если угодно производить складываніе изъ свѣжей бумаги, то наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ взять для этого прямоугольный машинный листъ бумаги. Въ

обыкновенной жизни, именно, въ практикѣ народныхъ школъ для складыванія можно брать тетради для письма и рисованія.

Мы исходимъ изъ машинной бумаги, какъ матеріала для складыванія, или беремъ ее въ употребленію. Употребленіе уже указанныхъ сортовъ бумаги, или тетрадей для письма и рисованія, вытекаетъ изъ него.— Мы видимъ къ тому же, какъ изъ одного листа машинной бумаги можетъ быть сдѣлано множество потребныхъ для нашей цѣли квадратовъ, какъ заготовленный матеріалъ для складыванія ¹⁾.

1. Я кладу цѣлый листъ бумаги, развернутой въ видѣ продольнаго прямоугольника, передъ собой, сгибаю его въ длину по серединѣ, дѣлая складку, такъ что онъ раздѣляется на двѣ равныя части и именно по два равныхъ продольныхъ прямоугольника, одна длинная сторона которыхъ закрыта, а другая открыта; обѣ болѣе короткія стороны являются раздѣленными. Сложенная такимъ образомъ бумага лежитъ передо мною въ положеніи продольнаго прямоугольника такъ, что закрытая сторона направлена къ груди, а открытая отъ груди.

2. Затѣмъ я беру верхнюю половинку раздѣленной стороны правой рукой, складываю угломъ внизъ такъ, чтобы короткая сторона прямоугольнаго треугольника совпадала съ его закрытой стороной, и такъ, чтобы прямой уголъ, который образуетъ болѣе короткая сторона съ болѣе длинной закрытой стороной, раздѣлился пополамъ.

3. Затѣмъ я поворачиваю цѣлое такъ, чтобы продольный прямоугольникъ, который передъ этимъ лежалъ внизу, теперь лежалъ наверху, и затѣмъ дѣлаю то же самое съ находящимся теперь передо мной прямымъ угломъ.

¹⁾ Чтобы понять послѣдующее в дѣйствительно научиться чему-нибудь изъ него, нужно сейчасъ же взять въ руки листъ машинной бумаги и шагъ за шагомъ слѣдить за правилами. Если эта операція станетъ ясной, то легко показать ее всякому другому.

4. Совершенно то же самое я дѣлаю съ обѣими дѣвыми сторонами. Благодаря этому, получается четыреугольникъ съ параллельными, одинаково наклоненными сторонами.

5. Я развертываю цѣлое по складкѣ, которую образовывали оба первоначальныхъ продольныхъ прямоугольника, благодаря чему получается шестиугольникъ, двѣ болѣе короткихъ стороны котораго просты, а четыре другихъ замкнуты четырьмя вогнутыми треугольниками. Два изъ загнутыхъ треугольниковъ лежатъ на одной сторонѣ, и притомъ такъ, что загнутыя вершины лежатъ на одной прямой линіи, которая къ тому же образуетъ основаніе большаго треугольника, образовавшагося изъ двухъ маленькихъ равныхъ загнутыхъ треугольниковъ.

6. Въ направленіи этихъ обоихъ основаній я снова сгибаю каждый изъ обоихъ большихъ треугольниковъ, плотно отчеркиваю пальцемъ обѣ складки и отрѣзаю треугольники въ направленіи этихъ складокъ.

7. Каждый изъ двухъ отрѣзанныхъ большихъ треугольниковъ, которые опять-таки состоятъ изъ двухъ двойныхъ маленькихъ треугольниковъ, я сгибаю по надломленной уже складкѣ такъ, чтобы оба удвоенныхъ маленькихъ треугольника легли другъ на друга, и отрѣзаю ихъ по этой складкѣ другъ отъ друга. Такимъ образомъ я получаю четыре маленькихъ двойныхъ треугольника, а если я разверну каждый изъ нихъ, то четыре квадрата.

8. Отъ листа остается еще продольный прямоугольникъ, сложенный посрединѣ и содержащій по равному отрѣзку отъ каждаго полуплиста бумаги, который впоследствии получить дальнѣйшее примѣненіе. На положеніе ножа при отрѣзаніи надо обратить существенное вниманіе—онъ долженъ равномерно налегать остриемъ и само отрѣзываніе должно производиться очень послѣдовательно.

Полученные такимъ образомъ и черезъ повтореніе того же на многихъ листахъ квадраты образуютъ основу, собственно матеріалъ для складыванія, а равно и для возникающихъ такимъ образомъ совершенно различныхъ,

но развивающихся другъ изъ друга въ простой законѣрности формъ и изображеній, однако только черезъ дальнѣйшее многократное сгпбаніе и складываніе, изъ котораго получается форма, составляющая основную форму для всего послѣдующаго. И хорошо, если дѣти передъ воспроизведеніемъ складыванія сами нарѣжутъ побольше квадратовъ, а также построить посредствомъ ихъ побольше основныхъ формъ. Это обезпечиваетъ и объединяетъ все то хорошее, благодаря чему поощряется и веселое продолженіе занятій.

Въ дополненіе къ этому нужно сказать, что въ предыдущемъ мы уже неоднократно встрѣчающуюся форму поверхности называемъ по-нѣмецки *Geviert*, а не квадратами, именно потому, что она ограничена четырьмя равными сторонами, четырьмя равными внѣшними и внутренними углами. Впослѣдствіи мы называемъ другую фигуру *Gedritt*, потому что она образована и ограничена тремя равными сторонами, тремя равными внутренними и внѣшними углами. И такимъ образомъ—при каждой подобной фигурѣ, благодаря чему изобрѣтается и дается вмѣсто многословнаго обозначенія употреблявшагося до сихъ поръ (правильный пятиугольникъ и т. д.) равномерно прогрессирующее названіе, или имя для всѣхъ фигуръ съ равными углами и равными сторонами.

Изъ находящихся у насъ теперь въ запасѣ квадратныхъ формъ возникаютъ основныя формы и именно слѣдующимъ законѣрнымъ образомъ.

9. Чтобы развить съ постоянствомъ будущія формы изъ настоящихъ, нужно взять квадратъ обѣими руками такъ, чтобы указательные пальцы пришлись внутри, на намѣченной уже черезъ весь ввадратъ по діагонали складкѣ, а большіе и средніе пальцы обѣихъ рукъ лежали бы внѣ складки. Затѣмъ нужно потихоньку вытащить изъ квадрата оба указательныхъ пальца и надломить квадратъ по поперечной складкѣ, уже находящейся на немъ, какъ бы наново, на двѣ части, говоря при этомъ: я дѣлю квадратъ діагональю на двѣ равныя части, п

иненно, на два равныхъ прямоугольныхъ равно бедренныхъ треугольника.

Основной законъ всякаго прогресса, всякаго развитія и образованія, слѣдовательно, въ общемъ также и основной законъ воспитанія состоятъ въ томъ, что идутъ отъ чего-нибудь даннаго къ прямо противоположному ему въ предѣлахъ этого даннаго. Такъ слѣдовательно и здѣсь.

Косому направленію соотвѣтствуетъ прямое, выражающееся въ квадратѣ, какъ поперечное.

Слово „поперечное“ (quer, kwer) обозначаетъ пресѣченіе, преграду (wehren) насильственную (mit Kraft—K) продолженія, послѣдовательности; какъ запруда (Wehr) въ рѣкѣ сдерживаетъ, преграждаетъ (wehrt) ея теченіе, пересѣкая ее поперекъ.

10. Итакъ, я кладу квадратъ между пальцами такъ, какъ было раньше указано, такъ чтобы они лежали въ срединѣ его съ двухъ противоположныхъ сторонъ другъ противъ друга — (какъ раньше у двухъ противоположныхъ угловъ) — и говорю, поступая такимъ же точно образомъ, какъ раньше, плотно накладывая сторону на сторону и уголь на уголь: я дѣлю свой квадратъ поперечной линіей на двѣ равныя части или половинки, а именно, на два равныхъ (по положенію) прямоугольника.

Затѣмъ я снова развертываю всю фигуру, кладу пальцы, какъ въ началѣ, на діагональ (a) и затѣмъ на поперечную линію (b), говоря (при a): половина равна (и при b) половинѣ; (переходя снова въ первое положеніе a) слѣдовательно, треугольникъ (и переходя снова въ положеніе b) равенъ прямоугольнику.

Примѣчаніе. 1. При этихъ словахъ и рѣчи, присоединяемыхъ взрослымъ къ дѣйствию, со стороны ребенка требуется сначала дѣйствіе и слухъ, ибо органы рѣчи на теперешней ступени дѣт-

скаго развитія еще не приспособлены къ подражанію длиннымъ предложеніямъ, и умъ его еще слишкомъ мало упражнялся въ сравнительномъ пониманіи, какковыя свойства оба достигаются, однако, на принятомъ здѣсь пути. Впрочемъ, замѣчательно то, что ребенокъ усваиваетъ слова посредствомъ повторяемаго слуханія легче, чѣмъ посредствомъ повторяемаго подражанія, ибо слухъ больше имѣетъ дѣла съ умомъ, чѣмъ подражаніе. Поэтому здѣсь также все должно выговариваться взрослымъ ясно и опредѣленно, и постоянно со ссылками на наблюдаемыя явленія.

2. Къ вышеизложенному могутъ присоединиться, по мѣрѣ развитія ребенка, также и наблюденія надъ отношеніями формъ и величинъ, а также наблюденія и истинъ, что служитъ настоящей радостью и повышеніемъ жизненнаго чувства дѣтей, напр.

а) Квадратъ раздѣляется діагональю (точнѣе обозначить косою угловой линіей) на двѣ равныя части, и именно, на два равныхъ прямоугольныхъ равнобедренныхъ треугольника и именно, на два такихъ, которые расположены прямо противоположно и совершенно одинаково другъ противъ друга, т.-е. въ то время, какъ ихъ двѣ пары равныхъ острыхъ угловъ расположены на двухъ противоположныхъ вѣшнихъ углахъ, оба прямыхъ угла и основаніе также расположены другъ противъ друга и равны.

б) Изъ этого слѣдуетъ вещественно наблюдаемая истина: треугольникъ составляетъ половину квадрата, если онъ имѣетъ одинаковое съ нимъ основаніе и одинаковую высоту. Далѣе ясно также вещественное наблюденіе.

с) Квадратъ раздѣляется поперечною линіей, которая идетъ параллельно съ двумя сторонами черезъ средину квадрата, также на двѣ равныхъ половины, и именно, на два равныхъ прямоугольника. Далѣе.

d) Эта поперечная линия къ тому же дѣлится на двѣ равныя части каждую изъ обѣихъ прилежающихъ къ ней сторонъ. Также и при діагонали слѣдуетъ удерживать въ памяти слѣдующее наблюдение.

e) Подобно тому какъ діагональ дѣлитъ всю фигуру на двѣ равныя части, такъ же точно она дѣлитъ и каждый изъ прямыхъ угловъ, изъ котораго она выходитъ на двѣ равныя части такъ, что каждый изъ нихъ равенъ половинѣ прямого угла, и оба вмѣстѣ снова образуютъ прямой уголъ. Отсюда вытекаетъ, слѣдовательно, наглядная, ясная истина.

f) Сумма угловъ въ прямоугольномъ равнобедренномъ треугольникѣ составляетъ два прямыхъ угла, и углы при основаніи, т.-е. при діагонали, вмѣстѣ взятые, составляютъ столько же, какъ и уголъ, который лежитъ прямо противъ нихъ.

При этихъ занятіяхъ играющаго ребенка, которыя могутъ быть сдѣланы очень занимательными для него посредствомъ быстрой перемѣны формъ и быстрога обозначенія ихъ словомъ, для ребенка является нагляднымъ также слѣдующее: выраженіе прямой уголъ имѣетъ двойное значеніе: во-первыхъ, значеніе формы затѣмъ значеніе величины, въ чемъ заключается именно его посредствующее, т.-е. поучительное качество и важность.

Далѣе слѣдуетъ изъ предыдущаго седьмое наблюдение, которое также легко доказать (именно, если раздѣлить квадратъ на два треугольника).

g) Въ прямоугольномъ равнобедренномъ треугольникѣ основаніе всегда больше, чѣмъ каждая изъ обѣихъ равныхъ или боковыхъ сторонъ треугольника.

Примѣчаніе: Всѣ эти истины, наблюдаемыя здѣсь совершенно отдѣльно и какъ частности, получаютъ въ дальнѣйшемъ развитіи цѣлаго съ одной сту-

пени на другую благодаря частому повторенію въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, — также все болѣе и болѣе явное и общее значеніе. Онѣ запечатлѣваются какъ вещественныя наблюденія и реальныя истины, такъ глубоко и легко, благодаря тому, что удерживаніемъ ихъ въ памяти ничуть не затрудняется абстрактная память на слова. Къ удовольствію и радости при дѣятельности и созиданіи присоединяется удерживаніе въ памяти, такъ называемыхъ иначе, абстрактныхъ, т.-е. чисто умственныхъ истинъ. Именно ребенокъ въ то время какъ онъ радуется и веселится, находитъ ихъ заложенными въ себѣ и сдѣланными своими собственными средствами, и такимъ образомъ удерживаетъ ихъ, какъ свою самостоятельно пріобрѣтенную собственность, очень легко; или, короче говоря, онѣ оказываются не навязанными и не привитыми ему извнѣ, но развитыми въ немъ посредствомъ самодѣятельности. Мы возвращаемся къ самимъ наблюденіямъ, дающимъ въ результатѣ познанія.

h): Прямоугольный равнобедренный треугольникъ равенъ прямоугольнику, который имѣетъ съ нимъ одинаковое основаніе и половинную высоту.

Наблюдать эти истины можно, раздѣливши квадратъ по діагонали и поперечной линіи, а также съ помощью сравнительнаго складыванія (см. стр. 348).

Но эта истина можетъ также выражаться и, какъ новая, обратнымъ способомъ, именно, исходя изъ наблюденія прямоугольника, какъ раньше мы исходили изъ наблюденія треугольника.

i) Прямоугольникъ равновеликъ прямоугольному равнобедренному треугольнику, который имѣетъ равное съ нимъ основаніе и двойную высоту. Это можно показать наглядно такъ: треугольникъ, отрѣзанный діагональю отъ прямоугольника

накладывается на вторую половину раздѣленной боковой линіи и, слѣдовательно, въ двойко равныхъ направленіяхъ прямой линіи и діагонали. Дальнѣйшія истины, вытекающія изъ наблюденія, если я распростираю передъ собой квадратъ и даю наблюдать отношеніе обѣихъ складокъ внутри квадрата, слѣдующія.

к) Діагональ и поперечная линія въ пунктѣ, гдѣ онѣ пересѣкаются, образуютъ вмѣстѣ какъ то доказано уже раньше, двѣ пары равныхъ угловъ, которые лежатъ вмѣстѣ въ точкѣ пересѣченія противоположно другъ другу и которые называютъ углами при центрѣ, откуда вытекаетъ истина, добытая наблюденіемъ: углы при центрѣ взаимно равны между собою.

Если поставить въ связь линію, образованную діагональю, со сторонами квадрата, параллельными, какъ между собой, такъ и съ поперечной линіей, то отсюда получаются слѣдующія новыя наблюденія.

1. Наблюденіе внутреннихъ противоположныхъ угловъ и именно образованныхъ къ тому же здѣсь дважды: одного тупого угла при центрѣ и лежащаго противъ него острого угла, который лежитъ съ нимъ на одной и той же половинѣ діагонали и образованъ этой линіей со стороной параллельной поперечной линіи ¹⁾ квадрата.

2. Наблюденіе внутреннихъ угловъ и именно, накрестъ лежащихъ двухъ паръ, образованныхъ, во-первыхъ, діагональю и обѣими горизонтальными боковыми сторонами квадрата и лежащими на противоположныхъ сторонахъ первой; затѣмъ образованныхъ обѣими вертикальными сторонами квадрата и діагональю и лежащихъ на противоположныхъ сторонахъ ея. Затѣмъ еще двѣ пары угловъ, образованныхъ поло-

¹⁾ Нужно еще замѣтить, что для пониманія, излагаемаго здѣсь необходимо должно слѣдовать рука объ руку воспроизведеніе рекомендуемыхъ дѣйствій и наблюденіе ихъ на рисунокѣ. Тогда пониманіе этого станетъ легко.

випой діаговали, половиной поперечної линіи и горизонтальної стороною квадрата, параллельною ей и лежащихъ на противоположныхъ сторонахъ половины діагонали. Обозначенные здѣсь внутренніе накрестъ лежащіе углы всѣ острые, однако здѣсь можно также наблюдать и прямые углы. Но довольно разъясненій. Такъ какъ такіе внутренніе накрестъ лежащіе углы попарно всегда равны между собой, то обнаруживается слѣдующая истина, вытекающая изъ наблюденія.

l) Въ параллельныхъ линіяхъ внутренніе накрестъ лежащіе углы всегда равны между собою.

Можно представить для наблюденія и другія положенія угловъ, смотря по тому, насколько дѣти охотно будутъ отыскивать ихъ, и насколько у нихъ развито чувство формъ и глазъ.

Мы идемъ дальше въ изображеніи дѣла. Въ концѣ концовъ мы получили прямоугольникъ, одна длинная сторона котораго закрыта, а три остальныхъ были раздѣлены на части. Мы снова возобновимъ знакомство съ нимъ и согнемъ его по его болѣе короткой поперечної линіи такъ, чтобы одна половина замкнутой стороны совпала съ другої половиной ея, а чтобы обѣ короткія стороны прямоугольника совпали другъ съ другомъ. Такимъ образомъ получается квадратъ съ одной закрытой стороною и съ одной полужакрытой. Обѣ другія стороны раздѣлены, и именно на четыре части. Я разворачиваю квадратъ снова въ прямоугольникъ, и тогда получаютъ слѣдующія истины, вытекающія изъ наблюденія.

m) Короткая поперечная линія, которая проходитъ черезъ средину прямоугольника дѣлитъ его на двѣ равныя части; каждая изъ этихъ обѣихъ частей будетъ квадратъ.

n) Внутренніе противоположные углы въ параллельныхъ линіяхъ могутъ оба вмѣстѣ по формѣ составить два прямыхъ угла (истина, вытекающая изъ наблюденія) и вмѣстѣ равны двумъ

прямымъ угламъ по величинѣ (истина, добытая съ помощью заключенія).

Обѣ продольныя стороны прямоугольника съ поперечной линіей, раздѣляющей ихъ, образуютъ двѣ пары прямыхъ угловъ, или наоборотъ: поперечная линія образуетъ съ двумя продольными сторонами прямоугольника двѣ пары прямыхъ угловъ. Эти углы носятъ имя смежныхъ угловъ какой-нибудь линіи, и отсюда вытекаетъ положеніе, добытое наблюденіемъ; въ настоящемъ случаѣ это будутъ къ тому же два прямыхъ угла, какъ по формѣ, такъ и по величинѣ.

Мы идемъ дальше и открываемъ прямоугольникъ до квадрата. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующей истинѣ, добытой наблюденіемъ.

о) Двѣ поперечныхъ линіи въ квадратѣ, которыя пересѣкаются въ срединѣ его и изъ которыхъ одна всегда будетъ параллельна съ двумя сторонами квадрата, дѣлятъ всегда квадратъ на четыре равныя части, и именно на четыре равныхъ квадрата.

Если собрать результаты наблюденій вмѣстѣ, то получится слѣдующее.

р) Каждый частичный квадратъ составляетъ четвертую часть главнаго квадрата и такимъ образомъ будетъ равенъ другому, какъ по формѣ, такъ и по содержанію; такъ какъ, наоборотъ, каждый изъ частичныхъ квадратовъ по формѣ подобенъ главному квадрату, а по содержанію различенъ съ нимъ, то это ведетъ къ слѣдующему положенію.

q) Одинаковая форма не обусловливаетъ еще одинаковой величины, или при одинаковой формѣ величина можетъ быть очень различна. Но это положеніе можетъ быть также многократно обнаруживаемо и наблюдаемо, напримѣръ, въ отношеніи къ четыремъ меньшимъ частичнымъ треугольникамъ, сравниваемымъ съ двумя большими.

Наблюденіе обѣихъ поперечныхъ линій, пересѣкающихся въ срединѣ квадрата, связанное съ наблюденіемъ діагонали

проходящей через точку ихъ пересѣченія, благодаря чему получаются по формѣ два прямыхъ и четыре острыхъ угла, или если сопоставлять только одну поперечную линію съ діагональю, то два тупыхъ и два острыхъ угла, приводить къ слѣдующему положенію, добытому наблюденіемъ.

г) Всѣ углы вокругъ одной точки образуютъ по величинѣ постоянно четыре прямыхъ угла, или всѣ вмѣстѣ составляютъ всегда четыре прямыхъ угла.

с) Смежные углы какой-нибудь линіи (т.-е. такіе, которые образуются на одной сторонѣ какой-нибудь линіи въ одной точкѣ) по величинѣ всегда равны двумъ прямымъ угламъ, ибо они занимаютъ только половину всего пространства вокругъ точки.

т) Если смежные углы какой-нибудь линіи будутъ косые, то тупой уголъ будетъ на столько больше прямого, на сколько острый меньше прямого.

Примѣчаніе. Этимъ вниманіе ребенка направляется вторично на то, что, если рѣчь идетъ о прямомъ углѣ, то о немъ говорится въ двухъ отношеніяхъ, различныхъ между собой. Именно, если сказано: углы могутъ быть двухъ родовъ, прямые, или косые, тогда я говорю о прямыхъ углахъ по формѣ; если же я говорю: прямой уголъ занимаетъ пространство, различное въ сравненіи съ косымъ угломъ, то это относится къ величинѣ угла. Выраженіе „прямой уголъ“ относится, слѣдовательно: 1) къ формѣ угла и 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, къ величинѣ угла. Въ этой какъ бы двойной природѣ и двойномъ значеніи слова „прямой“ обозначено, что прямой уголъ есть самъ по себѣ мѣра угловъ. Прямой уголъ, такимъ образомъ, по своей двойной натурѣ является посредствующимъ между прямыми и косыми углами.

и) Подобно тому, какъ раньше при смежныхъ углахъ какой-нибудь линіи, наблюдаемыхъ на согнутомъ листѣ бумаги, было выражено положеніе: тупой уголъ настолько

больше прямого, насколько острый меньше прямого,—такъ и здѣсь на листѣ согнутой бумаги получается наблюдение: оба тупые угла настолько же больше двухъ прямыхъ угловъ, насколько два острыхъ угла меньше двухъ прямыхъ.

Такимъ образомъ глазъ ребенка можно развить еще и для наблюденія и для пониманія множества отношеній и истинъ, по мѣрѣ способности ума, т.-е. внутренней и внѣшней способности и пригодности ребенка къ наблюдению. Такъ же развиваются, съ помощью часто повторяемаго изображенія вещей глазъ—самостоятельно и умъ—самодѣтельно для такихъ отношеній и истинъ, между тѣмъ какъ слово и дѣло, наблюдение и обозначеніе, а слѣдовательно, мышленіе, дѣйствіе и созерцаніе образуютъ всегда внутренне-единое цѣлое ¹⁾.

Мы переходимъ снова къ занятію складываніемъ. Последнимъ было то, что мы посредствомъ дѣленія продолжнаго прямоугольника непосредственно для глаза получили одинъ квадратъ, а въ дѣйствительности послѣ развертыванія четыре квадрата. Мы остановимся опять на этомъ первомъ явленіи, когда изъ прямоугольника посредствомъ складыванія по болѣе короткой поперечной линіи получился квадратъ. Кладя свернутую такимъ образомъ бумагу въ

¹⁾ Первымъ самымъ существеннымъ при этихъ занятіяхъ, происходятъ ли они въ комнатѣ, или въ саду, остается всегда дѣйствіе. Дѣйствуя самостоятельно, творя и занимаясь, ребенокъ подрастаетъ; сюда присоединятся наблюдение; это последнее объясняется рѣчью, словомъ, а оно снова пробуждаетъ мышление. Какъ далеко ребенокъ можетъ зпѣти въ каждомъ изъ этихъ свойствъ, покажетъ степень его общаго развитія. Здѣсь и въ слѣдующемъ нужно только отмѣтить, какъ далеко развиваются въ каждомъ ребенкѣ совершенно простыми, но въ то же время постоянно прогрессирующими занятіями, связанными съ оживляющимъ словомъ, познаніе, приобретаемое наблюдениемъ (въ сравниваемомъ случаѣ въ отношеніи къ формѣ, величинѣ и положенію) и толкованіе т. е. доказательство истинъ, добытыхъ наблюдениемъ и лежащихъ въ немъ; они развиваются совершенно согласно съ законами его дѣтской природы и его дѣтскаго развитія и такимъ образомъ ребенокъ можетъ быть руководимъ и воспитываемъ сообразно съ требованіемъ приготовительной и основной школы.

прочной замкнутой точкѣ, на лѣвую сторону, и въ то же время дѣлая указанныя дѣйствія, я говорю: я дѣлю квадратъ діагональю на двѣ равныя части, и именно на два равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника.

Поворачивая раздѣленный такимъ образомъ квадратъ внизъ, а противоположный ему вверхъ, еще разъ продѣлывая то, что и прежде, я говорю: я дѣлю квадратъ на двѣ равныя части, и именно, на два равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника.

Теперь я открываю прямоугольникъ, благодаря чему онъ, равно такъ и большій равнобедренный прямоугольный треугольникъ, лежитъ распростертымъ передъ мной. Изъ простаго вещественнаго наблюденія вытекаетъ двойная истина, что треугольникъ составляетъ половину прямоугольника и обратная истина, добытая наблюдениемъ, что прямоугольникъ равенъ двойному треугольнику; это на данной ступени ведетъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ.

v) Равнобедренный прямоугольный треугольникъ есть половина квадрата, съ которымъ онъ имѣетъ общее основаніе и высоту и наоборотъ.

w) Прямоугольникъ составляетъ двойной равнобедренный прямоугольный треугольникъ, съ которыми онъ имѣетъ общее основаніе и высоту. Сущность дѣла, которое передъ нами, выражаетъ эти истины уже настолько ясно, что они посредствомъ слова изъ видимыхъ становятся слышимыми истинами, или изъ внѣшнихъ истинъ, добываемыхъ наблюдениемъ, становятся внутренними истинами познанія, мышленія и пониманія.

Представленіе этого па дѣлѣ доказываетъ истину и важность только-что высказаннаго въ дѣлѣ развивающе-воспитывающаго ухода за дѣтми. Затѣмъ идетъ двойкаго рода наблюденіе: во-первыхъ, наблюденіе, полученное во время отдѣленія, и во-вторыхъ, наблюденіе, сдѣланное

посредствомъ складыванія какъ бы для взаимнаго подтвержденія слѣдующаго положенія.

х) Линія маятника ¹⁾ проведенная изъ прямого угла равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника на противоположащую линію основанія дѣлится, какъ уголъ, такъ и основаніе и весь треугольникъ на двѣ равныя части, и именно, опять таки, на два равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника.]

Изъ этого положенія можно [вывести нѣсколько производныхъ, или посредствующихъ положеній, добываемыхъ наблюденіемъ.

Для дѣтей прямоугольникъ, сопоставляющій раздѣленные поверхности квадрата, является снова раздѣленнымъ на двѣ поверхности квадрата при помощи словъ: я дѣлю и т. д. Также каждый изъ обоихъ четырехугольниковъ, каждый изъ двухъ квадратовъ является снова раздѣленнымъ діагональю на два равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника съ помощью уже извѣстныхъ словъ, благодаря чему для глаза получается только одинъ равнобедренный прямоугольный треугольникъ, который однако составляетъ собственно нѣсколько треугольниковъ. Съ помощью развертыванія этихъ треугольниковъ получается для глаза одинъ квадратъ, но въ сущности два, лежащихъ другъ на другѣ, или другъ за другомъ, квадрата, изъ которыхъ одинъ является раздѣленнымъ двумя дѣйствительно раздѣляющими поперечными линіями на четыре части, и именно, на четыре равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника, а другой квадратъ, повернутый сзади напередъ, дѣлится также на четыре равныя части, но двумя поперечными складками, или поперечными разрѣзами и является раздѣленнымъ на четыре квадрата. Это даетъ слѣдующее положеніе, добытое наблюденіемъ.

у) Двѣ угловыхъ діагонали дѣлятъ каждый квадратъ на

¹⁾ Это выраженіе уже извѣстно ребенку изъ предыдущей игры: „Какъ маятникъ на часахъ“.

четыре равныхъ части, именно на четыре равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника.

2) Двѣ поперечныя линіи реберъ также дѣлятъ каждый квадратъ на четыре равныя части, но уже на четыре квадрата.

Это ведетъ къ слѣдующей заключительной истинѣ.

Четверть равна четверти; слѣдовательно, каждый изъ квадратовъ равенъ треугольнику и каждый изъ треугольниковъ равенъ одному изъ квадратовъ.

Если повернуть раздѣленные треугольники наружу, то получится снова первый главный треугольникъ и лежащій внутри его предыдущій двойной квадратъ, но только обозначаемый теперь посредствомъ надломовъ, и именно, въ положеніи противоположномъ съ главнымъ квадратомъ; поэтому онъ называется противоположнымъ квадратомъ, такъ какъ внутренніе, или внѣшніе углы лежатъ тамъ, гдѣ лежатъ ребра или линіи главного квадрата, а стороны лежатъ въ такомъ направленіи, какъ и внутренніе и внѣшніе углы главного квадрата. Такъ оправдывается вполне какъ мы думаемъ, названіе „противоположный квадратъ“. Сравненіе его съ главнымъ квадратомъ даетъ слѣдующую истину, вытекающую изъ наблюденія:

1. Противоположный квадратъ составляетъ половину главного квадрата и наоборотъ. Это даетъ дальше производное положеніе, вытекающее изъ наблюденія: поверхности, плоскости одинаковой формы и вида могутъ имѣть совершенно различную величину, и, наоборотъ, поверхности, плоскости различныхъ величинъ могутъ имѣть одинаковую форму. Далѣе, четыре треугольника, лежащіе внѣ противоположнаго квадрата, или вокругъ него, вмѣстѣ взяты, равновелики съ нимъ, и каждый изъ нихъ составляетъ четверть противоположнаго квадрата, и наоборотъ: противоположный квадратъ въ четыре раза больше каждаго изъ треугольниковъ, который лежитъ на одной изъ его сторонъ. Далѣе слѣдуетъ новое наблюденіе.

2. Двѣ поперечныхъ линіи квадрата, которыя параллельны съ двумя ребрами или сто-

ронами главнаго квадрата, расположенными вдоль ихъ сторонъ, и проходить черезъ середину квадрата, дѣлать квадратъ на четыре равныя части, и именно, на четыре равныхъ квадрата; каждый изъ треугольниковъ, лежащихъ внѣ противоположнаго квадрата, составляетъ половину такого квадрата; слѣдовательно, половину четверти цѣлаго. Но половина четверти цѣлаго есть восьмая часть; ¹⁾ слѣдовательно, каждый изъ лежащихъ внѣ противоположнаго квадрата треугольниковъ составляетъ восьмую часть главнаго квадрата, и, слѣдовательно, четверть того треугольника, который получается, если раздѣлить главный квадратъ діагональю на двѣ равныя части.

Всѣ эти истины и положенія являются результатомъ непосредственныхъ наблюдений ребенка при его самостоятельныхъ занятіяхъ, и остается только сообщить этимъ наблюдениямъ словесную форму, и это не только для того, чтобы ребенокъ тотчасъ же запомнилъ слово, но и для того, чтобы наблюдение дѣлалось для того—прочнѣе.

Подобнымъ же образомъ можно вывести изъ предыдущаго и еще нѣсколько положеній, что, однако, предоставляется собственному усмотрѣнію.

Мы возвращаемся снова къ двойному квадрату, т.-е. къ тому, въ которомъ четыре лежащихъ внѣ его треугольника своими прямыми углами загнуты въ противоположный квадратъ, и беремъ его въ руку такъ, чтобы раздѣленная поверхность лежала кверху, и чтобы два указательныхъ пальца лежали на ясно намѣченномъ поперечномъ разрѣзѣ. Слѣдуя за этимъ поперечнымъ разрѣзомъ, начинаютъ дѣлать квадратъ поперечной линіей на два равныхъ прямоугольника, какъ было раньше, произнося при этомъ предыдущія слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляя для наблюденія посредствомъ слова опять тѣ же

¹⁾ Наблюдение этого въ значительной степени подготовлено предыдущими занятіями, играми, въ особенности при 3-емъ и 4-мъ дарѣ.

явленія: я дѣлю квадратъ поперечною линіей на двѣ равныя части, и именно, на два равныхъ прямоугольника.

Образованный, такимъ образомъ, прямоугольникъ снова, какъ прежде, дѣлится линіей на двѣ равныя части, и именно, на два равныхъ между собою квадрата такъ, чтобы четыре двойныхъ квадрата какъ бы лежали другъ на другѣ, и именно, всѣ четыре, раздѣленные у одного угла, и затѣмъ наискось противъ этого угла соединенные у другого угла. Я пригибаю теперь совершенно раздѣленный прямой уголь къ закрытому углу и дѣлю такимъ образомъ квадратъ діагональю, какъ и раньше, на два равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника. Подобнымъ же образомъ дѣлится и второй квадратъ. Теперь свертываю два образовавшихся, такимъ образомъ, треугольника, другъ съ другомъ такъ, чтобы они совпали, благодаря чему они окажутся лежащими наружи при оставшемся четырехугольничкѣ. Съ этимъ послѣднимъ я поступаю, дѣля его такъ же, какъ и прежде; если я открою цѣлое, то такимъ образомъ получится тройной квадратъ, раздѣленный на сторонѣ діагоналей на четыре равнобедренныхъ прямоугольныхъ треугольника, а на обратной нижней плоскости—раздѣленный двумя поперечными линіями на четыре равныхъ квадрата; повторяя это, мы получимъ уже раньше извѣстное намъ положеніе, но выраженное съ совершенно рѣшительной ясностью.

3. Если квадратъ двумя діагоналями раздѣляется на четыре равныхъ треугольника, а двумя прямо поперечными линіями — на четыре равныхъ квадрата, то каждый изъ этихъ квадратовъ равенъ одному изъ треугольниковъ, и наоборотъ, каждый изъ треугольниковъ равенъ одному изъ квадратовъ такъ же, какъ каждый изъ треугольниковъ и каждый изъ квадратовъ равенъ четверти всего квадрата. Это одно изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ ясныхъ и самыхъ образовательныхъ положеній для ребенка. Оно даетъ другое справедливое положеніе.

4. Обѣ діагонали и обѣ прямыя поперечныя линіи взаимно пересѣкаются на своей срединѣ, равно какъ и въ срединѣ самого квадрата, чтобы тѣмъ яснѣе представить средину квадрата для познанія, для наблюденія и какъ бы для открытія, ибо средина отсюда является въ отношеніи въ внѣшнему міру очень важной, а также въ отношеніи внѣшняго, разрозненнаго къ ней, какъ къ единству.

Полученными такимъ образомъ четырьмя квадратами, на которыхъ при ихъ сравненіи съ треугольниками повторяются всѣ прежнія положенія съ сугубой ясностью, дана первая основная форма, изъ которой съ необходимостью развиваются и нервы главныя формы.

(Осталось неоконченнымъ).

Складываніе изъ палочекъ.

Этотъ цикль игръ и занятій (какъ уже неоднократно было указано и изложено въ большемъ и меньшемъ объемѣ) никоимъ образомъ не созданъ мною произвольно, какъ нѣчто, составленное внѣшнимъ образомъ, по вызванъ и со всею послѣдовательностью, какъ бы данъ, собственно начинающею здѣсь и проявляющеюся въ общихъ чертахъ ступеню образованія жизни, стремящеюся подняться до общаго блага, и идеею воспитанія и образованія людей, которая доходить до все большаго совершенства и примѣнимости.

Болѣе того, онъ выросъ въ ней и посредствомъ нея, нужно сказать, съ такой же необходимостью, съ какою весною сѣмя даетъ ростки, пухнетъ почка и, наконецъ, цвѣтетъ дерево и приноситъ плодъ. Даже личность ¹⁾, благодаря стараніямъ которой и у которой онъ появился, не могла причинить никакого ущерба чистой послѣдовательности цѣлаго, основнымъ условіямъ его образованія. И вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлое является необходимымъ, а съ другой стороны—свѣжимъ и здоровымъ отросткомъ на почвѣ общеловѣческаго развитія. Отсюда-то эта достойная удивленія дѣятельность на ступени школьнаго развитія, равно какъ и въ дѣтскомъ возрастѣ вообще. (Объ этомъ можно сказать нѣсколько раньше времени, такъ какъ это теперь всѣмъ извѣстно и несомнѣнно подкрѣплено многократными опытами).

¹⁾ Иоганнъ Штангенбергеръ обработалъ и издалъ складываніе изъ палочекъ. Прим. издателя.

Мы сейчас же приступаемъ къ самому предмету нашего изложенія, заставимъ его развернуться передъ нашими глазами по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ, чтобы по мѣрѣ добываемыхъ результатовъ излагать и дальнѣйшія слѣдствія и требованія развивающе - воспитывающаго обученія человѣка (какъ основную тенденцію настоящаго времени и характерную черту современнаго развитія человѣчества), какъ плодъ и продуктъ цѣлаго, на соответствующихъ мѣстахъ для дальнѣйшихъ воспитательныхъ соображеній.

Какъ и всякое средство для игры, или игрушка, которая является въ циклѣ игръ и занятій, такъ же точно и палочки, игра въ палочки и собственно складываніе изъ палочекъ никоимъ образомъ не вводятся въ игру произвольно или совершенно случайно, но они появляются въ циклѣ игръ и занятій, какъ и всякая другая игра, съ внутреннею необходимостью въ своемъ, специально предназначенномъ для нихъ, мѣстѣ, вполне оригинально,—что очень замѣчательно; благодаря этому, онѣ выступаютъ на сцену въ томъ именно возрастѣ и въ ту пору развитія ребенка, когда онъ достигнетъ силы и способности во всѣхъ отношеніяхъ не только играть съ ними въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но дѣйствительно осмысленно, а слѣдовательно и образовательно заниматься ими. Итакъ, игра въ палочки вырастаетъ съ возрастающимъ совершенствомъ послѣ начала пятаго года и въ теченіе пятаго года ребенка и даже при дальнѣйшемъ возрастаніи его.

Отсюда вытекаетъ ясно, что слѣдуетъ съ ребенкомъ, если желательно добиться отъ него здоровыхъ и жизненныхъ результатовъ этой дѣятельности, начинать складываніе изъ палочекъ не раньше, чѣмъ онъ получитъ соответствующее предварительное образованіе изъ занятій предшествующими играми. Способности представленія, возпомнанія, абстракціи и творческаго изображенія должны достигнуть въ ребенкѣ уже извѣстной силы и степени образованія: иначе получатся и для этой ступени слишкомъ незначительные и полужрѣлые плоды, и занятія ребенка этой игрой на такой слишкомъ ранней ступени принесутъ для

него скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Именно, въ ребенкѣ скоро образуется убѣжденіе, что, такъ какъ съ его еще неразвитой, слабой силой ничего нельзя воспроизвести съ помощью этого средства для игры, то изъ него и вообще ничего сдѣлать нельзя, и онъ относится къ этому средству для игры слишкомъ равнодушно. Между тѣмъ слѣдуетъ еще замѣтить, что это средство и матеріалъ для игры такого рода, что съ нимъ можно легко справиться съ помощью даже еще и относительно слабой силы.

Въ ряду расчлененнаго цѣлаго игръ и занятій палочки какъ бы вырастаютъ изъ тѣхъ дощечекъ, которыя (лучше всего для этого брать дощечки изъ сосноваго или еловаго дерева) для того, чтобы дѣйствительно онѣ давали палочки, раскалываются на палочки по ихъ длинѣ, какъ бы распадаются на нихъ, развиваются изъ нихъ.

Въ случаѣ, если дѣти особенно развиты, сильны, ловки и старательны въ этомъ возрастѣ, можно позволять имъ самимъ заниматься этимъ дѣломъ, и они дѣлаютъ это очень охотно, если имъ дадутъ соотвѣтствующія дощечки, такъ что съ перваго же раза дѣйствительно выходитъ, что, во-первыхъ, дѣти, доведенныя до этого рода игръ и занятій, въ известномъ отношеніи сами создаютъ себѣ средства для игры и занятій, а во-вторыхъ, что ребенокъ узнаетъ по опыту на собственномъ дѣлѣ, какимъ образомъ одна игра развивается изъ другой. Такимъ образомъ дѣтямъ, благодаря ихъ собственной дѣятельности, особенно бросается въ глаза связь вещей вслѣдствіе дальнѣйшаго ихъ развитія и въ теченіе его. Это—важнѣйшія и наиболѣе образовательныя качества этихъ игръ, которыя впоследствии, при другихъ занятіяхъ дѣтей, выступать еще опредѣленнѣе.

Присмотримся повнимательнѣе къ такому развитію позднѣйшаго изъ болѣе ранняго, болѣе молодого изъ болѣе стараго, послѣдующаго изъ предыдущаго въ нашемъ развитіи палочекъ въ данной игрѣ, в-ятой, какъ цѣлое, чтобы, благодаря этому, быть въ состояніи такое наблюденіе за развитіемъ, вслѣдствіе его уже отмѣченной важности

заставить понять и уразумѣть у нашего играющаго ребенка съ помощью его средствъ для игры и занятій.

Палочка получается, какъ выше было сказано, какъ бы изъ дощечекъ.

А дощечки подобнымъ же образомъ являются уже дальнѣйшимъ развитіемъ брусочковъ 4-го дара съ 3-мя разлчными отношеніями по величинѣ: въ длину, ширину и толщину, а именно, длиною въ 2 частичныхъ кубика, шириною въ 1 и толщиною въ $\frac{1}{2}$ кубика.

Брусочки въ данныхъ выше отношеніяхъ по величинѣ являются однако опять-таки (по подобному же закону) развитіемъ изъ четырехъ прямоугольныхъ четырехстороннихъ и равностороннихъ колоннъ, на которыя какъ разъ и распадается кубикъ при изображеніи игръ 3-го дара, такъ что, слѣдовательно, брусочки выходятъ изъ кубика при посредствѣ равностороннихъ четырехстороннихъ колоннъ.

А кубикъ является необходимымъ развитіемъ шара, равно какъ этотъ послѣдній для всесторонне укрѣпленнаго, многосторонне изощрившагося и болѣе осторожнаго ребенка является какъ бы болѣе прочнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе подвижнымъ въ своемъ примѣненіи и какъ бы болѣе совершеннымъ мячомъ, на что было указано уже въ другомъ мѣстѣ при развитіи игръ 2-го дара.

Въ мячѣ же, а еще болѣе опредѣленно въ неподвижномъ шарѣ (въ противоположность къ внѣшне-всестороннему круговому ограниченію), проявляются прямыя линіи, именно, въ трехъ, хотя и невидимыхъ, однако съ точностью различаемыхъ и опредѣляемыхъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ, главныхъ направленійхъ.

Эти невидимыя въ мячѣ, какъ бы въ зернѣ или въ сѣмени всѣхъ развивающихся средствъ игръ и занятій, а еще больше въ шарѣ, но тѣмъ не менѣе опредѣленно различаемыя три направленія выступаютъ въ кубикѣ, какъ трижды четыре прямыхъ ребра, въ равныхъ прямоугольныхъ четырехстороннихъ колоннахъ, какъ четырежды четыре, а въ восьми брускахъ—еще болѣе умноженныя, въ

восемью четырехъ прямыхъ ребрахъ; а эти послѣднія, наконецъ, еще больше раздѣляясь и раскалываясь на дощечки и на палочки, обращаются, какъ бы самостоятельно, во множество палочекъ.

Итакъ, мы развили въ цѣляхъ сознательно наблюдательнаго, осмысленно воспроизводящаго, развивающаго воспитанія палочку, какъ такое средство образованія, направляясь отъ палочки до шара и мяча назадъ и отъ обоихъ снова до палочки впередъ; это важно для того, чтобы показать, какъ палочки уже въ ихъ первомъ появленіи и дѣйствительномъ существованіи даны, какъ прямыя направленія и линіи, въ ихъ общемъ пониманіи, уже въ единомъ въ себѣ шарѣ и въ замкнутомъ въ себѣ мячѣ, имѣютъ въ немъ какъ бы свой зародышъ и корень, свое первоначальное происхождение.

Подобно тому, какъ это цѣлое игры и занятій собственно развилось дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ въ чистѣйшей послѣдовательности и съ необходимостью изъ шара и мяча, такъ же точно можетъ и этотъ послѣдній разсматриваться, какъ сѣмя дерева, и такимъ же точно образомъ можно на всѣ средства для игры и занятій смотрѣть символически, какъ на послѣдовательныя стадіи развитія дерева (до цвѣтка включительно и оттуда снова до плода и сѣмени), какъ это было и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ.

Но, если угодно, можно смотрѣть и на мячъ или на шаръ, какъ на почку цвѣтка, которая развивается изъ себя во время цвѣтенія множество тычинокъ и пестиковъ.

Намѣченное здѣсь символическое пониманіе развитія цѣлаго въ видѣ подобнымъ же образомъ развивающагося дерева и въ видѣ почки расцѣтающаго и уже расцвѣтшаго цвѣтка должно однако обнаружить лежащее въ сущности вещей, постоянное и вмѣстѣ съ тѣмъ полное жизни развитіе cadaго отдѣльнаго члена изъ этого цѣлага игръ и прежде всего здѣсь развитіе палочекъ, равно какъ показать и выяснить для дѣтей сущность этихъ занятій (выступающихъ при этомъ и на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ). Ибо для ребенка уже важно,—а еще больше имѣя въ виду всеобщее развитіе жизни всего человѣка—чтобы онъ рано, уже въ своемъ

играющемъ возрастѣ, былъ приведенъ въ это внутреннее сѣплеіе жизни, въ которой онъ составляетъ только одинъ членъ, способомъ, соотвѣтствующимъ его внутренней силѣ и сообразнымъ съ его физическимъ развитіемъ, что и составляетъ главную цѣль этого развивающе-воспитывающаго образованія, этого какъ бы органически расчлененнаго цѣлаго игръ и занятій.

Какова же достигнутая уже теперь степень развитія въ ребенкѣ, которую предполагаетъ употребленіе палочекъ? Она уже весьма значительна.

Во-первыхъ, у него уже есть совершенное обладаніе членами и чувствами, именно: развитіе чувства зрѣнія] и умѣніе пользоваться рукой и особенно пальцами, для чего даютъ самое всестороннее и самое общее руководство, особенно на раннихъ ступеняхъ развитія ребенка, „Материнскія ласкательныя и игральныя пѣсни“, какъ семейная книга.

Затѣмъ,—ясное пониманіе кругаго и прямого; при прямомъ, въ свою очередь знакомство съ собственно прямымъ и косымъ, и при собственно прямомъ—знакомство съ вертикальнымъ и горизонтальнымъ, а среди косыхъ направленій надо различать косое вправо и косое влѣво. Эти наблюденія даются уже играми съ мячомъ и шаромъ и уже нѣсколько разъ предлагались ребенку, такъ какъ они разъясняютъ и укрѣпляютъ слѣдующія средства для игры ¹⁾).

Но дальше еще—и другія положенія и направленія другъ къ другу, слѣдовательно, наблюденіе параллельнаго и непараллельнаго, одинаково наклоненнаго и одинаково направленнаго, преимущественно, какъ непосредственное воспріятіе, обозначенное простымъ словомъ, безъ всякаго объясненія, какъ

¹⁾ При всемъ томъ, что сказано въ послѣдующемъ, слѣдуетъ по возможности имѣть передъ собою соотвѣтствующіе предметы, дары игръ, чтобы достигнуть яснаго и правильнаго пониманія этого, или, по крайней мѣрѣ, нужно постараться представить себѣ ихъ по возможности ясно съ помощью воспоминанія, чтобы подняться отъ внѣшняго наблюденія къ внутреннему, отъ внѣшняго сопоставленія къ внутреннему пониманію духовной связи. Это все имѣетъ значеніе и для предыдущаго, начиная со стр. 363.

если бы это было ясно уже само собой, какъ это и разумѣется само собою для нѣмецкаго ребенка послѣ простого объясняющаго, яснаго нѣмецкаго слова. И эти наблюденія многократно развивали игры съ мячомъ и шаромъ вмѣстѣ съ получающимися изъ нихъ физическими и подвижными играми. Но еще больше—игра съ кубикомъ, со вторымъ даромъ, благодаря которой ребенокъ доводился до яснаго наблюденія и пониманія внутреннихъ и внѣшнихъ угловъ, реберъ и поверхностей, сторонъ и плоскостей, какъ связанныхъ и не связанныхъ между собою прямыхъ линій.

Но эти наблюденія и толкованія обнаружилъ чрезвычайно ясно и всесторонне и къ тому же въ прекрасномъ порядкѣ и сопоставленіи между собой третій даръ игръ, раздѣленный однажды по всѣмъ сторонамъ кубикъ, который за это и называется радостью дѣтей.

Вполнѣ ясное пониманіе, ловкое и разумное обращеніе съ этимъ даромъ игръ особенно заставляетъ предполагать успѣшную, многостороннюю и образовательную игру съ палочками, именно, складываніе палочекъ; ибо этими массовыми наблюденіями ребенокъ все больше и больше развивается въ дѣлѣ пониманія очертаній и важности ихъ особеннаго, самостоятельнаго наблюденія, какъ бы независимо отъ своей массы.

Ребенку еще нехватаетъ только одного наблюденія для законченнаго, вполнѣ развивающаго и изображающаго употребленія палочекъ, это—пониманія не только различной, но и относительно различной длины. Хотя это наблюденіе многократно и давалось ребенку третьимъ даромъ, но съ измѣненіями, непостоянно и потому какъ бы непрочно. Это достигается способомъ, изложеннымъ въ четвертомъ дарѣ, въ 8-ми брусочкахъ.

Если мы присоединимъ сюда еще складываніе изъ дощечекъ и затѣмъ заставимъ ихъ развиваться, или распадаться на палочки, какъ было указано выше, то такимъ образомъ мы придемъ съ нашимъ ребенкомъ къ той степени развитія его дѣятельности, развитія его стремленія къ занятіямъ, когда онъ будетъ уже въ состояніи упражняться съ разви-

вающе-воспитывающѣмъ успѣхомъ для него въ складываніи изъ палочекъ и притомъ совершенно особенно проявлять себя въ этомъ складываніи изъ палочекъ и посредствомъ него въ еще большемъ объемѣ, чѣмъ это могло обнаружиться до сихъ поръ, какъ созидающее, образующееся и преобразовывающее изъ себя существо.

Что же мы приобрѣли введеніемъ игры съ палочками и въ особенности введеніемъ складыванія изъ палочекъ въ отношеніи къ цѣлому комплексу средствъ для игры и занятій, равно какъ и въ отношеніи къ каждому отдѣльному дару игръ относительно его примѣненія, равно какъ и относительно его духа?

Во-первыхъ, мы узнали благодаря этому, что эта совокупность игръ и занятій въ отношеніи отдѣльныхъ игръ не только есть сложное внѣшнимъ образомъ цѣлое, но и почленно развитое по внутреннему и необходимому закону, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстномъ отношеніи полное жизни и органическое цѣлое.

Во-вторыхъ,—что это выгодное примѣненіе каждого слѣдующаго дара игръ предполагаетъ въ извѣстномъ объемѣ знаніе и примѣненіе предыдущихъ, но что къ тому же и вмѣстѣ съ тѣмъ предыдущій или предыдущіе дары игръ каждымъ изъ слѣдующихъ могутъ доводиться до еще болѣе полезнаго примѣненія, подобно тому, какъ въ мірѣ, окружающемъ ребенка и человѣка, есть самые разнообразныя предметы для примѣненія и для наблюденія и, смотря по степени достигнутаго образованія, они дѣйствительно используются человѣкомъ и даже ребенкомъ.

Въ-третьихъ, изложеніе складыванія изъ палочекъ учить насъ по своему духу и примѣненію, что средства для игры и занятій, какъ цѣлое, равно какъ и каждый отдѣльный даръ игръ, вводятъ ребенка символически въ жизнь въ разныхъ отношеніяхъ, слѣдствіяхъ и направленіяхъ, и что складываніе изъ палочекъ для ребенка есть поистинѣ развивающе-воспитывающее средство образованія, чтб въ теченіе изложенія будетъ обнаруживаться съ возрастающей ясностью.

Въ-четвертыхъ, для насъ представляется опять-таки заслуживающимъ вниманія (что намъ уже неоднократно показало и обнаружило прежнее изложеніе нашего способа игры и занятій), что развитіе и изображеніе разнообразія предполагаетъ знаніе отдѣльныхъ фактовъ, но что знаніе отдѣльныхъ фактовъ, въ свою очередь, какъ членъ высшаго и большаго цѣлаго, требуетъ и обусловливаетъ знаніе ихъ, какъ единства, при чемъ никакое знаніе, даже знаніе каждаго элемента въ отдѣльности, не въ состояніи изложить его сущности въ свою очередь достаточно разнообразно и полно. Итакъ,—три въ одномъ.

Въ-пятыхъ, если мы будемъ разсматривать сообразно съ этимъ палочку, какъ членъ цѣлаго игры и занятій, то мы найдемъ въ ней по основному закону всѣ существенныя качества, которыя заключаетъ въ себѣ мячъ, какъ членъ цѣлаго окружающаго насъ міра, или міра предметовъ. Слѣдовательно: наполненіе пространства—ограниченіе—матерія или содержаніе—притяженіе—тяжесть—протяженность, здѣсь преимущественно въ длину, какъ въ мячѣ, шарѣ, каткѣ и т. д. во всѣ стороны; слѣдовательно, дальше форма—число—цвѣтъ—даже звукъ и упругость.

Но далѣе и притомъ существенно важно слѣдующее: въ видимомъ, на видимомъ и посредствомъ ввдимаго (напримѣръ, посредствомъ обоихъ видимыхъ конечныхъ пунктовъ) дѣлается понятной невидимая линія направленія и ея середина также невидимая, но строго опредѣленная и, благодаря этому, раздѣляющая и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ образомъ соединяющая. Палочка соединяетъ, подобно кубику, шару и мячу, высшіе и самыя общіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовно объединяющіе и связывающіе законы земли, природы и всего міра: какъ законы единства и отдѣльныхъ фактовъ, такъ и явленія и законъ противоположности и посредства и т. д.

Центромъ или отъ центра по направленію къ каждому изъ обоихъ конечныхъ пунктовъ обусловливаются опять новыя центры, соединяющіе въ свою очередь середину и конецъ, т. е. даются новыя посредствующіе пункты, и такъ

бываетъ постоянно между каждымъ двумя вновь возникающими посредствующими пунктами, благодаря чему въ концѣ концовъ подчеркивается явленіе и законъ постоянства.

Подобнымъ же образомъ палочка обнаруживаетъ и объединяетъ видимое и невидимое, равно какъ невидимо видимое и видимо невидимое. Итакъ, мы видимъ въ ней не только всѣ существенныя свойства кубика, катка, шара и мяча и т. д., но и вообще всѣхъ развивающихся людей, всѣхъ окружающихъ ребенка предметовъ. Поэтому палочка и есть, именно, средство для его введенія (черезъ посредство видимаго, невидимаго и невидимо видимаго) въ его собственную жизнь, въ его собственный и окружающій его міръ.

Подобно тому, какъ мы до сихъ поръ разсматривали палочку самое по себѣ, такъ же точно мы можемъ разсматривать ее и въ ея отношеніяхъ къ окружающимъ ее предметамъ, а именно въ отношеніи къ каждой плоскости или поверхности, наконецъ, даже къ поверхности земли. Она можетъ стоять въ положеніи и направленіи, одинаковомъ со всѣхъ сторонъ по отношенію къ нимъ, и въ этомъ направленіи опускаться какъ бы совершенно прямо къ центру земли, можетъ стоять вертикально; или она можетъ быть наклонена во всѣхъ своихъ точкахъ и всѣми своими точками заразъ и притомъ одинаково къ поверхности земли и лежать такимъ образомъ совсѣмъ параллельно съ поверхностью земли, т.-е. горизонтально; или она можетъ занять по отношенію къ нимъ какъ бы среднее между этими положеніями, наклонное положеніе. Всѣ эти качества, которыя для ребенка находятся какъ бы въ скрытомъ состояніи дремоты въ палочкѣ, и еще другія качества, которыя игра съ палочкой постепенно развертываетъ передъ дѣтьми, и составляютъ именно то, что сообщаетъ палочкѣ, какъ предмету или средству игры, въ глазахъ ребенка неописуемую прелесть и приковывающую, притягательную силу, а у ребенка, какъ существа созидающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается предчувствіе, что въ палочкѣ онъ найдетъ подходящій матеріалъ для своего стремленія къ творчеству.

Наконецъ, мы переходимъ къ самой игрѣ съ палочками и къ складыванію изъ нихъ. Для ребенка наша палочка, какъ единичное явленіе, представляется какъ бы сдѣлашеюся видимой осью пира и т. д., или какъ бы отдѣлившимся ребромъ кубика, или, въ большемъ количествѣ, продуктомъ развитія или расщепленія дощечки на палочки, или какъ бы отвердѣвшей прямой линіей и т. д. Но въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ палочка является для ребенка замѣстителемъ всего прямого. И къ этой совершенно естественной связи представленій, къ этому совершенно простому толкованію ребенка вмѣстѣ съ вещественнымъ наблюденіемъ самой палочки присоединяется теперь игра. Посмотримъ, куда ведетъ этотъ совершенно простой способъ пониманія и наблюденія у нашего ребенка въ его всестороннемъ развитіи, какъ существа, созидающаго и познающаго и, даже мы должны прибавить, существа чувствующаго (къ этому пункту, какъ самому важному изъ всѣхъ, мы послѣ изображенія этой игры еще возвратимся).

Войдемте, любезный читатель, съ вами въ Фрѣбелевскій дѣтскій садъ. Тамъ сидятъ, смотря по числу дѣтей въ дѣтскомъ саду, на одномъ, или на парѣ, или на двухъ парахъ сдвинутыхъ въ длину столовъ, стоящихъ параллельно и не особенно далеко другъ отъ друга, 10, 20 и до 40 дѣтей. Дѣти привѣтствуютъ насъ, направляясь радостно къ намъ со своимъ привѣтственнымъ пѣніемъ:

„Мы привѣтствуемъ васъ и дружески говоримъ: добро пожаловать!“

Дѣтская садовница: „Дѣти вполне правы. Вы пришли именно теперь какъ разъ кстати для меня и для всѣхъ насъ, и, я сказала бы словами привѣтственной пѣсни, именно въ добрый часъ, какъ разъ тогда, когда я этого желала, т. е. согласно съ моимъ желаніемъ и, навѣрно, также согласно съ желаніемъ всѣхъ дорогихъ дѣтей (дѣти: да, да!), такъ какъ мы начинаемъ сейчасъ совершенно новую игру“.

Я: „Превосходно. Садись только скорѣй, любезный читатель, здѣсь вверху и здѣсь внизу за эти столы—здѣсь есть еще мѣсто .

Дѣтская садовница: „Я боюсь только, что игра для этихъ дорогихъ гостей окажется слишкомъ незначительной и простой; мы только что начинаемъ игру въ палочки, и именно, складываніе изъ палочекъ. Тотчасъ, какъ вы вошли, я собиралась начать съ одной только палочки“.

Я: „Это превосходно. Вотъ я пришелъ со своими отчасти невѣрующими гостями, дѣйствительно, какъ вы изволили выразиться, во-время; все великое, если прослѣдить до его первыхъ зародышей и до побудительныхъ причинъ къ нему, выходитъ почти всегда изъ совѣмъ незначительнаго вначалѣ; многообразіе получается изъ однообразія, даже небесное является изъ земного, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ элементы небеснаго. Я думаю объ этомъ всегда, когда мой ребенокъ въ компаніи своихъ добрыхъ товарищей по игрѣ вырѣзаетъ себѣ свирѣли, и затѣмъ я иду въ церковь и слышу, какъ настоящій тюрингскій канторъ играетъ на органѣ вступленіе къ пѣсни „Allein Gott“, и затѣмъ—самый этотъ хораль, и къ тому же вижу въ алтарѣ изображеніе возносящейся къ небу изобрѣтательницы органа св. Цециліи. Это и есть именно то, чему иной изъ моихъ дорогихъ гостей, которыхъ я привелъ сюда съ собой, не повѣрить, а именно, что дѣтски чистое и простое приводитъ въ своемъ постоянномъ развитіи къ прославленію небесъ (поэтому и познаніе постояннаго такъ важно; это неоднократно подтверждаютъ свирѣль и органъ: постоянное). Посѣщеніе дѣтскаго сада, конечно, сегодня не даетъ намъ этого, но начало всегда таково. Мнѣ жалко только, что я такъ долго задержалъ васъ, любезная садовница, съ началомъ вашей игры. Продолжайте ваше дѣло и не стѣсняйтесь видимой незначительностью того, что вы дѣлаете, а прямо запросто покажите намъ самую игру“.

Дѣтская садовница:

„Что у меня въ рукѣ?“

Дѣти: „Палочка“.

„Какова изъ себя палочка?“

Дѣти: „Прямая, длинная“.

„А не знаете ли вы другихъ вещей, которыя бы также были прямыми и длинными?“

Дѣти: „Да, это“...

„Теперь вы замѣтите только то, что вы знаете и что вамъ знакомо; послѣ вы должны будете показать намъ это.—Что дѣлаеть теперь моя палочка?“ (Дѣтская садовница ставить ее вертикально на поверхность стола).

Дѣти: „Она стоитъ“.

„А не знаете ли вы другихъ вещей, которыя были бы также прямы и стояли?“

Дѣти: „Да, это“...

„Теперь я уже вамъ сказала про эти качества. Замѣтите только предметы, обладающіе ими, на всякій случай, а сейчасъ вы мнѣ и намъ покажете ихъ“.

Дѣти смотрять другъ на друга и смѣются, потому что они должны показать что-то, а между тѣмъ у нихъ нѣтъ ничего.

„Что теперь дѣлаеть моя палочка?“ (Дѣтская садовница кладеть ее плотно на столъ).

Дѣти: „Она лежитъ“.

„Не знаете ли вы еще нѣсколькихъ вещей, которыя были бы прямы и лежали?“

Дѣти: „Да, да, да!“

Дѣтская садовница. „Такъ какъ вы мнѣ отвѣчали такъ весело, радостно и свободно, то каждый изъ васъ получить по одной прекрасной, новой, чистой, блестящей палочкѣ чтобы и у васъ было, съ чѣмъ играть“. (Палочки раздаются маленькими партіями опредѣленнымъ дѣтямъ, которыя затѣмъ быстро раздають ихъ направо, налево и прямо противъ себя).

„Теперь же каждый изъ васъ долженъ сказать мнѣ и показать, чтб онъ видитъ въ своей палочкѣ, о чемъ онъ при этомъ вспоминаеть, о чемъ думаетъ, что онъ можетъ себѣ представить подъ видомъ ея“.

„Я вижу въ моей палочкѣ и г л у съ широкимъ и длиннымъ ушкомъ, большую иглу“. Въ то время, какъ дѣтская садовница говорить это, она кладеть свою палочку на ось ——

стола и говорить при этомъ еще разъ: большая игла.
„Что я вижу въ этой палочкѣ?“

Всѣ: „Большую иглу“.

Къ первому ребенку: „А ты?“

„Штопальную иглу“.

Дѣтская садовница кладетъ другую палочку въ неболь-
шомъ отдаленіи возлѣ пер —(II)— вой и повторять. „Што-
пальная вгла“.

„Что вы видите въ этой палочкѣ?“

Всѣ: „Штопальную иглу“.

Такъ дѣтская садовница продолжала до тѣхъ поръ, пока
каждый изъ 20-ти мальчиковъ на двойномъ столѣ не уви-
дѣлъ какого-нибудь предмета въ своей палочкѣ и не пока-
залъ бы его; и дѣтская садовница для каждого изъ нихъ
клала на столъ одну палочку, такъ что въ концѣ концовъ
получилось на срединѣ стола болѣе 20 палочекъ.

А теперь давайте посмотримъ, узнаемъ ли мы снова все
то, что каждый изъ васъ намъ показалъ. Каждый изъ васъ
пусть смотритъ, чтобы его палочку не смѣшали или не за-
были бы назвать.

Дѣтская садовница начинаетъ показывать при названіи
каждаго предмета на обозначающую его палочку, а дѣти го-
ворятъ вслѣдъ за нею:

„Большая игла — штопальная игла — спичка — грифель —
колотушка — линейка — карандашъ — палка для цвѣтка — полѣ-
но — вязальная спица — крючокъ для плетенія — палочка для
гулянья — масштабъ — свѣча — одна палочка — единица — зубо-
чистка — брусокъ — колонна — перекладина — сигара — ручка“.

„Прежде, когда я говорила, что каждый изъ васъ дол-
женъ показать мнѣ, что вы видите, тогда вы смотрѣли,
улыбаясь, другъ на друга и думали, что вамъ нечего пока-
зать, а теперь, смотрите, вы показали двадцать и даже бо-
лѣе вещей“.

„Могутъ ли нѣкоторые изъ васъ показать также, гдѣ ле-
жить каждый изъ предметовъ?“

Дѣти: „Да, да, да!“

„У кого была спичка?“ „У меня“. „Гдѣ она лежитъ?“
„Здѣсь“.

„У кого была перекладина?“ „У меня“. „А гдѣ она ле-
жить?“ — „Здѣсь“. И т. д.

А теперь, любезный читатель, который сопровождалъ
меня до сихъ поръ, ты, вѣрующій, довѣряющій и постигаю-
щій, ты имѣешь подтвержденіе, и ты, сомнѣвающейся, не
вѣрующій, имѣешь доказательство, какимъ образомъ изъ от-
дѣльныхъ предметовъ, даже изъ одного только предмета, въ
дѣтскомъ саду получается множество предметовъ и, можно
даже сказать, изъ ничего является нѣчто. Сначала, напри-
мѣръ, каждый ребенокъ врядъ ли имѣетъ въ душѣ какой-
либо образъ, въ лучшемъ случаѣ—только нѣкоторые, дѣти, и
то образы и представленія были неясны, а теперь каждый изъ
нихъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать и даже, навѣрное,
еще больше, которые не только пробудились въ немъ, но и
сдѣлались видимы внѣшнимъ образомъ и были названы. За-
мѣтилъ ли ты, испытующе сопровождающій меня читатель,
какъ всѣ дѣти весело и радостно были настроены по поводу
того, что ихъ товарищъ увидѣлъ и показалъ въ своей па-
лочкѣ и что онъ видитъ и показываетъ не то же самое, что
они видѣли уже въ своей палочкѣ? Видишь ли ты, и за-
мѣчаешь ли ты, какъ дѣти теперь смотрягь другъ на друга
особенно веселыми глазами? Они сообща носятъ теперь въ
себѣ общее сокровище. Этимъ пробуждена въ нихъ и между
ними своя особенная, духовная связь, заставляющая взаимно
уважать и признавать другъ друга, и было бы легко уве-
личить эти 20 наблюденій еще двадцатью и болѣе другими.
Въ сколь различныхъ направленіяхъ они вводятъ ребенка
въ жизнь!

Дѣти теперь имѣютъ право, знаютъ и чувствуютъ то, что
они говорятъ и поютъ, покидая дѣтскій садъ съ пѣніемъ:

Мы превесело играли,
Много добраго узнали,

Много правды услышали,
День мы завали игрой...
А теперь домой, домой!

Теперь, любезный читатель, пойдёмъ и мы съ ними домой, и давай переработаемъ критически услышанное и увидѣнное еще нѣсколько, ибо я хочу тебѣ откровенно сообщить, что мнѣ сегодня пришло въ голову, какъ и всегда, когда я вхожу въ дѣтскій садъ: я постоянно выхожу изъ него ученикомъ, несмотря на мои старые годы. Это я испыталъ и сегодня. Чему же я научился? Сообщить ли тебѣ, любезный читатель, объ этомъ?—Я испыталъ на себѣ самомъ, что, во-первыхъ, сила и даръ воспоминанія и представленія значительно оживляются благодаря этимъ занятіямъ; давно исчезнувшіе образы снова выступаютъ (изъ жизни) въ полной свѣжести и связи между собой, во-вторыхъ, сила сравненія получаетъ здѣсь возможность упражняться; однородные элементы бессознательно подходятъ ближе другъ къ другу, въ-третьихъ, благодаря этому, богатство представленій и наблюденій увеличивается, наконецъ, въ четвертыхъ, изощряется даже сила наблюденія и воспріятія.

А кто изъ насъ не учился охотно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ постигалъ искусство, открывающее жизнь, проливающее изъ себя свѣтъ на жизненные явленія? Разнообразный матеріалъ для новыхъ наблюденій образуетъ ту прелесть, то волшебное очарованіе, которое, дѣлая человѣка молодымъ и возобновляя въ немъ жизнь, постоянно все съ новой силой привязываетъ его къ настоящему дѣтскому саду.

„Могу ли я, дѣтская садовница, притти завтра къ этому часу?“

Дѣтская садовница: „Вы всегда—желанный гость, такъ какъ въ Вашемъ присутствіи всегда достигаются самые лучшіе результаты“.

Не желаешь ли и ты, любезный читатель, тогда опять меня сопровождать?

Я думаю, да.

Добрый день, мой любезный читатель! — Однако ты являешься рано ко мнѣ, чтобы сопровождать меня къ нашей умной дѣтской садовницѣ и къ ея веселымъ дѣтямъ. Это для меня пріятный знакъ твоего весьма живого участія въ столь невидномъ дѣлѣ.

„Какъ могло быть иначе? вѣдь въ томъ-то и состоитъ своеобразное свойство столь привлекательнаго предмета, что онъ, несмотря на свою незначительность, все-таки въ состояніи столь сильно привязывать. Въ самомъ дѣлѣ, я открыто сознаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ я вчера покинулъ наше занятіе и нашихъ дѣятельныхъ дѣтей въ веселомъ дѣтскомъ саду, оно продолжало занимать меня, и я смотрѣлъ на вещи, окружавшія меня, дѣйствительно совершенно другими глазами, чѣмъ до сихъ поръ. Да, предметы какъ бы сами довели меня до этого“.

Если тебя удивляютъ, мой любезный читатель, такіе результаты, сказавшіеся уже въ тебѣ, когда ты занимался этимъ предметомъ въ первый разъ, то насколько же больше удивить тебя, когда я, который уже сотни и больше разъ излагалъ этотъ предметъ подробно, долженъ сказать о себѣ, что то же, обыкновенно, случается и со вчерашняго дня было также и со мною. Я все время былъ сопровождаемъ предметами, которые доставляли мнѣ линейное наблюденіе, напоминали мнѣ о нашихъ вчерашнихъ палочкахъ. Можешь ли ты сообщить мнѣ какое-нибудь основаніе или привести какое-нибудь сравненіе для этого?

„Сейчасъ я не могу привести основанія, но приведу одно сравненіе: палочки привлекаютъ такъ же, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, или какъ земной магнитъ притягиваетъ намагниченную иглу“.

Вотъ, любезный читатель, разсудительно и внимательно сопровождавшій меня, этимъ сравненіемъ какъ разъ ты и далъ ключъ къ рѣшенію нашего вопроса. Въ самой внутренности, въ недоступной глубинѣ земли находится непонятная по своему существу магнитная сила, которая непосредственно воздѣйствуетъ на всякую подобнымъ же образомъ намагниченную, т.-е. свободно вращающуюся подъ дѣй-

ствіемъ магнита иглу. Это—одно наблюденіе, къ которому приводитъ насъ это сравненіе. Другое состоятъ въ томъ, что каждый развитой и выдѣланный, я бы сказалъ, расчлененный магнитъ, въ каждомъ простомъ, невыдѣланномъ кускѣ желѣза въ состояніи возбуждать магнетически притягивающую силу, пока еще дремлющую въ бездѣйствіи, подобно тому, какъ онъ воздѣйствуетъ на приготовленный подобнымъ же образомъ кусокъ желѣза. Будемъ же помнить при наблюденіи во время нашего путешествія въ дѣтскій садъ эти три факта и проявленіе магнитной силы.

Итакъ, во-первыхъ, то, что магнитная сила, скрытая въ неизмѣримой глубинѣ земли, дѣйствуетъ подобнымъ же неизмѣримо глубоко скрытымъ способомъ на расчлененно развитую, ничѣмъ не стѣсняемую въ своихъ движеніяхъ иглу, затѣмъ, во-вторыхъ, что этотъ развитый магнитъ воздѣйствуетъ такъ же, какъ и скрытый земной магнитъ, на намагниченную иглу. Но совершенно особенно, въ-третьихъ, онъ вызываетъ въ частяхъ желѣза и въ желѣзныхъ вещахъ, не подготовленныхъ еще для дѣйствія земного магнетизма, пробуждаетъ и развиваетъ магнитную силу, именно, сначала только изрѣдка, а позже при продолженіи развитія и постоянно.

Но мы сохраняемъ эти три факта только въ ихъ общемъ выраженіи для объясненія притяженія нашихъ палочекъ:

1. Глубоко скрытая на неизмѣримой глубинѣ общая сила дѣйствуетъ на уже расчлененно развитую, отдѣльную силу возбуждающимъ образомъ.

2. Развитая отдѣльная сила дѣйствуетъ подобнымъ же возбуждающимъ образомъ на такую же уже развитую силу.

3. Наконецъ, еще неразвитая, дремлющая сила, хотя и приводится въ возбужденіе уже ясно расчлененной силой, но она снова падаетъ, если она не приведена въ возбужденіе до опредѣленнаго, прочно установленнаго пункта.

Теперь, мой любезный читатель, разсудительно сопровождающій меня, ты имѣешь указаніе для объясненія какъ бы магнит-

наго дѣйствія нашихъ палочекъ, складыванія изъ палочекъ, и игры съ палочками, равно какъ и указаніе для объясненія притягательной силы каждой игры нашего круга и ея развивающе-воспитательной, равно какъ и образовательной силы. Именно, подобно тому, какъ глубоко во внутренности земли покоится скрытая магнитная сила и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на самый маленькій предметъ внѣшняго міра того же порядка и притомъ дѣйствуетъ тройкимъ, только что описаннымъ способомъ; такъ же точно покоится сила и въ природѣ, какъ въ цѣломъ, а также и въ самомъ маленькомъ и самомъ изолированномъ предметѣ ея, будь это хоть палочка нашей игры со складываніемъ (понимаемой не только какъ часть, но и какъ дѣйствительное цѣлое великой природы и жизни, а здѣсь къ тому же и всей земли), сила, подобно той, обыкновенно невидимая и тѣмъ не менѣе притягивающая, дѣйствующая изнутри. Такъ, напримѣръ, въ нашей маленькой, простой и тѣмъ не менѣе ощутительной палочкѣ дѣйствуетъ не только обозначенная въ ея видимыхъ концахъ и поэтому какъ бы видимо-невидимая ось, но также и ея прямо-таки невидимая, а только духовно созерцаемая середина, которую никогда нельзя сдѣлать видимою. Эта внутренняя сила, покоящаяся въ каждомъ окружающемъ насъ видимомъ предметѣ, будь это даже самая маленькая песчинка или кусочекъ дерева, которымъ мы пользуемся въ этой игрѣ, и совершенно неотдѣлимая отъ него,—эта скрытая въ каждой вещи „внутренняя сила“ есть то, что дѣйствуетъ на нашъ образованный умъ, какъ известное невидимое (если неудобно сказать: духовное) родство вещей между собой и какъ возбуждательная, притягательная сила, подобная силѣ земного магнетизма, легко дѣйствующей на подвижную намагниченную иглу. Въ этомъ крайнемъ и тѣмъ не менѣе столь дѣйствительномъ взаимномъ воздѣйствіи невидимаго, внутренняго и самаго внутренняго элемента cadaго предмета на вещи, равно какъ и на наблюдающій умъ, заключается, разумно сопровождающій меня читатель, не только совершенно своеобразное побужденіе къ занятію съ палочками, испытываемое нашими дѣтьми, но и

совершенно своеобразная притягательная сила этой игры, дѣйствующая на дѣтскую садовницу, да и на всякаго, кто приметъ какое-нибудь, но все-таки искреннее и теплое участіе въ нашихъ занятіяхъ. Даже кто, не мудрствуя лукаво, спокойно подчинится запросамъ своей собственной духовной дѣятельности, тотъ обязательно привлекается къ участію въ нихъ и самъ не будетъ знать, какъ это случилось. Это—дѣйствіе скрытой силы, постоянно остающейся невидимой. Въ этомъ заключается наиболѣе внутренняя сущность отношеній дѣтской садовницы къ ея питомцамъ, дѣтей между собой, равно какъ и вообще этимъ обусловливается воспитательное воздѣйствіе, на что до сихъ поръ не обращали вниманія. Въ этомъ заключается и самая внутренняя суть дѣтскихъ садовъ и взаимныхъ отношеній между дѣтскими садами и ихъ питомцами, равно какъ и вообще главная суть развивающе-воспитающаго обученія человѣка. (Здѣсь именно сущность силы и духа приведена къ наиболѣе общему выраженію, къ наиболѣе общему пониманію и наблюденію и именно, какъ наиболѣе внутренняя сила.— Я вижу въ этомъ большое достоинство; но объ этомъ еще послѣ.

Однако мы приблизились къ цѣли. Пѣніе говоритъ намъ объ этомъ. Войдемъ.

Дѣтская садовница: „Я только сейчасъ снова собрала нашихъ маленькихъ товарищей по игрѣ вмѣстѣ съ палочками на нашъ кругъ и привѣтствовала ихъ. Если вы позволите, я буду продолжать“.

„Это не только разумѣется само собой, но даже именно это и было нашимъ желаніемъ и причиной нашего возвращенія“.

Руководительница игръ говоритъ нараспѣвъ: „Разъ—два—три,—побольше вниманія!—Сколько палочекъ клали мы все время вчера заразъ?“

Каждый клалъ только одну палочку.

„Хорошо. Теперь каждый изъ васъ имѣетъ по палочкѣ.— Но, можетъ быть, мы сегодня не будемъ продолжать?“

Въ отвѣтъ на это частью смотрятъ безмолвно блестящіе привѣтливые взоры, частью раздается веселое „да!“

„Такъ. Каждый здѣсь получить еще по палочкѣ. — А скажите-ка мнѣ, сколько палочекъ теперь у каждого изъ васъ?“

Всѣ вмѣстѣ: „Двѣ палочки“.

„Теперь посмотрите, что вы можете сложить съ помощью ихъ изъ вещей, которыя вы знаете, что вы можете, такъ сказать, обозначить ими?“

Присоединимся и мы къ дѣтянъ, сопровождающій меня любезный читатель. Попросимъ себѣ у любезной садовницы двѣ палочки и посмотримъ, можемъ ли мы, подобно нашимъ милымъ дѣтямъ, изобразить что-нибудь, такъ сказать, обозначить что-нибудь, что имъ не сразу приходитъ въ голову.

Дѣтская садовница: „Я дѣлаю то же самое и, какъ вы, мои дорогіе гости, тотчасъ увидите, превращаюсь сама съ дѣтьми въ ребенка. Это благотѣльно дѣйствуетъ во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, это радуется очень дѣтей, когда взрослые и даже дорогіе гости превращаются въ ребенка съ дѣтьми. Дѣти чувствуютъ себя благодаря этому сами большими, болѣе взрослыми, т.-е. у нихъ растетъ сила воли и сила дѣятельности, отвага и смѣлость изображенія. Во-вторыхъ, передъ ними воспроизводятся такимъ образомъ новыя наблюденія, равно какъ и старыя воскрешаются въ памяти, вызываются въ воспоминаніи“.

Посмотри сюда, внимательно сопровождающій меня читатель, — здѣсь дѣйствіе невидимаго въ другомъ родѣ, особенно часто встрѣчающееся въ практикѣ дѣтскихъ садовъ. Какъ невидимое и тѣмъ не менѣе широко распространенное дѣятельное начало дѣйствуетъ въ саду, состоящемъ изъ растений и цвѣтовъ, такъ и здѣсь въ дѣтскомъ саду оно дѣйствуетъ подобнымъ же образомъ, но только здѣсь дѣйствіе его на благо и на счастье дѣтей, которыя находятся здѣсь подъ руководствомъ и получаютъ упражненія, благодаря сознательному во всѣхъ отношеніяхъ уходу за ними.

Ни одинъ лучъ солнца, ни одна полоса тѣни не проходятъ безъ дѣйствіи въ саду растений, который пользуется хорошимъ уходомъ; такъ же точно въ настоящемъ дѣтскомъ

саду никакая, даже малѣйшая дѣятельность не остается безъ воздѣйствія на столь же чувствительныя зародыши человѣчества въ немъ. Въ этомъ всесторонне разумномъ наблюденіи хотя и невидимаго, но поэтому-то и дѣйствительнаго начала заключаются тѣ часто столь необъяснимые результаты ухода за дѣтьми для вступающаго въ первый разъ въ дѣтскій садъ.

Дѣтская садовница: „Теперь скажите мнѣ, что хорошаго сложилъ каждый изъ васъ?“—Подсвѣчникъ (стр. 394, фиг. 1);—ножикъ и вилку (фиг. 2);—помость черезъ ручей (двѣ палочки, сложенные плотно рядомъ, фиг. 3);—двѣ лѣстницы (двѣ палочки, нѣсколько раздвинутыя параллельно между собой, фиг. 4);—мельничный лотокъ, или мельничный рукавъ (двѣ палочки, удаленныя нѣсколько больше другъ отъ друга, фиг. 5);—молотъ (фиг. 6);—буравъ (фиг. 7);—клещи (двѣ палочки, перекрещивающіяся ближе къ переднимъ концамъ, фиг. 8);—ножницы для бумаги (двѣ палочки, перекрещивающіяся больше къ заднимъ концамъ, фиг. 9).

Дѣтская садовница кладетъ, какъ и въ предыдущій разъ, каждый изъ предметовъ, сдѣланныхъ дѣтьми, на средину стола, чтобы, во-первыхъ, каждый ребенокъ могъ признать себя въ своемъ произведеніи, а затѣмъ, чтобы произведеніе cadaго въ отдѣльности сдѣлалось общимъ достояніемъ и, наконецъ, также, чтобы упражнялась память, а на будущее время творческая сила cadaго ребенка и чтобы умножались у него способности представленія и понятія, а также прояснялись и упражнялись посредствомъ сравнительнаго сопоставленія ихъ между собою.

„А, теперь, дѣти, обратите вниманіе, что я вамъ покажу: скажите, что я теперь дѣлаю?“

„Ты дѣлаешь знакъ?“

„Чѣмъ я дѣлаю знакъ?“

„Пальцемъ“.

„Какъ называется палецъ, которымъ я дѣлаю знакъ?“

„Указательный палецъ“.

„Почему этотъ палецъ называется указательнымъ?“

„Ты указываешь имъ“.

„Въ какомъ положеніи находится палець, когда я имъ указываю?“

„Въ совершенно прямомъ“.

„Что я дѣлаю пальцемъ?“

„Ты дѣлаешь знакъ“.

„Какъ лежитъ палець, когда я имъ дѣлаю знакъ,—прямо или нѣтъ?“

„Нѣтъ, онъ согнуть“.

„Да, но можно сказать: онъ надломленъ. Теперь посмотрите сюда: внутреннее пространство моего согнутаго такимъ образомъ, какъ бы надломленнаго пальца, когда я имъ дѣлаю знакъ, называется угломъ. Теперь смотрите: я кладу кончикъ палочки прямо въ уголь пальца. Гдѣ лежитъ теперь моя палочка?“

„Внутри угла“.

„Теперь смотрите: я опять дѣлаю знакъ пальцемъ. Когда я снова дѣлаю знакъ пальцемъ и образую имъ уголь, то на сколько частей я какъ бы дѣлю свой палець?“

„На двѣ части“.

„Вы правы. И вы видите, что нижняя часть его лежитъ спокойно, а верхняя двигается. Но посмотрите опять: я дѣлаю знакъ пальцемъ, дѣлаю ли я одинаковые углы или разные? Сколько разныхъ угловъ дѣлаю я пальцемъ?“

„Троякаго рода углы: то уголь бываетъ маленькій, то большой, а то онъ бываетъ ни малъ, ни великъ“.

„Теперь, въ виду того, что вы сегодня сложили прекрасныя вещи, я хочу васъ научить кое-чему: маленькій уголь называютъ острымъ, большой—тупымъ, а этотъ, который никогда не мѣняется, называется прямымъ угломъ.— Есть ли у васъ указательный палець?— Можете ли вы также сдѣлать уголь?— Ну, такъ сдѣлайте острый уголь.— Такъ. Ну, теперь прямой уголь и тупой уголь.— А теперь посмотрите: я могу сложить уголь также изъ двухъ палочекъ.— Какой уголь я сложила?“

„Острый“.

„Можете ли вы также сложить острый уголь изъ вашихъ двухъ палочекъ?“

„О, да!“

„Ну, сдѣлайте это“.—„Совершенно вѣрно“. „Но я могу сложить также и тупой уголь. Кто можетъ это сдѣлать?“

„Я! Я! Я!“

„Но я могу сложить и прямой уголь. Кто можетъ это сдѣлать?“

„Я! Я! Я!“

„Хорошо. Сложите острый уголь. Посмотрите—острый уголь (стр. 394, фиг. 10, дѣлаясь все острѣе или меньше) говорить:

„Иду, иду домой“.

„А тупой уголь (фиг. 11, дѣлаясь все тупѣе или больше) говорить:

Охотно расширяюсь!

Прямой уголь (фиг. 12, оставаясь все время равнымъ себѣ) говорить“:

Я внутрь не уклоняюсь, наружу не стремлюсь,—
Мой признакъ—постоянство,—я вмѣ всегда горжусь.

Теперь, любезная дѣтская садовница, пойте намъ пѣсенки объ углахъ; мы хотимъ сами складывать углы.—Дѣтская садовница поетъ пѣсенки, а дѣти между тѣмъ складываютъ различные углы.

Дѣтская садовница: „Кто можетъ еще что-нибудь сложить? хижину угольщика (фиг. 13), циркуль (фиг. 14), мостъ (фиг. 15), фронтонъ (фиг. 16), два вертящихся креста, которые мы встрѣчаемъ на прогулкѣ (фиг. 17 и 18), половину козелъ (фиг. 19), садовую изгородь (фиг. 20?)“.

Дѣтская садовница говоритъ гостю: „Но спросите и вы также меня о чемъ-нибудь, чтобы вы и мои милыя дѣти видѣли, знаю ли я это“.

Ну, хорошо. „Что же дадутъ всѣ только что названные предметы относительно угловъ?“

Дѣтская садовница: „Палочки хижины угольщика и палочки циркуля образуютъ острый уголь, палочки моста—тупой уголь, а палочки фронтаона—прямой уголь, палочки вертящагося креста образуютъ четыре прямыхъ угла, а палочки

половины козелъ и палочки части садовой изгороди образуютъ два острыхъ и два тупыхъ угла^а.

„Скажите, дѣти, такъ ли говорить тетя?“

„Да, конечно!“

Дѣтская садовница: „Теперь, въ виду того, что вы вѣрите мнѣ, что я права, я покажу вамъ еще нѣчто прямое. Встаньте всѣ.—Станьте всѣ прямо передъ столомъ.—Возьмите палочку такъ, какъ я, кончиками указательнаго и большого пальца правой руки.—Держите ее высоко надъ столомъ, чтобы нижній конецъ палочки опускался прямо на столъ или прямо къ столу.—Послѣ того, какъ я сосчитаю: разъ, два, три и т. д., выпустите ее изъ рукъ и посмотрите, что будетъ дѣлать палочка дальше. Теперь будьте внимательны

Разъ, два, три!
Палочку смотри!

Всѣ дѣти дѣлаютъ это.

„Что, вы замѣтили, сдѣлала палочка?“

Она упала и снова подпрыгнула вверхъ.

Такъ смотрите:

Внизъ летитъ она занятно,
Снова прыгаетъ обратно
Въ высоту!

„Теперь давайте сдѣлаемъ это еще разъ и споемъ при этомъ пѣсенку“. (Дѣлаютъ это). „Возьмите теперь двѣ палочки такъ, какъ я, въ правую руку и скажите мнѣ, о чемъ напоминаютъ вамъ эти обѣ палочки, когда вы такъ ихъ держите (фиг. 21) и двигаете, какой предметъ вызываютъ онѣ у васъ въ памяти и, такъ сказать, изображаютъ собою?“

Нѣсколько: „Вѣсы“.

Теперь посмотрите: „Нижняя палочка лежитъ, прямо, какъ коромысло вѣсовъ; это положеніе или направленіе называется горизонтальнымъ, а другое направленіе, когда предметъ опускается совсѣмъ прямо на столъ, называется вертикальнымъ. Теперь давайте положимъ на столъ палочки этихъ вѣсовъ, такъ превосходно изображающія горизонтальное и вертикальное направленія“.

Примѣчаніе: Въ настоящемъ дѣтскомъ саду производится много упражненій въ наблюденіи и распознаваніи угловъ и ихъ сущности съ помощью предыдущихъ игръ и наблюденій, съ помощью игръ, развивающихъ члены, игръ въ мячъ, подвижныхъ и строительныхъ игръ, а знаніе ихъ предполагается у дѣтей въ дѣтскомъ саду. Только для читателей, которымъ эти игры (или собственно органически развитый ходъ упражненій при нихъ) неизвѣстны или для тѣхъ, кто хочетъ упражняться въ складываніи изъ палочекъ безъ предварительныхъ игръ, здѣсь нужно сообщить средство и указать пути въ области складыванія изъ палочекъ, путь, чтобы развить самыя понятія угла и его отношеній. Затѣмъ это дѣлается также и для того, чтобы оправдать раньше уже нѣсколько разъ высказанное положеніе, что каждая игра есть замкнутое въ себѣ цѣлое и въ то же время членъ цѣлаго, т. - е. что игра носить въ себѣ всѣ существенныя качества общаго цѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ качества каждой игры въ отдѣльности, но каждая своимъ совершенно своеобразнымъ способомъ. Въ этомъ именно имѣетъ свое основаніе двоякое явленіе, наблюдаемое въ теченіе и при свободномъ, созидательномъ занятіи дѣтей: во-первыхъ, то, что ребенокъ во всемъ и въ каждой вещи находитъ для своей дѣятельности что-нибудь, какія-нибудь качества, воспринимать и познавать которыя доставляетъ ему удовольствіе; а во-вторыхъ, то, что ребенокъ разсматриваетъ всѣ вещи, какъ матеріалъ, на которомъ и съ помощью котораго онъ могъ бы внѣшнимъ образомъ изобразить нѣчто, что живетъ въ немъ, сотворить нѣчто, занять себя съ помощью этого нѣчто. И такимъ образомъ всѣ вещи, въ данномъ случаѣ игры нашего круга со стороны воспитательнаго, ясно сознаваемаго способа ихъ производства, стоятъ въ двоякомъ отношеніи къ ребенку: во-первыхъ, онѣ возбуждаютъ ребенка, а затѣмъ онѣ какъ бы вмѣщаютъ въ себѣ, изображаютъ представле-

нія ребенка, и его дѣятельность, проявляющуюся внѣшнимъ образомъ. Въ этомъ двойномъ отношеніи къ ребенку нашего ясно продуманнаго по отношенію къ цѣли и средствамъ матеріала для игръ, въ отношеніи дѣйствующаго на ребенка раздраженія и въ отношеніи побужденія, дѣйствующаго внутри и преобразующаго его дѣятельность, которая ясна для ребенка, какъ результатъ чего-нибудь сдѣланнаго или какой-нибудь приданной формы, заключается чувство удовлетворенія для ребенка, проистекающее вообще отъ игры, преимущественно же отъ занятій, связанныхъ съ игрою нашего цикла игръ и занятій, построенныхъ сознательно по отношенію къ цѣли и средствамъ.

Это—внутреннія, духовныя, невидимыя явленія въ ребенкѣ (но тѣмъ не менѣе легко воспринимаемыя чутко и зорко слѣдящимъ за нимъ умомъ) и нужно ясно распознать, если мы хотимъ узнать и правильно оцѣнить истинную сущность дѣтскаго сада такъ же, какъ и способъ практикующагося въ немъ ухода за дѣтьми и занятій съ ними, духъ, сущность и дѣйствіе на ребенка отдѣльныхъ игръ. Вотъ почему я и останавливался здѣсь такъ долго на этомъ внутреннемъ разборѣ матеріала для игръ и въ особенности на моихъ предметахъ для игръ, равно какъ и на анализѣ самаго ребенка. На этомъ также основано и легко объяснимо изъ этого, почему очень обдѣланные предметы для игръ гораздо менѣе пріятны дѣтямъ, чѣмъ простые и менѣе обдѣлавные, и почему дѣти такъ легко мѣняютъ первыя игрушки на предлагаемыя имъ въ дѣтскомъ саду простые предметы. Примѣры этого мнѣ постоянно сообщаются.

Пусть этотъ болѣе глубокой и болѣе одухотворенный взглядъ на внутреннее взаимное отношеніе развивающагося въ игрѣ ребенка и матеріала для его игры, требуемый для правильнаго пониманія всей сущности ранняго и перваго развивающе-воспитывающаго ухода за дѣтьми, который все приводитъ въ дѣйствіе и самъ обладаетъ творческой силой, тебя, мой любезный читатель, васъ, дорогія матери, и васъ,

всевозможныя помощницы ихъ, а также, и васъ, добрые народныя и сельскіе учителя, у которыхъ нѣтъ времени вслѣдствіе вашихъ занятій по вашему дѣлу достигнуть яснаго взгляда на внутреннюю сторону этого способа дѣтскихъ занятій, пусть не лишитъ силы для того, чтобы усвоить этотъ предметъ. Не отклоняйтесь отъ вышевыраженнаго требованія заниматься этой или другой игрой съ вашими питомцами, насколько того требуетъ степень ихъ развитія, но, по возможности, постоянно нѣкоторое время посвящайте этому занятію. Слѣдуйте только своему стремленію къ при-родѣ, равно какъ и стремленію ребенка (инстинктивному требованію вашего внутренняго міра, равно какъ и міра ребенка), которое превращается во взаимное побужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, вы видите, что дражайшимъ товарищемъ по игрѣ у ребенка бываетъ опять - таки ребенокъ, вполне отдающійся этому дѣлу, входящій во всѣ его подробности. Поэтому, довѣряясь ребенку и предмету игры, превращайтесь съ дѣтьми сами въ ребенка. Но въ этомъ вашемъ дѣлѣ, которому вы отдались, слѣдите за вашей дѣятельностью и за ея основаніемъ, равно какъ за дѣйствіемъ ея на ребенка и результатами, и старайтесь мало-по-малу—вѣдь вы владѣете собой и сами дѣйствуете—довести себя до сознанія и того и другого, и вы достигнете такимъ образомъ вашей довѣрчивой самодѣятельностью, слѣдящей за всѣмъ испытующимъ и сравнивающимъ взглядомъ, требуемаго болѣе глубокаго проникновенія не только въ сущность ребенка и его жизнь, но также и въ ваю собственную жизнь, равно какъ и въ сущность жизни вообще. Въ этомъ заключается благо, а также и невидимая награда настоящаго развивающаго ухода за дѣтьми.

Ты, мой любезный читатель, который съ дѣтьми становишься ребенкомъ и бываешь съ ними дѣятеленъ, почувствуешь одну часть выраженнаго уже здѣсь преимущества. Я радуюсь твоему молчаливому пожатію руки и благородному взгляду,—и то и другое будетъ для тебя залогомъ пользы отъ твоего сегодняшняго сопровожденія меня.

Однако, такъ какъ ты такъ долго слѣдилъ за моимъ

изложеніемъ внутреннихъ свойствъ этой игры, то я уже долженъ просить тебя сопровождать меня подъ руководствомъ того, что, какъ ты видишь, сознательно изображено самими дѣтьми, и что обнаруживаетъ замѣчательную внутреннюю связь, прослѣдить со мною эту внутреннюю связь. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому, открывается для насъ внутренній міръ ребенка, и мы вступаемъ въ самую тайную мастерскую его духовной дѣятельности.

Посмотри, мой привѣтливый спутникъ, что тутъ лежитъ передъ нами:—здѣсь находится вертящійся крестъ, т. - е. палочка, поставленная прямо противъ груди, а другая—подъ прямымъ угломъ къ ней (стр. 394, фиг. 17); сейчасъ же вслѣдъ за нею крестъ, пересекающійся подъ прямымъ угломъ въ наклонномъ положеніи (фиг. 18), рядомъ съ нимъ двѣ палочки, пересекающіяся посрединѣ подъ косымъ угломъ, растянутыя въ продольномъ направленіи въ вышину (фиг. 19), сейчасъ же вслѣдъ за нею та же фигура, растянутая въ поперечномъ направленіи (фиг. 20). — Неужели это случайность?

Взглянемъ мы спокойно,—и сейчасъ
Все отвѣтъ навѣрно дастъ для насъ.

Теперь что же обнаруживаетъ намъ наше спокойно-сравнивающее созерцаніе? Наискось или наклонно лежащія линіи и направленія, которыя намъ показываютъ, такъ сказать, осязательно обѣ наискось лежащія палочки, лежатъ уже какъ бы невидимо намѣченными въ первыхъ палочкахъ, прямо стоящихъ подъ прямымъ угломъ, и наоборотъ: прямыя линіи или направленія, которыя, такъ сказать, осязательно обнаруживаютъ для насъ обѣ прямо стоящія палочки, какъ бы невидимо намѣчены въ обѣихъ наклонно лежащихъ палочкахъ. Итакъ, мы видимъ слѣдующее: то, что одно обнаруживается видимо, въ другомъ заключается какъ бы невидимо, однако осязательно для духовнаго внутренняго глаза, и наоборотъ. Итакъ, мы видимъ здѣсь опять дѣйствіе невидимаго. Однако пойдемъ дальше. Нашъ глазъ соединяетъ въ каждомъ изъ двухъ крестовъ концы четырьмя невиди-

мыми прямыми линиями, и такимъ образомъ получается не только два четырехугольника, но и два квадрата, которые лежатъ однако противоположно другъ другу—первый наискось будетъ противоположнымъ квадратомъ, второй—главнымъ квадратомъ. Также и обѣ палочки, перекрещивающіися подъ косымъ угломъ, обнаруживаютъ нѣчто подобное: конечныя точки ихъ, соединенныя невидимой линіей, образуютъ въ свою очередь два четырехугольника, но не квадрата, а четырехугольника, а именно первый въ своемъ протяженіи въ вышину образуетъ вертикально удлинненный четырехугольникъ, второй въ своемъ поперечномъ протяженіи образуетъ горизонтально удлинненный четырехугольникъ.

Итакъ, ты видишь, внимательно сопровождающій меня читатель, какъ здѣсь соединеніе видимаго и невидимаго, соединеніе противоположностей, въ особенности же невидимое и тѣмъ не менѣе легко воспринимаемое, собственно дѣйствующее бываетъ столь привлекательнымъ въ дѣтскихъ занятіяхъ, и поэтому на это-то особенно и нужно обращать вниманіе. Это наблюденіе и составляетъ сущность дѣтскаго сада.

Дѣтская садовница: „Теперь посмотрите, мои дорогіе гости чтб хорошаго сложили мои прилежныя дѣти за то время, когда Вы такъ горячо разговаривали между собою.—Скажите, дѣти, можете ли вы назвать все это нашимъ дорогимъ гостямъ?“

„О, да! О, да!“

„Ну, такъ что же?“ (указывая).

Одинъ ребенокъ: „В а т е р п а с т ь“ (стр. 394, фиг. 22).

Дѣтская садовница: „В с ь в м ь с т ь!“

Всѣ: „В а т е р п а с т ь“. (Такимъ образомъ каждый предметъ, названный однимъ, для запечатлѣнія наблюденія повторяется сообща хоромъ).

Кузнечные клещи (фиг. 23—палочки перекрещиваются недалеко отъ двухъ ихъ верхнихъ концовъ); длинная хмелевая тычинка (фиг. 24—двѣ палочки плотно прикладываются двумя концами въ одномъ и томъ же направленіи); двѣ тычинки (фиг. 25); карандашъ и грифель (фиг. 26); кнутъ

(фиг. 27); угломѣръ (фиг. 28); песочные часы, или стеклянные часы (фиг. 29); удочка съ лесюю (фиг. 30); шалашъ въ саду (фиг. 31); палатка (фиг. 32).

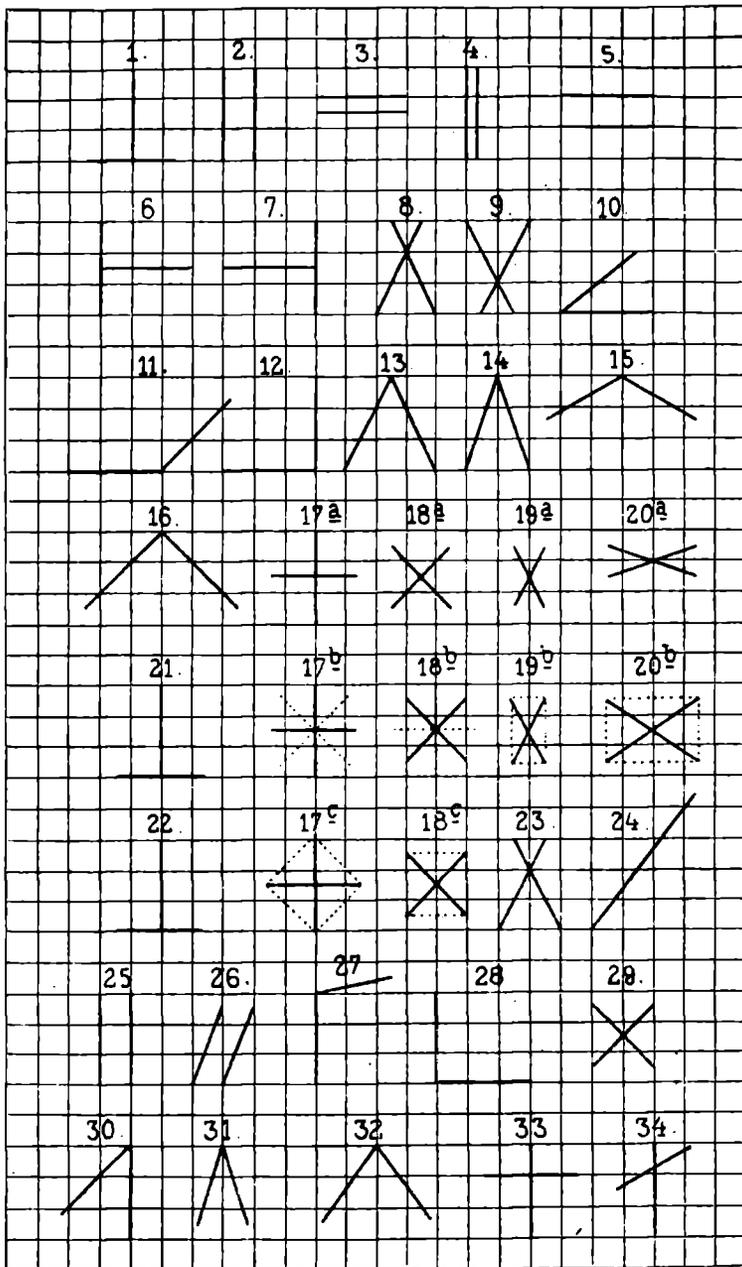
Дѣтская садовница: „Очень полезно бываетъ для дѣтей, если подобныя наблюденія повторяются подъ различными именами; тогда они запечатлѣваются въ памяти прочнѣе, когда, напримѣръ, оба только что названныхъ предмета чередуются съ представленной уже раньше хижинной угольщика. Крестъ на церкви или на кладбищѣ (фиг. 33), придорожный столбъ (фиг. 34)“.

Дѣтская садовница говорить дѣтямъ: „Двумя палочками нельзя изобразить достаточно точно этихъ двухъ вещей. Вы сдѣлаете лучше, если отложите оба эти изображенія до изобразенія съ тремя палочками. То же самое примѣняется и къ ватерпасу. Даже мою колыбель я могла бы и даже должна была бы отложить до складыванья изъ 3 палочекъ, если бы я не хотѣла показать вамъ, почему говорить „горизонтально“, какъ прежде я показала вамъ, почему говорить „вертикально“.

Дѣтская садовница говорить гостямъ: „Я позволяю иногда дѣтямъ и такія менѣе удачныя изображенія, чтобы тѣ же самыя дѣти сами были приведены къ сравнительному разсмотрѣнью, какъ изображеннаго уже ими, такъ и того предмета, который еще предстоитъ изобразить“.

„Позвольте намъ теперь сосчитать, сколько у насъ набралось формъ. Отъ 1-й до 34-й. Слѣдовательно, 34 формы и предмета вы изобразили сообща. Теперь рассмотрите все еще разъ повнимательнѣе. Затѣмъ я соберу палочки, и пусть тогда попытается каждый изъ васъ изобразить изъ того, что вы сейчасъ видѣли, столько, сколько онъ сможетъ вспомнить. Каждому изъ васъ я буду давать по двѣ палочки, какъ только онъ ему понадобятся“.

Дѣтская садовница гостямъ: „Я даю это упражненіе особенно охотно, такъ какъ дѣти такимъ образомъ приводятъ въ сознаніе всю сумму представленій и наблюденій. Это возбуждаетъ силу, мужество, смѣлость и подвижность при изображеніи, какъ вы сейчасъ увидите“.

Дѣти (то одинъ, то другой): „Позвольте мнѣ еще двѣ палочки,—позвольте мнѣ еще двѣ палочки,—и мнѣ позвольте еще двѣ палочки“.

Посмотри, внимательно сопровождающій меня читатель, на дѣйствіе получившейся и повышенной жизненной силы. Уже рано такимъ образомъ жизнь получаетъ для ребенка свое содержаніе; умъ его получаетъ матеріаль для сравнительнаго мышленія; его характеръ и сердце—радостныя чувства удовлетворенія; его тѣло—укрѣпляющее чувство силы. Чувства получаютъ увѣренность толкованія, члены, въ особенностяхи руки и пальцы,—ловкость при изображенія. Посмотри, мой любезный читатель, уже здѣсь, въ этой маленькой невидной игрѣ, на дѣйствіе, которое обусловливаетъ цѣлое дѣтскаго сада, равно какъ и этихъ игръ такъ же, какъ въ цѣломъ и каждой въ отдѣльности: пригодность къ жизни и единеніе съ жизнью.

Дѣтская садовница: „Здѣсь я хотѣла позволить себѣ обратиться ваше вниманіе въ обопхъ этихъ отношеніяхъ еще кое-на что другое.—Эмиль! Сколько у тебя фигуръ?—Отвѣтъ, восемь.—А у тебя Эмми?—10.—А у тебя, моя маленькая Гретхенъ?—6.—А у тебя, мой прилежный Робертъ?—15.—Ну, это все-таки ничего. Это называется: ты былъ достаточно внимателенъ.—А ты, тихая Августа?—13.—Хорошо. Ты, всегда стараешься догнать того, кто впереди тебя.—А я сложилъ 18.—Кто это я?—Карлъ.—Ну, ты самый старшій и самый большой, и это въ порядкѣ вещей, что ты сложилъ больше всѣхъ, и т. д. Вы видите, любезные гости, что дѣти изъ видѣннаго раньше удержали въ памяти по различному количеству и различныхъ притомъ формъ. Это зависитъ вполне естественно отъ различія въ ассоціирующей силѣ ума дѣтей, каковую я и стараюсь довести до ихъ сознанія, отчасти же стараюсь укрѣпить и повысить, и именно тѣмъ, что я связываю различныя формы, вновь изображенныя отдѣльными дѣтьми и нѣсколькими дѣтьми заразъ, въ маленькую обнимающую ихъ исторію. И если предметовъ не слишкомъ много, то я дѣлаю это со всѣми. Вслѣдствіе этого каждый отдѣльный предметъ получаетъ цѣль, а цѣлое—связь и зна-

ченіе, благодаря чему въ ребенкѣ сознательно достигается то, на что Вы только-что указывали, какъ на цѣль всего; цѣлаго: единеніе съ жизнью и пригодность къ жизни. Дѣтамъ этотъ образъ дѣйствія доставляетъ чрезвычайную радость, такъ какъ ихъ маленькія творенія получаютъ теперь жизнь и духовный обликъ. Сильные мальчики пытаются сами изобрѣсти извѣстное сочетаніе ихъ маленькихъ твореній. Но объ этомъ послѣ“.

Что ты думаешь теперь, любезный читатель?—Мнѣ кажется, гдѣ достижимо такое согласіе въ юности, тамъ оно должно отразиться когда-нибудь и въ позднѣйшей жизни.— До свиданья, дѣти! оставайтесь всегда такими милыми и добрыми, какими вы сегодня были.

Дѣтская садовница: „Подарите мнѣ нѣсколько минутъ, и мы споемъ вамъ отвѣтъ.—Марія, Анна, Маргарита, соберите палочки вмѣстѣ.—Я позволяю себѣ въ награду получать помощь на урокахъ отъ дѣтей, которыми я особенно довольна“.—Ко всѣмъ дѣтямъ:

Разъ, два, три!
Въ кругъ вхоли!

Дорогіе гости сказали: „Желаемъ вамъ оставаться милыми и добрыми“. — „Какую такую заключительную пѣсенку вы хотѣли спѣть въ отвѣтъ на это пожеланіе?“

Всѣ: „Окончена игра“. Ну, хорошо. Мы пойдемъ съ пѣніемъ направо кругомъ.

Окончена игра,—
Довой итти вора!

Дѣтская садовница громкимъ голосомъ: „До свиданья! До свиданья! Желаю вамъ оставаться милыми и хорошими!“— Дѣти тихо отвѣчаютъ: „До свиданья! До свиданья! мы остаемся милыми и хорошими“.

Къ дѣтской садовницѣ: „До свиданья!“

(Этотъ отдѣлъ за смертью Фрѣбеля остался неоконченнымъ. Издатель.

Страсть ребенка рисовать.

Если мы познаём чело́вѣка, въ особенности съ раннихъ лѣтъ, уже съ дѣтскаго возраста въ цѣляхъ болѣе увѣреннаго и яснаго воспитанія и, слѣдовательно, для его собственнаго блага, въ единой внутренней связи съ природой и ея ясными и закономѣрнымъ ходомъ развитія, то оказывается, по крайней мѣрѣ, не менѣе важнымъ разсматривать чело́вѣка и уже въ самой внутренней и полной жизни связи его существа и его дѣятельности съ первопричиной, Творцомъ всѣхъ вещей и его единосозидающей сущностью.

Если это разсмотрѣнiе воспитанія чело́вѣка и ребенка даетъ прочность, закономѣрность, познание и проникновенiе, постоянство, удобопримѣнимость, бѣглость и объемистость, то это пониманiе ихъ сообщаетъ имъ цѣнность, истинность, ясность, свѣтъ, безконечность и единство, водухевленiе, освѣщенiе, благословенiе и блаженство.

А въ чемъ проявилась и всегда проявляется намъ вѣчная первопричина, Творецъ всѣхъ вещей?—Въ чемъ онъ проявляетъ и дѣлаетъ очевиднымъ свое существо?—А вотъ въ чемъ: въ его вѣчномъ дѣйствiи, въ вѣчномъ непрерывномъ творенiи, въ его, такъ сказать, переливанiи изъ вѣчнаго источника и кладезя своего бытiя въ дѣйствительное существованiе, въ обнаруживанiи и проявленiи вевидимаго единаго существа въ видимомъ явленiи отдѣльныхъ предметовъ, въ присносущiи его во временныхъ явленiяхъ, въ безконечномъ явленiи своей единой въ себѣ

сущности въ безконечномъ разнообразіи отдѣльныхъ существъ.

А чѣмъ обнаруживаетъ человѣкъ и притомъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ свое существованіе въ явленіи, свою сущность въ бытіи, свою жизнь—къ нашей искренней радости, а въ теченіе его развитія—и къ нашему собственному отдохновенію и даже къ удивленію?—Развѣ не въ своихъ дѣяніяхъ, не въ своей дѣятельности?—Да, послѣ того, какъ его чувства нѣсколько разовьются, мы должны признать дѣятельность ребенка сравнительно-наблюдательной, хотя возбуждаемой обыкновенно снаружи, но, собственно, и въ концѣ концовъ, опредѣляемой однако внутренними душевными побужденіями и, слѣдовательно, какъ бы почерпнутой изъ того же невидимаго кладезя и источника души, творчествомъ—а потому и занятіемъ, чѣмъ-то вызваннымъ изъ скрытаго состоянія къ бытію, къ явленію.

Если мы посмотримъ съ этимъ убѣжденіемъ, съ этимъ образомъ мыслей, съ этимъ взглядомъ на жизнь на самостоятельныя и самодѣятельныя проявленія жизни ребенка, едва достигшаго нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ отношеніи къ ихъ послѣдней, самой внутренней и скрытой, обыкновенно даже невидимой первоприницѣ; если мы посмотримъ, какъ ребенокъ стремится соединенными силами души и духа вызвать къ существованію для себя, какъ бы изъ себя то, что еще для него какъ бы не существуетъ, еще не вступило въ область его наблюденія и познанія, какъ онъ обнаруживаетъ себя, такъ сказать, творцомъ въ своемъ маленькомъ мірѣ; то мы должны съ полнымъ правомъ, опираясь на наблюденія, опытъ и дѣйствительность, признать то, что обнаруживается уже само по себѣ, какъ результатъ чистаго мышленія. Человѣкъ и уже въ дѣтскомъ возрастѣ, благодаря своей творческой дѣятельности, вслѣдствіе глубочайшихъ основъ своего существа, опираясь на неизслѣдимую вѣчность, на первоприницу и Творца всѣхъ вещей, соотвѣтственно со своей

первопричиной, показываетъ себя творящею, творческой сущностью и такимъ образомъ уже въ раннемъ дѣтствѣ въ этой творческой дѣятельности (у ребенка проявляющейся еще только въ самозанятія) и черезъ посредство этой дѣятельности обнаруживаетъ себя по своему существу родственнымъ своему Творцу.

Но въ какихъ отдѣльныхъ явленіяхъ, какъ и какимъ образомъ проявляется это укрѣпляющее и возвышающее, поддѣрживающее и ободряющее, очищающее и осчастливливающее, даже освящающее родство человека и ребенка съ Богомъ, какъ его Творцомъ и Отцомъ?

Вполнѣ здоровый ребенокъ всегда чувствуетъ побужденіе быть дѣятельнымъ, заниматься. Что же это значить?—Онъ хочетъ сдѣлать, чтобы то, что онъ носитъ въ себѣ, чего онъ хочетъ самъ, проявлялось, становилось также видимымъ, извнѣ; чтобы то, что, такъ сказать, находится и живетъ въ немъ, было также и внѣ его; поэтому, какъ чередуются въ душѣ ребенка его внутреннія представленія, его духовныя наблюденія и воспріятія, душевныя картины, такъ же быстро чередуются постоянно измѣняющіяся проявленія его жизненной дѣятельности.

Далѣе, что же составляетъ основу всякой дѣятельности въ ребенкѣ?—Это и есть жизнь, равно какъ жизнь составляетъ первооснову всякаго бытія въ Богѣ. Поэтому ребенокъ одухотворяетъ все, что только онъ видитъ, т.-е. что онъ чувствуетъ, ощущаетъ, воспринимаетъ; онъ предполагаетъ не только во всемъ жизнь, но онъ вкладываетъ также во все сознательную жизнь, волю, сознательную, самоопредѣляющую волю, подобно тому, какъ всѣ вещи произошли изъ самоопредѣляющей воли Бога, первопричины всѣхъ вещей. Подобно тому, какъ отъ Бога только происходитъ жизнь и носящее жизнь, таящее жизнь начало, такъ же точно и ребенокъ видитъ и предполагаетъ во всемъ его окружающемъ носителя жизни скрытую жизнь: въ этомъ дальнѣйшее проявленіе родства ребенка въ его дѣятельности съ его первопричиной и Отцомъ, какъ творцомъ всѣхъ вещей.

Однако все выше и выше поднимаются дѣйствительныя доказательства дѣйствительнаго существующаго родства между ними: не только ребенокъ предполагаетъ и подразумѣваетъ жизнь въ предметахъ, его окружающихъ, какъ только онъ ставитъ ихъ въ отношенія къ себѣ и себя въ отношенія къ нимъ, но и все то, что получается изъ жизни и изъ внутренняго состоянія ребенка, тотчасъ является во вполнѣ законченномъ, полномъ жизни видѣ.—Вотъ является кошечка, мышка, птичка, рыбка и т. д. То являются овечки въ видѣ бѣлыхъ камешковъ, то въ видѣ бѣлыхъ бобовъ, то въ видѣ почекъ цвѣтка на лугахъ или на тополяхъ. Палочки должны осуществить представленіе деревьевъ, брусочки и т. д., должны стать лицами; даже собственные пальцы должны растопыриться и стать то различными дѣтьми и мальчиками, то птичками, то рыбками и т. д.—Такъ носить въ себѣ обыкновенно ребенокъ цѣлую жизнь и сначала обыкновенно изображаетъ только цѣлую жизнь во внѣшнихъ предметахъ, равно какъ все вмѣстѣ и каждое поодиночкѣ, что перепло изъ существованія Бога, Творца жизни и дѣйствія, въ дѣйствительное существованіе, есть цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ часть великой всеобщей жизни.

Только впоследствии ребенокъ расчленяетъ, сравниваетъ и раздѣляетъ по мѣрѣ того, какъ испытующій разумъ въ немъ все болѣе и болѣе развивается, а между тѣмъ въ человѣкѣ и въ ребенкѣ развивается творческая, творящая сила все болѣе, все самостоятельнѣе, все самодѣятельнѣе.

Въ какой послѣдовательности, какимъ образомъ обнаруживаетъ и проявляетъ ребенокъ свое стремленіе къ дѣятельности, къ занятіямъ и къ образамъ, свою силу творчества, свою творческую силу?

Первымъ предметомъ, обнаруживающимъ стремленіе ребенка къ дѣятельности, къ занятіямъ и даже уже къ дѣйствительнымъ картиннымъ изображеніямъ, являются его собственные члены, часто даже все его тѣло: онъ складываетъ свои маленькіе пальчики и ручки въ различныя положенія и старается съ помощью ихъ, равно какъ и съ помощью всего своего тѣла, изобразить различные предметы. Это и

есть, такъ сказать, первоначальное развитіе и снабженіе членовъ и тѣла способностью въ творческииъ изображеніямъ посредствомъ другихъ предметовъ и на другихъ предметахъ.

Другіе предметы опять-таки бывають прежде всего тѣлесными, массивными, такими, которые можно схватить рукою, прочными. Первоначально они подвергаются со стороны ребенка испытанію относительно своей самостоятельности, подвижности, податливости, соединимости, возможности легко сложить ихъ и снова раздѣлить на части. Поэтому шары, брусочки изъ дерева, камни, мячъ бывають первыми игрунками и дѣтей, на которыхъ ребенокъ какъ бы выдѣляетъ то, что живетъ въ немъ, на которыхъ онъ производитъ внѣ себя то, что онъ представляетъ, и къ чему обнаруживаетъ стремленіе внутри себя, что и служить какъ бы свидѣтелемъ его творческаго стремленія къ занятіямъ, къ созиданію, что вмѣстѣ съ тѣмъ есть знакъ этого стремленія, которымъ онъ и обозначаетъ его или, короче, показываетъ его. Поэтому это „показываніе“ дѣятельности ребенка является столь важнымъ, а еще важнѣе его позднѣйшее рисованіе, его стремленіе къ рисованію.

Каковъ малютка мой!—
Художникъ онъ прямой!

Однако уже со второго или опредѣленнѣе съ третьяго года на мѣсто этихъ массивныхъ и тѣлесныхъ, прочныхъ предметовъ для игръ въ двухъ различныхъ направленіяхъ становятся другіе: во-первыхъ, это будетъ хотя еще болѣе массивный, но тѣмъ не менѣе легче поддающійся давленію матеріалъ—мягкая глина и сырой песокъ, даже вода со своею подвижностью, со своею текучестью, при которой ея легко управлять, и воздухъ со своею двигательною и вертящею силою; затѣмъ слѣдуютъ менѣе массивные, тѣлесные предметы: плитки, дощечки, гладкая бумага или палочки и нитки. Наконецъ, такими предметами будутъ: сухой песокъ, опилки, пыль, такъ называемое тусклое или матовое стекло; предметы, которые, стираясь, оставляють слѣдъ—грифельная

доска и грифель, бумага, карандашъ и красный или цвѣтной каравдашъ, наконецъ цвѣтныя жидкости, т.-е. самыя краски. Поэтому охота ребенка къ рисованію вообще и къ рисованію красками, и то, и другое составляетъ существенно развивающее средство при воспитаніи и образованіи человѣка и ребенка. Но не менѣе важно также пѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, тонъ, легко воспроизводимый и легко исчезающій, раздающійся тонъ, воспроизводимый собственной гортанью и своими органами, или производимый звучащими и звенящими предметами — стекломъ, колоколомъ, металломъ, долженъ служить для творческихъ изображеній внутреннихъ представлений, ощущеній, чувствъ и даже мыслей.

И такимъ образомъ мы видимъ, какъ съ подъемомъ, какъ бы съ воодушевленіемъ матеріала для игры, предметовъ для игры, игрушекъ, обнаруживается и прогрессъ въ творческихъ изображеніяхъ ребенка.

Если изображенія съ помощью постоянного, прочнаго матеріала часто врядъ ли изображали предметъ съ внѣшней стороны, а скорѣе вызывали его въ воображеніи съ помощью фантазіи; если произведенія изъ мягкаго матеріала показывали скорѣе во внѣшнемъ видѣ представляемое въ душѣ ребенка, то палочки больше представляли его очертанія въ грубомъ видѣ; болѣе законченно изображался предметъ изъ песка, изъ лучинокъ и пыли, равно какъ и на матовомъ стеклѣ съ помощью легко подвижныхъ пальцевъ. Прочнѣе, опредѣленнѣе и законченнѣе, наиболѣе духовно предметъ изображается посредствомъ грифеля и карандаша и т. д. на грифельной доскѣ или бумагѣ. Но затихающій звукъ со своей гармонической, ритмической и мелодической связью тоновъ непосредственно выражаетъ болѣе высокое чувство жизни въ его неретекающемъ, переливающимся другъ въ друга жизненномъ единствѣ. Душа, а черезъ посредство ея и жизнь, есть то, что непосредственно съ помощью жизни особенно связано съ членораздѣльнымъ, духовнымъ словомъ для жизни, благодаря чему духъ получаетъ возможность разговаривать съ духомъ. Но въ духѣ и

благодаря духу человекъ познаетъ себя, какъ твореніе Бога, какъ Творца, и природу, какъ результатъ творчества Божьяго. И такимъ образомъ мы видимъ и познаемъ, что и мы, благодаря тому, что мы уже рано начинаемъ ухаживать, опираясь на тѣ ступени развитія, которыя ребенокъ самъ проявляетъ, за творческою силою въ немъ, поднимаемся до познанія самихъ себя, природы и Бога, до познанія себя, какъ сына Бога.—Но—по ихъ плодамъ вы должны ихъ узнать,—говоритъ величайшій Воспитатель человечества; и такимъ образомъ и мы должны узнать здѣсь, что благодаря тому, что мы съ раннихъ лѣтъ развиваемъ въ человекѣ непрестанно и закономерно его творческую силу, мы возвышаемъ человека до истиннаго человеческого достоинства, до пригодности къ жизни, до соответствія съ природой, до настоящаго всесторонняго единенія съ жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Богомъ, слѣдовательно, до истиннаго міра чистой радости и непрерывной свободы.

Если мы бросимъ охватывающій взглядъ на ребенка и дѣтскій міръ и посмотримъ, какъ въ настоящей главѣ на предыдущихъ страницахъ мы старались представить для наблюденія истину: „человекъ, творящее существо“, то мы увидимъ, что вся дѣятельность ребенка сейчасъ же вслѣдъ за его первымъ свободнымъ движеніемъ и до пріобрѣтенія полной силы—сдѣлать чувствуемую и ощущаемую жизнь и зображенной, до окончанія его дѣтскаго возраста, т.-е. приблизительно до 6-ти, 7-ми лѣтъ, имѣетъ свое основаніе въ стремленіи проявить при этомъ свою внутреннюю жизнь, какъ только она начинаетъ становиться его воспріятіемъ, и сейчасъ же и на внѣшнихъ явленіяхъ и посредствомъ ихъ какъ бы изобразить ее на предметахъ внѣ себя и передъ собой ¹⁾, т.-е. усвоить внутреннюю жизнь, жизнь вещей окружающихъ, сдѣлать ее доступной

1) Поэтому сюда же относится громкій разговоръ дѣтей съ самими собою, когда они совершенно одни, и даже то явленіе, нерѣдко наблюдаемое въ дѣтскомъ мірѣ, когда дѣти стараются придать языкъ своимъ

для познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ для наблюденія, чтобы снова воспроизводить ее изъ себя самостоятельно и чтобы съ помощью этого воспроизведенія узнать ее, какъ слѣдуетъ.

Въ двоякомъ направленія, но самоопредѣляющимъ, единымъ въ себѣ образомъ здѣсь трактуется только именно о пониманіи внутренняго міра и о проявленіи его во внѣшнемъ мірѣ и посредствомъ этого внѣшняго міра, какъ бы о почерпаніи изъ внутренняго міра, такъ сказать, о переходѣ существованія въ бытіе, въ явленіе, слѣдовательно, о дѣйствительномъ твореніи; ибо духъ, жизнь при этомъ является опредѣляющимъ, обуславливающимъ матерію элементомъ.

Однако, насколько вѣрно, что эта творческая, связанная съ непрерывнымъ занятіемъ дѣятельность ребенка въ его естественномъ, здоровомъ состояніи проявляется только въ общемъ видѣ, настолько же вѣрно и то, что сила ребенка еще слишкомъ слаба и незначительна для того, чтобы упражняться въ этой дѣятельности. Но для того, чтобы ребенокъ, воспринимая незначительность своей силы, не отклонялся отъ ея примѣненія, онъ, развиваясь безъ препятствій, долженъ чувствовать свою силу постоянно достаточно большой, по крайней мѣрѣ, для затѣваемаго имъ предпріятія. Поэтому, какъ убѣдится всякій, кто наблюдалъ здоровыхъ дѣтей въ ихъ развитіи, сила ребенка, сама по себѣ еще незначительная, не въ состояніи подавить въ немъ стремленія къ творческой дѣятельности; напротивъ, онъ старается укрѣпить въ себѣ, повисить это стремленіе возрастающими претензіями на дѣйствительность своей силы; и особенно, если ребенку въ этомъ не мѣшаютъ часто только кажущіяся, напрасныя хлопоты. Если дѣйствительно ничто не приводитъ его въ это состояніе, то его внутренняя сила творчества растетъ вслѣдствіе этого. Обыкновенно ребенокъ будетъ выискивать матеріалъ для упражненія своего стремленія къ творческому изображенію, къ творческому преобразованію вещей, кото-

пгрушкамъ и какъ бы заставляютъ говорить ихъ самихъ. Это примѣчаніе завело бы, собственно, по отношенію къ развитію человѣка гораздо дальше, чѣмъ это здѣсь было бы возможно.

рый при продолжающемся напряженіи воли дѣлаетъ дѣйствіе его еще недостаточно ловкой руки и его еще маленькой кисти вполне дѣйствительнымъ.

Чтобы этому стремленію и побужденію ребенка, этой дѣятельности его шли навстрѣчу окружающіе его предметы, это такъ же необходимо, какъ существенно важно, чтобы у сѣмени, дающаго ростокъ, была влажная теплота земли равно какъ, чтобы почкѣ, стремящейся развернуться, ярко свѣтящіе солнечные лучи сообщали свои силы для полного развитія и преобразованія ея.

Что даетъ общая мать-природа своимъ дѣтямъ для проявленія ихъ внутренняго міра, то же самое должна доставлять дѣтямъ и сознательная любовь родителей, любовь и благоразуміе взрослыхъ—дѣтямъ живущаго на землѣ человѣческаго рода для свободнаго воспроизведенія ихъ существа. „Нарисуй мнѣ мышку, домикъ, парисуй мнѣ красками птичку, цвѣтокъ“.—Эти выраженія бываютъ первыми просьбами ребенка, какъ только онъ можетъ выразить словами свое желаніе, свое внутреннее стремленіе. А также и слѣдующая просьба: „Разскажи мнѣ исторію“, или опредѣленнѣе: „Разскажи мнѣ исторію о птичкахъ, которыя любятъ свою мать“. Въ самомъ дѣлѣ, съ помощью того и другого возрастаетъ стремленіе къ картинности, сила творчества въ ребенкѣ, и такимъ образомъ, какъ только онъ въ состояніи овладѣть пригоднымъ, способнымъ къ представленію предметовъ, послушнымъ матеріаломъ, онъ старается проявить свое стремленіе и силу въ картинахъ, образахъ и творчествѣ, въ занятіяхъ самаго разнообразнаго рода.

Хотя все то, что дѣлаетъ ребенокъ, даже его игра съ предметами, которые легко схватить рукой, съ предметами матеріальными: съ кубиками, брусочками, камешками и т. д., есть, такъ сказать, раскрашиваніе, рисованіе своего внутренняго міра, т.-е. того, что живетъ въ немъ, и есть творчество изъ себя, однако раскрашиваніе и рисованіе и въ болѣе узкомъ смыслѣ, хотя бы это было, какъ раньше уже упомянуто, только рисованіемъ на землѣ или на стеклѣ, на которое надышали, привлекаетъ прежде

всего и постоянно все больше и больше ребенка, какъ средство изображенія его внутренняго міра. А почему? — Потому что оно даетъ дѣйствующему въ ребенкѣ стремленію и побужденію къ видоизмѣненію формъ всестороннее удовлетвореніе, такъ какъ онъ можетъ изобразить съ помощью его съ такимъ же успѣхомъ звѣзду, которая свѣтится тамъ на небѣ, какъ и цвѣтокъ, который цвѣтетъ на его грядкѣ, дерево, которое величественно растетъ въ его лѣсу, и пѣвчую птичку, которая на немъ сидитъ или распростерши крылья, поднимается въ воздухъ.

Но это желаніе ребенка воспользоваться для воспроизведенія и рисованія, для проявленія своихъ маленькихъ твореній, для обнаруживанія своей силы творчества, легко подвижнымъ, наиболѣе, такъ сказать, нѣжнымъ и самымъ мелкимъ матеріаломъ, находится въ полномъ согласіи съ дѣятельностью природы, съ явленіями въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, и она также созидаетъ и творитъ свои стихіи изъ легкоподвижныхъ матеріаловъ: свѣтъ, воздухъ, вода, земля, пыль. Такимъ образомъ желаніе и стремленіе ребенка проявляется ни въ коемъ случаѣ не какъ отдѣльное твореніе и еще меньше, какъ твореніе изолированное, но какъ твореніе, съ необходимостью обусловленное въ великомъ творческомъ и сотворенномъ, единомъ въ себѣ, жизненномъ цѣломъ, благодаря чему ребенокъ проявляетъ себя членомъ этого цѣлага.

Поэтому мы видимъ, что и съ этой стороны стремленіе, какъ и охота ребенка показать себя существомъ изображающимъ, представляющимъ съ помощью упомянутыхъ предметовъ и посредствомъ ихъ, должно быть для насъ священно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, съ одной стороны, ребенокъ проявляетъ себя такимъ образомъ творящимъ существомъ, такъ, съ другой,—онъ показываетъ себя также членомъ большого цѣлага жизни и всего міра. Поэтому онъ предназначенъ для того, чтобы развиваться то какъ творящее, то какъ сотворенное существо въ великомъ жизненномъ цѣломъ и посредствомъ него, чтобы, съ одной стороны, познавать Творца и творенія, чувствуя все время Творца и понимая природу,

а съ другой,—чтобы понять себя въ своей сущности болѣею частью черезъ свое дѣйствіе, какъ посредника между тѣмъ и другимъ, и доводить это пониманіе до сознанія,—чтобы одновременно съ природой и своимъ и ея Творцомъ изъ малаго и съ помощью малаго, не нарушая непрерывной связи всей жизни, творить великое, дѣлать добро, изобрѣтать прекрасное, показывать истину, поступать справедливо.

Если всѣ только-что упомянутые виды дѣятельности ребенка и различный матеріалъ для нихъ допускаютъ этотъ способъ разсмотрѣнія и показываютъ, что ребенокъ творить (къ этому, конечно, присоединится впоследствии и дальнѣйшее изложеніе сущности ребенка и человѣка, какъ творящаго существа),—то прежде всего допускаетъ и обнаруживаетъ это рисованіе, благодаря которому ребенокъ обнаруживаетъ себя въ своемъ кругу творящимъ существомъ, такъ какъ при этомъ при малѣйшемъ преобладаніи матерія и при малѣйшемъ проявленіи психической силы очень легко и быстро можно показать, что ребенокъ могъ бы представить и сотворить изъ себя. Поэтому развитіе способности къ рисованію въ ребенкѣ составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ развивающе-воспитывающаго обученія человѣка, составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ основаній давно предполагаемаго человѣчествомъ и теперь съ вождѣльніемъ ожидаемаго общаго воспитанія человѣчества, воспитанія человѣческаго рода для всеобщаго единенія жизни.

Благодаря тому, что сила рисованія была познана не вполне и на ея укрѣпленіе и дальнѣйшее упражненіе не обращалось общаго вниманія, какъ на неразрывное звено истинно человѣческаго образованія, и оно не расшатывалось, какъ существенное воспитательное средство образованія человѣчества,—человѣчество и прежде всего дѣти и юношество, были до сихъ поръ лишены одного изъ самыхъ сильныхъ средствъ обученія.

Именно, рисованіе, какъ бы ни была мала при этомъ необходимая затрата силъ, все-таки при своемъ примѣненіи

и выполненія принимаетъ во вниманіе всего человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ребенка, во всѣхъ отношеніяхъ его развитія и образованія.— Уже правильное держаніе рисовальнаго карандаша и руки для того, чтобы ими пользоваться свободно, требуетъ правильнаго, соразмѣрнаго и свободнаго держанія всей правой руки; а это необходимо, въ свою очередь, требуетъ соответствующаго положенія остальныхъ членовъ и всего корпуса рисующаго ребенка, если онъ желаетъ изобразить то, что онъ въ данную минуту творить при свободной дѣятельности тѣла и со свободнымъ духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, свободное и ловкое держаніе корпуса необходимо предполагаетъ, въ кругу этой дѣятельности, свободный и ловкій умъ, такъ какъ они оба взаимно обуславливаютъ другъ друга.

Итакъ, подобно тому, какъ истинное, свободное и красивое рисованіе требуетъ всесторонняго развитія членовъ, а также и корпуса, такъ же точно требуетъ оно и свободнаго, ловкаго примѣненія чувствъ и притомъ также и чувства слуха и чувства осязанія не менѣе, чѣмъ чувства зрѣнія. Но также эта всесторонне удовлетворительная предварительная подготовка корпуса, отдѣльныхъ членовъ и чувствъ, а слѣдовательно и развитіе ихъ въ цѣляхъ рисованія, требуетъ гармонически развитой души, чувствующаго и ощущающаго сердца, равно какъ и мысленно-сравнивающаго, рассуждающаго и познающаго ума, сформированнаго сужденія, правильнаго заключенія и, наконецъ, болѣе или менѣе яснаго, постепенно образующагося, по крайней мѣрѣ, во время изображающей дѣятельности понятія о томъ предметѣ, которому нужно придать ту или другую форму.

Но это все опять-таки дѣлаетъ необходимымъ и образуетъ въ рисующемъ субъектѣ, въ ребенкѣ наблюденіе и вниманіе, пониманіе цѣлаго, способность памяти и воспоминанія, даръ соединенія и изобрѣтенія, фантазію и вообще прокладываетъ дорогу къ соответствующему примѣненію всѣхъ силъ человѣка въ образованія формъ, обогащаетъ умъ и сердце, душу ясными понятіями, истинными мыслями пре-

красными идеями, которыя составляют основное условіе творчества тѣхъ живыхъ и полныхъ жизни образовъ, воспроизвести которые ребенокъ давно домогается и желаетъ.

Такою общою, всестороннею и рѣшительною важною въ образованіи человѣка обладаетъ пренебрегавшееся до сихъ поръ къ его ущербу въ раннемъ дѣтскомъ воспитаніи рисованіе. Оно, какъ законченное приобщеніе къ жизни творческой силы человѣка, пролагаетъ путь для возможности сдѣлаться, изображая чистыя свойства человѣка сами по себѣ, вторымъ творцомъ самого себя, равно какъ творцомъ, представителемъ чистыхъ свойствъ человѣка и чело-вѣчности внѣ себя, возвыситься отъ правильнаго пониманія и выработки тѣлесныхъ и физическихъ свойствъ чувственности черезъ посредство разсудочности, благо нравія и нравственнаго чувства до истиннаго единенія съ самимъ собою равно какъ и съ природою, съ чело-вѣчествомъ и съ Богомъ въ чувствахъ, мысляхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ.

Этого здѣсь будетъ достаточно для того, чтобы показать, что рисованіе есть существенное средство для того, чтобы воспитать человѣка сообразно съ единствомъ и всесторонностью его существа и согласно съ примѣненіемъ его творческой силы, какъ отдѣльное существо и какъ члена чело-вѣчества, чтобы дать ему то совершенство, котораго онъ призванъ достигнуть на этой землѣ.

Мы только что подчеркнули, что намѣченная цѣль можетъ быть достигнута не одностороннимъ, а всестороннимъ и одновременнымъ развитіемъ духа и тѣла.

Прежде всего нужно дать почувствовать постепенно уже съ раннихъ лѣтъ ребенку, что свободное, увѣренное и прочное положеніе корпуса обуславливаетъ не только свободное и легкое, но къ тому же и связанное съ пріятнымъ, усповаивающимъ чувствомъ пользованіе всеми членами и чувствами. Ребенокъ долженъ сидѣть или стоять.

Вообще прежде всего все, для чего потребна и необходима дѣятельная воля ребенка, должно проходить черезъ чистое чувство пріятнаго,—черезъ

столь же чистое чувство здоровья, какъ и то чувство, съ которынъ ребенокъ нагибается къ материнской груди и съ которымъ мать прижимаетъ его къ сердцу,—и къ тому же соединить съ этимъ привычку къ истинѣ, какъ впоследствии къ чувству правды и справедливости, уже рано пробуждающемуся въ ребенкѣ то слабо, то сильно, но всегда легко возбудимому; оно, какъ и чувство пріятнаго, дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на поступки и привычки ребенка. Отъ заботливаго ухода за обоими этими чувствами, рано пробуждающимися въ ребенкѣ, по крайней мѣрѣ, скоро возбудимыми въ немъ, при чемъ одинъ ребенокъ относится къ этому болѣе физически и чувственно, другой болѣе духовно и умственно, должно исходить развитіе и образованіе изъ ребенка творщаго существа, даже въ специальномъ образованіи творческой силы, въ рисованіи и посредствомъ его.

Теперь здѣсь, начиная съ развитія кистей рукъ, всей руки и пальцевъ при твердой осанкѣ и свободномъ положеніи корпуса, какъ раньше подъ руководствомъ материнскихъ ласкательныхъ и игральныхъ пѣсенъ вообще, такъ теперь мы имѣемъ въ виду совершенно специальную цѣль выработки для рисованія творческой силы и дѣятельности, и именно, въ повоѣ, какъ и посредствомъ движенія, посредствомъ движенія въ протянутомъ, прямомъ направленіи, а также въ согнутомъ, круговомъ и вообще во всѣхъ направленіяхъ. Прежде всего это должно происходить въ совершенно свободномъ пространствѣ, а послѣ затѣмъ дѣлаются замѣтными слѣды постоянно прогрессирующаго движенія на какой-либо поверхности, напимѣръ, на землѣ, на пескѣ, на пыли или на мелкихъ опилкахъ, которыя бывають насыпаны для этой цѣли на соотвѣтствующую плоскость; и впоследствии, посредствомъ пишущихъ предметовъ: мѣла, грифеля, карандаша и т. д. видятъ слѣды движенія ужъ въ качествѣ линій, проведенныхъ на аспидной доскѣ или на бумагѣ.

Это послѣднее явленіе, если къ этому присоединяется сознаніе опредѣленной цѣли, даетъ и представляетъ изъ

себя: черченіе линій, и именно, сначала кривыхъ, а потомъ прямыхъ; съ упражненіемъ въ рисованіи ихъ должно начаться въ ребенкѣ зарожденіе и образованіе стремленія, способности и склонности къ творческому рисованію.

Такимъ образомъ пониманіе, и именно, изображеніе, рисованіе кривыхъ и прямыхъ линій не только присоединяется къ простымъ движеніямъ тѣла, но и вытекаетъ изъ нихъ непосредственно, будучи связано съ все большей сознательностью и цѣлью. Но оба рода линій—кривыя и прямыя—въ свою очередь выходятъ въ различныхъ положеніяхъ, и въ особенности послѣднія выходятъ вертикальными и горизонтальными, наклонными или косыми.

Однако мы узнали слѣдующее: рисованіе, какъ вполнѣ творческая дѣятельность человѣка, должно проходить черезъ сознаніе, должно сопровождаться сознаніемъ. Но то и другое, въ свою очередь, имѣетъ начало въ языкѣ и исходитъ отъ слова; поэтому и рисованіе должно связываться съ указывающимъ (объясняющимъ) и доказывающимъ (пробуждающимъ сознаніе) словомъ. Но такъ какъ и здѣсь, какъ и всегда, дѣятельность ребенка проходитъ опять-таки черезъ чувство или, если угодно, черезъ чувства пріятнаго, прекраснаго и справедливаго и т. д., то дѣятельность ребенка, состоящая въ рисованіи, должна сопровождаться не только произносимымъ словомъ, но также и словомъ пѣсни, т.-е. должна приводить къ истинному и прекрасному.

Поэтому черченіе и рисованіе линій, какъ круглыхъ, кривыхъ, такъ и прямыхъ должно связываться, какъ только что было указано, съ объясняющимъ словомъ или съ оживляющей его пѣсенкой, чтобы не только пробуждать, но и развивать, усиливать при этомъ всю объединенную дѣятельность ребенка, какъ, напр., предыдущія игры въ мячъ или шаръ были связаны съ пѣснями. Въ то время какъ грифель при дѣйствіи пальцевъ, рисуя по доскѣ, двигается кругомъ, дѣти поютъ.

Кругомъ, кругомъ! Эта ль не забава?
Кругомъ, кругомъ! И влѣво и направо...
Мнѣ весело, мнѣ весело,—будь весель, какъ и я!.

Или:

Вота—дорожка, грифель мой
Чертить самъ ее собой.

Какъ при прямыхъ линияхъ, такъ и при круглыхъ, нужно обращать вниманіе, кромѣ положенія и направленія, еще особенно на способъ возникновенія или образованія ихъ по отношенію къ рисуемому:—отъ руки къ рукѣ; или наружу, внутрь; вверхъ, внизъ; внизъ, вверхъ; или можетъ быть противоположное возникновеніе линій, соединяемыхъ другъ съ другомъ посредствомъ спирали. Какъ показываетъ опытъ, это доставляетъ дѣтямъ большую радость, въ особенности, если, какъ уже упомянуто, къ слову, объясняющему и говорящему уму присоединяется еще живой звукъ, говорящій сердцу, и такимъ образомъ подобно тому, какъ расцвѣтаютъ цвѣты при освѣщающихъ и согревающихъ лучахъ солнца утромъ, такъ и здѣсь возникаютъ различныя соединенія линій при объясняющихъ и радующихъ словахъ пѣсни:

Зигъ-загъ, зигъ-загъ—
Грифеля слѣды,
Тикъ-такъ, тикъ-такъ,—
Ходятъ такъ часы.

Или при спиральныхъ, кривыхъ линияхъ:

Мы поемъ, всѣ поемъ,
Всѣ за грифелемъ идемъ,
Время славно проведемъ.

Однако эти линіи при черченіи и рисованіи ихъ составляютъ, какъ цѣль для себя самихъ, такъ и для разумнаго наблюденія окружающаго міра, въ особенности же для сопровождающей ребенка природы, и сами, въ свою очередь, становятся средствомъ для дальнѣйшихъ изображеній, матеріаломъ для изображеній. Такъ, напр., круговая линія, которую ребенокъ можетъ начертить при-

близительно вѣрно, становится для него образомъ луны, солнца, круглаго окна, яблока, мяча, шара, обруча, кольца и т. д. Онъ видѣлъ трехлиственный клеверъ съ его овальными листьями и пятилистные цвѣты всякаго рода съ ихъ круглыми лепестками на дугу, въ саду и въ полѣ, и поэтому легко изображаетъ и то и другое посредствомъ переплетенныхъ круглыхъ линий, какъ дальше лучистые цвѣты и перистые листья съ ихъ часто совсѣмъ овальными зубцами, какъ, напр., перистые листья шиповника (родъ дикой розы), акаціи и т. д., или, далѣе, прекрасно соединенные въ пару стеблевые листья, какъ, напр., при красномъ, расцвѣтающемъ на солнцѣ луговомъ чаѣ. Но, стремясь къ изображенію посредствомъ рисованія, ребенокъ рѣшается братья даже за живые предметы: онъ старается изобразить кролика съ его овальными формами, мышку, овечку, голубка и т. д. Ясное и прочное пониманіе и изображеніе круглаго въ разныхъ видахъ ребенокъ существенно усвоилъ на его круглой игрушкѣ.

Однако ребенокъ живо увлекается, какъ природой, такъ и людьми, равно какъ и человѣческой жизнью и мѣстомъ ухода за нимъ, домомъ. „Нарисуй мнѣ домикъ“. Эту просьбу ребенка мы уже раньше подчеркивали, и онъ старается самъ исполнить это желаніе. При этомъ предъявляются, однако, совершенно новыя и существенно различныя требованія къ ребенку: болѣе тонкое пониманіе различныхъ положеній и направленій, въ особенности прямыхъ линий и прежде всего вертикальнаго и горизонтальнаго направленія, какъ опредѣляющаго для остальныхъ наклонныхъ и косыхъ линий; затѣмъ отношеніе отдѣльных элементовъ, какъ членовъ цѣлаго, къ объединяющей и опять-таки обусловливающей срединѣ: точкѣ, линіи и т. д., наконецъ, самое послѣднее, точное пониманіе относительной величины посредствомъ точнаго сравненія съ постоянной и опредѣленной, измѣряющей линіей.

Три этихъ неотложныхъ требованія правильнаго и

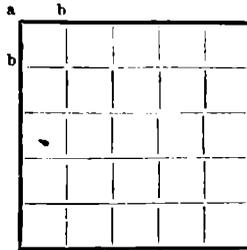
красиваго рисованія: положеніе или направленіе, величина и отношеніе съ ихъ выполненіемъ предполагають совершенно особенное развитіе глаза, какъ органа соразмѣряющаго. Отъ глаза и его правильнаго воспріятія должно исходить поэтому и выполненіе этихъ требованій, равно какъ изображеніе и выполненіе самой линіи, зависящее также отъ развитія руки, всѣхъ ея сочлененій и связанной съ нимъ выработки положенія всего корпуса.

Но элементомъ, въ послѣдней стадіи воспринимающимъ, сохраняющимъ и какъ бы отражающимъ въ глазѣ внѣшній міръ, является сѣтчатая оболочка глаза. Имя и самый предметъ показываютъ намъ здѣсь замѣчательнымъ образомъ путь, на которомъ взрослому человѣку и ребенку слѣдуетъ развивать свой глазъ и его чувствительность для усвоенія и изображенія сравнительно правильныхъ положеній, величинъ и объединяющихъ, т.-е. относительныхъ центровъ.—Это—какъ бы объективно поставленная внѣ ребенка сѣтчатая оболочка, данная ребенку по поверхности сѣтки, на которую онъ смѣло можетъ накладывать и тѣмъ доводитъ до своего сознанія сначала линіи, какъ условіе ограниченныхъ формъ плоскости, а именно прямыя линіи различнаго направленія и длины именно съ помощью просто прогрессивнаго увеличенія измѣряющей, сравнительно очень маленькой линіи; линіи первой, простой длины.—Позже отсюда выходитъ и болѣе тонкое толкованіе и сознательное, правильное изображеніе кривыхъ линій, въ особенности линій круга.

Это увеличеніе первоначальной, простой, измѣряющей, сравнительно очень маленькой длины, прежде всего прямыхъ линій, надо замыкать линіями упятеренной длины или величины первоначальной, служащей мѣриломъ длины линіи, для ребенка опредѣляемой числомъ пальцевъ на каждой рукѣ.

Для представленія такой поверхности сѣтки, расчитанной на развитіе глаза рисующаго ребенка для пониманія и изображенія отношеній между линіями по направленію, по длинѣ, и по величинѣ, служить лучше всего глад-

кая аспидная доска, на поверхности которой съ помощью нацарапываніи вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій перевернутымъ остриемъ остраго ножа, или остраго гвоздя на разстояніи, постоянно равномъ 1 сант. намѣчена видимая для глаза сѣтъ ¹⁾.

Разстояніе отъ одной изъ параллельныхъ линій до слѣдующей обозначаетъ прямую линію простой длины, или величины, и такъ послѣдовательно до пятой линіи, или пятаго разстоянія, когда оно обозначаетъ прямую линію у пятеренной длины, или величины.

Какъ сознаніе ребенкомъ или постепенное сознаніе имъ своей рисующей, изображающей силы начинается съ изображенія и толкованія прямой линіи вообще, такъ пониманіе и изображеніе, рисованіе прямой линіи начинается съ вертикальной линіи, и всѣ отношенія по величинѣ и соотношенію выводятся сначала съ помощью вертикальной линіи, прежде чѣмъ перейти къ горизонтальной и къ другимъ видамъ наклонныхъ линій.

Итакъ сначала многократное черченіе

горизонтальной линіи простой	}	длины, или величины,
" " двойной		
и т. д.		
и наконецъ пятерной		

постоянно въ равныхъ рядахъ, каждый разъ находящихся другъ отъ друга на разстояніи двухъ горизонтальныхъ линій.

¹⁾ Болѣе и шире развитъ этотъ вопросъ въ сочиненіи Фр. Фрѣбеля „Воспитаніе человѣка“. Изд. Пихлера.

Это черчение и правильное отнѣриваніе линій производится ребенкомъ первоначально опять-таки такъ, что ребенокъ самъ чертитъ въ опредѣленномъ положеніи и на опредѣленномъ протяженіи грифелемъ по нацарапаннымъ линіямъ требуемую линію. Такимъ путемъ и съ помощью этого при-мѣненія нацарапанная сѣтка становится для ребенка къ тому же развивающимъ средствомъ для глазъ, руки и пальцевъ. Но не только одно это, но и тотъ внутренній законъ, который многократно написанъ на этой сѣткѣ, какъ нѣчто внѣшнее, становится для ребенка образовательнымъ средствомъ для его мышленія и ума, между тѣмъ какъ ребенокъ, благодаря этому, непосредственно въ моментъ дѣйствія доводится до тонкаго и сравнительнаго пониманія. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль здѣсь составляетъ не только создаваніе изображенія, какъ таковое, какъ уже было сказано, но, какъ только что было указано, также и сознаніе, постепенное сознаніе того, что сдѣлано, и способъ, какъ оно сдѣлано. Благодаря этому именно, дѣяніе ребенка дѣлается творчествомъ, а его дѣятельность самозанятіемъ. А это послѣднее дѣлается такъ, что у ребенка къ дѣйствию непосредственно присоединяется обективирующее слово, приводящее къ сознанію это дѣйствіе, и согласіе между словомъ и дѣломъ строго удостовѣряется молчаливо дѣйствующимъ въ сѣткѣ закономъ, и такимъ образомъ достигается единство и возможность уразумѣнія. А именно, ребенокъ, проводя линію, говорить, напр.:

„Я провожу вертикальную линію простой длины сверху внизъ“.

„Я провожу ее снизу вверхъ“ и т. д. двойной и до пятерной длины, или величины.

Или можно также произносить слѣдующія слова, объясняющія происшедшее дѣйствіе, напр.:

„Я провелъ одну вертикальную линію (или нѣсколько)“ и т. д.

Уже это небольшое разнообразіе въ толкованіи и обозначеніи (языкѣ) пробуждаетъ вниманіе ребенка.

Но внимательное дѣйствіе, ведущее къ сознанію, обык-

новенно бываетъ выраженіемъ дѣятельности ребенка даже тогда, когда ребенка называютъ разсѣяннымъ за то, что онъ направляетъ свое вниманіе только на иную сторону своей дѣятельности, а не на ту, которой мы требуемъ. Такимъ образомъ мы видимъ уже здѣсь, какъ само рисованіе, какъ творческая дѣятельность, и вытекающій изъ него послѣдовательный ходъ развивающе-воспитывающаго рисованія необходимо обусловленъ въ существѣ и въ ходѣ развитія и образованія человѣка и ребенка.

Но эти только что изложенныя упражненія и изображенія, совершенно простыя и первоначальныя, приводитъ также къ воспріятію и пониманію, даже къ повнанію всѣми признанныхъ законовъ обученія и дѣйствительныхъ жизненныхъ законовъ, и въ ребенкѣ тѣмъ больше возрастаетъ всесторонняя сила творчества, чѣмъ больше развивается въ немъ углубленіе въ эти законы. Но они выступаютъ какъ бы сами собой, при спокойномъ наблюденіи вещей, уже на этой первой ступени, по крайней мѣрѣ, для воспитателя, развивающе-воспитывающаго; ему только остается дать явленію, лежащему ясно передъ глазами, какъ фактъ, правильно обозначающее его названіе; и такимъ образомъ для него становится возможнымъ показать эти законы рисуящему на его же дѣянїи и на изображенномъ имъ. Однако, это достигается въ несравненно уже большихъ размѣрахъ при исполненїи ближайшаго слѣдующаго требованія: соединяюще-сравнивающаго сопоставленія предыдущаго, т. - е. изображеннаго на первой ступени, отдѣльно:—слѣдовательно, сравнительное сопоставленіе пяти вертикальныхъ линій, начиная съ линїи простой длины до линїи упятеренной длины.

При помощи примѣненія совершенно простаго положенія, въ которомъ ребенокъ самъ уже неоднократно упражнялся, слѣдовательно при помощи собственнаго, на себѣ испытаннаго дѣйствія:—„для каждой вещи можетъ быть противоположно-равная ей вещь“,—выполненіе предыдущихъ требованій даетъ четыре формы, которыя всѣ обладаютъ

тѣмъ качествомъ, что онѣ всѣ между собой въ одиночку и въ сложенияхъ равными частями всегда бываютъ противоположно-равными.

Подобно тому, какъ проявляющіеся здѣсь снова законы видоизмѣненія и жизни, напр.: между двумя противоположно-равными фактами существуетъ всегда нѣчто посредствующее,—бываютъ выше, чѣмъ тѣ, которые выражались въ предыдущемъ, такъ же точно и законы образованія бываютъ, въ свою очередь, болѣе возвышенны, т.-е. болѣе общи и обширны тогда, когда они выводятся изъ соединенія 4-хъ найденныхъ въ предыдущемъ, всегда противоположно-равныхъ между собою сопоставленій посредствомъ противоположно-равнаго отношенія ихъ къ серединѣ. Напр., въ каждомъ болѣе раннемъ фактѣ данъ болѣе поздній. Въ этомъ новомъ соединеніи обнаруживаются 4 сопоставленія, которыя раньше являлись поодиночкѣ, а теперь уже какъ необходимо обусловленные члены высшаго цѣлага.

Обнаружить цѣлое, познать отдѣльный предметъ, какъ членъ цѣлага, отыскать посредствующій, связующій элементъ между противоположностями,—это и есть то, что будитъ и воспитываетъ интересъ ребенка къ рисованію по прогрессирующимъ, полнымъ жизни законамъ. Въ познаніи, въ оцѣнкѣ закона ребенокъ чувствуетъ и наблюдаетъ ростъ своей творческой силы, и онъ скоро примѣняетъ къ своей закономѣрной дѣятельности, по крайней мѣрѣ, тѣ законы обученія, которые онъ предполагаетъ чувствомъ, если еще и не для изображенія живыхъ предметовъ, то тѣмъ не менѣе для изобрѣтенія свободныхъ, созданныхъ имъ изъ себя самостоятельно образовъ.

Эти первые результаты и проявленія силы и дара изобрѣтенія у ребенка подъ руководствомъ опредѣленнаго закона являются въ то же время и первымъ доказательствомъ и свидѣтелемъ живущей въ ребенкѣ и составляющей скорѣе одно цѣлое съ существомъ его творческой и производительной силы въ ребенкѣ. Поэтому они являются здѣсь требованіемъ, которое нужно еще разъ пояснѣе подчеркнуть:

изъ совершенно маленькихъ, простыхъ видовъ дѣятельности по столь же совершенно простымъ, естественнымъ и необходимымъ законамъ послѣдовательности развиваются все болѣе настоятельные, болѣе обширные законы не только образованія и развитія, но и рѣшительные законы жизни для самого ребенка въ самой простой, предметной наглядности изъ его собственныхъ дѣйствій и изображеній. Здѣсь становится яснымъ для ребенка, хотя и не совсѣмъ посредствомъ одного только слова и проникновенія, но посредствомъ предметнаго разсмотрѣнія, что его умъ есть начало, думающее и творящее, что онъ самъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ существо думающе-творящее и творяще-думающее, по крайней мѣрѣ, онъ дѣйствуетъ уже рано подъ влїяніемъ собственнаго существа и вполне соответственно съ нимъ.

Итакъ: (всѣ занимающіеся воспитаніемъ должны обратить на это самое серьезное вниманіе) подобно тому, какъ ребенокъ, разсматривающій предметъ, по окончаніи всѣхъ наблюденій его, какъ цѣлаго, единаго поднялся до пониманія его подробностей, даже до ограничивающихъ его линій, наблюдая ихъ также въ ихъ соединеніи поодиночкѣ; такъ ребенокъ, который рисуетъ, соединяетъ просто линіи съ линіями, изображаетъ прежде всего внѣ себя что-либо такое, что сейчасъ же обнаруживается, какъ нѣчто опредѣленное.—Во-вторыхъ, ребенокъ проявляетъ себя, благодаря этому, существомъ стремящимся, одареннымъ опредѣленной, твердой волей.—Въ-третьихъ, подобно тому какъ онъ проявляетъ свое хотѣніе, свою волю опредѣленнымъ поступкомъ, чѣмъ-то опредѣленнымъ, такъ же точно онъ обозначаетъ и свою волю, и поступокъ языкомъ и словомъ.—Въ-четвертыхъ, онъ дѣлаетъ себя и образуетъ изъ себя, благодаря этому, существо творящее и проявляетъ себя таковымъ.—Въ-пятыхъ,—ребенокъ выкладываетъ изъ самого себя совершенно простые, обуславливающіе и обосновывающіе законы обученія и жизни непосредственно для примѣненія ихъ и, если не угодно и нельзя еще сказать: для уразумѣнія, то во всякомъ случаѣ—для самостоятельнаго наблюденія.—Въ-шестыхъ,

ребенокъ показываетъ себя существомъ познающимъ для самопознанія, для самосознанія и, наконецъ, въ-седьмыхъ, въ довершеніе этого цикла и въ извѣстномъ отношеніи въ обратномъ направленіи, къ началу и къ концу съ помощью познанія, хотѣнія и дѣйствія, самочувствія, самосознанія и самотворчества онъ образуетъ изъ себя единое, внутреннее, жизненное цѣлое, члена всеобщей жизни — истиннаго ч е л о в ѣ к а;—и это происходитъ такъ, что интересъ ребенка къ рисованію и къ преобразованію видовъ, его рисующе-творящая сила не только дѣлается свободной отъ неопредѣленныхъ образовъ, но и развивается по живущимъ въ немъ самомъ законамъ обученія.

Каніе плоды выходятъ изъ подобнаго развивающаго образованія не только для ребенка, какъ было намѣчено раньше, но и для всего семейства, для дома, для школы и для всей общественной жизни, объ этомъ сказано ужэ достаточно. Однако, самое важное, что получается, хотя нѣсколько и позже, для ребенка, получившаго воспитаніе по этому развивающе-воспитывающему способу, навѣрное, заключается въ томъ, что онъ достигаетъ познанія противоположнаго, но не какъ противорѣчиваго, уничтожающаго, но какъ единаго съ своей противоположностью, взаимно проникающею его. Можно, слѣдовательно, сказать: онъ приходитъ къ познанію чего-то въ извѣстныхъ отношеніяхъ, правда, противоположнаго, однако въ другихъ отношеніяхъ опять-таки равнаго ему и слѣдовательно къ познанію собственно равнаго и противоположнаго.

Такъ поднимается рисующій ребенокъ, который на ступени безеознательнаго стремленія къ изображенію шагаетъ отъ круглаго къ прямому, теперь на ступени сознанія отъ прямого опять къ круглому, къ кругу, къ прямо противоположному прямому, прямой линіи. Въ самомъ дѣлѣ, хотя круглое, кругъ, вполне противоположно прямому въ отношеніи закона, по отношенію къ способу направленія, какъ обратнаго ему и т. д., но они все-таки равны другъ другу въ отношеніи къ

постоянству, къ равномѣрности разъ взятыхъ направлений, въ отношеніи соблюденія разъ избранныхъ законовъ возникновенія; — слѣдовательно, уже съ этой стороны равны и противоположны другъ другу. Но они равны и противоположны потому, что они являются линиями, которыя, какъ таковыя, являются раздѣляющими границами и, слѣдовательно, съ этой стороны они равны между собою. Но круглая, круговая линия къ тому же заключается и замыкается, имѣя свой конецъ въ себѣ самой, опредѣляя свой конецъ уже вначалѣ и такимъ образомъ, опредѣляя свою величину изъ самой себя. Наоборотъ, прямая линия проходитъ черезъ направленіе и въ направленіи однажды ею намѣченномъ, въ безконечность, вмѣстѣ съ тѣмъ только разграничиваетъ и никогда не возвращается по тому же направленію. И такимъ образомъ обѣ линіи и здѣсь опять-таки противоположны другъ другу, а слѣдовательно и съ этой стороны противоположно-равны другъ другу.

Подобно тому, какъ посредствомъ рисованія и въ процессѣ рисованія ребенкомъ изображается противоположно-равное, даже конечное и безконечное, видимое и невидимое въ соединеніи другъ съ другомъ, такъ и въ ребенкѣ черезъ это образуется противоположное и равное въ согласіи между собою, и прежде всего безконечное, невидимое, единое, сущее, божественное присоединяется къ конечному, къ видимому, отдѣльному, дѣйствительно существующему въ отдѣльномъ явленіи, земному; слѣдовательно, въ немъ соотвѣтственно развивается человѣческое и тѣмъ самымъ человѣкъ — въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ своего существа.

Тѣмъ, что интересъ къ рисованію и рисованіе у ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его стремленіе къ образности получаютъ уходъ въ немъ согласно съ законами природы и жизни, преобразуются въ истинную силу изображенія и поднимаются до сознательнаго творчества, этимъ ставится ребенокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ въ центральную точку всего цѣлаго жизни, въ немъ становится понятнымъ и тѣмъ самымъ исполняется первое

неотложное условіе, чтобы такимъ образомъ приготовить его по мѣрѣ земныхъ силъ и возможностей для всѣхъ положеній жизни, чтобы онъ по мѣрѣ законченности своего приобщенія къ жизни сталъ къ тому же самымъ пригоднымъ членомъ челоуѣчества для совершеннаго проявленія своего существа; ибо онъ соединяетъ въ себѣ наиболѣе непосредственную жизненную связь между творчествомъ, твореніемъ и Творцомъ.

Образованіе ребенка для творческаго (т.-е. самодѣятельнаго, изобрѣтающаго) рисованія, въ какомъ бы маленькомъ объемѣ круга оно ни заключалось (ибо оно тогда все-таки, какъ кругъ, будетъ всегда цѣлымъ въ себѣ), будетъ поэтому также центральнымъ пунктомъ (исходнымъ и начальнымъ пунктомъ) и по своему существу будетъ, какъ условіе всякаго образованія, основнымъ пунктомъ истиннаго, удовлетворительнаго воспитанія. Поэтому и настоящій дѣтскій садъ, оживленный этимъ убѣжденіемъ, приводитъ къ тому съ помощью каждаго, даже самаго маленькаго дѣла, которое онъ дѣлаетъ. Въ этомъ состоитъ именно его сущность; благодаря этому мѣсто обученія въ немъ является садомъ вновь возникающаго челоуѣчества, и его воспитаніе является воспитаніемъ для всесторонняго единенія съ жизнью, выработкой ребенка и челоуѣка въ то, что онъ и есть и что онъ обнаруживаетъ своимъ интересомъ къ рисованію, въ творческое существо.

Подвижныя игры,

какъ цѣлое, выводимое изъ жизни ребенка и наклонности его къ игрѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во всякой дѣятельности, во всякомъ дѣяніи взрослого человѣка и уже ребенка даже самаго маленькаго выражается цѣль, отношеніе къ чему-либо, къ открытію или къ изображенію чего-либо. Для этого человѣкъ и особенно ребенокъ въ большинствѣ случаевъ нуждается въ матеріалѣ, въ томъ самостоятельномъ, особенномъ средствѣ,—будь то хоть кусочекъ дерева или камешекъ,—изъ котораго онъ дѣлаетъ что-нибудь или которое онъ превращаетъ во что-нибудь. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, подвинуть ребенка къ обращенію съ его матеріаломъ для игры и ввести въ него, мы давали ребенку мячъ и выводимые изъ него шаръ, кубикъ и т. д. Но каждое изъ этихъ средствъ для игры побуждаетъ ребенка опять къ самостоятельности, къ свободной самостоятельности, къ движенію, къ свободному, независимому движенію. До сихъ поръ мы отказывались отъ подробнаго разсмотрѣнія тѣхъ свободныхъ движеній, которыя какъ бы вырастаютъ изъ этого, и своеобразныхъ подвижныхъ игръ въ ихъ самостоятельномъ изложеніи вполне согласно съ духомъ дѣйствительно излагаемаго здѣсь способа развитія и ухода за ребенкомъ, который отъ общаго спускается къ частному, отъ цѣлаго къ части, отъ единства

цѣлаго къ подробностямъ. Но теперь, такъ какъ мы уже дошли до извѣстнаго пункта въ изложеніи игръ, изобразительныхъ на матеріалѣ и посредствомъ этого матеріала, мы обращаемся къ совершенно особенному разсмотрѣнію и изложенію чисто подвижныхъ игръ. Конечно, прежде слѣдовало бы помѣстить изложеніе 6-го дара этого ряда, кубика, раздѣленнаго на 27 брусочковъ, съ брусочками, раздѣленными одинъ разъ; но требуемое со всѣхъ сторонъ разсмотрѣніе и изложеніе подвижныхъ игръ было бы тогда передвинуто слишкомъ далеко. Поэтому мы займемся ими теперь исключительно.

При постепенно развивающемся и приводимомъ въ дѣйствіе уходѣ за дѣтми никоимъ образомъ не достаточно дать ребенку матеріалъ для употребленія и примѣненія въ его дѣятельности только по мѣрѣ его силъ, развивающихся уже подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, уже внѣшнимъ образомъ обнаруживающагося развитія, но необходимо прежде всего при этомъ изслѣдовать внутренній ходъ развитія и удовлетворить его требованіямъ.

При этомъ для насъ сейчасъ же обнаруживается, что вся дѣятельность ребенка и ея проявленіе имѣетъ свое настоящее и послѣднее основаніе въ самой внутренней сущности и жизни его, но что ребенокъ преимущественно и прежде всего охотно видитъ свою внутреннюю дѣятельность внѣшнимъ образомъ изображенною на какомъ-либо предметѣ и посредствомъ этого предмета, чтобы въ этомъ изображеніи и посредствомъ него дойти до толкованія и пониманія своей дѣятельности, ея сущности, направленія и цѣли, чтобы увидѣть въ ней это изображеніе, какъ въ зеркалѣ, чтобы дальше упорядочить и опредѣлить свою жизнь, т.-е. свою дѣятельность, этими внѣшними явленіями. Эта ориентировка въ своей внутренней жизни посредствомъ предмета пзъ внѣшняго міра, посредствомъ вещи, это, такъ сказать, наблюденіе какъ бы въ зеркалѣ па предметѣ и посредствомъ него своей внутренней духовной жизни существенно важно для ребенка въ смыслѣ толкованія сознанія и приведенія въ порядокъ самого себя, въ смыслѣ постепеннаго овладѣванія

саминъ собою. Ребенокъ долженъ сначала увидѣть свою жизнь во внѣшнемъ проявленіи, понять ее, чтобы затѣмъ быть въ состояніи распознать и понять ее внутреннимъ образомъ. За этимъ ходомъ образованія ребенка, предписываемымъ природой и его собственной сущностью, воспитатель и истинный руководитель дѣтей долженъ слѣдить въ высшей степени заботливо. Распознать этотъ ходъ образованія по отношенію къ воспитателю и есть цѣль этихъ игръ, этого способа и постепеннаго развитія игръ.

Внѣшнія явленія въ дѣятельной жизни ребенка никоимъ образомъ не должны разсматриваться воспитателемъ и руководителемъ внѣшнимъ образомъ и поодиночкѣ, но постоянно въ отношеніи ко внутренней жизни ребенка или въ смыслѣ воздѣйствія ея на него или въ смыслѣ обоснованія ея въ немъ. Дѣти въ обоихъ этихъ отношеніяхъ опять-таки являются учителями и руководителями: такъ мы видимъ, какъ самый маленькій ребенокъ приходитъ въ веселое и радостное движеніе, прыгаетъ и скачетъ и ударяетъ въ ладоши, если онъ видитъ двигающійся предметъ внѣ себя. Это, конечно, ни въ коемъ случаѣ не есть только радость по поводу движенія предмета передъ нимъ и внѣ его, но это есть результатъ пробужденной внутри его дѣятельности, освобожденной внутри его жизненной энергіи. Далѣе, само наблюденіе еще очень маленькихъ дѣтей обнаруживаетъ для насъ, что они при движеніи предмета передъ ними отнюдь не останавливаются на немъ, но что они стараются отыскать своимъ глазомъ причину и источникъ, изъ котораго исходитъ движеніе. Такимъ образомъ, слѣдовательно, и воспитатель долженъ относиться къ двигающемуся передъ ребенкомъ тѣлу, приведенному въ движеніе, можетъ быть, его собственной дѣятельностью. Внутренній міръ ребенка, самая внутренняя часть его существа, его сущность, его жизнь, его дѣятельность вообще должны быть постоянно главнымъ предметомъ при наблюденіи и толкованіи фактовъ дѣтской жизни, при уходѣ, воспитаніи и образованіи ребенка, а въ особенности, когда онъ самъ начинаетъ дѣйствовать. Единичное и разрозненное толкованіе отдѣльныхъ внѣшнихъ

явленій можетъ быть, конечно, кое-гдѣ быть руководящимъ принципомъ и указаніемъ, но въ цѣляхъ настоящаго воспитанія и ухода за ребенкомъ, въ цѣляхъ пониманія всего человѣка и человѣческаго существа въ ребенкѣ и по возможности полнаго вонлощенія его въ теченіе человѣческой жизни, начиная съ самаго ранняго появленія человѣка на свѣтъ въ видѣ ребенка, такое толкованіе не можетъ уже годиться. Но воспитаніе и уходъ за ребенкомъ, которыя, по крайней мѣрѣ, постоянно и сознательно не имѣютъ въ виду этой цѣли, не могутъ имѣть права, строго говоря, называться достойнымъ человѣка.

Послѣ этого вступительнаго предисловія мы переходимъ къ подвижнымъ играмъ, займемся исходнымъ пунктомъ ихъ и самымъ ихъ ходомъ развитія.

Исходная точка и дальнѣйшій ходъ развитія подвижныхъ игръ.

Итакъ, ребенокъ стремится, хотя бы даже и бессознательно, объективно представить свою жизнь внѣшнимъ образомъ, наблюдать ее на внѣшнихъ предметахъ, какъ въ зеркалѣ, сдѣлать ее, такимъ образомъ, предметомъ наблюденія и довести ее до сознанія. Поэтому замѣчается, что какъ только дѣлаютъ что-нибудь (что бы то ни было) передъ ребенкомъ, онъ тотчасъ же обнаруживаетъ желаніе самъ и притомъ своими средствами дѣлать то же самое.

Подъ влияніемъ дѣятельности ребенка или его воспитателя

Мячъ двигаться можетъ,
Онъ можетъ рѣзвиться,
Кататься и падать,
Скакать и кружиться,
То вверхъ подниматься,
То внизъ опускаться,
Вергѣться, качаться,
Какъ птица—летать,
Нежданно являться
И вновь исчезать.

Онъ странствовать можетъ
И путь пмѣнять.

Можетъ также онъ скрываться,
Надъ малютками смѣяться,
Притаясь между травой,
Къ небесамъ летя стрѣлю.

На вертлявый мячикъ глядя,
Можемъ, дѣтки, мы учиться,
Измѣрять веѣ ваши силы,
И,—учась, шутить, рѣзвиться.

Жизнь видна намъ въ каждой шуткѣ
Крошки—мячика, малютки!

Наша жизнь и жизнь его совсѣмъ похожи.

Присмотритесь: въ насъ и въ немъ—одно и то же.

Въ этихъ видахъ игры мячикомъ или, если угодно, въ этихъ проявленіяхъ мячика, которыя дѣйствительность и упж аженіе еще больше усугубляютъ и разввваютъ, какъ здѣсь это безъ труда было показано, заключается, какъ въ проектѣ, вся суть подвижныхъ игръ въ ихъ зародышѣ, въ ихъ корнѣ, равно какъ и въ большей части ихъ выполненія.

Подобно тому, какъ мячикъ тихо шевелится, двигается, идетъ, бѣжить, такъ же точно мы видимъ, что скоро зашевелится, задвигается вмѣстѣ съ нимъ и играющій ребенокъ; въ немъ выражается желаніе также ходить или бѣгать. Такъ возникаетъ и такъ рождается въ кругу дѣтей и при ихъ содѣйствіи игра:

„Малютна желалъ бы также путешествовать“.

Каждое прочное и самостоятельное движеніе ребенка, движеніе или всего его тѣла или одного изъ его членовъ, доставляетъ ребенку радость уже благодаря чувству силы, которое оно въ немъ возбуждаетъ. Такимъ образомъ доставляетъ радость ребенку уже простое хожденіе. Оно даетъ ребенку тройное чувство и сообщаетъ ему сознаніе, что онъ можетъ двигаться, что онъ можетъ передвигаться съ одного мѣста на другое, и, наконецъ, что онъ, такимъ образомъ, можетъ дойти до чего-нибудь, что онъ можетъ, такимъ образомъ, добиться чего-нибудь.

Если поэтому мы хотим дѣйствовать вполне благотворно на будущую дѣятельность ребенка, на будущее его созидательное дѣйствіе и творчество и если мы хотим дать ему прочную основу, то мы должны внимательно смотрѣть за самой первоначальной дѣятельностью ребенка и ухаживать за нею, слѣдовательно, и за его первымъ движеніемъ, за его первымъ хожденіемъ.

Конечно, является вполне обоснованнымъ, что хожденіе и въ особенности первое хожденіе доставляетъ ребенку радость только, какъ проявленіе силы, но къ нему присоединяются скоро, какъ извѣстно, оба другихъ доставляющихъ удовольствіе воспріятіи: приходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ чему-нибудь и быть въ состояніи чего-нибудь достигнуть. Эти три воспріятія въ ребенкѣ требуютъ и совмѣстнаго ухода за ними; слѣдовательно, они требуютъ присмотра за тѣмъ, чтобы ребенокъ при своемъ первомъ и раннемъ хожденіи примѣнялъ во время дѣйствія всю свою сплу, чтобы онъ ходилъ увѣренно, прочно, по извѣстнымъ правиламъ, т.-е. чтобы онъ сейчасъ же при своемъ первомъ хожденіи получалъ власть надъ всѣмъ своимъ тѣломъ и его членами, чтобы онъ учился распоряжаться сплю своего тѣла и дѣятельностью своихъ членовъ, учился направлять ихъ къ определенной цѣли. Внимательное отношеніе къ первоначальному уходу за ребенкомъ въ этомъ отношеніи, конечно, важно для всей будущей жизни, и на это указываютъ даже первыя проявленія ребенка при попыткахъ ходить безъ колебанія. Такимъ образомъ, напримѣръ, ребенокъ, если онъ совершаетъ свои первыя упражненія въ хожденіи, держась за руку или за палецъ матери или няни, старается очень часто притти къ какому-нибудь предмету (но часто приходится видѣть, что онъ избѣгаетъ этого предмета, чтобы не задержаться въ своемъ хожденіи).—Это стремленіе достигнуть извѣстнаго предмета часто имѣетъ свое основаніе въ томъ, что онъ желаетъ прочно и прямо держаться за него; но мы замѣчаемъ, что для ребенка составляетъ удовольствіе близко находиться отъ предмета, чтобы чувствовать его, прикасаться къ нему, схватить его, а можетъ быть даже, чтобы быть въ

состояніи сдвинуть его съ мѣста, что опять-таки составляетъ извѣстную сторону въ его дѣятельности. Поэтому мы видимъ, что маленькій ребенокъ, когда онъ достигнетъ желаемаго предмета, прыгаетъ передъ нимъ, ударяетъ руками и бьетъ въ ладоши, чтобы, такъ сказать, увѣриться въ дѣйствительности его существованіи и замѣтить его свойства.

При этомъ, конечно, хорошо назвать ребенку предметъ, какъ только онъ приблизится къ нему: это стулъ, столъ, скамья, цвѣтокъ, сестра и т. д.

Такъ же его части: это будетъ или сидѣнье, или ножка, или уголь, или ребро и т. д. Подобнымъ же образомъ его качества: стулъ бываетъ твердый, мягкій, сидѣнье бываетъ гладко, уголь бываетъ острый, ребро бываетъ также острымъ. Здѣсь вовсе не идетъ рѣчь о развитіи способности рѣчи, но о пониманіи предметовъ, ихъ частей и качествъ и о выраженіи всего этого. Когда накопится богатая сокровищница такихъ опытовъ, то затѣмъ развивается, необходимо, и способность рѣчи, и какъ бы изъ повышенной, внутренней, духовной самодѣятельности согласно съ сущностью духа выходитъ и самъ языкъ.

Чтобы помочь ребенку сейчасъ же послѣ его первыхъ попытокъ и первыхъ упражненій въ хожденіи разобраться въ такомъ его богатствѣ опытовъ, скопившихся особенно, благодаря частому повторенію, хорошо, насколько это возможно, позволить ему остановиться около этихъ предметовъ, поднять ихъ и пройти вокругъ нихъ. Каждое новое явленіе есть въ то же время и новое открытіе въ маленькомъ, но тѣмъ не менѣе столь богатомъ мірѣ ребенка, на примѣръ, то обстоятельство, что можно ходить вокругъ стула, можно стоять передъ нимъ, то сзади него, то съ боку его и подлѣ него, но что около скамейки или около стѣпы можно ходить постоянно только вдоль нихъ.

Такимъ образомъ то вниманіе и уходъ, который посвящаютъ дѣтямъ даже няньки, является для нихъ никоимъ образомъ не бессмысленнымъ и скучнымъ, но и для взрослой уже личности этотъ уходъ является духовно возбуждающимъ, питающимъ умъ и удовлетворяющимъ внутренняго

человѣка занятіемъ, такъ что не только холодная внѣшняя обязанность, но и чувство, повышающее собственное сознание жизни, и чувство удовлетворенія приводитъ людей къ исполненію этого благословеннаго и пріятнаго для Бога и для нихъ призванія, состоящаго въ вѣрномъ уходѣ за дѣтьми.

Слѣдовательно, даже самый маленький ребенокъ ходить и расхаживаетъ уже охотно въ сознаніи своего малѣйшаго обладанія искусствомъ ходить, т.-е. онъ измѣняетъ съ удовольствіемъ на разные лады всѣ отношенія, въ которыхъ онъ находится къ предметамъ и предметы находятся къ нему, чтобы достигнуть яснаго самопознанія и самопониманія, равно какъ и знанія и пониманія предметовъ и такимъ образомъ, наконецъ, достигнуть знанія и пониманія окружающаго его и внѣшняго міра. Каждый маленький путь для него — образовательное путешествіе, и каждый предметъ — Америка, новый свѣтъ, который онъ или объѣзжаетъ кругомъ, чтобы посмотреть, не островъ ли онъ, или къ которому онъ подъѣзжаетъ, чтобы посмотреть, не материкъ ли онъ.

Послѣ этого кажущагося отступленія отъ нашего предмета, которое тѣмъ не менѣе есть собственно только болѣе внутреннее и болѣе глубокое обоснованіе его, мы возвращаемся къ подвижнымъ играмъ и въ особенности къ нашей первой подвижной игрѣ:

„Малютка желалъ бы также путешествовать“, открывая такимъ образомъ совершенно своеобразный и новый духъ рядъ игръ: А. игры въ путешествія, и признавая ихъ значеніе, и цѣль. Это — игры, дающія возможность образовывать и упражнять самостоятельную способность двигаться и ходить; это — образовательныя путешествія, это — игры, дающія богатый запасъ наблюденій и опытовъ.

1) Малютка желалъ бы также путешествовать.

Дѣти стоятъ при этомъ въ кругу; мячикъ путешествуетъ отъ одного ребенка къ другому и такимъ образомъ возбу-

ждаетъ охоту путешествовать и въ самомъ ребенкѣ; я могъ бы сказать, что это можно замѣтить по самимъ дѣтямъ даже на каждомъ опредѣленномъ, отдѣльномъ ребенкѣ. Замѣчая это, останавливаютъ путешествіе мячика и сообщаютъ сдѣланное про себя замѣчаніе, выводя въ то же время ребенка за руку на средину круга:

И Лина бы хотѣла
Постранствовать по свѣту.

Или, если замѣтно, что путешествіе мячика уже не привлекаетъ вниманія, то руководитель игры будитъ задремавшее вниманіе дѣтей вопросомъ: „Неужели изъ васъ никто не желаетъ путешествовать?“—Мы никогда не дѣлали еще этого вопроса безъ того, чтобы не вызвать въ отвѣтъ на это крикъ нѣсколькихъ дѣтей: „Я“, „я“, „я“.

Руководитель игры начинаетъ нѣтъ игральному кругу:

И Лина (Адолфъ) переходитъ
Отъ мѣста на другое.

Или изъ жизни и изъ устъ самого ребенка:

Мнѣ бѣ странствовать хотѣлось!

Въ то время какъ желающій путешествовать ребенокъ подходитъ къ кому-нибудь въ кругѣ, подаетъ ему руку и поворачивается кругомъ справа направо, а по отношенію къ кругу дѣтей слѣва направо, дѣти поютъ:

И Лина (Адолфъ), какъ видите, переходитъ
Отъ мѣста на другое.

Какъ путешествующій, такъ и всякій другой ребенокъ въ кругѣ подаетъ ему правую руку.

Маленькихъ дѣтей можно заставлять кружиться только съ помощью этой молчаливой подачи рукъ, но въ слѣдующій разъ или при взрослыхъ дѣтяхъ можно къ этому сейчасъ же прибавить и привѣтъ:

Желаемъ всѣмъ вамъ добрый день,
Добрый день, добрый день!

А дѣти въ кругу отвѣчаютъ:

Намъ желаютъ... п т д.

Путешествующій ребенокъ, идя впередъ, все время по-
даетъ каждому слѣдующему правую руку и приговариваетъ
при этомъ: „добрый день!“ Ребенокъ въ кругѣ, котораго
онъ привѣтствовалъ, дѣлаетъ то же.

Дѣти охотно играютъ въ эту игру, и какъ только одинъ
окончитъ свое путешествіе, такъ сейчасъ же выходятъ мно-
гія, которыя желаютъ присоединиться также къ путешествію.
Само собой понятно, что руководитель игры долженъ слѣ-
дить за тѣмъ, чтобы къ концу игры всѣ дѣти приняли
участіе въ путешествіи.

Можно прибавлять также въ качествѣ нѣкотораго расши-
ренія игры въ концѣ путешествія каждаго ребенка—обращеніе
съ вопросомъ къ вновь выходящему на середину круга ребенку:

„Съ кѣмъ ты познакомился во время своего путешествія?“

Ребенокъ долженъ въ отвѣтъ на это назвать имена стоя-
щихъ въ кругѣ дѣтей. Это вноситъ въ игру двойное упраж-
неніе: во-первыхъ, это учить не проходить мимо предмета,
не обративъ на него вниманія, а затѣмъ также доводитъ до
опредѣленнаго пониманія названіе предмета и вмѣстѣ съ
тѣмъ его свойства, по крайней мѣрѣ, общее впечатлѣніе отъ
него. Къ этому можетъ быть прибавлено еще третье упраж-
неніе: именно, назвать дѣтей въ такомъ же точно поряд-
кѣ, въ какомъ ребенокъ ихъ привѣтствовалъ. Это—очень
благодѣтельно дѣйствующее, связываемое съ наблюде-
ніемъ упражненіе памяти, а также упражненіе въ по-
стоянномъ пониманіи и въ опредѣленномъ запоминаніи
порядка и послѣдовательности многихъ предметовъ, на ко-
торыя нужно обратить вниманіе.

Совсѣмъ маленькимъ дѣтямъ можно сначала позволять
указывать пальцемъ на каждаго названнаго ребенка (ука-
зательный палецъ пріобрѣтаетъ при этомъ свое истин-
ное значеніе).

Если дѣти нѣсколько больше, то можно позволять про-
слѣдить только глазами порядокъ дѣтей, стоящихъ въ кругѣ.

Если дѣти умственно еще болѣе развиты, то можно за-
ставлять ихъ отвертываться лицомъ отъ предмета и ребенка,
который имъ названъ.

Если, наконецъ, ребенокъ приобрѣлъ совершенно развитую внутреннюю силу наблюденія и ума, то можно ему сказать, чтобы онъ закрылъ глаза и съ закрытыми глазами назвалъ бы дѣтей по порядку.

Отсюда видно, какъ эта игра въ теченіе развитія силы ума ребенка и параллельно съ нимъ допускаетъ также дальнѣйшее возрастающее внутреннее развитіе. Но она допускаетъ также и внѣшнее развитіе: въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ развивается способность ходить у путешествующаго ребенка, и если позволяетъ пространство комнаты для игры, дѣти могутъ ходить другъ за другомъ и описывать такимъ образомъ все бблншій и бблншій кругъ.

Подъ вліяніемъ формы комнаты, вмѣсто круга можно выбрать и форму четырехугольника, квадрата (когда дѣти стоятъ въ четыре прямыхъ линіи, равныхъ по числу дѣтей).

Мы опять-таки обращаемъ вниманіе родителей, воспитателей и руководителей дѣтей на эту внутреннюю способность къ развитію даже у самой маленькой и самой простой изъ предлагаемыхъ нами игръ: во-первыхъ, потому, что эти игры всюду присоединяются къ находящимся уже налицо требованіямъ и постановленіямъ, такъ что каждая игра можетъ быть развита снова, такъ сказать, изъ данной уже игры, а затѣмъ потому, что именно въ этомъ качествѣ постоянного дальнѣйшаго развитія изъ себя по мѣрѣ развитія ребенка и его требованій мы полагаемъ особенно существенное достоинство выводимыхъ нами игръ и способовъ игръ.

И такимъ образомъ мы приходимъ и здѣсь, въ пространствѣ для игры, и посредствомъ самой игры къ слѣдующему, еще бблншему развитію и къ дальнѣйшему совершенствованію этой игры — къ общему путешествію или къ путешествію всѣхъ.

Вполнѣ естественно, т.-е. вполнѣ лежитъ въ природѣ и сущности вещей, равно какъ и ребенка, что путешествіе отдѣльныхъ лицъ и въ одиночку пробуждаетъ охоту путешествовать у всѣхъ, стремленіе и желаніе путешествовать

сообща и такимъ образомъ является и въ нашемъ кругѣ игръ совершенно самопроизвольно, какъ необходимое развитіе его, какъ листья и цвѣты развиваются изъ почекъ:

2) общее путешествіе, или путешествіе всѣхъ.

Дѣти, стоящія въ кругу поодиначкѣ другъ около друга, легко распределяются по два въ рядъ другъ за другомъ магическимъ словомъ руководителя игръ: „Можетъ быть, вы всѣ желали бы путешествовать?“ Это приводитъ дремлющее въ каждомъ отдѣльномъ ребенкѣ желаніе къ общему сознанію, по крайней мѣрѣ, возвышаетъ его до громко выражаемаго чувства.

Руководитель игръ придаетъ сейчасъ же единогласно выраженному чувству, живому желанію форму пѣсенки. Онъ произноситъ ея слова, сейчасъ же начиная путешествовать впередъ и вокругъ по комнатѣ, а между тѣмъ дѣти необыкновенно быстро подхватываютъ эти слова, какъ выражающія ихъ собственную жизнь. Руководитель поетъ вмѣстѣ съ ними:

Гуляли бь мы гурьбою
Всѣ съ мѣста на другое,—
Занятя въ міръ лучше нѣтъ—
Гулять, смотрѣть ва бѣлый свѣтъ!

Такъ эта игра развивается изъ дѣйствительной жизни дѣтей, и такъ всегда путешествуютъ съ одинаковой охотой нѣсколько разъ по комнатѣ, а также для разнообразія одинъ разъ по діагонали комнаты и затѣмъ, заворачиваясь, далѣе. Но слова „Гулять, смотрѣть на бѣлый свѣтъ!“ пробуждаютъ желаніе видѣть и самый міръ, и при первомъ настоящемъ весеннемъ днѣ, когда свѣтящее солнце какъ бы мапить черезъ чистое стекло окна п ясное голубое небо выглядываетъ въ него, открываются, какъ бы сами собой, двери, и это повторяется нѣсколько разъ; черезъ нихъ тянутся на просторъ ряды дѣтей, какъ гирлянды цвѣтовъ, продолжая пѣть съ возрастающей радостью вышеприведенныя слова; затѣмъ, сами, черная слова для выраженія своихъ

наблюдений и восприятий въ просторномъ Божіемъ мірѣ, они продолжаютъ:

Тамъ птички расцвѣваютъ,
Деревья падаютъ
Зеленый свой парадъ.
Тамъ пчелъ рон хлопчутъ,
Кузнечики стрекочутъ,
Тамъ облака скользятъ...
Какъ все тамъ мило!
Бродить бы тамъ—лугами
За пестрыми стадами
Веселыми гурьбами.
Какъ все тамъ мило! ¹⁾

Не только для разнообразія, но и чтобы направить ребенка еще болѣе къ наблюденію вещей вокругъ него, къ воспріятію повышеннаго чувства жизни въ собственной

¹⁾ Эта пѣсня была составлена такъ, какъ она вышла изъ жизни Г. Лангеталь, которому ея слова были сообщены позже, изложилъ эту пѣсню въ слѣдующемъ видѣ:

Гуляли-бъ мы гурьбою
Всѣ съ мѣста на другое,—
Занятъ въ мірѣ лучше нѣтъ!
Такъ свѣтелъ, весель Божій свѣтъ!..
Какъ все въ немъ мило!
Деревья расцвѣтаютъ,
Тамъ тучки въ небѣ таютъ,
Тамъ птички расцвѣваютъ,
Намъ пѣсенки слагаютъ.
Какъ все тамъ мило!..
Стада пасутся въ холѣ,
Въ дугахъ—на вольной волѣ,
Кузнечики стрекочутъ,
Тамъ пчелъ рон хлопчутъ,—
Какъ все тамъ мило!..
Тамъ ручейки сверкаютъ,
Тамъ дѣти подмѣчаютъ
Природы чудеса,
Во всемъ, вездѣ—краса...
Какъ все тамъ мило!..

груди и сосредоточить вниманіе на воспитаніи и уходѣ за
человѣческими дѣтскими чувствами, можно также пѣть:

Живо, живо!
Наслажденіе намъ—гулять,
Чистымъ воздухомъ дышать.
Рука объ руку вдвоемъ
Всѣ мы парами идемъ.
Сколько можно увидеть,
Сколько новаго узнать!
Обо всемъ рѣчь поведемъ,
Мѣсто отдыху пайдемъ.

Согласно съ содержаніемъ пѣсни, если только выбрано
мѣсто для отдыха, производится опросъ дѣтей, что каждый
изъ нихъ замѣтилъ своеобразнаго, и присуждается награда
за самое остроумное наблюденіе.—Эти путешествія могутъ
также производиться въ видѣ: 3) игры въ путешествія съ боль-
шимъ количествомъ дѣтей на сравнительно небольшомъ простран-
ствѣ, какъ было указано старшимъ учителемъ Геккелемъ
во Франкфуртѣ-на-Майнѣ по поводу нашихъ маленькихъ игръ
въ путешествія. Здѣсь дѣти, соединившись по четыре, при
количествѣ въ нѣсколько сотъ, вели игру въ путешествія
подъ соответствующее случаю веселое пѣніе въ своемъ помѣ-
стительномъ школьномъ саду.

Старшій учитель Геккель писалъ объ этой игрѣ Фр. Фрѣ-
белю слѣдующее:

„Наставленія и предостереженія въ Вашемъ отвѣтномъ
письмѣ относительно моихъ подвергнутыхъ, впрочемъ, со-
мнѣнію нѣкоторыми учителями надеждъ на то, что Ваши
воспитательныя средства при ста и болѣе дѣтяхъ могутъ
находить себѣ примѣненіе и содѣйствовать всестороннему
развитію, мнѣ кажется, способны разсѣять всякое сомнѣніе.
Продолжительное размышленіе относительно сдѣланныхъ
Вами замѣчаній, относительно того, какимъ образомъ можно
управиться съ большимъ количествомъ дѣтей при играхъ,
дало мнѣ поводъ произвести нѣкоторые опыты надъ играми
(ходъ улитки и образованіе звѣзды) въ большомъ масштабѣ
съ 600 воспитанниками нашихъ школъ. Именно я выстраи-

валъ при ходѣ улитки дѣтей по четыре. Затѣмъ шли рука объ руку четыре мальчика, образующіе рядъ, и слѣдовали за мною. Такимъ образомъ я могъ воспроизвести все разнообразіе хода улитки въ довольно помѣстительномъ саду для игръ при школѣ. вмѣсто той пѣсни, которую полагается пѣть у Васъ съ Вашими малютками при этой игрѣ, мои воспитанники пѣли на прекрасный мотивъ пѣсни „Гимнасты весело направляются туда и т. д.“—слѣдующіе стихи:

По четыре пары въ рядъ
Мы идемъ, поемъ всѣ въ ладъ,
Рука объ руку пдемъ,
Радость мы въ сердцахъ несемъ.
Дѣтки, дружно! Ну, впередъ!..
Счастье объ руку идетъ...
Пойте, дѣтки, пойте въ ладъ,
По четыре пары въ рядъ!
Тихъ, размѣренъ вольный шагъ,
Скоротаемъ время такъ.
Ахъ! какъ весело идти
По зеленому пути!
Время пѣсней сократимъ.
Съ мѣста къ мѣсту полетимъ—
По четыре пары въ рядъ,
Дружно, дѣтки, пойте въ ладъ!

При образованіи звѣзды я впускалъ восемь дѣтей на средину сада, и они образовывали тамъ кругъ, такъ сказать, ядро звѣзды. Отъ него шло восемь рядовъ по восьми различнымъ направленіямъ. Эти ряды идутъ до второго большого круга, который образовывали уже около 200 дѣтей, такъ что они оцѣпливали все пространство сада. Подъ пѣніе подходящей пѣсни эта звѣзда движется около своего центра, который также можно представить, какъ колесо вокругъ своей оси“.

Наши дѣти въ Бланкенбургѣ играютъ въ эту игру очень охотно и съ истиннымъ интересомъ въ большой комнатѣ, а также и на воздухѣ; поэтому я постоянно вспоминаю при этой игрѣ съ благодарностью того, кто познакомилъ насъ съ этой игрой, и особенно за то, что онъ подарилъ насъ подходящей для нея пѣсенкой.

Путешествія и переходы очень часто связываются съ посѣщеніями и притомъ съ посѣщеніями опять-таки для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ путешествій. Это дало поводъ къ появленію въ нашемъ кругу: 4) игры въ посѣщенія, или въ хожденіе въ гости другъ къ другу, какъ прекраснаго связующаго звена, ведущаго къ дальнѣйшему развитію, совершенно въ духѣ нашихъ игръ.

Дѣти располагаются другъ противъ друга, смотря по ихъ количеству, или около двухъ, или около четырехъ стѣнъ комнаты.

Двое дѣтей пзъ стоящихъ такимъ образомъ другъ противъ друга рядовъ при этомъ припѣнаютъ:

Тѣ, что противъ насъ стоятъ,
Въ гости къ вамъ ити ходитъ.

Въ то время, какъ они поютъ это, они сейчасъ же и идутъ другъ къ другу, такъ что вмѣстѣ съ концомъ риемы они встрѣчаются на срединѣ комнаты.

Одинъ изъ обоихъ рядовъ, стоящихъ плотно другъ противъ друга, безразлично, какой именно, привѣтствуетъ другой рядъ и, нагибаясь и кланяясь, поетъ:

Привѣтъ—всѣмъ вамъ! Привѣтъ—всѣмъ вамъ!

Другой рядъ отвѣчаетъ на это:

Спасибо вамъ! Спасибо вамъ!

Затѣмъ поютъ оба ряда сообща и поворачиваются попарно, слѣдовательно, образуя при этомъ двойной рядъ, и именно въ ту сторону, гдѣ стоитъ передъ ними руководитель игры:

Пустите же насъ вы погулять,—
Мы столько можемъ увидеть!
Все, что хорошаго нашли бы,
Мы вамъ въ разказахъ принесли бы!

Во время этого пѣнія голова или вершина ряда идетъ къ одному углу комнаты, поворачивается тамъ къ стѣнѣ, идетъ вдоль ея до другого угла комнаты, поворачиваетъ оттуда на средину комнаты, идетъ затѣмъ къ другому углу комнаты, расположенному передъ нимъ, поворачивается

опять къ другой стѣнѣ, идетъ снова вдоль ея четвертаго угла и заворачиваетъ оттуда внутрь, снова на средину комнаты. Здѣсь путешествующая компанія, придя снова въ то же положеніе, изъ котораго она исходила и такимъ образомъ образовавъ во время своего путешествія нѣчто въ родѣ лежащей восьмерки (∞), останавливается.

Руководитель игры или другой кто-нибудь, кто желаетъ, подходитъ тогда къ каждому изъ дѣтей и спрашиваетъ, чтò онъ видѣлъ во время своего путешествія или, чтò онъ предполагаетъ, что видѣлъ.

Спрашивающій затѣмъ соединяетъ предметы изъ отвѣтовъ дѣтей въ исторію или сказку такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ отъ нея получалось отчасти удовольствіе, а отчасти какое-нибудь наблюденіе изъ жизни или изъ природы, которое можетъ быть полезно для ребенка.

Какъ только рассказчикъ назоветъ какой-нибудь предметъ, который видѣлъ одинъ изъ дѣтей во время своей прогулки по комнатѣ или по саду, или просто предположилъ, что видѣлъ, этотъ ребенокъ долженъ поднять руку кверху отчасти для обозначенія того, что онъ здѣсь присутствуетъ при рассказѣ, отчасти же, чтобы рассказчикъ былъ увѣренъ, что онъ не пропустилъ при упоминаніи ни одного предмета.

По окончаніи исторіи или рассказа путешественники поютъ рассказчику:

За вашъ, за милый вашъ рассказъ
Благодаримъ сердечно васъ!

Въ то время, какъ дѣти это поютъ, оба ряда снова повертываются другъ къ другу лицомъ. На этомъ они расстаются, возвращаются, идя назадъ, на свое прежнее мѣсто и при этомъ поютъ:

Мы всѣ домой идемъ сейчасъ,—
Взгляните ласково на насъ.

Если бываетъ четыре ряда или двѣ пары рядовъ, то начинаютъ игру два другихъ ряда. Такъ какъ эта игра очень нравится, что наблюдалось обыкновенно у насъ, то стоящіе другъ противъ друга ряды повторяютъ ее снова.

Эта игра может доставлять дѣтамъ большое удовольствіе по многораазличнымъ основаніямъ, и въ нее играютъ очень охотно: во-первыхъ, въ силу дѣйствительно пріятнаго мотива пѣсни, затѣмъ вслѣдствіе того, что здѣсь встрѣчается привѣтствіе и, наконецъ, также въ силу спирального движенія, которое такъ любятъ дѣти и которое они любятъ, можетъ быть, смутно чувствуя, какъ при этомъ стремятся соединиться въ извѣстномъ отношеніи окружность и центръ. Поэтому у насъ также 5) извивающійся ручеекъ былъ одною изъ самыхъ первыхъ подвижныхъ игръ и игръ въ путешествія. Эта игра входила въ нашъ кругъ игръ и была въ немъ одною изъ любимыхъ.

Дѣти входятъ бокъ-о-бокъ въ большой кругъ и подаютъ другъ другу попеременно то правую, то лѣвую руку. Руководитель игры поблизости отъ одного угла комнаты становится въ кругъ, разрывая его, и ведетъ тотъ конецъ, за который онъ взялся, внутрь круга, параллельно болѣе узкой сторонѣ комнаты, и такимъ образомъ ведетъ извивающимся движеніемъ все дальше, всегда направляясь снаружи внутрь комнаты. Какъ первый и второй ребенокъ слѣдуютъ за руководителемъ игры, такъ каждый ребенокъ слѣдуетъ за своимъ сосѣдомъ. Когда это спиральное шествіе достигнетъ до противоположной, болѣе узкой стороны комнаты, то оно поворачивается, шествуя вдоль длинной стороны, снова къ началному пункту, съ котораго началось шествіе, и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ и столько разъ, сколько потребуетъ продолжительность пѣнія. При этомъ медленно исполняется слѣдующая пѣсня частью полнымъ хоромъ, частью отдѣльными голосами.

Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.
Отд. голосъ: Берегъ весь покрытъ цвѣтами,
Мы идемъ-плывемъ лугами!
Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ—
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.
Отд. голосъ: Ручеекъ бѣжитъ, играетъ
Каждый кустикъ отражаетъ!
Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ—
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.

- Отд. голосъ: Отраженъе въ насъ находить
Все, что къ намъ, любя, подходитъ.
Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ—
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.
- Отд. голосъ: Струйки льются, струйки плещуть,
Наши взоры счастьемъ блещуть.
Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ—
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.
- Отд. голосъ: Ахъ! какъ весело всѣмъ въ сборѣ
Намъ гулять здѣсь на просторѣ!..
Хоръ: Рядъ за рядомъ, бокъ-о-бокъ—
Мы плывемъ, какъ ручеекъ.
- Отд. голосъ: Въ хороводѣ мы кружимся,
Всѣ поемъ и всѣ рѣзвимся!

Когда хоръ начнетъ пѣть послѣдній разъ, руководитель игры старается провести толпу дѣтей такъ, чтобы съ началомъ послѣддаго стиха: „Въ хороводѣ мы кружимся“ всѣ дѣти, исполнивъ прекрасно всѣ построения, двигались въ большомъ кругу.

Эта игра въ ручеекъ составляетъ переходъ отъ чистыхъ игръ въ путешествія къ играмъ, которыя своею формою и видомъ должны изображать нѣчто, слѣдовательно, къ кругу подвижныхъ игръ къ Б) играмъ изобразительнымъ. Одною изъ наиболѣе любимыхъ игръ, которая очень рано появилась и приняла окончательную форму въ кругу игръ, является 1) улиточна. Дѣти вступаютъ бокъ-о-бокъ и рука объ руку, какъ и прежде, въ большой кругъ. Въ нее, какъ въ продолженіе „ручейка“, дѣти играютъ также очень охотно.

Руководитель игръ беретъ одного ребенка изъ круга, гдѣ онъ найдетъ это нужнымъ, разрываетъ кругъ въ этомъ мѣстѣ и ведетъ этого ребенка, за которымъ слѣдуютъ и остальные, взявшись всѣ за руки другъ за другомъ, по внутренней сторонѣ круга кругомъ до тѣхъ поръ, пока этотъ ребенокъ своимъ движеніемъ не образуетъ линіи улитки или спиральной линіи и пока онъ, обвитый всѣми дѣтьми, не остановится въ срединѣ. Затѣмъ, обернувшись вокругъ себя назадъ и проходя между своимъ рядомъ и сосѣднимъ рядомъ дѣтей, онъ старается развиться снова изнутри, что ему легко и удается, если только дѣти всѣ держатся крѣп-

ко другъ за друга, и во-вторыхъ, если линія улитки завита не совсѣмъ плотно. При этомъ дѣти поютъ: „пѣсню улитки“.

Руку въ руку всѣ давайте,
Хороводъ скорѣй сплетайте:
Ближе, ближе! Ну, дружнѣ!
Все тѣснѣе, все тѣснѣе!
Веселѣе, веселѣе!
Такъ любовь сердца сближаетъ,
Души всѣ объединяетъ!

При этихъ словахъ руководитель игры старается стать прямо посрединѣ. Если кругъ дѣтей окажется слишкомъ великъ, то нужно повторить одну изъ строфъ: „Все тѣснѣе, все тѣснѣе“, или даже двѣ или три строфы.

Когда руководитель игры войдетъ на средину круга, онъ тотчасъ же поворачивается, какъ выше было указано, и при этомъ поется:

Руку объ руку сплетайте,
Хороводъ вести давайте!
Дальше, дальше раздвигайтесь!
Шире, шире залетайтесь,
Все свободнѣй раздавайтесь!
Съ круга тѣснаго начнемъ,
Кругъ широкій развернемъ!

Теперь всѣ дѣти опять должны стать по возможности въ замкнутый кругъ, и затѣмъ поется:

Вдоволь мы повеселимся
И съ игрой распростимся.

Эта игра очень часто также составляетъ веселое заключеніе всего времени, предназначеннаго для игры. Она приоровлена къ этому, такъ какъ она соединяетъ всѣхъ дѣтей и товарищей по игрѣ въ полномъ жизни и вполне замкнутомъ цѣломъ, въ кругу.

Эта игра имѣетъ свой начальный и конечный пунктъ, взятый изъ жизни дѣтей: при верченіи мячика на шнуркѣ вокругъ указательнаго пальца онъ все больше приближается къ пальцу по спиральной линіи и, наконецъ, останавливается

яя немъ и затѣмъ при обратномъ движеніи по такой же линіи снова разматывается съ пальца и снова быстро наматывается на палецъ свободнымъ взмахомъ. Въ природѣ ребенокъ встрѣчается съ наблюденіемъ, напоминающимъ эту игру, въ извилинахъ раковины, которую такъ любить онъ и такимъ образомъ слова: „все, ближе, все тѣснѣе“, равно какъ и „все дальше, все шире“, не только усваиваются, но и воспринимаются, чувствомъ, какъ ощущенія движенія.

Цѣль и духъ этихъ игръ ясны сами собою,— а именно, онѣ имѣютъ цѣлю—вести въ наблюденіе природы и окружающей жизни. Примѣняясь къ этому, мы излагаемъ также и нѣкоторыя изобразительныя, чисто подвижныя игры, такъ какъ онѣ совершенно свободно выходятъ изъ самой внутренней жизни и, я сказалъ бы, изъ потребностей маленькихъ дѣтей. Кто не замѣчалъ, что дѣти съ большимъ удовольствіемъ вертятся вокругъ гладкаго дерева или кола цѣпляясь одной рукой за него или желая одной рукой обхватить его; такъ зародилась и та игра, которую мы собираемся описать. Посрединѣ нашей комнаты для игръ вслѣдствіе ея обширности стоитъ колонна незначительной толщины, предназначенная для поддержки крыши. Какъ только пройдетъ извѣстное время, предназначенное для игры, эта комната получаетъ поистинѣ магнетическую силу въ смыслѣ воздѣйствія на дѣтей: одинъ за другимъ они направляются сюда; кто изъ нихъ только могъ достигнуть колонны, тотъ обнималъ ее своей маленькой рукой или стирался, по крайней мѣрѣ, крѣпко схватить ее и затѣмъ съ радостью и весельемъ оббѣгалъ ее или даже облеталъ. Такъ какъ эта веселая игра скоро привлекала всѣхъ, то нужно было внести въ нее какой-нибудь порядокъ, и такъ возникла слѣдующая игра.

2) Игра въ мельницу.

Шесть или восемь дѣтей, смотря по тому, какъ велико число желающихъ принять участіе въ игрѣ, кладутъ сначала свою правую руку на гладкій столбъ и стараются удержаться

за него, что имъ и становится вполнѣ легко сдѣлать, не смотря на ихъ маленькія руки. Затѣмъ каждый изъ этихъ дѣтей хватается лѣвой рукой за другого, а этотъ снова за третьяго и, если позволяетъ величина колонны, то и за четвертаго, такъ что отъ колонны исходить шесть или восемь 2-хъ, 3-хъ или 4-хчленныхъ лучей. Дѣти распределяются по возможности такъ, чтобы въ каждомъ кругу стояли дѣти одинаковой величины или одинаковой силы. Поэтому или самыя большія становятся въ средину, а самыя маленькія наружу, или наоборотъ, чтобы шаганіе или быстрота движенія сообразовалась съ силою самыхъ маленькихъ дѣтей. Если самыя маленькія стоятъ снаружи и кромѣ руководителя игры есть еще нѣсколько взрослыхъ товарищей по игрѣ, то эти послѣдніе берутъ слабѣйшихъ дѣтей за руки и такимъ образомъ опредѣляютъ быстроту движенія. Однако и самыя маленькія проявляютъ при этомъ замѣчательную ловкость, такъ что быстрота скоро увеличивается. Однако руководитель игры и взрослые должны наблюдать постоянно за цѣлымъ построеніемъ и за каждымъ ребенкомъ въ отдѣльности, чтобы движеніе происходило равномерно и порядокъ дѣтей не былъ нарушенъ.

Во время этого круженія поется:

Коль на мельницѣ кружить
Колесо,—мука бѣжить,
Мы безъ усталы рѣзвимся,—
Знаьемъ всѣ обогатимся.

Здѣсь цѣлое дается для наблюденія въ видѣ мельничнаго колеса, и ребенокъ постепенно доходитъ до воспріятія движущей силы въ немъ самомъ и въ водѣ и доводится до сравненія движущаго интереса къ игрѣ съ движущей силой воды.

Въ дѣтскомъ саду Гохштедтера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ цѣлое разсматривалось, какъ крыло вѣтряной мельницы, и для этого были придуманы даже 4 стиха нижеслѣдующей пѣсенки, въ которой здѣсь прибавлены еще четыре стиха:

Вѣтеръ даль работѣ ходъ,
Вѣтеръ мельницу ведетъ,—
Знай, кружить она, кружить,
Безъ помола не стоитъ.
Вѣтеръ нашъ—желаній пылъ—
Подхватилъ онъ, закружилъ;
Время вѣтроиъ улетитъ
Насъ весельемъ подарить.

Наша дѣти очень охотно поютъ эту пѣсню также и благодаря ея подходящей мелодіи. И здѣсь также, передъ нашими глазами проходитъ сравненіе силы природы и силы духа, пониманіе одной изъ другой.

Въ упомянутомъ дѣтскомъ саду во Франкфуртѣ изъ наблюдений, сдѣланныхъ дѣтьми, въ послѣдствіи присоединились къ четыремъ первымъ еще слѣдующіе стихи:

И корабль летитъ впередъ,
Если вѣтеръ въ парусъ бьетъ.
Буря всплывитъ глубину,—
И корабль пойдетъ ко дну.

Этотъ конецъ также примѣнимъ и здѣсь, такъ какъ онъ приводитъ ребенка къ пониманію разрушающей силы слишкомъ стремительнаго движенія при этой игрѣ.

Въ эту игру можно также играть въ комнатѣ безъ столба, а слѣдовательно также и на воздухѣ. Руководитель игры привязываетъ тогда къ своимъ бокамъ платокъ или прочный шнурокъ, обвиваетъ его нѣсколько разъ вокругъ себя, и за него хватаются дѣти, стоянія около него, чтобы затѣмъ съ нимъ вертѣться. На воздухѣ эта игра удается особенно хорошо, если попадаетъ также дерево съ гладкой корой и съ полной верхушкой.

Разъ только движеніе направо окончено, оно совершается также и налѣво. Можно также для разнообразія и въ особенности, имѣя въ виду, что участіе принимаютъ въ игрѣ дѣти, еще совсемъ маленькія, вмѣсто хода большими шагами примѣнять также ходъ мелкимъ шагомъ.

Съ этою изобразительною игрою, вышедшею изъ жизни

дѣвочки, сопоставляется другая, которая обязана своимъ происхожденіемъ жизни мальчика. Она называется: 3) колесо.

Четыре, пять, шесть дѣтей, обратившись лицомъ къ срединѣ, подають другъ другу руки.

Тамъ, гдѣ два, такимъ образомъ, стоящихъ въ кругу ребенка соединены руками, къ нимъ подходитъ снаружи третій ребенокъ, который схватываетъ ихъ одной рукой, а другую онъ обращаетъ въ видѣ луча наружу. Этого ребенка за протянутую руку схватываетъ такимъ же образомъ другой ребенокъ, такъ что въ концѣ концовъ получается звѣзда, состоящая изъ четырехъ, пяти или шести лучей. Каждые два изъ этихъ лучей соединяются снова въ горизонтальномъ направленіи двумя дѣтьми, которыя взаимно подають другъ другу руки, и въ результатѣ такимъ образомъ получается большій кругъ, чѣмъ первый, параллельный съ нимъ. Если есть много дѣтей, то можно повторять это построеніе столько разъ, насколько хватитъ число дѣтей. Когда колесо замкнуто, то начинается движеніе его въ ту сторону, куда обращены лица дѣтей, образующихъ лучи или спицы. При этомъ поется:

Смотрите—колесо
Идетъ кругомъ, кругомъ;
Но прямы спицы всѣ;
Кривыя втулки въ немъ.

Старшій учитель Геккель производилъ эту игру также съ очень большимъ количествомъ дѣтей подъ именемъ „Звѣзды“ въ просторномъ саду своей школы.

Что эти игры съ ихъ веселымъ и свободнымъ проявленіемъ жизни должны приводить ребенка къ наблюденію предметовъ внѣшняго міра, равно какъ и къ наблюденію собственной жизни, а черезъ это къ сравненію и познанію того и другого и, наконецъ, впоследствии къ правильнымъ сужденіямъ и безошибочнымъ заключеніямъ,—это ясно само собою, какъ уже было показано выше:—подобно тому, какъ тотъ интересъ, съ которымъ дѣти играютъ въ эти и другія такого же рода игры, можетъ имѣть свое основаніе въ

молчаливомъ предчувствіи символическаго и полнаго значенія элемента ихъ, такъ, напр., и при этихъ круговыхъ движеніяхъ,—въ страстномъ желаніи постигнуть предметъ кругомъ, т.-е. со всѣхъ сторонъ.

Я глубоко убѣжденъ по многостороннимъ основаніямъ и опытамъ, что въ основѣ высокой, часто дѣйствительно духовной радости дѣтей при ихъ часто простыхъ играхъ, дающихъ упражненіе для тѣла, и при подвижныхъ играхъ лежитъ ни въ коемъ случаѣ не одинъ только физическій интересъ и не только дѣйствіе физической силы и тѣлеснаго движенія, но и тихое, хотя и смутное, предчувствіе ихъ тѣмъ не менѣе столь тонкаго и правильно чувствующаго сердца и пониманіе, что здѣсь скрыто высшее значеніе, что игра составляетъ какъ бы сокровищницу высшихъ духовныхъ и важныхъ для жизни истинъ.

Поэтому мы должны всѣми силами рекомендовать осмысленное наблюденіе и уходъ за дѣтскими играми, но также и проясненіе и очищеніе ихъ отъ всякаго смутнаго и чуждаго имъ элемента, чтобы, по крайней мѣрѣ, это внутреннее значеніе, этотъ предполагаемый разумнымъ ребенкомъ смыслъ игры выступалъ для него все полнѣе и полнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, само собою напрашивается убѣжденіе въ томъ, что такимъ образомъ не только пробуждается и проясняется у дѣтей нравственное чувство, но что оно также усиливается и поднимается до высшаго совершенства и должно также благотно воздѣйствовать въ качествѣ посредника на развитіе и укрѣпленіе религіознаго чувства.

При изложеніи и выведеніи этихъ игръ я слѣдовалъ за историческимъ развитіемъ и образованіемъ ихъ въ нашемъ кругу дѣтей съ определеннымъ намѣреніемъ доказать на дѣлѣ два положенія: во-первыхъ, то, что я, слѣдуя основной идеѣ и сущности этихъ игръ при ихъ изображеніи съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ ея, слѣдовалъ однако и вполнѣ свободному развитію ребенка, предусматривая постоянно уходъ за его природой и ея требованіями: во вторыхъ, чтобы показать также на дѣлѣ, что это дѣйствительно возможно и что, слѣдовательно, при истинномъ и заложенномъ глубоко

въ существѣ человѣческой природы воспитаніи и уходѣ за дѣтьми, опирающемся на нее и исходящемъ изъ нея, какъ изъ единственно вѣрнаго основанія, также возможно прочное наблюденіе общаго, какъ и самый заботливый, тщательный уходъ за особенными и индивидуальными отличіями.

Къ этимъ изобразительнымъ подвижнымъ играмъ въ формѣ круга примыкаетъ также и 4) игра въ кругъ, звѣзду, цвѣтонъ и вѣничекъ.

Всѣ дѣти вмѣстѣ образуютъ большой кругъ. Руководитель игры распределяетъ ихъ молча и въ общемъ однимъ только своимъ взглядомъ такъ, чтобы дѣти, которыя должны быть вмѣстѣ, въ цѣляхъ болѣе полнаго воспроизведенія игры, стояли въ одной четверти круга. Руководитель игры точно обозначаетъ опредѣленные для этого четыре четверти круга, которыя распределены такимъ образомъ, чтобы въ каждой находился одинъ болѣе взрослый ребенокъ, который бы могъ присматривать въ своей четверти за правильнымъ теченіемъ игры и поддерживать порядокъ во время игры. Весь кругъ движется кругомъ сначала направо и затѣмъ налѣво и при этомъ поетъ:

Бокъ-о-бокъ, за рядомъ рядъ,—
Какъ великъ намъ кругъ ея взглядъ!
Чтобъ въ немъ было веселѣе,
Занемте всѣ дружиѣ!
Не скучнѣй вамъ налегкѣ
Быть и въ маленькоиъ кружкѣ,
Потихоньку запѣвая,
Пѣсню пѣсней продолжая.

При окончаніи словъ „Не скучнѣй намъ“ руководитель игры хлопаетъ въ ладоши, и каждая изъ четырехъ четвертей круга тотчасъ же образуетъ маленькій кругъ отдѣльно отъ другихъ, который при словахъ „Быть и въ маленькомъ кругѣ“ замыкается. Затѣмъ каждый изъ маленькихъ круговъ вертится направо; наоборотъ, при повтореніи стиха „Не скучнѣй намъ“ онъ вертится налѣво.

Тогда руководитель игры опять ударяетъ въ ладоши. Всѣ дѣти cadaго круга подаютъ другъ другу правую

руку въ срединѣ круга, а лѣвую они держатъ наподобіе
луча налѣво, поворачиваются направо и при этомъ поютъ:

Сплелися мы звѣздой,
Прекрасною звѣздой,—
Той, что въ вечерній часъ
Любуется на насъ.

Тогда руководитель игры снова бьетъ въ ладоши. Всѣ
дѣти каждаго круга подаютъ другъ другу лѣвую руку въ
срединѣ круга, и кругъ вращается налѣво, при чемъ поетъ
предыдущую пѣсенку.

Руководитель игры снова ударяетъ въ ладоши. Каждый
изъ дѣтей въ каждомъ кругу кладетъ свою правую руку
на лѣвую, повернувъ ее ладонью немного вверхъ, а лѣвую
руку ладонью немного внизъ, такъ чтобы правая и лѣвая
руки двухъ сосѣднихъ дѣтей легко могли соприкасаться.
Когда это сдѣлано, дѣти каждаго круга вертятся направо
и поютъ:

Изобразимъ теперь цвѣты
Въ расцвѣтѣ красоты;
Садовникъ ими счастливъ былъ,—
Онъ ихъ сажалъ, онъ ихъ растилъ!

Снова руководитель игры бьетъ въ ладоши, дѣти кла-
дутъ, какъ раньше—правую руку на лѣвую, такъ теперь
лѣвую руку на правую, обернувъ немного вогнутую лѣвую
руку вверхъ, а правую, немного вогнутую, руку внизъ. За-
тѣмъ они берутся за руки, вращаются налѣво и поютъ, какъ
и прежде. При концѣ пѣсенки руководитель игры снова
ударяетъ въ ладоши; дѣти освобождаютъ и поднимаютъ свои
руки вверхъ, обративъ ладони наружу. Два сосѣднихъ ре-
бенка все время держатъ противоположныя руки—одинъ
правую, а другой лѣвую ладонями крѣпко другъ на другѣ,
такъ что цѣлое образуетъ вѣнокъ съ перемежающимися
верхушками. Дѣти вертятся направо и поютъ при этомъ:

Любуйтесь всѣ вѣнками.
Сплели мы ихъ здѣсь сами,
Всѣ сами изъ себя,
Родителей любя.

Руководитель игры ударяет снова въ ладоши, и дѣти начинаютъ кружиться налѣво.

Снова ударяетъ въ ладоши руководитель игры. Каждый взъ дѣтей опускаетъ свои руки на плечи обоихъ своихъ сосѣдей. При этомъ они кружатся и поютъ:

Что за чудный нашъ вѣнокъ!
Кончилъ игры нашъ кружокъ,
Онъ связалъ любовью насъ,
Радость далъ вамъ въ добрый часъ.
Дайте-жъ намъ повеселиться,
Въ хорободѣ покружиться!
Пусть звонче вторить эхо
Взрываюмъ радостнаго смѣха!
Пусть вѣнокъ нашъ исчезаетъ,
Насъ ничто не разлучаетъ!

При словахъ „Дайте жъ намъ“, руководитель игры ударяетъ въ ладоши, и всѣ четыре круга развертываются, обратившись лицами на средину комнаты. Отъ этого мѣста каждый кругъ несетя или идетъ назадъ въ двухъ противоположныхъ направленихъ наружу, такъ что всѣ четыре меньшихъ круга вскорѣ оказываются стоящими въ большемъ кругу, какъ было въ началѣ игры. Здѣсь дѣти, стоящія еще отдѣльно другъ подлѣ друга, подаютъ тотчасъ другъ другу руки и при словахъ: „Въ хорободѣ покружиться“ весь кругъ поворачивается направо кругомъ. При заключительныхъ словахъ пѣсни кругъ расходится. Каждый ребенокъ подаетъ при этомъ правую руку обимъ своимъ сосѣдямъ.

Подобно тому, какъ здѣсь четыре построения: кругъ, звѣзда, цвѣтокъ, вѣнокъ—разсматривались и толковались на расчлененной и потомъ снова сложенной игрѣ, точно такъ же можно играть и повторять каждую отдѣльную игру самоё по себѣ нѣсколько разъ съ совсѣмъ еще маленькими дѣтьми. Однако очень охотно играютъ въ нее, какъ въ составное цѣлое, и дѣти средняго возраста.

Сущность и духъ этой игры, состоянiе въ томъ, что дѣти должны доходить черезъ нее къ наблюденiю природы, своей собственной жизни, движенiй своего сердца и ихъ дѣтски

человѣческихъ чувствъ и къ уходу за ними, какъ и вообще за ихъ разумной дѣтской жизнью, легко понятны сами собою.

Изъ этихъ игръ развиваются С) игры съ бѣганьемъ.

Все время возрастающая у ребенка ловкость при ходьбѣ стремится упражняться, стремится сравнивать свою силу съ другими въ окружающей средѣ. Чистыя игры съ бѣганьемъ, игры въ догонки и въ перегонки являются первыми изъ игръ, требующихъ вполнѣ развитаго искусства ходить. И игра съ своимъ мячикомъ побуждаетъ къ этому ребенка и даетъ ему возможность упражняться въ ходьбѣ; мячикъ ускользаетъ изъ его руки, прыгаетъ отъ него, и ребенокъ, бѣгая за нимъ, старается догнать его и схватить. Но также и изъ самихъ игръ развиваются чистыя игры съ бѣганьемъ. До сихъ поръ наши дѣти на воздухѣ играли особенно охотно на площадкѣ для игръ и на продолговатыхъ широкихъ дорожкахъ сада, а также въ просторной комнатѣ 1) въ бѣганье взапуски.

Площадка для бѣга представляетъ изъ себя большое четырехугольное ристалище, которое охватываетъ грядки и садики для дѣтей, какъ рамка—грифельную доску.

Дѣти распредѣляются на пары по возможности одинаковаго роста, силы и ловкости.

Каждые два ребенка выходятъ передъ руководителемъ игръ спина въ спину на ристалище, на средину широкой стороны его. Руководитель игры съ остальными поетъ:

Дѣтки! кто скорѣе?
Взадъ-впередъ—быстрѣе!
Ну, впередъ, впередъ, впередъ!
Кто быстрѣй, тотъ призъ возьметъ!

При словѣ „взадъ-впередъ“ руководитель ударяетъ въ ладоши, и каждый изъ дѣтей, прилагая всю свою силу, бѣжать къ противоположной сторонѣ ристалища. На противоположномъ концѣ бѣгущіе перекрещиваются, и каждый изъ нихъ старается первымъ притти къ протянутой рукѣ руководителя.

При второмъ повтореніи бѣганья взапуски выходитъ на арену всякій разъ раньше другихъ та пара, которая въ предыдущемъ бѣганьи получила награду.

И въ эту совершенно простую подвижную игру дѣти играютъ съ большимъ удовольствіемъ.

Другія игры съ бѣганьемъ будутъ упомянуты еще впоследствии тамъ, гдѣ онѣ вырастаютъ какъ бы изъ всей жизни ребенка съ его игрушкой.

Въ предыдущемъ осанка тѣла и движеніе его членовъ въ отдѣльности были совершенно свободны у ребенка, но можно также обратить вниманіе на то и другое при простомъ хожденіи. Это даетъ въ результатѣ: 1) простую игру съ хожденіемъ.

Въ эту игру можно играть или въ одинъ простой рядъ или соединивши дѣтей попарно въ два ряда, что для дѣтей легче и пріятнѣе.

При выстраиваніи дѣтей могутъ встрѣтиться всевозможныя комбинаціи: можно или къ каждому маленькому ребенку прибавить большого, или можно строить дѣтей также и одинаковаго роста и при этомъ пускать впередъ то самыхъ большихъ, то самыхъ маленькихъ. Въ различныхъ видахъ движенія — прямого и кривого, вругообразнаго и спиральнаго—дѣти проходятъ комнату, площадку для игры или садъ и при этомъ поютъ:

Ногу въ ногу, ровный шагъ!
Прямо, прямо, такъ вотъ, такъ!
Вправо, влѣво, ве виляйте
И колѣни не сгибайте!
Грудь и голову—прямѣй!
Въ струнку—ноги! веселѣй!—
Ноги будутъ, какъ имъ быть,
Руки надо опустить.
Чуръ, впередъ не забѣгать,
Отъ другихъ не отставать!
Другъ за другомъ по два въ рядъ,—
Красота одна на взглядъ!

Но можно также пѣть при этомъ совершенно простую пѣсенку, сообщенную Лангеталемъ (стр. 487, № 9):

Идемъ мы ровно, стройно,
За шагомъ-шагъ спокойно.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля!

Эти игры съ хожденіемъ доставляютъ дѣтямъ большое удовольствіе.

При перемѣнѣ игръ и комнатъ мы заставляемъ дѣтей, идущихъ попарно, пѣть только слѣдующее:

Грудь—къ спинѣ! Не отставай!
Станемъ шагу прибавлять!

Чтобы предотвратить безпорядокъ и грубый, служащій помѣхой, произволь, полезно, чтобы каждая перемѣна въ игрѣ по возможности сопровождалась ритмомъ и пѣніемъ, чтобы пробуждалось и укрѣплялось въ ребенкѣ расположеніе къ порядку въ игрѣ и къ порядку вообще, заложенное въ человѣкѣ и въ ребенкѣ, и становилось для него благодѣтельною привычкою.

При простыхъ играхъ съ хожденіемъ можно пѣть просто одни звуки или лучше просто мотивы пѣсенокъ, мелодіи безъ словъ, просто, ля, ля, ля! Примѣненіе этого практикуется особенно при большихъ прогулкахъ по ровнымъ дорогамъ.

2. Игры съ хожденіемъ кругомъ.

Такъ какъ игры съ хожденіемъ кругомъ вслѣдствіе того, что здѣсь ногу приходится всегда ставить въ сторону, труднѣе, чѣмъ игры съ хожденіемъ впередъ по прямому направленію, то хорошо, если предварительно дѣти, и въ особенности совсѣмъ маленькія, будутъ упражняться больше въ играхъ перваго рода. Однако, замѣчательно при этомъ то, что именно положеніе при поворотѣ, какъ и кругообразное движеніе, имѣетъ совершенно опредѣленную привлекательность для очень маленькихъ дѣтей, какъ мы имѣли случай очень часто замѣчать. Поэтому можно въ началѣ соединить то и другое и заставлять дѣтей ходить въ кругу грудь къ спинѣ (грудь задняго ребенка приходится къ спинѣ передняго) и при этомъ пѣть:

Грудь—къ спинѣ! Впередъ, впередъ!
Затѣвайте хороводъ!

При играхъ собственно съ хожденіемъ кругомъ дѣти стоятъ бокъ къ боку и рука съ рукой. Если при этомъ имѣется въ виду подчеркнуть круговое движеніе, то дѣти поютъ:

Бокъ всѣ о-бокъ! На лугу
Закружимся мы въ кругу!

Но если при этомъ обращается особенное вниманіе на стояніе носками врозь, то дѣти поютъ:

Ноги—вольно! Сдвинься, круги!
Закружимся разонъ, вдругъ!;

При предыдущихъ подвижныхъ играхъ свободно двигающійся мячъ служилъ для ребенка какъ бы побужденіемъ и символомъ, но мячъ на и н у р кѣ не меньше содѣйствуетъ этому, какъ неоднократно было замѣчено при упражненіяхъ. Всѣ дѣти располагаются въ красиво построенный кругъ около руководителя. Онъ подаетъ одному изъ дѣтей мячъ прикрѣпленный на шнуркѣ, а шнурокъ держитъ крѣпко въ рукѣ. Отъ легкаго движенія руководителя мячъ вырывается изъ руки малютки и качается медленно въ тактъ туда и сюда. Руководитель игры сопровождаетъ это движеніе словами, при чемъ онъ поетъ:

Нашъ мячикъ прыгаетъ всегда—
Туда, сюда, сюда-туда!

Тогда онъ спрашиваетъ или того ребенка, изъ руки котораго вырванъ мячъ: „А хочешь ты показать намъ это?“—или совершенно въ общемъ видѣ: „Кто хочетъ показать намъ это?“

Обыкновенно, вызывается нѣсколько дѣтей, и руководитель по опредѣленнымъ основаніямъ выбираетъ одного изъ нихъ, ставитъ его въ средину круга дѣтей, заставляетъ его дѣлать вмѣстѣ съ мячомъ колебательныя движенія и при этомъ два раза пѣть приведенныя слова.

Тотчасъ, при первомъ проведеніи этой игры я замѣтилъ, что движеніе мячика дѣйствуетъ магнетически на дѣтей, стоящихъ въ кругу; какъ только мячикъ начиналъ коле-

баться, многія изъ нихъ также начинали покачиваться то въ одну, то въ другую сторону. Впослѣдствіи это наблюденіе повторилось. Движеніе дѣтей было сейчасъ же упорядочено и для него былъ установленъ тактъ, и отъ мяча сейчасъ же пародился цѣлый рядъ подвижныхъ игръ, которыя обусловливали опредѣленное развитіе тѣла и отдѣльныхъ его членовъ.

Подвижныя игры въ мячъ на шнуркѣ, имѣющія въ виду опредѣленное развитіе тѣла и его частей.

А. Игры съ колебательнымъ движеніемъ.

Какъ только мячъ ребенка, стоящаго въ срединѣ, перестанетъ качаться, общее стремленіе дѣтей къ движенію выражается пѣсенкой:

Мы такъ же прыгаемъ всегда
Туда, сюда, сюда, туда!

При этомъ дѣти легко двигаютъ своимъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, твердо ступая всѣ за разъ при словѣ „такъ же“ на лѣвую ногу, а правую нѣсколько поднимая, а при словѣ „мы“, наоборотъ, ступая на правую ногу и поднимая лѣвую; и такимъ образомъ попеременно они совершаютъ колебательное движеніе туда и сюда верхней частью тѣла; или же при словѣ „такъ же“ они всѣ за разъ становятся на правую ногу и поднимаютъ лѣвую и такимъ образомъ воспроизводятъ движеніе, противоположное предшествующему.

Это движеніе, воспроизводимое постоянно и равномерно, не только доставляетъ удовольствіе дѣтямъ, но и представляетъ, несомнѣнно, очень красивое зрѣлище; въ самомъ дѣлѣ, дѣти, раскачиваясь туда и сюда, двигаются, какъ легко подвижные колосья ржи въ полѣ. Понятно само собой, что руководящій игрой долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы кругъ все время оставался хорошо построеннымъ, ибо въ томъ, именно, и заключается развивающій элементъ для ребенка, чтобы онъ, находясь въ срединѣ, все время распознавалъ

себя въ своей дѣятельности, покоящейся въ немъ самомъ, и затѣмъ, чтобы онъ снова находилъ себя уже членомъ этого прекрасно построеннаго цѣлага.

Самостоятельное и самодѣятельное колебаніе мячика въ срединѣ круга имѣеть большую прелесть для дѣтей, и я глубоко убѣжденъ, что за этимъ интересомъ слѣдуетъ зорко смотрѣть для блага самого ребенка и лучшаго его общаго развитія, ибо онъ вѣрно и уже рано приводитъ ребенка къ самонаблюденію и самообладанію. Въ эту игру поэтому, обыкновенно, играютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ принимающія въ ней участіе дѣти не постоятъ въ срединѣ круга.

При большомъ количествѣ дѣтей, стоящихъ въ кругѣ, скоро сдѣлается необходимымъ для разнообразія при колебательномъ движеніи всего тѣла ввести еще другое, и ближе всего здѣсь колебательное движеніе рукъ, и именно, сначала одной правой руки.

Итакъ, разъ только малютка, стоящій въ срединѣ круга, заставилъ свой мячъ колебаться наподобіе маятника и къ тому же услышалъ, какъ раздается его пѣсенка, то каждый изъ дѣтей, стоящихъ въ кругу, качаетъ правой рукой, напѣвая при этомъ:

Рукою мнѣ легко качать—
Туда, сюда, туда—опять.

Когда находятъ все, руководствуясь цѣлымъ, въ наилучшемъ порядкѣ, можно заставить пропѣть дважды или всѣ слова, или только слова, потребныя для колебательнаго движенія.

Вмѣсто словъ „туда, сюда“ можно для разнообразія выбрать слова „впередъ, назадъ“.

Чтобы добиться общаго согласія дѣйствій и одинаковаго содѣйствія со стороны всѣхъ и такимъ образомъ сдѣлать игру образовательной и воспитательной для ребенка, необходимо смотрѣть за тѣмъ, чтобы движеніе рукъ у всѣхъ при каждомъ словѣ постоянно было одинаково; слѣдовательно, при словѣ „впередъ“ или „туда“ всѣ подаются на средину круга, къ внутренней части круга, а при словѣ „назадъ“ или „сюда“ всѣ подаются обратно.

Наблюдая это согласіе, только и можно выдѣлить и показать въ дѣйствительноеи истинный духъ и настоящую жизнь этого способа игръ, тотъ воспитывающій элементъ, который заключается въ нихъ.

Послѣ четырехкратнаго и до шестикратнаго воспроизведенія упражненія правой рукой проводится также упражненіе лѣвой рукой при словахъ:

„Лѣвую руку я двигаю и т. д.“

Затѣмъ обѣими руками за разъ и именно во-первыхъ, обѣ руки параллельно бокамъ. И здѣсь опять-таки: или обѣими руками за разъ параллельно другъ другу, все въ одномъ направленіи, напѣвая при этомъ:

Бросаю обѣ руки я.

Или: обѣими руками попеременно въ противоположныхъ направленіяхъ, напѣвая при этомъ:

Бросаю обѣ руки я,
Впередъ—назадъ, назадъ—впередъ.

Во-вторыхъ: обѣими руками параллельно съ грудью.

И здѣсь опять-таки: или обѣими руками заразъ и, слѣдовательно, параллельно одна другой, все время въ одномъ направленіи и съ прежнимъ напѣвомъ; или: двигая обѣими руками попеременно передъ грудью въ противоположныхъ направленіяхъ и напѣвая при этомъ:

Бросаю обѣ руки я,
Впередъ—назадъ, назадъ—впередъ.

Можно также дѣтямъ, стоящимъ въ кругу, производить общія движенія сплетенными руками.

Можно производить подобныя же движенія и ногами, но, конечно, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ нельзя качать заразъ обѣими ногами; слѣдовательно, правой ногой туда, сюда, или впередъ, назадъ; лѣвой ногой такъ же; правой ногой въ правую сторону; лѣвой

ногой въ лѣвую сторону. Для разнообразія можно пѣть при этомъ:

Рукой и такъ, и такъ верчу я,—
Туда—сюда качать могу я.
Какъ маятникъ часовъ качаться,
Могу движевьемъ съ нимъ сравняться.

Можно, если угодно, для развитія бедренныхъ суставовъ качать также туда и сюда верхнею частью тѣла при прочной установкѣ нижней части тѣла, напѣвая при этомъ:

Всей верхней частью я всегда
Могу вертѣть—туда, сюда.

Чтобы ввести дѣтей качаніемъ мячика и особенно рукъ въ пониманіе одушевленной природы, чтобы дать впечатлѣніямъ отъ нея больше опредѣленности, можно заставить дѣтей пѣть слова Лангеталя:

Вѣтромъ вѣтку такъ качаетъ,
Какъ дитя мое играетъ—
Туда, сюда, туда!

Если число дѣтей не очень велико, то руководитель игръ можетъ доставить имъ удовольствіе, а именно поодиночкѣ качаться съ сомкнутыми ногами такъ, чтобы верхняя часть тѣла при этомъ оставалась въ покоѣ. Онъ подзываетъ одного ребенка изъ круга къ себѣ на середину, хватаетъ его подъ руки и, поднимая его немного, поетъ:

Подниму тебя руками,
Двигаю такъ и такъ ногами!

На это ребенокъ поетъ:

Поднял ты меня руками,
Я могу качать ногами.

А кругъ дѣтей поетъ:

Онъ его приподнимаетъ;
Ноги тотъ передвигаетъ.

Если дѣти предварительно уже нѣсколько потрудились, эта игра можетъ служить пріятнымъ отдыхомъ, соединеннымъ въ то же время съ занятіемъ.

Когда мячъ сильно качнется въ извѣстную сторону, онъ иногда начинаетъ вертѣться вокругъ себя самого или кружится вокругъ концовъ пальцевъ, которые крѣпко держатъ его на шнуркѣ. Это круговое движеніе мяча на шнуркѣ, приведеннаго въ движеніе концами пальцевъ правой руки, даетъ существованіе цѣлому ряду круговыхъ и вращательныхъ игръ, имѣющихъ въ виду развитіе всего тѣла.

В. Круговыя и вращательныя игры съ мячомъ.

Ребенокъ, стоящій въ срединѣ игральнаго круга, присоединяется къ предыдущей игрѣ съ мячомъ, качая свой мячъ и напѣвая:

Мой мячикъ прыгаетъ легко—
Туда, сюда, туда—
И вертится кругомъ.

Дѣти, стоящія въ кругу, двигаются затѣмъ, качаясь или переступая, какъ указано выше, съ одной ноги на другую, и поютъ при этомъ:

Перебѣгаемъ мы легко
Туда, сюда, туда—
И ходимъ всѣ кругомъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ весь кругъ идетъ кругомъ или направо или налево.

Послѣ того, какъ всѣ дѣти повернутся въ кругѣ, выходитъ всякій разъ новый ребенокъ на середину круга и раскачиваетъ свой мячъ.

Теперь, когда всѣ дѣти повернутся въ кругѣ, каждый можетъ снова покачать кругообразно одинъ изъ своихъ членовъ. Значить, ребенокъ, стоящій въ срединѣ круга, поетъ и показываетъ:

Мой мячикъ прыгаетъ легко и т. д.

Затѣмъ всѣ дѣти, находящіяся въ кругѣ:

Рукою мнѣ легко качать.

Руку, опущенную вертикально, можно раскачивать въ свою очередь или сзади напередъ или наоборотъ.

Какъ правую руку, такъ можно раскачивать и лѣвую; какъ руки, такъ и ноги. Кругъ, получаемый при качаніи ногами, конечно, будетъ горизонтальнымъ, а при качаніи руками—вертикальнымъ.

При кругообразномъ качаніи руками можно также для разнообразія пѣть:

Какъ вѣтеръ мельницу вертять,
Такъ и рука моя кружить.

Этимъ можно воспользоваться для игры въ вѣтряную мельницу. Одинъ изъ дѣтей выступаетъ на середину круга, качаетъ рукой и при этомъ поетъ:

Есть вѣтеръ—мельница шумить,
Работа—на-чеку,
И превращается зерно
Полю жервовомъ въ муку.

Затѣмъ кругъ играющихъ кружится около ребенка, стоящаго въ срединѣ, и поетъ:

Работай мельникъ! Въ добрый часъ!
Готовишь ты муку для насъ.

Другой ребенокъ выступаетъ затѣмъ на средину и поетъ:

Сдайте мельницу въ наемъ!
Такъ молоть а мы начнемъ!

Затѣмъ онъ начинаетъ снова:

Есть вѣтеръ и т. д.

Всѣ дѣти также могутъ въ соответствующемъ отдаленіи и, слѣдовательно, въ продолговато-растянутомъ кругу въ то же время качать руками и при этомъ пѣть:

Мельницы на горкѣ крыльями вертять,
Дать работу вѣтру всѣ онѣ хотятъ.
Имъ зерно возами, вижу я, везутъ,—
Все онѣ мукою людямъ отдадутъ.
Пекаря начвуть намъ хлѣбы выпекать
Чтобы милымъ дѣткамъ голода не знать!

Многосторонне-образовательный элемент этой игры ясенъ. Въ эту игру можно играть въ заключеніе всего послѣ того, какъ уже нѣсколько отдѣльныхъ дѣтей изобразили собою мельницу.

При кругообразныхъ движеніяхъ ногъ и ступней слѣдуетъ кружить мячъ на ниткѣ такъ, чтобы онъ описывалъ горизонтальный кругъ:

Ногами все изобразится,
Какъ мячикъ на шнуркѣ вертится.

При кругообразномъ движеніи мяча на ниткѣ, въ особенности, когда кругъ стоитъ, можно также обратить вниманіе и на то, что одна сторона мяча постоянно будетъ обращена къ срединѣ или что онъ направленіемъ своего шнура постоянно будетъ какъ бы указывать на средину. Ребенокъ, который вертитъ мячъ на шнуркѣ, обративъ вниманіе на это и понявъ, въ чемъ дѣло, поетъ при этомъ:

Какъ нашъ мячикъ ни вертится,
Видѣть центръ всегда стремится.

Слѣдующая игра опять-таки причисляется къ общимъ и чистымъ подвижнымъ играмъ. Всѣ дѣти въ кругу поднимаютъ сначала правую руку до горизонтальнаго положенія, указывая ею на средину, и всѣ, кружась все въ одномъ кругу, поютъ:

Хоть въ кругу мы и вертимся,
Видѣть центръ всегда стремимся.

Что сначала дѣлалось правой рукой, то же самое производится и лѣвой.

Затѣмъ дѣти опускаютъ руки, всѣ поворачиваютъ свои лица къ срединѣ круга, идутъ кругомъ и при этомъ поютъ:

Хоть въ кругу мы и вертимся,
Видѣть центръ всегда стремимся.

Здѣсь особенно нужно замѣтить, что кругъ при этомъ долженъ быть по возможности идеально круглымъ. Дѣти

и сами обратить вниманіе на то, что середину виднѣе тѣмъ лучше и, слѣдовательно, на нее указывать можно тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ болѣе кругль будетъ кругъ. Это подчеркивается также пѣсенкой:

Если правденъ нашъ кругъ,
Въ немъ средину видно вдругъ.

Когда и играющія дѣти совершенно ясно представляютъ себѣ это и также ясно выразить это на словахъ, руководитель игры задаетъ вопросъ въ совершенно общемъ видѣ: „А можете ли вы показать мнѣ средину? Можешь ли ты выступить на средину?“—„Да!“ въ нѣсколько голосовъ навѣрное послѣдуетъ за этимъ.

Руководитель игры начинаетъ тогда съ ребенка, котораго онъ считаетъ лучше всѣхъ усвоившимъ это, и говорить, обращаясь къ нему:

Гдѣ же середина,—
Ты покажи намъ!

Руководитель игры тихо сопровождаетъ его, по возможности, до самой средины круга, позволяетъ ему постоять тамъ нѣсколько секундъ и затѣмъ уводитъ его обратно при пѣніи:

Ты весь исполнилъ вашъ приказъ,—
Иди на мѣсто самъ сейчасъ!

Такимъ образомъ руководитель игры подводитъ каждого изъ дѣтей круга въ срединѣ его и уводитъ обратно. Какъ ни проста эта игра, однако мы воспроизводили ее уже больше трехъ лѣтъ во многихъ дѣтскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ съ дѣтьми еще совсѣмъ маленькими, и всегда эта игра вызвала общее удовольствіе, и надо замѣтить, что и эта игра вызвала самими дѣтьми одного изъ такихъ заведеній по ихъ собственному почину.

Лангеталь, которому было сообщено объ этомъ, прекрасно воспроизвелъ ее въ словахъ:

Гдѣ же середина,
Ты покажи намъ,—

Будемъ ходить,
Кругъ свой водить“.

(См. стр. 482, № 1).

Если при движеніи кругомъ окажется безпорядокъ, отступленіе отъ формы круга и т. д., то ребенокъ, стоящій въ серединѣ, долженъ поднятіемъ руки по направленію къ допустившему ошибку обратить на это вниманіе. Если, наоборотъ, ребенокъ не сдѣлаетъ этого, то кругъ имѣетъ право обратить его вниманіе на эту обязанность, припѣвая при этомъ:

Кто въ серединѣ быть желаетъ,
Тотъ порядокъ соблюдаетъ.

Это взаимодѣйствіе между центромъ и окружностью и эта обзорѣвательная и надзирательская дѣятельность ребенка, стоящаго въ серединѣ, всякій разъ, какъ она проявлялась, возбуждала всегда большое участіе, и кругъ благосклонно бракъ на себя обязанности маленькаго распорядителя, а иногда безпорядокъ возбуждался умышленно, чтобы испытать внимательность маленькаго руководителя игры.

Изъ этой игры развилась игра: „Малютна, помрунись“. Она присоединяется непосредственно въ предыдущимъ играмъ, и въ виду того, что она совершенно незамѣтно вышла изъ дѣтской жизни, она разыгрывается дѣтьми очень охотно.

Сообразно съ числомъ играющихъ дѣтей, они распредѣляются въ три, въ четыреб или даже больше вруговъ по 6 и самое большее по 8 дѣтей въ каждомъ такъ, чтобы въ каждомъ кругѣ были дѣти различныхъ возрастовъ и чтобы, слѣдовательно, маленькія были соединены съ большими. Круги распредѣлены красиво на игральномъ плацу такъ, что они, вмѣстѣ взятые, образуютъ нѣчто цѣльное.

Самый болыній ребенокъ въ каждомъ кругу бываетъ и спеціальнымъ руководителемъ его; общій руководитель всѣхъ вруговъ стоитъ въ серединѣ, чтобы движенія во всѣхъ кругахъ совершались равномерно, чтобы частное и общее красиво проникали другъ друга и, такъ сказать, подавали бы другъ другу руку помощи въ дѣлѣ взаимнаго яснаго изобра-

женія. Въ салонъ дѣлѣ, въ томъ-то именно и заключается духъ и характеръ этихъ игръ и этого способа игръ: ребенокъ, переживая самымъ чистымъ и самымъ полнымъ образомъ все въ своей личной живни, дѣйствуетъ въ то же время въ согласіи и въ единодушіи съ цѣлымъ, принимая во вниманіе и признавая его требованія. Если не принимать въ расчетъ этого высшаго духа игры и жизни, который можетъ обнаружиться уже здѣсь при 10 или 12 играющихъ дѣтяхъ, то игры теряютъ всякое значеніе для ума и сердца.

Дѣти, расположенныя, какъ было указано выше, кружатся и поютъ по данному руководителемъ игры знаку въ различныхъ кругахъ разомъ:

Мы всѣ рука съ рукой стоимъ,
Въ кругу кружиться мы хотимъ,
Мы всѣ средину знать хотимъ.
Кто найдетъ ее для насъ,
Нашъ поклонъ—тому сейчасъ.

Вышедшій для этого на средину ребенокъ или одинъ изъ вышедшихъ ставится руководителемъ игры какъ разъ на средину правильно построеннаго круга, и дѣти, наклоняясь въ сторону ребенка, стоящаго въ срединѣ, поютъ ему:

Поклонъ—тебѣ, тебѣ—поклонъ,
Поклонъ—тебѣ!
Спой намъ пѣсню, за тобою
Запоёмъ мы всѣ гурьбою.

Ребенокъ, стоящій въ срединѣ, ударяетъ въ ладоши и подъ тихій аккомпаниментъ остальныхъ поетъ:

Кругомъ, кругомъ! Въ кругу—кругомъ!
Всегда, всегда, всегда—кругомъ!

При этомъ кругъ кружится направо. Съ окончаніемъ пѣсенки ребенокъ снова ударяетъ въ ладоши и кругъ подъ ту же пѣенку кружится налево.

По окончаніи пѣсенки ребенокъ снова ударяетъ въ ладоши, кругъ останавливается и поетъ хоромъ:

Мы стоимъ всё по иѣстанъ,
Протанцуй свой танецъ намъ!
Мы споемъ тебѣ всѣмъ хоромъ,
Танцы въ тактъ—споемъ всѣмъ хоромъ.

Кругъ дѣтей ударяетъ въ ладоши и поетъ; между тѣмъ ребенокъ поворачивается какъ разъ на срединѣ круга вокругъ самого себя, вокругъ своей оси, т.-е. оставаясь по возможности на своемъ мѣстѣ.

Если это трудно ребенку въ виду его еще слишкомъ малаго возраста, то руководитель игры, который вмѣстѣ съ нимъ выходитъ на средину, или одинъ изъ большихъ дѣтей подаетъ ему средній палецъ своей правой руки, который ребенокъ легко обхватываетъ пальцемъ одной изъ своихъ рукъ и затѣмъ кружится, какъ колесо вокругъ своей оси.

Когда пѣсенка придетъ къ концу, весь кругъ снова ударяетъ въ ладоши, и малютка, стоящій въ срединѣ, при повтореніи пѣсенки поворачивается на лѣво. По окончаніи этого игра начинается снова и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣти не постоятъ и не перевернутся въ срединѣ круга.

Эта игра очень благопріятна для взаимнаго обмѣна частнаго съ цѣлымъ и общимъ, поэтому дѣти охотно играютъ въ нее.

Въ концѣ всего всѣ маленькіе круги могутъ снова сойтись въ большой кругъ, какъ прежде могли образоваться именьшіе круги изъ большого но данному раньше наставленію. Такимъ образомъ является отдѣльное, частное и общее въ прекрасной постепенности и въ согласіи, благодаря чему ребенокъ начинаетъ понимать и толковать легко и ясно впослѣдствіи въ школѣ, въ природѣ и въ жизни такія отношенія, какъ, на примѣръ, отношенія въ строеніи міра.

Къ важнѣйшимъ жизненнымъ опытамъ для ребенка, равно какъ и для взрослоаго, принадлежитъ, конечно, то на-

блюденіе, что изъ чего-либо даннаго при дальнѣйшемъ постоянномъ продолженіи развитія легко получается и изображается нѣчто прямо противоположное ему.

Произвести это наблюденіе и опытъ на ступени дѣтской невинности, на ступени единства сердца, духа и жизни, слѣдовательно, въ свободной отъ всякихъ волненій дѣтской и юношеской игрѣ,—наблюденіе, которое подъ руководствомъ мудраго воспитателя возвышается до яснаго сознанія, до вѣрнаго взгляда на жизнь и руководящаго закона жизни,— есть, конечно, дѣло въ высшей степени счастливой судьбы и благодатнаго промысла Божія, которому дѣти и юношество могутъ только радоваться. Ребенокъ получаетъ благодаря этому уже рано талисманъ, который гарантируетъ ему въ позднѣйшемъ, полномъ страстей, юношескомъ возрастѣ не только чистоту жизни, но и, чтб гораздо выше, чистоту духа и сердца.

Этотъ опытъ и наблюденіе даютъ въ особенности подвижныя игры съ кругообразными движеніями и среди нихъ именно слѣдующая игра: „Видѣть другъ друга и не видѣть другъ друга“.

Дѣти стоятъ въ кругу и кружатся. При этомъ поются слова, сочиненныя отчасти Тангеталемъ и приведенныя выше (стр. 484, № 5):

Мы кружимся, тапцуемъ,
Ля, ля, ля, ля, ля, ля!
Не видимъ мы другъ друга,
Ля, ля, ля, ля, ля, ля!
Питчи-патчъ, питчи-патчъ!
Средину всѣ мы видимъ,
Да, да, да, да, да, да!
Мы кружимся, тапцуемъ,
Да, да, да, да, да, да!
Такъ чудесно хорошо,
Танцевать въ кругу еще!

Теперь кругъ разрывается въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Руководитель игры поворачивается вмѣстѣ съ своими ближайшими товарищами по игрѣ наружу и затѣмъ повертывается

пазадъ,—ему слѣдуютъ и всѣ играющіе, повертываясь назадъ рука объ руку, и постепенно каждый на своемъ мѣстѣ,—въ противоположномъ направленіи, составляя кругъ. При этомъ кругъ поетъ:

Должны мы обернуться,
Пока концы сомкнутся.

Это повертываніе совершается послѣ однократнаго или двукратнаго пѣнія этихъ словъ, смотря по тому, какъ великъ кругъ. Когда кругъ будетъ замкнутъ и такимъ образомъ всѣ играющіе повернутся, стоя лицомъ наружу, то руководитель игры начинаетъ, а всѣ тотчасъ подхватываютъ:

Мы кружимся, танцуемъ,—
Ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!
Не видимъ мы другъ друга,
Ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!
Питчи-патчъ, питчи-патчъ!
Средину мы всѣ видимъ,—
Да, да, да, да, да, да, да!
Такъ чудесно, хорошо
Танцевать въ кругу еще!

Затѣмъ начинается снова въ обратномъ порядкѣ съ предыдущимъ поворачиваніемъ лицомъ внутрь подъ пѣсню:

Должны мы обернуться,
Пока концы сомкнутся!

И затѣмъ игра можетъ начинаться снова, какъ указано выше.

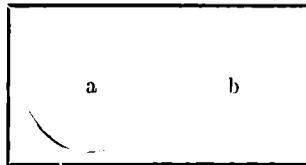
Чтобы увидѣть, какъ въ зеркалѣ, разницу между различными видами ихъ положенія, дѣти, находясь въ первомъ положеніи, когда лица повернуты другъ къ другу, могутъ ударять въ ладоши; при второмъ положеніи, когда спина стоитъ къ спинѣ,—ударять также, но уже спинками ладоней. Такіе члены сравненія, чтобы помочь ребенку въ приобрѣтеніи ясныхъ взглядовъ и въ доведеніи ихъ до сознанія, существенно важны и должны быть удержаны вездѣ, гдѣ только они намъ представляются. Въ нихъ, насколько

игра представляет намъ это, заключается, собственно, развивающій, воспитательный и образовательный элементъ дѣтскихъ игръ вообще и именно тѣхъ, которыя выставлены мною съ яснымъ совнаніемъ для этой пѣли.

Но красивѣе и образовательнѣе, если позволяетъ пространство для игры, бываетъ слѣдующій второй способъ игры „Видѣть другъ друга и не видѣть другъ друга“.

Игра начинается опять, какъ и прежде, однако съ тѣмъ, чтобы кругъ а былъ такой величины, чтобы онъ занималъ только половину свободного пространства, чтобы во второй, еще свободной половинѣ в могъ образоваться второй кругъ, въ которомъ дѣти располагаются лицами наружу.

Мѣсто для игры.

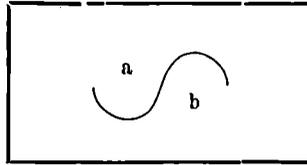
Итакъ, стоя въ кругу а, дѣти поютъ:

Мы кружимся, тавцуемъ,
Ля, ля, ля, ля, ля, ля!
И видимъ мы другъ друга,
Ля, ля, ля, ля, ля, ля!
Питчи-патчъ, питчи-патчъ!
Средину всё мы видимъ,
Да, да, да, да, да, да да!
Мы кружимся, тавцуемъ,
Да, да, да, да, да, да да!
Такъ чудесно, хорошо
Танцевать въ кругу еще!

Тогда руководитель игры открываетъ кругъ со стороны в, гдѣ находится вторая половина еще свободного пространства, и идетъ, а всё остальные слѣдуютъ за нимъ, какъ бы съ намѣреніемъ продолжать первый кругъ; но онъ повертывается отъ него наружу къ пространству в такъ, чтобы при второмъ кругѣ, который еще предстоитъ обра-

зовать, спины всѣхъ были обращены къ срединѣ, а лица — наружу и чтобы цѣлое образовывало спиральную линію.

Мѣсто для игры.

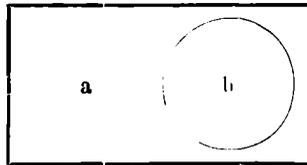

Въ то время, какъ это происходитъ, играющіе поютъ:

Должны мы обернуться,
Пока концы сомкнутся.

Какъ только затѣмъ во второй половинѣ пространства для игры, второй кругъ **b** замкнется дѣтьми, лица кото-

Мѣсто для игры.

рыхъ будутъ наружу, онъ поетъ, кружась, какъ прежде:

Мы кружимся, тацуемъ и т. д.

И здѣсь находить примѣненіе предыдущее замѣчаніе съ различными видами хлопанья въ ладоши.

Тогда руководитель игры открываетъ кругъ, какъ прежде, но съ противоположной стороны, слѣдовательно со стороны **a**, и образуетъ снова спиральную линію въ противоположномъ съ предыдущимъ направленіи, при чемъ всѣ опять поютъ:

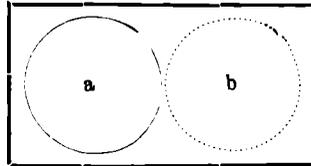
Мы кружимся, тацуемъ и т. д.

И затѣмъ игра начинается снова. Фигура, по которой поэтому происходитъ движеніе въ этой игрѣ, похожа, если разсматривать ее въ цѣломъ, на лежащую восьмерку.

Этимъ можетъ быть и завершено изложеніе по-

движныхъ игръ съ кругообразными движеніями, исходящими отъ мяча, а равно и указаніе ихъ важности для всей жизни— для тѣлесной, духовной и нравственной жизни ребенка и за-

Мѣсто для игры.

тѣмъ въ послѣдствіи челоуѣка. Если окажется, что что-нибудь было, можетъ быть, здѣсь упущено, то это присоединится еще лучше къ болѣе опредѣленнымъ и болѣе яснымъ движеніямъ, исходящимъ отъ шара, отъ котораго и будетъ исходить дальнѣйшее продолженіе подвижныхъ игръ.

Подвижныя игры, исходящія отъ мяча и примыкающія къ нему, игры съ подъемами и пониженіями, связанныя со скачущими и прыгающими движеніями, оставлены нами на будущее время.

Подвижныя игры съ пѣніемъ.

Та особенная радость, которая послѣ многолѣтняго опыта всякій разъ снова свѣтилась въ дѣтлхъ при этихъ играхъ, и то блаженство, которое неоднократно представляла жизнь въ кругу дѣтей, возбуждали во мнѣ очень часто вопросъ: что же это такое, что производить такое дѣйствіе въ этихъ играхъ?—Я смотрѣлъ, какъ дѣти двигаются, и приходилъ къ заключенію, что есть опредѣленный законъ, по которому они двигаются. Съ этими движеніями связываются маленькія риемы. Эти риемы звучатъ въ пѣніи; движеніе, риемъ и звукъ—все это связано воедино; тѣлесная, духовная и моральная дѣятельность—все соединено въ прекрасномъ цѣломъ. Также соединяется ребенокъ, въ свою очередь, со своими товарищами по игрѣ, а эти послѣдніе—со своимъ учителемъ. Да, со всѣхъ сторонъ здѣсь про-

глядывается единство жизни, гармонія, полная жизни, также и въ дѣтяхъ, какъ навстрѣчу имъ. Она, безъ сомнѣнія, и есть то, что открываетъ все снова и снова источники радости въ ребенкѣ. А развѣ не эта же гармонія производитъ столь большія дѣйствія и во взросломъ человѣкѣ? Я коснусь теперь только всеобщей силы музыки, центръ которой составляетъ гармонія. Но я могъ бы подчеркнуть и еще нѣчто другое—это наши публичные праздники для народа. А что иное захватываетъ насъ часто такъ глубоко въ этихъ праздникахъ, какъ не проникновеніе единой мыслью, какъ не всеобщее соединеніе всѣхъ силъ съ цѣлью поставить эту мысль, хоть какъ-нибудь и благодаря чему бы то ни было, въ центръ всей жизни?—Эта истинная радость жизни, которая проявляется у дѣтей, а также и у взрослыхъ, для меня служить яснымъ доказательствомъ того, какъ единство жизни, такъ прочно обоснованное въ существѣ человѣка, составляетъ съ нимъ нѣчто единое. Этимъ объясняются и столь многія попытки въ погонѣ за единствомъ и за объединеніемъ жизни съ цѣлью приобщить эту постоянную радость къ нашей обыкновенной, обыденной жизни.

Каждое изъ этихъ стремленій будетъ имѣть результаты только постольку, поскольку въ основѣ его лежитъ глубокая серьезность, проявляющаяся въ томъ, чтобы не только распознать требованія человѣческаго существа, но и въ томъ, чтобы осуществить ихъ всею своею самостоятельно развивающеюся жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ отразить въ собственной жизни въ дѣлѣ и правдѣ жизненное единство, которое и является основой всякаго творчества.

Первая игра, которую я намѣренъ сообщить здѣсь, есть хороводная пляска. Именно, я вывелъ взаимное отношеніе, точки соприкосновенія въ жизни хоровода и центральнаго его пункта. Образуютъ кругъ; ставятъ затѣмъ въ средину его ребенка поближе къ остальнымъ дѣтямъ, т.-е. удаляютъ его немного отъ центра. Всѣ дѣти затѣмъ напѣваютъ этому ребенку, дѣлая въ то же время пригласительные жесты рукой:

Гдѣ же середина?
Ты покажи найи!
Будемъ ходить
Кругъ свой водить! (См. стр. 482 № 1).

Затѣмъ ребенокъ становится на средину и поетъ:

„Вотъ гдѣ середина (при этомъ онъ указываетъ на то
мѣсто, гдѣ онъ стоитъ),
Здѣсь вотъ—вашъ кругъ (при этомъ онъ указываетъ кру-
гомъ на кругъ, который образуютъ остальные дѣти)

Дружно кружитесь,
Пойте всѣ вдругъ!

Затѣмъ онъ останавливается и ударяетъ въ ладоши, а остальные дѣти кружатся вокругъ него и поютъ:

Кругомъ, кругомъ! въ кругу—всѣ мы.
Въ кругу—всѣ мы, всѣ мы—въ кругу!

Движеніе кругомъ сначала можетъ быть совершенно свободно, но впослѣдствіи должно выполняться подѣ тактъ пѣсенки. Когда пѣсенка будетъ спѣта два раза, то кругъ останавливается, а центръ двигается дальше.

Вторая игра есть также хороводная пляска, которая можетъ быть прекрасно выполнена при привѣтливомъ и пріятномъ блескѣ солнца. Цѣлое носитъ спокойный, объединяющій характеръ.

Всѣ дѣти стоятъ въ кругу. Учитель выходитъ на средину, и тогда дѣти начинаютъ двигаться кругомъ и при этомъ поютъ (см. стр. 483, № 2):

Намъ солнце привѣтъ посылаетъ,
Весь кругъ нашъ танцуетъ, играетъ.
Мы всѣ въ своемъ кругу вдемъ,
Мы—солнцу пѣсенку поемъ.

При повтореніи пѣсенки кругъ можетъ вращаться въ противоположную сторону. Слѣдовательно, если раньше онъ вращался направо, то теперь будетъ вертѣться налѣво кругомъ. При этомъ впослѣдствіи нужно упражняться въ движе-

ній вокругъ подѣ тактъ. Каждый шагъ, слѣдовательно, при этомъ продолжается столько времени, какъ и всякій слѣдующій шагъ.

Также подѣ тактъ кружатся въ третьей игрѣ, называемой также хороводной пляской, которую дѣти могутъ исполнять неумоимо, повторяя каждый разъ снова, какъ она красива (стр. 483, № 3):

Стоимъ веселымъ мы кружкомъ,
Танцуемъ всѣ мы дружно въ немъ.
Руку—въ руку
И—вкругомъ!
Дружно, дружно—
Въ кругъ кругомъ
Мы танцуемъ всѣмъ кружкомъ,
Наши пѣсенки поемъ,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля!

При третьемъ „ля“, гдѣ тонъ повышается, поднимаются вверхъ руки, продолжая держаться одна за другую. То же дѣлается и при повтореніи.

Четвертая игра сопряжена также съ равномерными движеніями, такъ что всѣ шаги продолжаются одинаковое время. Ее можно использовать въ особенности благодаря ея словамъ, чтобы ввести въ первый разъ движеніе подѣ тактъ. (См. стр. 484, № 4).

Ровнымъ шагомъ,
Мѣрнымъ шагомъ
Мы всѣ идемъ
Въ кругу своемъ
И весело поемъ:
Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля!

Какъ только начинается „ля, ля“, тотчасъ руки, которыми дѣти взяли другъ за друга, двигаются впередъ, затѣмъ также назадъ, чтобы волненіе, которое лежитъ въ мелодіи этой пѣсни, было выражено и во всемъ движеніи.

Пятая игра—хороводъ. Дѣти сначала стоятъ, отъвернувшись отъ круга, и, слѣдовательно, смотрятъ наружу и затѣмъ только поворачиваются къ нему, чтобы понимать разнообразіе положеній (см. стр. 484, № 5):

Мы кружимся, танцуемъ и т. л.

Поедъ того, какъ это будетъ пропѣто дважды, кругъ останавливается, всѣ бьютъ въ ладоши и поютъ: „Питчи-патчъ! и т. д.“

Затѣмъ раздается приказъ:

Теперь повернитесь!

Въ отвѣтъ на это всѣ становятся другъ къ другу лицомъ. Затѣмъ далѣе идетъ:

Мы кружимся, танцуемъ и т. д.

Затѣмъ снова такъ же, какъ сначала, до самаго конца.

Шестой хороводный танецъ называется зимней игрой и имѣетъ своею цѣлью заставлять дѣтей выражать свою радость по поводу выпавшаго снѣга. Всѣ становятся въ кругъ. Въ началѣ пѣсни всѣ продолжаютъ стоять, но сопровождаютъ оживленнымъ поднятіемъ рукъ и ладоней каждое „ура“. Какъ только начинается строфа: „По снѣговому полю“ и т. д., всѣ легко и быстро схватываются за руки и подъ тактъ воспроизводятъ круговое движеніе. Вотъ и слова пѣсенки, которыя я однажды нашелъ въ одной книгѣ („Пѣсни юношества для школы и дома“) (см. стр. 486, № 6):

Ура! Ура! Ура!
Къ вамъ въ гости—спѣгъ! Ура!
По снѣговому полю
Кататься можно вволю,,
Какъ по рѣчному льду.
Затѣмте игру!
Ура, ура, ура!

Найдется также поводъ водить хороводъ и подъ другую пѣсенку, которую я нашелъ въ той же книгѣ и къ которой я сочинилъ мелодію (см. стр. 486, № 7), именно, когда вечеромъ начинается свѣтить луна:

Кто васъ насеть, овечки?
Лишь мѣсяцъ золотой,
Что смотритъ изъ-за лѣса
Съ лазури голубой!

Другое круговое движеніе: если намѣчается каждый второй ребенокъ, который долженъ двигаться, и идти такимъ образомъ извивающимся ходомъ вокругъ стоящихъ на мѣстѣ дѣтей. Слова пѣсенки, которую нужно пѣть при этомъ, слѣдующія (стр. 486, № 8):

Веровочкой вьемся
Въ кругу всей гурьбою,
Поемъ, вселдимся
Мы сами собою.

Очень пріятно бываетъ и для дѣтей, если они ходятъ въ тактъ другъ за другомъ. Можно заставлять ихъ продѣлывать это въ ограниченномъ пространствѣ комнаты, если уже движеніе происходитъ частью въ формѣ круга, частью извивансь. Требуется оборотъ: направо или налево кругомъ. Тогда заставляютъ упражняться сначала въ хожденіи подъ тактъ: разъ, два, разъ, два и т. д., затѣмъ ходятъ подъ тактъ пѣсенки (см. стр. 487, № 9):

Нога въ ногу идемъ мы
И весело поемъ мы:
Ля-ля, яя-ля, ля-ля!

Другая пѣсенка при путешествіи (см. стр. 487, № 10), вторая строфа которой однако приноровлена къ началу весны, будетъ слѣдующая:

Мы весело гуленъ,
Мы устали ве зваемъ,
Идемъ мы рядами и дружно поемъ:
Ля-ля, яя-ля, ля-ля!
Поля, яѣса, долины,
Деревья-испоины,
Одѣньтесь же въ зелень, порадуйте васъ!

Руки при этомъ могутъ быть опущены по швамъ, а при болѣе высокомъ тонѣ, при „ля, ля“, гдѣ это указано, онѣ могутъ быть подняты вверхъ, и при послѣднемъ тактѣ можно хлопнуть въ ладоши.

Слѣдующая пѣсенка-маршъ приноровлена къ весѣ, когда выходитъ на воздухъ (см. стр. 488, № 11):

Весна вернулась снова,
Даль неба голубого
Манить въ поля безъ слова.
Какъ хорошо въ поляхъ весной!
Таиъ вѣтерокъ порхаеъ,
Таиъ аромать вѣтаеъ,
Таиъ воздухъ все живить собой!
Весна пришла въ наиъ снова,
Даль неба голубого
Минить въ поля безъ слова!
Какъ хорошо въ поляхъ весной!

И къ зимѣ приноровлена слѣдующая пѣсня (стр. 488, № 12) въ видѣ превосходнаго марша:

Весело, бодро
Гладкой дорожкой
Съ горки зима къ наиъ идетъ,—
Все освѣжаеъ,
Всѣхъ обновляеъ,
Новыя пѣсни несеть.

Движеніе должно итти въ одномъ направленіи вверхъ и въ другомъ—внизъ. Оно идетъ, сообразуясь съ мелодіей, быстро и коротко обрываясь. При словахъ „гладкой дорожкой“ можетъ наступить перемѣна, соотвѣтствующая движенію санокъ внизъ: правая нога скользитъ при словѣ „бодро“ впередъ, а лѣвая—назадъ. Такъ же точно при словѣ „гладкой“ и при словѣ „дорожкой“. Затѣмъ движеніе продолжается, какъ и въ началѣ. При словѣ „зима“ можно каждый разъ ударять въ ладоши. Эти разнообразныя, но соотвѣтствующія съ природой цѣлаго движенія являются очень развивающими и образовательными и потому доставляютъ удовольствіе ребенку.

Кромѣ того, ребенокъ незамѣтно свыкается съ ними, подобно тому, какъ тѣло должно слушаться мысли, должно выполнять ея требованія. Я видѣлъ въ различныхъ мѣстахъ въ школахъ для маленькихъ дѣтей также и общія движенія.

которыя однако долженъ былъ признать совершенно пустыни и безцѣльными, такъ какъ въ нихъ не только отсутствовала всякая мысль, но къ тому же они были и слишкомъ легки для того, чтобы упражнять, по крайней мѣрѣ, тѣло.

И при этихъ движеніяхъ могутъ явиться разнообразныя соединенія. Одно изъ нихъ есть, на примѣръ, слѣдующее: его можно было бы назвать тройнымъ шагомъ: одна нога, на примѣръ, правая, ступаетъ впередъ, лѣвая слѣдуетъ за нею, затѣмъ правая продолжаетъ. Тогда лѣвая нога ступаетъ впередъ, правая слѣдуетъ за нею и лѣвая опять продолжаетъ. При этомъ оба первыхъ шага коротки а третій по длинѣ равняется обоимъ предыдущимъ. Слова къ соответствующей пѣсенкѣ слѣдующія (см. стр. № 10):

„Какъ легко,
Хорошо!
Какъ въ своемъ кругу пріятно!
Воздухъ чистъ
И душистъ!
Пѣть намъ пѣсни какъ занятно!
Ля, ля и т. д.“

Въ началѣ перваго и третьяго такта второй музыкальной фразы, руки поднимаются живо вверхъ; также на знакъ отдыха все шествіе на одинъ моментъ останавливается.

Прекрасной игрой является танецъ съ переплетеніями. Учитель дѣлитъ дѣтей, поставленныхъ въ кругъ и взявшихъ за руки, по два или по четыре. Тамъ, гдѣ должно быть раздѣленіе, онъ приказываетъ поднять руки, не разъединяя ихъ, кверху и говорить: „Вотъ здѣсь ворота“. Затѣмъ руки снова должны быть опущены, пока шествіе не тронется. Тогда первые три или четыре начинаютъ проходить черезъ первыя ворота. Какъ только это кончится и третій или четвертый перевернется на мѣстѣ, шествіе проходитъ черезъ вторыя ворота, затѣмъ черезъ третьи и т. д. При большей цѣли дѣтей образуются затѣмъ круги, лежащіе другъ въ другѣ, которые все время измѣняются. При этомъ особенно надо смотрѣть за тѣмъ, чтобы круги постоянно красиво закруглялись. Сопровождающія слова слѣдующія (см. стр. 489, № 15):

Мы ходимъ, мы бродимъ,
Мы пѣсни находимъ.
Послушайте вы пѣсень!
Какъ весь нашъ кругъ чудесаъ:
Онъ—что ни день, то шире!
Ему нѣтъ равныхъ въ мѣрѣ!
Дальше, все дальше идемъ,
Къ цѣли завѣтаой придемъ

Также и танецъ волнъ, какъ я его назвалъ для разнообразія въ силу нѣкотораго сходства, является для дѣтей очень забавной игрой. Учитель ставитъ дѣтей въ кругъ, затѣмъ беретъ одного ребенка и ведетъ его на средину, между тѣмъ какъ другая рука не порываетъ связи съ остальными. Затѣмъ все шествиѣ начинаетъ двигаться около этой середины до тѣхъ поръ, пока всѣ не примкнутъ къ ней и движеніе не прекратится. Тотъ, кто примкнетъ послѣднимъ, повертывается кругомъ и идетъ въ противоположномъ направленіи, такъ что одно дитя за другимъ отдѣляется до тѣхъ поръ, пока всѣ не окажутся снова въ кругу, но повернутыми уже наружу. Поэтому затѣмъ очень умѣстно можетъ быть исполненіе помѣщенной подъ № 5 хоропроводной пляски. Слова къ этому танцу волнъ слѣдующія (мелодія дана на стр. 490, № 16):

Какъ пріятно на досугѣ
Пѣть свободно въ нашень кругѣ!
Какъ весело всѣмъ намъ
И вамъ, и вамъ, всѣмъ вамъ!
Пѣсня льется вслѣдъ за пѣсней,
Нѣтъ звончѣй ихъ, нѣтъ чудеснѣй
Какъ весело всѣмъ намъ
И вамъ, и вамъ, всѣмъ вамъ.

Подобно тому, какъ эта игра изображаетъ завивающуюся и затѣмъ снова распускающуюся спиральную линію, такъ же точно можно при другой игрѣ образовать звѣзду. Смотря по пространству и числу дѣтей можно изобразить каждый лучъ изъ 4—6 дѣтей. Находящіяся въ срединѣ дѣти всѣ сдѣпливаются одной рукой такъ, чтобы ссединенныя

такимъ образомъ руки образовали центръ, а сами дѣти—узкій кругъ. Затѣмъ цѣлое двигается впередъ, при чемъ поется (см. стр. № 491, 17):

Звѣзда съ высотъ
Къ намъ лучъ свой шлетъ;
Мы кругъ ведемъ,
Мы ей поемъ.

Можно также совершать движеніе и обратно. И если дѣтей очень много, то концы лучей могутъ соединяться также въ кругъ.

*
*

Очень существенную принадлежность этихъ игръ, въ особенности въ видѣ разнообразія, составляютъ движенія отдѣльными частями тѣла. Я уже и раньше сообщилъ нѣкоторыя изъ нихъ. Хотя они и должны производиться точно и пунктуально, но они не должны носить строгаго характера гимнастическихъ упражненій. Поэтому сопровождающія ихъ слова соединены съ пѣніемъ. Я приложилъ и здѣсь нѣкоторыя изъ пѣсенъ. Прежде всего, стр. 491, № 18. При этомъ нужно смотрѣть особенно за тѣмъ, чтобы поднимали вверху именно требуемую руку, и чтобы это движеніе въ концѣ концовъ становилось все быстрѣе и производилось тѣмъ не менѣе подъ тактъ.

Что при этомъ дѣлалось одной рукой, должно производиться при № 19 двумя. И при № 20 то же дѣлается обѣими руками попеременно такъ, что, когда одна рука поднимается вверху, другая опускается внизъ.

Въ № 21 помѣщается подобное же упражненіе одной ногой, какъ въ № 18—одной рукой. Вслѣдствіе того, что въ № 22 предложено выставить за разъ обѣ ноги, получается самъ собою прыжокъ. Дѣти замѣчали, что они поступаютъ точно такъ же, какъ лягушки. Принимая это во вниманіе, я написалъ пѣсенку № 23. Пра словахъ „въ прудъ“ нужно было всякій разъ прыгать на средину круга такъ же, какъ при словахъ „изъ пруда“ нужно было поступать обратно.

При № 24 производится упражненіе подъ названіемъ „становиться на цыпочки“ (при качаніи ногами).

При № 25 производится прыжокъ при такомъ положеніи. При послѣднемъ „гопъ“ учитель ударяетъ въ ладоши и всѣ опять должны стоять на своихъ мѣстахъ и быть выстроеными въ порядкѣ. Этотъ прыжокъ можетъ совершаться также и на одной ногѣ, другую при этомъ подгибають впередъ или назадъ.

При № 26 руки должны быть употреблены въ качествѣ крыльевъ, чтобы высоко подпрыгнуть въ вышину. Это совершается постоянно при верхнихъ фа. Это упражненіе можетъ производиться также и за разъ такъ, что ноги будутъ отдѣляться другъ отъ друга въ воздухѣ.

При № 27 дѣти должны повернуться наружy и затѣмъ снова внутрь.

Упражненіе при № 28 особенно пріятно. Ставятъ правую ногу впередъ. И какъ только пропоютъ „гопъ“, дѣти прыгають въ вышину и выносятъ при этомъ лѣвую ногу, а правую, наоборотъ, относятъ назадъ и т. д. попеременно.

При № 29 начинаютъ опускаться въ 2 такта до тѣхъ поръ, пока не сядутъ, поджавши подъ себя ноги; при крикѣ „вверхъ!“ всѣ подпрыгивають въ вышину, насколько только можно. При этомъ прыганьѣ ноги также можно раздвинуть врозь.

Таня движенія становятся особенно красивыми, когда они присоединяются къ чему-нибудь другому, именно къ какимъ-нибудь явленіямъ природы, которыя интересуютъ дѣтей. Такова, напр., слѣдующая пѣсенка (см. стр. 494, № 30), которая зимой поется съ большимъ удовольствіемъ:

Снѣжинки—къ намъ скорѣй!
Одѣньте землю намъ бѣлѣй!
Бѣлѣй, бѣлѣй!

Дѣти дѣлають при этомъ движеніе руками сверху внизъ, какъ бы маня къ себѣ снѣжинки.

Если затѣмъ снѣгъ покрываетъ еще всю землю, а весна уже приближается, то поется слѣдующая пѣсенка (см. стр. 494, № 31):

Выси горь,
Волны рѣкъ,
Весь просторъ
Кроетъ снѣгъ.
Но весна
Все отъ сна

Пробудить,
Оживить.
Какъ изъ тучъ
Содна лучъ—
Май блеснетъ,
Зацвѣтетъ.

Прежде поднимались ладони высоко вверхъ; затѣмъ онѣ опускались совершенно, вмѣстѣ съ тѣломъ. При словахъ „Но весна“ начиналось снова подниманіе такъ, что при словахъ „Май блеснетъ, зацвѣтетъ“ руки снова высоко вверху. При пѣніи, равно какъ и при движеніяхъ тѣла, дѣти чувствовали всю дѣятельность природы такъ живо, что въ заключеніе всегда они были какъ бы наполнены помолодѣвшимъ дыханіемъ весны, и потому они всегда просили повторить пѣсню снова.

Я хотѣлъ бы сообщить здѣсь одну пѣсенку, которую я обыкновенно заставляю пѣть при началѣ упражненій: „Стройно встаньте“ (см. № 32). Дѣти, обыкновенно, сейчасъ же поддерживаютъ эту пѣсню и готовы выполнить высказанныя въ ней требованія, такъ что вслѣдствіе этого все устраивается просто и надлежащимъ образомъ. Также можно маленькой пѣсенкой дать имъ знакъ къ окончанію всего, въ родѣ того, что дано на стр. 495, № 33:

Окончилась игра,
Домой итти пора!
Прощайте, дѣтки! Въ добрый часъ!
Мы будемъ вспоминать о васъ!

Кто проникнетъ въ эти игры нѣсколько глубже, отъ того не укроется, какъ ребенокъ возбуждается и подвигается ими въ источникахъ своего внутренняго міра, ибо это, какъ я уже сказалъ вначалѣ, и есть духъ единства, проявляющій свое существованіе въ нихъ и обнаруживающійся въ чувствѣ жизни у ребенка. Однако, какъ и при всякомъ дѣлѣ, безъ одушевленія нельзя здѣсь достигнуть ничего. Дѣло ни въ коемъ случаѣ не въ играхъ самихъ по себѣ, равно какъ и не въ какомъ-нибудь методѣ при обученіи. Но духъ долженъ обнаруживаться въ тѣлѣ, долженъ создавать себѣ средства, съ помощью которыхъ онъ могъ бы проявляться.

Такъ возникли и эти игры, которыя были сообщены здѣсь. Кто смотрѣлъ бы даже совсѣмъ поверхностно за ихъ выполненіемъ, и тону уже понравилось бы животворящее, здоровое движеніе всѣхъ дѣтскихъ силъ; отъ него, навѣрное, не скрылось бы, какъ дѣти самымъ привлекательнымъ образомъ приучаются къ пѣнію, развиваютъ свой слухъ и развиваютъ свои голосовыя средства.

Въ заключеніе еще слѣдующее. Какъ ни глубоко захватываютъ жизнь дѣтей тѣ или другія изъ этихъ игръ, однако наступаетъ время удовлетворенія въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлой жизнью ребенка, равно какъ и взрослого человѣка. Какъ только учитель почувствуетъ это и сознаетъ, что основаніемъ этого является не недостатокъ жизни въ немъ самомъ, онъ долженъ незамѣтно оставить эти игры и перейти къ другимъ. Спустя нѣкоторое время, дѣти опять сами потребуютъ этихъ игръ и возвратятся къ нимъ съ новымъ удовольствіемъ.

Но въ этомъ отношеніи существенно важно, чтобы у учителя было въ рукахъ богатое разнообразіе, многосторонній выборъ этихъ игръ. Поэтому и даръ всякаго учителя, который онъ вноситъ въ дѣтскій міръ съ этою цѣлью, постоянно будетъ желаннымъ подаркомъ.

Пѣсни подвижныхъ игръ Генриха Лангеталя.

Кругъ и середина.

№ 1.

Гдѣ же сре - ди - на, ты по - ка - жи намъ! Чтобъ-мы мог-

ли е - ё най - ти. Вотъ гдѣ сре - ди - на! здѣсь вотъ вашъ

кругъ! Друж-но кру - жи - тесь,, пой-те всѣ вдругъ! Ну, кру-гомъ вер-

ти-тесь всѣ, кру - жн-тесь всѣ, вер - ти-тесь всѣ друж но, всѣ кру-

гомъ, ну, вер-ти-тесь всѣ кру - гомъ!

Сіяніе солнца.

№ 2.

Намъ солн-це при-вѣтъ по - сы - ла - етъ, всѣ кругъ нашъ тан-цу-еть, и-

гра - етъ; въ кру - гу сво-емъ всѣ мы и - демъ, всѣ

пѣ - сеп - ку солн - цу по ёмъ.

№ 3.

Сто - имъ ве - се-лымъ мы круж-комъ, тан цу - емъ

друж - но всѣ мы въ нёмъ. Ру-ка—въ ру-кѣ, и всё кру-гомъ, вер-

тим-ся кру - гомъ, друж-но всё мы кру - гомъ тан - цу - емъ; круж-

комъ мы пѣс-ни на - ши по - ёмъ мы: ля, ля, ля, ля,

ля, ля, ля. ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля. ля!

№ 4.

Пѣть тономъ ниже.

Ров-нымъ ша - гомъ, мѣр-нымъ ша-гомъ мы всё и-демъ въ кру-

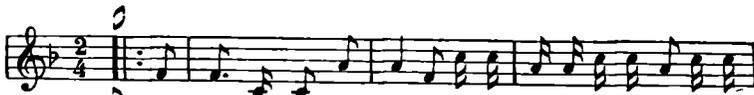

гу сво-ёмъ, ве - се - ло мы по-ёмъ: ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля!

№ 5.

Мы кру-жим-ся, тан-цу-емъ, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля! не ви - димъ мы другъ дру - га, ля, ля,

ля, ля!

Пит-чи патчъ, пит-чи патчъ, пит-чя патчъ! Ну, те-перь кру-гомъ мы

кру-жим-ся, тан-пу-емъ, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля! не ви-димъ мы другъ дру-га, ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля! Какъ чу-де-сно

хо-ро-шо тан-по-вать въ кру-гу е-щё! мы кру-жим-ся, тан-

пу-емъ, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля! не

ви-димъ ны другъ дру-га ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля! пит-чи патчъ, пит-чи патчъ, пит-чи патчъ!

ну, те-перь кру-гомъ!

D. C.

Пѣсенка снѣгу.

№ 6.

У - ра, у - ра, у ра, у - ра! къ намъ въ гос-ти снѣгъ, у-
ра! По снѣ-го-во-му по - лю ка - тать - ся нож - но
въ во - лю, какъ по рѣч - но - му льду. За - тѣ-емъ сей-часъ же иг-
ру, у - ра, у - ра, у - ра, у - ра! въ нашь въ го снѣгъ у - ра!
сти

№ 7.

Кто васъ па-сетъ о - веч - ки? Лишь мѣ-сяцъ о - ло - той, что
смо-треть изъ - за лѣ - са съ ла - зу - ри го - лу - бой.

№ 8.

Ве ре - воч - кой вѣм - ся въ кру - гу всей гурь-
бо - ю, по - ѣмъ, ве - се лям - ся мы са - ми со-
бо - ю!

Походная нѣсенна.

№ 9.

По-га въ но-гу всѣ и - демъ мы и ве - се - ло по-
ёмъ мы ля: ля,
ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!

№ 10.

Мы ве - се - ло гу - ля-емъ, мы ус - та - ли не
зна-емъ, и демъ мы ря - да - ми и друж - но по-
ёмъ. По - ля, ль - са, до ли - ны, де - ревъ я - не - по-
ли - ны, о - дѣнь - тесь же въ зе - лені, но - ра - дуй - те
нась, ли, ля,
ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля!

Весенняя пѣсенка.

№ 11.

Вес - на вер - ну - лась сво - ва; даль не - ба го - лу -

бо - го ма нить въ по - ля безъ ело - ва. Какъ хо - ро - шо въ по -

ляхъ вес - ной. Тамъ въ - те - рокъ пор - ха - етъ; тамъ а - ро - мать ви -

та - етъ, тамъ воз - духъ все жи - вить со - бой. Вес -

на при - ла къ намъ сно - ва; даль не - ба го - лу - бо - го въ по -

ля ма - нить безъ ело - ва.

№ 12.

Ве - се - ло, бо - дро глад - кой до - рож - кой съ горъ зи -

ма къ намъ и - дѣтъ; всё о - свѣ - жа - етъ, всѣхъ об - но -

вля - еть, но - вы - я пѣс-ни не - сеть.

№ 13.

Хо - тимъ бро-дить гурь - бо - ю мы съ мѣс-та на дру-

го - е; за - нять - я въ мі-рѣ луч-ше нѣтъ, гу - лять, смо-трѣть на

бѣ - лый свѣтъ, смо - трѣть на бѣ-лый свѣтъ.

№ 14.

Какъ лег-ко, хо - ро - шо! Какъ въ кру-гу сво - ёмъ при - ят но!

Воз-духъ чистъ и ду-шистъ; пѣть намъ пѣс - ня какъ ва - нят - но!

Ля, ля!

№ 15.

Мы хо - димъ, мы бро - димъ, мы пѣс - ни на -

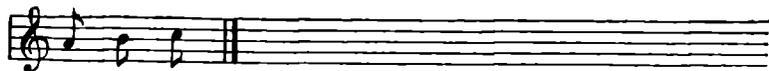
хо - димъ. По - слу-шай-те вы пѣ севъ. Какъ весь нашъ кругъ-чу-

де - сенъ; онъ что ни день, то ши - ре: е - му нѣтъ рав-ныхъ

въ ми - рѣ! Мы даль-ше, даль-ше всё и - демъ, къ за-вѣт-ной пѣ - ли

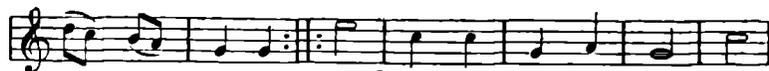

мы при - демъ.

№ 16.

Какъ при - ят - но на до - су - гѣ пѣтъ сво - бод - но

въ на - шемъ кру - гѣ! Какъ ве - се - ло всѣмъ намъ и

вамъ и вамъ, всѣмъ вамъ! Пѣс - ня лѣт - ся вслѣдъ за

пѣс-ней, нѣтъ звон - чѣй ихъ, нѣтъ чу - дес - нѣй! Какъ

ве - се - ло всѣмъ намъ, я вамъ и вамъ, всѣмъ вамъ!

Звѣзда.

№ 17.

Звѣз - да съ вы-сотъ намъ лучь свой шлетъ; мы кругъ ве-демъ, мы

ей по - ёмъ; мы кругъ ве - дёмъ, мы ей по - ёмъ.

№ 18.

Вверхъ { лѣ - ву - ю } ру - ку вверхъ! Внизъ { лѣ - ву - ю } те-

перь вверхъ внизъ вверхъ внизъ вверхъ внизъ вверхъ внизъ вверхъ внизъ, внизъ!
хъ, хъ, хъ, хъ, хъ,

№ 19.

Ско-рѣй о - бѣ ру - ка вверхъ! Ну, те-перь о - бѣ внизъ, вверхъ,

внизъ вверхъ внизъ вверхъ внизъ вверхъ внизъ вверхъ, внизъ вверхъ внизъ
хъ, хъ, хъ, хъ!

№ 20.

Такъ все вре - мя ру - ка под - ни - май - те

ва од - ной дру - гу - ю!

№ 21.

Ну, нож-ку вне - редь { сна - ча - ла пра-ву - ю } все вне-
те - перь ужъ лѣ-ву - ю

рѣдъ и на - задъ, всё вне - редь и на - задъ

№ 22.

Но-ги вне - редь! О - бѣ но - ги на - задъ!

всё вне - рѣдъ и на - задъ!

№ 23.

Какъ ля-гуш-ка у пру-да, мо-женъ пры-гать мы всег - да.

Мы ска-чемъ, мы ска-чемъ, изъ пру - да въ всё мы въ мы
пруль, пруль;

ска - чемъ, мы ска-чемъ изъ пру - да въ пруль; всё мы въ прудъ!

Не ля - гуш - ки - ли всё мы тутъ!

№ 24.

Стой - те строй - но! Но - ги всё сдвинь - те! на паль - ны

встать! вниз о - пу - с - кай - тесь! вверх вниз, вверх вниз, вверх вниз

вверх вниз, вверх вниз, вверх!

№ 25.

Встать на паль - ны всё - мъ, всё - мъ пры - гать вверх го - лъ

го - лъ, го - лъ!

№ 26.

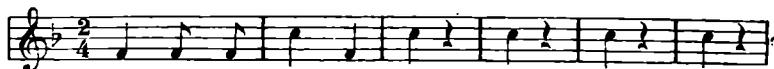
Всё - мъ пры - гать вы - со - ко го - лъ, го - лъ, го - лъ, го - лъ!

№ 27.

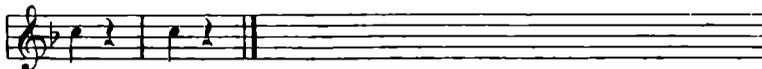

Ну, пры - гай - те же, дѣ - ти! го - лъ, го - лъ, го - лъ, го - лъ!

№ 28.

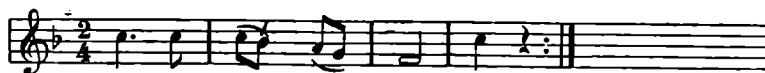

Но - ги смѣ - ни - те! го - пѣ, го - пѣ, го - пѣ, го - пѣ,

го - пѣ, го - пѣ!

№ 29.

О - пус - кай - тесь, под - ни - май - тесь!

№ 30.

Снѣ - жин - ки къ ско - рѣй! о - дѣнь - те зем - лю намъ бѣ - лѣй!
намъ

№ 31.

Вы - си горь, вол - ны рѣкъ, весь про - сторь кро - етъ снѣгъ,

но вес - на все отъ сна про - бу - дить, о - жи - вить.

№ 32.

Строй - но встань - те всѣ въ ве - се - лѣй и всѣ вдругъ грудь, ли -
кругъ

по впе - редь! Такъ! Про - вор - но! Вотъ! Всѣ

за ру - кп возъ - ми - тесь, гир - лин - до - ю спле - ти - тесь, кру -
жи - тесь всѣ, кру - жи - тесь!

№ 36.

О - кон - чила - сь иг - ра! До - мой ит - ти по -
Руководитель игръ.
ра! Ну, хѣт - ки! про - щай - те! Вамъ доб - рый часъ!
Дѣти.
Про - щай - те! мы бу - демъ всѣ вспо - ми - нать о васъ.

Дальнѣйшія развивающе-воспитывающія игры.

Какъ сильно мы можемъ вліять на дѣтей правильнымъ толкованіемъ игръ, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ семейномъ дѣтскомъ саду, гдѣ событія времени также оказывали вліяніе на жизнь дѣтей и въ свою очередь отражались въ дѣтскихъ играхъ, дѣти любили больше всего игру подъ названіемъ „ареста“, въ которой одинъ изъ ихъ товарищей въ качествѣ арестанта былъ препровождаемъ въ темницу, уходилъ изъ нея, но затѣмъ опять бывалъ нойманъ и т. д.

Но въ то время, какъ дѣти страстно увлекались этой игрой и любили ее, дѣтская садовница страдала, и особенно потому,

что милыя маленькія дѣвочки в сестры принимали участіе въ этой грубой и некрасивой игрѣ, цѣль которой составляла радость по поводу задержанія и т. д. своего же брата.—Она сообщила мнѣ о своемъ горѣ, просила у пеня помощи и надѣялась получить ее.

Склонность дѣтей къ этой игрѣ лежала, должно быть, въ духѣ ея: высшей ступенью развитія игры здѣсь было заковываніе въ оковы, потеря свободы и ея возвращенію. Я искалъ облагороженной формы этого явленія въ природѣ и нашелъ ее въ видѣ превращенія въ куколку гусеницы и освобожденія ея изъ этого карцера уже въ видѣ бабочки. Такъ возникла помѣщаемая ниже „игра въ бабочку“.

И посмотрите, съ какимъ удовольствіемъ воспитательница пишетъ о томъ, какъ эта игра не только была съ радостью принята дѣтьми сенейнаго дѣтскаго сада, но и ежедневно была разыгрываема, краснорѣчиво доказывая, что всѣ требованія сердца, ума и всей жизни ребенка были распознаны и удовлетворены ею. Большая заботливость, какъ пишетъ дальше дѣтская садовница, съ которой каждый ребенокъ слѣдилъ за яснымъ произношеніемъ каждаго отдѣльнаго слова и за стройностью произношенія всего вмѣстѣ, дѣлала эту игру дѣйствительнымъ упражненіемъ въ произношеніи, въ языкѣ, въ рѣчи. Это было для дѣтей также важно со многихъ сторонъ, важно со стороны ея духа и его воздѣйствій, и сверхъ всего дѣти очень охотно играли въ нее.

Теперь ходъ самой игры. Ребенокъ приводится своими товарищами въ загороженное мѣсто комнаты, напр., въ уголъ, при слѣдующихъ словахъ:

Гусеница, хочешь спать?
Мы постельку можемъ дать,
Вотъ входи-ка въ этотъ домъ!
Станешь бабочкою въ немъ!
Мы придемъ къ тебѣ тогда
Съ нашей пѣсенкой туда;
Пользу ты намъ всѣмъ добудешь
Облетать весь садикъ будешь.

Тогда ребенокъ завертывается наподобіе куколки; послѣ этого всѣ удаляются, предварительно загородивши мѣсто, гдѣ онъ находится, стульями. Вскорѣ послѣ этого кукла срываетъ покрывало, весело поднимаетъ голову и глаза, расправляетъ свои руки, какъ молодая бабочка свои крылья, и летитъ еще веселѣе, чѣмъ эта послѣдняя, на свободу.

Дѣти возвращаются къ этому мѣсту, чтобы посмотрѣть куклу въ ея дальнѣйшемъ развитіи, но на мѣстѣ осталось только ея покрывало, а бабочка улетѣла, и дѣти говорятъ:

Тишина кругомъ царитъ,
Крошка-бабочка летитъ.
Всѣ ловить ее пойдемте!
Въ кругъ летунью принесемте!

Дѣти стараются поймать бабочку, порхающую по всѣмъ угламъ, и если это имъ, въ концѣ концовъ, удастся, то они доставляютъ ее на опустѣвшее мѣсто со слѣдующими словами:

Какъ ты вырвалась на волю?
Намъ свою повѣдай долю!
Крылья мы тебѣ расправимъ,
На булавочку посадимъ.

Бабочка на это умоляющимъ тономъ отвѣчаетъ:

Отпустите погулять,
По цвѣточкамъ попорхать!
Буду васъ благодарить,
Ваши пѣсенки хвалить.

Дѣти отвѣчаютъ:

Ну, лети къ своимъ цвѣтамъ!
Возвращайся только къ намъ!

Затѣмъ дѣти какъ бы превращаются въ цвѣты; каждый ребенокъ говоритъ остальнымъ имя избраннаго имъ цвѣтка, и такимъ образомъ получается столько различныхъ цвѣтковъ, сколько дѣтей. Цвѣтки распредѣляются поодиночкѣ или по группамъ по комнатамъ или на игральномъ мѣстѣ. Бабочка летаетъ отъ одного цвѣтка къ другому, говоря:

Здравствуй миленькій цвѣточекъ!
Здравствуй, какъ тебя зовутъ?
Очень хочется узнать миѣ,
Что хорошаго въ тебѣ.

Она получаетъ въ отвѣтъ отъ каждаго цвѣтка его имя:

Какъ пышно роза разивѣтаетъ,—
Про это всякъ вѣрно знаетъ. (Или—другой цвѣтокъ или кустар-
никъ, выбранный ребенкомъ: лилія, гвоздика, резеда,
жасминъ и т. д.).

Послѣ того, какъ бабочка узнаетъ имена у всѣхъ цвѣт-
ковъ и цвѣтущихъ растеній, они обступаютъ ее снова кру-
гомъ, уже какъ дѣти, и тогда бабочка говорить:

Я съ цвѣтка къ цвѣтку порхала,
Сладкій медъ ихъ собирала.

Тогда она произноситъ имя каждаго цвѣтка и называетъ одно изъ его качествъ, которое, можетъ быть, повидимому, вредно, но, на самомъ дѣлѣ, оказались полезнымъ, напр.: роза ииѣетъ шипы, которые кололи меня; она говорила миѣ: не срывай меня; крапива жгла меня и говорила: будь осторожна. Чѣмъ развитіе дѣти, тѣмъ больше извѣстныхъ имъ свойствъ будетъ прибавляться къ описанію растенія.

Эта игра не только занимаетъ дѣтей на моментъ, но дѣй-
ствуетъ и глубже въ жизни ребенка, развивая и образовы-
вая его, такъ какъ, если дѣтямъ въ настоящее время или
вовсе неизвѣстны или извѣстны слишкомъ немногія и при-
томъ общеизвѣстныя свойства предмета, то они при ближай-
шей прогулкѣ будутъ внимательнѣе наблюдать попадающіяся
имъ растенія.

Въ заключеніе, въ особенности, если бабочка хорошо
исполнила свою задачу, дѣти говорятъ:

Бабочка, будь другою наизъ,
Поклонись отъ насъ цвѣтамъ!

Игра въ мячъ для маленькихъ дѣтей, которыя любятъ постоянно что-нибудь двигать рукою.

Что въ дѣтскомъ саду главная суть заключается не столько въ играхъ, сколько въ толкованіи игръ и въ духъ игръ, т. е. въ соединеніи ихъ съ жизненнымъ цѣлымъ ребенка, этотъ взглядъ уже достаточно ясно изложенъ для внимательнаго наблюдателя и мыслящаго руководителя игръ. А какъ усвоить этотъ духъ и какъ достигнуть этого толкованія, для этого, какъ мнѣ кажется, необходимо неоднократное указаніе на нихъ, особенно, для ведущихъ это дѣло дѣтскихъ садовницъ и родителей, и тѣмъ болѣе, что отъ нихъ обонхъ питомцы требуютъ постоянно новыхъ игръ.—Исполняя это требованіе, мы и приложили здѣсь нѣкоторое поясненіе.

Вся внутренняя жизненная дѣятельность у ребенка тотчасъ проявляется вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ внѣшней дѣятельности и такъ же бессознательно, какъ прежде проявлялась внутренняя дѣятельность, внѣшняя дѣятельность дѣйствуетъ въ свою очередь обратно на внутреннюю. Но для ребенка нужно его бессознательную дѣятельность дѣлать все больше сознательной, и именно, посредствомъ игры и игръ вообще. Въ этомъ вѣдь и состоитъ существенная сторона воспитанія (Erziehung), которое какъ разъ отъ этого и получило свое имя. Но это достигается, если въ началѣ совершенно бессознательная дѣятельность, постоянно продолжаемая по опредѣленному закону движенія, обратитъ на себя вниманіе и если съ нею связывается опредѣленное наблюденіе и затѣмъ если къ ней прибавляются специально для ребенка сочиненныя ритмическія, риемованныя слова.—Благодаря этому, онъ понемногу отъ бессмысленной какъ бы дѣятельности становится мыслящимъ и наблюдающимъ существомъ, или лучше, онъ долженъ быть доведенъ отъ бессознательнаго мышленія къ сознательному, до котораго, собственно, и поднимается ребенокъ. Такъ же точно обстоитъ дѣло и съ изобрѣтеніемъ помѣщаемой ниже игры: мячъ бессознательно

катался между двумя параллельно другъ другу двигающимися ладонями и съ ихъ помощью, при чемъ нижняя болѣе находилась въ покоѣ. Затѣмъ требовалось продолжать движеніе, наблюдая его, обращая на него опредѣленное вниманіе, и сообщить этому движенію словесную форму. Съ помощью общаго участія, пробужденнаго при простой игрѣ, скоро былъ сочиненъ риемованный стишокъ для этого и такъ же быстро въ кругу отыскался для него мотивъ. Такимъ образомъ возникла помѣщаемая ниже игра, которая, съ одной стороны, скоро сдѣлалась общимъ достояніемъ всего играющаго кружка, а съ другой—за нею вскорѣ послѣдовали новыя наблюденія, благодаря пробудившемуся вниманію у остальныхъ товарищей по игрѣ. Безсознательное дѣйствіе и мышленіе было доведено игрой и ея наблюденіемъ до степени сознательнаго, и самъ ребенокъ такимъ образомъ былъ воспитанъ, т.-е. былъ доведенъ до наблюденія своего дѣйствія, а черезъ это и до наблюденія жизни и ея явленій, какъ, напр., въ данномъ случаѣ—мельницы и т. д.

Игра въ мячъ.

Пусть бу-детъ жёр'-но - вомъ ру - ка, а мя-чикъ ма-лень-

кимъ зер-номъ! Какъ жёр-новъ вер-тит - ся въ по-молъ, такъ

я ру - кой вер - чу кру гомъ.

Странствованіе.

Allegretto commodo.

1. Ве - сель - е мель-пи - ка по-моль; онъ въ немъ не ви - хить
2. Всѣмъ на - у - чи-ла насъ во - да, какъ у - прав-лять со -
3. Долж - но вер-тѣть-ся ко - ле - со, ра - бо - ту вы - пол -
4. Какъ жер-но - ва ни тя - же - лы, все - гдѣ бѣ - гуть о -
5. Я такъ же стран-ство-вать хо-чу! какъ вер - тят - ся ко -

1. гру — за, да гру - за. Пло - хой тотъ мель - никъ,
2. бо — ю, со - бо - ю; ве знать се - бѣ ни
3. ня - я, вы - пол - ня - я, и от - ды - ха не
4. ни: не ус - та - ва - я, какъ жер-но - ва ни
5. лѣ — са, ко - ле - са; какъ но - у - стан - но

1. для ко - го кру - го - во - ротъ о - бу за, ахъ!
2. день, ни ночь, въ тру-дѣ не знать по - ко ю; не
3. зна - я, и от - ды - ха не зна я, долж -
4. тя - же - лы, бѣ - гуть, не ус та - ва - я, и
5. льетъ во - да, какъ не у - стан - но льетъ во - да, ру -

1. Э - то всѣмъ из - вѣст - но безъ со - мнѣн - я безъ со -
2. зпать се - бѣ ни день, ни ночь, въ тру-дѣ не знать по -
3. но вер - тѣть - ся ко - ле - со, ра - бо - ту, вы - пол -
4. от - ды - ха не зна - я, бѣ - гуть, не у - ста -
5. сломъ рѣч - но - го плѣ - са, какъ вер-тят ся ко -

1. мнѣнь — — — я — — — безъ со -
2. ко - ю, не знать по-ко - ю, не знать по - ко - ю, не
3. ня — — — я и от - ды — — ха не зна-я, в
4. ва - я, бѣ - гуть пе ус-та - ва - я, в
5. лѣ — — — са, какъ вер-тят- — — ся ко - ле-са, какъ

1. мнѣ-ні - я, со - мнѣ-ні - я.
2. знать се - бѣ по - ко ю.
3. от-ды - ха не зна - я.
4. от ды - ха не зна я.
5. вер-тят-ся ко - лѣ са.

Путешествіе.

Игра.

Что сущность и высокое значеніе игры для ребенка, равно вакъ и для взрослога, является всестороннимъ введеніемъ его въ жизнь при различныхъ ея наблюденіяхъ, это легко замѣтитъ каждому, кто осмысленно и разумно наблюдалъ дѣтскія игры. Но какъ легко понять это, такъ же трудно изобрѣтать подобныя игры, такъ какъ онѣ должны быть найдены—и въ то же время ихъ нельзя выдумывать. Поэтому я былъ очень обрадованъ, когда услышалъ помѣщаемую ниже пѣсенку въ одномъ обществѣ любителей пѣнія и нашель эту пѣсенку сейчасъ же не только удовлетворяющею намѣченнымъ выше требованіямъ, но и дѣйствительно

интересною въ кружкѣ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, что касается перваго, то она вводитъ въ природу, въ міръ произведеній человѣка и въ жизненныя отношенія, вставляетъ человѣка оглянуться на себя и посмотрѣть внутрь самого себя, а что касается втораго, то она поддерживаетъ интересъ перемѣной различныхъ изображеній.

Самая игра разыгрывается слѣдующимъ образомъ. Играющія дѣти становятся попарно „бокъ о бокъ“ другъ возлѣ друга и подаютъ другъ другу взаимно правую и лѣвую руку, а затѣмъ опять попарно „грудь къ спинѣ“ другъ за другомъ въ рядъ, такъ что число играющихъ будетъ кратнымъ четырехъ, т.-е., по крайней мѣрѣ, 12 или 16 и т. д.

Тогда начинается самая игра. Въ болѣе и и менѣе длинномъ ряду дѣти проходятъ площадь для игры (комнату или плацъ), перекрещиваясь и переплетаясь при первомъ стихѣ пѣсни, однако такъ, чтобы въ концѣ перваго стиха играющіе опять стояли въ продолжномъ направленіи площади для игры.

Съ началомъ втораго стиха ряды становятся лицомъ къ лицу, подаютъ другъ другу обѣ руки и дѣлаютъ при началѣ словъ: „Всѣхъ научила“ колебательныя движенія руками, однако такъ, чтобы всѣ руки качались постоянно одновременно въ одну и ту же сторону.

Съ началомъ третьяго стиха два продольныхъ ряда, стоящія другъ противъ друга, подступаютъ нѣсколько другъ къ другу. Двѣ первыя пары въ срединѣ подаютъ взаимно правыя руки, образуя какъ бы колесо и кружась около гамихъ себя, они идутъ при этомъ отъ верхняго конца ряда къ нижнему, гдѣ они, какъ только придутъ туда, снова выстраиваются въ первоначальномъ порядкѣ въ подходящія для нихъ ряды. На соответствующемъ разстояніи слѣдуютъ въ первыми двумя парами вторыя двѣ и т. д. до тѣхъ поръ, пока первая пара, а за нею и слѣдующія не остановятся опять-таки каждая на своемъ первоначальномъ мѣстѣ.

При четвертомъ стихѣ ряды, стоящія другъ противъ друга, снова подступаютъ другъ къ другу, какъ при предшествующемъ третьемъ стихѣ, находясь на нѣкоторомъ разсто-

яни другъ отъ друга. Четверо играющихъ изъ первыхъ двухъ паръ подступаютъ другъ къ другу спинами, переплетаясь, какъ тогда, когда они вели за собой весь кругъ, кладя руку на руку и плотно смыкаясь. Круженіе и ходъ всей игры происходитъ по тому же плану, какъ и при предыдущемъ стихѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не остановятся въ первоначальномъ порядкѣ.

Когда при пятомъ стихѣ начнутъ пѣть слова: „Какъ неустанно“, весь рядъ попарно проходитъ сверху до низу съ легкимъ поклономъ или съ подачею рукъ, какъ въ прощаньи другъ съ другомъ, и затѣмъ снова снизу пристраиваются другъ къ другу до тѣхъ поръ, пока все не остановится опять въ первоначальномъ порядкѣ, какъ при началѣ игры. Чтобы постоянно достигать этого, начиная съ третьяго стиха, всѣ пары отступаютъ все время снизу наверхъ такъ же, какъ двигаются пары по двѣ или при пятомъ стихѣ по одной сверху внизъ.

Въ заключеніе всей игры лучше всего производить повтореніе перваго стиха и связавшаго съ нимъ странствованія. Однако это зависитъ отъ рѣшенія самихъ играющихъ.

Желательно, чтобы эта игра встрѣтила благосклонный приемъ и въ болѣе широкихъ кругахъ и принесла бы ту чистую радость и удовольствіе, которыя сопровождаютъ ее повсюду, въ особенности благодаря свѣжей, сильной мелодіи пѣсни, гдѣ она была введена въ дѣтскіе сады или въ болѣе обширную и семейную и даже общественную жизнь.

Пѣсня при началѣ игръ и занятій въ дѣтскомъ саду.

Въ сбо-рѣ всѣ мы, всѣ въ сбо-рѣ: ра - дость блещетъ во

взо - рѣ; ве - се-лѣтъ насъ иг - ра. Насъ по - ря-докъ

всѣхъ бли — — жа - етъ: насъ лю - бовь всѣхъ
на — — пра - — вля - етъ. Здѣсь же - ла - ютъ намъ
толь-ко доб-ра! здѣсь же - ла - ютъ намъ толь-ко доб-ра!

Простая круговая игра.

Мы вста-ли всѣ въ кру-гу од-номъ, иг - рать мы бу - демъ
всѣмъ круж-комъ; иг - ра намъ серд-це ве - се-лить и духъ и тѣ - ло
намъ крѣ-пить; иг - ра намъ серд-це ве - се-лить и духъ и тѣ - ло
намъ крѣ - пить.

Игра въ звѣздочку и въ цвѣты.

Всѣ.

Бонъ - о - бокъ, за ря - домъ рядъ, какъ ве - ликъ нашъ
кругъ на вг Чтoбъ въ бы - ло ве - се - лѣ - е, за - по - ём - те
лядь! нѣмъ

всѣ друж-нѣ - е! Не скуч-нѣй намъ на-лег - кѣ быть и въ ма-лень-

комъ круж-кѣ, по-ти-хонь-ку за - пѣ - ва - я, пѣс-ню пѣс - ней

по - го - ня - я. Ве - се - лѣй въ кру - гу сто - ять,

Руководительница игрѣ.

гдѣ сре - ди - на кру-га звать!.. Гдѣ же сре - ди - на?

ты по - ка - жи намъ; бу-демъ хо - дить кругъ свой во - дить!

Дитя въ среднѣ.

Вотъ гдѣ сре - ди - на, здѣсь вотъ вашъ кру Друж-но кру - жи-тесь
гь!

Всѣ: Въ кру-гу—мы, въ кру - гу—мы; мы
пой - те всѣ вдругъ! Дитя: Кру - жи - тесь, кру - жи - тесь и

кругъ свой ве - домъ. Мы къ сре-ди - нѣ; мы къ сре-ди - нѣ сей-
стой - те те - перь! Я въ сре-ди - нѣ, я въ сре-ди - нѣ, те-

Руководительница игръ.

часть по-дой-демъ!
перь по-кру-жусь.

Ис - пол-ниль ты весь нашъ при-казъ, и -

ди на мѣс-то самъ сей-часъ! О - за - рѣнь нашъ кругъ лу-

Всѣ.

ча - ни; бу - деть звѣз-доч - ка нежь на - ми!

По-
Вотъ

доб - но тѣмъ звѣз - дамъ, что ночь - ю свѣ - тять намъ, по-
къ намъ о - на сош - ла; пусть бу - деть такъ свѣт - ла, какъ

Руководительница игръ.

ёмъ хвѣ - лу Твор - пу.
на ве - бѣ бы - ла!

Звѣз-ды евъѣ льють съ вы - со -

Всѣ.

ты; и зо - бра - зимъ те - перь цвѣ - ты —

и -
Какъ

зо-бра-зимъ те - перь цвѣ-ты въ рас-цвѣ-тѣ скром-ной кра-со-ты! Са-
э - ти цвѣ - ти - кп въ са-ду, такъ дѣ-ти здѣсь въ-емъ кру-гу. Лю-
сво

дов-никъ и - ни счас-тливъ былъ онъ: ихъ са-дилъ, онъ ихъ рас-тилъ.
бовъ про-яв-ля-ютъ, кто имъ доб-ра же-ла-еть.

Руководительница игръ.

Звѣз-ды ра-дость памъ, цвѣ-точ-ки, но не мень-ше

Вст.

и вѣ-ноч-ки! Лю-буй-тесь всѣ вѣн-ка-ни; спле-
Мы всѣ ихъ по-лю-би-ли за

ли ны ихъ здѣсь са-ми, всѣ са-ми ивъ се-бя, ро-
то, что насъ хра-ни-ли, за то, что зна-ній еявтъ у-

Руководительница игръ.

ди-те-лей лю-бя! Былъ такъ дру-жень нашъ кру-
ви-дѣ-ли мы съ рая дѣтъ.
нихъ

Вст.

жокъ, мы силе-тѣмъ се-бѣ вѣ-ноч-ки! Тѣхъ
Мы

счас-ти-емъ да-рить, въ чьемъ серд-цѣ мѣръ на-ривъ. У
кон-чи-ли иг-рать; по ра-ужъ пе-ре-стать. Лю-

всѣхъ у насъ стре- млень - е къ люб - ви и е - ди - нень-ю.
бовъ насъ съе- ди - ня - етъ и ра-дость во-кругъ ви - та - етъ.
насъ

Нѣмецкій дубовый вѣнокъ.

Дѣти, вращаясь въ большомъ кругу, поютъ:

Темпо нарша.

Въ насъ стрем- лень-е къ с - ди - нень-ю намъ связь да-есть, къ до-
Ров- нымъ ша-гомъ. мѣр-нымъ ша-гомъ, какъ здѣсь въ иг-рѣ, пой-

бру ве - деть и въ жив-ни даетъ о - плоть } ля, ля, ля, ля,
демъ вез - дѣ, Со - юзъ нашъ про - цвѣ - теть }

ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля!

Р о з а ¹⁾.

Живо.

Моцартъ.

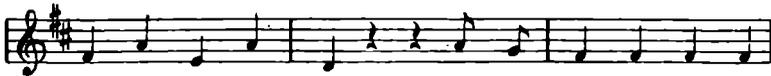

Мы ро-зой быть хо - тѣ-ли-бъ, на - перс-ни-цей люб-

ви; — за - тѣмъ мы и для тан цевъ вѣ-

1) Точно такъ же поетъ и фиалка, лилія и дубовый вѣнокъ.

ночь изъ розъ спле - ли. Ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля, ля,

ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!

Сады дѣтей въ дѣтскихъ садахъ¹⁾.

Высокая важность знакомства и искренняго единенія человѣка и ребенка съ природой въ цѣляхъ развитія ребенка и воспитанія человѣка сообразно съ его предопредѣленіемъ къ образованію народовъ и человѣческаго рода, съ его признаніемъ уже неоднократно и многосторонне подчеркивалось въ этомъ трудѣ; а это знакомство въ свою очередь дѣйствительно составляетъ, съ одной стороны, прочную основу продуктивнаго и благодатнаго воспитанія и образованія отдѣльнаго человѣка, а равно и всего человѣческаго рода. Ибо мы не можемъ понять природы въ цѣлой ея сущности опредѣленіе и во всѣхъ ея отношеніяхъ удовлетворительнѣе и полнѣе, если мы не будемъ разсматривать ее, какъ непосредственное проявленіе дѣлъ Божиихъ, какъ первое проявленіе Бога. Но мы еще не обнаружили этой важности на внѣшнемъ, на предметахъ, еще не развили ея въ подробностяхъ; а эта важность развивается и проявляется въ превращеніи (эволюціи), въ развитіи природы, въ особенности въ наблюденіи этого превращенія и развитія въ природѣ сравнительно съ наблюдаемымъ превращеніемъ и развитіемъ человѣка, а слѣдовательно прежде всего сравнительно съ собственнымъ превращеніемъ и развитіемъ.

Но если такое сравнительное наблюденіе важно для взрослого человѣка самого по себѣ и вообще, то оно особенно важно для человѣка, понимаемаго преимущественно въ его

¹⁾ Къ этой главѣ таблица рисунковъ на стр. 517.

превращеніи и развитіи, т.-е. для ребенка, для юношества. Слѣдовательно, удовлетворительное и всестороннее воспитаніе и, стало быть, сущность дѣтскаго сада настоятельно требуютъ, чтобы ребенку дана была возможность къ этому. Слово „дѣтскій садъ“ говоритъ намъ даже „какъ?“ и „какими средствами?“, должно достигнуть этого, если мы обратимся къ нему за помощью:—въ саду дѣтей; намъ нуженъ дѣтскій садъ, вполне выработанная идея дѣтскаго сада. Ясно выраженная мысль о немъ требуетъ, слѣдовательно, необходимо сада и въ немъ съ такою же необходимостью —садовъ для дѣтей. Однако не только изъ выше приведенныхъ основаній, но и изъ основаній общественной и гражданской совмѣстной жизни вытекаетъ необходимость требованія связывать съ дѣтскими садами и садъ для дѣтей. Человѣка, ребенка, какъ члена человѣчества, и притомъ въ очень раннемъ возрастѣ не только нужно признать и разсматривать, какъ отдѣльное лицо и нѣчто самостоятельное, а равно и какъ члена общей жизни большаго масштаба, но онъ долженъ и самъ себя признавать и заявлять о себѣ, какъ о таковомъ. Это взаимодействіе между отдѣльнымъ элементомъ и единеніемъ элементовъ, между членомъ и цѣлымъ нигдѣ такъ хорошо не выражается, нигдѣ не бываетъ болѣе полно жизни и болѣе опредѣленно, какъ въ общемъ уходѣ за природой и растеніемъ, въ общей обработкѣ сада, въ которомъ ясно выражается именно отношеніе общаго къ частному, т.-е. оно проявляется, такъ сказать, въ общественномъ домашнемъ саду, въ которомъ, однако, каждый ребенокъ имѣетъ свое мѣстечко для собственнаго садика. Но здѣсь, въ садахъ дѣтей, въ дѣтскомъ саду, гдѣ есть много дѣтей и гдѣ они и ихъ сады составляютъ какъ бы главную суть дѣла, устройство ихъ должно быть измѣнено. Здѣсь садикъ и грядки дѣтей должны быть окружены общимъ садомъ, подобно тому, какъ частное, поддерживаемое общимъ, покоится въ немъ, а общее, поддерживая это частное, окружаетъ его.

Этотъ садъ дѣтей, кромѣ общей цѣли, отношенія частнаго къ общему, члена къ цѣлому, долженъ изображать въ то же время какъ бы отношенія ребенка къ семейству, граждани-

на къ общинѣ, долженъ быть по существу не только развивающимъ, воспитывающимъ и поучительнымъ въ дѣлѣ пониманія отношеній, но и въ пониманіи вещей, а здѣсь именно въ пониманіи плодовъ и растеній. Это достигается тѣмъ, что ребенокъ вызывается на сравненіе; и это проявляется въ свою очередь такимъ образомъ, что предметы, въ данномъ случаѣ плоды и растенія, стоятъ рядомъ другъ съ другомъ для сравненія.—Изъ всего этого для раздѣленія земли и почвы или мѣста для садовъ дѣтей въ дѣтскомъ саду можно бы вывести и установить слѣдующія основанія:

I. Все пространство сада для дѣтей наиболѣе цѣлесообразно будетъ выбрать въ формѣ прямоугольника; не исключаются, однако, и другія простыя формы, круги и овалы. Однако, они, повидимому, не такъ соотвѣтствуютъ общей цѣли, въ особенности при многихъ дѣтяхъ, какъ прямоугольники.

II. Это общее пространство должно распадаться на двѣ части: на часть для общаго и на часть для частнаго, т.-е. для дѣтей, или, иначе выражаясь, на часть для цѣлаго и на часть для отдѣльныхъ членовъ, т.-е. опять-таки для дѣтей.

III. Часть для общаго будетъ обнимающею и какъ бы охраняющею, а часть для дѣтей—обнимаемою, охраняемою.

IV. Дѣтей нельзя, да и отнюдь не слѣдуетъ вводить посредствомъ этого сада во всю совокупность міра растительнаго, но ихъ нужно только познакомить съ тою частью его, которая ближайшимъ образомъ служить для человѣческихъ потребностей, слѣдовательно, съ полевыми и садовыми растеніями въ узкомъ смыслѣ. И такимъ образомъ земля общаго сада могла бы быть раздѣлена на землю сада и полевою землю.

V. Земля сада раздѣляется въ свою очередь, такъ сказать, на цвѣтникъ и на огородъ.

VI. Поле раздѣляется на землю для масляничныхъ растеній, для злаковъ, для стручковыхъ, для влюбневыхъ, для рѣпныхъ и для травъ вообще и, наконецъ, на поле для кормовыхъ травъ.

VII. Смотря по тому, какъ мы распорядимся съ землею, можно дать дѣтямъ большій или меньшій клочекъ земли для ихняго садика, можно даже каждому ребенку удѣлить особый отрѣзокъ садовой земли. Если дѣтей много, а пространство земли ограничено, то можно ограничить и пространство земли на каждого въ отдѣльности, можно даже двумъ дѣтямъ заразъ дать маленькій клочекъ земли. Соединеніе дѣтскихъ садовъ по два также имѣетъ свои хорошія стороны: оно учитъ уживчивости, и каждый ребенокъ становится тогда какъ бы богаче тѣмъ, что имѣетъ его сосѣдъ на своей грядкѣ или части грядки.

Гдѣ достаточно земли, т.-е. грунта и пахатной земли, тамъ можно каждому ребенку дать одинъ кв. метръ поля; гдѣ меньше земли, тамъ двое дѣтей могутъ помѣститься вмѣстѣ на продолговатомъ прямоугольникѣ въ $1\frac{1}{2}$ метра. Однако, гдѣ число дѣтей велико, а поля, подлежащаго раздачѣ, мало, тамъ и двое дѣтей могутъ обойтись однимъ кв. метромъ поля.

VIII. Дорожки, которыя раздѣляютъ и снова соединяютъ цѣлое, будутъ или главными дорожками или второстепенными дорожками между отдѣльными грядками. Эти послѣднія дорожки могутъ быть шириною въ 25 см. Но хорошо, если можно сдѣлать главныя дорожки шириною, по крайней мѣрѣ, въ 1 метръ, чтобы на нихъ могли разойтись заразъ 2 ребенка.

Это—относительно раздѣленія и употребленія земли вообще. Въ частности нужно замѣтить еще слѣдующее.

На отведенныхъ въ собственность дѣтямъ грядкахъ они могутъ сажать, что и какъ хотятъ, а также обходиться съ растеніями, какъ имъ угодно, чтобы они на опытѣ изъ неумѣстной рассадки узнали, что и съ растеніями слѣдуетъ обходиться только внимательно и правильно. Это показывается имъ на растеніяхъ общаго сада, за которыми они должны ухаживать аккуратно, чтобы ихъ можно было спокойно наблюдать во время ихъ развитія отъ сѣмени до новаго сѣмени, на протяженія ихъ зарожденія, роста, цвѣтенія и послѣванія.

При объёмененіи, воздѣлываніи и засаженіи общаго поля показываются, слѣдовательно, и различныя сѣмена растеній дѣтяиъ для сравненія, сопоставляются между собою, отыскиваются общіе, равно какъ и отличительные признаки ихъ, чтобы ребенокъ былъ въ состояніи назвать различныя растенія и отличить ихъ сѣмена другъ отъ друга. Лѣтомъ и осенью, по достиженіи зрѣлости, сѣмена вновь собираются и сохраняются для употребленія зимою и для новаго посѣва весною, по возможности, въ бумажныхъ ящичкахъ, которые заблаговременно приготавливаются самими дѣтьми ¹⁾).

Съ растеніями, которыя высаживаются въ садъ уже взрослыми непосредственно изъ другихъ мѣстъ, поступаютъ подобнымъ же образомъ, т.-е. наблюдаютъ ихъ сравнительно.

Каждый владѣлецъ отдѣльнаго садика долженъ заботиться о томъ, чтобы содержать садикъ или грядку въ чистотѣ и въ постоянно хорошемъ состояніи. О содержаніи въ чистотѣ и въ хорошемъ состояніи общаго сада должны заботиться всѣ сообща или по нѣскольку заразъ, попеременно; въ особенноти рекомендуется заниматься этимъ по опредѣленнымъ днямъ, напримѣръ, по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда.

Чтобы при взглядѣ на растенія и при наблюденія за ними у дѣтей было тотчасъ подъ руками и ихъ названіе, хорошо, если бы это названіе было написано на дощечкѣ и дѣти могли бы прочесть во время своихъ игръ и занятій это названіе на палочкѣ при каждомъ рядѣ растеній. Кромѣ того, благодаря этому становится рельефнѣе для дѣтей ясное обозрѣніе и полное проникновеніе въ цѣлое.

Также бываютъ многостороннія слѣдствія, если грядка каждаго ребенка обозначена его именемъ по только что указанному способу. Каждый ребенокъ тотчасъ находитъ грядку своего пріятеля; каждый ребенокъ, имя котораго находится

¹⁾ Подробное указаніе на это даетъ „Рабочая школа“ Фр. Зейделя и Фр. Шмидта. 3 выпускъ: „Картонажная работа“ (выдѣлка моделей изъ картона). 4-ое изданіе: Веймаръ. Г. Бѣлау. Съ 10-ью табл. рисунковъ и 3-мя стр. текста.

надъ его грядкой, сейчасъ же получаетъ заслуженную молчаливую похвалу или заслуженное молчаливое порицаніе, смотря по тому, небрежно или заботливо онъ за ней ухаживалъ.

Далѣе, ребенокъ, слабый въ различеніи буквъ и въ чтеніи, упражняется и въ томъ и въ другомъ, стараясь создать имена изъ буквъ.

Но, наконецъ, и въ довершеніе всего ребенокъ получаетъ посредствомъ всего этого, какъ уже выше упомянуто въ узкомъ смыслѣ, полный обзоръ и ясный взглядъ на цѣлое, благодаря чему особенно развивается память во всѣхъ отношеніяхъ: память на мѣста, на вещи и имена, память на свойства, а также и память на время, благодаря различіямъ въ ступеняхъ развитія растеній и въ уходѣ за нимъ.

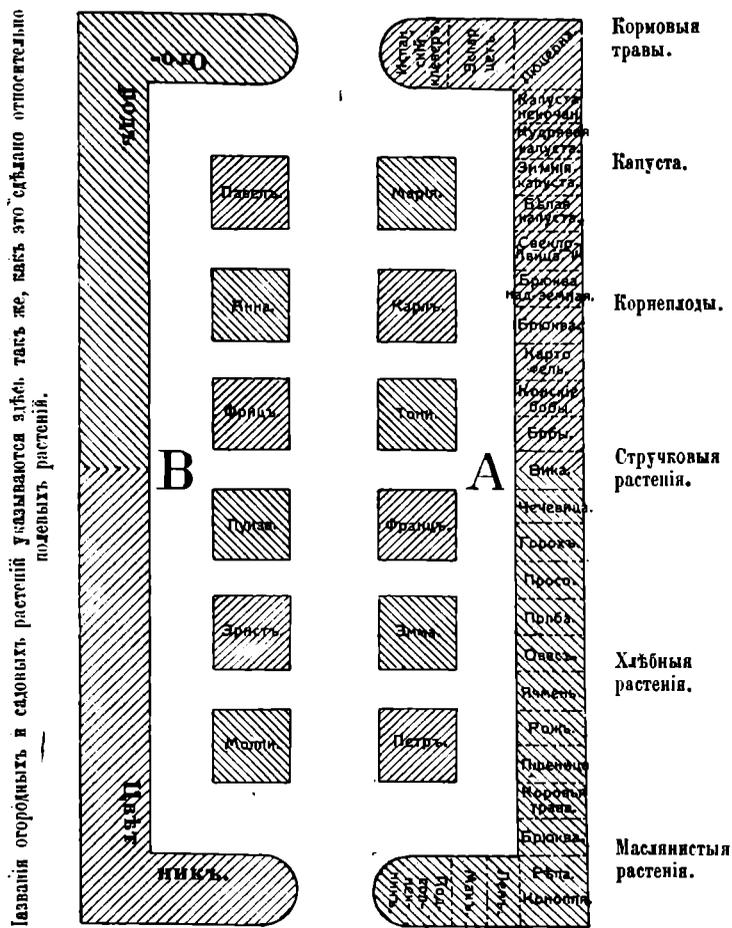
Всѣмъ этимъ отнюдь не исчерпывается значеніе и дѣйствіе сада для дѣтей: подобно тому, какъ ребенокъ видитъ въ немъ картину истинной семейной жизни, настоящей гражданской жизни, гдѣ цѣлое и общее охраняетъ интересы единичнаго и частнаго, а послѣднее, дѣйствуя въ обратномъ направленіи, способствуетъ интересамъ перваго, такъ же точно онъ находитъ въ каждомъ предметѣ, въ его появленіи, ростѣ и увяданіи, т.-е. въ его развитіи изъ одного элемента и новомъ возвращеніи къ изображенію одного элемента картину, отраженіе самого себя, которое способствуетъ лучшему пониманію и болѣе справедливому толкованію своихъ собственныхъ поступковъ.

Ибо раннее ознакомленію, хотя бы въ неясномъ предчувствіи, съ ходомъ и съ естественными, равно какъ и съ общими ступенями своего развитія для человѣка представляетъ неисчислимыя выгоды, и мальчикъ или дѣвочка можетъ уже рано подъ собственнымъ удовлетворительнымъ руководствомъ, посредствомъ ухода за своимъ садикомъ и внимательнаго обращенія съ растеніями достигнуть этого предчувствія при указаніи со стороны людей проицательныхъ и опытныхъ.

Все сказанное въ предыдущемъ можно пояснить прилагаемымъ рисункомъ, поскольку дѣло касается изображенія и распорядка сада.

Смотря по обстоятельствамъ, садъ разсчитанъ на 12 или

24 дѣтей. По мѣрѣ того, какъ увеличивается число грядъ въ длину или въ ширину сада, для любого числа дѣтей можно также сохранить и достаточное количество грядокъ. Для одного или двухъ дѣтей разсчитана здѣсь грядка въ

1 кв. мтр.; каждая промежуточная дорожка разсчитана шириною въ 25 снт., каждая главная—шириною въ 1 мтр. Ширина общаго пространства, обнимающаго грядки, также 1 мтр.; это пространство, обнимающее грядки, въ длину

раздѣлено на равныя части по числу плодовъ и растеній, для которыхъ оно должно быть использовано. Здѣсь на планѣ для каждаго рода растеній разсчитано 25 смт. въ продольномъ направленіи.

Сторона А разсчитана на полевые плоды, сторона В— на садовыя растенія. Порядокъ и сравнительное распредѣленію первой стороны А даны. Порядокъ и сравнительное распредѣленіе садовыхъ растеній стороны В легко получаютъ изъ первыхъ. Такъ какъ въ дѣтскихъ садахъ, къ сожалѣнію, только съ большимъ трудомъ добывается большее мѣсто для садиковъ или грядокъ дѣтей въ интересахъ цѣлесообразности расположенія сада для дѣтей, то общая масса дана здѣсь, какъ можно въ меньшемъ количествѣ, особенно ширина дорожекъ; и такимъ образомъ весь садъ занимаетъ въ длину только приблизительно 11 мтр., а въ ширину только около 7 мтр. Цѣлесообразнѣе было бы однако для главныхъ дорожекъ удѣлить больше пространства.

Дощечки съ именами должны быть двухъ родовъ: 1) дощечки съ именами дѣтей должны быть длиною въ 25 смт., шириною въ 5 смт.; 2) дощечки съ именами растеній должны быть длиною 15 смт. и шириною въ 5 смт.— Толщина каждой дощечки равняется 1 сантиметру.

Такихъ дощечекъ должно быть столько, сколько въ саду насчитывается родовъ растеній у дѣтей.

Если угодно познакомить ребенка также сравнительно и съ кустарникомъ, то это можно сдѣлать съ помощью живой изгороди, которая окружаетъ все пространство сада.

Гдѣ существуетъ дѣтскій садъ уже много лѣтъ, тамъ можно на 3-ій и 4-ый годъ сѣять вмѣсто культурныхъ растеній сѣмена натуральныхъ растеній: травы, цѣлебныя травы и т. д., чтобы тѣмъ больше повысить знаніе природы и растеній у ребенка.

Но, чтобы соединить пріобрѣтеніе познаній съ поднятіемъ настроенія ребенка, можно, въ виду того, что сравнительное изученіе сѣменныхъ и несѣменныхъ растеній было общимъ, сдѣлать также общимъ и какъ бы праздничнымъ

занятіемъ сѣяніе сѣмянъ и посадку растений. Однако, чтобы придать этому занятію еще больше впечатлѣнія и выразительности, дѣтская садовница сопровождаетъ такое воздѣлываніе садика объяснительной, пробуждающей пѣсенкой:

Отпустите насъ въ нашъ садикъ
Сѣмена цвѣтовъ посѣять,—
Тамъ—тепломъ весь воздухъ дышетъ,
Все раететъ и зеленѣетъ!

Равно какъ и впоследствии, когда сѣмена дадутъ ростокъ и растение вырастетъ дѣти поютъ:

Въ садикъ просимъ отпустить—
Наши клумбы посѣтить!

Врядъ ли нужно говорить еще что-нибудь о дѣйстви и обратномъ воздѣйствіи такого ухода за природой и растениями на духъ и познаніе ребенка, равно какъ на характеръ в чувство и даже на всю дѣйствительную и созидательную жизнь ребенка: ибо, кто находится среди цѣлаго и вырастаетъ въ немъ и изъ него, тотъ долженъ, конечно, и понимать это цѣлое. Поэтому родители, которые владѣютъ садомъ, не должны никогда забывать этого, должны представлять своему ребенку, или своимъ дѣтямъ достаточно времени для ухода и устройства ихъ маленькихъ грядъ. Такимъ образомъ они дадутъ имъ при условіи нѣкотораго простого, вполне естественнаго руководства источникъ для внутренняго, нравственнаго возвышенія и укрѣпленія.

Уже осмысленный уходъ за маленькимъ садомъ на окнѣ или въ горшкѣ составляетъ для ребенка чистый источникъ нравственнаго облагораживанія. Такъ образовательно вліяетъ природа, оказывая свое воздѣйствіе посредствомъ самаго простаго растенія на того, кто рано открываетъ свое сердце и умъ для ея благотворныхъ вліяній.

Дѣтскій, юношескій и народный праздникъ

въ Алтентштейнѣ въ Мейнингенѣ 4-го августа 1850 г.
Den schlechten Mann muss man verachten,
Der nie bedacht, was er vollbringt.

SCHILLER.

Каждое время имѣеть свой опредѣленный характеръ, будь то время дня или время года, и въ этомъ отношеніи оно похоже на опредѣленный возрастъ человѣческой жизни. Утро есть выраженіе пробуждающейся жизни, подобно тому какъ весна есть выраженіе дѣтскаго и юношескаго возраста человѣческаго рода. Полдень и лѣто похожи на окончившійся отроческій возрастъ; это время зрѣлости замкнутаго въ себѣ цѣлаго. А то, что имѣеть мѣсто по отношенію къ временамъ дня и года и по отношенію къ возрастамъ человѣческой жизни, то же повторяется и по отношенію къ человѣческому роду, къ человѣчеству и къ каждому отдѣльному человѣку. Человѣчество имѣеть свои ступени развитія, которыя уже намѣчены въ предыдущемъ. Подобно тому, какъ ребенокъ и юноша проживаетъ время дня и года и бываетъ въ это время веселъ, доволенъ и счастливъ, не отдавая себѣ иного отчета о сущности и значеніи своей жизни, кромѣ того, что онъ, по его сознанію, живетъ, развивая свои собственныя силы, такъ же точно проживаетъ и человѣческій родъ большіе промежутки времени своего развитія безсознательно. Между тѣмъ, опытъ и разумніе идутъ рука объ руку съ ребенкомъ, разьясняя ему жизнь посредствомъ

разказовъ и наблюденій какого-нибудь полного жизни изображенія фактовъ. Что дѣлается посредствомъ опыта и проникновеннаго взгляда въ отношеніяхъ дѣтей и юношества, то же должно быть разъяснено людьми опытными и ясно представляющими себѣ жизнь въ отношенія человеческого рода и человечества. Значеніе времени, его требованія должны быть для нихъ ясно и убѣдительно изложены, по крайней мѣрѣ, посредствомъ слова и разсказа или рѣчи, или должны быть представлены имъ для разсмотрѣнія и наблюденія въ изображеніяхъ вещей и предметовъ изъ жизни.

Подобно тому какъ мы теперь переживаемъ, въ отношенія времени года лѣто, время зрѣлости плодовъ, когда каждое отдѣльное зерно какъ бы воспринимаетъ въ себя цѣлое своего растенія, чтобы въ свое время снова возродить его въ юношеской силѣ свѣжимъ и здоровымъ, такъ и человечество теперь переживаетъ также время воспріятія и единенія цѣлой жизни, пока не созрѣетъ плодъ, чтобы снова съ ясностью и самоопредѣленіемъ выбросить его изъ себя и помѣстить внѣ себя, когда онъ созрѣетъ.

Характеръ теперешняго времени, теперешней ступени развитія человечества составляетъ, слѣдовательно, единеніе всей совокупности, всего человеческого рода къ воспріятію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уразумѣнію сущности, къ познанію всего человечества, чтобы снова заставить его пережить то же въ отдѣльныхъ проявленіяхъ и какъ отдѣльное явленіе, равно какъ и въ совокупности всѣхъ его членовъ и такимъ образомъ измѣнить форму жизни. Этотъ характеръ теперешняго времени—всестороннее единеніе жизни—людямъ, которые, какъ мы узнали, относятся ко времени такъ же, какъ дѣти и юношество, лучше всего представить для наблюденія и уразумѣнія въ видѣ реальныхъ и жизненныхъ картинъ.

Праздникъ съ играми 4-го августа въ Альтенштейнѣ имѣлъ опредѣленную цѣль: представить для наблюденія и уразумѣнія подрастающимъ дѣтямъ и юношамъ, равно какъ и толпѣ, въ извѣстномъ отношенія находящейся на ступени дѣтской и юношеской безсознательности, требованія времени,

чтобы каждый по степени своего образованія и способности къ здоровому развитію могъ получить соотвѣтствующую помощь, чтобы разобраться въ требованіяхъ времени, чтобы человѣчество могло, наконецъ, прекрасно выполнить и точно представить себѣ, въ чемъ заключаются собственно возлагаемыя на него требованіе и задача: всесторонне единая жизнь.

Поэтому въ основѣ всего праздника лежитъ мысль, идея, которая и должна быть наглядно изображена во время этого праздника: жизнь сама по себѣ есть цѣлое, но въ каждый промежутокъ времени она должна разрѣшить опредѣленную задачу, къ выполненію которой каждый отдѣльный человѣкъ и имѣетъ назначеніе стремиться сообразно со своими способностями. Сообразно съ этою цѣлью и была построена вся внѣшность праздника.

Мѣсто для игръ было выбрано на значительномъ возвышеніи, съ котораго открывался прекрасный видъ почти во всѣ стороны на многообразіе и частности окружающей мѣстности, на прекрасную природу и на тихую, но тѣмъ не менѣе богатую человѣческую жизнь въ мирной единеніи. Это мѣсто было окружено отдаленными голубыми горами.

Согласіе и гармонія частнаго и общаго, проистекающія отъ того, что именно каждый предметъ являлся на подходящемъ для него мѣстѣ и въ соотвѣтствующей обстановкѣ, это мирное и радостное выраженіе истинной свободы жизни— вотъ въ чемъ заключалось впечатлѣніе, производимое цѣлымъ.

На этомъ возвышеніи было намѣчено особое мѣсто для игръ, діаметръ котораго составлялъ приблизительно 80 шаговъ и которое вдоль своей внѣшней окружности давало возможность для безпрепятственнаго обозрѣнія цѣлаго толпѣ въ нѣсколько сотенъ лицъ, принимающихъ участіе въ праздникѣ. Это мѣсто, за исключеніемъ круга, гдѣ происходили игры, было предоставлено для наблюденія друзьямъ дѣтей, юношества и народа. Дѣти, принимавшія участія въ играхъ, были изъ 5 окрестныхъ мѣстъ, изъ которыхъ одно—городъ, а остальные—деревни.

Къ этому описанію праздника не мѣшаетъ присоединить сначала исторію его возникновенія: какъ мысль о немъ въ продолженіе болѣе года выработывалась многими изъ исполнителей и, наконецъ, была осуществлена. Хотя это могло бы быть поучительно съ двухъ сторонъ,—во-первыхъ, это могло бы не позволять отклонять себя отъ исполненія хорошей мысли тотчасъ при первыхъ пропятствіяхъ, но заботливо лелѣять ее въ себѣ до благопріятнаго времени; затѣмъ, это показало бы, что могутъ сдѣлать полное довѣрія и уваженія искреннее содѣйствіе и помощь для прекраснаго и удовлетворительнаго выполненія цѣлаго, расчлененнаго даже на множество частныхъ; тѣмъ не менѣе это остается невыполненнымъ, такъ какъ здѣсь дѣло только въ представленіи духа и сущности праздника съ играми для дѣтей и юношества.

Должно только быть подчеркнуто, что нераздѣльное участіе учителей города Зальцунгена съ частью ихъ дѣтей и учениковъ и участіе учителей и дѣтей изъ деревень Штейнбаха, Швейны, Лвбенштейна и Маріенталя придавало всему празднику прекрасное впечатлѣніе единенія. Однако и здѣсь могутъ быть только упомянуты украшенія различныхъ товариществъ по игрѣ, состоявшія изъ вѣнковъ и т. д.; именно я упомяну только про украшенную колесницу дѣтей изъ Зальцунгена.

Играющихъ дѣтей было свыше трехсотъ. Взрслыхъ, принимавшихъ участіе въ приведеніи въ исполненіе всего праздника, было отъ 20 до 25.

Первое явленіе, которое представлялось на праздникѣ, состояло въ томъ, что одно и то же соединило дѣтей самыхъ разнообразныхъ семейныхъ отношеній и самыхъ разнообразныхъ степеней образованія.

Итакъ, это были преимущественно частности, которыя соединялись вмѣстѣ для приведенія въ исполненіе программы праздника, но онѣ предназначались именно для выполненія мысли, идеи и внѣшнимъ образомъ прочно между собою связывались, и между тѣмъ каждая въ отдѣльности дѣйствовала совершенно самостоятельно, и такимъ

образомъ цѣлое было не только праздникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникомъ, соединеннымъ съ играми.

Но чтобы былъ какой-нибудь внѣшній порядокъ въ толпѣ, послѣдовало соглашеніе между участниками игръ изъ различныхъ мѣстъ, или между участниками изъ нѣсколькихъ мѣстъ заразъ относительно знака внѣшняго объединенія, именно относительно цвѣтныхъ бантовъ, благодаря которымъ каждый отдѣльный членъ является членомъ большаго цѣлага, а это послѣднее въ свою очередь можно бы толковать, какъ часть всеобъемлющаго единства. Поэтому не будемъ забывать, чтобы не нарушать высшаго внутренняго единенія жизни, что прежде всего долженъ имѣть мѣсто внѣшній распорядокъ, внѣшнее соединеніе. Такъ собирались дѣти на каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ; затѣмъ въ деревнѣ Швейна ниже Альтенштейна собрались они подъ руководствомъ своихъ руководителей игръ: учителей, воспитателей, дѣтскихъ садовниковъ и садовницъ; и опять-таки внѣшнимъ образомъ они были сгруппированы по возрасту, т.-е. по росту и соединяемы въ ряды по четыре ряда въ каждой партіи и по четыре человѣка въ каждомъ ряду, такъ что самые маленькіе составляли начало, а самые большіе—конецъ. Такъ образовались колонны изъ параллельныхъ рядовъ по четыре ряда въ колоннѣ и по четыре человѣка въ каждомъ ряду; съ лѣвой стороны колоннъ шли руководящія и предводительствующія ими руководительницы игръ. Такъ въ 2 часа прошелъ рядъ дѣтей изъ Швейны къ Альтенштейну. Здѣсь они соединились со своими товарищами по игрѣ изъ деревни Штейнбаха на опредѣленномъ мѣстѣ, откуда снова маленькія дѣти открывали шествіе, а болѣе взрослые замыкали его. Здѣсь присоединился еще новый элементъ: это былъ ритмъ и тактъ, который въ пѣніи выражалъ объединяющую мысль, объединяющую идею. Такъ шествіе достигло сначала главнаго мѣста, а потомъ и специально предназначеннаго мѣста для игръ, каковыя оба были выбраны соответствующимъ образомъ. При входѣ въ общее мѣсто для игры вышеприведенныя слова Шиллера: „Высокій смыслъ часто лежитъ въ дѣтскихъ играхъ“, помѣщенные въ вѣнкѣ

изъ цвѣтовъ среди листвы дуба, выражали общую идею всего праздника, именно, что въ этомъ праздникѣ должно найти свое отраженіе великое пониманіе эпохи и жизни и что оно должно сдѣлаться достояніемъ всего народа: идея всесторонняго и всеобщаго единенія жизни при полнѣйшей свободѣ дѣятельности, равно какъ и при вполнѣ самостоятельномъ выборѣ и самоопредѣленіи каждаго отдѣльнаго лица, въ цѣляхъ удовлетворенія, какъ отдѣльнымъ требованіямъ, такъ и требованіямъ цѣлаго.

Изображеніе этой идеи и наглядное поясненіе ея началось тотчасъ по вступленіи играющихъ въ кругъ для игръ.

Какъ уже неоднократно было говорено, вся толпа до этого момента представляла изъ себя собраніе лицъ, обусловленное внѣшними опредѣленіями и объединенное въ себѣ посредствомъ идеи, мысли. Каждое отдѣльное лицо, принимающее участіе въ игрѣ, до сихъ поръ не обозрѣвало цѣлаго, а также не распознавало и не запечатлѣвало своего положенія, своего мѣста въ большомъ цѣломъ. Поэтому, какъ только толпа, то цѣлое, которое предназначалось для выполненія праздника, вступило въ кругъ по отдѣленіямъ, оно расположилось плотно внутри по ограничивающему ихъ кругу, такъ что каждый членъ цѣлаго приходилъ въ соприкосновеніе съ двумя своими сосѣдями; всѣ лица были устремлены на средину круга, и каждый сталъ осматривать цѣлое и свое положеніе въ общемъ и по отношенію къ каждому въ отдѣльности. Такимъ образомъ каждому изъ участниковъ игры пришлось на долю самое дѣйствительное и высшее изъ жизненныхъ наблюденій, а именно, во-первыхъ, наблюденіе внѣшнимъ образомъ невидимаго, но опредѣляющаго собою цѣлое единства, наблюденіе здѣсь хотя и невидимаго, но все-таки опредѣляющаго собою кругъ центра, во-вторыхъ, наблюденіе цѣлаго и въ то же время всѣхъ членовъ этого цѣлаго до каждаго въ отдѣльности и, въ-третьихъ, познаніе и наблюденіе самого себя на своемъ мѣстѣ, своего мѣста въ кругѣ, своего отношенія къ каждому отдѣльному лицу въ кругѣ, а также къ центру круга и къ тѣмъ требованіямъ, которыя нужно предъявить къ нему и исполнить.

Единство уподобляется центральному пункту: множественность выражается во всѣхъ членахъ, единичность—въ каждомъ играющемъ.—Такимъ образомъ, при этомъ изображеніи игры сдѣлались возможны снова три наблюденія: во 1-хъ, наблюдезіе невидимаго, съ духовной стороны самаго внутренняго единства, во 2-хъ, наблюденіе видимой множественности, внѣшности и, въ 3-хъ, наблюденіе подробностей, особенностей, личностей.— Въ этомъ положеніи, въ которомъ были равномерно раздѣлены естественнымъ образомъ руководительницы игръ и дѣти, нужно было бы спѣть пѣсню: „Въ сборѣ всѣ мы“ и т. д., но здѣсь догадались, что кругъ слишкомъ великъ, голоса разносятся и не могутъ быть слышны, какъ одно цѣлое. Тогда вся масса въ триста и болѣе играющихъ была перестроена, при чемъ каждый изъ принимающихъ участіе въ игрѣ помнилъ свое мѣсто, въ 8 концентрическихъ круговъ вокругъ центра игральной арены, и здѣсь-то началось общее пѣніе:

Въ сборѣ всѣ мы, всѣ—въ сборѣ;
Радость блещетъ во взорѣ,—
Веселитъ насъ и учитъ игра.
Насъ порядокъ сближаетъ,
Насъ любовь направляетъ,
Здѣсь желаютъ намъ только добра!

Посредствомъ этого распредѣленія выражалось слѣдующее: не только одно большое цѣлое можетъ быть соединено воедино одною мыслью, одной идеей, но и всѣ подчиненныя цѣлыя, или круги самыхъ различныхъ образованій могутъ сгруппироваться вокругъ одного и того же центрального пункта. Объединеніе одной идеей не исключаетъ образованія подчиненныхъ цѣлыхъ.

Круги двигались, а цѣлая толпа тѣмъ временемъ пѣла вышеприведенную пѣсню, двигаясь попеременно въ различныхъ направленіяхъ, то вправо, то влево, намѣчая и выражая своими дѣйствіями слѣдующее: различными направленіями не исключаются не только особенныя образованія, но даже и вовсе своеобразныя, сплошь да рядомъ

прямо противоположныя другъ другу, лишь бы только соблюдалась объединяющая идея. Слѣдовательно, проникновеніе общей мыслью не исключаетъ ни образованія собственныхъ круговъ самихъ по себѣ, ни противоположныхъ имъ по внѣшнему виду. Далѣе при этой игрѣ наблюдателю еще бросалось въ глаза: въ построенномъ такимъ образомъ жизненномъ цѣломъ двигается человѣкъ, равно какъ и ребенокъ, радостно и въ веселомъ расположеніи духа.

Теперь возвратимся къ самой игрѣ.

Бывшіе до сихъ поръ концентрическими круги раздѣлялись теперь тѣмъ, что каждый былъ связанъ со слѣдующимъ съ правой стороны, при чемъ слѣдующій подавалъ ему лѣвую руку, и всѣ круги вмѣстѣ образовывали единое непрерывное цѣлое, какъ бы наизнанное на нитку. Руководительница игръ на лѣвомъ концѣ самаго внутренняго круга подходитъ къ невидимой до сихъ поръ срединѣ цѣлаго, и всѣ остальные круги начали наматываться вокругъ нея, какъ нитки на клубокъ, и при этомъ пѣли слѣдующія слова:

Подобно колесу
И ниточка вертится,
Покуда вся въ клубокъ
Одинъ не превратится.

Всѣ, принимающіе участіе въ игрѣ, такимъ образомъ объединяемые центральнымъ пунктомъ, были перестроены въ большое единое цѣлое и тогда, такъ сказать, постигли, что центръ опредѣлялъ ихъ дѣйствія. Невидимая середина круга сдѣлалась видимой благодаря своей притягивающей и объединяющей силѣ, и тогда снова стало развертываться цѣлое изъ центральнаго пункта, подобно тому, какъ растеніе развивается изъ зародыша и сердцевины, подъ пѣніе слѣдующихъ словъ:

Нитка, нитка,
Развернись,—
Нашииъ пѣснямъ
Почуйсь!

Чтобы сообщить эту мысль объединенія также и другому концу большого круга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ членамъ

его, предыдущее повторялось еще разъ въ такомъ видѣ: руководительница игры съ другого конца шла въ средину и цѣлое опять при общемъ пѣніи первой пѣсни завивалось вокругъ этой средины, а затѣмъ, когда всѣ завились и вторично какъ бы осязали средину, цѣлое снова стало разматываться и опять образовался первоначальный большой кругъ при пѣніи словъ:

Нитка, нитка, помоги намъ!
Ты свяжи конецъ съ началомъ,
Чтобъ игра велась красиво!

Въ высшей степени заслуживаетъ вниманія то, что эта игра есть любимая игра дѣтей, и даже самыя маленькія изъ подрастающихъ только для подвижныхъ игръ дѣтей охотно присоединяются къ этому удовольствію.

Основная мысль цѣлаго — индивидуальное и отдѣльное образованіе единичныхъ фактовъ въ великомъ жизненномъ цѣломъ до сихъ поръ намѣчалась, какъ явленіе. Эта мысль должна была, однако, быть подчеркнута еще больше; нужно было на свободныхъ дѣтскихъ играхъ и въ самомъ процессѣ игръ показать, какъ ясно и правдиво она можетъ быть выведена въ дѣйствительной жизни. И такимъ образомъ изъ этого выходили отдѣльныя игры или скорѣе игры отдѣльныхъ группъ.

Прежде всего—игры дѣтскаго сада изъ Маріентала, который заключалъ въ себѣ дѣтей отъ 3-хъ лѣтъ и старше. Образовывались два круга, при чемъ болѣе маленькіе помѣщались въ меньшемъ кругу въ срединѣ, а болѣе взрослые въ большемъ кругу снаружи. Они начинали опять съ противоположнаго другъ другу движенія обоихъ круговъ при пѣніи пѣсенки:

Мы встали всѣ въ кругу одномъ,
Играть мы будемъ всѣ кружкомъ.
Игра намъ сердце веселить—
И духъ, и тѣло вамъ крѣпить.

Къ ней присоединилась любимая игра маленькихъ дѣтей подъ названіемъ: „Малютка опускается“, сопровождаемая пѣсенкой:

Малютка опустилась
И поднялась снова,—
То внизъ, то вверхъ,
То вверхъ, то внизъ.
Малютки-тѣ же птички!

Игра соединялась съ упражненіями, которыя показывали и выражали, что человѣкъ сначала долженъ развить свое тѣло свои члены и чувства, прежде чѣмъ можно будетъ ему выступить самостоятельно и самодѣятельно, и что онъ, разъ онъ желаетъ жить и дѣйствовать въ чловѣческомъ единеніи съ жизнью, долженъ искать поддержки въ идеѣ, въ мысли, въ сознаніи, выражаемыхъ здѣсь въ словахъ пѣсни, равно какъ и въ развитіи тѣла, его членовъ и чувствъ, выражаемыхъ здѣсь въ движеніяхъ игры. Въ качествѣ особеннаго выраженія игры становилось при этомъ яснымъ еще, что человѣкъ можетъ достигнуть ступени этого объединеннаго образованія только повторнымъ испытаніемъ и упражненіемъ. Поэтому въ этой игрѣ „Малютка опускается“ противуположная дѣятельность опусканія и подниманія, конечнымъ пунктомъ которой было висѣніе въ воздухѣ, равно какъ и самая игра были къ удовольствію дѣтей повторены много разъ. Вторымъ выраженіемъ того же самаго было то, что ребенокъ можетъ держаться на высотѣ, достигнутой упражненіемъ, въ особенности благодаря общей поддержкѣ.

Къ этой игрѣ присоединилась такъ называемая „Игра въ звѣзды и вѣнки“, при чемъ изъ двухъ круговъ образовался снова одинъ, при пѣніи:

Бокъ-о-бокъ, за рядомъ—рядъ,—
Какъ великъ нашъ кругъ ва взглядъ!
Чтобъ въ немъ было веселѣ,
Запоемте всѣ дружиѣ!
Не скучнѣй намъ налегкѣ
Быть и въ маленькомъ кружкѣ.

Здѣсь большой кругъ раздѣлился на 6 меньшихъ круговъ, и въ то время, какъ движеніе продолжалось въ начатомъ направленіи, продолжали пѣть:

Потихоньку заи́вля,
Пѣсню пѣсней погоняя.

Въ видѣ объясненія здѣсь высказывалось просто слѣдующее—великое наблюденіе жизни, которое давалъ большой кругъ играющихъ, именно тройное наблюденіе единства, общности и частныхъ. Это наблюденіе въ меньшемъ кругу давалось ребенку еще яснѣе; однако ребенокъ при этомъ долженъ былъ возвыситься до наблюденія вещей, до опредѣленнаго взгляда на нихъ; поэтому необходимы были призывающія слова дѣтской садовницы:

Веселѣй въ кругу стоять,
Гдѣ середина круга знать!

Далѣе, — приглашеніе, направленное къ кому-нибудь изъ дѣтей въ кругу:

Гдѣ же середина,
Ты покажи намъ.
Будемъ ходить,
Кругъ свой водить!

Намѣченный ребенокъ выходитъ на середину круга и, показывая правой рукой передъ собой на середину, а затѣмъ, поворачиваясь налѣво и указывая на кругъ, говорить:

Вотъ гдѣ—середина,
Здѣсь вотъ—вашъ кругъ.
Дружно кружитесь,
Пойте всѣ вдругъ!

Исполняя приглашеніе, каждый изъ 6 круговъ повернулся направо и при этомъ пѣлъ:

Въ кругу мы, въ кругу мы;
Мы кругъ свой ведемъ;
Мы къ срединѣ, мы къ срединѣ сейчасъ подойдемъ!

Но такъ какъ дѣло становится ясно только въ силу противоположности, то ребенокъ повторялъ то же самое, при чемъ онъ показывалъ лѣвой рукой, а повертывался направо и пѣлъ предыдущія слова и приглашеніе, которое. кругъ и

выполнялъ, поворачиваясь направо такимъ же образомъ, какъ прежде.

Для тѣхъ, которые могутъ представить игру въ воображеніи, необходимо указать, какъ постоянно соединяются противоположности и, благодаря имъ, обыкновенно становится яснымъ прямо-противуположное. Такъ при находящейся въ покоѣ срединѣ двигается кругъ и наоборотъ.

Такимъ образомъ для ребенка предчувствіе тройного наблюденія и своего тройного отношенія, вызываемое въ немъ большимъ кругомъ, въ маленькомъ кругу должно сдѣлаться не только болѣе легкимъ для воспріятія, но и должно быть приведено въ исполненіе самимъ ребенкомъ. Отсюда вытекаетъ приглашеніе, направленное къ нему:

Исполнилъ ты весь нашъ приказъ,
Иди на мѣсто самъ сейчасъ!

Что показываетъ намъ эта первая и послѣдняя дѣятельность ребенка, выражавшаяся въ томъ, что онъ выступалъ изъ окружности круга къ его центру и отъ центра опять отступалъ къ окружности? — Она показываетъ намъ соединеніе единства со всеобщностью или, въ частности, въ данномъ случаѣ, соединеніе центра съ окружностью. Она показываетъ, что ребенокъ, благодаря этой двойной дѣятельности, развилъ въ себѣ и усвоилъ два качества. Именно, вслѣдствіе перваго и послѣдняго приглашеній: „Гдѣ же середина“ и т. д. и „Исполнилъ ты“ и т. д. въ немъ развивается чувство личности и отдѣльности отъ всего остального. Дальнѣйшимъ нашимъ требованіемъ: „Ты покажи намъ“ и т. д. ребенокъ побуждался, во-первыхъ, отыскать центръ посредствомъ сравненія съ пѣлымъ, или съ окружностью и наступить на него, или воспринять въ себя сущность центра, далѣе: воспринять въ себя отношеніе окружности къ себѣ самому и именно, принимая во вниманіе постоянно одинаковое разстояніе ея отъ себя, и такимъ образомъ представить сущность центра. Подобно тому, какъ ребенокъ при

первомъ приглашеніи: „Гдѣ же середина“ долженъ былъ имѣть въ виду отыскать центръ, такъ же точно при второмъ „Исполнилъ ты“ онъ долженъ имѣть въ виду окружность и долженъ стараться найти ея мѣсто. Важность ея положенія, ея мѣстонахожденія въ цѣломъ (въ кругу), ея отношеніе къ единству, или къ идеѣ, къ основной мысли цѣлаго и пониманіе этого цѣлаго уже неоднократно подчеркивалось нами. Почти невозможно даже и при повтореніи этой игры, чтобы все это оставалось безъ воздѣйствія на жизнь ребенка, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не пробудилъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, хотя и неяснаго, но тѣмъ не менѣе живого чувства этого тройнаго отношенія къ самому себѣ, къ цѣлому и къ единству, а также и воспріятія, что единство (центръ), мысль и есть здѣсь собственно опредѣляющее начало, дѣйствующій элементъ.

Игра развивается дальше, и руководительница игры продолжаетъ:

Озаренъ нашъ кругъ лучами;
Будетъ звѣздочка межъ нами!

При словѣ „лучами“ дѣти, находящіяся въ срединѣ каждаго изъ шести круговъ, подаютъ другъ другу руки, а при словахъ: „Будетъ звѣздочка межъ нами“ всѣ дѣти вмѣстѣ поднимаютъ лѣвую руку, какъ бы изображая такимъ образомъ звѣзду. При этомъ они кружатся направо и поютъ:

Вотъ къ намъ она сошла.
Пусть будетъ такъ свѣтла,
Какъ на небѣ была!

Затѣмъ они соединяютъ лѣвыя руки въ центрѣ, а правыя поворачиваютъ наружу и при этомъ продолжаютъ пѣть:

Подобно тѣмъ звѣздамъ,
Что свѣтитъ ночью намъ,
Поемъ хвалу Творцу,—
Зиждителю—Отцу!

Благодаря всей совокупности игры пробуждается предположенію, что единичное выходитъ изъ цѣлаго, единаго.

и через это чувство готовится въ ребенкѣ мысль, что, слѣдовательно, и взрослый человекъ въ видѣ ребенка восходить къ праединѣму Богу, и поэтому, какъ и все существующее при своемъ появленіи и во время своего существованія благодарить Бога, онъ также прославляетъ и благодарить Бога за то же самое, т.-е. за свою жизнь и дѣянія.

Итакъ, слѣдовательно, наблюденіе переносилось отъ центра, отъ единства черезъ посредство звѣздъ опять на частности. Тогда, какъ бы возвращаясь снова на землю, руководительница игры продолжаетъ:

Какъ звѣзды свѣтъ льютъ съ высоты,—
Изобразимъ теперь цвѣты!

При словѣ „цвѣты“ дѣти кладутъ правую руку на лѣвую, хватая при этомъ лѣвую руку сосѣда, какъ бы изображая этимъ многолиственный цвѣтокъ— это зависитъ отъ числа дѣтей. При этомъ они поютъ, кружась въ то же время направо:

Изобразимъ теперь цвѣты
Въ расцвѣтѣ скромной красоты,
Садовникъ ими счастливы былъ,—
Онъ ихъ садилъ, онъ ихъ растилъ!

Слѣдовательно, это—вообще уходъ за внутреннею жизнью и благодарность за это.

Затѣмъ дѣти кладутъ лѣвую руку на правую и кружатся налѣво, слѣдовательно, изображаютъ то же самое въ обратномъ порядкѣ и, переходя отъ бессознательнаго цвѣтка къ сознательному человекѣ, къ чувствующему ребенку, поютъ:

Какъ эти цвѣтики въ саду,
Такъ дѣти здѣсь въ всемъ кругу—
Любовь къ тѣмъ проявляютъ,
Кто имъ добра желаетъ!

Какое же наблюденіе съ необходимостью вытекаетъ для ребенка изъ всего этого? Наблюденіе постепеннаго перехода отъ общаго къ частному (отъ неба къ землѣ), отъ такъ называемыхъ безжизненныхъ тѣлъ (звѣздъ) къ одушевленной

природѣ (цвѣтамъ) и отъ природы, какъ неодушевленной, такъ и одушевленной—къ человѣку, къ семейству, къ развивающемуся человѣку, къ ребенку и его воспитателямъ и къ дѣйствию на ребенка ухода, заставляющаго его быть благодарнымъ на дѣлѣ своимъ воспитателямъ.

Однако ребенокъ хочетъ, чтобы эта благодарность выражалась не только въ его взорахъ, но представляла изъ себя и обращалась какъ бы въ нѣкоторую вещь, въ дѣйствительный предметъ, связывалась бы съ какимъ-либо дѣйствительнымъ предметомъ. Дѣтская садовница, изображая ребенка какъ бы достигшимъ уже полнаго сознанія и такимъ образомъ легко предполагая то, что происходитъ въ душѣ еще сравнительно маленькаго ребенка, даетъ выраженіе этому его желанію и поетъ:

Звѣзды—радость намъ, цвѣточки,
Но не меньше—и вѣночки!

При словѣ „вѣночки“ всѣ дѣти опускаютъ руки, затѣмъ поднимаютъ ихъ высоко одну по направленію къ другой а кладутъ ихъ внутренней стороною другъ на друга, поднимая ихъ подъ острымъ угломъ на высоту головы. При этомъ они кружатся направо и поютъ слѣдующія слова:

Любуйтесь всѣ вѣнками;
Силели мы ихъ здѣсь сами,
Всѣ сами отъ себя,
Родителей любя.

Затѣмъ они продолжаютъ, поворачиваясь налѣво:

Мы всѣ ихъ полюбили,
За то, что васъ хранили,
За то, что дали знаній свѣтъ
Увидѣть съ самыхъ раннихъ гѣтъ.

Это и составляетъ дѣтскую любовь и благодарность.

Какое наблюденіе здѣсь для ребенка? — Сознательное проникновеніе въ семью и жизнь семьи съ цѣлью научиться сознать себя въ ней ребенкомъ, а родителей—воспитателями, наставниками и учителями. Семья, какъ таковая,

будучи составлена изъ нѣсколькихъ элементовъ, представляетъ собою все-таки нѣчто единое подобно тому, какъ каждый цѣтокъ также состоитъ изъ нѣсколькихъ частей и является тѣмъ не менѣе замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ и въ то же время отдѣльнымъ явленіемъ. Семья составляетъ членъ болѣе крупной общественной единицы, общины, народа, какъ высшего цѣлаго, который именно потому и является цѣлымъ въ истинномъ значеніи этого слова, что онъ преслѣдуетъ въ своей жизни и дѣятельности одну объединяющую идею, одну основную мысль и представляетъ ее въ жизни.

А идеи и ихъ изображенія обозначаются вѣяками: камышовой вѣнокъ обозначаетъ бога рѣки, лавровый вѣнокъ— поэта, дубовый вѣнокъ служитъ символомъ нѣмецкой націи, миртовый и розовый вѣнокъ—добродѣтели и т. д. Воодушевленная этою мыслью, руководительница игры продолжаетъ:

Во имя ихъ любви,
Мы имъ вѣнокъ сплели!

При словѣ „вѣнокъ“ отдѣльные круги распадаются и дѣти образуютъ, постепенно сходясь все ближе и ближе большой кругъ—вѣнокъ и поютъ:

Что за чудный нашъ вѣнокъ!
Кончилъ игры нашъ кружокъ.
Насъ любовь соединяетъ;
Радость вокругъ насъ всѣхъ витаешь,—
Тѣхъ счастьемъ дарить,
Въ чьемъ сердцѣ миръ царить.
У всѣхъ насъ стремленье
Къ любви и единенью!

Вспомнимъ при этомъ слова нашего великаго поэта:
„Радость, радость есть пружина большихъ мировыхъ часовъ“.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ единству, къ центральному пункту всей жизни, къ познанію цѣлаго на истинно живомъ образцѣ, а къ тому же и къ познанію условій, при которыхъ его нужно изобразить.

Желательно, чтобы это толкованіе игры можно было, по крайней мѣрѣ, предполагать, какое бы значеніе ни имѣла

каждая изъ слѣдующихъ игръ въ отдѣльности, хотя указать на это возможно и въ меньшемъ объемѣ. Однако я желалъ бы разъясненіемъ чувственнаго значенія этихъ игръ только показать, что при этихъ играхъ нѣчто ощущается дѣтьми, мыслится ими, что въ нихъ могутъ возбуждаться наблюдения, важныя для жизни. Но я ни въ коемъ случаѣ не думалъ, чтобы нѣчто подобное должно было доводиться до сознанія ребенка въ такомъ объемѣ и въ особенности съ такою ясно-стью, а еще менѣе съ помощью тѣхъ же словъ. На ребенка эти игры должны дѣйствовать только какъ наблюденія цвѣтка, пѣніе птички, ясный весенній день и т. п., т. - е. возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ. Однако дѣтскій садовникъ и любящая дѣтей дѣтская садовница должны, по возможности, ясно представлять себѣ, что это дѣйствуетъ на расположеніе духа ребенка, какъ яркій солнечный свѣтъ и теплый воздухъ на зародыши, почки и цвѣты весною, со-грѣвая, развивая и способствуя росту ихъ, а для ребенка,—приводя его къ разумности, разсудительности и здравомы-слию, къ пониманію жизни и единенію. Этой игрой завер-шаются представленія Маріентальскаго дѣтскаго сада.

Частью одновременно съ играми маріентальцевъ, частью послѣ нихъ слѣдовали игры второй школы изъ Шт е й н б а х а подѣ руководствомъ учителя г. М о ч м а н а.

Онѣ начались съ образованіемъ нѣсколькихъ концентриче-скихъ круговъ и съ особенно тщательнаго проведенія изображенной раньше уже въ общихъ чертахъ игры: „Мы кружимся и т. д.“, между тѣмъ какъ круги враща-лись въ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ, чтобы тѣмъ ясно показать, что изображенное въ общихъ чертахъ можетъ быть легко также воспроизведено и въ подробностяхъ. Сюда присоединилась вторая ихъ игра, вы-веденная въ предыдущемъ изложеніи: „Мы кружимся, тан-цуемъ“, при чемъ пѣлось:

„Мы кружимся, танцуемъ,—
Ля, ля, ля; ля, ля, ля; ля, ля, ля!
Всѣ видимъ мы другъ друга,—
Ля, ля, ля; ля, ля, ля; ля, ля, ля!

Средину всѣ ны видимъ,—
Питчи, патчъ, питчи, патчъ!

При этомъ полагалось хлопанье въ ладоши, какъ выраженіе радости по поводу удачи.

Какъ прежде на ходу, такъ теперь, свободно стоя на мѣстѣ, дѣти повернулись лицомъ наружу по указанному назначенію: „Повернитесь же, дѣти“! Схватившись опять за руки, они спѣли:

Мы кружимся, танцуемъ,
Не видимъ мы другъ друга,—
Ля, ля, ля; ля, ля, ля; ля, ля, ля!
Средину всѣ мы видимъ,—
Питчи, патчъ, питчи, патчъ!

Эта игра по своему выполненію и словамъ пѣсни выразила въ связи духъ и значеніе видѣннаго до сихъ поръ, а именно: въ каждомъ цѣломъ опредѣляющимъ образомъ дѣйствуетъ мысль, идея, центръ, и ясное различеніе и распознаваніе его существенно способствують увѣренному выполненію игры. Опусканіе рукъ, стояніе поодиночкѣ и поворачиваніе по приглашенію: „Повернитесь!“ выражало то, что каждый въ отдѣльности вполнѣ усвоилъ себѣ цѣлое и самостоятельно и самодѣтельно выполнилъ, что отъ него требовалось.

Вторая часть игры, сопровождаемая словами: „Мы кружимся, танцуемъ, не видимъ мы“ и т. д. выражаетъ, что тотъ, кто понялъ и усвоилъ идею, можетъ и изобразить эту мысль въ согласіи съ другими исполнителями, хотя она для него и не обрисовывается ясно ни изъ отдѣльныхъ дѣйствій его сотрудниковъ, ни изъ ихъ совмѣстнаго выполненія. Практика этой игры и пониманіе отдѣльныхъ подробностей жизни семьи и жизни въ общинѣ здѣсь совершенно ясны при первомъ взглядѣ; мы же, напротивъ, хотимъ указать на примѣненіе ея къ высшей, общечеловѣческой жизни.

Третья и послѣдняя часть игры состояла въ томъ, что каждый въ отдѣльности изъ различныхъ концентрическихъ

круговъ дѣлился въ опредѣленномъ мѣстѣ, и дѣти, схватившись за руки и повернувшись лицомъ къ лицу наружу, кружились до тѣхъ поръ, пока концы круговъ снова не приходили въ соприкосновеніе, и при этомъ пѣли:

Должны мы обернуться,
Пока концы сомкнутся.

Теперь всѣ играющіе стояли снова въ замкнутомъ кругу, обратившись лицомъ къ центру. Эта игра выражала, что то, что въ состояніи выполнить каждый въ отдѣльности, отдѣленный отъ цѣлага, но все-таки въ полномъ согласіи съ нимъ, то же самое становится доступнымъ цѣлому, какъ соединеніе тѣхъ же движеній, если это объединеніе прочно и постоянно.

Играющія дѣти изъ Зальцунгена подъ спеціальнымъ руководствомъ двухъ своихъ учителей, Коха и Мейрера, исполняли игры для мальчиковъ и для дѣвочекъ одновременно въ двухъ главныхъ отдѣленіяхъ; дѣвочки, поставленыя въ одинъ большой кругъ, сначала подбрасывали кольцо и ловили его на палку. Привлекательное въ дѣйствиіи и значеніи этой игры для дѣтей выражается въ ней очень просто: оно заключается въ укрѣпленіи, упражненіи и развитіи ловкости, въ особенности въ развитіи силы руки въ согласіи съ гармоническимъ развитіемъ глаза; въ этомъ выражался смыслъ общеизвѣстной поговорки: „Схватывать счастье на лету“. Слѣдовательно, развитіе зоркости, искусства ловить легко и быстро и пользоваться въ своихъ цѣляхъ переходящими благоприятными обстоятельствами жизни. Важное предварительное образованію для жизни. Другое отдѣленіе дѣвочекъ играло въ игру: „Лисица ходитъ кругомъ“, извѣстную также подъ другимъ названіемъ: „Зло ходитъ кругомъ“. Множество играющихъ становится при этомъ въ кругъ, за исключеніемъ одного; этотъ одинъ стоитъ отдѣльно отъ нихъ со свитымъ платкомъ въ рукѣ, а остальные дѣти держатъ свои руки на спинѣ такъ, чтобы въ нихъ можно было положить что-нибудь и задержать въ нихъ. Тогда ребенокъ съ плат-

комъ идетъ по кругу и кладетъ свитый платокъ, называемый жгутомъ, кому пожелаетъ, въ руки; тотъ быстро схватываетъ его и легкимъ толчкомъ въ плечо даетъ знакъ сосѣду справа, что платокъ у него; тогда сосѣдъ спѣшить бѣжать со своего мѣста и долженъ постараться обѣжать кругъ и снова вернуться на свое мѣсто, такъ, чтобы его не каснулся чувствительный ударъ жгута. Затѣмъ игра начинается снова: тотъ изъ играющихъ, который прежде получилъ жгутъ, обходить кругъ подобно своему предшественнику и кладетъ платокъ въ руку, кому пожелаетъ, такъ, какъ прежде, а тотъ, какъ и раньше, даетъ знакъ легкимъ толчкомъ своему сосѣду справа, что платокъ у него, и сосѣдъ спѣшитъ обѣжать кругъ, чтобы не получить удара жгутомъ. Во время игры поются слѣдующія слова:

Лиса обходить насъ кругомъ
И такъ, и такъ вертится.
Кто оглянулся на нее,—
Спнию поплатится!
Отплатить онъ другой спящъ;
Сосѣдомъ быть пріятно-ль мнѣ!

Значеніе этой игры, которая сопровождается маленькими дѣтьми въ дѣтскомъ саду, обыкновенно, вышеприведеннымъ пѣніемъ, прямо противоположно значенію предыдущей игры и легко примыкаетъ къ ней, объясняясь изъ противоположности съ нею. Именно, подобно тому, какъ предыдущая игра заставляетъ ребенка быть внимательнымъ и привыкнуть быть внимательнымъ, зорко и постояннымъ упражненіемъ глаза быстро и легко использовать въ своихъ интересахъ скоропреходящій удобный случай или благопріятныя для него обстоятельства и дѣла, точно такъ же эта игра должна научить ребенка, должна показывать ему, какимъ образомъ ему съ помощью извѣтнаго предчувствія цѣлесообразно избѣжать приближающагося неблагоприятнаго момента, прежде чѣмъ онъ будетъ захваченъ имъ врасплохъ, при чемъ во время игры становится возможнымъ открывать благодаря легкому движенію тѣла того, кто получилъ жгутъ, и кто послѣ наноситъ ударъ, и такимъ образомъ

избѣжать удара, прежде чѣмъ онъ почувствуется; слова пѣсни, соотвѣтствующія этимъ требованіямъ, обращаютъ вниманіе маленькихъ дѣтей въ дѣтскомъ саду на это.

Мальчики играли также двумя различными отдѣленіями— одни въ перемѣну мѣстъ и въ сохраненіе за собою мѣста, другіе—въ такъ называемаго чернаго человека. Первая игра для дѣтей, какъ меньшихъ по возрасту, такъ большихъ не менѣе важна, чѣмъ обѣ только что описанныя игры въ качествѣ символа для жизни. Она учитъ ребенка, во-первыхъ, жизненному наблюденію, которое онъ узналъ уже раньше при игрѣ въ мячъ, что каждый предметъ, каждая вещь, а слѣдовательно и человекъ занимаетъ опредѣленное пространство, опредѣленное мѣсто; но здѣсь еще и дальше, что ни одинъ человекъ и ни одинъ предметъ не долженъ покидать и уступать своего мѣста въ жизни раньше, чѣмъ онъ будетъ увѣренъ въ достиженіи другого, подходящаго и благоприятнаго для него мѣста, по крайней мѣрѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей; важный выводъ для послѣдующей производительной жизни, особенно для охотно стремящагося впередъ юношества. Необходимое условіе, при которомъ только и достижима предположенная цѣль, дается второй игрой мальчиковъ—чернымъ человекомъ. Она показываетъ намъ, что только съ помощью примѣненія своихъ членовъ и чувствъ, только съ помощью напряженія своихъ силъ, ловкости и терпѣнія можно добиться того, что желательно.

Заключенію перваго отдѣла всего праздника игръ составляла игра въ кошку и мышку, исполненная, правда, поодиночкѣ и совершенно отдѣльно различными обществами и отдѣленіями, но сопровождавшаяся общимъ пѣніемъ:

Вотъ кошка прибѣжала!

„Ахъ! мышку бѣ я поймала!“

Но только кошка къ мышкѣ въ домъ,

Какъ мышка изъ дому бѣгомъ.

Эта любимая дѣтская игра разыгралась также и, какъ общая игра, всѣми заразъ въ различныхъ кругахъ и, слѣ-

довательно, съ различнымъ впечатлѣніемъ. Эта игра объединяетъ духъ и значеніе всѣхъ предыдущихъ игръ въ вѣстномъ отношеніи, ибо она выражаетъ: что для достиженія общей цѣли, именно для того, чтобы уклониться отъ чего-либо неприятнаго, нужно привести въ дѣйствіе и насторожить всѣ члены, равно какъ и каждую часть тѣла въ отдѣльности, и смотрѣть сразу за всѣмъ и за отдѣльными фактами. (Опять-таки важно для жизни.)

Затѣмъ наступилъ получасовой промежутокъ времени для отдыха между играми, который былъ посвященъ освѣженію, поддержанію силъ и угощенію, которое соблаговолила отпустить для всего круга играющихъ, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ Ея Высочество царствующая герцогиня Саксенъ-Мейнингенская.

По прошествіи получаса играющія дѣти, ихъ воспитатели, руководители и руководительницы по общему призыву снова собрались для дальнѣйшаго продолженія праздника игръ на опредѣленномъ пространствѣ. Образовали сообща большіе и меньшіе концентрическіе круги. Различныя игральныя общества собрались вмѣстѣ, и дѣти размѣстились по своимъ руководителямъ и руководительницамъ, какъ при началѣ праздника. За общимъ соединеніемъ въ срединѣ отведеннаго для игръ пространства послѣдовало общее пѣніе:

Намъ встрѣча здѣсь—мигъ наслажденья,
Связало къ жизни насъ влеченье;
Веселье наше—весь нашъ трудъ,
Съ нимъ радость—съ нами, тутъ-какъ-тутъ!
Трудъ несетъ намъ лучъ, науки,
Подвигаетъ къ дѣлу руки,
Льетъ онъ въ сердце новый свѣтъ!

Такимъ образомъ все чувствовало себя единымъ цѣлымъ, а каждый въ отдѣльности чувствовалъ себя членомъ этого цѣлаго, и такимъ образомъ цѣлое, какъ и каждый въ отдѣльности, сознавали цѣль своего совмѣстнаго существованія, были проникнуты и оживлены его духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, что выражала пѣсня—веселое проявленіе чувствъ и осо-

бенно сильное примѣненіе членовъ, сейчасъ же и изображалось въ ритмическихъ и соотвѣтственныхъ движеніяхъ отдѣльныхъ частей и всего тѣла; ибо согласіе между словомъ и дѣломъ составляетъ главную заботу дѣтскаго сада, чтобы въ немъ господствовала истина.

Затѣмъ отдѣльныя игральныя общества соединились въ особыя цѣлыя, и многими изъ нихъ одновременно было исполнено: „голубятня“, подъ акомпаниментъ пѣсенки изъ собранія материнскихъ и ласкательныхъ пѣсепъ ¹⁾).

Открыли голубятню мы,
Летятъ голубки изъ тюрьмы—
Въ поля зеленыя опять,
Гдѣ такъ привольно имъ летать.
Но все-жъ вернутся вповь сюда
На отдыхъ свой онѣ всегда.
Какъ прплетать онѣ домой,—
Ведутъ рассказъ про полевою
Просторъ зеленый у рѣки.
Имъ чутко внемлютъ голубки.

Вытекающее изъ этой игры ея значеніе для жизни состоятъ въ томъ, что можно свободно предоставить каждому въ отдѣльности, если только онъ объединенъ и проникнутъ духомъ цѣлаго, исполненіе и изображеніе его отдѣльной жизни по собственному выбору и усмотрѣнію, въ полной увѣренности, что, какъ только раздастся снова требованье и призывъ цѣлаго, направленный къ каждому въ отдѣльности, то этотъ послѣдній охотно и съ радостью послѣдуетъ этому призыву, какъ выраженію своего собственного желанія. Общимъ впечатлѣніемъ отъ игры, слѣдовательно, является свободное соединеніе (самоопредѣленіе) и необходимость (опредѣленіе и требованіе цѣлаго). Въ дѣтскомъ саду вниманіе дѣтей-голубей, согласно со смысломъ третьяго стиха пѣсни, обращается на окружающее во время ихъ вылетанія, чтобы это вылетаніе постоянно содержало

¹⁾ Материнскія и ласкательныя пѣсни. Съ рисунками и тетрадью воть. Въ изданіи книжной торговли Пихлера въ Вѣнѣ.

въ себѣ впечатлѣніе отъ чего-либо чувственнаго, между тѣмъ какъ дѣтскія садовницы задаютъ дорогимъ голубкамъ всевозможные вопросы, которые лежатъ въ предѣлахъ этой игры: по какому васѣянному полю онѣ летали и что онѣ видѣли въ другихъ мѣстахъ во время ихъ вылета? и т. д.— За этой игрой, къ радости всѣхъ нѣсколько разъ повторяемой, слѣдовала игра „Если дѣточки послушны“ при пѣніи пѣсенки:

Если дѣточки послушны,
Къ нимъ веселье такъ и льнется.
Если весело малюткамъ,—
И удача къ нимъ придетъ.

Въ началѣ этой пѣсенки изъ круга играющихъ выходитъ одинъ ребенокъ и при послѣднемъ словѣ продѣлываетъ какое-нибудь движеніе, воспроизводитъ какое-нибудь простое дѣйствіе или изображеніе чего-нибудь, которому затѣмъ, подражая, слѣдуетъ весь кругъ играющихъ. Эта игра прямо противоположна предыдущей по своему внѣшнему виду, по своему духу и характеру. Если въ предыдущей игрѣ опредѣленіе исходило отъ цѣлаго и отдѣльные члены слѣдовали этому требованію, то здѣсь, прямо, наоборотъ, опредѣленіе и требованіе исходитъ отъ отдѣльной личности, и цѣлое признаетъ это требованіе своимъ собственнымъ и въ точности исполняетъ его; въ самомъ дѣлѣ, то, что выступившій на средину круга считаетъ сообразнымъ исполнить по своему личному желанію и по моментально пришедшему ему въ голову рѣшенію, то же самое, какъ упомянуто, воспринимается подражающимъ ему цѣлымъ. Обѣ эги игры, теперяшняя и прежняя, разсматриваемыя вмѣстѣ и въ сравненіи между собою, показываютъ поэтому и ясно выражаютъ, что жизнь, какъ гармоническое цѣлое, состоитъ въ томъ, чтобы, по требованію великаго жизненнаго цѣлаго, то каждый въ отдѣльности слѣдовалъ опредѣленію цѣлаго, то цѣлое признавало бы требованія отдѣльныхъ членовъ во всей его всеобщности и исполняло, какъ общепризнанныя.

Такъ какъ эта игра представляетъ столь большое разнообразіе въ изображеніи, смотря по характеру, по возрасту,

по приобретённому уже или не приобретённому еще развитію играющихъ, то и исполнялась она, равно какъ и предыдущая игра, различными игральными обществами за разъ, что давало много поводовъ, въ особенности принимающей участіе публикѣ, для мѣтвехъ занѣчаній и способствовало болѣе глубокому проникновенію въ глубину этого способа воспитанія дѣтей и юношества.

Затѣмъ выступили опять отдѣльные общества играющихъ съ ихъ отдѣльными играми. Сначала Маріентальскій дѣтскій садъ съ игрой „Нѣмецкій дубовый вѣнокъ“, или съ игрой въ 4 главныхъ качества, или, если угодно, ей можно дать названіе: добродѣтели дѣтскаго и юношескаго возраста, а также добродѣтели человѣческой жизни вообще: доброжелательство (любовь), непритязательность (скромность) и чистота жизни (невинность), наконецъ, твердость, постоянство (надежда). Игра началась, въ соответствии съ духомъ цѣлаго, опять-таки съ пѣнія словъ:

Въ насъ стремленье
Къ единенію
Намъ связь даетъ,
Къ добру ведетъ
И въ жизни даетъ оплотъ.
Ровнымъ шагомъ,
Мѣрнымъ шагомъ,
Какъ и здѣсь въ игрѣ,—
Пойдемъ вездѣ,—
Союзъ нашъ продвѣтетъ.
Ля, ля, ля, ля!

Эти слова достаточно рѣзко и опредѣленно обозначали духъ, какъ этой игры, такъ и всякой игры вообще и всего праздника, какъ цѣлаго. Изъ цѣлаго выходилъ и первый вѣнокъ, вѣнокъ благожелательства, единенія въ жизни, любви: дѣти просто кружились направо и при этомъ пѣли:

Мы розой быть хотѣли бь,
Наперсницей любви;
Затѣмъ мы и для тавцевъ
Вѣнокъ изъ розъ сплели.
Ля, ля, ля, ля!

Это „ля, ля“ сопровождается быстрымъ припрыгиваньемъ. Первый кругъ пересталъ пѣть; выступилъ второй кругъ съ пѣніемъ:

Фиалкой скромной дайте
Себя мнѣ показать,
Въ веселонъ дѣтскомъ танцѣ
Въ фиалкахъ танцевать!
Ля, ля, ля, ля!

При этомъ „ля, ля“ и первый кругъ также аккомпанировалъ второму быстрымъ поворотомъ съ припрыгиваніемъ. Затѣмъ оба круга остановились. Выступилъ третій кругъ, который кружился и пѣлъ:

Нарядъ мнѣ приглянулся
У лнній полевыхъ,—
Надѣну я для танцевъ
Себѣ вѣнокъ изъ нихъ.
Ля, ля, ля, ля!

При словахъ „ля, ля, ля“ первые два круга аккомпанировали третьему уже неоднократно упоминаемому движению. Затѣмъ эти три круга остановились. Выступилъ четвертый кругъ, кружась и напѣвая:

На зелень быть похожимъ
Пріятно по веснѣ,—
Вѣнокъ дубовыхъ листьевъ
Всегда пойдетъ ко мнѣ.
Ля, ля, ля, ля!

Дальнѣйшее исполненіе,—какъ и раньше. Четвертый кругъ остановился, и три внѣшніе круга начали пѣть:

Мы примемъ всѣ участие,—
Надежда такъ сладка,—
На праздниѣ весевнемъ
Дубоваго вѣнка.
Ля, ля, ля, ля!

Именно—не быть покинутыми надеждой: завершающимъ все пѣмъецимъ единствомъ, крѣпостью и самостоятельностью. При словахъ „ля, ля“, служащихъ общимъ выраженіемъ вну-

трёхней радости жизни, внутренній вѣнокъ разорвался въ нѣстахъ соединенія, и такимъ образомъ цѣлое обратилось въ большой кругъ, какъ выраженіе исполненной надежды, такъ что каждый въ отдѣльности былъ присоединенъ къ законченному въ себѣ цѣлому, гдѣ онъ сливался съ цѣлымъ и цѣлое въ свою очередь не давало погибнуть его стремленіямъ и личнымъ особенностямъ ¹⁾).

Затѣмъ дѣти изъ Штейнбаха подъ руководствомъ своего упомянутого выше, преданнаго своему дѣлу и любящаго дѣтей учителя, по свободному выбору и рѣшенію, исполнили нѣсколько игръ, которыя въ извѣстномъ отношеніи представляли примѣненіе намѣченнаго выше, при большихъ, общихъ играхъ принципа къ частному случаю, напр., игра: „Мы всѣ рука съ рукой стоимъ“. Играющія дѣти становились при этомъ въ кругъ и пѣли:

Мы всѣ рука съ рукой стоимъ,
Въ кругу кружится мы хотимъ,
Мы всѣ средину знать хотимъ,—
Кто найдетъ ее для насъ,—
Нашъ поклонъ тому сейчасъ.

На это приглашеніе выходитъ одинъ изъ играющихъ, у кого хватить на это достаточно охоты и смѣлости, на средину круга. Въ этотъ моментъ весь кругъ, кланяясь и нагибаясь, поетъ:

Поклонъ-тебѣ, тебѣ-поклонъ,
Поклонъ-тебѣ!
Спой намъ пѣсню, за тобою
Запоемъ мы всей гурьбою.

Какъ только ребенокъ, стоящій въ центрѣ, трижды ударить въ ладоши, онъ вапѣваетъ:

Кругомъ, кругомъ!
Въ кругу—кругомъ!
Всегда, всегда, всегда—кругомъ!

¹⁾ Изобрѣтательница этой игры—дѣтская садовница, основательница и завѣдующая дѣтскимъ садомъ въ Дрезденѣ г-жа Августа Герцъ.

Во время пѣнія кругъ повернулся сначала направо, а затѣмъ, при повтореніи этой пѣсни, — налѣво, послѣ чего ребенокъ, стоящій въ срединѣ, снова трижды ударяетъ въ ладоши. Затѣмъ кругъ поетъ:

Мы стоимъ всѣ по мѣстамъ,
Протанцуй свой танецъ намъ!
Мы споемъ тебѣ всѣмъ хоромъ,
Танцу въ тактъ—споемъ всѣмъ хоромъ.

При этомъ всѣ дѣти, стоящія въ кругу, ударяютъ трижды въ ладоши и поютъ:

Вертись въ кругу, дитя, кругомъ,
И все—кругомъ, и всѣ—кругомъ!

Пока дѣти, стоящія въ кругу, поютъ это, ребенокъ кружится какъ разъ посрединѣ вокругъ себя самого или вокругъ пальца руководительницы игры сначала направо, а затѣмъ при повтореніи удара въ ладоши, налѣво.

По окончаніи пѣсенки и танца ребенка дѣти, стоящія въ кругу, поютъ:

Кто усталъ—пусть отдохнетъ!
Мѣсто пусть свое найдетъ!

Затѣмъ они продолжаютъ:

Кто покажетъ вамъ средину,—
Будемъ всѣ мы благодарны!

Послѣ этого другой ребенокъ выступаетъ на средину круга, и игра начинается снова. Замѣчательно, какую пріятельность имѣетъ эта маленькая игра для дѣтей: рѣдко они окончатъ прежде, чѣмъ всѣмъ достанется удовольствіе показать сред и ну круга.

Но крайне оригинально поставили себѣ задачей жители Штейнбаха изобразить жизнь ребенка въ тѣсномъ единеніи и во взаимномъ общеніи съ природой. Для этого они выбрали себѣ слѣдующую игру.

Всѣ играющіе стояли спокойно въ кругу и пѣли:

Мы въ кругу стоимъ,
Весело глядимъ.

Вольно дышетъ грудь,
Свѣтелъ весь нашъ путь.
Хоть птичка пѣтъ и въ лѣсъ летить,
Но снова въ гнѣздышко спѣшпитъ.

Повторить
трижды.

При словѣ „въ лѣсъ“ всѣ стоящія въ кругу дѣти становятся прямо, твердо, поднимаютъ свои руки въ стороны высоко надъ головой и шевелить слегка пальцами, и такимъ образомъ каждый ребенокъ изображаетъ дерево, а всѣ вмѣстѣ—лѣсъ. Птичка или птички облетаютъ лѣсъ. Но когда послѣ троекратнаго повторенія пѣсенки раздадутся снова слова: „Мы въ кругу стоимъ“, дѣти опускаютъ руки и перестаютъ шевелить пальцами, а летавшія птичками возвращаются снова на свои мѣста и стоятъ опять въ кругу, какъ играющія дѣти.

Тогда опять начинается или та же самая пѣсенка и игра, или послѣ заключительныхъ словъ дѣти въ кругу продолжаютъ пѣть:

Два зайчика лугою зеленыю бѣгутъ,
На волѣ себѣ они радость найдутъ.

Дѣти въ кругу изображаютъ вмѣсто деревьевъ кусты, при чемъ каждый изъ низъ протягиваетъ свои обѣ руки въ стороны и, какъ бы колеблемый вѣтромъ, раскачивается то вправо, то влево.

Послѣ троекратнаго пѣнія вышеприведенныхъ словъ и какъ только снова раздадутся слова: „Мы въ кругу стоимъ“, исчезаютъ опять роща и зайчики. Это или повторяется два или три раза, или, какъ прежде, при заключительныхъ словахъ: дѣти продолжаютъ пѣть.

Три рыбки по озеру тихо илывуть,—
Легко и свободно рѣзвиться имъ тутъ.

При этомъ они непосредственно послѣ рощи, подавъ взаимно другъ другу руки, обравуютъ какъ бы озеро, въ которомъ двигаются, подражая плавающимъ рыбкамъ, трое (четверо или больше) дѣтей. А дѣти, стоящія въ кругу,

двигаются въ обратномъ направленіи, легко раскачивая руками, чтобы изобразить волненіе воды.

Этого будетъ достаточно для объясненія этой игры, которая, попутно скажемъ, можетъ служить для маленькихъ дѣтей къ тому же и числовой игрой, и потому, обыкновенно, они продолжаютъ и дальше играть въ нее, но въ ней особенно выводятся отношенія и взаимная жизнь между живой и одушевленной природой, между живой и мертвой природой и изображаются какъ бы самимъ ребенкомъ во время игры посредствомъ подражаній, напр., птица—въ воздухѣ и въ лѣсу, дичь—на землѣ и въ рошѣ, рыба—въ водѣ и въ озерѣ.

Взаимное отношеніе между ребенкомъ и природой они пытались особенно изобразить въ весенней игрѣ:
„Намъ ходить и т. д.“

Дѣти расположились попарно, положивъ руки другъ на друга и держа въ нихъ маленькія зеленыя вѣтки опущенными къ землѣ, и затѣмъ, шествуя въ видѣ змѣйки, они пѣли:

Намъ ходить,
Намъ кружить
Любо въ нашемъ хороводѣ,—
Распѣвать
И дышать
Полной грудью на свободѣ.
Ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!

При послѣднемъ „ля“ всѣ дѣти въ парахъ стали въ прямой рядъ, однако такъ, чтобы одна пара плотно прилегала спина къ спинѣ другъ къ другу, а затѣмъ другая—опять лицомъ къ лицу, и при этомъ они наклоняли въ нѣсколько приподнятыхъ рукахъ зеленыя вѣтки другъ къ другу, такъ что постоянно пара дѣтей, пробираясь одинъ за другимъ съ противоположныхъ сторонъ и всякій разъ перекрещиваясь между двумя дѣтьми, проходили черезъ цѣлое, извиваясь, какъ извиваются ытчики, пробираясь черезъ плетень. При этомъ пѣлось слѣдующее.

Весель—май,
То-и-знай
По вѣтвляхъ поряютъ птички.
Такъ и здѣсь
Кругъ нашъ весь
Вторить птичьей переключкѣ.
Ля, ля, ля; ля, ля, ля, ля!

Это повторялось до тѣхъ поръ, пока всѣ пары не проберутся, такъ сказать, черезъ заборъ и пока снова не станутъ, какъ и при началѣ игры.

При послѣднемъ „ля“ всѣ играющіе обонихъ рядовъ поворачивались одинаковымъ образомъ въ длину ряда лицомъ къ лицу, образуя поднятыми вѣтками какъ бы крытую галерею или триумфальную арку, и попарно проходили черезъ нее съ опущенными вѣтками, при чемъ первая пара начинала, а остальные по очереди слѣдовали за нею и затѣмъ опять выстраивались внизу, пока опять всѣ не оказались стоящими, какъ въ началѣ игры; это построеніе, обыкновенно, сопровождалось пѣсенкой:

Стройтесь въ строй
Всей гурьбой,
Дружно, весело и живо!
Запоемъ
И пройдемъ
Мы подъ аркою красиво!
Ля, ля, ля; ля, ля, ля, ля!“

Это должно было обозначать: подобно тому, какъ живая природа радуется весною отъ единенія съ одушевленной, такъ же точно радуется и человѣкъ, пользующійся самосознаніемъ, отъ единенія со всей природой, въ которую онъ, такъ сказать, входитъ снова весною, какъ ея господинъ и царь. Смыслъ этой игры дѣти старались уяснить и оживить особеннымъ пошееніемъ и взаимнымъ расположеніемъ зеленыхъ вѣтокъ.

Дѣти и юноши изъ Зальцунгена подъ руководствомъ обонихъ уже названныхъ выше ласковыхъ съ дѣтьми и дѣятельныхъ учителей при проведеніи своихъ игръ ста-

вили себѣ другую задачу, а именно во время процесса игры, и самыми этими играми они старались показать, что показанная, какъ въ зеркалѣ, цѣль этихъ игръ, да и цѣль жизни можетъ быть достигнута только тогда, когда человѣкъ съ раннихъ поръ укрѣпитъ и дасть достаточное количество цѣлесообразныхъ упражненій своимъ членамъ, чувствамъ, всему своему тѣлу и своему мыслящему уму и такимъ образомъ постепенно разовьется до полного обладанія своей жизнью. Сообразно съ этою цѣлью послѣдующія игры юношей изъ Зальцунгена всѣ вообще были гимнастическими играми. Среди нихъ особенно выдѣлялся таецъ гимнастовъ, какъ по способу воспроизведенія, такъ и по своему дѣйствию и значенію. А именно: главный гимнастъ кругообразно вращаетъ веревку, снабженную на одномъ концѣ рукояткой, а на другомъ — соотвѣтственно тяжелымъ мѣшкомъ съ пескомъ, и притомъ такъ, чтобы нѣшокъ по возможности плотно прилегалъ къ землѣ, а остальные гимнасты, когда веревка достигнетъ, по возможности, болѣе равномернаго движенія, все время должны стараться прыгать внутри очерчиваемаго веревкой круга съ такимъ разчетомъ, чтобы веревка все время могла безпрепятственно двигаться подъ ихъ ногами. Слѣдовательно, необходимо, чтобы гимнасты подпрыгивали вверхъ и опускались внизъ ритмически-закономѣрно, такъ чтобы веревка въ своемъ вращательномъ движеніи никогда не встрѣчала препятствія въ лицѣ какого-либо запоздаваемаго гимнаста. Въ послѣднемъ случаѣ онъ подвергался опасности не только получить сильный ударъ по ногамъ, но и быть сбитымъ веревкой даже на землю. Смыслъ и значеніе этой игры въ высокой степени важны для всей жизни, а именно онъ состоитъ въ томъ, что является возможнымъ избѣгать и миновать того или другого явленія природы, являющагося неизбѣжно опредѣленнымъ по законамъ и вторгающагося въ человеческую жизнь, если встрѣтишься съ нимъ въ положеніи въ родѣ даннаго, а тѣмъ болѣе въ положеніи, аналогичномъ съ даннымъ случаемъ, когда оно уже познано. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ веревка не угрожаетъ

опасностью никому, если только двигаешься постоянно въ известномъ равномерномъ ритмѣ и веревка проходитъ между ногами, такъ же точно при аналогичныхъ условіяхъ проходитъ и опасность отъ всякаго явленія природы безъ вреднаго вліянія для дѣлага ¹⁾. Въ этой игрѣ получила символическое разрѣшеніе послѣдняя и высшая задача жизни: мужественно противостоять опасностямъ жизни, а также и избѣгать ихъ. Съ другой стороны эта игра, какъ являющаяся завершеніемъ отдѣльныхъ игръ, повела къ окончанію всего праздника. При этомъ по окончаніи ея три игральныхъ сообщества предварительно выстроились снова въ одинъ большой кругъ, чтобы для завершенія всего сообщая исполнить за ключительную игру, именно „улитку“, подъ пѣніе слѣдующей пѣсни:

Рука-объ-руку другъ съ другомъ
Мы пойдемте дружнымъ кругомъ,
Ровнымъ шагомъ,—не быстро,
Все тѣснѣе, все тѣснѣе.
Все плавнѣе, все плавнѣе!
Близко то всегда бываетъ.
Что любовь собой скрѣпляетъ.

Послѣ того, какъ всѣ соединились въ срединѣ круга, кругъ сталъ опять распускаться, пробираясь какъ бы черезъ лабиринтъ, со слѣдующими словами и пѣніемъ:

Рука-объ-руку другъ съ другомъ
Мы пойдемте дружнымъ кругомъ!
Шире, шире, все скорѣй,
Все свободнѣй, все вольнѣе,
Дальше, дальше, веселѣе,—
Чтобъ изъ кучки самой малой
Кругъ развить намъ небывалый.
Вдоволь мы навеселимся,
Кончимъ игры и—простимся!

¹⁾ Что эта игра дѣйствительно важна для жизни дѣтей и юношества и что она познается дѣтми именно со стороны этой важности, это обнаружилось нѣсколько дней спустя въ мирѣ дѣтей Швейцы, которыя сейчасъ же овладѣли этой игрой и, какъ она ни трудна, все-таки воспронизвели ее къ общей радости.

И при этихъ словахъ все игральное сообщество стояло опять въ широкомъ кругу, какъ при началѣ игрѣ, плотно прислонившись къ периламъ большой игровой арены. Значеніе этой игры, какъ завершенія всего игральнаго праздника, заключается въ самомъ ея воспроизведеніи. Игры этого правдики исходили изъ того, что былъ собственно одинъ невидимый центръ, одна мысль, одна идея, одно опредѣляющее начало для всего цѣлаго, общаго, равно какъ и для каждаго въ особенности и для каждаго въ отдѣльности; но этотъ, хотя и невидимый, но все-таки различаемый и воспринимаемый центръ нужно было сохранять въ продолженіе всего дѣйствія. Это выступало особенно ясно въ „игрѣ со звѣздой и короной“ и въ игрѣ, называемой „Мы всѣ рука съ рукой стоимъ“. Въ этихъ играхъ или попеременно выходили на средину постоянно по одному только ребенку и затѣмъ опять возвращались въ кругъ, или всѣ оставались въ замкнутомъ кругу, такъ что центръ воспринимался каждымъ, но каждый уже не выступалъ на средину, изображая собою заступающаго мѣсто центра и такимъ образомъ воспринимая его. Но оба эти условія необходимы, если тотъ или другой ребенокъ захочетъ ясно сознать положеніе центра, а также положеніе окружности и свое собственное отношеніе къ нимъ обоимъ. Яснымъ выполненіемъ этого тройкаго требованія праздникъ разрѣшилъ свою задачу наиболѣе совершенно; и такимъ образомъ конецъ возвратился снова къ началу. Вокругъ все еще невидимаго, но многократно уже истинно воспринятаго каждымъ центра образовалось снова нѣсколько параллельныхъ круговъ, которые, снова, какъ и прежде, попеременно вращаясь въ разныя стороны, запѣвали пѣсню:

Пора игрѣ кончатся,
Игравшимъ—отдохнуть!
Лучами благодати
Силетъ весь нашъ путь.
Вы—давшіе намъ это—
Любовь вамъ сердце шлетъ!
„Спасибо вамъ, спасибо!“
Весь хоръ дѣтей поетъ.

Затѣмъ руководитель игры сказалъ нѣсколько заключительныхъ словъ и поблагодарилъ публику изъ различныхъ сословій, прибывшую на праздникъ въ огромномъ числѣ изъ окрестныхъ и изъ дальнихъ мѣстностей, за то, что она почтила игры своимъ живѣйшимъ и неустаннымъ вниманіемъ; многочисленныхъ друзей дѣтей и юношества, которые столь существенно способствовали успѣху праздника; и, наконецъ, самихъ дѣтей и юношество за то, что они чувствовали себя вполне счастливыми и образцово, дѣтски-простодушно вели себя на праздникѣ, и даже самую природу за то, что она подарила для праздника истинно-праздничный лѣтній день. Затѣмъ была пропѣта пѣсня:

Вотъ мы расстаемся;
Ночь видна вдали.
День въ весельѣ шумномъ
Весь мы провели.
Прощайте, всѣ друзья!
Мы здѣсь—одна семья.
Прощайте, всѣ друзья!
Пойте гимнъ хвалебный
Юности друзьяи!
Заплатить любовью
Мы должны всѣмъ вамъ!
Друзья вамъ—пѣснь моя!
Привѣтъ вамъ всѣмъ, друзья!
Мы всѣ—одна семья.
Дѣти, руки—въ руки!
Прочь—печалей грузъ!
Насъ объединяетъ
Дружескій союзъ.
Мы всѣ—одна семья!
Прощайте же, друзья!
Привѣтъ вамъ всѣмъ, друзья!

Тогда раздалось изъ глубины полныхъ благодарности сердець всѣхъ привѣтливое троекратное ура въ честь высокаго герцогскаго семейства, которое соблаговолило подарить дѣтскому и юношескому празднику свое оживляющее и въ высокой степени благосклонное присутствіе съ самаго его начала и

до конца и вообще многосторонне содѣйствовало успѣху праздника.

Затѣмъ веселая толпа дѣтей вышла изъ круга, какъ въ началѣ праздника, длинной вереницей, состоящей изъ колоннъ въ 4 ряда по 4 ребенка въ каждомъ, и пошла въ сопровожденіи густыхъ рядовъ взрослыхъ, отчасти родителей и родственниковъ, не менѣе осчастливленныхъ счастьемъ дѣтей, подъ аккомпаниментъ пѣнія, которое то и дѣло возобновлялось, прежней прекрасной дорогой въ тѣнистый, здоровый, превосходный буковый лѣсъ назадъ, къ герцогскому замку въ Альтенштейнѣ.

Здѣсь толпа выстроилась въ полукругъ и спѣла торжественную пѣснь дѣтей въ дѣтскихъ садахъ:

Храни, Господь, всѣхъ насъ!
Во всемъ дай добрый часъ,
Во всемъ, во всемъ!
Какъ радостно всѣмъ намъ
Здѣсь быть по цѣлымъ днямъ,
Играть, учась,—друзьямъ
Своимъ кружкомъ!
Весельемъ пѣснь полна
Въ сердца всѣмъ плетъ она
Люби привѣтъ.
Союзъ нашъ укрѣпимъ,
Всѣмъ руки подадимъ,—
Кто любить—тотъ любимъ!
Враговъ здѣсь нѣтъ!
Кто насъ повелъ впередъ,
Тотъ сердцемъ насъ пойметъ—
Всегда во всемъ.
Все, что волнуетъ насъ,
Раскроемъ мы сейчасъ,
Въ прекрасномъ—безъ прикра—
Добро найдемъ.
Здѣсь ангелъ насъ хранить,—
Крыломъ онъ осѣнитъ.
Всю глубь сердець!
Даетъ здѣсь счастье намъ
Кругъ благородныхъ дамъ,—
Ихъ всѣхъ—на радость намъ—
Храни, Творецъ!

Эту дѣтскую пѣсню, полную благодарности, удостоили еще разъ своимъ личнымъ присутствіемъ ихъ Высочества герцогъ и герцогиня.

По окончаніи ея вся толпа потянулась къ нѣсколькимъ стариннымъ, колоссальнымъ липамъ и тамъ сдѣлала привалъ. Въ это время одинъ привѣтливый другъ дѣтей, только что за день передъ этимъ прибывшій издалека для того, чтобы совместно провести праздникъ, въ придачу къ гостепріимности мѣста и къ гостепріимству дома сказалъ нѣсколько сердечныхъ словъ, въ которыхъ выражалъ свое сочувствіе, благодарность, а прежде всего выразилъ надежду на сохраненію того хорошаго, что доставилъ этотъ прекрасно проведенный день. Затѣмъ каждое общество послѣ многократнаго взаимнаго, весело повторяемаго „Прощайте!“ и „До свиданья!“ пошло по своей дорогѣ, сопровождаемое кристаллически яснымъ заходомъ солнца, накладывавшаго на горы и лѣса, скалы и деревья свой розовый оттѣнокъ, изъ-за котораго на рѣдкость прекрасный лѣтній день прощался съ высоко осчастливленной толпой людей, а въ глазахъ и на лицахъ дѣтей свѣтилась радость точно такъ же, какъ заходящее солнце окрашивало всю окрестность въ розовый цвѣтъ.

Да, нужно все это пережить и самому принимать во всемъ участіе, чтобы составить себѣ вполне соответствующее дѣйствительности представленіе обо всемъ, начиная съ общаго дѣйствительнаго существованія отчетливой, истинной мысли, съ могущества прекрасной и полной любви идеи и кончая естественно-правдивымъ чувствомъ, простымъ настроеніемъ и безошибочнымъ мышленіемъ толпы. Здѣсь нѣтъ слишкомъ громкаго проявленія радости, но мы видимъ здѣсь свѣтлыя лица, свѣтящіеся взоры, тихое, но крѣпкое рукожатіе отъ удовлетвореннаго сердца и, конечно, при этомъ слово благодарности. Приведемъ для примѣра слова одного простаго ремесленника изъ очень отдаленнаго Веймарскаго края: „Я считаю себя счастливымъ, что мое ремесло привело меня сюда именно сегодня“. Другой: „Слезы текли у меня по щекамъ, когда я видѣлъ дѣтей счастливыми и вспоминалъ о

своихъ дѣтяхъ въ такомъ же возрастѣ, которыя дома теперь лишены всего этого; часто я желалъ сегодня, чтобы они были здѣсь“. Третій: „Это—Божье благословеніе, и слезы наполняютъ глаза, когда видишь, какъ дѣвушки такъ дружелюбно и любовно обходятся съ дѣтьми. Да, любовь, любовь!“ Четвертый: „Я вовсе не изъ Мейнингена, я—гессенецъ, изъ мѣстности Касселя, но все-таки позвольте и мнѣ съ благодарностью пожать Вашу руку. Я хотѣлъ бы, чтобы господа учителя и у насъ завели то же самое“. Но развѣ возможно даже только отмѣтить всѣ проявленія пснаго удовольствія, которыя дѣйствительно приходится считать сотнями! Напр.: „Здѣсь видно, что можно сдѣлать изъ дѣтей, если обходится съ ними любовно“. Невозможно припомнить тихой радости родителей, отцовъ и матерей, а тѣмъ болѣе братьевъ и сестеръ дѣтей, которые сами принимали участіе въ играхъ на праздникѣ. „Божье благословеніе нисходитъ на такой день“ и т. д.

Итакъ, нужно все-таки удивляться, какъ это природа соблаговолила устроить все такъ, чтобы сдѣлать этотъ день неизгладимымъ изъ памяти всѣхъ. Небо—въ высшей степени ясно; воздухъ—теплый и нѣжный; ясный кругозоръ—простиравшійся на три четверти горизонта и открывающій передъ глазами видъ съ плодородными и воздѣланными полями, усѣянный деревнями съ трудолюбивыми крестьянами и замыкающійся вдали голубыми горами; а вблизи—какая здоровая и полная силъ природа съ ея дивными деревьями и рощами, какая облагороженная природа со множествомъ прекрасныхъ дорогъ и луговъ, съ кустарниками и цвѣтами, къ тому же, кромѣ дѣйствительно счастливаго міра дѣтей и юношей, полное живни и радостное участіе образованныхъ и гуманно-настроенныхъ лицъ всѣхъ сословій, когда правитель и народъ сливаются воедино! развѣ такое единеніе не должно пробуждать чувства совершеннѣйшаго единенія жизни? И это дѣйствіе только простаго праздника съ играми для дѣтей и юношества! Каково же должно быть дѣйствіе народнаго праздника, устроеннаго такимъ же образомъ съ помощью тѣхъ же развива-

ющихъ, воспитывающихъ, образывающихъ и преобразывающихъ средствъ?—И какъ легко было бы поднять этотъ дѣтскій и юношескій праздникъ на степень—даже съ внѣшней стороны—всеобщаго народнаго празднества! и это было бы къ тону же вполне согласно съ его внутреннимъ духомъ и съ его воздѣйствиемъ на проявленіе ума, сердца и жизни. Развѣ это не былъ бы праздникъ единенія природы, людей и даже самого Бога,—какъ тотъ земледѣлецъ сказалъ: „Божіе благословеніе нисходитъ на такой день“. Поэтому не должны ли мы употребить всѣ усилія, чтобы по больше вызывать къ жизни и осуществлять подобныя празднества, чтобы, наконецъ, было достигнуто то, къ чему мы всѣмъ сердцемъ стремимся: „в с е с т о р о н н е е е д и н с т в о ж и з н и?“

XX.

Строительныя пѣсни.

Вступительная пѣсня.

Живо.

№ 1.

Р. Крефъ.

Ку - би - ки, ско - рѣ - е къ намъ, при-хо - ди-те къ намъ!

до-микъ вы свой по - кинь - те по - быс - трѣй; къ дѣт-камъ

по - ско - рѣй!

Кубиць.

№ 2.

Р. Коля.

Ку - биць, ку - биць, ку - биць, стой! ку - биць, ку - биць,
Какъ что стро - ить за - хо - тѣлъ, вы - би - рай ма -

ку-биць, стой! всѣхъ у - ви-дѣть васъ мо - гу я, на сто -
те - ри - аль, под - хо - дя - щій, крѣп - кій, проч - ный, боль - ше

лѣ не - редь со бо - ю.
поль-зы дать мо гу - щій.

Каменщикъ.

№ 3.

Р. Колю.

Плос-кость, плас-кость - ю на - крой! Іі стѣ - на пе-

редь то - бой; вдоль по - лей о на пой - деть,

За - щи - тить, что въ нихъ рас-тегъ.

С т ѣ н а.

№ 4.

Р. Колю.

до - стро-илъ намъ е ё ма - лют - ка, маль-чикъ

ум - ный, ста - ра - ні - е сво - ё вложили онъ въ трудъ ра-

зум-ный. Кто за - хо-четъ сдѣ - лать дѣ - ло, при - ла - гай ста-

рань - е смѣ-ло; хо-чешь радость по - лу-чить, знай, какъ трудъ свой

при - мѣ - нить!

С т о й л о.

№ 5.

Вотъ стой - ли - це для нихъ, ко - ро - ву - шекъ мо -

ихъ! ихъ мас - ло, мо - лоч - ко люб - лю я, а

по - то - му ихъ самъ корм - лю я; мнѣ для ко - ро - вы мо -

ей тру - да не жал - ко, ей - ей!

Двухсторонняя скамья.

№ 6.

Р. Коль.

Вотъ—двух-сто-рон-ня я скамь-я; съ ней съ сто-ронъ всё
двухъ

ви - жу я: вонъ—зрѣ - ютъ ни - вы впе - рс - ди, а

вотъ и го - ры по - за - ди. Какъ хо - ро - ша скамь -

Р а т у ш а.

№ 7.

И. Штамменбергеръ.

Трехмѣстная скамья.

№ 8.

Р. Колю.

ва - ни на тро - ихъ; для па - пы съ ма - моч - кой но -
тем - ный дѣсь шу - нить; вся даль, вся ширь кра - сы пол -

ей и для дѣ - тей, для всѣхъ дѣ - тей.
на; о - на вся сра - зу мнѣ вид - на.

Четырехмѣстная скамья.

№ 9.

Р. Бюль.

Что за чуд - на я скамь - я! По - са -

жу кру - гомъ васъ я; мож - но ви - дѣть даль вы -

сотъ, всѣхъ, кто по - по - лю и - деть; мож - но

ви - дѣть и рѣ - ку дав - шей мѣс - то ру - чей -

ку, ви - дѣть у - ли - ны, тро - пу, бѣд - ныхъ

стран - ни - ковъ тол - пу, свой род - ной о - чагъ въ пѣ -

тахъ, въ не - бѣ жаво - рон - ка въ по - ляхъ; ви - дѣть,
какъ и - лѣтъ вес - на, май - ский днѣмъ о -
за - ре - на.

Двѣ скамьи.

№ 10.

I. Штаммленбергеръ.

Въ по - хв - рокъ всей се - мей - къ хѣ - тей—вотъ двѣ ска -
ней - ки. Ус - талъ кто, от - ды - хай - те и си - лы под - крѣ -
пляй - те, вы, си - лы!

Шахта.

Князь бы рассказывая.

№ 11.

Спус - тил - ся въ шах - ту - ру - ло - копъ въ нор - ки тем - ной,
глубь.

слов-яо въ гробъ. Что бу-детъ дѣ-лать бѣд-ный тамъ? Раз- до - бы-
вать бо - гат - ства намъ. Что-жъ тамъ е - му до - быть? Что-жъ
тамъ е - му до - быть? Тамъ ма - лоль мо - жеть быть! Быть
мо-жеть, за ру - до - ю по - шель онъ. За ка - ко - ю? Есть
ру - ды вся - ки - я; од - ни — у - бран-ство въ рос-ко - ши срод-
ни, дру - ги - я же всѣмъ намъ нуж - ны.

Столъ и скамейка.

Миво.

№ 12.

Э. Зейфертъ.

Бу-детъ пусть предъ на ми столъ вмѣс-тѣ со скамь-
я ми; есть на дво-рѣ мѣс-теч-ко нмъ. подъ ли-пы де-рев-
помъ гус-тымъ, цвѣ - ты чьи мѣ - да а ро-мать, въ ве-

чер-нѣмъ воз - ду - хѣ стру - ять.

Лѣстница.

№ 13.

Р. Коль.

Тришъ,трапъ,трапъ, тришъ,трапъ,трапъ! вверхъ по ней в - дѣ,

а по - томъ—на - задъ! Вверхъ и внизъ о - динъ и тотъ

же звукъ за ва - ми вслѣдъ пой-деть.

Школьный домъ.

№ 14.

Р. Коль.

Э - то вид-но школь-ный домъ! сколь-ко дѣ-токъ вид-но въ нёмъ!

Вхо-дятъ дѣ-ки друж-но, пѣть у-чить-ся нуж - но,

ти - хо всё се - бя ве-дутъ; нмъ от - ра-дѣнь школь-ный трудъ;

кто при-выкъ свѣтъ зна-нй чтить, бу-детъ дѣ-токъ тѣхъ лю-бвть.

Пастухъ и стадо.

Тихо.

№ 15.

М. Андина.

Вотъ пастухъ гус-той тра - во - ю ста - до го - нить къ во - до -

Сноръте.

по - ю. При - гай - те, те - лят - ки! при - гай - те, ков - лят - ки!

Тше.

какъ ко - му приш - дось: пря - мо, вкривь и вкось. Стой, те - лё - нокъ,

Сноръте.

стой! стой, ков - лё - нокъ мой! ма - ма васъ зо - ветъ,

мо - лоч - ка да - етъ. Слухъ на то и данъ вамъ, дѣ - ти,

чтобъ по - слуш - нымъ быть яв свѣ - тѣ.

Стрѣльба въ цѣль.

№ 16.

Э. Зейффертъ.

Ми - шень пос - та - вле - на; стрѣль - бой, те - перь мы зай - мѣмъ ло -

сугъ — свой! я радъ и ду - на ю, что правъ, най-
ля та - ку - ю цѣль за - бавъ.

Ц е р к о в ь .

№ 17.

Р. Коль.

Звонъ плы-ветъ вол - на - мя; мо - лят - ся во хра - мѣ...
Дѣт - ки всѣ со - мной въ пой дуть свя - той...
храмъ
Бу - демъ въ у - ми - ленъ - и слу - шать по - у - чень - я,
смыслъ вое - при - ни - мать, къ жиз - ни при - мѣ - пять!

З а б о р ь .

№ 18.

По старинному народному мотиву.

Г. Штаммбергера.

По - дош - ли къ кра - ямъ кра - я, вотъ за - боръ, мо - и хрузъ - я!

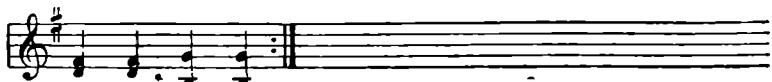

О-кру-жа-етъ онъ нашъ садъ, гдѣ цвѣ-ты льютъ а - ро-мать,

Во второй разъ вск.

гдѣ цвѣ-ты бла-го-у-ха-ютъ и Твор-ца всѣ

вое-хва-ля-ютъ.

Погребъ со сводами.

№ 19.

Р. Крефъ.

Мой по-гребъ крѣп-ко дер-жить сво-ды; хра-

нят-ся въ немъ да-ры при-ро-ды. Что нуж-но долъ-ше со-хра-

нить. но-луч-ше на-до у-ло-жить.

Запертый домъ.

№ 20.

И. Штаммбергъ.

Дре-млетъ весь до-микъ, спитъ мир-нымъ сномъ; ок-на и

две - ри за - кры - ты кру - гомъ. Ка - ждый, кто хо - четъ сво -
ё себе - ре - гать, — дол - женъ о - пас - но - сти
всѣ у - стра - нять.

В о р о т а .

Весело.

№ 21.

Р. Кош.

Пусть вдѣсь вотъ, у во - ротъ ник - то не сте - ре -
жётъ; всѣ, кто лишь за - хо - ти - те, сво - бод - но вы - хо -
ля - те, лю - буй - тесь кра - со - той при - ро - ды вамъ род - ной!

Б а ш н я .

№ 22.

Баш - ню я воз - вёлъ вы - со - ко; видѣ съ не - я кру -
Разсказывая.
гомъ да - лё - ко: вид - ны всѣ лу - га съ ста - да - ми, го - ры съ тём - ны -

ни дѣ - са - ми, пло - до - нос - ныхъ нивъ прос - торъ, бла - гость

Божь - ю ви - дить взоръ.

Дѣдушкино кресло.

№ 23.

Р. Коль.

Приш - лось ста - рань - я при - ло - жить, чтобъ дѣ - лу

крес - ло сма - сте - рить. Въ сво - бод - ный отъ за - ботъ ча -

сокъ пусть въ немъ по - дре - млетъ ста - ри - чокъ! Ра - бо - талъ.

вѣкъ онъ дол - гий свой, по бе - ре - жемъ е -

го по - кой!

Два кресла.

№ 24.

Р. Коль.

Тру - да не - ма - ло по - ло - жилъ, два крес - ла

онъ со о - ру - дилъ, чтобъ, по - ра - бо-тавъ, от - ды-
хатъ мог - ли е - го о - тець и мать.

Д о м и к ъ .

№ 25.

I. Штангенбергъ.

Вотъ— до - микъ не - боль - шой подъ кры - шей те - со-
вой; въ немъ дверь есть и ок - но, и все, какъ быть долж-
но... Вда - ли все зе - ле нѣ - етъ; вонъ пташ-ка въ не-бѣ
рѣ - етъ, ба-рашекъ—вотъ, си - рень цвѣ-тець, пче - ла ле-титъ. ру-
чей жур-читъ. Какъ хо - ро - шо въ по - ляхъ род-ныхъ! Тво-
рець за - бо - тит - ся о нихъ.

З а м о к ъ .

№ 26.

Р. Коль.

Въ ста-рин-ныхъ зам-кахъ жилъ слав-ный на-родъ. Онъ

'храбрь, бла-го-ро-дёнъ былъ изъ ро-давъ родъ. Дру-гі-е

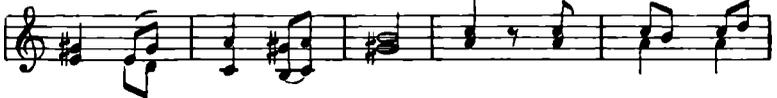
жи-ли; за всѣ ихъ дѣ-ла всю-ду ела-ва ху-

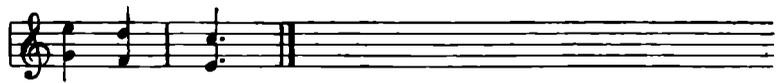
да-я о нихъ пош-ла. Ихъ дѣ-ломъ все-гда былъ гра-

бѣж и раз-бой; ихъ из-гна-ли изъ зам-ковъ до-лой. Пусть

бу-детъ не-прав-да силь-на; всё-жъ все-гда силь-нѣ-е

прав-да зла.

Пастушья хитрина.

№ 27.

Р. Крефъ.

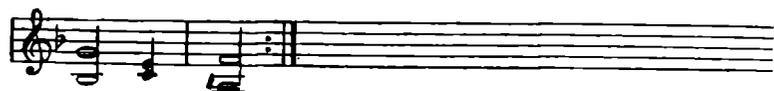
Пас-тухъ зас-нулъ въ у-бо-гой ха-тѣ, о-
Такъ н-те-бя, ди-тя, ле-лѣ-ютъ все-

вещь за из го - родъ за - гналъ, ихъ сте - ре -
гда ро - ди - те ли тво - и, и день, и

жеть и днёмъ и ночью, во сибъ про нихъ не]
ночь - ю о - хра - ня - я; ве по - за - будь о

за - бы - валь.
ихъ люб - ви!

К о р а б л ь.

№ 28.

I. Штангенбергъ.

Ко - рабль ле - титъ, въ вол нахъ мель-ка - етъ; онъ

па-ру-са въ трамъ ввѣ - - - ря - етъ. Тотъ

хо-дитъ всег - да ве - селъ по лу - гамъ, кто весь лю-

бовъ - ю по - лопъ самъ.

Шарманна.

№ 29.

Шар - ман - щикъ по - до - шель в пѣ - сен - ку за -
вѣль. При - ят - но пѣснь зву - чить, впус - тить е - го ве - лить.
Ля, ло лу, ля, ло лу, ля ло лу, ля ло лу, ля ло
лу, ля ло лу, ля ло лу, ля ло лу!

Садикъ.

№ 30.

Са - дикъ, са - дикъ, чуд - ный садъ! Въ нёмъ цвѣ - ты льютъ
Серд - це дѣт - ско - е — цвѣ - токъ! Кто ле - лѣ - ялъ
а - ро - мать и да - рять лю - бовь - ю тѣхъ,
и бе - регъ, кто е - му далъ въ жпз - ни путь,
кто рас - тилъ ихъ, хо - лилъ всѣхъ!
тѣхъ, ма - лют - ка, не за - будь!

С а д и к ъ .

Живо.

№ 31.

Р. Крефъ.

Са - дикъ, са - дикъ, чуд - ный садъ! Въ немъ цвѣ - ты льютъ

а - ромать и да - рять лю - бовь - ю тѣхъ, кто ра - стияхъ ихъ,

хо - лиль всѣхъ. Серд - це дѣт - ско е — цвѣ - токъ;

кто ле - дѣ - яль и бе - рѣгъ, кто е - му далъ въ жив - нв путь,

тѣхъ, ма - лют - ка, не за - будь.

П у ш к а .

Живо.

№ 32.

Р. Крефъ.

Пуш - ка, яд - ра и гра - на - ты! Страш - но! За -

няд - си духъ; стрѣ - ля - ютъ ужъ сол - да - ты, пифъ, пафъ, пуфъ,

пифъ, пафъ, пуфъ! Гро - мокъ звукъ, у - даръ си - лень,

за-ба-вля-етъ дѣ-токъ онъ. Счасть-е тотъ лишь о-щу-ти-тъ,

кто въ ти-ши доб - ро тво-рить.

К р е с т ы .

№ 33.

Всѣ лю-ди зна-ють, я и ты: сто - ять на клад - би-

щахъ крес-ты. Ко - гда кто у - ми - ра-етъ, подъ сѣнь-ю гро-бо-

вой, на вѣ-ки о-брѣ - та - етъ отъ всѣхъ тре-вогъ по-

кой, отъ всѣхъ тре-вогъ по - кой.

Берега ручья.

№ 34.

Во - да вѣру-чей - къ не - ус - тан - но бы-

Со свѣт-лымъ у - момъ хо - чешь въ жизнь ты всту-

стра, отъ в - то - го такъ и свѣт - да и чис - та.
пять, такъ дол-женъ за дѣ-ломъ ра - зум-нымъ ты быть!

Монастырская налитка.

№ 35.

Вотъ—мо-нас-тыр-ска - я ка-лит-ка; за ней—свя - та - я

ти - ши - на; тамъ от-рѣ-ши-вшим - ся отъ мі - ра от-

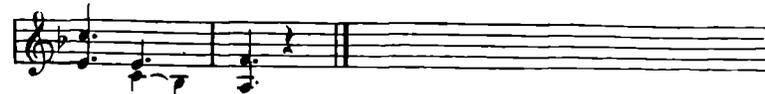
ра - да съ Бо-гомъ быть да - на. О - ставъ тол - пу, по-

кинь всѣ и - гры; на жизнь ве-сель - я не смот-ри, и

съ дѣт-скимъ чув-ствомъ у - ми-ленья Твор - на за все бла-

го - да . рш!

Дворецъ.

№ 36.

Р. Колъ.

Дво - рець—вѣ-мед-кнхъ прин-цевъ домъ; ле - жить ве - личь - я

сѣнь на нѣмъ, сѣнь ве-личь-я на нѣмъ. Въ немъ бла-го-род-ный
принцъ жи-ветъ; онъ для стра-ны сво-ей род-ной по-
добенъ солн-цу кра-со-той. О-тецъ на-рода всѣхъ дѣ-
тей да-рить онъ лас-ко-ю о-чей. Стра-ны ро-ди-мой—
бри-лі-антъ, бри-лі-антъ— онъ весь лю-бовь, онъ
весь та-лантъ; онъ весь лю-бовь, онъ весь та-лантъ; нашъ
доб-рый принцъ въ двор-цѣ жи-ветъ, въ на-ро-дѣ ры-ца-ремъ слы-
ветъ.

Стройныя деревья.

№ 37.

И. Штангенбергъ.

Тамъ пре-крас-ны-я мѣс-та, гдѣ де-ревя

въ ищ-номъ стро-ѣ смо-трать зе - лень - ю вер-шинъ при - но въ не-бо

го-лу-бо - е — да — въ не-бо го - лу - бо - е.

Деревушка

№ 38.

Е. Зейфертъ.

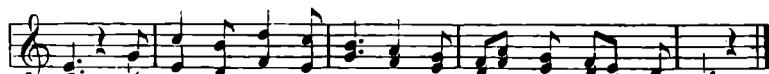
Смо - три - те! Де - ре - вуш - ку хо - чу вамъ по - ка -

вать; скром - на о - на, но всю - ду ца - рить въ ней бла - го -

дать: все хо - ро - е, про - сто - е наш - ло при-ютъ въ ней

свой, вотъ по - че - му стре-млюсь я къ ней всей сво - ей ду - шой.

С о л н ц е .

Тепло.

№ 39.

Блес - ну - ло сол-ныш - ко лу - чомъ п о - жи - ви - ло

все теп-ломъ. Цвѣ - ты про - сну - ли - ся; о - пять пой-

луть ихъ дѣт - ки со - би - рать. При - вѣтъ те - бѣ не -

бесъ свѣ - ти - лу! ты намъ да - ешь и свѣтъ и си - лу; твой

лучъ, — какъ лас - ка ма - те - рей, при - но - ситъ ра - достъ для дѣ - тей.

Сельскій домъ.

№ 40.

И. М. Андрия.

Э - тотъ скром - ный сель - скій домъ всѣхъ вле - четъ къ се -

бѣ кру - гомъ; вый - деть кто, — такъ смот - рить яс - но.

Стро - иль домъ я не на - прас - но: ра - достъ онъ при -

но - ситъ тѣмъ, кто жи - ветъ на поль - зу всѣмъ.

Трудъ ра - зум - ный, не - ус - тан - ный всю - ду бу - деть

гость же - лан - ный!